

ДНЕВНИК
ПОСЛА
ДОДА

9
D-60
✓35
244
БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В. Инженерова Федя

14555
ДНЕВНИК

ПОСЛА

ДОДА

1933 — 1938

Подготовлен к печати
Уильямом Э.Доддом-младшим
и Мартой Додд

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1964

AMBASSADOR DODD's DIARY

1933 — 1938

NEW YORK
HARCOURT BRACE AND COMPANY
1941

⌘

Вступительная статья и комментарии
Д. Е. МЕЛЬНИКОВА и О. М. НАКРОПИНА

Перевод
В. Н. МАЧАВАРИАНИ и В. А. ХИНКИСА

ПОСОЛ УИЛЬЯМ ДОДД И ЕГО «ДНЕВНИК»

В обширной мемуарной литературе, затрагивающей международные отношения в годы, предшествовавшие началу второй мировой войны, «Дневник посла Додда» занимает особое место. Оно определяется в первую очередь разоблачительной силой «Дневника», тем большей, что он вышел из-под пера человека, представлявшего в гитлеровской Германии крупнейшую империалистическую державу — Соединенные Штаты Америки. Нарисованная Доддом яркая, хотя и не совсем полная, картина положения в гитлеровском «рейхе», содержащаяся в «Дневнике» характеристика важных сторон политики как германского, так и английского, французского, американского империализма, портреты нацистских «фюреров» и деятелей гитлеровского режима, а также буржуазных политиков и дипломатов Запада, их многочисленные высказывания, делавшиеся и в официальной обстановке, и в частных беседах, фактические данные, суждения самого автора, подробности его миссии и ее конечный провал — все это представляет несомненный интерес не только для специалистов-историков и международников, но и для широкой общественности. Книга способствует пониманию ленинских слов, сохранивших в наши дни всю свою огромную актуальность, о необходимости «объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается...» *

* В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 409.

Так делаются войны — вот основной смысл рассказа, который изо дня в день ведет Додд на протяжении примерно пяти лет. Буквально с каждой новой страницей перед нами все больше обнажается лицемерие империалистической политики и дипломатии.

Когда Додд пишет о взаимоотношениях между буржуазными государствами, о встречах и переговорах их политических и иных представителей, о повседневной, рутинной службе дипломатов, мы на каждом шагу сталкиваемся с фактами, подтверждающими, что для господствующих классов каждого из этих государств руководящим и направляющим принципом в отношениях с другими государствами неизменно служит афоризм прусского короля Фридриха II: «Раз должно произойти надувательство, то лучше уж надувать будем мы». Германия надувает своих кредиторов; взаимно надувают друг друга Гитлер и Муссолини; Англия сговаривается с Соединенными Штатами, чтобы обмануть Францию на переговорах по разоружению, и объединяется с Францией, чтобы обойти США в вопросе о германских долгах; Япония стремится ввести в заблуждение другие державы в отношении своей дальневосточной политики; сильные государства постоянно обманывают тех, кто слабее, а слабые всячески стараются перехитрить сильных. Все предают всех и каждый каждого. И при этом всеобщем и многостороннем надувательстве у дипломатии любой из империалистических держав нет более важной, более насущной и «почетной» задачи, чем в одиночку и вместе с другими обманывать народы, прикрывая звонкими фразами о «достоинстве наций», «мире», «разоружении» неистовую гонку вооружений, круговую поруку мировой реакции, междоусобные распри и сотрудничество монополий, ведущих подготовку к самой разрушительной и преступной из всех войн, известных истории. Такова картина, убедительно и нередко помимо своей воли рисуемая Доддом.

Гитлер и Геббельс развернули под лозунгом мира самую отвратительную демагогическую кампанию. Слово «мир» не сходит с уст гитлеровского министра иностранных дел Нейрата, превратившего дипломатический аппарат Германии в орудие вероломства, шантажа, систематического попрания международных договоров и подготовки агрессии. О мире постоянно говорит на-

цистский «финансовый гений» Шахт, организовавший перевод германской экономики на военные рельсы и финансирование создаваемой военной машины фашизма. О мире рассуждают политические деятели держав, имеющих себя «великими западными демократиями».

За этой дымовой завесой империалисты разных стран вкладывают оружие в руки германских милитаристов, дают деньги на формирование и вооружение миллионной захватнической армии, оставляют безнаказанными вопиющие нарушения международного права, поощряя фашизм на кровавые преступления. «Дневник» Додда приобретает значение документа, изобличающего не только нацизм, но и его империалистических покровителей в Германии и за ее пределами. Западные дипломаты превосходно знают, о чем идет речь. «Гитлер, если бы мог, тотчас развязал бы войну», — заявил Додду в откровенной беседе с глазу на глаз 3 августа 1934 г. его английский коллега сэр Эрик Фиппс. А затем Фиппс «притворился изумленным», услышав от американского посла, что английские промышленники условились о продаже Германии за наличный расчет огромного количества военных материалов. Посол Франции, «этот приятный, солидный человек», говорит, что «Германия угрожает миру в Европе», что «немцы вновь играют с огнем, как в 1914 году». И тот же самый посол, рассказывает Додд, «часть своего состояния приобрел путем огромных поставок оружия в первые годы гитлеровского режима».

На основе фактов, с которыми Додд сталкивается каждый день, он делает вывод: «Военные промышленники во всем мире являются главной причиной напряженности в Европе». Представитель американских банкиров полковник Дидс объявляет Додду, что «он целиком за всеобщее разоружение». «Вместе с тем, — продолжает автор «Дневника», — я узнал от него, что его компания имеет обширные деловые связи со знаменитой фирмой Круппа в Эссене». Другой подобный же делец, представляющий одну из наиболее значительных нефтяных компаний США, провозглашает себя «убежденным республиканцем». Это, однако, не мешает ему в разговоре с Доддом превозносить итальянского фашистского диктатора Муссолини и доказывать, что «Соединенные Штаты должны вооружить всю Европу». «Я знаю, — замечает по этому поводу Додд, — что подобной точки

зрения придерживаются многие видные промышленники во всех странах: Дюпоны в Соединенных Штатах, Крупны и Тиссен в Германии, члены концерна «Армстронг-Виккерс» в Англии и фирма «Шнейдер-Крезю» во Франции.

Страницы, посвященные деятельности международных монополий, и в частности их махинациям в связи с германским долгом, возникшим главным образом в период «дауэсизации» Германии*, могут служить прекрасной иллюстрацией к словам В. И. Ленина: «Вооружения считаются национальным делом, патриотическим делом; предполагается, что все строго оберегают тайну. А судостроительные и пушечные, динамитные и ружейные фабрики и заводы представляют из себя *международные предприятия*, в которых капиталисты разных стран дружно надувают и обдирают, как липку, «публику» разных стран...»** Английский экономист Н. Мюлен еще в 1939 г. подсчитал, что иностранные, прежде всего американские, кредиторы потеряли на займах, предоставленных Германии, 7,3 млрд. марок. Таков, по самому осторожному, далеко не полному подсчету, результат финансовых манипуляций Шахта, добившегося обесценения вдвое, втрое, впятеро, а в иных случаях даже в десять и двадцать раз германских облигаций, находившихся в руках американских заимодавцев. Но потери несли не крупные банки, предоставившие займы, а «публика», т. е. рядовые держатели облигаций, которым эти банки продали их в период действия планов Дауэса и Юнга, возместив таким образом для себя сумму, переданную немцам, и которых совместно обирали капиталисты США и Германии. То же самое, хотя в несколько меньших размерах, происходило и в других странах-кредиторах.

Для ведущих финансовых и промышленных корпораций США, Англии, Франции речь шла не о потерях, а о прибылях. Операции по займам и поставки оружия давали баснословный барыш. Додд с возмущением пишет о том, как американские банкиры и промышленники, несмотря на отказ Германии расплатиться по прежним

обязательствам, не только продают нацистам перво-классное вооружение, но и вкладывают в германскую военную промышленность все новые средства, предавая собственные народы. «С Гитлером можно вести дела», — заявили Додду представители американских банков «Чейз Нэшнл бэнк» и «Нэшнл Сити бэнк» Уинтроп Олдрич и Генри Манн после интимной беседы с фюрером, во время которой они услышали от него о планах форсированного вооружения Германии и захвата Австрии и со своей стороны выразили готовность предоставить нацистам новые кредиты.

Только в результате этой помощи, свидетельствует Додд, нацистская Германия смогла «набрать силы» и вооружиться. В его «Дневнике» мы читаем: «...Различные военные промышленники (Соединенных Штатов. — Д. М. и О. Н.) продали Германии большое количество оружия, за которое было уплачено золотом... Англичане тоже не лучше. Они сами нарушили Версальский договор, продавая Германии самолеты и другую военную технику».

Едва ли есть необходимость специально доказывать, насколько поучительны факты, сообщаемые Доддом, в дни, когда при прямом пособничестве империалистических держав германский милитаризм вновь поднял голову в Федеративной Республике Германии и открыто провозглашает старую программу захватов, когда в его руки опять вкладывают оружие — на этот раз современное оружие массового уничтожения — и мировая реакция снова рассматривает его как свою главную ударную силу на европейском континенте. Указывая на большое значение, которое имела поддержка, оказанная реакционными кругами США, Англии и Франции нацистским правителям Германии в деле осуществления их агрессивных замыслов, Додд задает вопрос: «Способны ли правительства и всемогущие корпорации действовать в интересах народов?»

История дала ответ: империалисты были и остаются врагами мира, они взрастили семена двух мировых войн, стоивших народам неслыханных жертв. Будь на то их воля, они уже ввергли бы человечество в пучину новой мировой катастрофы.

* См. примеч. 4 к главе I (стр. 550) и примеч. 1 к главе IV (стр. 559).

** В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 83—84.

«Старика забывают» — «Old men forget» — так озаглавил видный государственный деятель Англии Дафф Купер, занимавший в предвоенные и военные годы важные министерские посты, свои мемуары, в значительной части посвященные тому же времени, о котором пишет Додд. В этом немного ироническом заглавии отражена программа (отметим, что сам Дафф Купер ее не придерживается), которой руководствуется подавляющее большинство буржуазных политиков, дипломатов, публицистов, принимаясь писать воспоминания о периоде между двумя мировыми войнами.

Слишком много материала, компрометирующего правящие круги империалистических держав, оставил этот период. Многие хотелось бы забыть, больше того — вычеркнуть из памяти человечества. Не оказать помощь при установлении исторической правды, а, наоборот, исказить действительность, оправдать политику, приведшую к мировому пожару 1939—1945 гг., и изобразить в максимально выгодном свете собственную, подчас довольно неприглядную роль — такова цель многочисленных авторов, и ей подчинено содержание их книг.

Ничего подобного нельзя сказать о книге Додда. Это объясняется не только тем, что перед нами не мемуары в обычном смысле слова, которые пишутся когда-то после изображаемых событий, а записи в дневнике, сделанные по их горячим следам, хотя и подвергшиеся впоследствии при подготовке к печати некоторому редактированию. Дело прежде всего во взглядах и позиции самого Уильяма Эдварда Додда, «Дневник» которого был издан в 1941 г., год спустя после смерти автора, его дочерью Мартой и сыном Уильямом. Возможно, что сам Додд, садясь вечерами к письменному столу, чтобы сделать заметки о случившемся за день, даже не имел в виду публиковать свои записи.

Автор «Дневника» не принадлежит к числу профессиональных дипломатов. Он и не один из тех политических деятелей или бизнесменов, которые, как это часто бывает в Америке, получают дипломатические назначения в награду за услуги, иногда весьма темного свойства, оказанные партии, одержавшей победу на очеред-

ных выборах. «Чем больше я присматриваюсь к политике государственного департамента, — пишет Додд о системе подбора кадров, широко практикуемой в США, — тем яснее мне становится, что клика родственников, связанных кровными узами с некоторыми богатыми семьями, использует дипломатические должности для своих людей, из которых многие только что окончили Гарвардский университет и не имеют даже элементарных знаний. Главная их черта — снобизм и стремление к личному благополучию». Об иных, пожалуй, нельзя даже сказать, что они «только что окончили Гарвардский университет». Уже в наши дни американский сенатор Губерт Хэмфри рассказал на страницах журнала «Форин афферс» о том, как послом в одно из крупных государств был назначен «политик», который, как выяснилось в дальнейшем, не знал даже, кто является премьер-министром этого государства.

Лишь на склоне лет Додд получил назначение на дипломатический пост, один из самых важных для внешней политики Соединенных Штатов Америки. Президент Рузвельт, предлагая ему ехать послом в Берлин, подчеркнул: «Я хочу, чтобы немцы видели перед собой пример американского либерала». Имея в виду, что со стороны «некоторых богатых семейств» кандидатуре Додда будет оказано сопротивление и они нажмут на все кнопки, протаскивая на этот важнейший пост своего верного человека, — одного из тех, кто считает задачей США «вооружить всю Европу», — основоположник «нового курса» постарался провести назначение, включая все формальности, молниеносно: самому Додду было дано на размышление два часа.

Додд действительно может считаться образцом либерально мыслящего представителя американской буржуазии, пацифиста, человека, питающего отвращение ко всему, что он рассматривает как несправедливость и насилие, и глубоко верящего в целительную силу парламентаризма, всеобщего избирательного права, свободы печати и прочих основ и устоев буржуазной демократии. Он родился в 1869 г. в штате Северная Каролина, в «истинно американской» семье, ведущей свое происхождение от колонистов, прибывших в Новый свет еще в XVII в. Окончив Виргинский политехнический институт, он завершил образование в Германии, в Лейпцигском

университете, где в 1900 г. получил докторскую степень. К 1933 г. — времени назначения послом в Берлин — У. Э. Додд пользовался известностью, как крупный историк, профессор Чикагского университета и автор ряда трудов, преимущественно о раннем периоде истории южных штатов. В своих работах («Государственные деятели Старого Юга», «Царство хлопка», «Старый Юг» и др.) Додд выступил непримиримым противником расовой сегрегации, человеком широких (разумеется, в буржуазном смысле) демократических убеждений, разделяющим идеалы одного из наиболее передовых вождей американской войны за независимость последней четверти XVIII в. Томаса Джефферсона. Помимо этого, Додд посвятил солидное исследование деятельности Вудро Вильсона, преклоняясь перед «миротворческой» программой («Четырнадцать пунктов») этого президента США, слывшего инициатором образования Лиги наций. Додд был также одним из издателей официальной переписки Вильсона. Он состоял членом Американского совета по исследованиям в области социальных наук, избирался председателем Ассоциации историков США. До 8 июня 1933 г., когда в его кабинете раздался телефонный звонок Рузвельта, его путь был типичным путем талантливого американского буржуазного ученого либеральных воззрений.

Признавая бесспорные заслуги Додда перед исторической наукой и в целом прогрессивный характер его общественной деятельности, мы не можем не отметить наивность многих его суждений, обусловленную буржуазным мировоззрением, во власти которого он целиком находился. Додд не был в состоянии ни разглядеть империалистическую, хищническую сущность программы послевоенного устройства мира, предложенной Вудро Вильсоном на Версальской конференции от имени и в интересах влиятельных группировок американского монополистического капитала, ни правильно оценить многие другие исторические события, ни вообще по-настоящему понять движущие силы истории. Он, например, справедливо отмечая, что революция 1848 г. в Германии не смогла «создать демократическую парламентскую систему», в то же время объясняет дальнейший рост прусско-германского милитаризма нежеланием Бисмарка «отучить своих пруссаков от военной жестокости»,

«отказаться от аннексии Эльзаса—Лотарингии» в 1871 г. и даже такими «факторами», как... ранняя смерть кайзера Фридриха III, который, по мнению Додда, «мог бы принести пользу Германии». Он несколько обиженно недоумевает, почему английский посол Фиппс и французский посол Франсуа-Понсе — дипломаты-профессионалы, прошедшие огонь и воду и отнюдь не подверженные подобному идеализму, дружно и долго смеются и ничего не говорят в ответ на его убежденное заявление: «Если бы люди знали историческую правду, большой войны никогда больше не было бы».

Но нет сомнения и в другом: большие познания, главным образом в области истории, широта взглядов, последовательность мышления, вдумчивое отношение к действительности дают Додду возможность сделать выводы, намного возвышающие его над средним уровнем дипломатического представителя империалистической великой державы. Безусловный приверженец и защитник капиталистической системы, он вместе с тем готов признать определенные несовершенства порядков, порождающих, с одной стороны, гитлеров, муссолини и франко, а с другой — «политику умиротворения» и послабление агрессору. Его патриотизм проявляется отнюдь не в возвеличивании «американского образа жизни». Напротив, Додд считает, что далеко не все в порядке в «собственной стране господ бога», выражая, в частности, сомнение в существовании в США подлинной свободы печати и слова и до глубины души возмущаясь бесправным положением негров. Лица, близко знавшие Додда, вспоминают, что одним из его любимых изречений было: «Мы еще никогда по-настоящему не испробовали демократию».

Образ автора, возникающий при чтении «Дневника», глубоко располагает к себе. Ненависть к фашизму, войне, искренность и настойчивость, с которыми Додд пытается вести борьбу против дипломатических интриг, закулисных сделок, финансовых комбинаций и иных видов пособничества нацизму, убежденность в том, что долг дипломата — «способствовать упрочению мира и улучшению международных отношений», безукоризненная личная порядочность делают его белой вороной в среде прожженных политических дельцов, окружающих его как в Берлине, так и в Вашингтоне. Порой Додд

становится жертвой своей наивности и недостаточной
искушенности в политической игре; например, долгое
время его водят за нос Шахт, Нейрат, статс-секретарь
германского министерства иностранных дел Бюлов, пред-
шественник Шахта на посту министра экономики Шмитт,
выдающие себя в беседах с ним за «скрытых противни-
ков» Гитлера. Однако, всегда оставаясь верным своим
убеждениям, Додд не впадает при этом в бесплодное
донкихотство. О политическом реализме автора «Днев-
ника» свидетельствуют заключительные слова книги:
«...В результате изобретений, промышленной революции
и экономических связей человечество достигло такого
положения, когда международное сотрудничество и мир
стали наиболее важным условием процветания народов
во всех частях света». Додд во многом является едино-
мышленником таких деятелей рузвельтовской поры, как
Гарри Гопкинс, а также некоторые более молодые пред-
ставители того же времени, выступившие после второй
мировой войны против поворота американской полити-
ки в сторону реакции, «холодной войны» и нового воз-
рождения германского милитаризма, как, например,
Джеймс Мартин или Джордж Уилер, известные совет-
скому читателю по книгам, разоблачающим роль правя-
щих кругов США в сохранении у власти в Западной
Германии старых монополистических и милитаристских
сил.

Надо отметить, что следующее поколение семьи
Додда пошло по пути своего отца дальше, чем он сам,
человек, целиком еще принадлежавший старому миру.
Дочь Уильяма Э. Додда, Марта Додд, — прогрессивная
писательница, произведения которой изданы и в рус-
ском переводе, — не удовлетворялась наблюдениями
«из окна посольства» (так называется одна из ее книг)
над тем, как «золотой старый мир» терпит банкротство и
рушатся все устои буржуазной добропорядочности. Она
сделала выбор в пользу нового мира и нового времени.

* * *

Додд прибыл в Германию, когда начинался самый
мрачный период в истории этой страны — период на-
цистского режима. Поставив у власти Гитлера и его
клику, германский монополистический капитал их ру-

ками устанавливал свою открытую террористическую
диктатуру. Первым и важнейшим этапом на этом пути
было удушение организаций рабочего класса, и прежде
всего расправа с Коммунистической партией Германии,
шедшей в авангарде борьбы немецких трудящихся за
свои экономические, социальные и политические права.

Гитлер пришел к власти в обстановке сильного обо-
стрения классовых противоречий в Германии, достигших
невиданного напряжения в период экономического кри-
зиса 1929—1933 гг. За годы этого глубочайшего кризиса,
легшего всей своей тяжестью на плечи трудящихся клас-
сов, национальный доход Германии снизился на 40,5%.
Общее число занятых сократилось почти на одну треть,
количество безработных достигло в 1932 г. 8 млн. В раз-
вернувшейся классовой борьбе коммунистическая пар-
тия, располагавшая славными традициями социальных
боев 1918—1923 гг., добилась немалых успехов, о чем
свидетельствуют итоги последних перед захватом власти
нацистами выборов в рейхстаг 6 ноября 1932 г.: за ком-
партию было подано 6 млн. голосов. Но в результате
измены правых лидеров социал-демократии делу рабо-
чего класса, отвергших призывы коммунистов к уста-
новлению единства действий, а также левацкой, сектант-
ской позиции определенной части коммунистических
руководителей, силы трудящихся оказались раздроблен-
ными перед лицом наступления фашизма. Гитлеровцы
использовали тяжелое экономическое положение страны
для разнузданной социальной и расистской демагогии,
причем массовая безработица и обнищание трудящихся
позволяли им сравнительно легко находить сторонников
не только в слоях мелкой буржуазии, которую кризис
чем дальше, тем больше толкал к разорению и проле-
таризации, но и среди рабочих. Тем не менее нацисты
потеряли 6 ноября 1932 г. 2 млн. голосов.

Напуганная революционным возбуждением рабочих,
германская монополистическая буржуазия отбросила
последние колебания и решила воспользоваться услу-
гами гитлеровской партии для полной ликвидации бур-
жуазно-демократических свобод и расправы со всеми
революционными элементами. 30 января 1933 г. в ре-
зультате сделки, заключенной между рейхсканцлером
фон Папенем и Гитлером и санкционированной прези-
дентом Германской республики фельдмаршалом Гинден-

бургом, рейхсканцлером стал нацистский «фюрер». Месяц спустя, 27 февраля, пламя рейхстага, подожженного нацистскими провокаторами, с тем чтобы взвалить вину на коммунистов, а себя изобразить в качестве «спасителей нации», озарило первые страшные события двенадцатилетней ночи, спустившейся над немецким народом, распространившейся в годы второй мировой войны на всю Европу и завершившейся капитуляцией 9 мая 1945 г. в Карлсхорсте и приговором Нюрнбергского трибунала.

Первые месяцы пребывания Додда в Берлине были временем, когда захватившие власть гитлеровцы, управляясь с коммунистами, а вслед за ними и с социал-демократами и своими бывшими соперниками из буржуазного лагеря, стремились при помощи террора, лживой пропаганды и политических интриг укрепить свои позиции. Этот процесс закончился расправой Гитлера с недовольными элементами внутри собственной клики, группировавшимися вокруг «вождя» штурмовых отрядов Рема, «варфоломеевской ночью» 30 июня 1934 г.* Уделяя сравнительно много внимания событиям 30 июня, а также недовольству нацистским режимом в кругах германской интеллигенции, Додд прямо почти ничего не говорит о никогда не утихавшей в Германии действительной антифашистской борьбе, в первых рядах которой мужественно шли коммунисты. Да и трудно было бы ожидать от посла Соединенных Штатов Америки должной оценки этой борьбы.

Больше того, Додд глубоко заблуждается по поводу политического лица и истинной позиции ряда политических деятелей, чиновников и дипломатов нацистской Германии, сплошь и рядом принимая за чистую монету их лицемерные слова о «несогласии с Гитлером». Он наивно жалеет не только, например, Шахта и некоторых руководителей министерства иностранных дел, оставленных на своих постах не в последнюю очередь именно потому, что они за страх и за совесть служили гитлеровцам, но и таких представителей прусской военщины и реакционного юнкерства, как принц Луи Фердинанд Гогенцоллерн, не хуже, чем рыба в воде, чувствовавших себя в нацистской «третьей империи». Хотя Додд в своем

* См. примеч. 23 к главе II (стр. 555).

«Дневнике» неоднократно останавливается на поджоге рейхстага гитлеровцами и называет истинных виновников этой провокации, он в то же время фактически обходит молчанием Лейпцигский процесс по делу о поджоге, превращенный Георгием Димитровым в суд над силами фашизма. Конечно, симпатии Додда не на стороне устроителей судилища в Лейпциге. Даже четыре года спустя, в 1937 г., он, разговаривая с Герингом, видит в нем человека, который «снижал себе славу, или, вернее, позор, поджогом здания рейхстага». Однако рядом с этим преступлением, задуманным как поистине всемирная антикоммунистическая провокация, Додд ставит резню, учиненную Гитлером 30 июня 1934 г. над Ремом и его приверженцами. Это, разумеется, несопоставимые вещи. Додд не идет дальше возмущения кровавой практикой нацистов, в том числе и их намерением из-за угла убить Димитрова, которому суд был вынужден вынести оправдательный приговор. Он не способен увидеть политический смысл Лейпцигского процесса и многих других событий внутренней жизни Германии.

Тем показательней, однако, некоторые сообщаемые Доддом факты. Рассказывая, например, о комедии выборов в рейхстаг 29 марта 1936 г., понадобившейся Гитлеру для демонстрации «одобрения» его политики германским народом, и называя эти выборы «насильственными», автор «Дневника» отмечает, что «в прежних коммунистических районах Берлина (то есть рабочих районах, где в прошлом компартия систематически собирала на выборах большинство голосов. — Д. М. и О. Н.) 25 процентов избирателей голосовали против». «Этот режим в Германии просто ужасен!» — приводит Додд слова немки, сын которой живет в Соединенных Штатах и которая просит американского посла о помощи.

Додд образно характеризует атмосферу нацистского рейха: «Животные — единственные счастливые существа, которых я встречаю здесь... В то время, когда людей сотнями убивают без суда или без всяких доказательств виновности, когда население буквально трепещет от страха, животные пользуются неприкосновенными правами, о которых люди не могут и мечтать. Да, тут уж поневоле захочешь стать лошадью!»

Знакомство с «Дневником» в известной мере облегчает понимание того, каким образом нацистские гла-

вари, «невежественные и тупые фанатики», как характеризует их Додд, преступники без чести и совести, готовые «прибегнуть к самым бесчеловечным методам», заставили немцев терпеть свой произвол и многих из них превратили в безгласных рабов крупных капиталистов, а затем в послушное орудие политики разбоя, в винтики нацистской военной машины, насаждавшей варварский «новый порядок» в оккупированных странах Европы. Наряду с террором, концлагерями, системой доносов, нацистской «унификацией» всей государственной, политической, общественной, профсоюзной, культурной жизни, подчинением народного образования нуждам подготовки солдат для полей сражений, «сверхчеловеков» для управления аппаратом насилия и эсэсовских садистов для истребления народов, наряду с мобилизацией всех средств принуждения, имеющихся в распоряжении империалистического государства, большую роль в этом сыграла хитроумная пропаганда, иногда использовавшая, как отмечает Додд, «социалистическую терминологию». В этой пропаганде, воровавшей лозунги и терминологию где угодно и у кого угодно, все было ложью, подчиненной единственной цели — насаждению звериного шовинизма, ненависти к другим народам и культа войны, грабежа и захватов. Автор «Дневника» указывает, в частности, и на такую сторону нацизма, как его антисемитизм, с проявлениями которого послу Соединенных Штатов нередко приходилось сталкиваться ввиду различного рода инцидентов с евреями — родственниками лиц, подчас весьма состоятельных, проживавших в Америке. Надо помнить, что для гитлеровцев, как в свое время для российских черносотенцев Пуришкевича, антисемитизм был в первую очередь средством отвлечь внимание отсталой части трудящихся от действительного классового врага. Кроме того, погромы и конфискация собственности, принадлежавшей «неарийцам», служили для больших и маленьких «фюреров» поводом для грабежа с целью личного обогащения. Отвращение Додда к антисемитизму — это естественное чувство культурного человека.

Лишение трудящихся всех политических прав, расправа с прогрессивными или просто инакомыслящими людьми и организациями, подозреваемыми в оппозиционных настроениях, происходили одновременно с всесто-

ронней милитаризацией, развертыванием военной промышленности и созданием огромной армии, предназначенной для агрессии. Додд отлично понимает, что статс-секретарь министерства иностранных дел Бюлов (которому он симпатизирует) лжет ему в лицо, говоря в августе 1933 г.: «...Не думайте, что вся эта муштра по улицам носит исключительно воинственный характер. Нет, она вызвана потребностью дисциплинировать наших безработных!» Гитлеровцы «ликвидировали» безработицу, наполнив казармы солдатами и пустив во весь ход военные заводы. Додд сообщает факты: уже летом 1934 г. Германия располагала полутора миллионами обученных солдат и огромным арсеналом стрелкового оружия, большим числом военных самолетов, прекрасно оснащенных аэродромами. Для него отнюдь не явилось неожиданностью введение в марте 1935 г. всеобщей воинской повинности с целью — как было официально объявлено — «реорганизации рейхсвера в постоянную армию численностью от четырехсот до пятисот тысяч человек». «...Ведь такая реорганизация, — замечает он, — осуществляется уже по меньшей мере целый год».

Чтение «Дневника» позволяет довольно четко увидеть грань, на которой совершился переход нацистской Германии от демагогических требований «равенства в вооружениях» с другими державами и одновременного тайного фактического вооружения, пока еще отрицаемого на словах ее правителями, к прямому нарушению Версальского договора и открытому созданию большого вермахта. Этой гранью как раз и явилось введение воинской повинности в марте 1935 г. Теперь милитаризация приняла совершенно явный характер, всякая маскировка была отброшена. Внешняя политика нацизма удвоила усилия, направленные к тому, чтобы изобразить Германию в глазах западных держав как «оплот против коммунизма», и одновременно перешла от требований «исправления допущенной в Версале несправедливости» к неприкрытому выдвижению аннексионистской программы и деятельной подготовке территориальных захватов.

На первых порах гитлеровская дипломатия, орудуя рука об руку с разветвленной шпионско-диверсионной службой, сосредоточивала свои усилия на срыве всяких сколько-нибудь эффективных мер по обеспечению евро-

пейской безопасности, на поддержке пронацистских элементов в других странах и устранении политических деятелей, по тем или иным причинам мешавших осуществлению планов нацизма (саботаж заключения предлаженного Советским Союзом и Францией пакта коллективной безопасности восточноевропейских стран; убийство 9 октября 1934 г. французского министра иностранных дел Барту, выступавшего за сотрудничество с Советским Союзом в оказании отпора нацистской агрессии; убийство 25 июля того же года австрийского канцлера Дольфуса, предпочитавшего ориентироваться не на гитлеровскую Германию, а на фашистскую Италию и т. д.). Начиная примерно с того времени, когда Германия объявила о непризнании военных ограничений Версальского договора и ввела воинскую повинность, ее дипломатия вплотную принимается за сколачивание блока агрессивных фашистских держав, окончательно оформленного германо-итальянским соглашением от 25 октября 1936 г. («ось Берлин—Рим») и германо-японским «Антикоминтерновским пактом», который был подписан месяц спустя и к которому в ноябре следующего года официально присоединилась Италия. «Соединились три государства», — объявил Гитлер 9 ноября 1937 г. — Сначала европейская ось, теперь — великий мировой треугольник... Последний состоит не из трех слабых призраков, а из держав, готовых и полных решимости осуществить свои права и обеспечить свои жизненные интересы».

Одновременно нацисты все больше становятся на путь непосредственного «осуществления своих прав», то есть агрессивных действий, международных провокаций, продолжая в первую очередь ломать Версальскую систему и развязывая вторую мировую войну. Еще в январе 1935 г. Гитлер, добившись проведения плебисцита в Саарской области, которая была поставлена под контроль Лиги наций, и соответственным образом подготовив этот плебисцит, присоединил область к Германии. 7 марта 1936 г. германские войска были введены в демилитаризованную Рейнскую зону, тем самым нарушив Локарнские соглашения 1925 г., условия которых не допускали вооружения западных границ Германии. Летом того же года Германия вместе с Италией начала вооруженную интервенцию на Пиренейском полуострове,

поддерживая развязанный 17 июля франкистский мятеж. Усилились происки нацистов и подрывная деятельность гитлеровской разведки в малых европейских странах — на Балканах, в Чехословакии, Австрии, Польше.

«Обстановка в Европе действует крайне удручающе на демократическую общественность», — записывает Додд 29 августа 1936 г. Он пишет о «неограниченной власти», которую Гитлер осуществляет над 68 млн. немцев, а Муссолини — над 42 млн. жителей Италии, о фашистских режимах, уже установленных в Польше, Австрии, Венгрии и Румынии, об обещании Муссолини помочь в деле свержения демократического правительства в Испании «тому генералу, кто бы он ни был, который 17 июля начал поход за установление диктатуры», то есть генералу Франко. Франция полностью отошла от политики Барту, ее правительство перепродает нацистам приобретенные в США стратегические материалы. В Англии «у власти тупые консерваторы». «В Соединенных Штатах капиталисты толкают страну в сторону фашизма, их поддерживают капиталисты в Англии». Рисуя эту мрачную картину, Додд нигде не сгущает краски, она вполне отвечает действительности. Нацизм наступает на широком фронте, и в германском генеральном штабе усиленно разрабатывают оперативные планы вторжения в различные европейские страны, планы покорения всего мира.

Автор «Дневника» доводит свои записи о событиях до последних дней 1937 г. Следующие месяцы принесли насильственное присоединение Австрии, захват Судетской области, аннексию Чехословакии. Форсированным маршем гитлеровская Германия шла к мировой войне.

* *
*

В истории буржуазной дипломатии 30-е годы навсегда останутся пятном позора. Побуждаемые могущественными промышленными и финансовыми корпорациями, представители монополий на правительственных постах и в дипломатическом аппарате буржуазно-демократических стран не только всемерно способствовали вооружению нацистской Германии, но и расчистили

перед ней путь к агрессии. Додд с самого начала наблюдал, как складывалась и оформлялась политика «умиротворения» агрессора, увенчавшаяся уже после его отставки мюнхенским сговором. Но он не остался безмолвным наблюдателем, а разоблачил в своей книге эту политику, зловещий смысл и опасность которой прекрасно понимал. Многие страницы «Дневника» воспринимаются в годы после второй мировой войны как прямое предупреждение в адрес тех, кто в новых условиях стремится продолжать старый курс на возрождение германского милитаризма.

В тот самый день, когда был решен вопрос о назначении профессора Додда послом в Берлин, — 8 июня 1933 г. — в Париже состоялось конфиденциальное совещание между представителями США, Англии и Франции на переговорах по разоружению, происходивших в тот период в Женеве. От имени Соединенных Штатов выступал Норман Дэвис, от Англии — Иден и Лондондерри, от Франции — Даладье и Бонкур. Они договорились о закулисной сделке, смысл которой состоял в предоставлении Германии свободы вооружения.

Тогда Додд многого еще не знал. Но чем дольше он оставался на своем посту в Берлине, тем больше фактов становилось ему известно. Он отзывался о Франции как о стране, «которая больше всего способствовала тому, чтобы Германия пошла по пути вооружения». Он приводит данные, проливающие свет на интриги так называемой клайвденской группы реакционных политиков Англии, в значительной мере подчинившей своему влиянию английское правительство и выступавшей за оказание всемерной помощи нацистской Германии. Мы находим в «Дневнике» подробности о закулисной стороне таких этапов «умиротворения», как соглашение в Стрезе в апреле 1935 г., которым европейские великие державы развязали фашистской Италии руки для агрессии против Эфиопии и дали понять Гитлеру, что они не намерены принимать никаких действенных мер к пресечению нарушений Версальского договора. Додд пишет об обстоятельствах, сопутствовавших заключению англо-германского морского соглашения от 18 июня того же года, по которому Британия пошла на существенные уступки Гитлеру в вопросе о вооружениях на море. Он приводит издевательские отзывы нацистских диплома-

тов о деятельности лондонского «комитета по невмешательству», который фактически предоставил фашистским державам полную свободу вмешательства в гражданскую войну в Испании на стороне Франко.

Разумеется, не «ошибки» Франции и Англии принесли победу Муссолини и Гитлеру, как пишет Додд 2 сентября 1936 г., а сознательная политика правящих кругов этих стран, политика предательства интересов мира в Европе и интересов собственных народов. Додд, впрочем, и сам понимает это. Позднее он прямо говорит, например, о «преступных действиях Хора и Лавалья, предавших Эфиопию» (имеется в виду соглашение Хора — Лавалья от 9 декабря 1935 г., санкционировавшее захват Эфиопии фашистской Италией).

В основе политики покровительства агрессору лежали слепой антикоммунизм, ненависть империалистов всего мира к Советскому Союзу. 19 декабря 1937 г. — за несколько дней до отставки Додда — английский министр иностранных дел Галифакс заявил Гитлеру на совещании в Берхтесгадене: «Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма». Передавая нацистам оружие и попустительствуя агрессии, реакционеры всего мира имели в виду вооружить Германию в первую очередь для войны против СССР и толкнуть ее на Восток. Додд рассказывает о письме, с которым в начале июня 1935 г. к нему обратился один из руководителей «клайвденской группы» лорд Лотиан. По мнению Лотиана, «проблема» состояла в том, чтобы «обеспечить для Японии и Германии более важную роль в международной политике». «Он недвусмысленно дал понять, — пишет Додд, — что стоит за коалицию демократических стран (то есть империалистических держав. — Д. М. и О. Н.), которая отвела бы от них всякий удар со стороны Германии и направила бы его на Восток. По всей видимости, его мало беспокоит, что это может привести к войне между Россией и Германией. Более того, он, кажется, видит в этом хорошее средство устранения трудностей, навязанных Германии Версальским договором».

Близорукая и предательская позиция империалистов Европы полностью разделялась реакционными кругами США, людьми типа Чарлза Крейна, миллионера, который после февраля 1917 г. занимался интригами в Рос-

сии, укрепляя американское влияние на временное правительство Керенского, а в 30-х годах, по словам Додда, «все еще с горечью отзывался о русской революции и был чрезвычайно доволен гитлеровским режимом в Германии». Додд явно недооценивает влияние этих кругов на курс Соединенных Штатов в международных делах и идеализирует американскую внешнюю политику. Между тем еще весной 1933 г. Норман Дэвис лично заверял Гитлера в том, что США будут выступать за пересмотр Версальского договора в пользу Германии, а в своих докладах государственному департаменту предлагал предоставить Германии полную свободу действий. Излагая в январе 1934 г. точку зрения упомянутых кругов на страницах журнала «Форин афферс», Аллен Даллес, входивший в состав американской делегации на переговорах по разоружению, заявлял, что необходимо созвать в Европе «вторую мирную конференцию», задачей которой по отношению к Германии было бы «урегулировать ее политические и территориальные проблемы», иными словами, удовлетворить притязания нацистов. Ни словом не обмолвился о каком-нибудь осуждении агрессивных действий гитлеровской Германии и политики подготовки к войне специальный представитель президента США Фуллер, приехавший в сентябре 1935 г. с «неофициальной миссией» в Берлин, где Додд организовал для него встречу с Шахтом. Сам Додд в какой-то мере идет по тому же пути, считая «справедливыми» колониальные требования германского империализма. «Восстановление колониальных владений Германии, — заявил он Шахту 21 января 1936 г., — дело правильное и справедливое».

Летом 1935 г. в США был утвержден «закон о нейтралитете», принятый по инициативе реакционных политиков, группировавшихся под флагом «изоляционизма». Этот закон, запрещавший в случае войны передачу американского оружия любой из воюющих сторон, означал, по существу, отказ Соединенных Штатов в помощи жертвам фашистской агрессии. Уже осенью «закон о нейтралитете» был применен в отношении Италии и Эфиопии, что представляло собой лицемерное уравнивание в правах агрессора и страны, подвергшейся неспровоцированному нападению. В своем «Дневнике» Додд отметил вопиющий факт нарушения американскими монопо-

лиями «закона о нейтралитете» в пользу агрессора. Крупный авиапромышленник полковник Эдвард Дидс, как пишет Додд 5 декабря 1935 г., «заключил сделку с немецкой фирмой на передачу ей американских авиационных патентов, с тем чтобы эта фирма могла изготовить и продать Италии сотню самолетов, поделившись прибылями с американской фирмой». Узнав об этой сделке, Додд счел своим долгом сообщить о ней в Вашингтон.

В обстановке нового экономического кризиса, начавшегося в 1937 г., профашистские круги Америки усилили свою активность. 23 ноября 1937 г. эмиссары Гитлера Типпельскирх и Киллингер встретились в Сан-Франциско с группой американских реакционных политиков и бизнесменов (Ванденберг, президент компании «Дженерал моторс» Слоун, Ламмот Дюпон), которые обещали оказать гитлеровцам всемерную поддержку и высказали мнение о желательности установления в США фашистских порядков. Не без основания Додд пишет: «Факты говорят о том, что народы в Европе испытывают гнет, но в Соединенных Штатах мы также видим довольно печальные свидетельства несправедливости, могущие в дальнейшем создать угрозу демократии». Среди самих сотрудников Додда в штате американского посольства в Берлине появляется все больше пронацистски настроенных людей вроде советника (то есть второго человека в посольстве) Мейера, заигрывавшего с Герингом «куда усерднее, чем его предшественники — мистер Уайт и мистер Гордон», и через голову Додда предлагавшего заключить договор с Германией.

Этой влиятельной группировке вашингтонских политиков пришлось не по вкусу взгляды и действия Додда. Из записей в «Дневнике» явствует, что такие политики оказывают возрастающее давление и на президента Рузвельта, настаивая на отставке Додда. Атмосфера вокруг него сгушалась. Работники посольства, которые начали действовать за спиной Додда в духе, прямо противоположном его взглядам, хорошо знали, на кого следует ориентироваться: истинные правители США — американские монополисты — твердо взяли курс на всемерную поддержку и поощрение фашистского агрессора.

Додд рисует в своем «Дневнике» образ одного из представителей профашистского курса американских

монополий — сенатора Бейли. «У этого человека, — пишет он, — просто поразительные взгляды. Он рассуждает точь-в-точь как национал-социалист... Он сторонник установления господства Германии над всей Европой, Соединенных Штатов — над обеими Америками, а Японии — над Дальним Востоком». Либеральные воззрения Додда, естественно, не устраивали людей типа Бейли, и против него в Вашингтоне была организована самая настоящая политическая травля. Реакционная печать выступала с клеветническими выпадами в его адрес, в госдепартаменте и Белом доме плелась сеть интриг. Эта травля в конечном счете и привела к его отставке с поста американского посла в Берлине. Могущественные противники Додда настолько торопили вашингтонских политиков с его отстранением, что добились даже нарушения президентом Рузвельтом данного Додду обещания отозвать его не раньше весны 1938 г. Президент предложил ему покинуть свой пост уже 1 января 1938 г., что было воспринято Доддом как прямое оскорбление.

В чем причины такой спешки? Додд склонен видеть в этом результат интриг нового кандидата на пост американского посла в Берлине Джозефа Дэвиса. Но факты опровергают это мнение. Дело отнюдь не в Дэвисе, а в том общем недовольстве, которое вызвала позиция Додда в наиболее реакционных монополистических кругах США, хорошо знавших, что назревают крупные события — подготавливается мюнхенская сделка с Гитлером. В этот «ответственный момент» они не желали видеть на посту американского представителя в Берлине человека, известного своими антифашистскими взглядами. Таковы истинные причины поспешной отставки Додда.

* *
*

Отдавая должное политической проницательности, трезвости и прогрессивности воззрений Додда на ряд важнейших внешнеполитических проблем предвоенного времени, мы, разумеется, не должны забывать, что он сын класса буржуазии. Его кругозор во многих отношениях ограничен классовой принадлежностью. Особенно

это нашло отражение в оценке Доддом советской внешней политики и внутренней жизни Советского Союза.

Некоторые критики Додда, пытаясь скомпрометировать его в глазах буржуазии, обвиняли его в симпатиях к коммунизму. В действительности Додд далек от подобных симпатий. В «Дневнике» можно встретить немало записей, в которых он прямо отвергает «коллективистский строй», повторяет утверждения антисоветской пропаганды, совершенно превратно изображает внутреннее положение в СССР. Отдельные выпады такого рода, клеветнический характер которых очевиден, отмечены в комментариях к настоящему изданию. Общая тенденция, характерная для оценки Доддом внутреннего положения в Советском Союзе, вытекает из того, что он воспринял один из главных тезисов антикоммунизма — о «тоталитаристском режиме», будто бы установленном в СССР. Введя термин «тоталитаризм», враги социализма рассчитывали, да и сейчас еще рассчитывают обмануть людей баснями о «диктаторском характере» социалистического строя. Именно с такой «трактовкой» рабоче-крестьянской власти в Советском Союзе мы постоянно встречаемся в высказываниях Додда.

Справедливости ради надо, однако, отметить, что и здесь Додд не поддавался целиком антисоветской пропаганде. В отличие от таких ярых антикоммунистов, как Буллит, являвшийся в 1934—1936 гг. послом Соединенных Штатов в Москве, Додд, говоря о «демократических странах», имеет в виду также и Советский Союз. Например, 5 декабря 1936 г. он записывает: «Мне представлялось, что Гитлер станет прислушиваться к голосу разума лишь в том случае, если все демократические страны, включая Россию, объединятся против него...»

Додд осуждает антисоветские происки некоторых политических деятелей Америки, в частности Буллита. Он сообщает, например, весьма интересный факт, говорящий о том, что представители американского империализма типа Буллита не только толкали собственную страну на путь антисоветской политики, но прямо вмешивались в дела других стран, побуждая их к антисоветским действиям. Додд разоблачил вмешательство Буллита в переговоры о предоставлении Францией кредитов Советскому Союзу с целью их срыва. «Мне казалось, — замечает он, — неподобающим для американ-

ского посла в России срывать русско-французские переговоры».

При оценке взглядов Додда на политику Советского Союза в предвоенный период необходимо учесть расстановку сил в мире, и особенно в Европе, накануне второй мировой войны. Додд был одним из тех политических деятелей на Западе, которые хорошо понимали, что без поддержки Советского Союза западноевропейские государства не смогут противостоять фашистской агрессии. Он видел, что невозможно создать общий антисоветский фронт империалистических стран, включая и гитлеровскую Германию, ибо это предполагает отказ капиталистических государств с нефашистской формой правления от своего суверенитета и независимости. Додд полностью отдавал себе отчет в том, что капиталистические государства распались на две группы: фашистский блок и его союзники, с одной стороны, и буржуазные страны с парламентской системой, против которых направлялась гитлеровская агрессия, — с другой. Для него не подлежало сомнению, что буржуазные государства с демократической формой правления должны объединиться с Советским Союзом перед лицом гитлеровских претензий на мировое господство.

Эта установка ясно выражена в записи, сделанной 18 ноября 1937 г., то есть через несколько дней после присоединения Италии к «Антикоминтерновскому пакту». «В условиях, — писал Додд, — когда так лихорадочно сколачивается единый фронт фашизма от Рима до Токио... подлинное сотрудничество между Соединенными Штатами, Англией, Францией и Россией представляет собой единственный путь сохранения всеобщего мира». Несмотря на то что Додд неоднократно подчеркивает свое отрицательное отношение к коммунизму, он все же настойчиво повторяет: «Для США, Англии и Франции очень важно объединиться с Россией и попросту заявить (Гитлеру. — Д. М. и О. Н.): «Довольно!»».

И надо сказать, что Додд не был одинок в этих своих воззрениях. Достаточно напомнить о позиции министра иностранных дел Франции Луи Барту. Додд приводит слова посланника Голландии в Берлине, сказанные ему 26 сентября 1936 г.: «Если ваша страна, Англия, Франция и Россия не будут действовать совместно, что-

бы сохранить мир, новая мировая война станет неизбежной».

Додд осуждает французского и английского послов в Берлине именно потому, что они нереалистически оценивают обстановку и попадают под власть своих антисоветских воззрений. Из его записей следует, что послы Англии, Франции и некоторых других западноевропейских стран в соответствии с общей линией их правительств явно симпатизировали агрессивным устремлениям Гитлера и его антисоветским установкам, считая, что они приведут к войне между гитлеровской Германией и СССР и к «уничтожению коммунизма». В «Дневнике» раскрывается картина антинациональной предательской позиции французского и английского послов в Берлине, которая способствовала внешнеполитическим успехам Гитлера в предвоенные годы и подготовке фашистской Германии к агрессии против самих западноевропейских государств.

В записи от 20 июня 1937 г. Додд подробно излагает взгляды английского посла в Берлине Гендерсона, сменившего Фиппса на этом посту. По существу, Гендерсон полностью солидаризовался с гитлеровской программой захватов в надежде «сокрушить» таким образом ненавистный ему коммунизм, то есть уничтожить первое в истории социалистическое государство — Советский Союз. Гендерсон сказал буквально следующее: «Германия должна подчинить себе дунайско-балканскую зону, а это означает ее господство в Европе... Франция утратила свое значение и не заслуживает поддержки. В Испании хозяином будет Франко». Англии и США Гендерсон отводил роль «господина морей». На континенте безраздельно должна была господствовать фашистская Германия. Это и привело бы, по мнению Гендерсона, к наведению «порядка» в Европе, то есть к уничтожению коммунизма и восстановлению всевластия империализма.

Додд заканчивает запись словами: «Интересно, в какой мере посол Гендерсон выражает точку зрения своего правительства? Что произойдет с Англией, если Германия захватит все страны вплоть до Черного моря?»

Мюнхенский сговор, состоявшийся год с небольшим спустя, показал, что Гендерсон выражал интересы господствовавших в то время сил в Великобритании.

А вторая мировая война продемонстрировала плоды такой политики для самих западноевропейских стран, в том числе и Англии. Большинство из них было оккупировано гитлеровцами, и если бы не героическая борьба советского народа и его вооруженных сил, к уничтожению которых столь страстно стремились гендерсоны, Англия тоже превратилась бы в колонию фашистской Германии и гитлеризм торжествовал бы полную победу над всеми народами Европы.

Большой заслугой Додда является то, что за антикоммунистической демагогией Гитлера он сумел разглядеть его истинные планы господства над всеми государствами и народами. Додд с иронией отзывался об антикоммунистической выставке, которая была организована гитлеровцами в рейхстаге. Выставка должна была продемонстрировать «всемирные козни» коммунизма и «обосновать» право фашистских стран объединиться в антикоминтерновский союз якобы лишь с одной целью — сокрушить коммунизм. Додд едко высмеивает цели и характер выставки. «Мне непонятно, — говорит он, — как мог разумный государственный деятель разрешить такую выставку». О самом «Антикоминтерновском пакте» он пишет с явным осуждением, подчеркивая его агрессивный характер. Отметив в день опубликования пакта, что его официально провозглашенная цель состоит в «пресечении коммунистической деятельности за пределами России», Додд далее записывает: «Но я думаю, что этот договор... содержит также соглашение о военном союзе этих государств против любой страны, которая не признает за ними права аннексировать другие территории и страны». Мы видим, что и здесь история оправдала оценки Додда.

Автор «Дневника», несмотря на то что он отвергает коммунизм, исходит из весьма важной политической установки, имеющей большую актуальность и в наши дни. Он считает, что попытки силой навязать какой-либо стране общественный строй, угодный другой стране, могут привести лишь к политическому хаосу и войне. Говоря об антикоммунистических разглагольствованиях Гитлера и Геббельса и призывах к «войне с коммунизмом», Додд замечает: «Невольно поражаешься их речам и очевидному убеждению, что Германия и Италия должны принудить все народы объединиться с ними для свер-

жения государственного строя в России, как будто одна страна имеет право диктовать другой, какое правительство она должна у себя иметь» (подчеркнуто нами. — Д. М. и О. Н.).

Додд отвергает войну как средство решения исторического спора между социализмом и капитализмом. Более того, он предлагает исключить войну вообще как средство международной политики, понимая, какие беды она несет человечеству и какую угрозу представляет вместе с тем для самого капитализма как общественного строя. В одном из своих выступлений перед фашистской аудиторией в Берлине Додд заявил, что, по его мнению, «войны не могут служить больше средством разумного решения каких бы то ни было проблем» и должны быть исключены из арсенала политических средств. Такой взгляд, несомненно, делает честь трезвости политических суждений Додда.

* *
*

Додд — защитник капиталистической системы, противник социализма и коммунизма. Но в противоположность многим другим деятелям буржуазного мира, он не позволил ослепить себя антикоммунизмом. Отсюда трезвость многих его суждений. Вторая мировая война подтвердила их правоту; характерно, что в самих Соединенных Штатах в годы войны кое-кто из политиков, не разделявших взгляды Додда (например, расходившийся с ним в целом ряде оценок Сэмнер Уэллес), был вынужден прямо признать «ошибки» американской политики предвоенных лет, относя это, в частности, к «закону о нейтралитете» 1935 г.

Четверть столетия отделяет нас от событий, о которых пишет Уильям Э. Додд. Мир коренным образом изменился. В прошлом те времена, когда на земле было одно промышленно развитое социалистическое государство, находившееся во враждебном капиталистическом окружении. Социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему. Соотношение сил на земном шаре все больше складывается в пользу сил социализма, демократии и мира. Уже теперь впервые в истории стала реальной задача предотвращения новой мировой войны.

Минувшие десятилетия вновь убедительно подтвердили непреложную истину: в ходе истории человечество не топчется на месте, оно движется вперед, по пути прогресса. Между тем позиция определенных кругов империалистических держав побуждает задать вопрос: а уж не полагают ли представители этих кругов, что в шестидесятые годы XX века увенчается успехом курс, несостоятельность и опасность которого со всей очевидностью выявились уже в тридцатые годы? Их политика вновь поощряет германских милитаристов к рассуждениям об их «особой миссии» — той самой «миссии», выполняя которую, они в прошлом навлекли на Европу, да и не только на Европу, неисчислимые бедствия. Поистине, об этой политике и тех, кто пытается ее проводить, можно сказать, перефразируя известные слова, которыми были в свое время заклеены своекорыстная узость и историческая слепота Бурбонов: все за-были, ничему не научились.

Еще бессмысленней в новых условиях, существующих сегодня в мире, продолжение антикоммунистического курса, ставка на возрождение германского милитаризма. Еще преступнее этот курс в обстановке, когда создано оружие небывалой разрушительной силы, какого не было во время второй мировой войны. Читая «Дневник посла Додда» мы вновь убеждаемся в том, что в наши дни реакционные силы во многих отношениях буквально копируют старую политику, однажды уже приведшую к роковым результатам. Книга американского историка и дипломата Уильяма Додда воспринимается как предупреждение тем деятелям, которые не сделали никаких выводов из исторического опыта и остаются, по существу, на позициях Мюнхена.

В свое время Додд увидел и понял больше, чем многие его соотечественники. В этом его несомненная заслуга. Это делает его «Дневник» ценным и актуальным и в наши дни.

ДНЕВНИК ПОСЛА ДОДДА

1933 - 1938

I

8 июня 1933 г.—11 октября 1933 г.

Четверг, 8 июня 1933 г. В полдень у меня в кабинете в здании Чикагского университета раздался телефонный звонок.

— Говорит Франклин Рузвельт. Не согласились бы вы оказать существенную помощь своему правительству? Я хочу предложить вам пост американского посла в Германии.

Это неожиданное предложение застало меня врасплох, и я ответил Рузвельту, что должен подумать.

— В вашем распоряжении два часа, — сказал Рузвельт. — Сможете ли вы за это время принять решение?

— Пожалуй. Но мне нужно сначала переговорить с руководством университета. А вы тем временем, вероятно, выясните, не будет ли германское правительство возражать против меня из-за моей книги «Вудро Вильсон»¹.

— Я уверен, что нет. Именно эта книга и вся ваша деятельность как человека либеральных взглядов и как ученого заставили меня обратиться к вам. К тому же вы получили образование в немецком университете. Я предлагаю вам трудный пост, который по силам только человеку соответствующего культурного уровня. Я хочу, чтобы немцы видели перед собой пример американского либерала. — В заключение он добавил: — Я переговорю с германским посольством и выясню их отношение к вашей кандидатуре. Свяжитесь со мной в два часа.

Я позвонил жене и поделился с ней новостью. Затем я заглянул к ректору Хатчинсу, но не застал его. Тогда

я пошел к декану Вудворду, который был проректором университета, и он обещал поговорить по телефону с Хатчинсом, находившимся в то время, кажется, где-то поблизости от Лэйк-Джинива (Висконсин).

— Вы должны согласиться, хотя пост вам предлагают нелегкий, — сказал Вудворд. — Университет подыщет кого-нибудь вместо вас на лето и будущую зиму.

Последние его слова объяснялись тем, что по телефону Рузвельт меня предупредил: «Если университет будет настаивать, вы сможете вернуться зимой 1934 года».

После разговора с Вудвордом я поехал домой и за завтраком вместе с женой обсудил предложение Рузвельта. Мы решили, что мне надо попробовать свои силы. В половине третьего я позвонил в Белый дом. Там в это время шло заседание кабинета. Секретарь президента — своего имени он мне не назвал — передал мой ответ президенту, который тут же известил об этом членов кабинета. Мой друг Дэниэл Роупер рассказал мне впоследствии, что ни один из них не возражал против моей кандидатуры, а Гарольд Икес из Чикаго и Клод Суонсон из Виргинии горячо ее поддержали.

Официальное назначение состоялось лишь после того, как германский посол в Вашингтоне доктор Ганс Лютер выяснил отношение ко мне своего правительства. Вопрос был решен положительно, и 12 июня сенат единогласно утвердил мою кандидатуру. Доктор Лютер сообщил в Германию, что я получил докторскую степень в Лейпциге, опубликовал свою книгу о Томасе Джефферсоне² на немецком языке и хорошо владею этим языком. 13 июня берлинские газеты поместили краткий реферат моей докторской диссертации: «Возврат Джефферсона к политической деятельности в 1796 году».

Начиная с 13 июня меня то и дело осаждали репортеры и фотокорреспонденты. Самые различные и подчас довольно нелепые сообщения и снимки стали появляться во всех газетах. Мне никогда и не снилась такая известность. Все друзья, и особенно мои бывшие студенты, с восторгом приняли мое назначение. Ко мне домой и в адрес университета поступило по меньшей мере пятьсот, а может быть даже семьсот писем и телеграмм.

Пятница, 16 июня. По приглашению президента я приехал в Вашингтон. Он принял меня, сидя за своим огромным письменным столом. В час дня на этом столе для нас был сервирован завтрак.

Разговор сразу же коснулся германского вопроса. Президент рассказал мне, как заносчиво вел себя доктор Ялмар Шахт³ в мае, когда он в качестве главы германского государственного банка угрожал прекратить выплату процентов и основных капиталов американским кредиторам, которым Германия должна была перечислить в августе свыше миллиарда долларов⁴. Рузвельт сказал, что посоветовал государственному секретарю Корделлу Хэллу принять Шахта, но, когда тот войдет в кабинет, сделать вид, будто он поглощен поисками каких-то документов, и минуты три не замечать присутствия немца, а секретарь Хэлла тем временем должен был понаблюдать, какое впечатление это произведет на Шахта. Затем Хэллу надлежало обнаружить записку президента, содержащую резкий протест против попытки немцев уклониться от уплаты по своим долговым обязательствам. Вручая эту записку Шахту и здороваясь с ним, Хэлл получил прекрасную возможность увидеть, как Шахт меняется в лице. Подобная встреча, сказал президент, должна была до известной степени сбить спесь с заносчивого немца, но результат, как сообщил Хэлл, превзошел все ожидания. Эта инсценировка была точным повторением того приема, который Рузвельт оказал Шахту, когда последний нанес ему визит.

Описав метод, с помощью которого он пытался заставить известного банкира быть посговорчивей насчет долгов или хотя бы немного урезонить его, Рузвельт сказал примерно следующее:

— Я знаю, конечно, что наши банкиры получили непомерные прибыли, когда в 1926 году ссудили огромные суммы германским компаниям и муниципалитетам. Им удалось перепродать облигации германского займа тысячам американцев с прибылью от шести до семи процентов. Тем не менее наши граждане вправе ожидать, что немцы оплатят свои долги, и, хотя этот вопрос не относится к компетенции правительства, я прошу вас сделать все возможное, чтобы предотвратить объявление моратория, так как это значительно задержит платежи.

Затем мы принялись обсуждать положение еврейского населения.

— Отношение германских властей к евреям, — сказал Рузвельт, — просто позорное, и американские евреи глубоко возмущены. Но и это находится вне компетенции правительства. Все, что мы можем сделать, — это оградить от преследования евреев, имеющих американское подданство. Их мы обязаны защищать, используя неофициальные и личные связи, а, кроме того, мы должны предпринять все возможное, чтобы и остальные евреи не подвергались столь жестокому преследованиям.

Когда я сообщил президенту по телеграфу о своем согласии, то полагал при этом, что со стороны правительства не должны предъявляться какие-либо претензии по поводу образа жизни, который я смогу вести, не выходя за рамки своего бюджета — 17 500 долларов. Сейчас, когда я коснулся этого вопроса, столь оживленно обсуждавшегося в Чикаго, Рузвельт сказал:

— Вы совершенно правы. Вам не следует тратить на дорогостоящие приемы, вполне достаточно устроить два-три званых обеда или вечера. Постарайтесь оказывать должное внимание американцам, живущим в Берлине, и приглашайте изредка на приемы тех немцев, которые заинтересованы в поддержании хороших отношений с Америкой. Вы, я думаю, уложите в свой бюджет без сколько-нибудь существенного ущерба для вашей служебной деятельности.

После этого разговор коснулся торговли между обеими странами.

— Мы должны договориться с немцами по некоторым вопросам, — заметил президент, — это будет способствовать росту германского экспорта и тем самым поможет немцам выполнить свои долговые обязательства. Однако в настоящее время на экономической конференции в Лондоне слышны голоса только тех, кто выступает за «экономический национализм»⁵. Как вы думаете, что обещает нам такая перспектива?

Я ответил, что, по моему мнению, централизация управления экономикой может в скором времени привести к возникновению у нас новой разновидности феодализма, при котором фермеры постепенно превратятся в простых крестьян и батраков-поденщиков, а неорганизованные рабочие — в пролетариев.

Рузвельт согласился со мной, но при этом добавил: — Если европейские государства откажутся ввести льготные тарифы, мы заключим соглашения с Канадой и странами Латинской Америки и будем проводить взаимовыгодную торговую политику, которая откроет рынки для нашей избыточной продукции.

Мы поговорили немного о полковнике Эдуарде М. Хаузе⁶ и о предложении президента относительно сокращения военного потенциала Франции.

— Если мир хочет избежать войны, необходимо договориться об ограничении вооружений, — сказал президент. — Норман Дэвис⁷ занимается этим вопросом, однако я далеко не уверен, что он добьется успеха. Он телеграфировал мне, что хотел бы принять участие в работе Лондонской экономической конференции, но я ответил: «Возвращайтесь обратно». Скоро Дэвис будет здесь. Мне хотелось бы, чтобы вы успели поговорить с ним до вашего отъезда.

В два часа я распрощался с президентом и отправился в государственный департамент, чтобы ознакомиться с донесениями из Германии со времени установления там гитлеровского режима. А в 8 часов вечера я побывал на обеде у германского посла Лютера, где за отлично сервированным столом собралось человек двадцать гостей; перед этим все они, кроме меня, отдали дань вошедшим тогда в моду коктейлям. Но, хотя прием затянулся до полуночи, разговор как-то не клеился.

Суббота, 17 июня. В государственном департаменте я встретил профессора Раймонда Моли, который пригласил меня к себе в кабинет. Поговорив с ним около полчаса, я убедился, что он совершенно расходится с президентом во взглядах относительно позиции, которую Соединенным Штатам следует занять в вопросе о положении евреев, живущих в Германии. Кроме того, он рассуждал как ярый приверженец «экономического национализма», целиком расходясь с президентом и в этом отношении. А когда мы заговорили о тарифах, я обнаружил, что он не имеет ни малейшего представления о законах Уокера и Пила 1846 г.⁸ и об обстановке в области торговых отношений, сложившейся в связи с этими законами. Он откровенно сказал мне, что никогда не занимался изучением данного вопроса, — и это говорил

профессор экономики и экономический советник президента! Когда я рассказал об этом своему другу Роуперу, мы оба согласились, что Моли не удастся надолго сохранить доверие Рузвельта.

В тот же день я вместе со своим сыном Уильямом уехал на нашу небольшую ферму, расположенную вблизи Голубого хребта в Виргинии.

Среда, 21 июня. Снова в Чикаго. Преподаватели исторического и других факультетов университета устроили обед в честь моей жены, дочери Марты и меня. На обеде, состоявшемся в Джадсон-Корт — одном из новых общежитий студентов старших курсов, присутствовало около двухсот человек, в том числе Карл Сэндберг, Гарольд Маккормик, миссис Эндрю Маклиш (ее супруг, ныне покойный, субсидировал возглавляемую мной кафедру в Чикаго), ректор Роберт М. Хатчинс и другие. Грустный это был вечер. Мне было тяжело расставаться с коллегами, вместе с которыми я проработал двадцать пять лет. Некоторые из них, как, например, Э. К. Маклафлин и Ч. Э. Мерриэм, были крупнейшими специалистами в своей области. Обменявшись прощальным рукопожатием почти со всеми присутствующими, мы к одиннадцати часам вечера вернулись домой.

Пятница, 23 июня. Американцы немецкого происхождения — демократы, республиканцы и представители прогрессивных групп — устроили большой прием в так называемом Золотом зале отеля «Конгресс». Среди присутствовавших были и супруги Сэндберг. Прием закончился около половины двенадцатого выступлением Чарльза Мерриэма. На следующий день газеты опубликовали выдержки из моей прощальной речи.

Хорошо понимая, как мне не хочется уезжать, Карл Сэндберг прислал мне через несколько дней стихотворение, посвященное этому печальному событию.

Пятница, 30 июня. Со вторника и до середины дня в пятницу я был занят в государственном департаменте, просматривая донесения из Берлина, поступившие вплоть до 15 июня.

В среду я и мой сын Уильям обедали у Роуперов. После обеда мы с Роупером поехали на вокзал, чтобы проводить президента Рузвельта, уезжавшего в отпуск.

Начался проливной дождь; мы ехали в личной машине Рузвельта, и, по его приглашению, я сел рядом с ним. Рузвельт посоветовал мне отправиться на пароходе «Вашингтон», который 5 июля отплывает из Нью-Йорка в Гамбург. Он еще раз высказал пожелание, чтобы я поговорил с Норманом Дэвисом, который должен вот-вот вернуться из Женевы, чтобы доложить о ходе конференции по разоружению.

Суббота, 1 июля. Сегодня рано утром мы с женой в спальном вагоне отправились в Роли (Северная Каролина). Я съездил в Фукэй-Спрингз повидаться со своим отцом, которому уже 87-й год. По возвращении в Роли, я нанес визит губернатору Эрингхаузу, с которым мне прежде никогда не приходилось встречаться. Ничего не зная ни обо мне, ни о моей работе, он в присутствии репортеров, услышав от меня какое-то замечание о Германии, неожиданно спросил: «Не вы ли профессор Додд?» Эти слова вызвали оживление среди присутствующих, а репортеры сразу же увидели в этом материал для заметки. Вечерние газеты показали, что такой случай вполне может стать материалом для целой статьи.

В середине дня я побывал на нашем семейном кладбище, где могилы свидетельствовали о некоторых трагических событиях времен гражданской войны. Здесь похоронен мой двоюродный дед, убитый в Виргинской кампании 1862 года. Тут же были похоронены еще два брата моего деда, которые позднее вместе с генералом Ли сдались в плен под Аппоматоксом. В 1909 году на этом кладбище похоронили мою мать. С глубоким волнением смотрел я на эти могилы, напоминавшие мне о горестных утратах нашей семьи.

Я навестил моего дядю Луиса Крича, владельца большого поместья на реке Ньюс. Когда-то здесь стоял дом, в котором я появился на свет. Все вокруг будило воспоминания о днях моего детства. Время мало что изменило здесь. На холме, где когда-то стояли дом моего деда и амбар, по-прежнему растет несколько теперь уже почти засохших дубов. А на старом кладбище появились деревья, достигающие чуть ли не фута в поперечнике.

Да, день выдался печальный, хотя близкие старались сделать наше пребывание здесь приятным.

Понедельник, 3 июля. Около девяти часов утра мы прибыли в Нью-Йорк. В десять я поехал на совещание в «Нэшнл сити бэнк», где по просьбе руководителей государственного департамента должен был ознакомиться с финансовыми проблемами, стоящими перед германо-американскими банками в связи с необходимостью выплаты 1,2 миллиарда долларов американским кредиторам, которых наши банкиры втянули в субсидирование немецких компаний⁹. В совещании под председательством вице-директора банка Флойда Блэйра приняло участие около десяти банкиров. Всех встревожило соглашение с директором рейхсбанка Шахтом о неустребовании долгов, согласно которому платежи по долговым обязательствам будут производиться, правда, в обесцененных германских марках. Однако это было все же лучше, чем ничего. Американским держателям облигаций представлялась довольно сомнительная перспектива реализовать по 30 центов за доллар принадлежавшие им ценные бумаги. Было высказано много всяких соображений, но договорились мы только об одном, что мне надлежит всеми мерами препятствовать полному прекращению платежей Германских финансовых кругов. К тому времени «Нэшнл сити бэнк» и «Чейз нэшнл бэнк» располагали облигациями германского займа на сумму более 100 миллионов долларов! Оба банка готовы были удовлетвориться хотя бы 4 процентами гарантированного дохода вместо первоначально обусловленных 7 процентов.

Вслед за тем мне пришлось принять участие еще в одном совещании, о котором я был уведомлен предварительно. Среди присутствовавших там были судья Джулиан У. Мак, Феликс Уорберг, судья нью-йоркского окружного суда и брат губернатора Лемана — Ирвинг Леман, раввин Стив С. Уайз и Макс Колер, который писал в то время биографию нью-йоркского семейства Зелигманов. Совещание было устроено адвокатом, членом либеральной партии, Джорджем Гордоном Бэттлом.

Беседа продолжалась полтора часа, и все об одном и том же: немцы убивают евреев; случаи самоубийства среди евреев, доведенных преследователями до отчаяния, стали уже обычным явлением (говорили, будто такие случаи были в семье Уорбергов); имущество евреев конфискуется.

Участники совещания просили меня, как либерала и гуманного человека, настоять на вмешательстве со стороны нашего правительства. Я объяснил, что правительство ничего не может здесь сделать официальным путем, но заверил присутствующих, что использую все свое личное влияние, чтобы противодействовать несправедливому обращению с немецкими евреями и буду, конечно, протестовать против дискриминации американских евреев. Мы разошлись в 10 часов, а в 11 я сел в поезд, отправлявшийся в Бостон, чтобы навестить полковника Хауза, который живет в Биверли-Фармс, приблизительно в тридцати милях от «Пула земли»*.

Вторник, 4 июля. В Бостоне меня ожидал автомобиль, присланный Хаузом, и через час мы уже сидели с ним за завтраком. Несмотря на свои 75 лет, полковник выглядел очень бодро, ум его не потерял своей остроты. Целых два часа мы беседовали о моей «трудной миссии». Хауз откровенно сказал мне: «Я предложил президенту две кандидатуры — вашу и Николаса Мэрри Батлера, хотя понимал, что вам должно быть отдано предпочтение. Однако мои отношения с семьей Батлера заставили бы меня усиленно рекомендовать его кандидатуру в том случае, если бы ваша по каким-либо причинам была отклонена».

Я не имел к Хаузу никаких претензий, потому что еще в конце мая, когда меня спросили в Вашингтоне, готов ли я принять назначение на дипломатический пост, я решительно заявил, что ни в коем случае не поеду в Берлин, так как гитлеризм вызывает во мне отвращение, и, учитывая мой характер, я едва ли вынесу гнетущую германскую атмосферу. Я добавил, что если бы мне был предложен какой-нибудь дипломатический пост за границей, я предпочел бы Голландию, где мог бы спокойно писать свою работу по истории. Эти мои слова были переданы Дэниэлу Роуперу и его ближайшему сотруднику доктору Уолтеру Сплоуну.

Поэтому сообщение Хауза не вызвало у меня недовольства. К тому же у Батлера были особые причины, по которым он стремился получить этот пост, хотя, по моему мнению, он вряд ли оказался бы на месте в любой

* Так американцы шутливо называют Бостон. — *Прим. ред.*

европейской столице, кроме, пожалуй, Лондона. Он слишком самоуверен и деспотичен, а те огромные денежные траты, которые он позволяет себе, далеко не всегда оправданы. Еще до разговора с Хаузом мне довелось слышать от Роупера о настойчивых попытках склонить президента назначить Батлера на этот пост. Теперь же полковник Хауз сообщил мне, что Ньютон Бэйкер отказался от предложенного ему назначения в Берлин, так что в разговоре с полковником у меня не было необходимости доказывать свои преимущества.

Говоря о работе, которая меня ожидала в Берлине, полковник заметил:

— Вам предложен самый ответственный дипломатический пост в Европе. Мне кажется, что вы лучше, чем кто-либо другой, сможете разобраться в германском вопросе.

Высказывая такое мнение, полковник Хауз имел в виду мои старые университетские связи и, кажется, считал, что либерал вильсоновского толка встретит в Берлине радушный прием, несмотря на питаемую немцами ненависть к этому президенту времен войны.

— Вам надо бы попытаться облегчить участь евреев, — сказал мне полковник Хауз. Они не заслужили такого обращения, это просто бесчеловечно. Но не следует допускать, чтобы они вновь заняли господствующее положение в экономической и культурной жизни Берлина, как это было в течение долгого времени.

Мы поговорили о составе кабинета Рузвельта и о законе о восстановлении промышленности¹⁰. Полковник Хауз прочитал мне ряд интересных писем от выдающихся людей. Потом он вызвал машину, и мы вместе доехали до Бостона, а в полдень я отправился поездом в Нью-Йорк. Я не сомневался, что поступил благо-разумно, повидавшись с Хаузом.

К пяти часам я был уже в Нью-Йорке, и мы всей семьей поехали к Чарлзу Р. Крейну¹¹ на Парк-авеню. Его дом был настоящим музеем русского и азиатского искусства — Крейн субсидировал возглавляемую в последние семь или восемь лет Сэмюэлем Харпером кафедру истории России и ее общественных институтов при историческом факультете Чикагского университета. Он пожертвовал также миллион долларов на содержание Института текущей мировой политики, возглавляемого

Уолтером Роджерсом; институт этот занимается изучением политической обстановки во всем мире и представляет доклады на рассмотрение правительства. Несмотря на свои 75 лет и слабое здоровье, Крейн за последние двадцать лет успел побывать чуть ли не во всех странах земного шара.

Он с жаром говорил о своей работе, все еще с горечью отзывался о русской революции и был чрезвычайно доволен гитлеровским режимом в Германии. По его мнению, евреи заслуживают проклятия, и он надеялся, что их поставят на место. Неудивительно, что он напутствовал меня словами: «Предоставьте Гитлеру действовать по-своему».

Среда, 5 июля. В 9 часов утра ко мне в гостиницу пришел Джордж Сильвестр Вирек, автор книги «Самая странная дружба в истории» (Вильсон и Хауз). Он завел разговор о положении в Германии и о немецких долгах. Вирек не был похож на обычного журналиста, и мне показалось, что с ним не следует быть слишком откровенным.

После Вирека меня навестил германский генеральный консул в Нью-Йорке доктор Отто Кип, красивый пруссак, который хотел поговорить со мной о Германии. После его ухода мы с женой вышли из гостиницы, чтобы купить несколько словарей.

К 11 часам утра мы на такси поехали в порт, где встретили миссис Рузвельт, которая провожала своего сына Франклина-младшего, отплывавшего в Европу на пароходе «Вашингтон». С десятков корреспондентов, которых мне до сих пор удавалось избегать, окружили нас со всех сторон. Я отделивался общими фразами и всячески пытался избежать интервью. Затем репортеры попросили разрешения сфотографировать нас на передней палубе, и мы нехотя согласились. Когда на нас навели фотоаппараты, мы все — жена, сын и я — подняли руки, не подозревая о том, как похож этот жест на гитлеровское приветствие, которого мы тогда еще не знали.

Четверг, 6 июля. Прогуливаясь по палубе, я увидел раввина Уайза. А за завтраком мы познакомились с миссис Брекинридж Лонг, женой нашего посла в Риме. Миссис Лонг происходит из рода Блэйр, известного

в Кентукки, Вашингтоне и Сент-Луисе, о чем она не забывает ни на минуту. Норман Дэвис, с которым я имел короткую встречу в Нью-Йорке, заказал для нас роскошное двухкаютное помещение с салоном. По мнению паромных агентов, эти каюты приличествуют достоинству посла. Но мы предпочли более скромное помещение, в котором, кроме всего прочего, нашлось бы место для наших двоих детей.

Четверг, 13 июля. Вскоре после полудня «Вашингтон» бросил якорь в гамбургском порту. Репортеры из кожи вон лезли, чтобы получить от меня интервью. Энергичнее всех был корреспондент еврейской газеты «Гамбургер израэлитишес фамилиенблатт». Мы разрешили судовому фотографу несколько раз сфотографировать нашу семью. Когда мы сошли с парохода, нас встретили Джордж Гордон, советник американского посольства в Берлине, и американский генеральный консул в Гамбурге. Пробыв в городе некоторое время, мы сели в берлинский поезд, весьма допотопный с виду. Гордон целый час рассказывал мне о положении в Германии и о сотрудниках государственного департамента.

В Берлине нас встретил представитель протокольного отдела вместе с другими официальными представителями правительства и американский генеральный консул Джордж С. Мессерсмит. Мы остановились в гостинице «Эспланада», куда я заранее послал телеграмму: «Забронируйте три спальни и гостиную». Нас поместили в так называемый королевский номер, состоявший из шести роскошных, великолепно обставленных комнат. Номер этот стоил всего лишь 40 марок в день, и жаловаться нам не приходилось. Осмотрев комнаты, мы пошли в ресторан, где немного поболтали по-немецки и отлично пообедали. Итак, можно было сказать, что мы приступили к исполнению своих обязанностей. Немцы, как нам показалось, приняли нас довольно дружелюбно.

Пятница, 14 июля. В 11 часов я приехал в посольство, где выступил перед американскими корреспондентами с кратким сообщением о задачах своей миссии и в самых общих чертах изложил мысль об установлении связей с германскими деятелями культуры старшего поколения. Последовали вопросы, касавшиеся ружельтов-

ского закона о восстановлении промышленности, кое-кто намекнул на возможные затруднения. Мои ответы носили чисто формальный характер. В конце беседы ко мне подошел Эдгар Маурер. Мы обменялись рукопожатием, и я сказал ему, что с интересом прочел его книгу «Германия отводит назад стрелки истории». Но я воздержался от каких-либо замечаний по поводу того, что его книга запрещена в Германии, в связи с чем германское правительство потребовало его отставки с поста председателя ассоциации иностранных журналистов в Берлине. Ко мне также подошла и представилась корреспондентка газеты «Чикаго трибюн» Зигрид Шульц. Она сказала, что получила письмо от владельца «Чикаго трибюн» полковника Р. Р. Маккормика, в котором тот пишет о Марте.

Затем я встретился и с немецкими корреспондентами, которых собралось около двадцати человек. Я зачитал им краткое заявление на немецком языке, которое на следующий день было опубликовано во всех крупных немецких газетах. Кстати, как раз перед встречей с немецкими корреспондентами мне удалось ознакомиться с тщательно составленным сообщением министра экономики Курта Шмита¹² о ходе экономического восстановления. Это сообщение показалось мне образцом государственного подхода к вопросу. Поэтому на вопросы корреспондентов я отвечал ссылками на Шмита и его деятельность, которая, по моему мнению, дает очень хорошее представление и о программе восстановления промышленности в Соединенных Штатах. В ответ на заданный мне корреспондентами вопрос, обратил ли я внимание на сообщение гамбургской газеты «Фамилиенблатт», которая писала, что я прибыл в Германию с намерением облегчить участь евреев, я зачитал краткое опровержение, которое также было дословно напечатано в газетах.

Суббота, 15 июля. Сегодня я был представлен в министерстве иностранных дел и беседовал с министром — бароном Константином фон Нейратом¹³, показавшимся мне весьма приятным человеком. Президент Пауль фон Гинденбург¹⁴ был нездоров и находился в своем поместье вблизи Нейдека в Восточной Пруссии. Как полагают, он должен прибыть в Берлин не ранее 1 сентября.

Церемония представления в министерстве иностранных дел должна была дать мне возможность действовать в качестве официального лица и подписывать отправляемые в Вашингтон документы и донесения. Это меня устраивало даже больше, чем немедленное представление президенту для вручения ему верительных грамот, тем более, что дипломатическая деятельность для меня еще дело новое, а обстановка в Берлине — весьма напряженная.

Меня посетил некий мистер Роу, поверенный банка «Ирвинг траст компани оф Нью-Йорк», который стал чуть ли не требовать, чтобы я воздействовал на рейхсбанк и добился предотвращения возможной или вероятной дискриминации в погашении займа на 100 миллионов долларов, предоставленного фирмой «Интернэшнл мэтч компани» германским концернам. Немцы предлагали американским кредиторам погасить свои долговые обязательства лишь частично, в результате чего последние, возможно, могли рассчитывать на получение не более одной трети ссуженного ими капитала.

— Правительство Соединенных Штатов, — сказал я своему посетителю, — не имеет никакого отношения к этим займам, и мы только неофициально можем подсказать здешним властям, что нарушение заключенных рейхсбанком соглашений нанесет ущерб экономическому престижу Германии.

Мистер Роу покинул меня совершенно взбешенный, заявив, что сегодня же вылетает в Лондон.

В этот день мы обедали у Гордонов. За столом собралось около двадцати человек. Было очень скучно.

Понедельник, 17 июля. Сегодня мне нанес визит корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс Луис Р. Лохнер. Он сообщил мне, что один из друзей канцлера Адольфа Гитлера просил его приехать вместе со мной на конфиденциальный обед, во время которого я мог бы побеседовать с самим «фюрером», как здесь величают диктатора.

Вторник, 18 июля. Сегодня ко мне пришли с визитом полковник Джейкоб Уест, капитан Хью Роуэн, капитан Честер Кеплер и коммандор Говард Боуд. Они были

одеты в соответствии с правилами этикета — во фраках и цилиндрах.

В пять часов Нейрат и начальник протокольного отдела пришли ко мне с ответным визитом. Мы говорили о безуспешных попытках германского правительства ослабить существующую в стране безработицу. Нейрат рассказал о неудачных попытках переселения горожан в сельскохозяйственные районы. Он собирался выехать в Баварию, чтобы встретиться с фюрером. В посольстве говорили, что министр иностранных дел будет смещен со своего поста.

Суббота, 22 июля. В 11 часов ко мне зашел германский посол в Соединенных Штатах Ганс Лютер, которого, как полагают, должны скоро отозвать из Вашингтона. Он сообщил мне, что возвращается в Вашингтон, и попросил визы для двух лиц, которые собираются провести в Америке около года. В ходе беседы Лютер подробно рассказал мне о попытках Гитлера добиться восстановления экономики страны. По его мнению, отсутствие свободных земель должно обречь эти попытки на неудачу. Ганс Лютер считал, что всем безработным, которые пожелают эмигрировать (он полагал, что в стране найдется достаточное число таких лиц), всем тем, кто неусидчив и честолюбив, должна быть предоставлена возможность свободного переселения на равнины Восточной Африки или в горные районы Бразилии. Взаимное снижение таможенных тарифов Германией и Соединенными Штатами, сказал он, также содействовало бы успешному восстановлению промышленности. Лютер не проявлял каких-либо воинственных чувств по отношению к Франции и ни словом не обмолвился по поводу Польского коридора.

В письме, которое мы получили от Уильяма А. Нитса и его супруги — моих коллег по Чикагскому университету, — последние настоятельно просили навестить их знакомых — миссис Генри Вуд и ее семью, которые проживают в Потсдаме. В то время, когда супруги Нитс жили в Балтиморе, миссис Вуд была замужем за известным профессором, работавшим в университете, Джоном Гопкинсом. Выполняя просьбу супругов Нитс, мы выехали сегодня после полудня в Потсдам, чтобы навестить семью миссис Вуд. Мы приехали в начале пятого и оста-

новились около их чудесного особняка. На чай было приглашено человек двадцать. Как в добрые гогенцоллерновские времена, все приглашенные, пока они оставались в гостинной, разговаривали стоя и терпеливо ожидали приглашения в столовую — большую комнату, стены которой были сплошь увешаны гобеленами. Нам подали сэндвичи и еще что-то в том же роде. Разговор велся вперемежку на английском и немецком языках. Среди гостей было несколько представителей старинных баронских семей. Хотя беседа была достаточно оживленной, никто из гостей не блистал особым остроумием или ученостью, и, к сожалению, все разговоры велись в явно гитлеровском тоне.

Понедельник, 24 июля. Сэм Макрейнольдс, член палаты представителей от штата Теннесси и член американской делегации на экономической конференции в Лондоне, в сопровождении Джорджа Мессерсмита, Джорджа А. Гордона и других сотрудников посольства отправился сегодня в так называемый «Дворец Блюхера» — огромное обветшалое здание, купленное государственным департаментом за 1,7 миллиона долларов по рекомендации одной из комиссий конгресса, которую возглавлял член палаты представителей Портер. Предполагалось образовать здесь американскую дипломатическую и консульскую резиденцию, подобно тому, как это было сделано в Париже. В прошлом году бывшие владельцы здания предложили расторгнуть купчую при условии выплаты страховой премии, причитавшейся им ввиду того, что здание пострадало от пожара, во время которого обрушилась большая часть кровли. Однако мой предшественник на посту американского посла в Берлине Фредерик М. Секкет-младший при поддержке сенатора Суонсона отклонил это предложение. Несмотря на то что все сотрудники посольства уговаривали Секетта и Суонсона согласиться на расторжение купчей и сберечь таким образом правительству огромную сумму денег, последние настояли на завершении сделки.

Поскольку очередная сессия конгресса намеревалась заняться вопросом о «Дворце Блюхера», мы с Макрейнольдсом решили осмотреть его. Около часа мы бродили по этому полуразрушенному зданию и пришли к выводу, что правительство поступит разумно, если продаст его

хотя бы за 500 тысяч долларов с убытком в 1,2 миллиона долларов. К этому мнению присоединились все сопровождавшие нас сотрудники посольства.

Несколько позже Мессерсмит пригласил меня к себе на совещание, в котором должны были принять участие также Макрейнольдс и Гордон. Через несколько минут после того, как я зашел к Мессерсмиту, Гордон сообщил по телефону, что не сможет явиться. Ясно было, что он возмущен решением Мессерсмита провести официальное совещание в своем кабинете. По его мнению, я уронил свое достоинство, согласившись принять участие в совещании вне стен посольства. Кажется, Гордон очень усердный, но до мозга костей педантичный кадровый служака.

Среда, 26 июля. Сегодня утром корреспондент агентства Юнайтед Пресс Фредерик Эхснер высказал мне общее возмущение американских корреспондентов по поводу действий нового германского правительства. Вслед за тем меня посетили два представителя «Чейз нэшналь бэнк», чтобы обсудить финансовые отношения с Германией и вопросы, касающиеся погашения ее долгов Соединенным Штатам. Они признавали, что в 1926 году американские финансисты поступили весьма опрометчиво, предоставив Германии миллиардные кредиты под весьма сомнительное обеспечение, надеясь на план Дауэса.

В полдень мне позвонил Эдгар Маурер и пригласил на неофициальный завтрак к себе домой, где я познакомился с молодым фон Мольтке — внуком прославленного генерала и с профессором университета в Бреслау евреем Розенштоком, состоящим теперь на службе в германском министерстве иностранных дел. Оба они проявили незаурядные познания в области истории, и это позволило мне направить разговор по научному руслу и не вдаваться в чрезмерную критику правительства, поскольку мои высказывания могут получить огласку.

Во второй половине дня меня посетил профессор Берлинского университета Отто Хёпш, бывший депутат рейхстага и известный интернационалист. Он рассказал мне о своей поездке в Вильямстаун в 1928 или 1929 году и о своем посещении президента Гувера в Белом доме. Хёпш сказал, что он более или менее доволен гитлеровским режимом. Я заметил, что почти все немецкие уче-

ные дали себя запугать, но совершенно ясно, что это скорее страх перед безработицей, чем добровольное подчинение силе.

Побывала у меня также одна из тех многочисленных общественных деятельниц, которые на всякое дело способны смотреть лишь с одной стороны. Она разглагольствовала о немецких поселках для безработных, которые устраиваются вокруг крупных промышленных центров, и заявила, что они являются чуть ли не идеальным решением проблемы безработицы.

Пятница, 28 июля. Сегодня ко мне заходил доктор Фриц Габер, которого можно назвать самым выдающимся немецким химиком, и принес рекомендательное письмо от Генри Моргентау-младшего из Нью-Йорка. Габер рассказал мне самую печальную историю о преследовании евреев, какую мне доводилось слышать. Ему шестьдесят пять лет; он страдает пороком сердца, и его уволили с работы без предоставления пенсии, на которую он имел право по закону, действовавшему до установления нацистского режима. Габер интересовался, как могут отнестись к заслуженному немецкому ученому в Америке, если он пожелает эмигрировать туда. Я мог только ответить, что по закону он не может рассчитывать на получение визы, так как иммиграционные квоты уже исчерпаны. Я обещал снести с министерством труда и узнать, нет ли возможности предоставить подобным лицам какие-либо льготы. Прощаясь, Габер настоятельно просил меня быть осторожным и сохранить его дело в секрете, так как огласка могла бы навлечь на него большие неприятности. Бедный старик, подумал я, хотя он старше меня всего на год. Он собирается поехать в Испанию, чтобы выяснить, на что можно рассчитывать там.

На мой взгляд, такая жестокость неизбежно наносит вред самому правительству, которое к ней прибегает.

Понедельник, 31 июля. Написал письмо Дэниэлу Роуперу, в котором довольно подробно охарактеризовал некоторых наших дипломатов, упомянул о том, как ложно понимают они свои обязанности, описал обста-

новку, созданную здесь богатыми людьми на должностях послов, и отметил сильное соперничество, существующее между советниками посольства и генеральными консулами.

Вторник, 1 августа. В 11 часов ко мне зашел Джо-зеф Э. Риддер, сын Джозефа Э. Риддера-старшего, который во время президентства Вильсона был владельцем и редактором нью-йоркской газеты «Штаатсцейтунг», издававшейся на немецком языке. Теперь эта газета перешла в собственность Риддера-младшего. Он рассказал о том затруднительном положении, в котором газета оказалась в 1914 году, когда американцы немецкого происхождения требовали от него поддержки политического курса Гогенцоллернов, в то время как симпатии нью-йоркцев все больше и больше склонялись на сторону союзников. В конце концов «Штаатсцейтунг» приняла сторону Вильсона и его правительства. Я спросил Риддера, что он знает о Джордже Сильвестре Виреке и о его связях с германскими пропагандистами. «Германское правительство, — ответил Риддер, — выдало Виреку сто тысяч долларов на расходы по пропаганде. Но, — добавил он, — Вирек мало что сделал для Германии и не оправдал эти расходы». Надо сказать, что Риддеры недолюбливают Вирека. Они стали теперь горячими сторонниками президента Рузвельта.

Вслед за Риддером пришел Уолтер С. Роджерс. Он хотел, чтобы наше посольство зачислило в свой штат одного из сотрудников руководимого им Института текущей мировой политики и предоставило бы ему возможность изучать ту странную и беспокойную обстановку, которая сложилась в Германии, и составить секретный доклад для Роджерса и государственного департамента США. Я еще не вошел в курс дел, чтобы давать какие-либо обещания; к тому же мне кажется, что подобные исследования едва ли могут выйти за рамки обычных исторических изысканий, так как нельзя рассчитывать на то, что германские власти согласятся открыть своим политическим противникам доступ к архивам или хотя бы разрешат им посещать трудовые или какие-нибудь другие лагеря. Что же касается немецких газет, то они находятся под контролем прави-

тельства и в них можно найти лишь косвенные намеки. Я обещал Роджерсу подумать над его предложением и написать ему позднее.

Среда, 2 августа. Я простудился и слег в постель, что не помешало, однако, генеральному консулу прийти с докладом об очередном инциденте. Некий молодой американец из Нью-Йорка, студент одного из немецких университетов, объявивший себя коммунистом, арестован немцами примерно 1 июля и до сих пор содержится в полной изоляции, несмотря на все усилия генерального консула добиться свидания с ним. Приблизительно 24 июля Мессерсмит поручил своему помощнику навестить арестованного и выяснить обстоятельства дела. О случившемся узнали корреспонденты и намереваются предать эту историю широкой огласке в американской прессе.

Несколько позднее ко мне зашли Эдгар Маурер и Г. Р. Никербокер-младший¹⁵, чтобы испросить моего разрешения опубликовать сообщение об аресте американского студента в «Чикаго дейли ньюс» и в «Нью-Йорк пост». Они, однако, умолчали о том, что уже успели передать это сообщение по телеграфу в редакции своих газет, я узнал об этом лишь впоследствии. Мессерсмит также не счел нужным сказать мне, что он разрешил им сделать это.

На следующий день арестованный был доставлен в Берлин, где выяснилось, что немцы справедливо обвинили его. Вообще эта личность не внушает доверия. Он был освобожден из-под ареста и спешно в секретном порядке переправлен в Нью-Йорк. Когда стали известны подробности, корреспонденты сразу потеряли интерес к злополучному студенту, и он совершенно исчез со сцены. Надо сказать, что это был весьма характерный случай.

Четверг, 3 августа. Сегодня ко мне зашел Густав Оберлендер, основатель Фонда Оберлендера, который ежегодно субсидирует поездки молодых американских ученых в Германию для изучения жизни страны и ее общественных институтов. Оберлендер сказал, что по совету правления Фонда он решил прекратить начатое им дело, так как правительство жестоко преследует

евреев. Но прежде он хотел узнать мое мнение по этому вопросу.

— По-моему, — сказал я ему, — вам не следует останавливаться на полпути. Сейчас очень подходящее время для изучения жизни Германии. К тому же преследования евреев, возможно, прекратятся.

Но сомнения его не рассеялись. Он намерен познакомиться с Адольфом Гитлером и тогда уж решить вопрос окончательно. Оберлендер — один из тех богатых евреев, которые во время мировой войны были больше немцами, чем сами немцы, и добровольно поддерживали правительство деньгами. Теперь он был взволнован тем, как в Германии обращаются с его соплеменниками. Лично я считаю, что стоит затратить на начатое им дело небольшую часть тех доходов, которые Оберлендер получает от своих миллионных капиталовложений.

В половине двенадцатого пришел Карл фон Виганд, который вот уже двадцать пять лет работает корреспондентом агентства Херста в Германии, а теперь его деятельность распространяется на всю Европу. Еще до его прихода я получил о нем письмо от полковника Хауза. Виганд произвел на меня самое благоприятное впечатление. Он — близкий друг находящегося в изгнании кайзера, был тесно связан с руководителями Германской республики, а позднее стал поддерживать Гитлера. Он хорошо знаком с Гинденбургом. Виганд рассказал мне, что в апреле 1918 года, когда немцы подошли совсем близко к Парижу, и позднее, когда забастовали 400 тысяч французских рабочих, американское правительство выдало ему визу, и по поручению полковника Хауза он должен был выехать в Швецию, а оттуда — в Германию для выработки предварительных условий сепаратного мира. По его словам, полковник Хауз запросил тогда по телеграфу американское правительство о согласии на его выезд, и правительство прежде чем разрешить ему уехать выжидало, как повернутся события. Вскоре необходимость в миссии Виганда отпала. Клемансо удалось договориться с бастующими и поднять моральный дух французской армии.

До сих пор мне не приходилось читать об этом ни в одной исторической работе, посвященной мировой войне. Не говорится об этом ни слова и в опубликован-

ном дневнике самого полковника, так что вся эта история кажется мне весьма сомнительной. Тем не менее Виганд произвел на меня впечатление человека достаточно хорошо информированного, чтобы в случае необходимости воспользоваться его советом.

Суббота, 5 августа. Заезжал профессор Йельского университета Р. Г. Гаррисон. На вид ему можно дать лет семьдесят. Он рассказал, что одна выдающаяся женщина — профессор Берлинского университета, которая во время войны жила в Йеле и находилась под строгим надзором американской полиции, подозревавшей ее в шпионаже в пользу Германии, теперь, как еврейка, уволена с работы и сидит в тюрьме. Гаррисон был очень высокого мнения о ней и хотел узнать, не могу ли я вмешаться в это дело. Поскольку она германская подданная, я был лишен возможности что-либо предпринять. Гаррисон сказал, что через две недели в Оксфорде должна состояться большая конференция ученых, кажется, биологов. Женщина, о которой шла речь, являлась секретарем конференции и ее дальнейшее пребывание в тюрьме вызвало бы возмущение мировой общественности.

— Можете ли вы, — спросил Гаррисон, — связать меня с кем-нибудь из германских официальных лиц, чтобы я изложил все обстоятельства дела?

Я посоветовал ему обратиться к генеральному консулу Мессерсмит. В тот же день Мессерсмит позвонил начальнику германской тайной полиции Рольфу Дильсу и по телефону представил ему Гаррисона.

— Конечно, — сказал Мессерсмит Дильсу, — это не наше дело, но все же я хотел бы обратить ваше внимание на возможные последствия.

— Передайте господину профессору, — ответил Дильс, — что я прошу его завтра отобедать со мной. Посмотрим, может быть нам и удастся что-нибудь сделать.

В половине двенадцатого ко мне зашел весьма любопытный посетитель — профессор Джон Ф. Коур, — по данным биографического справочника, один из выдающихся профессоров немецкой литературы и философии в Канаде, хотя он и родился 72 года назад в Берлине в американской семье. Он уже не преподает и живет

на пенсию недалеко от Бостона. Коур хромает на одну ногу, держится с достоинством и производит приятное впечатление.

Профессор выразил желание поговорить со мной с глазу на глаз. Он рассказал, что был личным другом Адольфа Гитлера и пытался отговорить его от организации баварского путча в 1923 году¹⁶. Гитлер до сих пор время от времени приглашает его к себе, и Коур собирается съездить через несколько дней в летнюю резиденцию рейхсканцлера в Баварии. Коур предложил представить мне подробный отчет о своей беседе с Гитлером при условии, что я дам ему рекомендательное письмо к президенту Рузвельту, которому он хотел бы представить исчерпывающий доклад.

Среда, 9 августа. Вновь заезжал профессор Коур и сообщил, что в пятницу или субботу он увидится с Гитлером. Главный советник нацистской партии Рудольф Гесс обещал ему место в своем самолете. Коур вручил мне короткое письмо, адресованное президенту Рузвельту, которое он просил меня прочитать самому, а затем отправить с дипломатической почтой в Вашингтон. Я обещал исполнить его просьбу, и он ушел, весьма озабоченный внешнеполитическим курсом Германии, но с некоторой надеждой на то, что ему удастся повлиять на канцлера. Я сказал ему, что еврейский вопрос должен быть решен иным путем; что германский экспорт и впредь будет сокращаться, если нацисты не прекратят свои преследования; что воинственное поведение немецких властей неизбежно приведет к международному бойкоту Германии.

— Нацисты, мне кажется, совершенно не отдают себе отчета в тех последствиях, к которым может привести их бесчеловечность, — сказал я в заключение. Коур полностью согласился со мной.

Четверг, 10 августа. Заходил Дэвид Левинсон, еврей из Филадельфии, с типично еврейской наружностью, адвокат, который не раз принимал участие в защите гражданских свобод в Соединенных Штатах. Он получил полномочия на ведение защиты по делу о поджоге рейхстага, слушание которого должно начаться в Лейпциге 21 сентября. Левинсон попросил

у меня записку к одному из представителей германских властей с ходатайством предоставить ему право выступать на этом процессе. Я не мог дать Левинсону такую записку, но посоветовал ему обратиться к Луису П. Лохнеру, корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс.

Пятница, 11 августа. Брат бывшего германского правительственного чиновника пришел переговорить по вопросам, связанным с планами Фонда Карнеги¹⁷, относительно учреждения новой кафедры при Берлинском университете и различных мер с целью содействия росту международного взаимопонимания. Не скрывая своего беспокойства о собственной безопасности, он говорил об установлении связей с видными немецкими учеными, которые сильно встревожены вмешательством нацистов в университетскую жизнь, и о том, что при первой же возможности немецкие ученые выступят как выразители интересов подавленной ныне немецкой интеллигенции. Тяжело было видеть этого способного молодого ученого в окопах рабства.

В половине двенадцатого приехал Уинтроп У. Олдрич, директор нью-йоркского банка «Чэйз нэшил бэнк». Он выразил свое удовлетворение финансовым планом, предложенным немцами, по которому Германия должна продолжать выплату долгов американским держателям облигаций. Нельзя, конечно, сказать, что этот план целиком его удовлетворяет, но все же это лучше, чем ничего¹⁸. «Как нам не повезло с этими займами!» — сказал он мне. Олдрич должен был прямо от меня ехать в резиденцию Гитлера вместе с директором рейхсбанка Шахтом и министром экономики Шмиттом. Он обещал сообщить мне, какого курса придерживается рейхсканцлер.

Под вечер меня посетил Мессерсмит вместе с директорами паровой компании «Юнайтед Стэйтс лайнз». Они рассказали о нелепом, но санкционированном правительством распоряжении германской паровой компании, по которому ни одно лицо, уезжающее из Германии, не может приобрести проездной билет на какой бы то ни было вид транспорта стоимостью более 200 германских марок, или, иными словами, на какие-либо другие пароходы, кроме германских.

Из-за этого все американские и английские паровозные компании сразу же лишились возможности конкурировать с немцами. Я немедленно телеграфировал об этом в Вашингтон. Государственный департамент медлил, ничего не предпринимая, но американские паровозные компании в Нью-Йорке сразу же заявили, что отныне всем американцам рекомендуется избегать услуг германских паровозных линий. Через несколько дней германское правительство с весьма жалкими оправданиями объявило об отмене упомянутого распоряжения. Весь этот инцидент может служить наглядным примером грубых действий нацистов в области международных отношений.

Воскресенье, 13 августа. Сегодня мы на автомобиле поехали по потсдамской дороге на юг к Виттенбергу и Лейпцигу. К 11 часам добрались до церкви, где покоятся останки Лютера. Войти в церковь нам не удалось, так как туристов в нее не пускали, хотя в 1898 или 1899 году, когда я побывал в этом старинном городе, связанном с Реформацией, доступ туда был свободный. Никто не мешал мне тогда присутствовать на службе или даже принимать в ней участие.

Здесь теперь почти не чувствуется дух Лютера. Город с 1899 года вырос в четыре раза и стал крупным промышленным центром. Глядя на проходивших мимо нацистов, я случайно заметил выражение лица полицейского, наблюдавшего за ними. Оно отнюдь не было одобрительным. Побродив около часа по старым кварталам города, мы поехали дальше, к Лейпцигу, и добрались туда к часу дня. Мы заехали на старинную Рыночную площадь, а потом пообедали в «Ауэрбах Келлер», где за три марки нас очень хорошо накормили, правда, без вина, которое, кстати сказать, я пью лишь на официальных приемах, да и то очень понемногу.

Позднее Уильям и Марта вместе с молодым корреспондентом агентства Херста Квентином Рейнольдсом выехали в Мюнхен. Моя жена Мэtti и я отдохнули час-другой в гостинице, после чего мы отправились в старинный ресторан «Маркет Хаус», где за две марки неплохо поужинали. После ужина мы прошли по узким старинным улицам к зданию Старого театра,

где в студенческие годы я смотрел пьесы Лессинга, Шиллера и Гёте в обработке для детей. Таким путем я старался тогда изучить немецкий язык. Мы прошли по знаменитой Брюльштрассе, где уже не одно столетие сосредоточены еврейские магазины и меховые аукционы. Затем мы вернулись в свою гостиницу никем не узнанные, что нас очень радовало.

Понедельник, 14 августа. Мы примкнули к группе туристов и вместе с ними ездили по городу до полувинны первого. Нам показали различные факультеты университета и заброшенные особняки богатей, разорившихся во время мировой войны или вскоре после нее. Эта часть города производила мрачное впечатление. Величественные особняки молчаливо напоминали здесь о безрассудствах людей, которые в 1914 году вершили судьбы своей страны.

Самое внушительное сооружение в городе — огромный массивный памятник, воздвигнутый в честь победы Германии над Наполеоном под Лейпцигом в октябре 1813 года. В этой битве погибло 80 тысяч человек, тела которых были погребены на поле боя или просто брошены в воды реки Плейсе. Огромная каменная башня была воздвигнута имперским правительством в 1913—1914 годах. Монументальная лестница ведет на площадку, откуда можно войти в башню. Если подняться еще приблизительно на пятьдесят футов, попадаешь в галерею, расположенную под сводом вокруг всей башни. Здесь наша группа остановилась, чтобы выслушать нацистскую пропаганду о могуществе и героизме немецкого народа. Символическим воплощением его доблестей служат находящиеся здесь четыре огромных каменных статуи. Одна из них изображает мать, держащую у своей пышной груди двух близнецов; другая — учителя-философа и сидящего у его ног немецкого юношу; третья — бога войны, а четвертая — филантропа, протягивающего руку помощи своим обездоленным ближним. Все это представляет особенный интерес для тех, кто помнит о честолюбивых замыслах и роковых ошибках германского народа. Разъяснения гда носили сугубо нацистский характер.

После экскурсии мы зашли на несколько минут в актовый зал университета, потом вернулись в гости-

ницу и, оплатив счет, поспешили на вокзал, чтобы успеть на берлинский поезд. Домой мы приехали около пяти часов вечера.

Среда, 16 августа. Снова заходил профессор Коур и рассказал о своем свидании с Гитлером. Гитлер принял его в присутствии Гесса и беседовал с ним два часа. Коур описал мне, как Гитлер в бешенстве угрожал истребить всех евреев. Ни одна страна, заявил он, не вправе протестовать против действий Германии, которая указывает миру путь к избавлению от величайшего проклятия. Он считает себя новым мессией: он перевооружит Германию, присоединит к ней Австрию и, наконец, переведет столицу в Мюнхен. Гитлер сделал и другие, не менее важные заявления, которые, Коур, однако, не мог мне передать. Он полагал, что Гитлер не имеет ни малейшего понятия о том, как посмотрят в других странах на его план истребления евреев и как это отразится на экономической жизни страны.

За обедом Джеймс Макдональд и его супруга подерживали весьма оживленный разговор. Супруги Мессерсмит и супруги Маурер также обедали вместе с нами. Зашла речь и о неприятностях, возникших у Маурера из-за его корреспонденции о плохом обращении нацистов с теми иностранцами, которые отказываются приветствовать их или просто похожи на евреев. Мауреру предписано выехать из Германии не позднее 6 сентября. В конечном счете я пришел к выводу, что Маурер по-своему почти столь же неистов, как и сами нацисты, но его точку зрения я вполне могу понять.

Пятница, 18 августа. Сегодня в посольстве побывали сорок представительниц клуба американских женщин в Берлине, чтобы приветствовать нас; мистер Гордон побеседовал с ними о положении в Германии под властью нацистов.

Фриц — дворецкий в нашем новом особняке, который скорее следовало бы назвать старым и в котором мы ведем такой образ жизни, что присутствие дворецкого просто необходимо — явился ко мне сегодня в 9 часов и доложил, что меня спрашивает по телефону некий

профессор Лангбейне. Взяв трубку, я узнал голос профессора Коура, который и в самом деле достаточно длинноног! * Коур сообщил мне, что один его знакомый вернулся вместе с Гессом из поездки к фюреру. Фюрера он называл № 1, Гесса — № 2, а своего знакомого — № 3. По его словам, Гитлер несколько не изменил своих позиций. Коур говорил так, что если бы кто-нибудь и вздумал подслушивать наш разговор, он все равно ничего бы не понял и не догадался бы, о ком идет речь. Интересно, что за игру ведет Коур? Но положение в Германии сложное, и я стараюсь разобраться в нем.

Суббота, 19 августа. Министерство иностранных дел прислало мне и всем другим членам дипломатического корпуса приглашение присутствовать на торжественном съезде членов нацистской партии с участием самого фюрера, который должен был состояться в Нюрнберге 2 и 3 сентября. Германское правительство оплатило специальный поезд и номера в гостинице. Было очевидно, что приглашение разослано по приказу гитлеровских главарей, тем более, что в первом же абзаце письма трижды повторялось слово «партия». Я сразу понял, что мое присутствие на этом сборище поставит меня в неловкое положение, и решил поехать лишь в том случае, если послы всех других государств примут это приглашение. Я попросил мистера Гордона выяснить, как относятся к этому приглашению французы, а сам продолжал раздумывать, не отказаться ли мне даже в том случае, если все остальные дипломаты поедут туда.

Понедельник, 21 августа. Сегодня я был на завтраке, устроенном доктором Гансом Дикгофом¹⁹ в гостинице «Адлон» на Унтер ден Линден. Ректор американского университета в Южной Калифорнии Руфус фон Клейншмид был его почетным гостем. Около двадцати представителей правительственных кругов присутствовали на этом изысканном завтраке, где подавалось три сорта вин. Я выпил всего один или два глотка.

* Немецкое слово «Лангбейне» в переводе означает «длинноногий». — *Прим. ред.*

После завтрака вокруг меня собралось несколько сотрудников министерства иностранных дел, чтобы выведать по возможности мои настроения. Особый интерес проявил ко мне министр просвещения Бернгард Руст, который совсем не говорит по-английски. Я завел речь о немецких историках — Моммсене, фон Ранке и других. Руст сказал, что евреи заставили Моммсена вычеркнуть некоторые места из его «Истории Рима», так как они бросали тень на этот «избранный народ». Я промолчал. Руст заявил, что Моммсена принудили к этому его издатели. Я снова промолчал. Кроме рассуждений по вопросам истории, я не сказал почти ничего такого, что могло бы стать достоянием гласности, но все же дал ясно понять, что сочувствую культурным деятелям Германии 900-х годов. В 4 часа я распрощался. Когда я выходил из гостиницы, метрдотель ресторана вышел, чтобы помочь мне сесть в машину. Он был немало поражен и, пожалуй, даже возмущен, когда увидел, что я *пешком* быстро зашагал в сторону посольства.

В половине пятого приехал испанский посол, чтобы посоветоваться со мной, следует ли нам присутствовать на съезде в Нюрнберге. Я был рад, что он держался без всяких условностей, так как мы оба не имели еще возможности вручить свои верительные грамоты. Я дал ему понять, что не поеду, и добавил, что все прецеденты подобного рода в истории Соединенных Штатов говорят против этого, сославшись на случай с лордом Сэквиллом в 1888 году во время президентства Кливленда и на подобный же случай с Джэксоном в 1811 году во время президентства Мэдисона²⁰. Испанский посол говорит по-немецки не хуже или, если угодно, не лучше меня. Мы подробно обсудили приглашение и пришли к единому мнению, но так как я видел его впервые, то все же не сказал ему определенно, как именно я намерен поступить.

Вторник, 22 августа. Я запросил указаний государственного департамента по поводу упомянутого приглашения и получил ответ, ни к чему не обязывавший правительство, но с оговоркой, что государственный департамент одобрит любое решение, которое я сочту правильным. Я сразу же решил, что не поеду, даже

если послы всех остальных стран решат все-таки побывать там.

Без четверти одиннадцать зашел Эдгар Маурер, чтобы переговорить по своему делу, так как государственный департамент счел нужным отозвать его. В четверть двенадцатого приехал доктор Дикгоф из министерства иностранных дел с требованием немедленного отъезда Маурера. Прежде чем перейти к истинной цели своего визита, Дикгоф долго говорил со мной на самые различные темы, но в конце концов я понял, что он боится, как бы Маурер не подвергся физическому насилию, особенно если он решит поехать в Нюрнберг, чтобы написать репортаж о нацистском съезде. Квартира и служебный кабинет Маурера уже находятся под правительственной охраной. Принимая во внимание напряженность обстановки и опасность очередной «бестактности» со стороны Маурера, я обещал посоветовать Мауреру уехать из Германии не позднее 1 сентября. Дикгоф заверил меня, что позаботится об его охране.

После ухода Дикгофа пришел группенфюрер берлинских СА (штурмовиков) Карл Эрнст с извинениями за случай с доктором Мюльвихиллом — американским врачом, работающим здесь над проблемами лечения легочных заболеваний. Мюльвихилл, стоявший на Унтер ден Линден, когда там проходил отряд штурмовиков, не счел нужным приветствовать их. За это кто-то сбил его с ног, и он был увезен в больницу в бессознательном состоянии. Мессерсмит потребовал немедленного наказания виновника, который сразу же был посажен в тюрьму. Начальник тайной полиции Рольф Дильс приказал Эрнсту принести мне извинения.

Когда этот молодой офицер, щелкнув каблуками, отдал мне нацистское приветствие, я встал, приветствовал его так, как счел наиболее уместным, выслушал принесенные на немецком языке сожаления и обещание, что подобный случай больше не повторится. Когда он кончил говорить, я пригласил его сесть и прочел ему целую нотацию об опасности, которую создает подобное поведение его единомышленников. Он торжественно заверил меня в своей искренности и решимости положить конец какому бы то ни было насилию над иностранцами. Затем он встал, вытянулся,

отдал честь, поклонился по-прусски и ушел. Все это немало рассмешило меня. В час дня я сообщил Мессерсмиту, что нацисты поспешили принести свои извинения. Он ответил: «Все будет продолжаться по-прежнему».

Среда, 23 августа. Все утро я был очень занят, а освободившись, поехал к заместителю министра иностранных дел фон Бюлову в его канцелярию на Вильгельмштрассе. Меня сопровождал мистер Гордон, *persona non grata** в министерстве иностранных дел; по дороге он сказал мне: «Меня, наверное, заставят ждать за дверью добрых полчаса». Однако уже через две минуты фон Бюлов вышел к нам в приемную. Усевшись вокруг стола, мы дружелюбно побеседовали о мерах по ликвидации безработицы и о международных делах. Я собрался было уходить, но задержался еще на минуту, чтобы сказать несколько слов о дяде фон Бюлова, оставившего после себя, как известно, интереснейшую автобиографию. Я, однако, коснулся лишь его книги «Германская политика», опубликованной в 1916 году и представляющей собой исчерпывающий критический обзор внешней политики Германии до 1914 года, причем автор ее говорит также о неумении немцев улаживать свои международные дела.

В тот же день в половине пятого Бюлов нанес мне ответный визит и пробыл у меня около часа. Мы пришли к соглашению по большинству затронутых нами вопросов. Я рассказал об извинениях, принесенных Эрнстом, и он обещал сделать все, что в его силах, чтобы побудить департамент полиции принять меры к пресечению подобных инцидентов в дальнейшем. Бюлов признал, что отношения Германии с другими странами весьма обострились и что «враждебность, которую американские евреи питают к Германии, наносит ей большой ущерб».

На мой вопрос, предполагаются ли какие-либо агрессивные действия на границах с Францией или Австрией, Бюлов ответил:

— Мы не предпримем ни одного агрессивного шага, но независимо от Версальского договора мы должны

* Нежелательное лицо (лат.). — Прим. ред.

будем создать противовоздушную и противотанковую артиллерию, если Франция не прекратит вооружаться. Если другие страны нарушают условия договора и вооружаются, то Германия также имеет на это право. По этому вопросу мы, немцы, единодушны, но не думайте, что вся эта муштра по улицам носит исключительно воинственный характер. Нет, она вызвана потребностью дисциплинировать наших безработных!

Я промолчал. Потом мы поговорили на другие, менее животрепещущие темы, но Бюлов еще раз вернулся к тому же вопросу, сказав: «В Нюрнберге канцлер произнесет миролюбивую речь».

Я ответил, что рад слышать это, но умолчал о своих сомнениях и о принятом мной решении не ездить в Нюрнберг. Мы расстались весьма дружелюбно.

Пятница, 25 августа. Меня посетил доктор Карл Венер из газеты «Берлинер тагеблатт», который недавно опубликовал в этой газете весьма обстоятельную рецензию на мою книгу «Царство хлопка». Он пришел переговорить со мной о возможности рецензирования других моих книг. Я дал ему экземпляр своей книги о Вудро Вильсоне, но не для рецензирования, а для ознакомления с моими взглядами на экономические и международные проблемы эпохи Вильсона. Доктор Венер обещал зайти ко мне, когда прочтет книгу. Интересно, придет ли он?

В 12 часов пришел Джордж Сильвестр Вирек, который вручил мне письмо от полковника Хауза. Вирек произвел на меня впечатление человека неустойчивого. Он — искренний сторонник нацистов и приехал сюда, чтобы повидаться с представителями правительства. Мы пригласили его к завтраку, но и за столом я по-прежнему не мог отделаться от ощущения, что говорить с ним откровенно не совсем безопасно. Его манера держать себя внушает мне опасения. Думаю, что ему удалось ввести в заблуждение полковника Хауза, которому следовало бы быть осмотрительнее. Вирек сообщил, что собирается поехать в Нюрнберг, а по возвращении оттуда навестит нас, и, если мы ничего не имеем против, приведет с собою юного принца Фридриха Гогенцоллерна,

Суббота, 26 августа. Ответил на приглашение германского правительства поехать в Нюрнберг, отклонив его под предлогом сильной занятости, хотя действительной причиной отказа было то, что я не одобряю это приглашение правительства на партийный съезд. К тому же я был уверен, что поведение руководящей клики может поставить меня в неудобное положение.

Понедельник, 28 августа. Приехал Г. К. Маклин, старший коммерческий атташе Соединенных Штатов в Европе. Его постоянная резиденция находится в Париже. В нашей беседе принял участие и коммерческий атташе в Берлине Дуглас Миллер, который свободно владеет немецким языком и женат на немке. Я впервые познакомился с его деятельностью за день или за два до этого, когда он представил мне прекрасно составленный доклад об условиях, создавшихся в Германии при гитлеровском режиме.

Еще более интересным был визит Г. В. Кальтенборна, европейского обозревателя радиовещательной компании «Колумбия бродкастинг систем». В его задачу входит оценивать деятельность Гитлера и нацистского движения и готовить материалы для неофициальных радиопередач в Соединенных Штатах о современной Германии.

Вторник, 29 августа. Снова заходил Карл фон Виганд. Он только что совершил поездку в Вену, Женеvu, Париж и Лондон и рассказал теперь много удивительного. По его словам, он имел шестичасовую беседу с австрийским канцлером Ангельбертом Дольфусом во время их совместной поездки на автомобиле по горным дорогам Австрии. Дольфусу удалось предотвратить подготовленный гитлеровцами переворот на австрийской границе, который был намечен на 1 сентября. Это удалось ему благодаря возросшему в Австрии чувству неприязни к нацистам и вмешательству Муссолини, вставшего на сторону Дольфуса.

По словам Виганда, Дольфус заявил: «После большого сентябрьского съезда партии в Нюрнберге не будет и речи об организации каких бы то ни было путчей». Я согласился с ним и был даже склонен думать, что отказ представителей Франции, Англии, США

и Испании присутствовать на нацистском съезде также сыграет известную роль в этом вопросе.

Виганд рассказал мне, что Франция заканчивает переговоры о заключении договора с Россией (Эдуард Эррио выехал тогда в Москву), согласно которому Россия должна будет во всем поддерживать Францию против Германии²¹. Вскоре, добавил он, будет доказано, что Германия закупила в России огромное количество материалов, необходимых в авиастроении, но Франция конфисковала их, как приобретенные в нарушение Версальского договора. Франция и Англия — союзники, и, если Германия предпримет какие-либо агрессивные шаги, они выступят единым фронтом и объявят ей сначала бойкот, а затем, если это окажется нужным, — блокаду.

Наконец, Виганд рассказал, что вчера вечером он телеграфировал, вернее, телефонировал, лондонскому отделению агентства Херста текст завещания, подготовленного президентом Гинденбургом, согласно которому: 1) на германский престол должен вступить один из представителей династии Гогенцоллернов; 2) Гитлер остается канцлером с ограниченными полномочиями и 3) восстанавливается система народного представительства в правительстве.

Я спросил Виганду, не рисковано ли передавать подобным путем текст завещания?

— Ничуть, — возразил он, — я уверен в достоверности этих сведений. Я получил их от одного из близких друзей Гинденбурга, и полагаю, что они должны стать достоянием всего мира. Конечно, германская тайная полиция знает о том, что я сделал. Судя по некоторым признакам, начальник полиции Дильс вскоре вызовет меня к себе для объяснений.

Я сказал ему, что он не должен доводить до того, чтобы ему предложили покинуть страну. Пусть пример Маурера послужит ему уроком в этом отношении. Мне показалось, что Виганд, пожалуй, не прочь стать мучеником. Во всяком случае, я был несколько удивлен его рассказом.

К концу дня меня посетил корреспондент «Сэттердей ивнинг пост» Уайтинг Вильямс, рассказавший весьма странную историю о постигшем Россию бедствии. Его очерк (10 тыс. слов) о миллионах голодающих

крестьян в России должен вскоре появиться в печати²². Он просил меня дать ему рекомендательное письмо к президенту Рузвельту, и я обещал исполнить его просьбу, если представится возможность. Однако я не уверен, следует ли давать ему такое письмо — очень уж трудно поверить, что в Советской России действительно голодают 20 миллионов человек!

Среда, 30 августа. Вместе с сотрудниками посольства я отправился вручать свои верительные грамоты президенту Гинденбургу. Ради этого случая мы надели фрак и цилиндры. Моя речь, напечатанная на трех страницах, не была оригинальной, если не считать того, что я говорил в ней о «немецком народе» и заявлял, что интеллектуальная жизнь Германии представляет большой и серьезный интерес для народа Соединенных Штатов. В ответной речи, произнесенной в весьма энергичных выражениях, президент особо отметил сказанное мной о немецком народе и немецкой культуре. Затем мы с президентом сели на «привилегированное» место на диване, а руководители министерства иностранных дел Нейрат и Бюлов и секретарь президента Ганс Отто Мейсснер разместились за столом напротив нас.

Разговор зашел о президенте Рузвельте и об экономических проблемах, стоящих перед Соединенными Штатами и Германией. Я рассказал, что в Вашингтоне немало разногласий по поводу позиции президента, но сам он является противником политики «экономического национализма», которую ему усиленно навязывают в последнее время. Фон Гинденбург весьма энергично выразил свои сомнения в целесообразности подобной политики при наличии нужды и безработицы. Он столь усиленно подчеркивал значение международных связей, что создавалось впечатление, что он таким путем косвенно критикует экстремистские элементы нацистской партии.

Мы дружелюбно беседовали минут пятнадцать о моих студенческих годах и о старых преподавателях истории в университете, после чего я собрался уходить. Решив, что нам и в самом деле пора, я встал и прошел в соседнюю комнату, где представил президенту со-

трудников посольства. Покончив с этим, я распрощался с президентом и торжественно прошел к выходу, сопровождаемый слева Бассевицем²³ в парадном мундире, а за нами следовали сотрудники посольства. Когда мы садились в машину, по обе стороны улицы выстроилось по команде «смирно» несколько рот рейхсвера. Итак, церемония вручения верительных грамот свершилась, и я стал наконец аккредитованным по всей форме дипломатическим представителем Соединенных Штатов в Берлине.

В 5 часов я нанес визит папскому нунцию, живущему в роскошном дворце, который совершенно не вяжется ни с сутаной, ни с аскетическим обликом его обитателя. Минут пятнадцать мы довольно свободно беседовали друг с другом по-немецки. Нунций сообщил, что он не сможет поехать в Нюрнберг, так как должен присутствовать на конференции католиков в Трире. Я спросил его, остались ли еще, по его мнению, где-либо в мире истинные христиане. Он пожал плечами, но все же ответил утвердительно. Я спросил, каково его мнение о конкордате, заключенном между папой и Гитлером²⁴, и он сказал, что вполне одобряет эту идею. В заключение нашей беседы он решительно высказался за полную свободу религии и за отделение церкви от государства! И это говорил ортодоксальный католик!

Четверг, 31 августа. Сегодня мы завтракали с несколькими немецкими учеными, которые оказались очень приятными людьми. Беседа велась на немецком и английском языках и носила весьма возвышенный характер. За столом присутствовало также несколько нацистских чиновников. Я рассказал немцам, каким образом президенту Рузвельту удастся привлечь на свою сторону общественность, в том числе и своих противников, не прибегая при этом к каким-либо принудительным мерам. Один из нацистов заметил на это: «Он поступает очень благоразумно, не испрашивая полномочий на слишком продолжительное время». Было очевидно, что все они считают, что Гитлер взял в свои руки слишком большую власть и на слишком долгий период времени. Если бы мне было известно

с самого начала, что среди присутствующих находится несколько крупных нацистов, я, пожалуй, постарался бы дать иное направление всей беседе.

Пятница, 1 сентября. Сегодня Генри Манн из «Нэшнл сити бэнк» рассказал мне о разговоре, который он и мистер Олдрич имели дней десять назад с канцлером в его летней резиденции. Гитлер сказал им приблизительно то же самое, что и профессору Коуру. Он фанатически ненавидит евреев, чрезвычайно плохо разбирается в международных делах и к тому же мнит себя чем-то вроде немецкого мессии. Несмотря на все это, оба банкира считают, что с Гитлером можно вести дела.

Вторник, 5 сентября. Меня посетил исполненный достоинства папский нунций. Мы приятно побеседовали на немецком языке, который служит нам единственным средством общения. В 5 часов я нанес свой второй официальный визит — поехал к французскому послу Андре Франсуа-Понсе²⁵, который занимает великолепный дворец на Унтер ден Линден, рядом с Бранденбургскими воротами — сооружением, воздвигнутым в память победы над Францией. Мы немного поговорили по-английски на самые общие темы. Я пробыл там всего двенадцать минут.

Среда, 6 сентября. В 11 часов зашел фон Приттвиц, бывший германский посол в Вашингтоне. Он говорил о проблемах, стоящих перед гитлеровским правительством, и чувствовалось, что он боится быть откровенным. Роберт Бэкон из Нью-Йорка, член палаты представителей, говорил мне в свое время, что Приттвицу грозил арест, но, по словам самого Приттвица, рейхс-канцлер удостоил его недавно личной аудиенции и принял вполне благосклонно.

Приттвиц собирается открыть в Берлине торговую контору и надеется выгодно использовать свои американские связи. Он произвел на меня впечатление дипломата хорошей школы, оказавшегося в немилости у своего правительства.

Позднее мы с женой и Мартой направились к доктору Дикгофу, устроившему в Далеме официальный завтрак. На завтраке присутствовали директор рейхс-

банка доктор Шахт, мэр Берлина Замм с женой (его рост — 7 футов, а ее — 6 футов, причем она страдает к тому же некоторой полнотой) и другие лица из правительственных кругов. После завтрака, когда мы вышли из столовой, Шахт рассказал мне о своей беседе в мае этого года с президентом Рузвельтом, который, по его словам, заслуживает всяческого восхищения. Шахт спросил Рузвельта, почему в Берлине нет американского посла. Президент ответил, что ему нелегко найти человека, знакомого с жизнью Германии, сочувственно относящегося к проблеме, стоящей сейчас перед ее народом, и знающего немецкий язык.

Шахт выразил также сожаление, что я не смог побывать в Нюримберге. Я без обиняков возразил ему, что меня приглашали на партийный съезд, а в Соединенных Штатах считается крайне неуместным для посла или посланника принимать подобные приглашения. В подтверждение этого я сослался на прецедент с лордом Сэквиллом в 1888 году и другие аналогичные случаи. Шахту, да и другим немцам, это, видимо, никогда до сих пор не приходило в голову. Завтрак прошел в приятной атмосфере, причем разговор велся большей частью на немецком языке. Нам подавали утку с тушеной капустой.

Четверг, 7 сентября. Мои сотрудники, знающие толк в дипломатическом этикете, сказали мне, что вслед за вручением своих верительных грамот президенту Германии я должен устроить прием для всех членов дипломатического корпуса. Они полагали, что соберется человек сорок или пятьдесят. Хотя приглашения были уже разосланы, мне еще до наступления назначенного дня сообщили, что каждый дипломат приедет в сопровождении своих сотрудников.

И вот сегодня в 5 часов вечера к нам начали съезжаться гости. Готовясь к приему, мы украсили комнаты посольства: повсюду было много цветов, а огромная чаша для пунша была доверху наполнена соответствующим содержимым.

Мистер Гордон и я, а также граф фон Бассевиц — чиновник протокольного отдела — представляли гостям прибывавших послов и посланников. Приехало много видных лиц, в том числе Нейрат, Шахт и французский

посол. Гости говорили о всяких пустяках, представители разных стран оживленно общались друг с другом и оставили в нашей книге для гостей более двухсот записей. Прием вполне удался и стоил нам всего 700 марок.

Пятница, 8 сентября. Сегодня меня посетил испанский посол Луис Сулуэта, и мы около получаса беседовали с ним по-немецки. Он произвел на меня впечатление весьма разумного и знающего человека. В свое время он был профессором философии Мадридского университета и, таким образом, мы с ним оказались близкими по своему складу людьми.

Понедельник, 11 сентября. Я нанес ответные официальные визиты ирландскому и венгерскому посланникам. Последний занимает весьма скромное помещение на третьем этаже какого-то очень древнего дома. Он показался мне весьма приятным и рассудительным человеком, как, впрочем, большинство подобных людей. Он говорил о том, что Венгрия должна быть снова присоединена к Австрии, и обе эти страны экономически должны примкнуть к Германии.

Выложив, таким образом, карты на стол, венгерский посланник тем самым поступил совершенно недипломатично.

Затем я нанес ответный визит испанскому послу, обосновавшемуся в прекрасном дворце, построенном и обставленном в годы расцвета германского империализма и слишком уж изысканном для скромного и интеллигентного представителя современной Испании, если только таковая вообще существует. Было очевидно, что мы гораздо более сродни друг другу, чем можно было бы ожидать.

Вечером мы все отправились на званый обед к профессору Эриху Марксу, моему университетскому учителю. Собралось очень интересное общество: два молодых офицера рейхсвера — сыновья профессора, чиновник министерства иностранных дел — некий Дрекслер с женой — голландкой, отличавшейся чувством юмора и пышными волосами, госпожа Маркс и другие члены их семьи. Разговор касался истории и политики и был весьма оживленным, так как Маркс обладает поразитель-

тельным чувством юмора. Беседовали мы по-немецки и по-английски.

Вторник, 12 сентября. В 12 часов, на полчаса раньше назначенного срока, приехал мосье Франсуа-Понсэ и пробыл у меня минут сорок. Начав говорить по-английски, мы вскоре перешли на немецкий язык, которым французский посол владеет очень хорошо, так как до мировой войны учился в Берлине. С самого начала было видно, что он чем-то взволнован. Он рассказал мне об очень неприятном разговоре, который был у него накануне с бароном Нейратом. Было ясно, что у них возникли крупные разногласия и он хотел дать мне понять, насколько напряженными стали отношения между французами и немцами.

— В прошлое воскресенье, — сказал он мне, — они показали многочисленным зрителям спектакль, где Германия была представлена великой страной, к которой обращаются две отторгнутые у нее территории с мольбой снова принять их к себе. Немецкий народ представляли коричневорубашечники и замученные, беспомощные узники. «Французские солдаты» были вооружены до зубов, англичане и американцы стояли рядом, одобрительно взирая на них. Вся эта инсценировка имела целью возбудить у немцев сильнейшую ненависть к Франции и к другим странам мира. Я заявил решительный протест министру иностранных дел, но он лишь пожал плечами и обещал, что подобные выпады не повторятся. Мне ясно, что он бессилён что-либо сделать, даже если бы и захотел.

Франсуа-Понсэ, этот приятный, солидный человек, был глубоко взволнован. Он уверял меня, что война почти неизбежна. Мне, однако, кажется, что экономическое положение в стране сейчас лучше, чем когда-либо с того времени, как я здесь. Нацисты настолько подчинили себе прессу и ее руководителей и осуществляют над ними такой строгий контроль, что, мне кажется, еще некоторое время, может быть даже целый год, нельзя ожидать какого-либо взрыва. Что же касается международных отношений, то в этой области все слишком проблематично, чтобы предвосхищать будущее.

Я спросил Франсуа-Понсэ, читал ли он перевод статьи Ллойд Джорджа, помещенный в последнем но-

мере «Фоссише цейтунг». Получив отрицательный ответ, я привел ее основные положения и заключительный вывод автора статьи в отношении последней войны: «Если бы все повторилось заново, то мое решение было бы точно таким же, как и тогда».

— Да, англичане вновь склоняются к признанию того, что Германия угрожает миру в Европе, — заметил французский посол. И он снова принялся убеждать меня, что, если Соединенные Штаты и Англия не придут на помощь Франции, мир опять будет вовлечен в большую войну.

— Немцы вновь играют с огнем, как в 1914 году, и я сказал это вчера Нейрату, — добавил он в заключение.

Я спросил его, не слыхал ли он, как ко всему этому относится Гинденбург? Он повторил точь-в-точь то, что Карл фон Виганд рассказал мне неделю или две назад о желании Гинденбурга возвести на трон одного из Гогенцоллернов, о назначении Гитлера канцлером и о созыве чего-то вроде национального собрания.

— Но, — добавил он, — вряд ли кто-либо из Гогенцоллернов годится для того, чтобы вступить на трон. Кронпринц — праздный и безвольный человек, а его сыновья еще малы и к тому же не подают особых надежд. Помимо всего этого, Геббельс не допустит осуществления завещания Гинденбурга. Ему хочется посадить на трон гессенского герцога и самому стать истинным правителем.

Я подумал, что немецкий народ склонен скорее прислушаться к голосу своего президента и что более вероятно возведение на престол одного из Гогенцоллернов, чем гессенского герцога, этого отъявленного юдофоба.

Четверг, 14 сентября. Сегодня бельгийский посланник граф де Кершов целых полчаса говорил со мной об опасности перевооружения Германии. По его словам, Бельгии надлежит всегда полагаться скорее на поддержку Англии, чем Франции.

В четверть первого я отправился переговорить по некоторым вопросам с бароном Нейратом, у которого я пробыл до часу дня. Нейрат согласился со мной, что действия, предпринимаемые нами в отношении Латинской Америки и выразившиеся в созыве конференции в Монтевидео, могут иметь серьезные последствия для Герма-

нии, если решения этой экономической конференции будут направлены против мероприятий, намеченных конференцией в Лондоне. В качестве примера нецелесообразных действий Германии в сфере внешнеэкономических сношений я сослался на попытку, предпринятую в начале августа «Северогерманским Ллойдом» с целью помешать немецким и другим пассажирам пользоваться какими-либо судами, кроме германских. Я объяснил, какие роковые последствия для немцев имел бы такой порядок, если бы и американцы, следуя их примеру, поступили таким же образом в Нью-Йорке и лишили бы германские пароходные линии 80 процентов пассажирских перевозок. Нейрат был, видимо, поражен моими доводами и открыто признал наивность германских властей в подобных делах.

Я заговорил о случаях избиения американцев на улицах немецких городов только за то, что те не сочли нужным отдать гитлеровское приветствие проходящим в строю нацистам. Я сослался на случаи с Мюльвихиллом, Броссаром и сыном Г. В. Кальтенборна и отметил отсутствие каких-либо сообщений о наказании виновников. Хотя группенфюрер Эрнст, сказал я, принес мне официальные извинения по делу Мюльвихилла, власти, по всей видимости, не уделяют этому вопросу должного внимания. Я признал, что американцы пренебрегают подобными вещами, но указал, что это их право, и что они очень редко приветствуют свой флаг, когда видят проходящих в строю солдат. Это просто у них не в обычае. Он ответил, что учитывает всю серьезность создавшегося положения, особенно если государственный департамент объявит, что американцам небезопасно ездить в Германию. Я разъяснил ему отношение американской прессы к таким инцидентам и сказал, что я уже два или три раза предотвратил огласку подобных случаев и пытался также другими путями помешать недружелюбным выступлениям по отношению к Германии. Нейрат заверил меня, что он уже обсуждал недавно этот вопрос с Герингом — президентом Пруссии и начальником полиции, а также с канцлером, причем оба они признали необходимость более строгого соблюдения законности. Он сослался также на заметку, появившуюся в газетах дня два назад, в которой говорилось, что подобные инциденты являются делом рук коммунистиче-

ских элементов, проникших в отряды СА (штурмовиков). Нейрат полагал, что теперь с этим будет покончено. Что ж, будем надеяться.

Затем мы заговорили о преследованиях евреев; этот вопрос, видимо, доставлял ему куда больше хлопот. Гитлер собирается сместить евреев со всех ответственных постов и даже изгнать их из Германии. Нейрат сказал, однако, что несколько дней назад, когда он был на стадионе в Баден-Бадене, рядом с ним сидело трое видных евреев, которых никто не пытался оскорбить. Я рассказал ему о событиях, имевших место в Соединенных Штатах после 5 июля, о ходе бойкота в Америке и Англии и о стремлении прессы мобилизовать мировое общественное мнение. Упомянул я и о том, что ко мне приходят с жалобами многие видные либералы. Нет надобности, сказал я, пересказывать все известные мне случаи преследований и даже убийств евреев, все и так совершенно ясно.

Фон Нейрат спросил: «Разве в США не существует еврейского вопроса?» «Да, — согласился я, — некоторые считают, что он существует». Затем, снова высказав свое возмущение преследованием евреев в Германии, я добавил:

— До тех пор пока такие видные руководители, как Гитлер и Геббельс, будут заявлять во всеуслышание, как это было в Нюрнберге, что евреев нужно стереть с лица земли, вы не можете ожидать, что мировая общественность изменит свое мнение о вас к лучшему.

Мои слова, как уже случалось раза два и раньше, немало смутили Нейрата. Однако, сожалея, видимо, о действиях германских властей, он не обещал мне никаких перемен.

Уже встав, чтобы уйти, я спросил:

— Как вы считаете, будет война?

— Нет, — ответил он. — Ни в коем случае!

— Вы должны понять, что новая война погубит Германию.

Нейрат согласился с этим и добавил:

— В среду я уезжаю в Женеву. Там я выступлю в поддержку требований США о сокращении вооружений и надеюсь, что Норман Дэвис добьется успеха.

Я ушел, несколько недовольный собой за то, что позволил себе излишнюю откровенность и резкость в раз-

говоре. Но, кажется, это все же не испортило хорошего настроения министра.

Пятница, 15 сентября. Сегодня выдался один из любопытнейших дней! Прусские власти пригласили членов дипломатического корпуса на официальное открытие Государственного совета, призванного заменить прежнюю германскую верхнюю палату. Поскольку дело носило чисто официальный характер, я решил принять приглашение. По обеим сторонам улиц, начиная от Викторияштрассе и до университета, тесными рядами выстроились штурмовики, растянувшись почти на целую милю. Их было, пожалуй, не менее ста тысяч.

У Бранденбургских ворот развевались прусский и гитлеровский флаги и стояли навтыжку солдаты. Я сделал им полусутошный, если не насмешливый, знак приветствия, который был истолкован корреспондентами как моя уступка партийным руководителям. Собственно говоря, приветствие это вообще было неуместно, поскольку я ехал без цилиндра, а в Соединенных Штатах в таких случаях не принято отдавать честь. Но нацисты не понимают этого. С одной стороны, неловко не помахать рукой приветствующим тебя людям, но с другой — каждый такой жест может быть истолкован как знак гитлеровского приветствия. Так или иначе, я помахал рукой, став, таким образом, в глазах некоторых корреспондентов сторонником нацистов. Но я решил, что мои высказывания будут говорить сами за себя.

Я занял отведенное мне место справа от трибуны. Рядом со мною сидел папский нунций. Я залюбовался великолепным залом. Понемногу начали заполняться места в середине зала, предназначенные для руководителей нового, нацистского государства. Прошел к своему креслу, расположенному в самом центре, толстый и, на мой взгляд, нелепо выглядевший Герман Геринг, которого сопровождала целая свита нацистов. Остановившись, он приветствовал собравшихся по-гитлеровски: щелкнул каблуками, поднял вверх правую руку и резко, на прусский манер, поклонился. Члены дипломатического корпуса, следуя примеру папского нунция, ответили ему обычным поклоном в сдержанной англо-американской манере.

Геринг — этот прусский министр в гитлеровской форме — разглагольствовал очень долго, но я мог уловить лишь отдельные отрывки его речи, так как сидел с краю, далеко от него. Он возносил до небес новый государственный строй и «третий рейх». Три или четыре раза я уловил презрительные замечания в адрес изжившей себя парламентарной системы. Какая ирония! На следующей неделе начинается суд в Лейпциге над тремя или четырьмя людьми, обвиняемыми в измене и поджоге старого здания рейхстага²⁶, и тем не менее этот человек, занимающий второе после Гитлера место у кормила власти, предает анафеме парламентаризм, как измену германизму.

Торжественное собрание закончилось около половины первого, после чего члены дипломатического корпуса заняли места, отведенные им на площадке перед университетом, откуда они могли наблюдать парад многотысячных отрядов прусской полиции, штурмовиков и членов «Стального шлема». Некоторые гитлеровцы маршировали, не сгибая колен, нелепым «гусиным шагом», который был у них прекрасно отработан. Когда же мимо нас проследовал кавалерийский дивизион, я слегка тронул локтем сидевшего рядом со мной папского нунция и прошептал: «Вы заметили, что лошади идут не в ногу, а так, как они привыкли ходить от рождения? Чем объяснить, что они не столь же послушны?» Моя шутка не дошла, видимо, до почтенного папского сановника или же он не решился показать, что понял ее. Лошади привели меня в восторг.

Суббота, 16 сентября. Сегодня меня посетил Виганд, только что вернувшийся из Англии, где он пробыл пять дней, и рассказал о планах англичан, которые, как ему кажется, пахнут войной.

— Английский кабинет, — сообщил он, — официально рассмотрел план блокады Германии на случай войны. Согласно этому плану Франция, Англия, Польша, Россия, Чехословакия и Австрия должны будут объединенными силами блокировать ввоз и вывоз военных и других материалов из Германии и в Германию. Бельгия также должна будет присоединиться к блокаде. План представлен кабинету, но никаких решений пока не принято.

Понедельник, 18 сентября. Меня посетил молодой Реймер Кох-Везер, сын бывшего прусского министра юстиции, учившийся в свое время в Новой Англии и состоящий теперь на службе в одной из нью-йоркских юридических контор. Он просил меня использовать свое влияние, чтобы помочь его отцу снова получить право заниматься адвокатской практикой в Берлине. Дед его отца был евреем, и поэтому отец его лишен теперь возможности зарабатывать себе на жизнь в Германии. Он оставил мне две книги старшего Кох-Везера в подтверждение права последнего на некоторую благосклонность властей к нему, как к умеренно консервативному писателю. Я мог ответить ему то же, что мне приходилось после 14 июля повторять уже много раз, а именно, что я совершенно не правомочен обращаться по подобным вопросам к кому-либо из германских официальных лиц. Он выразил надежду, что мне представится случай неофициально коснуться этого вопроса и способствовать его разрешению. Я не предвидел в ближайшем будущем возможности помочь Кох-Везеру, так как германские власти настроены к нему крайне враждебно.

Четверг, 21 сентября. В полдень меня посетил молодой Герберт фон Бисмарк. На вид ему можно дать лет 28, и внешне он производит вполне приятное впечатление.

— Вы как внук величайшего государственного деятеля во всей истории Германии находитесь сейчас в довольно невыгодном положении, — пошутил я.

— Да, вы правы, — согласился он, слегка покраснев. Я спросил его, как относился Бисмарк к аннексии Эльзаса и Лотарингии в 1871 году. На мой взгляд, сказал я, переписка его деда, бывшего в то время премьер-министром Германии, свидетельствует о том, что, имея он возможность поступать по-своему, он не допустил бы этой грубой ошибки. Мой собеседник сразу же признал, что Бисмарк действительно выступал в этом вопросе против кайзера Вильгельма I и фон Мольтке и предлагал передать эти столь долго бывшие спорными области Швейцарии. Мы поговорили затем о безрассудных действиях большинства полководцев, выигрывавших войны, и о положении в Германии. Во время разговора на эту тему Герберт фон Бисмарк, между прочим, признался,

что он одобрительно относится к нацистскому режиму. Мы расстались несколько преждевременно благодаря любезности моего секретаря, который «по ошибке» беспокоил нас слишком рано.

Пятница, 22 сентября. В 5 часов приехал посланник Френсис Уайт, долгое время занимавший пост заместителя государственного секретаря и ведавший странами Латинской Америки. Он хотел побеседовать со мной о положении в Германии. Уайт пробыл месяц в Праге, где приводил к порядку знаменитый особняк Чарльза Р. Крейна из четырнадцати комнат, чтобы устроиться в нем с женой и ребенком. Этот ремонт недешево обошелся нашему правительству. Уайт произвел на меня впечатление преданного и усердного работника, который, однако, плохо разбирается в европейской обстановке.

К обеду пришли Уайт с супругой, принц Фридрих Гогенцоллерн — сын кронпринца, живущий теперь в Потсдаме, и Эрнст Ганфштенгль, довольно богатый и немного странный человек, приверженец Гитлера с 1921 года. Вечер прошел интересно. Принц оказался очень скромным и тактичным человеком. Ганфштенгль, бывший в пору молодости Теодора Рузвельта бойким студентом Гарвардского университета, пришел в ярость, когда кто-то упомянул имя «Тедди-младшего». После обеда Ганфштенгль играл на рояле. Гости разошлись к половине одиннадцатого — в самое подходящее, на мой взгляд, время.

Понедельник, 25 сентября. В 8 часов к обеду приехал директор рейхсбанка Шахт и с ним сенатор Макэдду. Оба они очень умные и своенравные люди. Сенатору 70 лет, но ему с трудом можно дать 55. Шахту, если не ошибаюсь, около 50, но он выглядит старше своего возраста. Мне впервые довелось слышать такую интересную и умную беседу на финансовые темы, как сегодня. Оба гостя ушли вместе. Это был один из по-настоящему интересных обедов за время моего пребывания в Берлине.

Среда, 27 сентября. Сегодня утром заехал лорд Астор из семьи Асторов, хорошо известных в Нью-Йорке и Лондоне, и рассказал, что ведущие бостонские проповедники «Христианской науки» просили его поехать

в Германию, чтобы заявить протест против роспуска организаций «Христианской науки» в Южной Германии, где одна из этих организаций в Веймаре подверглась жестокому преследованию. Я уже знал обо всем этом и даже успел получить телеграфный запрос от государственного департамента. Вспомнив об обещаниях, данных Нейратом 14 сентября, я сказал лорду Астору, что германские власти, видимо, уже исправили дело и что он может не беспокоиться. Старая история: опрометчивые действия неопытных местных нацистских властей ведут к тяжелым и труднопоправимым последствиям.

Я посоветовал лорду Астору остаться в Берлине, познакомиться с положением вещей на месте, попытаться встретиться с канцлером Гитлером и убедить его поддержать в Женеве фон Нейрата, а не Геббельса, который выставляет Германию более воинственной и безрассудной, чем она есть на самом деле. Он согласился с моими доводами, и я договорился с корреспондентом агентства Ассошиэйтед Пресс Луисом П. Лохнером о том, что он попытается помочь Астору получить аудиенцию у Гитлера. Астор оказался значительно более интересным человеком, чем я мог предполагать, вспоминая то впечатление, которое он произвел на меня десять лет назад в Чикаго, во время нашей встречи в Хэлл-Хаузе*.

Пятница, 29 сентября. Сегодня к завтраку приехали лорд Астор и Бюлов, один из заместителей министра иностранных дел Германии. За столом произошел довольно интересный обмен мнениями относительно восстановления экономики, но никто не сказал ничего существенного о сохранении всеобщего мира — проблеме, имеющей решающее значение. Разрешению этой проблемы лорд Астор намеревается всячески способствовать здесь после оказания помощи своим единоверцам по «Христианской науке».

После ухода гостей мы с лордом Астором перешли в библиотеку, и он сказал мне:

— В шесть часов я иду на прием к Гитлеру. Нет ли

* Хэлл-Хауз — дом благотворительного общества в Чикаго, названный так в честь первого его владельца Чарльза Хэлла. — *Прим. ред.*

у вас каких-нибудь пожеланий, по поводу которых я мог бы поговорить с ним?

— Если вы сумеете убедить его, как важно для Германии не только улучшить отношения с Англией и Соединенными Штатами, но и подписать договор о разоружении в Женеве, то тем самым вы будете способствовать тому, о чем я уже говорил с руководителями министерства иностранных дел, — ответил я ему.

Мы поговорили еще несколько минут, и лорд Астор ушел, не питая особой надежды на успех.

В половине седьмого я вместе с советником Гордоном, который очень хотел сопровождать меня, отправился к Бюлову. Но так как Гордон не особенно ладит с Бюловым, а тот в свою очередь, как я заметил во время нашего последнего визита, также не питает к нему больших симпатий, я предложил поехать с нами и первому секретарю посольства Джозефу Флэку. Флэк подготовил данные, которые были нам необходимы для обсуждения так называемой системы квот, введенной из-за долгов и высоких таможенных тарифов по всей Европе и направленной против Соединенных Штатов.

Точно в назначенное время мы уже сидели за столом в министерстве иностранных дел. Напротив нас заняли места Бюлов и один из сотрудников министерства. Мы начали с протеста против того, что Югославии была выделена квота на импорт чернослива по пониженному таможенному тарифу, в то время как американским садоводам, культивирующим чернослив, таких льгот не предоставлено. Объем этих поставок оказался гораздо значительнее, чем я предполагал ранее. Бюлов заявил, что это соглашение заключено на восьмимесячный срок и его нельзя уже теперь изменить. К тому же Югославия в свою очередь предоставила Германии импортные льготы. Почти целый час мы вели самые серьезные переговоры, но так ни до чего и не договорились. Лишь к концу беседы Бюлов заметил: «Нам следовало бы договориться об улучшении торговых взаимоотношений еще прошлым летом в Лондоне». Я вполне согласился с этим.

В половине восьмого мы покинули министерство, так же хорошо или так же плохо разбираясь в политике Германии, как и до этого. Тем не менее мы исполнили все, чего требовал от нас государственный департамент.

Среда, 4 октября. Заходил Чарлз Р. Крейн. Он хотел обсудить со мной содержание своей предстоящей беседы с Адольфом Гитлером. Я предложил ему, если представится возможность, обратить внимание Гитлера на следующие два фактора, которые способствуют росту неприязни к существующему режиму как со стороны иностранцев, так и со стороны самих немцев: 1) широкие круги немецких специалистов и интеллигенции, к мнению которых следует прислушаться, возмущены актами произвола и насилия со стороны многих подчиненных Гитлера и некоторых его коллег (Геббельса и Геринга). Такие акты произвола, как недавнее увольнение Мендельсона-Бартольди, внука великого композитора и известного профессора кафедры международных отношений в Гамбурге, встречают молчаливое осуждение; 2) необходимо прекратить преследование евреев. Разглашательства Геббельса (я, правда, посоветовал Крейну не называть этого имени) наносят ущерб Германии во всем мире.

В 5 часов Крейн вновь заехал к нам на чашку чая. Он провел несколько месяцев в Карлсбаде и полагает, что там можно восстановить свое здоровье лучше, чем где-нибудь в другом месте. Он говорил о своей предстоящей беседе с римским папой по поводу заключения своего рода пакта с мусульманским миром, в силу которого мусульмане обретут защиту от евреев, готовых захватить Палестину. Крейну 75 лет, и, кажется, он начинает впадать в детство. Видимо, долгие годы политической деятельности в Соединенных Штатах, а также в России, где он немало способствовал успеху возглавляемого Керенским переворота, который уступил затем место коммунизму²⁷, что заставило Крейна уехать из этой страны, и в Китае, где он был посланником президента Вильсона, несколько нарушили его душевное равновесие.

Четверг, 5 октября. Опять приходил на чашку чая Крейн. Он в восторге от беседы с Гитлером. По его мнению, канцлер не отличается особой ученостью, так же, как, например, член кабинета Вильсона Хаустон, который часто делал промахи из-за недостатка воображения. Гитлер показался Крейну бесхитростным, восторженным человеком, стремящимся внушить немецкому народу непоколебимую уверенность в своих силах, но мало све-

дущим в вопросах внешней политики. Мне это уже неоднократно приходилось слышать.

Мистер Крейн был настолько любезен, что пожелал порекомендовать мне заслуживающего доверия личного секретаря. Я, конечно, не мог принять его предложение, так как это противоречило бы правилам, установленным государственным департаментом. Хотя мне необходим такой человек, у меня нет ни средств нанять его за свой счет, ни возможности принять его на работу, если его услуги будет оплачивать кто-то другой. Дело в том, что это нанесло бы ущерб дипломатической службе. Многие состоятельные люди в корыстных интересах старались бы оказывать известную помощь должностным лицам, и особенно чиновникам дипломатической службы. Мой отказ сильно огорчил Крейна.

В половине девятого мы поехали в гостиницу «Эспланада», где нас встретил Фредерик Уэрт, председатель американского клуба в Берлине. Нас торжественно проводили в приемную. Отсюда мы с женой и группой сотрудников посольства (мистер Гордон настоял, чтобы я шел впереди своей жены, чего я не склонен был делать, и впереди остальных гостей) прошли в великолепную столовую, где нас ожидали около 150 человек, одетых по всем правилам этикета. Этот торжественный обед, обошедшийся по 8 марок с персоны, не считая вина, явился наглядным свидетельством интереса, проявленного местной американской колонией к «новому послу».

Мистер Уэрт, как это принято, представил меня собравшимся, и я выступил с речью, посвятив ее дилемме, стоящей перед Соединенными Штатами. Эта тема, по всей видимости, полностью овладела вниманием аудитории. В конце обеда от имени германского правительства выступил некий доктор Фюр из министерства иностранных дел, который напомнил собравшимся о том, что я получил свою докторскую степень в Лейпциге и что моя диссертация была опубликована на немецком языке. Доктор Фюр ни одним словом не намекнул на мой отказ присутствовать в сентябре на партийном съезде в Нюрнберге, хотя, как я слышал, этот мой поступок вызвал немало критических замечаний в мой адрес. После окончания официальных речей мы еще с полчаса поговорили с новыми знакомыми, пожали всем руки и уехали

домой. Следует отметить, что все присутствовавшие на вечере, как американцы, так и немцы, оказали мне весьма радушный прием.

Среда, 11 октября. Сегодня меня посетил голландский посланник. Он был знаком с кайзером еще во время его царствования. Посланник сказал несколько сочувственных слов о старом режиме, но я ничего не ответил на это. Разговор зашел о зверствах, чинимых нацистами, и я рассказал о позорном нападении в прошлое воскресенье на одного из служащих магазина Вулворта в Дюссельдорфе.

В последний раз перед этим почти такой же случай имел место 1 сентября. Выждав довольно долгое время и получив по телефону множество обещаний от полицейских властей, я, наконец, отправился к министру иностранных дел Нейрату и около часа говорил с ним по этому вопросу. Нейрат выразил сожаление по поводу восьми или десяти перечисленных мною нападений и обещал сделать все, что в его силах, чтобы они не повторились.

— Войска СА, — добавил он, однако, — никому не подчиняются, так что мы вряд ли сможем остановить их выходы. Но я сделаю все, что смогу, — снова заверил он меня.

Во вторник, 5 октября, я направил в министерство иностранных дел запрос с настоятельной просьбой сообщить мне о принятых мерах. Ответа не последовало, и я сделал вывод, что полиция так и не приняла никаких мер против виновников инцидента.

Я рассказал посланнику дружественных Нидерландов о своих затруднениях, и он заметил:

— С нынешней весны я тоже сталкиваюсь с подобными неприятностями. Завтра я вынужден буду говорить с Нейратом о последнем инциденте, хотя и не питаю особых надежд на благоприятный исход своей миссии. Министерство иностранных дел не пользуется достаточным авторитетом, а Гитлер не хочет одернуть нацистов, так как, видимо, не отдает себе отчета, как серьезно такие выходы могут повредить его собственному делу.

Я и сам убедился на опыте, что Нейрат занимает странную и уклончивую позицию не только в этом, но и

в более важных вопросах, касающихся международных отношений.

Я рассказал голландскому посланнику, что, судя по записке, полученной мною от испанского посла, он находится в столь же затруднительном положении. Посланник поинтересовался, что же я намерен предпринять.

— Мы можем рекомендовать Вашингтону сделать заявление о том, что в Германии американцам не гарантирована безопасность и туристам предлагается воздержаться от поездок туда, — сказал я.

Посланник заявил, что и он собирается сделать то же самое, поскольку голландцы, в том числе и он сам, никогда не станут приветствовать нацистов по-гитлеровски, а это и является главной причиной всех неприятностей.

Несмотря на свое возмущение, посланник уверен в прочности нового режима.

— Даже смерть старика Гинденбурга, — сказал он, — не повлечет за собой никаких существенных изменений. Можно подумать, — добавил он, — что вся Европа сошла с ума. Мы ссоримся и оскорбляем друг друга и чего доброго начнем еще воевать. Но война обессилит нас, и Япония, захватив Китай, вторгнется в Балтику. Я прихожу в ужас при виде тех безрассудств, которые совершают свободные народы Соединенных Штатов, Англии и Голландии!

II

12 октября 1933 г. — 4 марта 1934 г.

Четверг, 12 октября. Сегодня я был в гостинице «Ад-лон» на завтраке, устроенном Американской торговой палатой. Еще за две недели до этого было объявлено, что я выступлю перед собравшимися с речью. Текст речи на одиннадцати страницах был при мне. Советник посольства Гордон внимательно изучил его и одобрил буквально каждую фразу. Среди гостей были доктор Шахт, доктор Кепплер из министерства экономики, доктор Фиор и доктор Давидсон — оба из министерства иностранных дел, два представителя министерства пропаганды, а также многие американские и английские корреспонденты. Всего присутствовало около 200 человек, а, если верить газетам, то и все 300. Я остро ощущал всю напряженность обстановки.

Меня представили собравшимся в самых лестных выражениях как историка и дипломата. Отклонив некоторые из этих незаслуженных комплиментов, я приступил к чтению своей речи. Слушатели сразу же насторожились. Основной смысл моей речи сводился к тому, что некоторые недостаточно просвещенные государственные деятели современности имеют превратное представление о режиме, установленном в свое время Юлием Цезарем; что Англия, Франция и Соединенные Штаты пытались уже следовать политике экономического национализма и потерпели неудачу; и, наконец, что мир стоит перед альтернативой: экономическое сотрудничество или хаос, т. е. война со всеми ее последствиями.

Скрытая критика государственных руководителей Германии, Италии, Франции и Англии вызвала бурные

аплодисменты. Как сказал доктор Шахт, он и не думал, что можно найти столько доказательств правильности его точки зрения. «Вы прямо второй Филипп Меланхтон, учитель Германии»¹, — сказал мне доктор Давидсон, но его иронический тон меня не обманул. Представители Геббельса заявили корреспонденту «Нью-Йорк таймс», что они намерены опубликовать полный текст моей речи.

Позднее я узнал, что в тот же день им было запрещено делать это. Газеты «Берлинер тагеблатт», «Берзен цейтунг» и «Фоссише цейтунг» все же опубликовали на следующий день довольно пространные выдержки из моей речи и тем самым, как видно, пренебрегли рекомендациями, но не приказом министерства пропаганды.

Пятница, 13 октября. Сегодня мне пришлось заявить протест Нейрату по поводу того, что нацисты, совершившие акты насилия над американскими гражданами, все еще не понесли наказания, а также по поводу того, что министерство не выполнило мою просьбу, с которой я обратился к нему десять дней назад — поставить меня в известность о принятых мерах. В течение дня наша встреча откладывалась дважды, и только вечером Нейрат согласился наконец принять меня.

Он извинился за то, что заставил меня ждать, терпеливо выслушал мои претензии и протест из Вашингтона. Генерал Геринг, сказал он, обещал ему сообщить о наказании всех виновных, но не сдержал своего обещания.

Затем мы говорили об опасностях, которым подвергается Германия, и о росте враждебности к ней за рубежом. Нейрат вновь заверил меня, что полностью согласен с моей точкой зрения, но мне кажется, ни он, ни Гитлер (что гораздо хуже) не извлекли для себя никаких уроков из попытки проведения политики «экономического национализма». Если они всерьез считают, что какая-нибудь страна может быть экономически независимой и в то же время нарушать международные нормы, — а я подозреваю, что они именно так думают, — то всем нам не избежать самых серьезных неприятностей. К тому же я сильно подозреваю, что это Гитлер приказал Нейрату заставить меня ждать приема, чтобы показать мне свое недовольство моей вчерашней речью.

Суббота, 14 октября. Мы дали обед в честь военных и морских атташе, аккредитованных в Берлине.

В половине десятого курьер принес долгожданное официальное сообщение из министерства иностранных дел, в котором, однако, говорилось, что только один человек арестован и заключен в концентрационный лагерь за избиение мистера Мюльвихилла 12 или 13 августа, а виновники дюссельдорфского инцидента отправлены в Берлин, где они предстанут перед судом — как будто в их деле не могли бы разобраться местные власти!

Но еще до того, как нам стало известно это половинчатое решение, Гитлер выступил по радио с речью и, обращаясь к Германии, а также ко всем другим странам Европы и к Соединенным Штатам, объявил о выходе Германии из Лиги наций и об ее уходе с конференции по разоружению. Он заявил также, что 14 ноября в Германии будут проведены всеобщие выборы. Для Гитлера это была относительно умеренная речь. Он требовал равных с другими странами прав на вооружение, оправдывал свою «революцию» как чисто антикоммунистический шаг и заверял весь мир в своих миролюбивых намерениях. Мы внимательно выслушали все, что он говорил. Это была речь не мыслителя, а истеричного крикуна, заявляющего, что Германия не несет никакой ответственности за мировую войну и что она стала жертвой своих вероломных врагов.

После ухода гостей я лег в постель несколько встревоженный, тем более, что Норман Дэвис, этот «странствующий посол» президента в Европе, позвонил мне из Женевы и справился, нет ли новостей. Зная, что мои разговоры подслушиваются германским министерством пропаганды, я отвечал ему лишь общими фразами и обещал позвонить через несколько дней, если узнаю что-либо заслуживающее внимания.

Немцы совершили очередной грубый промах, что неизбежно при отсутствии у них подлинных государственных деятелей.

Воскресенье, 15 октября. День прошел в напряженном ожидании, хотя и не принес ничего нового. К обеду пришел один из молодых отпрысков старинного немецкого дворянства. В его разговоре со мной проскальзывали общие для всех немцев нотки враждебности. Это осо-

бенно было заметно, когда он высказывался в защиту японской агрессии против Китая. Он большой патриот, но, подобно многим образованным немцам, не имеет представления, в чем собственно заключается истинный патриотизм. Очевидно, что официальные круги Германии начинают испытывать ко мне какую-то неприязнь. Полагаю, дело здесь в нацистах. Все началось, видимо, с моего отказа поехать в Нюрнберг, хотя здесь я не составляю исключения, так как английский, французский и испанский послы поступили точно так же. Мои протесты против избиения американских граждан и против дискриминации США в области торговли, а также речь, с которой я выступил 12 октября, — все это расценивается нацистами как проявление моего отрицательного отношения к ним.

Вечером мы ходили в кино. Был показан Гитлер, выступающий с короткой речью в Лейпциге. Появление Гитлера на экране не вызвало аплодисментов. Затем показали Гитлера, шагающего во главе целой дивизии, и на этот раз его наградили жиденькими аплодисментами. После этого на экране появился кронпринц, который не пользуется здесь популярностью и которому аплодировали не больше, чем канцлеру. Совершенно очевидно, что популярность Гитлера значительно уступает популярности Муссолини — этого итальянского деспота.

Вторник, 17 октября. Сегодня ровно в полдень я отправился на прием к канцлеру Гитлеру во дворец, в котором когда-то жил и работал Бисмарк. Я поднялся по широкой лестнице, на каждой площадке которой стояли нацистские охранники, приветствовавшие меня по примеру легионеров Цезаря поднятой вверх рукой и одновременно обычными поклонами. В приемной я встретил молодого Ганса Томсена², с которым мы поговорили минут пять о наших общих немецких знакомых. Затем Нейрат проводил меня в кабинет канцлера — просторную комнату не менее пятидесяти квадратных футов, заставленную столами и креслами для проведения всевозможных совещаний. Кабинет был прекрасно отделан, хотя и не столь изысканно, как соседний бальный зал. Через минуту появился и сам Адольф Гитлер в скромном рабочем костюме, аккуратный, подтянутый. В жизни он выглядит несколько лучше, чем на газетных фотографиях.

Разговор шел о насилиях над американцами в Германии и о дискриминации американских кредиторов. Гитлер согласился со всеми моими доводами и заверил меня, что виновники подобных инцидентов впредь будут наказаны самым суровым образом. Он обещал также позаботиться об опубликовании указа, предупреждающего всех, что иностранцы не обязаны отдавать нацистское приветствие.

Когда я заговорил о финансовой дискриминации, Нейрат заявил: «Наш экспортный рынок все время сокращается, и мы вынуждены заключать торговые сделки с любой страной, которая соглашается покупать наши товары. Именно поэтому мы полностью выплачиваем швейцарским кредиторам проценты по их облигациям, а американцам — лишь половину гарантированных процентов». Мы говорили по-немецки, и я не могу привести здесь дословно высказывание Нейрата.

Я вынужден был признать всю сложность этой дилеммы, так как сокращение экспорта постоянно растущих товарных излишков должно привести к банкротству, что гораздо хуже, чем частичная выплата по обязательствам. Но здесь немцы предпочитают умалчивать об одном своем преимуществе: стоимость германских облигаций на нью-йоркском рынке упала уже до одной трети или даже одной четверти их номинальной стоимости, в результате чего германские муниципалитеты и компании скупают теперь свои облигации за бесценок, выплачивая за каждый занятый ими в 1926—1928 годах доллар лишь от 25 до 40 центов. Германские финансисты не отстают в этом отношении от своих нью-йоркских коллег, изрядно нажившихся за счет американских держателей немецких облигаций.

Вскоре мы заговорили о событии, которое в прошлую субботу поразило всех, как гром с ясного неба. Канцлер сразу же пришел в возбуждение. Я спросил его, почему он решил выйти из Лиги наций. В ответ он напыщенно заговорил о Версальском договоре, о нарушении союзниками своих обещаний, о разоружении и о том униженном положении, в котором находится теперь разоруженная Германия.

— Франция, — возразил я на это, — относится к Германии явно несправедливо. Но поражение в войне всегда влечет за собой некоторую несправедливость со стороны

победителей. Вспомните, каким ужасным притеснениям подверглись наши южные штаты после гражданской войны.

Гитлер ничего не ответил.

После нового обмена любезностями я спросил канцлера, может ли какой-нибудь инцидент на польской, австрийской или французской границах, в результате которого враг окажется на территории рейха, стать формальным поводом к войне? Он ответил отрицательно, как я и ожидал. Тогда я осведомился, воздержится ли он от объявления войны и потребует ли созыва конференции европейских держав, если такой инцидент произойдет в долине Рура? «Я постараюсь поступить именно так, — ответил он, — но может случиться, что мы не сумеем сдерживать германский народ». Мне было ясно, что под «народом» он подразумевает воинствующих нацистов, которых он сам же воспитал в таком духе. «Если вы сможете удержаться от военных действий и потребуете созыва конференции, — продолжал я, — то это вернет Германии ее добрую репутацию в мировом общественном мнении». Обменявшись еще несколькими незначительными фразами, мы расстались. Наша беседа продолжалась три четверти часа, мы затронули за это время целый ряд вопросов. Из нашей встречи я вынес впечатление, что Гитлер очень самоуверен и настроен крайне воинственно.

Среда, 18 октября. Сегодня меня посетил директор очень известного банка «Дисконто гезельшафт» Солмсен. Наша беседа продолжалась около получаса. Солмсен с одобрением отзывался о путче, организованном нацистами прошлой весной, который, по его мнению, был необходим для Германии³. Он оправдывает запрещение партий и в известной степени репрессии по отношению к евреям.

— Однако, — заявил он, — эти репрессии зашли слишком далеко. Некоторых евреев, как, например, профессора Мендельсона-Бартольди из Гамбурга, увольнять не следовало: надо бы также оставить в покое университеты, школы и прессу.

Было очевидно, что он говорит все это специально для меня.

— Мне довелось слышать вашу речь на приеме, устроенном Американской торговой палатой, — сказал

он в заключение, — и я приехал, чтобы передать вам от имени либеральных кругов Германии нашу глубокую благодарность. Вы сказали то, о чем мы не можем или не осмеливаемся говорить, и оказали нам тем самым огромную помощь. Мы были бы рады, если и в дальнейшем вы выступали бы при случае с подобными заявлениями.

Солмсен произвел на меня впечатление весьма искреннего и способного человека, правда, он иногда сам себе противоречит. Он настроен несколько более либерально, чем некоторые американские деловые люди в наше время.

Пятница, 20 октября. Для того чтобы окончательно выяснить отношение Гитлера к возможности войны, я посетил сегодня утром Нейрата, который повторил то же самое, что мне было сказано 17 октября. Во второй половине дня, когда последние донесения были уложены в мешок с дипломатической почтой и последняя телеграмма отправлена по назначению, я вернулся домой с головной болью и первыми признаками простуды.

Я переоделся и поехал на званый обед в «Клуб господ» на Герман Герингштрассе. Я заставил себя съесть вареное яйцо и кусок булки. В половине десятого выступил бывший министр правительства Брюнинга Курциус, который, приветствуя меня, произнес получасовую речь. Его высказывания по вопросу о войне мало чем отличались от заявлений нацистов. Свою ответную пятнадцатиминутную речь я произнес без подготовки, рассказав вкратце о своей студенческой жизни в Германии и о неожиданном назначении меня на мой нынешний ответственный пост. В заключение я заявил, что войны не могут служить больше средством разумного разрешения каких бы то ни было проблем. Человеческий гений изобрел орудия войны такой огромной разрушительной силы, что начать сейчас войну — значит вернуться к временам средневековья и навлечь гибель на народы всего мира. Мои слушатели, среди которых было немало представителей дворянства и членов «Стального шлема», по видимому, согласились с моими взглядами. Во всяком случае, они не стали мне возражать. Домой я вернулся только в 11 часов вечера.

Среда, 25 октября. Сегодня утром я получил письмо от сенатора Роберта Дж. Балкли, который находится сейчас в Англии. Балкли пишет, что один из его знакомых в Голландии недавно встретился за обедом с Фрицем Тиссенем — крупнейшим владельцем сталелитейных и военных заводов в долине Рура⁴. Тиссен сказал: «Это мы заставили германское правительство выйти из Лиги наций». Балкли, безусловно, убежден в достоверности этих сведений.

Четверг, 26 октября. Сегодня заходил один из крупных деятелей прежнего режима. Он сообщил мне, что уезжает в Нью-Йорк и будет преподавать там в «Новом колледже социальных проблем». Он не хочет оставаться здесь и жить под страхом преследования со стороны нацистских руководителей. Этот многообещающий и умный человек сказал:

— Вы, американцы, должны научить нас, немцев, искусству управления своим государством. Я уезжаю на год с тем, чтобы вернуться будущей весной, но если я сочту нужным, то смогу остаться в Соединенных Штатах еще на год. Здесь я заявил, что вернусь весной.

Когда три недели назад он впервые зашел ко мне, он сказал, что, скорее всего, не примет предложения моего друга доктора Элвина Джонсона, ректора «Нового колледжа». В то время отъезд казался ему чуть ли не капитуляцией, теперь же он считает, что ему лучше всего уехать и вернуться через некоторое время, если положение улучшится. Он считает, что Гитлер постепенно переходит на более умеренные позиции и возможно положение в Германии изменится к лучшему. Боюсь, что германские власти сочтут «Новый колледж» лишь еврейской пропагандистской организацией и не слишком благосклонно отнесутся к возвращению моего гостя в будущем году.

Пятница, 27 октября. Сегодня меня посетили два американца немецкого происхождения. Оба располагают большими связями в деловом мире, а один из них, кроме того, является представителем пароходной компании «Северогерманский Ллойд». Они хотели узнать, что можно было бы предпринять здесь или где-либо еще, чтобы ослабить рост антигерманских настроений в США.

По их словам, немец теперь чувствует себя в Нью-Йорке очень неприятно, что объясняется отчасти возмущением американских евреев политикой Гитлера, а отчасти характером нацистской пропаганды. Они вступили в нацистскую партию, чтобы способствовать искоренению коммунизма, а сейчас нацисты стали в Америке так же непопулярны, как и коммунисты. По сообщениям вчерашних парижских газет, 14 ноября должна была начать свою работу официальная комиссия под председательством конгрессмена Дикштейна, которой поручено рассмотреть вопрос о деятельности нацистов. Похоже на то, что немецкие пропагандистские органы занимаются чрезвычайно опасной деятельностью.

Мои посетители уже беседовали с представителями министерства иностранных дел, которые, по их словам, ничего не могли им посоветовать и предложили поговорить со мной. Они ушли в полном унынии, не видя никаких благоприятных перспектив. В течение десяти лет французские государственные деятели постоянно нарушали те пункты Версальского мирного договора, в которых говорится о разоружении. Политика Франции способствовала гибели германского социал-демократического движения. Ныне же, после путча, совершенного нацистами в знак протеста против политики союзников, немцы пытаются ввести у себя автократические методы правления, своими неблагоразумными действиями они отталкивают от себя весь мир и вызывают единодушное чувство неприязни. Как смешались сейчас повсюду понятия о справедливости и несправедливости!

Суббота, 28 октября. Сегодня в половине шестого к нам на чашку чая заезжали сэр Эрик Фипс с супругой. Они были у нас около часа. Их общество оказалось гораздо приятнее, чем можно было ожидать, судя по той репутации, которой сэр Эрик пользуется в Берлине. Оба они чрезвычайно милые люди. Наши гости были совершенно убеждены в ошибочности политики тех, кто позволил немцам выйти из Лиги наций. Сэр Эрик рассказал мне, что корреспондент лондонской «Дейли телеграф» был арестован в Мюнхене и двое суток содержался под стражей только за то, что он опубликовал в своей газете сообщения о недавнем вооруженном параде войск СА. Английский консул целых два дня не мог

добиться свидания с арестованным. Немцы предъявили корреспонденту обвинение в государственной измене. Этот случай вызовет, конечно, новую волну негодования в Америке.

Воскресенье, 29 октября. Сегодня в полдень, проходя по Тиргартенштрассе, я увидел приближавшийся ко мне отряд штурмовиков. Чтобы избежать осложнений, я свернул в парк. Отряд остановился у турецкого посольства и некоторое время стоял по команде «смирно». Затем штурмовики принялись распевать песни в честь десятилетия основания нынешнего турецкого государства. Вокруг них быстро собралась огромная толпа, все отдавали гитлеровское приветствие. Но это было лишь детской забавой по сравнению с тем, что нам пришлось увидеть вечером того же дня, когда мы приехали в турецкое посольство на вечер с пивом. В гостиницу «Эспланада» я прошел через парк.

К 10 часам вечера мы подъехали к резиденции турецкого посла, перед которой стояли толпы штурмовиков. Нас приветствовали по-нацистски буквально на каждом шагу. Все комнаты были переполнены людьми. Стол футов в тридцать длиной был заставлен блюдами с холодным мясом, овощами и хлебом. Гости набросились на еду с такой жадностью, что, казалось, они с самого утра не имели во рту ни крошки; затем пили пиво. Среди гостей я увидел фон Палена⁵, который пользуется весьма незавидной репутацией в Соединенных Штатах. Мне удалось избежать встречи с ним. Мы были на вечере всего лишь несколько минут.

Вторник, 31 октября. Я слегка простудился и слег в постель. Мне сообщили, что меня настоятельно желает видеть доктор Чарлз С. Макфарленд, бывший представитель Федерального совета христианских церквей в Соединенных Штатах, некогда настроенный прогермански. Он разъезжал по стране в течение одной или двух недель и хорошо изучил сложившееся здесь положение. Я принял его в половине седьмого. Он рассказал мне, что имел почти часовую беседу с Гитлером и сообщил рейхсканцлеру, что 4000 протестантских священников отказались признать гитлеровскую реформуацию церкви⁶; 2700 священников собираются заявить официальный

протест по этому же поводу после выборов; к протесту священников присоединилась одна из крупнейших богословских школ; католики также возмущены Гитлером; папа римский обдумывает возможность принятия соответствующих мер. По словам Макфарленда, Гитлер заявил, что ему ничего не известно о протесте 4000 священников, и просил Макфарленда довести до сведения церковных руководителей, что хотел бы повидаться с ними. На это Макфарленд заметил, что любое посягательство на свободу совести в Германии вызовет решительное противодействие со стороны американских протестантов. Гитлер, по всей видимости, отдает себе отчет в тех осложнениях, которые грозят ему в области религии, и понимает опасность нового конфликта.

Вечером, в четверть девятого, мы, надев фраки, отправились на званый обед, который давали французский посол с супругой и на который мы были уже давно приглашены.

В большой комнате, превращенной в гардеробную, гостей встречали два одетых в ливрен лакея, которые с одинаковой готовностью принимали как верхнее платье, так и чаевые. На великолепной лестнице стояли пажы, одетые в живописные ливреи эпохи Людовика XIV. У входа в гостиную стояли еще два лакея, раздававшие гостям карточки с указанием их места за столом. Пол в гостиной был застлан чудесным ковром, с вышитой посредине огромной буквой «N», долженствовавшей служить своего рода напоминанием (особенно немцам) о победах Наполеона. Доктор Ялмар Шахт и граф фон Бассевиц были вынуждены либо перешагнуть через этот знаменитый инициал, либо обойти его стороной. И хотя они промолчали, огромная буква не укрылась от их внимания.

Стены комнат были увешаны красивыми гобеленами. Всюду стояли кресла в стиле Людовика XIV. Гости — их было человек тридцать — прошли в столовую. Я шел об руку с мадам Франсуа-Понсэ. В столовой меня поразили гобелены и портреты французских генералов эпохи Людовика XIV. Особенно обращал на себя внимание портрет юного Людовика XV. Стол был сервирован с большим вкусом и по всем правилам этикета. Вдоль стен столовой застыли восемь или десять лакеев в костю-

мах пажей. Все это своим великолепием далеко превосходило то, что я видел у бельгийцев.

В течение часа гости были всецело заняты едой, перебрасываясь лишь незначительными замечаниями. Мне, правда, удалось завести довольно интересный разговор по-немецки с фрау Шахт. После обеда все чинно перешли в гостиную и, разбившись на небольшие группы, обменивались новостями, а без четверти двенадцать пришли музыканты, чтобы дать концерт для собравшихся. К этому времени я почувствовал себя так плохо, что мне пришлось извиниться и уехать домой, хотя я, к сожалению, не догадался предупредить хозяев, что встал с постели, чтобы присутствовать на этом обеде. Хозяева, кажется, немного обиделись, но другого выхода у меня не было. Мы ушли как раз в тот момент, когда гости направились в концертный зал. Итак, демократическая Франция сегодня показала себя во всем блеске перед авторитарической Германией.

Воскресенье, 5 ноября. Прибыли два новых сотрудника посольства: Джон Уайт — сын знаменитого республиканца Генри Уайта, бывшего в свое время членом вильсоновской делегации на Парижской конференции 1918—1919 годов, и Орме Уилсон — родственник Пирпонта Моффэта, чиновника государственного департамента. Один из них назначен на должность советника посла, другой — на должность второго секретаря. Оба они показались мне неплохими людьми, хотя Уайт выглядит слишком англазированной и говорит с явным гарвардско-оксфордским акцентом.

Четверг, 16 ноября. Сегодня вечером мы обедали вместе с Ялмаром Шахтом, швейцарским посланником и Августом Дином — знаменитым владельцем селитровых заводов, с которым я познакомился на одном из приемов несколько дней назад. Может быть, из-за того, что нам пришлось уйти слишком скоро, наша беседа так и не успела стать интересной. Доктор Шахт в довольно решительных словах заявил, что мои выступления в Германии принесли стране большую пользу. Мне было не совсем ясно, что именно он хотел этим сказать, разве только он намекал на то обстоятельство, что мои заявления укрепили его позиции в кабинете. Публично он кля-

нется в верности Гитлеру и в то же время уверяет меня, что он стоит за либеральную торговую политику, даже за свободу торговли, т. е. именно за то, что канцлер, судя по его устным и письменным заявлениям, с такой яростью предаёт анафеме. Дин говорил мало. Он, насколько мне известно, ведет себя, как и следует руководителю крупного треста, неизменно рассчитывающему на правительственную помощь и отказывающемуся платить налоги, соразмерные получаемым прибылям.

Суббота, 18 ноября. Сегодня утром ко мне заехал доктор Мендельсон-Бартольди — крупный юрист-международник и профессор Гамбургского университета, уволенный недавно из-за того, что его дед был евреем, хотя сам он был крещен и считается христианином. Он рассказал мне, что этим летом посетил международную ярмарку в Чикаго и Чикагский университет, где прочел ряд лекций с очень большим успехом, как мне это было уже известно и из других источников. Он уходит из университета с 1 января 1934 года. Зная, какой известностью он пользуется в Соединенных Штатах и Англии, я не могу понять, как гитлеровское правительство решилось уволить его. Он произвел на меня впечатление компетентного и весьма почтенного человека. После его ухода я продиктовал письмо в институт Карнеги в Нью-Йорке с просьбой ассигновать доктору Мендельсону-Бартольди сумму, равную его двухгодичному содержанию, в надежде, что германский министр просвещения Бернгард Руст сумеет добиться его восстановления на работе.

Воскресенье, 19 ноября. Два месяца назад я дал согласие выступить с лекцией о Мартине Лютере на собрании Германо-американской церковной ассоциации. В то время я еще не знал, что правительство намеревалось объявить один из дней ноября Днем Лютера и отметить его, в частности, организацией публичных выступлений высокопоставленных государственных деятелей о великом реформаторе. Я назвал 19 ноября как наиболее удобный для себя день. Но случилось так, что еще в октябре правительство решило провести 15 ноября кампанию в поддержку решения о выходе Германии из Лиги наций, а первое после этой даты воскресенье, т. е. 19 ноября, объявить Днем Лютера. По этой причине я очутился

в весьма неловком положении, так как мое выступление приобретало теперь полуофициальный характер. Однако было уже поздно менять что-либо.

В назначенное время я приехал в церковь. Все места были заняты, и кое-кому пришлось стоять. Моя речь была тщательно подготовлена, и текст ее роздан немецким и американским корреспондентам. Один из нацистских руководителей представил меня собравшимся, заявив, между прочим, что Гитлер — это новый Лютер. Это странное замечание не вызвало аплодисментов. Несмотря на то, что аудитория состояла на две трети из немцев, собравшиеся внимательно прислушивались к каждому моему слову — факт сам по себе достаточно знаменательный. Я говорил около часа и охарактеризовал деятельность Лютера в таком плане, как я сделал бы это, выступая перед американской аудиторией. Когда я кончил, раздались бурные аплодисменты, и многие корреспонденты, как немецкие, так и американские, подошли ко мне, чтобы попросить текст моей речи. Ясно было, что немцы рады услышать, как я высказал вслух то, о чем они не решались говорить даже друг с другом, особенно в отношении религиозной и личной свободы.

Понедельник, 20 ноября. Я посетил Нейрата и заявил ему протест против перлюстрации германскими властями письма, отправленного мною Лео Вормсеру — председателю еврейской общины в Чикаго. Случай этот был особенно возмутительным, так как на письме стояла государственная печать Соединенных Штатов, и к тому же со времени моего прибытия в Берлин еврейская проблема приобрела особую остроту. Министр иностранных дел был, видимо, весьма смущен, но я уверен, что он не захочет или не сможет ничего сделать для предотвращения подобных инцидентов в будущем. Я написал Вормсеру еще раз и попросил вернуть мне оригинал первого письма, желая удостовериться, что именно германскому правительству удалось узнать обо мне.

Вторник, 21 ноября. Сегодня вечером мы с женой были на званом обеде у доктора Бюлова. Из всех гостей меня интересовал лишь доктор Шахт. Были там один или два принца времен старого режима. На руках

у них красовались повязки со свастикой — выражение их глубокой приверженности фюреру. Там также был отставной морской офицер, сыгравший определенную роль в мировой войне. Он рассказывал об этом с видом человека, надеющегося на скорое повторение минувших событий. Фон Бюлов и его сестра, наша хозяйка, вели себя сдержанно, хотя и они охотно рассказывали о том, что род их восходит еще к XIII веку и что у них сейчас по всей Германии насчитывается 1500 родственников, которые время от времени собираются все вместе, чтобы в кругу близких вспомнить о славе семьи. Многие из них погибли во время мировой войны. Однако оставшимся в живых и в голову не приходит, что в этой войне правы были отнюдь не немцы.

Четверг, 23 ноября. В полдень меня посетила молодая общественная деятельница из Балтимора, прожившая два года в Германии. Ей пришлось дважды переоценить многие из своих впечатлений о Германии. Вначале она относилась с симпатией к республиканскому режиму и жила в немецкой семье, пока не изучила язык почти в совершенстве. Она подверглась грубому обращению со стороны нацистов, но продолжала изучать положение в рабочих и концентрационных лагерях. Тогда власти изменили свое отношение к ней и стали сопровождать ее во всех поездках по стране. Она рассказала о больших военных заводах, о самоуправстве доктора Роберта Лея⁷, возглавляющего Рабочий фронт, и о том, что рабочие одного из крупных промышленных предприятий в Баварии подчас упорно отказываются приветствовать Лея по-гитлеровски. Она намеревается выступить с лекциями в Соединенных Штатах, и в этом ее поддерживает Чарлз Р. Крейн. Я предупредил ее, что во всех своих высказываниях за или против нацистского строя — ведь никто не может быть совершенно нейтральным — она не должна ссылаться на меня.

Поскольку правительство Соединенных Штатов признало Советскую Россию, я посетил сегодня по указанию государственного департамента советского посла. Посол рассказал мне, что в 1888—1890 годах он учился в Германии и получил докторскую степень в Берлине. Он говорит по-немецки несколько более бегло, чем я, и отнюдь

не произвел на меня впечатления коммуниста с крайними взглядами. Наша беседа касалась почти исключительно русско-японского конфликта в Маньчжурии⁸. Возможная поддержка России в этом районе была, по всей видимости, одним из результатов признания Соединенными Штатами Советского Союза, а вопросы торговли отодвигались на второй план.

Когда я выходил из кабинета посла, меня ожидал фоторепортер агентства Ассошиэйтед Пресс. Русский дал мне понять, что он готов сфотографироваться вместе со мной. Но мне не хотелось этого делать, и я сказал ему, что некоторые реакционные американские газеты постараются на этом основании преувеличить значение моего визита и возобновят нападки на Рузвельта, признавшего Советский Союз. Он сразу же согласился со мной, но фоторепортер, казалось, был очень разочарован. Возможно, я и в самом деле был неправ.

Вечером мы поехали на обед к Нейрату, который живет на Герман Герингштрассе, неподалеку от Бранденбургских ворот. В половине девятого гости сели за прекрасно сервированный стол. На этот раз почетным гостем был турецкий посол, и при переходе из гостиной в столовую я шел во второй паре (всего гостей было человек 30). Со мной шла какая-то бывшая графиня. Она была такой яркой нацисткой, что, о чем бы я ни начинал с ней говорить, она, как ни странно, все время переводила разговор на Гитлера. Она полагала, что канцлер позаботится о скором возвращении Гогенцоллернов на германский трон. Мы с женой уехали в половине одиннадцатого, чем вызвали негодование жены турецкого посла, полагавшей, по всей видимости, что никто не имеет права уйти с вечера раньше нее.

В этот вечер я успел перебраться несколькими словами с министром иностранных дел и узнал, что он происходит из старинного вюртембергского рода и что его предки сыграли выдающуюся роль в истории Германии. В его библиотеке хранится ряд редких картин и книг, в том числе экземпляр знаменитой автобиографии князя фон Бюлова, о которой молодой Бюлов ни разу мне не говорил. Книга эта — образец напыщенного самомнения, хотя в ней немало правды о той роли, которую играла Германия на мировой арене в последние пятьдесят лет

перед его смертью. Я заметил на полках эти четыре толстых тома, но воздержался от каких-либо замечаний по поводу их содержания.

Пятница, 24 ноября. Сегодня утром меня посетил Джеймс Хэйз Хайд из Нью-Йорка. В свое время от Теодора Рузвельта требовали, чтобы он назначил Хайда американским послом во Франции. Хайд женился на очень привлекательной француженке и теперь живет в Париже. Он пришел ко мне, чтобы потолковать о франко-германских отношениях. Он сведущий и по-прежнему очень богатый человек, хотя его состояние и уменьшилось теперь более чем наполовину. Он субсидирует одну из кафедр Сорбонского университета с целью организации взаимообмена профессорским составом с Гарвардским университетом. Хайд пробыл у меня целый час и оказался гораздо более приятным и интересным собеседником, чем большинство миллионеров, с которыми мне до сих пор доводилось встречаться.

Советский посол, собирающийся вскоре выехать в Москву, нанес мне сегодня ответный визит.

Вечером Луис Лохнер и мисс Зигрид Шульд пригласили нас на ежегодный бал прессы. Я сидел напротив печально известного Франца фон Папена, чья шпионская деятельность в Вашингтоне вынудила в свое время моего друга Луиса Браунлоу (он теперь работает в Чикагском университете) потребовать его ареста. Папен был выслан из страны незадолго до вступления Соединенных Штатов в мировую войну. Ныне он вице-канцлер нового рейха, хотя, по сути дела, не выполняет никаких административных функций. Его, как католика, используют для связи с римским папой. Говорят, что он предал своего бывшего партийного вождя, экс-канцлера Генриха Брюнинга⁹, который теперь скрывается. Судя по деятельности Папена в Вашингтоне, от него вполне можно было ожидать этого.

Жена Папена, которая сидела справа от меня, казалось, не испытывала в моем присутствии никакой неловкости. Мы ни разу не заговорили об известной всем деятельности фон Бернсторфа¹⁰ в Соединенных Штатах во времена президентства Вильсона. Она похвалила нашу университетскую систему и рассказала, что ее сын учился в Джорджтаунском университете. Обед прошел

очень скучно, хотя при других обстоятельствах я мог бы узнать много интересного от присутствовавших там гостей. Рядом с нами сидели Франсуа-Понсэ, Нейрат, сэр Эрик Фиппс и другие видные члены дипломатического корпуса. Фотографы не уставали щелкать затворами своих аппаратов.

Понедельник, 27 ноября. Сегодня меня посетил мистер Китридж из Фонда Рокфеллера¹¹. Он хотел посоветоваться, стоит ли в дальнейшем оказывать финансовую поддержку немецким ученым. Я высказался за продолжение субсидий при условии более тщательного подбора кандидатур, чтобы не дать возможности навсегда зажать рот в Германии всем свободомыслящим людям, которые сейчас живут под ужасным гнетом. Мистер Китридж сообщил мне, что одним из советников Фонда Рокфеллера в Германии является профессор Герман Онкен. Мне известно, что профессор сам находится в весьма затруднительном положении и боится в своих работах объективно освещать исторические события, как это могли бы делать мы у себя в Америке, но, к сожалению, все наши работы по истории Америки написаны необъективно.

Среда, 29 ноября. В половине одиннадцатого утра мы выехали на нашем маленьком автомобиле в Дрезден, где мне предстоит выступить завтра вечером на праздничном обеде в честь Дня благодарения*, который должен состояться в ресторане знаменитой гостиницы «Бельвю». День выдался пасмурный и холодный; дорога, по которой мы ехали, все время петляла; на своем пути мы проехали только один город Ютербог, представляющий хоть какой-то исторический интерес. Здесь мы остановились и съели простой деревенский обед, стоивший по две марки с человека. Местная гостиница — старинная постройка, и обслуживают в ней почти так же, как во времена Мартина Лютера и Иоганна Тетцеля, продававшего здесь в 1507—1517 годах папские индульгенции. Город возник еще в XIV веке, и до сих пор сохранились опоясывающие его старинные стены, трое ворот и

* Праздник в честь первых колонистов Массачусетса. — *Прим. ред.*

знаменитая церковь. Но ни роялистские традиции, ни дух лютеранства — ничто не может помешать нацистским флагам и нацистским мундирам красоваться повсюду, где к этому представляется малейшая возможность.

Четверг, 30 ноября. Сегодня в американской церкви в Дрездене я зачитал послание президента Рузвельта по случаю Дня благодарения. Собралось около пятидесяти человек. Вечером в половине девятого около 150 американцев и немцев собрались в «Бельвию» на званый обед. В своем выступлении, продолжавшемся пятнадцать или двадцать минут, я говорил о президенте Рузвельте и его послании, но мое выступление не предназначалось для печати.

После того как я кончил говорить, к нашему столу подошел молодой немец Герберт фон Гютшов, проживший десять лет в Соединенных Штатах, где он установил тесные связи с Джеймсом Б. Дьюком — крупнейшим промышленным пиратом в штате Северная Каролина, а впоследствии организовал в Германии филиалы Американской табачной фирмы. Мы беседовали с ним около получаса. Само собой разумеется, в результате войны он стал главным владельцем табачных предприятий Дьюка в Германии, правление которых находится в Дрездене. Гютшов очень состоятельный человек. Он теперь полностью примирился с гитлеровским строем, несмотря на то что по закону «третьего рейха» о браке ему пришлось выдать субсидии около ста пятидесяти супружеским парам из числа своих сотрудников.

Гютшов надеется, что такие люди, как он, будут при нацистском режиме руководить Германией. Так же, очевидно, думают и многие другие крупные дельцы, к числу которых можно, например, отнести берлинского промышленника Августа Дина, возглавляющего всемирно известный трест по производству селитры, и Фрица Тиссена, владельца сталелитейных и оружейных заводов. Гютшов — умный человек, хотя в вопросах социальной философии придерживается далеко не либеральных взглядов. Я уверен, что он и ему подобные пользуются значительными налоговыми льготами в награду за их поддержку существующего режима. Шесть или восемь человек из их числа принимают участие в полуофициальных заседаниях кабинета, когда возникает угроза

очередного кризиса. Генеральный консул Мессерсмит рассказывал мне как-то, каким образом крупные немецкие компании ухитряются избегать больших налогообложений и делают это гораздо более ловко, чем их американские собратья. Целый час мой новый дрезденский знакомый распространялся о замечательных успехах своей табачной торговли в Германии и высказал мнение, что в области экономики государственным деятелям следовало бы вновь руководствоваться идеями Адама Смита.

Пятница, 1 декабря. Сегодня мы выехали по гористой дороге на юго-восток, в Прагу. Всюду на протяжении почти 125 миль нашему взору открывались чудесные, плодородные земли. Почти все время шел снег, но люди еще работали на полях. Я никогда прежде не видел таких великолепных сосновых лесов, как на склонах здешних гор. В четыре часа мы приехали в знаменитый старинный город Гуса.

В половине седьмого я имел конфиденциальную беседу с министром иностранных дел Чехословакии Эдуардом Бенешем. По существу он президент древней Богемии, страны, которую немцы ненавидели в течение многих столетий. Бенеш настроен отнюдь не оптимистически и говорит, что немцы преисполнены решимости аннексировать его страну частично или даже полностью. Завтра, в субботу, он намерен повидаться с венгерским министром иностранных дел, а затем поедет в Париж, где должны рассматриваться балкано-итальянские разногласия. Бенеш произвел на меня впечатление человека очень умного и готового вступить в борьбу, как только это потребуется.

Суббота, 2 декабря. В 11 часов мы выехали обратно в Дрезден. Шел снег, и было очень холодно. После довольно опасного пути по горным дорогам мы к шести часам были уже в Дрездене. Мы остановились инкогнито в гостинице «Эден» и превосходно поужинали в «Кайзергофе». Спать мы легли рано, так как в «Эдене» было очень холодно, и мы согрелись только в постелях.

Воскресенье, 3 декабря. Моя семья поехала на автомобиле через Ютербог в Берлин. Я же взял за восемь

с половиной марок билет в вагон третьего класса. В одном купе со мною ехал немецкий коммерсант, который рассказал много интересного о настроениях населения и о так называемом восстановлении экономики. Он не нацист, но надеется на лучшее и готов ждать, пока все не изменится.

Понедельник, 4 декабря. В полдень ко мне зашел Джон Фостер Даллес¹², юрисконсульт американского банковского объединения. Он информировал меня об исках, предъявленных от имени держателей облигаций германским муниципалитетам и корпорациям на сумму более миллиарда долларов. Даллес произвел на меня впечатление очень умного и решительного человека. Завтра он будет на совещании с руководителями рейхсбанка.

Вторник, 5 декабря. В восемь часов утра мы прибыли в Мюнхен. Сначала мы остановились в гостинице «Кайзергоф», но там нам показалось слишком холодно, и мы перешли в гостиницу «Регина», где номера оказались более удобными. Все же и там было довольно холодно.

Вечером я выступал с докладом на тему «Об истоках общественного правопорядка в Соединенных Штатах». Доклад продолжался около часа. Хотя половина слушателей наверняка не понимала, о чем я говорил, во время доклада все сохраняли полнейшую тишину, лишь время от времени прерываемую аплодисментами, когда я касался ранних демократических идеалов в Соединенных Штатах. Я счел это доказательством неодобрительного отношения собравшихся к разным ограничениям, налагаемым на германских граждан.

Среда, 6 декабря. Сегодня мне сообщили из посольства по междугородному телефону, что Уильям Буллит¹³, назначенный послом в России, будет обедать у нас в субботу. Мне сказали также, что советский комиссар по иностранным делам Максим Литвинов, возвращающийся из Вашингтона через Рим, в Берлине, присоединится к Буллиту. Я решил вернуться в Берлин через Нюрнберг, чтобы успеть принять их у себя дома.

Суббота, 9 декабря. Посол Буллит пришел один, так как Литвинов спешно уехал в Москву. Буллит передал мне сердечный привет и благодарность от Рузвельта за мою деятельность в Германии. Признание России, добавил Буллит, слишком долго откладывалось. Литвинов уже дал согласие на выплату долгов США в сумме 100 миллионов долларов и на открытие рынков России для американских промышленных товаров¹⁴. Что касается Германии, то она снова остается с носом, так как русские возмущены нападениями Гитлера на коммунистов. Это еще один удар по «третьему рейху»! Но немцы должны американцам больше миллиарда долларов. Можно ли ожидать, что они выплатят свои долги, если рынки будут закрыты для Германии, и теперь Соединенные Штаты, монополизировав торговлю с Россией, еще больше изолируют немцев? Получить сто миллионов от Москвы и потерять миллиард в Берлине! Буллит ни словом не обмолвился об этом.

В половине второго мы с Буллитом сели завтракать. За столом собралось человек десять гостей: поверенный в делах России, специалист по России из германского министерства иностранных дел, советник Уайт, посол Кудахи и другие. Общество собралось интересное, хотя разговор был несколько скован в силу русско-германских противоречий.

Сегодня вечером к нам заезжал английский посол сэр Эрик Фиппс. Он хотел познакомить меня с некоторыми вопросами, которые канцлер предлагает обсудить во время переговоров с французами о разоружении¹⁵. Примерно 15 октября в Вашингтон были сообщены по телеграфу подробности: Германия должна иметь трехсоттысячную регулярную армию, артиллерию и авиацию, необходимую для обороны. Итак, Гитлер вновь выдвигает те же условия и утверждает, что Германия готова заключить пакт о ненападении сроком на десять лет и согласится на учреждение международной комиссии по контролю над вооружениями, а также над войсками СА и СС, насчитывающими в своем составе 2,5 миллиона человек.

Эти сообщения были переданы по телеграфу в Лондон, и я уже получил ответ сэра Джона Саймона¹⁶. Все это кажется мне реальным шагом на пути к разоруже-

нию, и я решил сообщить в Вашингтон по телеграфу имеющиеся у меня данные.

Воскресенье, 10 декабря. Утром я продолжал размышлять о переговорах, которые ведет сэр Эрик Фиппс. В 10 часов я позвонил ему и сказал: «Мне нужно поговорить с вами. В половине двенадцатого я буду гулять по Герман Герингштрассе, вблизи Тиргартена. Не смогли бы вы встретиться там со мной, чтобы переговорить?» Он согласился, мы встретились в назначенном месте и около получаса обсуждали проблему разоружения. Я выдвинул следующий круг вопросов: 1) Согласно сведениям из некоторых дипломатических источников, Япония собирается в апреле или мае будущего года напасть на Владивосток. 2) В случае если Соединенные Штаты поддержат германо-английскую позицию в деле разоружения, окажут ли англичане в свою очередь моральную поддержку США в их стремлении сдержать японскую агрессию на Дальнем Востоке? 3) Не считает ли сэр Эрик, что было бы лучше пойти на заключение англо-германо-французского пакта о разоружении, чем оказаться перед угрозой подписания соглашения между Италией, Германией и Россией¹⁷, что могло бы толкнуть Францию на путь диктатуры?

Сэр Эрик не разделял моего мнения, что Япония всерьез готова начать агрессивные действия. Он хотел заручиться моральной поддержкой Соединенных Штатов, но косвенно заметил, что Англия признала японские притязания в Маньчжурии. Он, видимо, понимал, что если автократическим государствам в Центральной Европе удастся сломить Францию, то это поставит под угрозу всеобщий мир. В конце концов мы все-таки договорились об одном: пакт о сохранении мира в Европе, заключенный на десять лет по инициативе и настоянию Англии, Германии и Соединенных Штатов, оказался бы значительно более действенным, если бы к нему присоединилась Россия и если бы удалось добиться сохранения мира на Дальнем Востоке. Я полагаю, что англичанам следует пойти на компромисс, тогда президент Рузвельт мог бы начать переговоры, которые вывели бы Европу из тупика. Вернувшись в посольство, я без промедления отправил в государственный департамент теле-

грамму, содержание которой я просил довести до сведения президента.

Среда, 20 декабря. В сегодняшних газетах опубликовано сообщение об отъезде сэра Эрика Фиппса на субботу и воскресенье в Лондон; о том, что король принял его в Виндзоре; о его свидании с сэром Джоном Саймоном, и о предполагаемой поездке последнего в Париж и Рим. Все это делается ради того, чтобы уладить разногласия между Германией и Францией. Сэр Эрик — великодушный и, по-моему, весьма искренний человек. Сэр Джон Саймон — министр иностранных дел Англии, напротив, повсюду пользуется репутацией человека хитрого и ловкого.

Уильям и Марта ездили вчера в Потсдам на прием, устроенный в честь дня рождения кронпринца, сына кайзера Вильгельма II. По их словам, вечер прошел в приятной и сердечной обстановке. Один из сыновей бывшего кайзера служит в настоящее время у Генри Форда в Соединенных Штатах, другой — учится на юридическом факультете Берлинского университета. Он прекрасный юноша, но явно гордится своим высоким происхождением.

Четверг, 21 декабря. Сэр Эрик снова в Берлине и целый час беседовал с Нейратом, хотя последний торопился попасть на рождественские праздники в Вюртемберг. Я встретил Нейрата несколько дней назад, и меня поразило, как серьезно он озабочен угрозой войны на Дальнем Востоке и какой интерес он проявил к Советской России. Он заявил, что в случае войны и, следовательно, вторжения Японии в Россию там неизбежно начнется хаос.

Пятница, 22 декабря. Сегодня утром меня посетил один журналист, чьи сообщения всегда отличаются достоверностью. Имя его я не решаюсь назвать даже в своем дневнике. По его словам, высокопоставленный германский чиновник — как я догадываюсь, начальник тайной полиции Рольф Дильс — сказал ему, что Германский верховный суд собирается завтра оправдать коммунистов, которые были обвинены в поджоге рейхстага¹⁸ и дело которых разбирается уже с сентября месяца, —

всех, кроме Ван дер Люббе. Что же касается Георгия Димитрова, болгарского коммуниста, от которого отсеклась его собственная страна, то по приказу прусского премьер-министра Геринга он должен быть убит до того, как сможет выехать за пределы Германии. Кроме того, высокопоставленный чиновник добавил: «Я знаю, что, рассказывая вам об этом, подвергаю свою жизнь опасности, но я провел несколько мучительных ночей и решил, что должен поставить вас в известность обо всем в надежде, что вы сумеете что-нибудь предпринять, чтобы добиться отмены этого приказа». Журналист был очень взволнован. Он отказался назвать имя чиновника, сообщившего ему эти сведения, но заверил меня еще раз в достоверности своей информации и подчеркнул, что если только не будут предприняты немедленные меры к тому, чтобы мировая общественность узнала о приказе Геринга, то Димитров будет убит.

Какая странная ирония судьбы! По-моему, официальное лицо, сообщившее все эти сведения — тот самый единственный в Германии человек, которому точно известно, кто поджег рейхстаг. В ноябре Геринг по неизвестным причинам угрожал этому человеку концентрационным лагерем, но дело ограничилось лишь тем, что в начале декабря он был уволен со своего поста. В конце ноября генеральный консул Мессерсмит сообщил мне, что Дильс опасается за свою жизнь и просит меня каким-нибудь образом помочь ему. Сам Мессерсмит не мог ничего сделать. Что касается меня, то я не имел личных контактов с кем-либо из высокопоставленных лиц, занимавшихся его делом, и поэтому также не мог оказать ему никакой помощи. Две недели спустя стало известно, что Дильс восстановлен на посту начальника тайной полиции, обязанности которого, как было объявлено, временно исполнял Геринг. Я думаю, что все это было лишь уловкой, вероятно, имевшей целью запугать Дильса, располагающего сведениями, разглашение которых могло бы принести нацистам немалый вред.

В половине двенадцатого сэра Эрик Фиппс передал мне официальный ответ английского правительства на заявление Гитлера, о котором я знал еще до отъезда сэра Эрика в Лондон. Англичане соглашались на требования Германии, но в свою очередь требуют дальнейшего сокращения рейхсвера и уточнения некоторых

пунктов, связанных с вооружением. Это вполне резонно. По словам сэра Эрика, Нейрат сообщил, что Гитлер согласен с требованиями англичан. Фон Нейрат, кроме того, выразил надежду, что Англия сможет побудить Францию начать переговоры вскоре после нового года. По сообщениям из Вашингтона, наши правительственные круги встревожены слухами о намерении Англии предоставить крупный заем Японии, который, по их мнению, может поощрить Японию начать войну против Советского Союза.

В 4 часа дня мой знакомый журналист рассказал мне, что лондонские вечерние газеты поместили сообщение о намечавшейся расправе с Димитровым; мой журналист сообщил об этом одному из телеграфных агентств. После этого он написал информацию и для американской прессы, которая никоим образом не может навлечь неприятности на того, кто сообщил ему обо всем этом, но должна завтра произвести соответствующее впечатление на германские власти и спасти тем самым жизнь Димитрова. «Я не жалею, что поступил именно так, — сказал мне журналист. — Думаю, что этим я лучше послужил интересам Германии и успеху переговоров о сохранении мира, чем если бы попытался сделать это каким-либо иным путем. Если бы я промолчал, ужасное злодеяние совершилось бы и вызвало возмущение всего мира».

Я не мог отрицать справедливости его слов, хотя мне и было ясно, что он действовал слишком рискованно. Он показал мне телеграмму Геббельса представителям иностранной прессы, в которой министр пропаганды отрицает намерение расправиться с Димитровым и в то же время обвиняет Геринга, одного из членов триумvirата, в разглашении сведений, давших повод к распространению «клеветы» по всему миру. Я жду сообщений из Англии и Соединенных Штатов — немецкие газеты, надо думать, не обмолвятся об этом ни словом. Все это может кончиться очень печально.

Рождество, 25 декабря. Просто удивительно, с каким усердием немцы отмечают этот праздник. На площадях и буквально в каждом доме, где мне довелось побывать, стоят елки. Можно подумать, что немцы действительно верят в Христа или следуют его учению!

Сегодня во второй половине дня я побывал на дому у своего знакомого журналиста. Полюбовавшись несколько минут рождественскими украшениями, я отвел его в сторону. Он рассказал мне, что его высокопоставленный друг поблагодарил его за умелое использование прессы, в результате чего удалось, никого не компрометируя, оказать должное воздействие на немецкие официальные круги. Так как Геринг был в отъезде, его заместитель, чтобы предотвратить выполнение приказа об убийстве Димитрова, отдал распоряжение саксонской полиции позаботиться о безопасности освобожденных узников и проследить за тем, чтобы они не переходили прусскую границу. Так обстоит дело.

Я думаю, что перед отъездом Геринг действительно отдал какое-то распоряжение, но Дильс, настроенный весьма враждебно к Герингу и чувствовавший себя все время в опасности, все-таки отважился отменить его, чтобы избавить Германию от возмущения, которое охватило бы весь мир. Начальник тайной полиции совершил, таким образом, весьма опасный поступок, и я не удивлюсь, если услышу об его аресте. Единственное, что может его спасти, — это его полная осведомленность о всех подробностях, связанных с поджогом рейхстага, и боязнь германских властей, что известные ему факты просочатся за пределы Германии.

Понедельник, 1 января 1934 г. Все члены дипломатического корпуса намерены сегодня быть в Берлине, чтобы засвидетельствовать свое уважение и выразить наилучшие пожелания президенту Гинденбургу, которому исполнилось восемьдесят шесть лет. Когда мы приехали во дворец президента, нас проводили в просторную приемную на втором этаже, при входе в которую одетые в военную форму слуги отдали нам нацистское приветствие. Я сел поближе к сэру Эрику Фиппсу, мосье Франсуа-Понсэ и испанскому послу. Ровно в полдень мы все встали вдоль стен просторной и богато отделанной гостиной президентского дворца.

Вскоре после этого в гостиную вошел Гинденбург. Он поздоровался с папским нунцием — главой дипломатического корпуса, и тот зачитал на французском языке официальное новогоднее приветствие, содержание которого, как было видно, президент не понял. Впрочем, я и

сам не очень к нему прислушивался. В ответ президент также зачитал текст своей официальной речи, в которой сказал несколько слов о «возрождении» Германии и весьма осторожно коснулся вопроса о значении гитлеровского режима, к которому едва ли кто-либо из членов дипломатического корпуса относился сочувственно.

По окончании всех этих формальностей Гинденбург обменялся несколькими словами с папским нунцием, а затем тепло побеседовал с мосье Франсуа-Понсэ, который в совершенстве владеет немецким языком. Поздоровавшись затем с сеньором Черрути, итальянским послом, он обменялся рукопожатием и со мною, поинтересовавшись, как идут занятия моего сына Уильяма в Берлинском университете. Он похвалил мой немецкий язык, на котором я изъясняюсь достаточно бегло, хотя, может быть, несколько небрежно. Мы поговорили еще о профессоре Онкене и о знаменитом историке Моммсене. Президент вспомнил также и «великого фон Трейчке», который, по-моему, вовсе не был великим. Президент ходил с некоторым трудом, опираясь на палку, но рассуждал вполне здраво и разумно. Интеллектуальная жизнь Германии знакома ему, видимо, очень хорошо.

Затем вошел Гитлер, который, как мне показалось, был очень подавлен и даже растерян. Он поздравил меня с Новым годом, и я ответил ему тем же. Один лишь итальянский посол обменялся с фюрером официальным нацистским приветствием. Я спросил канцлера, не ездил ли он на Рождество в Мюнхен, и рассказал ему, что мы сами в начале декабря провели там два очень интересных дня и я встретил известного немецкого историка профессора Мейера, своего знакомого по Лейпцигскому университету, которого я считаю большим ученым и мыслителем. Гитлер смутился. Оказалось, что он никогда не слышал о Мейере. Я поговорил еще немного о Мюнхенском университете, но Гитлер, не сказав больше ни слова, пошел дальше. У меня создалось впечатление, что ему никогда не приходилось сталкиваться с людьми, которых я знал и уважал. В отличие от президента он не проявил никакого интереса к моим словам, и, как мне кажется, решил, что я пытаюсь поставить его в неловкое положение, чего я, конечно, не собирался делать. Мне трудно было в этих сложных условиях найти безобидную тему для разговора.

Среда, 3 января. Сегодня иностранная пресса сообщила о резком столкновении, происшедшем утром 1 января между Гитлером и Герингом из-за того, что изданный два месяца назад указ о координации всей Германии все еще оставался на бумаге. Координация предусматривает слияние исконных германских государств (Пруссии, Баварии, Саксонии и т. д.) в единое целое и последующее разделение страны на сто или более равных по территории округов, каждым из которых должен управлять начальник, назначенный канцлером.

Этот указ был издан, и предполагалось, что он вступит в силу в этом году, упразднив отдельные земли и их законодательные органы. Но 1 января против Гитлера и Геббельса выступил Геринг, опиравшийся на поддержку губернатора Баварии. В связи с этим, как видно, возник острый конфликт, так как Гитлер решил не посылать новогоднего поздравления Герингу и извинился перед ним только 2 января. Мне кажется, что в результате этой борьбы, закончившейся победой Геринга 1 января, т. е. как раз перед приемом дипломатического корпуса Гинденбургом, Гитлер и был так подавлен.

Дело это очень серьезное. Немецкий народ явно не одобряет позицию Гитлера в этом вопросе так же, как и его план подчинить все протестантские общины одному, назначаемому государством, епископу и объединить их в монолитное целое. Три или четыре тысячи протестантских священников всеми силами борются против этого. Отношение к решению этих двух проблем хорошо отражает дух сегодняшней Германии, хотя произносить речи об этом запрещено, а в прессе лишь иногда появляются краткие сообщения о том, что вступление в силу некоторых указов отсрочено на неопределенное время. Здесь, правда, дело не доходит до концлагерей или избиений, но тем не менее налицо упорное, хотя и молчаливое сопротивление нацистам.

Я получил телеграмму с рекомендацией заявить протест германским властям против распоряжения Шахта о дальнейшем сокращении процентных выплат американским держателям немецких облигаций¹⁹. Вместо 50 процентов наличными и 50 в рассрочку новое распоряжение предусматривает выплату лишь 30 процентов наличными и 70 в рассрочку. Я должен был также заявить, что все это было осуществлено в недопустимой

форме, за спиной кредиторов, причем сами же немцы скупали свои обесцененные облигации на нью-йоркской бирже.

Так как Нейрат и Бюлов в отпуске, я посетил исполняющего обязанности министра доктора Кепке и в довольно категорической форме обратил его внимание на два обстоятельства: 1) Неожиданное объявление о том, что Германия прекращает платежи без предварительного уведомления, было опрометчивым шагом; германские муниципалитеты, получившие в долг крупные суммы, не могут быть сочтены неплатежеспособными: строительство крупных общественных зданий на полученные от Соединенных Штатов средства достаточно наглядно характеризует природу этих займов; заведомая и планомерная скупка больших партий облигаций на американских рынках производит весьма неблагоприятное впечатление, так как мало чем отличается от обычных биржевых махинаций. 2) Такое поведение возмущает миллионы американцев и вынуждает правительство США к активному вмешательству в этот вопрос, тогда как ранее оно было склонно предоставить подобные частные дела самим банкам, получившим в свое время прибыли от распространения этих облигаций. Я особенно подчеркнул, что германское правительство не должно было бы выступать в роли биржевого маклера, действующего по поручению своего национального банка.

Кепке согласился с обоими моими утверждениями и отметил, что при решении этого вопроса никто не спрашивал мнения министерства иностранных дел. Он открыто признал, что подобные решения неправильны, что Германия или по крайней мере муниципалитеты ее крупнейших городов могут погасить свои долговые обязательства и что спекулятивная сторона действий Шахта достойна всяческого порицания. Я ушел, убежденный, что министерство иностранных дел попытается заставить Шахта считаться не только с собственным мнением, но сильно сомневаясь, что ему это удастся. Шахт — поистине хозяин положения, и германские должностные лица не осмеливаются давать ему указаний.

Пятница, 5 января. Епископ методистско-епископальной церкви Соединенных Штатов Джон Л. Нейлсон, живущий теперь в Цюрихе и руководящий методистами

в Центральной Европе, заехал ко мне, чтобы переговорить относительно положения протестантской церкви в Германии. Ему во всех подробностях известен недавний религиозный конфликт, и он восхищен сопротивлением, которое лютеране оказывают усилиям нацистов объединить всех верующих в единую национальную церковь и заставить их даже поклоняться Вотану* и веровать в истинность древнегерманских мифов.

Нейлсон заявил, что американским методистам в Германии была гарантирована полная независимость с условием, что они не должны привлекать в свои общины немцев. Его рассказ был очень похож на то, о чем я узнал еще в октябре от доктора Чарлза Макфарленда. Интересно, найдется ли у немцев в 1934 году то мужество, которое некогда воодушевляло Лютера, и смогут ли они, подобно ему, заявить: «Мы не сдадимся, жгите нас, если хотите!» Если это скажут лютеране, то католики, возможно, поддержат их.

Суббота, 6 января. Сегодня заезжал шведский посланник М. К. Е. аф Вирсен. Он собирается заявить германскому министерству иностранных дел точно такой же протест по поводу германских долгов, как и я. Немцы должны шведам крупные суммы.

В полдень приехал голландский посланник Лимбург-Стирум, способный и опытный дипломат, который заявил, что согласен с моей позицией по вопросу о германских долгах. Однако вопрос о предпочтении, отдаваемом немцами голландцам, затронут не был. Я просто заметил вскользь, что, насколько мне известно, немцы выплачивают его согражданам полную стоимость облигаций и соответствующие проценты. Как уверяет Шахт, все дело здесь в том, что голландцы покупают больше германских товаров, чем продают своих товаров в Германии.

Лимбург-Стирум довольно много внимания уделил вопросу о японской агрессии в Китае. Он сказал, что японские генералы образуют самостоятельные правительства в провинциях, принадлежавших раньше Китаю, с целью создать некую Дальневосточную Лигу наций под японской эгидой. Он добавил, что, если Соединенные

* Один из наиболее почитаемых древнегерманских богов. — Прим. ред.

Штаты не вмешаются самым решительным образом, а Англия будет продолжать оказывать тайную поддержку японской агрессии, голландские владения на Дальнем Востоке, а также и Филиппины в скором времени перейдут в руки японцев.

Вторник, 9 января. Я завтракал в гостинице «Адлон» по приглашению Американской торговой палаты. Русский посол произнес весьма сдержанную речь о внешне-торговой политике коммунистов, которая была хорошо принята собравшимися. Посол одобрительно отзывался о Соединенных Штатах. Полагаю, что он — один из наиболее компетентных дипломатов в Берлине и к тому же не слишком рьяный коммунист.

Среда, 10 января. Сегодня меня навещил доктор Отто Фольбер²⁰ из Вашингтона, тот самый, который в 1929 году продал гутенберговскую библию Библиотеке конгресса. Позднее он пытался вести пропаганду среди находившихся в Германии профессоров американских университетов. В своих письмах к нему я неоднократно выражал протест против подобных действий, однако сейчас он ни словом не упомянул об этом. Он рассказал мне, что побывал в министерстве пропаганды, виделся с германским послом Лютером в Вашингтоне и в ближайшие дни его примет Гитлер. Держался он не слишком скромно и, кажется, пытался внушить мне, что приехал в Берлин со специальным поручением. Я предупредил его, что пропаганда может принести непоправимый вред. Он сделал вид, будто вполне согласен с этим, и ушел в прекрасном расположении духа.

Четверг, 11 января. Моя жена устроила первый званый вечер, оказавшийся весьма утомительным, но это — единственный способ поддерживать знакомство с многочисленными посетителями, оставившими у нас свои визитные карточки. Вечер обошелся нам около 200 долларов.

Вторник, 16 января. В 11 часов ко мне зашел американский посланник в Вене Джордж Эрл. Это один из тех состоятельных людей, которых назначают на дипломатические посты за границей, но которые, однако, мало

знакомы с историей своей родины или какой-либо другой страны. Он человек в высшей степени добродушный и терпеть не может нацистов. Я уже виделся с ним однажды в ноябре, когда он приезжал сюда, чтобы побеседовать о проблемах, связанных с Австрией.

В то время я считал его оценку положения в Австрии вполне правильной. Однако с тех пор он повел себя несколько странно для посланника, аккредитованного в Вене, где сложились такие сложные условия. Однажды он отправился в Прагу, т. е. за пределы территории государства, в котором он был аккредитован, и стал там поносить германских нацистов в таких выражениях, что это вызвало протест в адрес американской миссии в Праге. За несколько дней до прошлого Рождества он прислал мне по телеграфу приглашение на званый обед, устраиваемый в честь австрийского канцлера Дольфуса²¹, которого в Германии так ненавидят, что он не рискует и ногой ступить на немецкую землю. Я телеграфировал, что не могу принять приглашение. Если бы я поехал в Вену, это вызвало бы невероятную шумиху, и Эрл очутился бы в еще худшем положении, чем сейчас.

Он рассказал о некоторых неприятностях, которые возникли у него с нацистскими главарями в Вене, в том числе и об угрозах разделаться с ним, и сообщил мне о том опасном положении, в котором находится Дольфус из-за постоянной угрозы девальвации. Он спросил, не желаю ли я отправить какие-либо донесения президенту, на что я ответил отрицательно, тем более, что наша дипломатическая почта уходила на следующий же день. После этого я пригласил Эрла к обеду.

За обедом в кругу моей семьи Эрл опять принялся рассказывать случаи из своей жизни в Австрии. Однажды, когда он охотился в Австрийском Тироле, в него стреляли и прострелили ему сапог. По пути домой он оставил сапоги в поезде, чтобы его жена не узнала о случившемся. «Такова нацистская Австрия, — сказал он. — Как только высший состав старых армейских кадров станет пронацистским, Дольфус будет свергнут и воцарится хаос». Он добавил, что нацисты только и твердят: «Гитлер — это Иисус Христос для всей Европы, и все должны признать его. Если евреи будут продолжать упорствовать в Австрии, это окончится величайшим погромом в истории».

Из беседы с Эрлом я узнал много интересного. Он умен, хотя на все общественные явления смотрит глазами богатого человека. Скажем, наличие слуг, лакеев, дворецких в его представлении — признак выдающегося положения их хозяев. Его ужасает, что в Вене всего триста семейств держат не менее трех слуг. Из осторожности я отправил его на вокзал в своем автомобиле на случай, если агенты тайной полиции его выслеживали.

Среда, 17 января. Луис Лохнер сообщил мне, что церковные дела приняли вчера несколько необычный оборот. Назначенный нацистами имперский епископ Людвиг Мюллер созвал на совещание пятнадцать или около того епископов и других церковных руководителей²². На совещание прибыл канцлер Гитлер, чтобы сообщить его участникам, что он и президент согласны удовлетворить требование представителей протестантской церкви об освобождении их от контроля со стороны новой государственной языческой религии, именуемой религией германских христиан и возглавляемой Мюллером.

Когда Гитлер кончил говорить и уже казалось, что будет достигнут какой-то компромисс, на совещание вошел Геринг — католик, не снискавший себе, однако, расположения в Риме. Он был вне себя от бешенства. «В моем распоряжении, — заявил он, — имеются записи всех ваших телефонных разговоров за последний месяц. Вы, протестантские смутьяны, вели себя самым нелояльным образом. Вы подрываете единство нашего государства. Вы даже уговорили канцлера уступить вам. Я считаю, что большинству из вас остается один шаг до измены». Совещание прервалось, и все соглашения были аннулированы, хотя не исключена возможность, что в дальнейшем будет созвано новое совещание.

Пятница, 19 января. Во вторник, 16 января, на обеде у голландского посланника последний сообщил мне о своих телефонных переговорах с Нидерландским банком в Амстердаме, которому он предложил связаться с Вестминстерским банком в Лондоне по вопросу о предоставлении Англией официального займа Японии. Лондонский банк заверил их, что о подобном займе не может быть и речи.

Моя жена и другие члены моей семьи присутствовали на вечере, устроенном бароном Эбергардом фон Оппенгеймом — евреем, еще продолжающим вести светский образ жизни. Его дом находится по соседству с нами. На вечере присутствовали многие немецкие нацисты. Говорят, что Оппенгейм пожертвовал 200 тысяч марок в фонд нацистской партии и получил от нее своего рода индульгенцию, объявляющую его арийцем.

Понедельник, 22 января. Сегодня я заходил в рейхсбанк, чтобы повидать доктора Шахта. Он был настроен весьма примирительно. Прочтя вслух мой письменный протест, Шахт заявил, что в основном согласен со всем, о чем там говорится. Он обещал снести с министерством иностранных дел и прислать мне ответ к пяти часам. Он добавил, что ему хотелось, чтобы все держатели облигаций выполнили его просьбу и прислали своих представителей с необходимыми полномочиями, т. е. чтобы представители каждой страны имели право дать свое согласие на снижение процентной ставки с 7 процентов до 4 или 4,5 процентов. Сейчас, когда германские облигации всюду котируются по очень низкому курсу или вообще не котируются, сказал Шахт, германское правительство едва ли станет платить такие высокие проценты. Я согласился, что в этом вопросе должна быть достигнута какая-то договоренность.

Бельгийский посланник вновь заходил в посольство и с полчаса сокрушался по поводу тех трудностей, которые стоят на пути к сохранению мира. Он отметил, что его стране угрожает большая опасность, и подчеркнул, что Бельгия всецело полагается на Англию. Он говорил также об ужасах германской оккупации, но не относился скептически к такой возможности. Он признал, что во французских правительственных кругах много говорят о «превентивной войне», которая, как он опасается, может легко превратиться в мировую войну.

Вслед за посланником у меня побывали Джон Фостер Даллес из Нью-Йорка и Лейрд Белл из Чикаго и заявили о своей готовности принять участие в совещании о долгах, созванном Шахтом. Английские представители должны прибыть на следующий же день. Я получил от президента Рузвельта сообщение о том, что американское правительство весьма озабочено этим вопросом и

надеется на мою помощь. Даллеса и Белла Рузвельт назвал официальными представителями кредиторов, владеющих облигациями на сумму более миллиарда долларов. Американские банкиры ссудили эти средства под высокие проценты после переговоров, проведенных Дауэсом и Юнгом, а затем выпустили в Нью-Йорке облигации и распродали их широкой публике по 90 долларов за штуку, нажив на этом колоссальные суммы. Средства, полученные Германией, были затрачены на цели муниципального, государственного и акционерного строительства в соответствии с широкой строительной программой, подобной той, которая проводилась в Соединенных Штатах в 1922—1929 годах. Моя задача теперь спасти как можно большую часть этих капиталов. «Нэшнл сити бэнк» и «Чейз нэшнл бэнк» владеют немецкими ценными бумагами на сумму в 100 миллионов долларов. В июне прошлого года Рузвельт говорил мне: «...Банкиры сами впутались в это дело. Постарайтесь оказать им частную, неофициальную помощь, но не более того». Однако теперь кредиторы, нью-йоркские банкиры, объединились и требуют, чтобы правительство поддержало их. Моя задача состоит в том, чтобы отвергнуть предложение немцев о снижении выплат до 4 процентов.

В половине второго к нам приехали Айви Ли и его сын Джеймс. Айви Ли — капиталист и в то же время приверженец фашизма. Он рассказывал о своих усилиях добиться признания России и был склонен приписать себе заслугу в этом деле. Единственная цель, которую он преследует — это увеличение прибылей американских дельцов.

Вторник, 23 января. Сегодня у нас завтракали Белл, Даллес, Джуниус Вуд из «Чикаго дейли ньюс» и сотрудник посольства Джозеф Флэк. Они говорили о совещании по вопросу о долгах, которое вылилось в частные беседы между представителями различных стран. Они надеются убедить голландцев и швейцарцев в необходимости отказаться от своих преимуществ по истечении срока нынешних договорных условий в июне этого года.

Среда, 24 января. Журналисты проявляют такой интерес к совещанию, что я решил пригласить их к себе сегодня в пять часов. Когда они собрались, я рассказал

им о всех трудностях, разъяснил позицию Шахта и указал на значительную долю ответственности, которую несут в этом деле банкиры.

Четверг, 25 января. Я был на «вечере с пивом» в особняке Эрнста Рема²³, начальника штаба войск СА. Недавно он побывал в Риме в качестве представителя Гитлера. Когда я был представлен ему, он появился во всем блеске своих знаков отличия, к которым германские нацисты питают такое пристрастие. Среди гостей были Нейрат и итальянский посол. Пробыв на вечере с полчаса, я достаточно вежливо, на мой взгляд, распрощался с собравшимися и уехал домой.

Пятница, 26 января. Сегодня меня посетил представитель американского филиала Фонда Карла Шурца²⁴ доктор Уилбур К. Томас из Филадельфии. Он рассказал о своей месячной поездке по Германии. По его словам, ни один из многих сотен немцев, с которыми ему довелось говорить, не одобряет политику нацистов в отношении церквей, университетов и в отношении других стран мира. Я и сам часто замечал это, когда поблизости не было людей в форме. Томас заявил, что Фонд Карла Шурца решил прекратить свою пропагандистскую деятельность в Соединенных Штатах. Посмотрим!

Понедельник, 29 января. Вновь заезжали Айви Ли со своим сыном Джеймсом, чтобы поделиться впечатлениями за время недельного пребывания в Германии. Ли говорил почти без умолку. Он рассказал о своей встрече с Геббельсом, продолжавшейся целый час, о своих непринужденных беседах с министром экономики доктором Куртом Шмиттом и другими руководящими лицами. Он предупредил Геббельса о необходимости прекратить пропаганду в Соединенных Штатах и пытался убедить его чаще встречаться и лучше ладить с журналистами.

Ли сказал, что доктор Шмитт и доктор Дикгоф из министерства иностранных дел предлагали выслать из страны всех иностранных корреспондентов. Я и раньше подозревал, что немцы замышляют нечто подобное. Ли говорил, что предупредил министерство иностранных дел о гибельных для нацистского движения последствиях такого шага.

Ли не виделся с Гитлером, хотя, вероятно, надеялся получить у него аудиенцию. Я рассказал о щекоотливом положении, создавшемся в Вене. Ли ответил, что убеждал партийных вожakov прекратить пропаганду в Австрии и отказаться от мысли, что таким путем им удастся вскоре включить эту страну в орбиту германского нацизма. Насколько я могу судить за эти последние восемь месяцев, австрийцам до того претят методы нацистов, что они, подобно чехословацким немцам, не очень-то стремятся присоединиться к германскому рейху. Ли собирался в обратный путь через Париж на родину, в Нью-Йорк, чтобы продолжать там свою странную деятельность.

Вторник, 30 января. Сегодня я был на «вечере с пивом» в доме Альфреда Розенберга²⁵. Он возглавляет иностранный отдел нацистской партии. Баварский министр юстиции разглагольствовал о новых законах, введенных в действие с целью обеспечить единство Германии, о подчинении евреев и о торжестве нового духа в нацистском государстве, которое он считает чуть ли не совершенством. Он придерживается нацистского толкования взглядов Гегеля на государство: все крестьяне, а равно и рабочие в городах с радостью и самоотверженно служат нацистскому государству. Справа от меня сидел сотрудник министерства пропаганды. Я спросил его, считает ли он, что рабочие и крестьяне действительно столь радостно отдают все свои силы государству. Он ответил: «Да, безусловно». Розенберг, сидевший слева от меня, отнюдь не производил впечатления воспитанного и образованного человека, несмотря на то что он является автором пресловутого классического нацистского сочинения «Миф двадцатого века».

Среда, 31 января. Сегодня я был на обеде у доктора Курта Шмитта в Далеме. Он — министр экономики и живет в огромном доме, отделанном с большой роскошью и в то же время со вкусом. Среди гостей оказалось несколько бывших аристократов, которые держались очень скромно. Шмитт — баварец, крупный помещик. Видимо, он ярый приверженец Гитлера, хотя в своих речах смело выступает против некоторых сторон нацистской политики. В день моего приезда в Берлин он произнес речь

по вопросам экономического восстановления, которую я счел тогда интересной, хотя и несколько консервативной.

Четверг, 1 февраля. Нынешний день — прекрасная иллюстрация сумасбродства, царящего в дипломатическом мире. В половине девятого вечера, после трудного и хлопотливого дня в посольстве, я с женой поехал во дворец, занимаемый итальянским послом. В то самое время, когда Италия объявляет себя неспособной выплатить хотя бы часть миллиардного займа, который она получила у Соединенных Штатов в 1918 году и который был ей тогда жизненно необходимым, итальянский посол Витторио Черрути приглашает нас во дворец, заново перестроенный и расширенный, убранный самыми дорогими украшениями, какие только можно себе представить. Когда мы поднимались по широкой выходящей лестнице, по обеим ее сторонам стояли навтыжку слуги, одетые в ливреи XVIII века, и в париках, завитых и покрашенных в стиле эпохи Людовика XV.

В приемной собралось около сорока гостей, среди которых были дипломаты, одетые в парадные мундиры, и немцы в военной или нацистской форме. Столовая была невиданных размеров. Каждый четырем гостям прислуживал особый лакей. Лакеи стояли навтыжку за стульями, ловя каждое движение ножа, вилки и не знаю уж чего еще! По моим подсчетам, этот прием должен был обойтись по меньшей мере в 800 долларов; дворец же почти не уступает величиной Белому дому в Вашингтоне, а роскошью своей отделки даже превосходит последний. И тем не менее Италия якобы не в состоянии выплатить ни одного доллара в счет своего долга!

Я сидел слева от синьоры Черрути, очень умной женщины, по происхождению венгерской еврейки, на чей счет немцы не осмеливаются отпустить ни одного намека. Она — ярая венгерская националистка и все время говорит о своей «несчастной стране». Она живет надеждой, что наступит время, когда ее страна снова станет господствовать на Балканах. Об Италии, которую представляет ее супруг, она говорила очень мало. На столе было много дорогих цветов, у каждого прибора стояли по три или четыре бокала, а кушанья подавались на огромных серебряных подносах в массивных серебряных

блюдах. За столом не было никаких общих разговоров, да и вообще ничего заслуживающего внимания не было сказано. Просто чванливое дипломатическое торжество — и ничего больше.

От Черрути мы поехали в гостиницу «Кайзергоф», где встретились со своими детьми на большом приеме «а ля фуршет», устроенном министром иностранных дел и его супругой. Хозяева созывают на такой прием своих знакомых, немецких официальных лиц и дипломатов, раз в год. Собралось по меньшей мере семьсот или даже больше гостей. Ужин был сервирован на огромном столе, буквально ломившемся от всевозможных закусок, пива, вин и других напитков; гостей обслуживали десятки слуг. Это был великолепный прием, который должен был обойтись бедной Германии в добрую тысячу долларов! Порой представлялась возможность посплетничать, когда гости собирались по несмольку человек, чтобы поглазеть на ордена друг друга или на обнаженные женские спины и плечи. Нас приняли со всеми подобающими почестями. Потолкавшись среди гостей от половины одиннадцатого до четверти двенадцатого, мы уехали домой. Для меня этот парадный вечер столь же бесполезен, как и званый обед у итальянцев. Я всегда полагал, что люди устраивают подобные вечера, чтобы узнать что-нибудь полезное друг у друга. О сегодняшнем вечере этого сказать нельзя. Я был рад, когда вернулся в наш тихий дом. Перед тем, как лечь спать, я выпил стакан молока и съел консервированный персик.

Суббота, 3 февраля. Сегодня ко мне зашли корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс Луис Лохнер и один из видных германских церковных деятелей, сообщивший Лохнеру немало секретных сведений о планах нацистов в области религии. В настоящее время передача немцем иностранному корреспонденту какой-либо информации, если она не способствует укреплению существующего режима, считается изменой. Однако этот человек смело рассказывал о борьбе, которую ведут лютеране за свободу совести, и Лохнер опасался, как бы он не угодил в концентрационный лагерь. У меня сложилось впечатление, что они надеются на помощь с моей стороны в случае беды. Они говорили о «капитуляции» доктора Макфарленда перед нацистами и сказали, что

английские протестанты идут на уступки курьезным и примитивным арийско-христианским концепциям Гитлера и Розенберга. В Германии создано весьма своеобразное религиозное единство, но я думаю, что лютеране сдадутся; ведь доходы их священнослужителей зависят от правительства.

Среда, 7 февраля. В 3 часа к нам зашел Джеймс Макдональд. Он — верховный комиссар Лиги наций по делам германских беженцев. Возглавляемая им организация должна оказывать содействие всем преследуемым в Германии лицам и помогать им устроиться в Соединенных Штатах или в Латинской Америке. Штаб этой организации будет находиться в Лозанне (Швейцария); в настоящее время Макдональд подыскивает персонал и собирает денежные средства.

Макдональд и в этот раз показался мне человеком, не очень-то увлеченным своей новой и нелегкой должностью, хотя его предполагаемая деятельность кажется мне весьма важной, поскольку Гитлер никогда не откажется от мысли изгнать всех евреев из рейха. Макдональд рассказал мне, что ему удалось собрать среди английских евреев 500 тысяч фунтов стерлингов, но жертвователи давали деньги не очень охотно и не хотят, чтобы слишком много евреев переехало из Германии в Англию. По его словам, в Соединенных Штатах «...некоторые круги проявляют живой интерес к этому делу, но никто не обнаруживает большого желания принять преследуемых евреев у себя». Ведь всех этих иммигрантов необходимо обеспечить работой в конторах, банках или на промышленных предприятиях, а работы сейчас мало.

Макдональд хочет согласовать с немцами десятилетний план выселения евреев из Германии и договориться о переводе определенных средств, чтобы обеспечить иммигрантов средствами существования на первое время. Нейрат не возражает против такого плана, но не может обещать что-либо определенное. Нелегкая это задача — переселить более 600 тысяч человек, из которых многие очень состоятельны. Если же немцы будут попросту высылать их, как они пытались делать в последний год, это вызовет всеобщее возмущение. С тех пор, как в январе 1933 года Гитлер стал канцлером, из Германии уехало около 50 тысяч евреев.

Макдональд пробыл у меня целый час, рассказывая о своих затруднениях.

В половине девятого мы поехали на званый обед к президенту рейха. Во дворце президента на Вильгельмштрассе собралось пятьдесят парадно одетых дипломатов. Слуги были столь же многочисленны, как и во дворце итальянского посла. На вечере чувствовался военный дух. По обе стороны от меня сидели супруги русского и итальянского послов; русская оказалась простой, немного похожей на крестьянку, а итальянка напоминала французскую фрейлину минувших времен. У Гинденбурга вид был весьма бодрый.

После обеда мы перешли в великолепную приемную, стены которой были увешаны картинами на древнеримские сюжеты работы мастеров XVIII века. Канцлер Гитлер был очень любезен и, расхаживая среди гостей, непринужденно разговаривал с ними. Гинденбург вскоре удалился в соседнюю комнату, великолепно отделанную, где сидя в кресле принимал гостей. Когда я вошел и сел рядом с президентом, намереваясь побеседовать с ним, за мной последовал Нейрат и уселся рядом. Я поспешил удалиться. Если бы мы были одни, Гинденбург, может быть, говорил бы со мной откровенно, но Нейрат, как видно, решил не допустить этого. Мы уехали в половине одиннадцатого, как и было обозначено на пригласительных билетах. Хотя прием прошел хорошо и атмосфера была менее официальная, чем обычно, я не думаю, чтобы этот вечер обогатил чьи-либо познания.

Суббота, 10 февраля. Уильям и Марта устроили танцевальный вечер и пригласили 120 гостей, которым они были так или иначе обязаны. Вечер прошел очень весело. Среди гостей были принц Фридрих Гогенцоллерн, знаменитый скрипач Крейслер и другие. Я ушел к себе только в час ночи.

Четверг, 15 февраля. Сегодня ко мне заезжал советский посол, чтобы поговорить о положении на Дальнем Востоке. Его беспокоит Маньчжоу-го, а также конфликт с Японией по поводу железной дороги. Но мне кажется, что положение теперь уже не столь угрожающее, как в то время, когда здесь проездом был Буллит.

Мы устроили большой званый обед, на котором присутствовали двадцать два дипломата, но он не идет ни в какое сравнение с пышными приемами бельгийцев и даже румын. Вечер прошел приятно, хотя многочисленность гостей мешала установлению знакомств и обмену мнениями; гости, встав из-за стола, разбились на небольшие группы и разбрелись по углам. Вечер обошелся в сто или двести долларов — сумму, чрезвычайно скромную для посла.

Суббота, 17 февраля. Мы были у датского посланника на большом званом вечере «а ля фуршет». До чего же это скучно — без конца бывать на утомительных приемах, но, как видно, они — неотъемлемая часть жизни дипломата.

Вторник, 20 февраля. В половине пятого ко мне приехал доктор Ялмар Шахт, чтобы предложить правительству США план, имеющий целью убедить американских кредиторов в том, что Германия выплатит все свои долги вместе с процентами. Для этого американское правительство должно дать определенные гарантии на срок, необходимый немцам, чтобы закупить на 500 миллионов долларов хлопка и затем продать изготовленные из него ткани другим странам. Шахт уверял меня, что он мог бы убедить Рузвельта за какие-нибудь пятнадцать минут, причем план этот способствовал бы значительному расширению американской внешней торговли, укрепил бы кредитоспособность Германии и успокоил бы ее кредиторов. Я не совсем понял суть его плана, но послал соответствующее донесение в государственный департамент. Мне почему-то кажется, что доктор Шахт сумел бы успешно осуществить свой план, если бы ему были даны соответствующие полномочия. Вопреки мнению о нем, распространенному у нас в Америке, я поражаюсь этому выдающемуся финансисту и восторгаюсь его способностями. Он так умело распоряжается германскими активами и пассивами, что при незначительных золотых фондах успешно поддерживает курс марки на уровне паритета и не допускает застоя в деловой жизни страны. Интересно, сумеет ли он провести свой план относительно хлопка?

Среда, 21 февраля. Ко мне заходил Джеймс Гэннон из нью-йоркского «Чейз нэшнл бэнк». Он сообщил об успешных переговорах с германским рейхсбанком по поводу займа на сотни миллионов долларов, по которому в свое время было заключено соглашение о «замораживании» платежей. Гэннон вполне удовлетворен исходом переговоров и говорит, что ум и честность Шахта произвели на него глубокое впечатление.

Пятница, 23 февраля. Сегодня я был на обеде у Рема, начальника штаба войск СА, в его новом дворце на Маттхайкирхештрассе. Присутствовало около пятидесяти человек. Сидевший справа от меня Нейрат отметил значение Лиги наций в деле восстановления мировой экономики и сказал, что если в Женеве на повестку дня будут поставлены экономические проблемы, Германии следует вернуться в Лигу. Я уже раньше догадывался, что он не одобряет выхода Германии из Лиги. Справа от хозяина сидел английский посол сэр Эрик Фиппе, не сказавший за весь вечер ни одного слова, которое могло бы хоть в какой-то мере выдать его настроения. Двое или трое нацистских главарей около получаса беседовали со мной о том, что в последние пятьдесят лет Германии не везло на вождей, разве только за исключением Бисмарка, которого здесь вообще считают непогрешимым. Я решился сказать, что немцы часто не осознают стоящих перед ними задач, особенно в области внешних сношений. Мои собеседники согласились со мной; даже нацисты и те бывают вежливыми.

Суббота, 24 февраля. В полдень приехал наш бывший посланник в Вене мистер Эрл, оставивший этот пост месяц назад. Он рассказал об отношении правительства и общественности Соединенных Штатов к Австрии и происшедшему там «перевороту».

Он с большим одобрением отзывался о Рузвельте, заметив при этом, что президент сильно постарел за последние полгода. Это меня несколько беспокоит, так как известно, кто станет у руководства в случае смерти или серьезной болезни Рузвельта.

Эрл полагает, что Дольфус поступил правильно, безжалостно подавив во второй половине февраля вооруженное выступление социалистов в Австрии. Я же

думаю, что Дольфус оказался весьма недалеким человеком, ибо, действуя таким образом, он предоставил нацистским группировкам в Австрии прекрасную возможность захватить власть в самое ближайшее время.

Понедельник, 26 февраля. Еще один званный обед! В 9 часов вечера мы поехали в «Клуб господ» на Герман Герингштрассе по приглашению вице-канцлера фон Папена и его супруги. В гитлеровском кабинете Папен представляет остатки партии Центра, игравшей в жизни Германии значительную роль со времен Бисмарка и вплоть до 1932 года. Папен — католик, и одна из его задач состоит в мобилизации общественного мнения Германии на борьбу за возврат Саарской области, которая по мандату Лиги наций была в 1920 году передана Франции в качестве компенсации за уничтожение немцами французских рудников во время войны. Папен также налаживает отношения между Гитлером и папой во всех случаях, когда новому рейху грозят какие-либо помехи со стороны католической церкви. Общее мнение о Папене здесь таково: он пустой человек и ловкий интриган.

На вечере присутствовало более пятидесяти человек. Моя жена сидела справа от Папена, а по обеим сторонам огромного, почти четырехугольного стола расселись графы и графини, генералы, члены кабинета. Разумеется, общей беседы быть не могло; дело ограничилось болтовней между сидевшими рядом мужчинами и женщинами. После обеда мы церемонно проследовали из столовой в просторную приемную. Там гости разбились на группы, беседовали и рассматривали большие полотна гогенцоллерновских времен с изображением батальных сцен. Все картины были в военном вкусе.

Мне удалось поговорить более или менее откровенно лишь с министром финансов графом Лютцом фон Шверин-Крозигком²⁶. До первой мировой войны он был стипендиатом Фонда Роудза в Оксфордском университете, затем четыре года воевал на Западном фронте, после заключения Версальского договора был одним из младших чиновников министерства финансов, а теперь, как говорят, считается одним из умнейших людей в гитлеровском кабинете. В каждом его слове сквозило явное недоверие к нынешним тенденциям в политике Германии,

хотя он ни разу не обмолвился о Гитлере. Он некогда изучал историю и научился внимательно следить за ходом событий. Это — первый из высокопоставленных немцев, который согласился со мной в том, что Бисмарк совершил очень крупный промах: он совершенно напрасно озлобил против себя некоторых видных и честных государственных деятелей, а когда вышел в отставку, то был весьма непопулярен в кругах министерства иностранных дел. Граф признал также, что и кайзер в 1914 году совершил весьма серьезную ошибку, позволив военно-финансово-промышленной клике втянуть Германию в войну. Никто из видных немецких деятелей не говорил со мной так откровенно, хотя некоторые и намекали на все это. Мы уехали в одиннадцать часов, т. е. в обычное время, и, вернувшись домой, я сделал запись в своем дневнике.

Среда, 28 февраля. Весь день я был очень занят. Мы долго совещались с доктором Риттером из министерства иностранных дел по поводу предполагаемой посылки делегации в Вашингтон для переговоров с американским правительством о заключении нового торгового договора, предусматривающего расширение импорта и экспорта. Предполагалось, что это должно быть нечто вроде договора о наиболее благоприятствуемой нации. Подобный договор открыл бы еще один путь к снижению таможенных тарифов, и я, разумеется, отнесся к этому делу весьма сочувственно. Возглавить делегацию должен был заместитель секретаря министерства экономики доктор Поссе.

К 5 часам я был приглашен на чашку чая к министру пропаганды Геббельсу. Кроме меня там были папский нунций, английский посол и другие члены дипломатического корпуса. В надлежащий момент Геббельс поднялся и произнес довольно примирительную речь, адресованную дипломатам и всем представителям иностранной прессы. Было ясно, что он стремится претворить в жизнь совет, преподанный ему Айви Ли месяц назад, о котором последний весьма подробно меня информировал. В своей остроумной ответной речи Луис Лохнер высказал предположение, что отныне будут еженедельно устраиваться открытые пресс-конференции. Я в этот момент взглянул на Геббельса и увидел, что он многозна-

чительно улыбается. В отличие от принятого в Англии и в Соединенных Штатах обычая никто не задавал Геббельсу никаких вопросов.

Пятница, 2 марта. Сегодня вечером мы были на неофициальном обеде у сэра Эрика Фиппса. Собралось слишком много гостей, чтобы можно было вести действительно откровенный разговор, а поэтому я опять прибегнул к своему любимому способу: уводил своих собеседников куда-нибудь в укромный уголок. Я узнал, что лорду-хранителю печати Антони Идену был оказан довольно холодный прием в Париже — быть может, от него просто хотели отделаться. Говорят, что широкая французская общественность настроена весьма миролюбиво, а в правительственных и военных кругах считают, что «превентивная война» против Германии должна начаться этой же весной. План заключается в том, чтобы застигнуть Германию врасплох и захватить Рейнскую область, пока еще не поздно.

Суббота, 3 марта. В 4 часа у меня был откровенный разговор с мосье Франсуа-Понсэ, который озабочен или даже встревожен позицией своего правительства в отношении переговоров с Иденом. Я питал некоторую надежду, что он выскажет до конца свое отношение к этому вопросу, но этого не произошло, и я ушел, несколько разочарованный. Если бы французы согласились с предложенным Англией планом частичного разоружения и контроля, то немцы были бы поставлены в затруднительное положение и с течением времени потеряли бы возможность продолжать вооружаться, как они это делают ныне ввиду позиции, занятой Францией с 1920 года. Французский посол обещал, что если до моего отъезда в Вашингтон произойдут какие-либо изменения в политике его правительства, он сообщит мне об этом.

Воскресенье, 4 марта. Сегодня исполнился ровно год со дня вступления Рузвельта на пост президента. Рузвельт стал президентом в то время, когда все социально-экономические отношения в так называемом западном мире претерпевали резкие изменения. Это был решающий этап в истории, подобный началу американской революции в 1774 году. Индивидуализм, который англичане и американцы насаждали в своих странах в период

с 1774 по 1846 год и который французы переняли в своей образной форме, повсюду был настолько дискредитирован, что обществу приходится теперь пользоваться помощью правительства, чтобы пресекать чрезмерное возвеличение отдельных личностей и группировок и применять общественный контроль, чтобы вновь восторжествовали принципы личной свободы, равенства и частной инициативы, как к этому стремились в свое время (за исключением сферы религии) Сэм Адамс²⁷ и Томас Джефферсон. Рузвельт хорошо понимает все это, несмотря на все недостатки и даже пороки того образования, которое он получил в Гроутоне и в Гарвардском университете, и несмотря на то, что над ним тяготеет чрезмерная имущественная обеспеченность его семьи. Чтобы достигнуть своей цели, ему придется преодолеть не меньше трудностей, чем Джефферсону в его стремлении уничтожить рабство.

Рузвельт начал свою деятельность с ряда экспериментов, которые привели к тому, что национальный долг США успел увеличиться на несколько миллиардов долларов, причем некоторые из этих экспериментов повлекли за собой еще более тяжелые последствия. Но, в отличие от других президентов, Рузвельт признает свои ошибки и всегда готов изменить позицию ради достижения цели, т. е. ради перестройки всех общественных и классовых взаимоотношений. Если это ему удастся, то идеалы Адамса и Джефферсона вновь найдут применение в обществе, свободном от господства рабовладельцев (заправил крупного капитала). Но все это потребует постоянных поправок в его методах и неустанной бдительности в течение грядущих десятилетий.

В случае же, если Рузвельту это не удастся или если ему суждено умереть раньше, чем значительная часть его свершений завоеует признание, в стране будет установлен режим диктатуры, который будет губительным для Соединенных Штатов. Я надеюсь, что Рузвельт сможет продолжать свою деятельность до 1941 года, когда он будет в состоянии наметить себе преемника и обеспечить длительное применение своих реформ, показав, таким образом, крупному капиталу и европейским авторитетам, что даже теперь, когда в мире властвует техника и изобретательский гений, все еще можно руководить обществом демократическими методами.

III

5 марта 1934 г.—8 июля 1934 г.

Понедельник, 5 марта. Я заезжал ненадолго к голландскому посланнику и убедился, что японцы настроены в отношении Владивостока менее агрессивно, чем можно было предположить¹. Посланник получает подробную информацию с Дальнего Востока и из Лондона, внимательно следит за всем, что происходит в Соединенных Штатах—в этом с ним могут сравниться лишь немногие дипломаты.

К половине седьмого я был приглашен в министерство иностранных дел. Нейрат заставил меня прождать десять минут; вспомнив о подобном же случае в октябре прошлого года, я почувствовал глубокое возмущение. Когда я вошел в кабинет, некогда принадлежавший Бисмарку, Нейрат читал какой-то меморандум и, здороваясь со мной, не выпускал его из рук. Он был несколько взволнован и, не теряя времени, прочел мне выдержку из телеграммы германского посла в Вашингтоне. В телеграмме сообщалось о предстоящем заочном судебном процессе над Гитлером в Нью-Йорке. Мэр города Фьорелло ла Гардиа, а также Альфред Е. Смит, судья Сэмюэль Сибэри и бывший государственный секретарь США Бэйнбридж Колби собираются осудить германского канцлера за возврат к средневековую и варварские методы, к которым он прибегает. Нью-йоркские евреи, профсоюзные организации и Американский легион, затеявшие эту демонстрацию, предложили послу Гансу Лютеру защищать своего канц-

лера или прислать какого-нибудь адвоката вместо себя или вместо Гитлера.

Нейрат был в сильном замешательстве. Я уже не раз говорил ему, что если политика Гитлера по отношению к евреям не изменится, она повлечет за собой новые неприятности. Нейрат делал тогда вид, будто соглашается со мной. Когда он попросил меня телеграфировать в Вашингтон, чтобы президент или государственный секретарь Хэлл вмешались и не допустили такого суда, я возразил, что это можно сделать, только нарушив основные принципы американской демократии, ибо никто в Соединенных Штатах не вправе запретить частное или публичное собрание (хотя я знал, что местные власти в городах и отдельных штатах запрещали собрания социалистов и пацифистов во время мировой войны), не нарушив при этом конституции Америки и конституций некоторых штатов.

Нейрат сказал, что ему это известно, но снова возразил надежду, что я сумею как-нибудь повлиять на нью-йоркцев. Я сказал, что если бы Лютер сообщил об этом прежде, чем дело получило огласку, Рузвельт, пожалуй, смог бы убедить организаторов этой демонстрации отказаться от нее, дабы не нанести ущерба отношениям между нашими странами. Но Лютер, разумеется, не мог знать заранее о том, что такая демонстрация готовится. Мы поговорили еще несколько минут в довольно натянутом тоне, после чего Нейрат вручил мне меморандум, который он читал, когда я вошел в кабинет. Вернувшись в посольство, я передал этот документ мистеру Орме Уилсону, секретарю, занимающемуся вопросами политики, чтобы он представил мне на завтра резюме.

В половине десятого мы всей семьей поехали в гостиницу «Кайзергоф», где Папен собирался угостить нас пивом. Нам хотелось посмотреть, что из этого получится. Присутствовали сотни людей, в том числе много дипломатов. Вечер вылился в демонстрацию решимости Германии вернуть себе Саарскую область. Было показано несколько кинофильмов, выпито целое море саарского вина, не обошлось, конечно, и без разговоров. Мы уехали в половине двенадцатого, не сомневаясь, что деньги, потраченные на этот прием, — пожалуй, не меньше тысячи долларов — выброшены

на ветер. Все это столь откровенная пропаганда, что даже немцы признают ее бесполезность. Еще один вечер потерян!

Вторник, 6 марта. Доктор Риттер² пригласил меня, чтобы еще раз побеседовать о возможности посылки немецкой делегации в Вашингтон для обсуждения плана Шахта и других предложений, призванных способствовать росту германского экспорта. Риттер, как и Шахт, сильно обеспокоен. Я подчеркнул, что делегация должна состоять из крупнейших германских экономистов и что немцы, если они хотят достигнуть каких-либо результатов, должны быть заранее готовы к реальным уступкам. Конечно, политика протекционизма, проводимая Соединенными Штатами в течение последних двенадцати лет, — это одна из главных причин торговых затруднений. Однако мысль о переговорах отнюдь не кажется мне безнадежной, и я обещал всеми мерами содействовать их осуществлению.

Потом я рассказал доктору Риттеру о неприятном событии, которое мы вчера обсуждали с Нейратом, и передал ему экземпляр глупой пропагандистской брошюры, разосланной нацистской партией дней десять назад для использования за рубежом. В брошюре возрождалась идея, выдвинутая в Германской империи в 1913 году, согласно которой немцы во всем мире обладают двойным гражданством. Я напомнил ему, что подобные выступления наносили ущерб самой Германии, а отнюдь не тем странам, где живут немецкие эмигранты. Он согласился со мной, но заметил, что министерство иностранных дел при нынешнем режиме лишено всякого влияния в этой сфере. То же самое говорил мне накануне Нейрат. Мне жаль этих немцев: у них светлые головы и они отлично понимают, что происходит в мире, но должны служить своей родине и в то же время подчиняться невежеству и произволу Гитлера, Геринга и Геббельса.

Среда, 7 марта. В час дня я, как было условлено, прибыл на прием к канцлеру Гитлеру. Аудиенции для меня добился Ганфштенгель, но об этом никто не должен знать. Нейрат встретил меня у дверей, прошел рядом со мной несколько шагов и скрылся в комнате,

примыкающей к кабинету канцлера. Он явно был слегка раздражен, так как ему всегда приходится сопровождать иностранцев, являющихся на прием к президенту или канцлеру.

Гитлер принял меня очень радушно. Мы сели за стол, причем я сидел спиной к стене смежной комнаты, где, по-видимому, находился Нейрат. Если только в стенах не был спрятан какой-нибудь специальный аппарат для подслушивания, никто не мог слышать нашего разговора.

Около часа мы беседовали о германо-американских отношениях. Я спросил, не хочет ли Гитлер что-нибудь передать через меня президенту, так как я вскоре еду в Вашингтон. Он несколько удивился, поглядел на меня с минуту, потом сказал:

— Позвольте мне подумать над этим и ответить вам при следующей встрече.

Тогда я, как поручил мне государственный секретарь Хэлл, заговорил о враждебной и пагубной германской пропаганде, напомнив Гитлеру, что в 1915—1916 годах такая неразумная пропаганда немало способствовала втягиванию Соединенных Штатов в мировую войну. Он притворился удивленным и попросил рассказать об этом подробнее. Я не стал называть имен, так как два человека, которые особенно в этом усердствовали, занимают высокие посты при гитлеровском режиме: Папен — его ближайший помощник, и доктор Фур из министерства иностранных дел. Затем я упомянул о брошюрах, призывающих немцев в Соединенных Штатах, равно как и во всем мире помнить о том, что они всегда должны оставаться немцами. Это очень напоминает закон 1913 года, провозгласивший двойное гражданство для немцев.

Гитлер воскликнул с горячностью:

— Ах, это все наглые измышления евреев. Если я узнаю, кто их распространяет, то немедленно вышлю виновника из Германии.

Я объяснил, каковы настроения евреев в Нью-Йорке, где должен был состояться заочный судебный процесс, но о самом процессе умолчал. Гитлер то и дело перебивал меня восклицаниями вроде «Проклятые евреи!» и грозил, что, если за рубежом будет продолжаться агитация против него, он быстро покончит со

всеми евреями в Германии. Он утверждал, что спас Германию от коммунистов, и заявил, что в России 59 процентов официальных лиц — евреи. Я усомнился про себя относительно достоверности этой цифры, но вслух сказал только:

— Советской угрозы более не существует.

Гитлер покачал головой. Я добавил, что в Соединенных Штатах коммунисты в 1932 году собрали лишь незначительное количество голосов. Он воскликнул:

— Счастливая страна! Видимо, ваш народ здраво подходит к этому вопросу.

Под конец я заговорил об университетах и свободе науки, подчеркивая, что университетские связи и свободное обсуждение международных проблем позволят нам преодолеть многие трудности. Он согласился с этим и в заключение беседы одобрительно отозвался о рузвельтовском плане расширения торговли.

Выйдя из его кабинета, я столкнулся с министром просвещения доктором Рустом, который за последнее время предпринял ряд крутых мер, направленных на подавление академической свободы. Мы поговорили с ним несколько минут, и я особенно обратил его внимание на важную роль свободы мысли в отношениях между Соединенными Штатами и Германией. Руст, по-видимому, никогда всерьез не задумывался над этой стороной дела.

В половине девятого состоялся наш второй дипломатический обед. Присутствовало двадцать два человека, в том числе испанский посол и министр финансов Шверин-Крозигк. Вечер прошел неплохо, но гости почти не имели возможности близко познакомиться друг с другом. Испанец мне очень нравится, но я сумел урвать для разговора с ним всего несколько минут. Гости разошлись около половины двенадцатого.

Я пишу свой дневник ночью. После встречи с Гитлером я решил записать общее впечатление о трех нацистских главарах.

Гитлеровский режим держится на трех совершенно невежественных и тупых фанатиках, из которых каждый так или иначе замешан в злодеяниях последних восьми — десяти лет. Эта троица представляет различные группы нынешнего большинства в Германии, большинства, конечно, отнюдь не подлинного.

Гитлер, которому сейчас около сорока пяти, в тринадцать лет лишился родителей, участвовал в мировой войне, но не получил ни повышения в чине, ни орден, которые здесь в таком почете, и с 1919 по 1923 год занимался в Мюнхене какими-то подозрительными делами. Он — человек романтического склада и имеет самое смутное представление о крупнейших исторических событиях и деятелях Германии. Многие годы он был слепым подражателем Муссолини. К власти он пришел, сплотив вокруг себя людей, не имевших работы и возмущенных тем, что Германия не выиграла мировую войну. Его эмблемы совсем как в Древнем Риме — свастика и личное приветствие*.

Он не раз недвусмысленно заявлял, что народ может выжить только путем борьбы, тогда как мирная политика приводит его к гибели. Политика Гитлера была и остается агрессивной. Тем не менее за последние шесть или восемь месяцев он много раз подчеркивал свои миролюбивые цели. Мне кажется, что он делал это вполне искренне и готов вести переговоры с Францией, но лишь на тех условиях, которые он сам выдвинул. В его сознании прочно укоренилась старая немецкая идея об установлении господства над Европой путем войны.

Первый заместитель Гитлера — Иозеф Пауль Геббельс, лет на десять моложе его. Этот маленький человечек не побывал в окопах, но за долгие годы войны ожесточился против Франции и всего мира. После войны он принялся организовывать военизированные бандитские отряды в западных областях Германии и никогда не упускал случая попрекнуть социал-демократическое правительство, подчинившееся условиям Версальского договора. Примкнув к Гитлеру, он неоднократно заявлял, что немецкий народ, объединившись, будет властвовать над миром. Если Гитлер — неплохой оратор, принимая во внимание общий уровень этого искусства в Германии, то Геббельс — просто непревзойденный мастер красноречия. Он считает своим долгом при всяком удобном случае всюду будить злобу и не-

* Древние римляне при встрече приветствовали друг друга, вытягивая руку. У них немецкие фашисты и заимствовали это приветствие. — *Прим. ред.*

нависть. С этой целью он подчинил себе прессу, радио, издательства, творческие организации и, создав единую пропагандистскую машину огромных размеров, стремится с ее помощью объединить всех немцев в сплоченную нацистскую фалангу. Он гораздо умнее Гитлера, настроен более воинственно и, как я слышал, упорно отказывается от встреч с иностранцами.

Третий член этого триумвиата — Герман Геринг. Ему около сорока лет, родился он в Южной Германии и так же, как Геббельс, в 1923 году участвовал в мюнхенском путче. В течение нескольких месяцев, пока Гитлер находился в тюрьме в Ландсберге, Геринг скрывался от правосудия. Он яростно возненавидел все демократические и социалистические партии. Республиканское правительство помиловало Гитлера и Геринга, и они оплатили за это возобновлением своей разбойничьей пропаганды.

Если Геббельс маскируется иногда социалистической терминологией, Геринг со своими штурмовиками открыто ополчился против официально существующей коммунистической партии³. Он — представитель аристократического и прусского германизма в его наиболее чистом виде и пользуется активной поддержкой со стороны крупных предпринимателей. Во время войны он был летчиком, приобрел большой опыт и настроен не менее воинственно, чем Геббельс и Гитлер. Он — президент Пруссии и мобилизовал старых прусских экстремистов (включая «черный рейхсвер») и милитаристов на поддержку нового режима.

Да, триумвират поистине уникальный. Гитлер — наименее культурный и наиболее романтический из всех, с полупреступным прошлым; Геббельс и Геринг — доктора философии, оба преисполнены неприкрытой классовой вражды и горят ненавистью к иностранцам, готовы прибегнуть к самым бесчеловечным методам. Они не любят друг друга, но ради того, чтобы сохранить власть, вынуждены терпеть друг друга. Современная история, пожалуй, не знает другого такого союза. Подобный союз был только в Древнем Риме.

Суббота, 10 марта. Сегодня к нам на неофициальный обед приглашен Пултни Биглоу, который только что вернулся из Дорна, где он провел три или четыре

дня. Это сын Джона Биглоу, человека необыкновенного и личного друга кайзера. Мы пригласили также Луи Фердинанда, внука кайзера, который прожил два или три года у Генри Форда в Детройте, — о нем больше всего говорят как о германском престолонаследнике. Пришел и генеральный консул Мессерсмит, недавно назначенный на пост американского посланника в Уругвае и очень довольный этим. Поскольку Нейрат был во вторник немного расстроен, мы решили его утешить: он был у нас почетным гостем. Уже много месяцев нам не доводилось участвовать в такой содержательной и откровенной беседе. Нейрат и Биглоу несколько раз обнимали друг друга. Наследник показался нам очень интересным, но вел себя сдержанно.

Понедельник, 12 марта. Сегодня я весь день провел в посольстве, заканчивая кое-какие официальные дела, и принял нескольких человек, желавших поговорить со мной по различным вопросам. Самым интересным из этих посетителей оказался Стивн П. Дагген из Международного института просвещения в Нью-Йорке, который недавно пробыл десять дней в Женеве и две недели в Париже. Он очень встревожен международным положением и в создавшейся напряженности винит Гитлера и в несколько меньшей степени также Муссолини.

Войдя в спальню, я застал там нашего дворецкого Фрица, который укладывал мои чемоданы. Мне это не по душе, так как я отнюдь не считаю для себя зазорным самому укладывать свои вещи.

Четверг, 15 марта. Вся семья поехала проводить меня до Гамбурга, откуда я отплыл в Вашингтон. Я заподозрил, что компании не хотелось отправлять судно 13 марта (в счастливый день Вудро Вильсона), поэтому мы отплыли 14-го, чтобы не испытывать судьбу. Я лег спать со смутным чувством, что лучше бы нам отплыть в пятницу, и с сожалением, что не застраховал свою жизнь от несчастного случая.

Четверг, 22 марта. Вместе со мной на борту судна находится один из американских консулов, человек больших достоинств, который стремится как можно

скорее вырваться из Германии и просит меня похлопотать в Вашингтоне о его переводе. Он вполне заслуживает повышения, а в Германии ему, еврею, приходится туго. Положение у него и впрямь не из легких, и он убежден, что государственный департамент дает повышения и переводы только людям со связями. Это вполне подтверждается судьбой другого нашего консула в Чехословакии, который тоже едет в отпуск. Чем больше я присматриваюсь к политике государственного департамента, тем яснее мне становится, что клика родственников, связанных кровными узами с некоторыми богатыми семьями, использует дипломатические должности для своих людей, из которых многие только что окончили Гарвардский университет и не имеют даже элементарных знаний. Главная их черта — снобизм и стремление к личному благополучию.

Пятница, 23 марта. Доктор Карл Веркмейстер, временный генеральный консул Германии в Нью-Йорке, привез мне в карантин письмо от канцлера Гитлера к президенту Рузвельту. Это письмо — результат беседы, которую я имел с Гитлером 7 марта.

Пятница, 23 марта. Когда «Манхаттан» вошел в док, полковник Хауз прислал за мной одного из своих друзей в роскошном лимузине, который незаметно отвез меня к нему домой. Это было весьма кстати, так как шоферы такси бастовали, а если бы я остановился в гостинице, репортеры донимали бы меня до самого отхода вашингтонского поезда. Хауз рассказал много интересного о враждебно настроенных чиновниках государственного департамента, с которыми мне предстоит иметь дело.

Суббота, 24 марта. В одиннадцать часов я поехал к государственному секретарю Хэллу. Наша беседа продолжалась три четверти часа и касалась положения в современной Германии.

Личное послание Гитлера привело Хэлла в замешательство — президенту придется ответить на него и дело может получить огласку. Хэлл рассказал мне о своих недавних беседах с германским послом Лютером, который был очень несдержан и, как видно, пол-

ностью обратился в гитлеровскую веру, чего нельзя было сказать о нем прошлым летом. Хэлл считает, что Лютер неспособен понять свободу печати, слова и совести в той форме, в какой они существуют в Соединенных Штатах. Хотя я не убежден в том, что в нашей стране существует подлинная свобода печати и слова, все же полное отрицание их в Германии делает позицию Лютера вполне понятной: он должен быть гитлеровцем, иначе его отзовут.

Пятница, 30 марта. Всю неделю я проработал в государственном департаменте. В воскресенье, 25 марта, я обедал у Дэниэла Роупера в семейном кругу. Понедельник я посвятил визитам к сотрудникам государственного департамента, в частности к Уолтону Муру и Уилберу Дж. Карру из отдела личного состава. Во вторник, после очень хлопотливого дня, я обедал у Джуетта Шуса и его жены, где кроме меня были Деша Брекинридж и Лоуелл Меллет из газетного синдиката «Скриппс-Говард». Разговор был непринужденный и откровенный.

К концу дня я побывал на заседании руководителей отдела личного состава государственного департамента: Мура, Карра, Сэмнера Уэллеса⁴ (который пользуется на Кубе сомнительной славой), Хью Уилсона и других. В своем выступлении я отметил, что американской дипломатии предстоит теперь играть иную роль, чем прежде. Стиль и времена Людовика XIV и королевы Виктории миновали. Народы мира, не исключая и американцев, потерпели банкротство. Пришла пора прекратить пышные приемы и отказаться от парадности. Я описал великолепные обеды в бельгийском, итальянском и французском посольствах в Берлине.

Потом я говорил об американских дипломатах, которые приобретают для семьи из двух человек обстановку за 3 тысячи долларов, которой хватило бы на двадцать комнат! Мой помощник в Берлине держит шофера, швейцара, дворецкого, камердинера, двух поваров и двух горничных. И все это для двоих! Эти люди расходуют огромные суммы, правительство же платило за перевозку груза на 3 тысячи долларов, а потом выяснилось, что сотрудник недостаточно квалифицирован и неспособен справиться с работой. Я настоя-

тельно предложил запретить подобным людям тратить что-либо сверх положенного им содержания: от 4 тысяч до 17 500 долларов в год. Кроме того, я заявил, что посол и его помощники обязаны знать историю и обычаи той страны, в которой они будут аккредитованы, и, кроме того, они должны больше думать об интересах своей родины, чем о ежедневной смене костюмов или ежевечерних веселых, но бессмысленных обедах и приемах, которые затягиваются далеко за полночь. Сэмнер Уэллес слегка поморщился: у него в Вашингтоне дворец, который по величине не уступает Белому дому, а кое в чем вполне может его затмить.

Разговор был долгий, временами он приобретал щекотливый характер, но все согласились, что пришло время перестроить дипломатическую службу. Однако меня не обмануло притворное единодушие, длившееся два часа.

В четверг я присутствовал на завтраке в Библиотеке конгресса. Библиотекарь Герберт Путнэм был в превосходном расположении духа. После того как я два часа проработал в фондах библиотеки, мне позвонил из Нью-Йорка Джеймс Макдональд, который уезжает в Европу, чтобы сделать еще одну попытку решить еврейскую проблему в Германии.

Сегодня я побывал на своей ферме близ Раунд-Хилла. Оттуда я проехал к югу по немощенной дороге еще три мили, чтобы попросить Мэйсона Пейтона прочистить засорившиеся водопроводные трубы. Обратного я ехал уже по другой, недавно отремонтированной дороге и, увязнув в грязи, не мог сдвинуть машину ни взад, ни вперед. Уже темнело. Я подождал немного, размышляя, что делать, так как цепей для колес у меня не было, и вдруг увидел на дороге крепкого, широкоплечего парня — работника с ближней фермы. Он охотно вызвался помочь мне и, отыскав поблизости несколько широких досок, подложил их под задние колеса, но машина все равно не могла сдвинуться с места. Через несколько минут на дороге появился еще один работник. Теперь они стали помогать мне вдвоем. Провозившись с четверть часа в грязи, мы, наконец, вытащили машину. Оба мои помощника отказались от денег. Как это не похоже на Европу!

Четверг, 19 апреля. Сегодня я завтракал в Чикаго с Лео Уормсером и Максом Эпштейном, обсуждая с ними еврейский вопрос в Германии: Уормсер и Эпштейн рассказали, как им и их друзьям удалось успокоить своих единомышленников и предотвратить бурные демонстрации, которые готовили в Чикаго. Джеймс Герард не выступил с речью. Однако чикагские евреи возмущены и не намерены ослабить бойкот. Я рассказал о том, что месяц назад канцлер Германии приказал закрыть «Колумбия хауз», самую ужасную берлинскую тюрьму, и восстановил систему ордеров при арестах; затем я изложил свое мнение относительно того, как будут развиваться события в дальнейшем.

Пятница, 20 апреля. Вечером на публичном собрании в библиотеке Чикагского университета Карл Сэндберг — автор полного жизнеописания Авраама Линкольна, Ллойд Льюис — автор популярной биографии генерала Уильяма Т. Шермана, и я выступили с краткими речами, посвященными собранной Бартоном «Линкольниане». Было решено пригласить также губернатора штата Иллинойс Генри Хорнера, но я знал, что он не придет, потому что в 1933 году я не раз критиковал его за то, что он своей властью губернатора не избавил Чикаго от оголтелого вымогателя — мэра. Памятуя об этом, я не сомневался, что губернатор Хорнер со своей стороны предоставит Сэндбергу и мне действовать самостоятельно.

Аудитория была очень широкая, и слушатели проявили большой интерес к дискуссии о Линкольне — самой откровенной, на какой мне когда-либо довелось побывать в Чикаго. Линкольна оценивали как человека большой души; занимая высокий пост, он порой не подозревал об интригах, которые плелись за его спиной. Все мы отдали Линкольну должное за его неуклонное стремление к одной великой цели: создать союз демократических штатов, такой, о каком мечтал и за какой боролся Джефферсон. Все поднимали вопрос о разумности некоторых наиболее важных его решений: в 1861 году он предпочел войну компромиссу, передав экономическую власть промышленникам и финансистам, что после начала войны, пожалуй, было уже

неизбежно. Даже такие мнения были встречены сочувственно.

Суббота, 21 апреля. Я встал поздно, позавтракал со своими коллегами по университету и успел вернуться туда вовремя, чтобы произнести речь перед студентами и преподавателями факультета общественных наук. Эта речь и была главной целью моего приезда в университет. Около часа я разбирал современное состояние общественных наук: истории, экономики, политики, социологии. Основные мои положения сводились к следующему: все специалисты в этих областях должны в обязательном порядке изучать историю, причем курс истории, равно как и подготовительный курс философии, должны войти в число основных дисциплин; все кандидаты на соискание степени доктора наук обязаны владеть двумя иностранными языками, которые также необходимо включить в учебную программу; факультеты должны пользоваться правом самоуправления и участвовать в руководстве университетом. Собрались около четырехсот человек, и, мне кажется, все со мной согласились. Преподаватели и выпускники были единодушны и охвачены волнением, которое я объяснил недавним вмешательством Хатчинса в факультетские дела, что было нарушением традиционного принципа самоуправления. Профессор А. К. Маклафлин, Шмитт, все мои старые друзья и даже противники горячо поддерживали меня. Как и вчера, ректора Хатчинса не было.

Понедельник, 23 апреля. Сегодня я пешком пошел на Норт Стэйтстрит, чтобы позавтракать у миссис Келлогг Фэйрбэнк, где мне предложили неизменный коктейль, который вынуждены пить в Соединенных Штатах светские люди, чтобы не прослыть старомодными. После церемонии питья коктейля, которая кое-кому из гостей, видимо, и в самом деле доставила удовольствие, нам подали превосходный завтрак, причем все гости, кроме меня, ругали «новый курс» Рузвельта и весь его кабинет, особенно Икеса, Уоллеса и «мозговой трест». Я спросил, какую политику они могли бы предложить взамен, и получил следующий ответ: мы должны вернуться к золотому паритету, свободному финансиро-

ванию и свободному предпринимательству. Такая политика кажется мне совершенно нереальной, — она всюду потерпела неудачу, и особенно в Чикаго. Германские дела обсуждались гораздо свободнее, чем, на мой взгляд, следовало бы, но все обещали не предавать этот разговор огласке.

Воскресенье, 29 апреля. Сегодня я ездил в Фукэй Спрингс, где в маленьком скромном домике живет мой отец, которому в ноябре исполнится восемьдесят семь лет. Часа два мы предавались семейным воспоминаниям и очень мало говорили о Берлине. Потом я поехал к мистеру Дэниелсу. Он живет в великолепном доме, который очень уж роскошен для его небольшого состояния и будет слишком дорог для его детей, когда он умрет. Мы поговорили о делах в государственном департаменте и о либеральной политике Хэлла.

Среда, 2 мая. Отдав все необходимые распоряжения на ферме и пообедав пораньше, я вернулся в Вашингтон. Здесь я остановился в клубе «Космос», а в 8 часов поехал в отель «Мэйфлауэр», где Роуперы устроили официальный обед на пятьдесят две персоны в общепринятом дипломатическом стиле. Присутствовали многие выдающиеся деятели современной Америки, среди них почетные гости — мистер и миссис Джезефус Дэниелс, а также Джесси Джонс из Федеральной корпорации по реконструкции финансовой системы⁵, Уильям Филлипс из государственного департамента, десятка два сенаторов и членов палаты представителей. Как обычно, я не услышал ничего интересного, кроме, пожалуй, признания члена палаты представителей Сола Блума из Нью-Йорка в своих симпатиях к Муссолини и его сообщения о проружельтовских настроениях его избирателей-республиканцев, которые возмутились, когда Сол Блум проголосовал против вето, наложенного президентом на билль о субсидиях.

Четверг, 3 мая. Сегодня утром я побывал у государственного секретаря Хэлла, у Дерна и Суонсона, а в половине первого посетил президента, чтобы попрощаться с ним и пригласить его выступить с речью перед ежегодным собранием Американской ассоциации

историков, которое состоится в декабре в Вашингтоне; я буду председательствовать на этом собрании и сделать ежегодный доклад. Рузвельт принял приглашение и заметил, что двадцать лет назад уже имел случай выступить перед членами Ассоциации в Чарлстоне. После этого мы поговорили о том, что Соединенные Штаты, возможно, будут бойкотировать всякую страну, которая предпримет вооруженное вторжение на территорию другого суверенного государства, а также о смысле тарифных ограничений, которые в то время обсуждались в сенате.

Президент попросил меня неофициально передать привет Гитлеру, но ни в коем случае не выражать одобрения его политике. Я попрощался с президентом, пожелал ему всего наилучшего и вернулся к себе на ферму.

Воскресенье, 6 мая. Сегодня выдался чудесный денек. Зеленеющие деревья и яблони в цвету очаровывают меня тем сильнее, что мне надо уезжать. Стадо коров целый час паслось на лугу перед домом, пощипывая густую траву.

Понедельник, 7 мая. В девять часов мы с Флэйвом Кларком поехали на машине по горной дороге через Чарлстаун, штат Западная Виргиния, в Фредерик, штат Мэриленд, где я купил кое-какие вещи, чтобы взять их с собой в Берлин. Мы доехали до Геттисберга, где я позавтракал в небольшом ресторанчике, хозяин которого не позволил Флэйву, очень красивому и милому негру, даже помыслить о том, чтобы поесть в главном зале. Ему пришлось идти на кухню с заднего крыльца, совсем как в Чарлстоне или Атланте⁶. Флэйв не стал жаловаться, и мы поехали дальше в Филадельфию, где я должен был встретиться со своим старым другом Коньерсом Ридом.

Вторник, 8 мая. Сегодня я уехал из Филадельфии в Нью-Йорк, отослав Флэйва Кларка с машиной обратно в Виргинию. В час дня я пошел в клуб «Сенчури», куда Герберт С. Хаустон еще месяц назад пригласил на завтрак человек двадцать наиболее известных издателей и редакторов городских газет. Здесь были пред-

ставители «Таймса», «Геральд трибюн», «Форума», «Литерари дайджеста», а также мои бывшие студенты У. Л. Ченери — редактор «Кольерса» и Эдвин Л. Джеймс, ведающий в «Таймсе» европейскими делами. Беседа продолжалась часа полтора. Никогда еще я не встречал такой открытой и смелой поддержки по всем важнейшим вопросам, которых я рискнул коснуться. Даже редактор «Тайма» — еженедельника, раз или два несправедливо нападавшего на меня, держался дружелюбно и сочувственно. Присутствующие были серьезно озабочены положением дел в Германии.

Все единодушно признали, что президент Рузвельт по-прежнему пользуется поддержкой подавляющего большинства населения страны. Первые же результаты анкеты «Дайджеста», как сказал его редактор, свидетельствуют о всеобщем энтузиазме, несмотря на критические выступления в газетах. Месяц назад, когда я получил приглашение от Хаустона, в государственном департаменте мне посоветовали принять его, вернее, посоветовал это Уильям Филлипс. Не сомневаюсь, что такая встреча полезна во всех отношениях, поскольку я скоро уезжаю. К сожалению, мой друг Джон Финли из «Таймса» не мог присутствовать на этом приеме.

Вечером я обедал у полковника Хауза, и едва мы сели за стол, его супруга принялась занимать меня светской болтовней. Так продолжалось довольно долго, и, наконец, в наш разговор вмешался полковник Хауз: «Моя дорогая, мне придется прервать вас. Нам нужно обсудить кое-какие вопросы поважнее!» Миссис Хауз несколько забылась, но забылся и полковник. Я сохранил невозмутимость и сделал вид, будто не заметил этого инцидента.

Через некоторое время мы перешли в гостиную, которая, как и вся их квартира, очень мила, но не роскошна. А минут через пятнадцать полковник пригласил меня в свой кабинет, где висят портреты Вильсона, Франклина Рузвельта и других выдающихся деятелей Америки. Он усадил меня на диван и показал письма от известных государственных руководителей. Среди них было очень важное письмо от президента. Мы откровенно обменялись мнениями о расстановке сил в кабинете министров и о недавнем посещении Хауза государственным секретарем Хэллом, который рассказал,

что Раймонд Моли снова пытается втереться в правительственные круги в Вашингтоне, что, по мнению Хэлла, возмутительно, а по мнению Хауза — просто опасно.

Тут я вспомнил, что Жерар Суоуп действительно приглашал меня до моего отъезда позавтракать с ним, а также с Гербертом Бэйердом Суоупом, Оуэном Д. Янгом и Раймондом Моли. Это приглашение было прислано в Виргинию недели две или даже больше назад. Жерар Суоуп возглавляет компанию «Дженерал электрик», Герберт, облеченный сомнительными полномочиями, участвовал в Лондонской экономической конференции. К Оуэну Янгу я никогда не питал особой симпатии. Я отклонил приглашение главным образом потому, что чувствовал, что затевается какая-то игра. Я не питаю доверия ни к одному из этой четверки. Возможно, следовало все же принять их приглашение, чтобы узнать, чем вызван их интерес ко мне, но личное недоверие к ним взяло верх. Я никогда не сел бы за один стол с Морганом, разве только, если мне захотелось бы узнать что-нибудь о его взглядах и намерениях.

Среда, 9 мая. Сегодня я уезжаю. Повидаться со мной приехал судья Джулиан Мак из федерального окружного суда в Нью-Йорке. Около полудня он говорил со мной о еврейском вопросе в Германии. Я рассказал, что 11 или 12 марта Гитлер отдал приказ закрыть «Колумбия хауз» — место, где евреев и других узников подвергали жестоким пыткам. Канцлер также заявил, что никто не может быть задержан по какому бы то ни было обвинению более чем на двадцать четыре часа без предъявления ордера на арест. Когда я сообщил об этом в Чикаго, Мак счел это добрым знаком.

Он спросил, следует ли, по моему мнению, ослабить бойкот немцев со стороны Соединенных Штатов.

Я ответил:

— Да, если вы считаете, что Гитлер идет на смягчение своего режима. Сделайте сначала попытку, а потом, если немцы откажутся от своей неслыханной жестокости, можно будет предпринять более решительные шаги.

Он не выказал готовности действовать немедленно, но обещал заняться этим вопросом.

«Вашингтон» отплыл в полночь, и я сразу же лег спать.

Четверг, 17 мая. Я приехал в Берлин в половине одиннадцатого ночи. Моя семья и все сотрудники посольства встретили меня на вокзале. Я был рад вернуться к семье, но напряженность обстановки сразу же дала себя почувствовать.

Пятница, 18 мая. Сегодня утром у меня был откровенный и прямой разговор с Мессерсмитом, который назначен посланником в Австрию. Мы поговорили о положении евреев в Австрии, об опасности широкой огласки, о разумности отказа от больших светских приемов и особенно о том, как важно для него поддерживать постоянную секретную связь с нашим посольством в Берлине. Мессерсмит во всем со мной согласился. Он передал мне доклад о работе парижского посольства, подготовленный им по просьбе государственного секретаря Хэлла. В докладе указывается на наличие двух десятков лишних сотрудников и обоснована возможность обойтись без них. Хотя я всегда считал, что у нас в штате слишком много сотрудников и в их числе несколько не вполне квалифицированных, мне удалось добиться перевода в другое место лишь одного из них — человека, который вел себя недостойно по отношению к немецким женщинам.

Четверг, 24 мая. Сегодня я завтракал с Дикгофом в маленьком ресторанчике на Унтер ден Линден. Это один из немецких либералов, который получил в университете степень доктора философии, прожил несколько лет в Вашингтоне, а в последние годы занимает пост, который соответствует посту заместителя государственного секретаря в Соединенных Штатах. Я напомнил ему о полученных мною накануне моего отъезда 14 марта заверениях в том, что германское правительство принимает меры, чтобы ослабить преследования евреев, и повторил его собственные слова, сказанные на завтраке в германском Пресс-клубе 12 марта, что отныне ни один человек не может быть

задержан более чем на двадцать четыре часа без ордера, подписанного по всей форме местным судьей. Я напомнил ему также о недавнем приказе закрыть «Колумбия хауз».

Он подтвердил, что канцлер предпринял эти шаги в интересах улучшения отношений с Соединенными Штатами. Тогда я рассказал ему о том, что предпринял я со своей стороны, чтобы достигнуть взаимопонимания с американскими евреями, и как мне помог в этом полковник Хауз. Я добавил, что речь Геббельса, произнесенная 12 мая, сделала напрасными все мои усилия, и американцы будут считать меня жертвой обмана и, вероятно, человеком наивным.

Тогда Дикгоф откровенно высказал свое враждебное отношение к Геббельсу и выразил надежду, что Гитлер вскоре будет низложен. Он стал убедительно, как ему представлялось, доказывать, что немцы не станут долго терпеть строя, при котором они не знают покоя от муштры и влечат полуголодное существование. Он едва ли сказал бы больше даже в Англии или в Соединенных Штатах. Само собой разумеется, что все сказанное останется между нами, — я мог разве только передать его слова своим друзьям в Америке: Хэллу, Хаузу и другим официальным лицам.

Дикгоф сказал, кроме того, что в конце марта в Германии должен был начаться бойкот евреев, но министерство иностранных дел, а также Шахт и Шмитт убедили Гитлера не давать на это своего согласия. Позиция Геббельса несколько смутила канцлера, но он не изменил своего решения. Все это объясняется тем, что экономическое положение в марте и апреле вызвало тревогу у Гитлера. Дикгоф добавил:

— Боюсь, что если американские евреи не прекратят свою агитацию и бойкот, мы не сможем найти выхода из положения.

Это означало, что ниспровержение Гитлера станет невозможным.

Я чувствовал, как глубоко встревожен этот высокопоставленный чиновник, который рискует жизнью, критикуя существующий строй. В подавленном настроении мы расстались на пути к Вильгельмштрассе, где он, конечно, перескажет все, что я сообщил

ему о позиции Рузвельта и о неловком положении, в котором я очутился в Америке. Два часа я работал у себя в кабинете, а потом вышел погулять по Тиргартену.

Понедельник, 28 мая. Последние дни я был занят обычной работой. Сегодня в половине первого я поехал в министерство иностранных дел. Нейрат заставил меня ждать десять минут, и когда я входил в его личный кабинет, то столкнулся в дверях с какой-то делегацией. Я начал разговор с ним без двадцати час и кончил в четверть второго. Нейрат был гораздо любезнее и, больше, чем когда-либо со времени моего приезда в Берлин в июле 1933 года, старался понять мою точку зрения.

Он расспрашивал об Америке и о том, как я провел отпуск, но я направил беседу к главной теме, спросив, что он думает о речи Муссолини, произнесенной в прошлую субботу перед так называемым итальянским парламентом, в котором великий диктатор официально заявил, что война столь же естественна и необходима для мира, как беременность для женщины, так что придется понизить уровень жизни в Италии, дабы поддержать ее военную и морскую мощь, необходимую для борьбы с врагами.

Нейрат сказал:

— Это вполне в духе Муссолини. В Германии тоже есть несколько дураков, которые говорят подобные же вещи, но подавляющее большинство немцев не хочет войны.

В сущности, он повторил то, что сказал мне в четверг Дикгоф. Потом Нейрат заговорил о неудачной позиции Франции.

— Если бы они хоть немного пошли нам навстречу, тогда мы с радостью возобновили бы переговоры в Женеве. Если Франция согласится на уступки, это будет одним из величайших мировых событий.

Я спросил Нейрата, что он думает о заявлении Рузвельта относительно вооружения. Он поздравил Соединенные Штаты с таким замечательным руководителем, но сказал:

— Вы не сможете контролировать поставки оружия, даже если примете самые крутые меры.

Я рассказал о том, что после опубликования речи Рузвельта сильно упали многие акции на бирже, особенно военные акции Дюпона. Нейрат заметил:

— Все это так, но если даже ваш конгресс будет продолжать расследование, а европейские государства согласятся на эмбарго, поставки оружия в той или иной форме все равно будут продолжаться.

Посидев еще немного, я встал, чтобы уйти. Нейрат коснулся моей руки.

— Подождите минутку, — сказал он. — Как вы смотрите на еврейский вопрос?

Я и сам хотел предоставить ему случай объяснить перемену германской политики после обещаний, данных 12 марта, и речей, произнесенных в то время, когда я был в Соединенных Штатах.

Я изложил свою позицию при отъезде из Германии, рассказал о том, как мне удалось предотвратить заочный судебный процесс над Гитлером, который должен был состояться в Чикаго в середине апреля, и, наконец, объяснил, что мое положение теперь крайне неловкое.

— Пожалуй, меня даже могут счесть наивным, потому что я поверил в искренность заверений немцев, — добавил я.

Я рассказал также о том, что Рузвельт поблагодарил меня за прекращение агитации в Чикаго. Однако на борту «Вашингтона» мне стало известно, что речь Геббельса была опубликована 12 мая во всех американских газетах, и антинацистская агитация вновь оживилась.

Нейрат был не на шутку встревожен. Он сказал, что германское правительство было искренним в своих заверениях, сделанных накануне моего отъезда, но Штрейхер⁷ в Нюрнберге нарушил все приказы и начал преследовать евреев собственной властью, а Геббельс, к общему удивлению, поддержал его и совершил 12 мая ужасную ошибку. Нейрат добавил, что он, Шахт и Шмитт пришли к Геббельсу с протестом. По его словам, даже канцлеру стало не по себе.

Я отчасти повторил Нейрату то, что сказал Гитлеру о способах, с помощью которых американцы стараются контролировать спекуляции крупных капиталистов. Он выразил радость по поводу того, что я

сообщил это Гитлеру, но я тут же оговорился, что канцлер не согласен со мной. После этого Нейрат замолчал. Было ясно, что он полностью разделяет мою точку зрения. Он попросил меня сообщить в Вашингтон, что военное нападение вовсе не входит в намерения германского правительства, но не стал распространяться о Гитлере. Он сказал также, что Геринг стал менее непримирим к евреям.

Потом он заговорил о торговых отношениях и о сокращении германского золотого запаса всего до 4 процентов общей суммы бумажных денег, находящихся в обращении.

— Что нам делать? — спросил он.

Да, положение и в самом деле тяжелое. Он продолжал:

— А виной всему бойкот, объявленный евреями, тарифные барьеры во всех странах и отсутствие у нас возможности покупать хлопок и каучук или продавать что-либо за границу.

Он был очень обеспокоен, но ни словом не обмолвился об ожидаемом перевороте.

Он выразил свое полное согласие с Лэйрдом Беллом и другими делегатами Американской трансфертной конференции в том, что «Германия должна уплатить половину причитающихся с нее процентов, — на такую либеральную уступку пошли только американские держатели облигаций. — Но французы не хотят уступить ни на йоту. Они непременно желают получить свои 6 процентов, а у нас нет ни золота, ни валюты».

Я сочувствовал ему в этом, как и почти во всем, о чем он говорил. В его словах не было ни рисовки, ни гордости. Он высказал опасение, как бы просьба о шестимесячном моратории не повлекла за собой неприятных последствий. Она вызвала бы в Соединенных Штатах такую же реакцию, какую вызвал бойкот: рынки закрылись бы для Германии окончательно.

Потом Нейрат заговорил о возможности переговоров в Вашингтоне при существующих рузвельтовских тарифных ограничениях.

— Удастся ли достичь каких-нибудь результатов? — спросил он.

Я ответил:

— Да, если Германия действительно готова пойти на уступки в торговле.

Президент не уполномочил меня делать какие-либо предложения по этому вопросу. Но я был так уверен в позиции своего правительства, что добавил:

— Если вы пошлете в Вашингтон компетентную делегацию, я думаю, ей многое удастся сделать; только не посылайте людей, чья репутация может вызвать недовольство. Вы знаете, на что способна пресса в подобных случаях.

Я хотел таким образом предупредить приезд доктора Шахта, хотя он буквально рвется в Вашингтон. Хэллу и Рузвельту его присутствие весьма нежелательно.

Пятница, 1 июня. Сегодня утром у меня была короткая встреча с Нейратом по поводу нарушения немцами договора с Соединенными Штатами. Принимая мой письменный протест, министр чувствовал себя очень неловко и обещал через день или два дать ответ. Я заявил, что Германия не должна нарушать свои обязательства, если она не хочет вооружить против себя общественное мнение в Соединенных Штатах. Он спросил меня:

— Что же нам делать?

Германия ничего не экспортирует в США и пока довольствуется лишь обещаниями получить возможность экспорта в Данию и другие страны. У меня имелись доказательства серьезных нарушений договора: немцы ввезли большие партии свиного сала из Венгрии, тогда как поставки американских мясных промышленников в Германию резко сократились. Нейрат попросил у меня меморандум или какой-нибудь другой документ. Я сказал, что не могу сейчас удовлетворить его просьбу. Уходя, я почувствовал жалость к этому, министру, который вынужден все время оправдывать передо мной действия, которые сам он решительно не одобряет. Он и государственный секретарь Хэлл принадлежат к одной и той же школе экономической и международной мысли.

Мы поехали на завтрак к доктору Шмитту. Это человек, который придерживается таких же убежде-

ний, как и Нейрат. Речи Шмитта, широко публикуемые в немецких газетах, свидетельствуют о независимости его взглядов в той сфере, в которой протекает его деятельность. Мы сидели за круглым столом на живописной лужайке, кроме членов моей семьи со мной были еще сотрудники посольства Уайт и Флэк. После завтрака Шмитт отвел меня в сторону и, без устали расхаживая по лужайке, целый час говорил о бедственном положении Германии: страшная засуха, которая грозит голодом, полное отсутствие экспорта, резкая враждебность к немцам в Соединенных Штатах и Англии из-за преследований Гитлером евреев, протестантов и католиков. Как могут немцы вести переговоры о новом договоре с Соединенными Штатами при таком враждебном к ним отношении? Я слушал все это и при всякой возможности вставлял свое слово. Никогда еще мне не приходилось видеть, чтобы немецкий государственный деятель был в таком отчаянии. Я очень сочувствовал Шмитту, когда он снова и снова жаловался на безрассудную политику Гитлера.

Я намекнул ему, что если в Вашингтон будет послана делегация, он сам мог бы провести переговоры с большим успехом, чем другие германские деятели, которые теперь очень непопулярны в Вашингтоне и Нью-Йорке из-за своих действий в вопросе о долгах американским кредиторам. Шмитт сказал, что не может ехать наудачу, но готов поехать, если есть надежда добиться успеха. Он заинтересовался настолько, что попросил меня поговорить с Нейратом о возможности включения его в состав делегации, — подобные предложения уже делались время от времени немецкими либералами.

Суббота, 2 июня. Сегодня в Германии впервые настоящему ощущается засуха; деревья и поля пожелтели. Газеты пестрят сообщениями о засухе в Баварии, а также в Соединенных Штатах.

После целого дня напряженной работы мы поехали в Цецилиенгоф, резиденцию германского кронпринца — дворец с прекрасным парком близ Потсдама. Супруга кронпринца пригласила нас к чаю. Она — сестра королевы Дании, женщина весьма привлека-

тельная и здравомыслящая, несчастная супруга беспутного старшего сына кайзера, в настоящее время высланного в Голландию.

Она была очень любезна. Мы провели в ее обществе минут двадцать, а потом, извинившись, удалились, чтобы не лишать других гостей чести посидеть с ней за столом. Вместе с нами были британский посол, только что вернувшийся из Англии, и его супруга. Мы немного поговорили с ними, познакомились с другими членами семьи кронпринца и уехали. Это было печальное посещение останков прошлого, и я все время вспоминал эпоху величия Гогенцоллернов в конце XIX и начале XX века.

Понедельник, 4 июня. Вчера я получил письмо от полковника Хауза, в котором он сообщает, что в двадцатых числах мая к нему заходил агент или друг Гитлера с предложением приехать в Германию и побеседовать с Гитлером о путях решения еврейского вопроса. Хауз отказался. На другой день один из самых видных евреев в Соединенных Штатах, Сэмюэль Унтермайер, пришел к Хаузу и, хотя он не соглашался на какие-либо определенные политические шаги, предложил ему, чтобы я начал переговоры исключительно личного характера, с целью смягчить позицию Гитлера. Оба они, Хауз и Унтермайер, убеждены, что если это мне удастся, американские евреи ослабят свой бойкот. Такой шаг вызван ростом антисемитизма в США, о чем судья Джулиан Мак говорил 9 мая в Нью-Йорке. Даже Рузвельт подвергся сильным нападкам, после того как назначил нескольких евреев на государственные посты.

Сегодня утром я поехал на дом к Нейрату, прочел ему с глазу на глаз письмо Хауза и предложил, чтобы он попытался выяснить у Гитлера, на что мы можем рассчитывать. Он обещал повидать Гитлера, как только канцлер вернется в свою резиденцию, причем доктор Шахт и доктор Шмитт должны поддержать его в этом деле. Он сказал, что прежде всего нужно поставить на место Штрейхера, этого неистового нюрнбержца, который не прекращает агитации, а также Геббельса. Я предложил, чтобы кто-нибудь из нацист-

ских вождей выступил с речью и призвал к терпимости. Если это возможно, я буду телеграфировать Хаузу. Пробыв у Нейрата всего лишь семь минут, я вернулся в посольство.

Вторник, 5 июня. Приехал французский посол и сказал, что из Женевы ему сообщили о моей беседе с Нейратом 28 мая с целью склонить немцев уступить женевским требованиям и возобновить переговоры о разоружении. Я повторил ему, что, по-моему, все ведут себя сейчас крайне глупо, и еще раз высказал предположение, что Германия пойдет навстречу, если Франция сделает действительную, пусть даже небольшую, уступку. Он, по-видимому, до известной степени согласен со мной. Интересно, пересказал ли ему Норман Дэвис содержание моего конфиденциального письма от 29 мая?

Среда, 6 июня. В полдень я поехал к французскому послу, чтобы узнать, нет ли свежих новостей из Женевы. Новостей не оказалось, но посол намерен повидать Нейрата и поговорить с ним о возможных уступках со стороны Германии, при условии, что Франция со своей стороны тоже пойдет на уступки. Если он узнает что-нибудь заслуживающее внимания, то непременно даст мне знать. Около шести часов пришел молодой Арман Берар, личный секретарь посла, и сообщил, что переговоры в Женеве ничуть не продвинулись вперед. Берар сказал:

— В Париже все очень обеспокоены угрозой войны. Я возразил на это:

— По-моему, Германия сейчас, после такого банкротства, не в состоянии развязать войну.

Четверг, 7 июня. Банта привел трех банкиров, которые хотели разузнать у меня все, что возможно. Они были встревожены. Один из них довольно резко критиковал Рузвельта, но я возразил ему, что руководители оппозиции сами не имеют никакой положительной программы. Тогда он стал обвинять Рузвельта в том, что тот окружил себя евреями, а потом сказал:

— В Нью-Йорке назревает бунт. На Сэма Унтермайера, вероятно, будет совершено нападение.

Пятница, 8 июня. Сегодня приходил еще один нервный, встревоженный нью-йоркский банкир. Когда он стал критиковать президента, я решительно поддержал предложения об ограничении фондовой биржи, которые вскоре должны вступить в силу. Он согласился со мной и постепенно признал, что Рузвельт — единственный государственный руководитель, от которого можно чего-то ждать. Этот банкир ужасно боится, как бы здесь не случилось чего-нибудь.

За чаем у Эриста Ганфштенгля французский посол снова коснулся переговоров в Женеве. Он сказал, что там появились новые перспективы и что я слишком мрачно смотрю на положение в Германии, считая его критическим и сомневаясь в том, что удастся вырвать у немцев сколько-нибудь существенные уступки в вопросе о разоружении.

Представитель германского министерства иностранных дел доктор Давидсон говорил о необходимости поскорее начать торговые переговоры в Вашингтоне. Я открыто выразил надежду, что комиссия вскоре начнет работать, так как назрела необходимость пересмотреть тарифы. Доктор Давидсон сказал, что знает со слов Нейрата, как давно я одобряю такой шаг, и что посол Лютер целый час беседовал с Хэллом в среду, в тот самый день, когда я телеграфировал, что немцы не понимают значения международных инцидентов, которые по их вине происходят почти каждый день.

Воскресенье, 10 июня. Мы поехали в бывшие имперские охотничьи угодья, которые Герман Геринг превратил в Прусский государственный звериный заповедник; здесь он проводит субботу и воскресенье. Мы опоздали из-за какой-то неисправности в машине (новом «Бьюике», купленном, наконец, моей женой взамен старого, разбитого «Шевроле», который дипломаты считали смехотворно скромным для посла) и, приехав, увидели, что почти все дипломаты обступили в роще человека, который говорил что-то и дружелюбно нас приветствовал.

Потом Геринг, одетый в средневековый охотничий костюм, произнес речь. Это огромный, жирный, веселый человек, который больше всего на свете любит рисоваться. Во время речи Геринга три фотографа с превос-

ходными аппаратами снимали его, на что он соглашался с нескрываемым удовольствием. Потом он повез нас в лес показывать зубров и маленьких диких лошадок. Сам он уселся в старинный экипаж, запряженный парой лошадей, с крестьянином на козлах. Синьора Черрути, жена итальянского посла, гордясь выпавшей на ее долю честью, заняла место справа от Геринга. Остальные в двухместных крестьянских повозках медленно поехали вслед за ними по лесу, где время от времени можно было увидеть оленя или орла.

Когда прогулка кончилась, каждый из нас дал марку или две вознице, и, сев в свои машины, мы двинулись к охотничьему дому Геринга на берегу живописного озера. Геринг поехал вперед. Он встретил нас в великолепном, с иголки, белом летнем костюме и пригласил в свой бревенчатый дом, прекрасно скопированный с дома благородного средневекового помещика, если только в те времена вообще существовали благородные люди. Мы разбрелись по дому, пили чай, кофе или пиво, смотря по вкусу. Вице-канцлер фон Папен сидел на почетном месте, слева от меня. Сэр Эрик Фиппс, английский посол, — напротив; французский посол — справа, через два человека от меня. Разговор был неинтересный, внимания заслуживали, пожалуй, только скупые реплики по поводу новой книги адмирала Шпиндлера о боевых действиях германского флота в мировой войне. Я прервал разговор об этой книге, сказав:

— Если бы люди знали историческую правду, большой войны никогда больше не было бы.

Сэр Эрик и Франсуа-Понсэ почему-то долго смеялись над этим, но ничего не сказали. Наступило долгое молчание, после чего мы обратились к другим, менее рискованным темам.

В шесть часов Геринг стал показывать нам свои владения и на каждом шагу обнаруживал такое тщеславие, что гости то и дело насмешливо переглядывались. Он повел нас на берег другого живописного озера и показал склеп, высокое каменное основание которого выходило прямо к озеру, — самое роскошное сооружение такого рода из всех, какие мне доводилось видеть. Это была могила первой жены Геринга, чьи

останки перевезены из Швеции, где народ проявил неприязнь к нацистской Германии, разрушив могилу. Геринг громко хвастался великолепным склепом, где, как он сказал, будут в свое время погребены и его останки. Все это продолжалось с полчаса. Сэр Эрик и я, утомленные этим забавным зрелищем, решили пойти к Герингу попрощаться. К тому же мы торопились в Берлин, до которого было пятьдесят миль. Заметив это, синьора Черрути мгновенно встала, — она не могла уступить нам свое священное право всегда и везде быть первой.

Среда, 13 июня. Сегодня я поехал на чай в красивый городской особняк Геринга. Присутствовал почти весь дипломатический корпус. Шмитт, талантливый член кабинета, которого характер его деятельности вынуждает время от времени грозить отставкой, подсел ко мне, чтобы снова обсудить возможность торговых переговоров между Германией и Соединенными Штатами. Он был встревожен и огорчен ожидающимся в ближайшее время заявлением, что с 1 июля Германия отказывается от уплаты всех долгов. Кроме того, ему известны слова государственного секретаря Хэлла, сказанные 6 июня послу Лютеру, что в течение еще некоторого времени никакие торговые переговоры не могут быть начаты.

Я сказал, что государственный секретарь Хэлл жаловался на нарушение немцами договора и на их несправедливое отношение к американским кредиторам. Он притворился, будто ничего не знает об этом. Мы откровенно поговорили об ошибках, которые, как видно, сделали невозможным то, на что надеялись немцы, — более свободный доступ на американские рынки. Мы согласились, что помешательство Гитлера на мнимом экономическом господстве очень опасно. Шмитт сказал, что почти вопреки позиции, занятой Соединенными Штатами, Гиттер еще упорнее навязывать Германии свои условия. Я сказал, что эта позиция вызвана тремя факторами: неразумным обращением с евреями, что порежало за собой активный бойкот, тайным нарушением Германией договора, предусматривавшего некоторые торговые привилегии для Америки, и отказом министерства иностранных дел объяснить

подобные акции или хотя бы ответить на мои настоятельные официальные запросы о причинах такого поведения. Я заметил также, что все это вызывает широкое возмущение общественности, а кроме того, теперь, когда со дня на день ожидается, что Германия объявит о своей неплатежеспособности, выяснилось, что в последнее время Германия закупала у американских промышленников по сто аэропланов в месяц. Все это так несовместимо! Партийные деятели поглядывали на нас слишком пристально, и мы разошлись в разные стороны. Шмитт был очень встревожен.

Четверг, 14 июня. В газетах много пишут о торжественной встрече Гитлера и Муссолини в Венеции, которая состоится сегодня и завтра⁸. Мне кажется, цель этой встречи может быть только одна: ободрить немецкий и итальянский народы, которых сильно тревожит экономический крах фашистского строя. Вчера Геринг саркастически рассмеялся, когда я сказал ему: «А вы, я вижу, в Венецию не поехали». Здесь все говорят, что он надеется сыграть роль спасителя нации в связи с затеваемым командованием рейхсвера путчем, который может начаться каждую минуту. Однако я не вижу, каким образом этот путч может кончиться успешно.

Пятница, 15 июня. Ко мне пришел фон Риббентроп, посредник Гитлера в международных делах. Он поговорил со мной о встрече в Венеции, но не сказал ничего определенного. Потом он коснулся проблемы разоружения и в конце концов заявил, что Гитлер вернется в Лигу наций, если Франция пойдет хотя бы на небольшую уступку. Я уже говорил об этом с Франсуа-Понсэ 13 июня перед его отъездом в Париж. Теперь посредник канцлера подтвердил мои слова: небольшая уступка со стороны Франции позволит возобновить обсуждение вопроса о разоружении. Может быть, он просто меня прощупывал? Я повторил то же самое, что сказал Шмитту за чаем у Геринга. Риббентроп притворился удивленным и ушел от меня сильно озабоченный.

Погуляв в Тиргартене, я позавтракал с гостями, приехавшими в Берлин из Америки: бывшим послан-

ником в Швеции Морхедом и его супругой, убежденными капиталистами, которые не знают, что послужило причиной катастрофы 1929 года в Соединенных Штатах⁹, доктором Мэйплсом из Вильмингтона и его супругой, а также Т. В. Смитом, профессором философского факультета в Чикаго, и его супругой. Это очень интересные люди, которые придерживаются самых различных взглядов, причем Морхеды — наиболее самодовольные и наименее образованные, несмотря на свое огромное состояние и большой жизненный опыт.

Морхед сказал:

— В каждой стране лишь десять процентов населения делают деньги и играют ведущую роль во всех областях жизни, а поэтому они и должны обладать неограниченной властью в общественных делах.

Это, конечно, идея Гувера. Морхед не преминул похвастаться своей близостью к этому дискредитированному бывшему президенту. Как не похоже это на взгляды Смита, который преподает философию в Чикаго! Он почти социалист, но не забывает о том, что история всех времен полна бесконечной борьбы и противоречий.

Суббота, 16 июня. Вчера я послал личную телеграмму государственному секретарю Хэллу с просьбой порекомендовать президенту кандидатуру Р. Д. У. Коннора из Северной Каролины на имеющуюся теперь в Вашингтоне вакансию государственного архивариуса. Коннора поддерживает исполнительный комитет Американской исторической ассоциации. Сегодня я сообщил по телеграфу в Вашингтон содержание моих разговоров со Шмиттом и Риббентропом, а также вкратце изложил свое мнение об ошибках, совершенных немцами.

Воскресенье, 17 июня. Получена телеграмма от Хэлла. Поскольку он намерен опубликовать заявление относительно объявленного Германией моратория и несоблюдения ею договоров, мне надлежит завтра, 18 июня, лично переговорить об этом в министерстве иностранных дел. Хэлл дал мне понять, что он сознает сложность положения и, видимо, признает ошибки, совершенные Соединенными Штатами в прошлом,—

теперь немцы позаимствовали у нас тарифные барьеры и минимую изоляцию. Поэтому он не заявляет официального протеста.

Что нового могу я сказать, кроме того, что уже повторял десятки раз? Германия находится в ужасном положении, и, признавая порой, что война — негодное средство, немцы тем не менее все время говорят о ней. Гитлер вернулся из Венеции, где он пытался перешеголять Муссолини в суетном блеске и парадности, которые ни с чем не сообразны. Завтра самый подходящий день для разговора с Нейратом, если только мне удастся его повидать.

Понедельник, 18 июня. В половине шестого я встретился с Бюловым и прочел ему очень важное место из телеграммы Хэлла. Бюлов живо возразил:

— В объявленном Германией моратории нет дискриминации, как нет ее и в предполагаемом соглашении между Германией и Голландией или Германией и Швейцарией.

Я заметил, что американский народ смотрит на это иначе, нежели германское правительство. Быть может, нет дискриминации в уплате Франции шести процентов, а американцам четырех процентов по облигациям, потому что американские займы были предоставлены на других условиях, и во время последней трансфертной конференции наши представители согласились на снижение процентов. Французы не пошли на такое снижение, ссылаясь на контракт, заключенный их правительством с немцами. Но сотни тысяч американских кредиторов не хотят знать обо всех этих тонкостях и не одобряют их.

Кроме того, есть немало других фактов: преследование евреев, нацистская пропаганда в Соединенных Штатах, которая так дорого обходится Германии, недавняя закупка сотен самолетов для военных целей. То, что немцы называют финансовым истощением, представляется на деле не столь уж реальным и неминуемым, как они утверждают. Американцы считают, что немцы пренебрегают первоначальными обязательствами по облигациям без достаточных на то оснований. Бюлов был несколько смущен. Он прекрасно понимает общественное мнение в Соединенных Штатах и

недоволен политикой своего правительства, хотя и не сказал об этом прямо.

Общая коммерческая дилемма не вызвала у нас разногласий. Нельзя возводить высокие, непроницаемые барьеры и после этого ожидать уплаты международных долгов. Бюлов сетовал на то, что Соединенные Штаты не захотели начать торговые переговоры в апреле, как я надеялся во время своего пребывания в Вашингтоне. Я сказал, что новая волна преследований евреев и публичные выступления высокопоставленных деятелей, вроде выступления Геббельса 12 мая, вызвали в Соединенных Штатах такие отклики, из-за которых конгрессу трудно было санкционировать эти переговоры. Бюлов согласился со мной. Я напомнил ему, что с 1 июня прошу сообщить мне, как объясняют немцы свои действия и какие обязательства они берут на себя, чтобы я мог телеграфировать об этом в Вашингтон в надежде успокоить общественное мнение. Он сказал, что доктор Шахт и доктор Дарре¹⁰ из министерства сельского хозяйства без конца затягивают ответ, поэтому министерство иностранных дел здесь бессильно.

Уже собираясь уходить, я спросил Бюлова о конференции в Венеции. Он сразу ответил:

— Мы отклонили Восточный пакт с Россией и Польшей¹¹, на котором настаивал Литвинов, потому что мы не вооружены и не можем участвовать в этом пакте на равноправных началах, которые гарантировали бы наши интересы. В связи с этим Германия обязана обеспечить безопасность прибалтийских государств, а также Чехословакии от агрессии в какой бы то ни было форме.

Совершенно ясно, что Гитлер не позволит этим странам, где немцы составляют меньшинство населения, сохранить независимость.

Бюлов продолжал:

— Мы хотим созыва конференции великих держав, подписавших пакт Келлога, и заключения мирного договора между Германией, Францией, Англией, Италией и Соединенными Штатами.

Я согласен с тем, что такая замена литвиновского «Восточного локарнского пакта» может быть целесообразна. Это совпадает с мыслью, которую высказал Риббентроп в пятницу. Видимо, немцы понимают край-

нюю рискованность своей позиции и вполне искренни в своих обещаниях Италии и Франции. Франсуа-Понсэ все еще находится в Париже, и, вероятно, у него дела идут там успешнее, чем здесь. Поговорив с Бюловым минут сорок, я ушел, ни в чем не убежденный до конца.

Вторник, 19 июня. Сегодня Геринг перевез прах своей жены в склеп, который он показывал нам неделю назад. А я-то думал, что останки бедной женщины уже тогда были под грудой шведского мрамора, которую мы видели. Ничего подобного. Состоялся второй парадный прием, на котором присутствовали Гитлер, высокопоставленные чиновники министерства иностранных дел и многие другие. Газеты сообщают, что на автомобиле первого заместителя Геринга было совершено нападение, но никто серьезно не пострадал. Примерно в это же время телохранители Геринга отказались повиноваться и были отстранены от своих обязанностей, а их высокоответственные функции переданы прусской полиции¹².

Среда, 20 июня. Джуниус Вуд из газеты «Чикаго дейли ньюс» прислал мне текст речи вице-канцлера Папена, произнесенной в прошлое воскресенье в Марбурге. Она содержит умеренную и вполне разумную критику гитлеровской автократии. Речь была произнесена в университете, известном своим враждебным отношением к религиозным преследованиям, проводимым Гитлером. Президент Гинденбург прочел эту речь перед тем, как она была произнесена, и по телеграфу от всей души выразил свое одобрение. Геббельс же, узнав содержание речи, запретил ее печатать, но «Франкфуртер цейтунг» и одна из берлинских газет успели частично опубликовать ее.

Сейчас вся страна охвачена волнением. Все немцы старшего поколения и немецкие интеллигенты очень довольны. Мы перевели речь на английский язык и послали текст в Вашингтон. Теперь стала понятней бурная речь Гитлера, произнесенная под Мюнхеном в понедельник. Его визит к Гинденбургу, который, как сообщают, состоится завтра, подливает масла в огонь. Охрана всех немецких руководителей вызывает не-

повиновение. В то же время газеты сообщают, что люди, путешествующие по Германии, все чаще видят авиационные учения и военные маневры.

Четверг, 21 июня. Сегодня мне сообщили, что «Нью-Йорк таймс» просит передать по телеграфу полный текст речи Папена. Лондонские и парижские газеты усиленно комментируют его выступление.

В пять часов на пресс-конференции у Геббельса доктор Шахт снова выступил в защиту моратория, объявленного Германией, и требовал большей свободы международной торговли, — тогда германские долги будут погашены. Присутствующие проявили большой интерес к его выступлению. Мне кажется, точка зрения Шахта была встречена сочувственно; но его нападки на Англию и Америку показались мне далеко не разумными, если учесть беспомощность Германии по сравнению с этими странами. Все заметили присутствие Папена и в конце пресс-конференции вокруг него собралось не меньше людей, чем вокруг Шахта, а то и больше. После выступления Шахта он обменялся рукопожатием с Геббельсом и сел за стол рядом с ним. Если бы не вмешались Гитлер и Гинденбург, Папен в связи со своей речью в Марбурге наверняка был бы репрессирован по приказу Геббельса.

Суббота, 23 июня. У нас завтракали сэр Эрик Филлипс, доктор Шмитт и вдова Густава Штреземана¹³. Не было никаких полезных для дела разговоров, кроме долгой откровенной беседы между Шмиттом и сэром Эриком, в то время как другие гости пили кофе на застекленной веранде, выходящей в красивый сад позади нашего дома. Лохнер из агентства Ассошиэтед Пресс и мисс Шульц из чикагской газеты «Трибюн» перепробовали все слухи, достоверные и ложные, но ни слова не сказали о каких-либо новых решениях правительства.

Неделя заканчивается тихо, но очень напряженно. В половине седьмого позвонил посол Лонг из Рима — ему не терпелось узнать, как обстоят здесь дела. Я был удивлен его неблагодарным, но сказал все, что можно было сказать, не забывая о службе подслушивания германской тайной полиции. Я сказал: «Здесь все спо-

койно; речь Папена широко комментируется». Он спросил, как относятся к этой речи в Германии, и я ответил, что «примерно две трети людей, с которыми мне приходится общаться, одобряют ее; в воскресенье у президента в Нейдеке состоялась конференция; насколько мне известно, в Германии нет особого беспокойства, но ощущается довольно сильная напряженность и некоторая тревога за Австрию, где со времени встречи в Венеции не произошло никаких улучшений».

Боюсь, что я сказал слишком много, но Лонг буквально засыпал меня вопросами. Когда я повесил трубку, мне было не по себе. Ведь я и не подумал позвонить американскому послу в Риме, когда там назревали события огромной важности, и само существование режима Муссолини было под вопросом. Телефонные разговоры со всеми странами Европы, за исключением Англии, подслушиваются, когда речь идет о столь важных делах. Надеюсь, наш сегодняшний разговор не будет иметь дурных последствий.

Воскресенье, 24 июня. День прошел спокойно. Полтора часа я провел в своем кабинете. Норман Дэвис прислал из Лондона большое, содержательное письмо. Он считает, что Германия либо вынуждена будет вернуться в Лигу наций, либо погибнет, а Соединенные Штаты и Англия, по его мнению, должны выработать общую позицию в отношении дальневосточных проблем перед предстоящей военно-морской конференцией.

Четверг, 28 июня. В связи с самыми различными сообщениями атмосфера в Берлине за последние пять дней стала более напряженной, чем когда-либо со времени моего приезда в Германию. Я телеграфировал в Вашингтон, что положение здесь сильно напоминает то, что было в Париже в 1792 году, когда жирондисты и якобинцы боролись за власть. Речь Папена по-прежнему находится в центре всеобщего внимания. Гитлер, Геринг и Геббельс выступают чуть ли не каждый день, нападая на тех, кто так или иначе осуждает существующий режим. Сегодня Геринг и Гитлер вместе посетили завод Круппа в Эссене, и теперь идут толки об очевидном сговоре между ними против Папена.

Пятница, 29 июня. В обычный час у нас состоялся завтрак. Первой явилась синьора Черрути, супруга итальянского посла. Она была в сильном волнении. Усевшись за стол справа от меня, она сразу же заговорила о том, что ее муж выбивается из сил на работе и что вообще все мы живем на вулкане.

— Немцы сейчас в таком же положении, как и в июле 1914 года; нас снова могут свергнуть в войну; эти люди просто сумасшедшие.

Я не очень-то поверил ей, но все же обеспокоился, так как всего неделю назад она присутствовала на встрече Муссолини и Гитлера в Венеции. Что-то тревожное носилось в воздухе.

Напротив меня, справа от моей жены, сидел Папен, слева — посол Лютер, только что приехавший из Вашингтона. В то время, когда я был в Америке, Лютера не особенно жаловали в государственном департаменте. Государственный секретарь Хэлл просил своего заместителя Р. Уолтона Мура не приглашать Лютера к обеду, который Мур устроил 15 апреля по случаю моего приезда. Но сегодня Лютер всех нас просто очаровал, — он был остроумен, дружелюбно отзывался о нашем президенте, забавно вышучивал американский конгресс. Папен был менее разговорчив, сдержан, но в хорошем настроении.

Когда мы встали из-за стола, Лютер и Папен очутились вдвоем в соседней со столовой комнате. Отношения между ними были весьма натянутые. Я подошел и пригласил обоих на веранду. Здесь к нам присоединился голландский посланник Лимбург-Стирум, и разговор зашел о политике. Я заметил:

— Господин фон Папен, мне показалось, что на днях в Гамбурге вы и доктор Геббельс были настроены вполне дружелюбно друг к другу.

Он рассмеялся и сказал, что там была очень приятная обстановка — все так восторженно их приветствовали.

Тогда я, как бы вскользь, упомянул о речи, которую Папен произнес позавчера в каком-то клубе, и заметил, что Гитлера там не было, хотя его ждали. Лютер и Лимбург-Стирум присоединились к обсуждению этих речей и дали понять, что относятся к ним по-разному.

В поддержку Геббельса не было сказано ни одного слова. Вставая, Папен проговорил:

— Во всяком случае, меня им не уничтожить.

Когда прием кончился, вице-канцлер и Лютер вышли вместе и уехали в одном автомобиле.

Суббота, 30 июня. Сегодня около двух часов дня, когда мы сели за стол, вернулся Уильям, который ездил кататься по Унтер ден Линден, и сообщил, что улицы блокированы, идут аресты в ставке начальника штаба Рема и среди командования войск СА. Ходят слухи о насильственных действиях в Мюнхене.

Ясно, что происходит какой-то путч или *coup d'état* *. Вечер прошел очень тревожно. Сегодня я получил официальное письмо из штаба Рема: он отклоняет мое приглашение к обеду на 6 июля. Ввиду неопределенности положения, пожалуй, к лучшему, что он отказался. С другой стороны, это может означать, что дело обстоит ужаснее, чем мы думаем. Рем отклонил мое приглашение под тем предлогом, что едет лечиться.

Воскресенье, 1 июля. Хотя газеты почти ничего не сообщают, я узнал из различных источников, что Гитлер вместе с Геббельсом вчера в два часа выехал из Годесберга, в Рейнской провинции, в Мюнхен, где он отдал приказ казнить двух начальников войск СА. В шесть часов он был уже милях в сорока оттуда, в Висзее. Он вошел в спальню Рема, начальника штаба, и приказал арестовать и расстрелять его, причем охрана Рема не смогла защитить своего начальника. Гитлер велел расстрелять еще нескольких главарей СА и, вернувшись в половине второго в Берлин, где Геринг уже завладел роскошным дворцом Рема, приказал убить генерала Шлейхера в его собственном доме. Хотя на улицах Берлина не было сегодня никаких следов беспорядка, всюду ходят слухи о военных трибуналах. Вице-канцлер Папен со своей семьей находится под домашним арестом, его подчиненные, как говорят, убиты или арестованы. Мы умышленно медленно проехали мимо его дома. Это был странный день — в газетах появились лишь самые обычные сообщения.

* Государственный переворот (франц.). — *Прим. ред.*

Вторник, 3 июля. Два дня прошли очень напряженно. Сегодня в посольство с утра до вечера без конца приходили репортеры. Разумеется, они приносили сенсационные сообщения, как того и требовал характер событий. Однако некоторые из этих сообщений основывались лишь на слухах.

Марта поехала сегодня навестить семью одного нашего берлинского знакомого, у которого мы однажды обедали. Молодой Берар, близкий друг французского посла, прислал мне из Лондона странную телеграмму, из которой я узнал, что этот знакомый, выдающийся немецкий либерал, находится в Лондоне, а в доме у него в субботу в 8 часов был обыск, полиция арестовала и бросила в тюрьму близ Анхальтерского вокзала его сына, которого содержат теперь в одиночной камере. Я полагал, что посещение Марты хоть немного поддержит его семью и в то же время не скомпрометирует правительство США.

Среда, 4 июля. С утра у меня было много дел в посольстве; потом, в обычный час я позавтракал и заехал ненадолго к доктору Шмитту, который несколько дней проболел, а теперь, как сообщают, намерен уехать в отпуск на месяц или два. Я знал, что вчера его посетил Гитлер с усиленной охраной, и не сомневался, что Шмитт скоро вынужден будет навсегда уйти в отставку.

Он дал мне понять, что серьезно болен и переутомлен, поэтому я пробыл у него недолго. Он был очень встревожен ужасными событиями последних дней и спросил, что думают об этом в Америке. Я ответил:

— Вы сами все поймете, когда я скажу вам, что если наш президент вздумает арестовать человека без ордера и казнить его, он будет отвечать перед судом и снят со своего поста.

Шмитт, по-видимому, не вполне меня понял, и я добавил:

— Американцы даже представить себе не могут, чтобы подобные вещи были возможны в их стране.

Мы поговорили немного об упадке германской экономики и о состоянии здоровья Шмитта. Он сказал, что завтра уезжает на пять или шесть недель, а потом вернется к исполнению своих нелегких обязанностей. Он хотел бы подать в отставку, но чувствует, что не дол-

жен делать этого ради блага своей страны. Он умолял о посещении Гитлера, но, мне кажется, канцлер попросту запретил ему сейчас уходить в отставку. Я уехал подавленный: такой порядочный и честный человек вынужден служить при режиме, который он считает преступным. Если бы он подал в отставку, мне кажется, это грозило бы ему смертью.

Я заметил, что Шмитт не повторил мне своего приглашения погостить вместе с женой неделю в его доме в Баварии. Теперь это было бы опасно для него. Поскольку нацистские главари так враждебно настроены по отношению к иностранцам, тесные связи между дипломатами и немцами в настоящее время в самом деле очень опасны. Шмитт живет близ Берхтесгадена, где Гитлер проводит примерно треть своего времени. Если я, побывав у Шмитта, не захотел бы навестить Гитлера, это выглядело бы вызывающе, а я и не подумал бы искать встречи с человеком, который за последние дни совершил десятки убийств.

Сегодня у нас был большой прием: собралось более трехсот гостей, в числе которых были очень интересные люди, и среди них музыкант Крейслер, который каждый год совершает турне по Соединенным Штатам. Были и другие, не менее известные лица. Многие очень тревожатся за свою судьбу, но никто не посмел заговорить о событиях последних пяти дней. К концу приема мы сильно устали. Газеты буквально засыпали нас просьбами прислать снимки.

Четверг, 5 июля. Сегодня в полдень заходил известный профессор Берлинского университета, чтобы поговорить со мной о речи, с которой мне предстоит выступить 13 июля перед профессорами и студентами исторического факультета. Мы согласились, что лучше всего отменить ее. Мое появление сейчас среди профессоров университета грозит поставить их в трудное положение и даже подвергнуть опасности, да и мне могут быть неприятны какие-нибудь сообщения в печати.

Профессор очень взволнован недавними событиями. Он сказал, что совершенно согласен с лондонской «Таймс», которая писала 3 июля о возврате Германии к средневековью.

— Бедная Германия, ей уже не оправиться в ближайшие десятилетия, — продолжал он. — Если бы я мог уехать в какую-нибудь другую большую страну, то без колебаний бросил бы университет.

Так думает большинство преподавателей и студентов. Профессор сказал, что Гитлер пробудил дикость и варварство, которые, как ему казалось, давным-давно отошли в прошлое. Мне кажется, что такова любопытная особенность массового мышления нацистов. В Англии оно исчезло вместе с династией Стюартов в 1688 году.

Пятница, 6 июля. Сегодня утром я получил телеграмму от государственного секретаря Хэлла, который предложил мне заявить протест германскому правительству в связи с тем, что Германия производит платежи английским кредиторам по плану Дауэса — Юнга, и в то же время объявила, что не намерена платить американским кредиторам по этому же плану. Я уже трижды заявлял протест против такой дискриминации и всякий раз безрезультатно, ибо германский экспорт в Соединенные Штаты составляет лишь одну четверть американского экспорта в Германию. Долги не погашены и проценты по ним причитаются, но баланс Германии совершенно несоразмерен платежам по облигациям.

В половине шестого я повидал Нейрата и передал ему телеграмму Хэлла. Оба мы чувствовали себя неловко. Он, как и я, прекрасно понимает, что Германия поступила несправедливо, обещав англичанам произвести платежи и отказываясь платить американцам; оба мы понимали, что Германия не сможет погасить даже английский долг. Она вынуждена была дать это обещание в надежде, что тогда Англия не примкнет к Франции в случае войны, которая может начаться каждый день, если агрессивные элементы в Германии одержат верх. Нейрат попросил меня передать в Вашингтон извинения и обязательство уплатить Соединенным Штатам, если найдется хоть малейшая возможность, что, однако, мало вероятно. Положение рейхсбанка с каждой неделей становится все более тяжелым.

Когда эта неприятная миссия была выполнена, я спросил, что означают недавние насилия. Нейрат

сказал, что в прошлую субботу должно было совершиться убийство Гитлера, Геринга и Геббельса, а все члены кабинета подлежали аресту. Во главе этого нового путча должны были стать Шлейхер и Рем, отряды СА готовились взять на себя функции руководства. Нейрат добавил, что это означало бы гражданскую войну. Слушая его, я почти все время молчал и спросил только, прислушивается ли теперь Гитлер к нему и к другим умным людям современной Германии. Он ответил утвердительно. Я вернулся в посольство и сразу же по телеграфу сообщил государственному секретарю Хэллу об этой любопытной беседе.

Чарлз Р. Крейн и его сын Ричард были у нас на неофициальном обеде. Присутствовали также Бюлов, адмирал Шпиндлер, бывший командующий военно-морскими силами и автор трехтомной истории боевых действий германского флота в мировой войне, и еще трое или четверо гостей. Я пригласил также кронпринца, генерала Геринга, министра просвещения Руста, посла Надольного¹⁴ и бывшего министра фон Кюльмана¹⁵, но все они, самым серьезным образом ссылаясь на смехотворные предлоги, отказались приехать. Мне известно, что кронпринц хотел бы приехать, но он с 30 июня находится под правительственным надзором. Геринг руководил ликвидацией противников гитлеровского режима в ту неделю, когда было убито более семидесяти пяти человек, и, к моему облегчению, не явился. Не знаю, что бы я делал, если бы он пришел. Посол Надольный, снятый со своего поста в Москве за то, что он добивался заключения торгового договора между Германией и Россией, из осторожности уехал за границу. Руст даже не ответил на мое приглашение, а Кюльман сейчас на юге Германии. Крейны прекрасно поняли, почему всех этих людей нет, хотя они и не осуждали открыто жестокость и бесчеловечность недавних событий.

Как только мы сели за стол, раздался телефонный звонок. Я взял трубку и узнал, что фоторепортер из «Нью-Йорк таймс», который фотографировал наш дом и всю нашу семью, арестован на том основании, что номер его машины случайно совпал с номером автомобиля, который видели возле дома генерала Шлейхе-

ра перед тем, как он был убит. Позвонив генеральному консулу, я попросил его связаться с полицейскими властями и добиться освобождения американского служащего, хотя по национальности он немец, если его преступление не доказано и ему не предъявлено никакого конкретного обвинения. Консул Гейст сразу взялся за дело. Вскоре Гейст и Бэрчелл из «Таймса» зашли сообщить, что фоторепортер освобожден. Когда подобные происшествия случаются то и дело, пусть даже не с американцами, атмосфера накаляется. Однако обед прошел хорошо; Крейн-старший был очень оживлен и весь вечер болтал без умолку.

На этой неделе произошел любопытный случай. Узнав, что вице-канцлер Папен освобожден из-под ареста, я 4 июля послал ему коротенькую записку с наилучшими пожеланиями, предлагая навестить его, если он сочтет это удобным. Записка была вложена в конверт со штампом посольства и отправлена с курьером. По ошибке курьер оставил ее в канцелярии вице-канцлера. 5 июля ко мне зашел сын Папена, и я спросил, получил ли его отец мое письмо. Он сказал, что нет. Тогда я послал курьера к человеку, который принял пакет, справиться, что с ним случилось. Он сослался на полицейского офицера, сидевшего в комнате, из которой была убрана вся канцелярская мебель. Полицейский сказал, что письмо передано в тайную полицию (обычный нацистский прием). Это уже второй случай, когда мои письма негласно просматриваются, прежде чем они поступают по назначению.

Суббота, 7 июля. До полудня я работал у себя в кабинете. В четыре часа мы поехали к профессору Эриху Марксу, моему старому лейпцигскому учителю, пили чай и пробыли у него около часа. Профессор и его сын, офицер рейхсвера, очень опечалены и встревожены. Старший сын Маркса несколько лет назад был личным секретарем генерала Шлейхера, и вся семья очень рада, что он избежал опасности. 6 июля они получили письмо, составленное в очень осторожных выражениях, но дававшее понять, что их старшему сыну, ныне высшему офицеру рейхсвера в Мюнстере, ничто не угрожает.

Воскресенье, 8 июля. Я получил телеграмму от государственного секретаря Хэлла с просьбой повидать германских руководителей и еще раз попытаться повлиять на их позицию относительно уплаты долгов. Широкая публика в Соединенных Штатах не понимает сложности долговой проблемы, и государственный секретарь принужден, как и прежде, нажимать на берлинское министерство иностранных дел. Завтра я должен снова ехать в министерство и выяснить, можно ли чего-нибудь добиться. Я не вижу иного выхода, кроме честного, открытого моратория.

Сегодня произошел любопытный случай, служащий прекрасной иллюстрацией наивности немцев в международных делах. Фонд Карла Шурца, финансируемый правительством, устроил обед в Клубе автомобилистов. Я согласился быть на первой части приема. Тогда директор Фонда спросил, не скажу ли я после обеда несколько слов о Гинденбурге, если он в начале своего выступления будет говорить о президенте Рузвельте. В настоящее время речь нацистского главаря о Рузвельте была бы крайне нежелательна, а уж моя ответная речь о Гинденбурге, после того как он одобрил убийства, совершенные в последние дни, вызвала бы в США бурю возмущения. Я отказался выступить и во избежание возможных неприятностей отклонил также приглашение на обед.

В таких делах даже лучшие из немцев часто заблуждаются. Вся Германия охвачена напряжением. Почти весь внешний мир настроен к ней враждебно. Сейчас на этом обеде присутствуют пятьдесят американских гостей. Все они нервничают; некоторые из них говорили мне сегодня, что они просили ничего не сообщать в печати об этом приеме, так как боятся, что в Америке это будет неправильно понято. Мне кажется, ни в одной стране психология людей не извращена так сильно, как в нынешней Германии. В 1928 году французы казались мне такими же «сумасшедшими».

Мой долг — способствовать упрочению мира и улучшению международных отношений. Но я не вижу, что можно сделать, пока страной правят Гитлер, Геринг и Геббельс. Я еще не слышал и не читал о людях, более неподходящих для таких высоких постов. Может быть, мне следует подать в отставку?

IV

9 июля 1934 г. — 1 сентября 1934 г.

Понедельник, 9 июля. Сегодня утром я узнал, что профессор Морсбах, который пригласил американских преподавателей и студентов совершить месячную туристическую поездку по Германии (он руководил обществами по обмену студентами), арестован и жизнь его в опасности. Оказывается, он — знакомый или даже друг Рема, начальника штаба войск СА, который 30 июня был убит в Висзее близ Мюнхена. Американцы, приехавшие по приглашению комитета Фонда Карла Шурца, изумлены арестом профессора без всяких доказательств его виновности и притом как раз в день их приезда. Они спрашивают, не могу ли я чем-нибудь помочь ему. Поскольку Морсбах немецкий подданный, я не имею ни возможности, ни права вмешиваться в это. Однако обстоятельства дела побудили меня позвонить Гейсту — временному генеральному консулу — и уполномочить его навести справки, а результаты сообщить приехавшим американцам.

Среда, 11 июля. Мистер Гейст сообщил, что профессор Морсбах содержится в концентрационном лагере вблизи Виттенберга. Он острижен наголо; на нем грубая одежда, как на батраке, а на груди — большая буква Л (начальная буква названия лагеря — Ландсберг); со времени ареста ему не позволяют бриться. В лагере находятся триста немецких рабочих, подвергнутых стерилизации. Когда Гейст в присутствии полицейских чиновников, которые привезли его в этот дале-

кий лагерь, прощался с Морсбахом, арестованный профессор сказал: «Прошу вас передать привет и благодарность американскому послу». Гейст говорит, что на лицах у всех было написано сильное удивление.

Четверг, 12 июля. У нас в гостях было сорок американцев, приглашенных в Германию Фондом Карла Шурца. Это — интересные и незаурядные люди. Многие с благодарностью говорили о внимательности и любезности со стороны германских представителей, которые показали им Берлин и древний Потсдам, но все в один голос заявили: «Как ни странно, мы нигде не слышали ни о недавних насилиях, ни о настроениях в Германии. Люди не осмеливаются рта раскрыть, а газеты не приводят никаких фактов».

Гости разошлись в половине седьмого, а через час мы поехали на обед в Далем, в роскошный особняк Фрица Крейсlera. Крейслеру запрещено дирижировать и давать сольные концерты в Германии, потому что он еврей. Среди гостей были немцы и американцы, но все держались замкнуто; откровенно высказывались только о Соединенных Штатах и об искусстве, причем я заметил, что в Европе искусство гибнет.

В самом деле, странно, что в Германии после Гёте не было яркого литературного дарования; в Англии после мировой войны не появилось великих писателей; в Соединенных Штатах нет ни одного историка после Генри Адамса и ни одного великого писателя после Марка Твена; да и во всем мире немного великих художников подлинно творческого склада. Крейслер, который в это время гордо показывал мне портрет Муссолини с его автографом, сказал:

— Все это потому, что во всех странах сейчас демократические правительства, кроме Германии и Италии, где под властью диктатуры еще не успели сформироваться большие таланты.

Это ложь, потому что все великие писатели и историки сформировались вопреки диктатуре и насильственной опеке, а отнюдь не благодаря им.

Одна милая немка, очень дружная с семьей Крейслеров, непременно хотела показать мне фотографию своего ребенка — крепкого, здорового, шестимесячного малыша, и не раз повторила лозунг Гогенцоллернов,

который Гитлер проповедует еще более рьяно, чем они: дело женщины — Kirche, Kinder und Küche (церковь, дети и кухня). Мне показалось, что моя собеседница как нельзя более подходит для этого. Спорить с ней я не стал.

Пятница, 13 июля. Сегодня у меня множество дел. В половине десятого я дал интервью группе американцев, которые непременно хотели получить от меня ответ на свои вопросы, касающиеся гитлеровской Германии. Все они педагоги или писатели, и я беседовал с ними целый час. Кое-что было сказано конфиденциально и подразумевалось, что это останется между нами. Возможно, в американской прессе появятся потом кое-какие отголоски этой беседы, но до сих пор почти все, с кем я был откровенен, не обманули моего доверия. Я ни на кого не могу пожаловаться, хотя приводил факты и высказывал суждения, которые, несомненно, повлекли бы за собой неприятности, если бы стало известно, что они исходят от меня.

Сегодня в восемь часов вечера в старом здании рейхстага, восстановленном после прошлогоднего пожара, канцлер должен объяснить миру причины убийств, которые он совершил начиная с 29 июня. Все ждут этого собрания с большим интересом или по крайней мере делают вид, будто оно их интересует. В прошлый вторник я решил, что никогда больше не стану присутствовать на выступлениях канцлера или искать встречи с ним иначе, как на официальной почве. Когда я смотрю на этого человека, меня охватывает ужас. Поэтому в среду, когда я был у английского посла сэра Эрика Фипса и он спросил меня: «Намерены ли вы присутствовать на речи канцлера в пятницу?» — я ответил: «Нет». Он не без юмора заметил, что это будет «грандиозное зрелище со всякими фейерверками, фотографиями и прочим великолепием». Я ответил на это: «Гитлер вселяет в меня такой ужас, что я не могу выносить его присутствие».

Поговорив о взаимоотношениях между Англией и США в связи с германскими долгами и заявив, что английским кредиторам не следует требовать преимущества перед американскими, которым Германия по

плану Дауэса — Юнга¹ должна вдвое больше, чем англичанам, я спросил:

— Не кажется ли вам, что решение вашего парламента, имеющее целью принудить обанкротившуюся Германию платить долги, было принято заинтересованными группами без законного обсуждения?

Он согласился со мной, но заметил:

— Я не уполномочен обсуждать этот вопрос в официальном порядке. Однако я полагаю, что вы правы, и международная обстановка улучшилась бы, если бы Англия и Франция приняли мораторий, объявленный Германией, на тех же условиях, что и Америка.

Он обещал поднять этот вопрос на Даунинг-стрит* в Лондоне, когда будет там на следующей неделе. Я сказал, что сообщу по телеграфу содержание нашей беседы в государственный департамент, от которого общественное мнение настоятельно требует, чтобы он добился равноправия для Соединенных Штатов.

Днем в пятницу я прогуливался с французским послом Франсуа-Понсэ в Тиргартене, единственном по настоящему тихом месте вне стен моего дома, куда мне открыт доступ в настоящее время. Франсуа-Понсэ негодовал на то, что немцы обвиняют его в заговоре с фон Шлейхером и Ремом, и на бессилие германского министерства иностранных дел, которое не может добиться, чтобы Геринг или Геббельс публично отказались от этого обвинения. Франсуа-Понсэ изложил мне свою версию так называемого «заговора иностранных государств» в германском рейхе. Он хорошо знал фон Шлейхера, не раз обедал вместе с ним и с Ремом; они разговаривали о том, как бы оказать нажим на Гитлера и на французское правительство, чтобы добиться разумного соглашения о разоружении. Этим все и ограничилось.

Я отказался посетить посла сегодня, потому что боялся, как бы мой вчерашний визит к английскому послу и сегодняшний к французскому не обратили на себя внимания и не были сочтены за попытку с моей стороны убедить их не присутствовать на речи канц-

* Подразумевается английское министерство иностранных дел. — Прим. ред.

лера. Поэтому мы целый час гуляли по знаменитому парку. Когда мы прощались, Франсуа-Понсэ сказал: — Я не пойду слушать эту речь.

Затем он добавил:

— Положение настолько острое, что если меня когда-нибудь застрелят на улице, в этом не будет ничего удивительного. Поэтому жена моя живет в Париже. Немцы ненавидят нас, а их главарь совсем взбесились.

Сам я не опасаясь за свою жизнь, хотя нацистские руководители меня, конечно, не любят: вся моя жизненная философия им враждебна, и они знают это. Известные немецкие профессора и государственные деятели прежнего режима в строжайшей тайне приходят ко мне, говорят обо всем, что творится в Германии, и высказывают такие взгляды, которые стоили бы им жизни, если бы нацисты об этом пронюхали. Мне искренне жаль этих людей. Однако они не понимают истинной причины, по которой Германия превратилась в царство террора: движение 1848 года не смогло создать демократическую парламентскую систему, а Бисмарку не удалось отучить своих пруссаков от военной жестокости, освященной победами Фридриха Великого. У Бисмарка была такая возможность в конце войны 1866 года, а потом — в 1871 году, когда он сосредоточил в своих руках всю власть и мог отказаться от аннексии Эльзаса-Лотарингии. Фридрих III мог бы принести пользу Германии, но умер от рака горла через год после вступления на престол. Ни один историк этого не понял, даже в эпоху республиканской Германии 1919—1933 годов.

В восемь часов мы включили радио и слушали, как Гитлер с пеной у рта говорил о заговоре, имевшем целью убить его, и о необходимости казнить «изменников». Рем, который в 1923 году не один месяц просидел в тюрьме вместе с Гитлером и бок о бок с ним вел ожесточенную борьбу за уничтожение республиканской Германии, оказался главным изменником и организатором переворота, который подготавливался в апреле, мае и июне. Следующим преступником был фон Шлейхер, а заодно с ними нацисты подозревали и иностранных дипломатов. Я лично сомневаюсь в том,

что Рем намеревался свергнуть Гитлера и убить некоторых членов кабинета.

Гитлер возвестил миру, что Рем собрал двенадцать миллионов марок и потратил их на подготовку своего гнусного замысла. Конечно, Рем теперь лишен возможности что-либо опровергнуть, равно как и его друзья. Заявление, что все немцы, которые вели переговоры с иностранными представителями в Германии и утаили содержание этих переговоров, — изменники и подлежат смертной казни, не может улучшить и без того напряженные международные отношения. Я был рад, что не поехал в рейхстаг, где гремели искусственно-шумные овации, и все немцы — это было ясно даже по радио — часто вставали и отдавали гитлеровское приветствие. Канцлер покинул рейхстаг в десять часов, его провожали аплодисментами все, кроме дипломатов.

Суббота, 14 июля. Сегодня я завтракал с доктором Шахтом в рейхсбанке, в знаменитой парадной столовой. Присутствовал также министр финансов Шверин-Крозигк. Несколько дней назад я слышал, будто он арестован. Вчера вечером он был в рейхстаге, когда канцлер произносил там речь, но не обмолвился об этом ни словом. Мне кажется, я угадывал его мысли. Шахт сказал, что ходили слухи, будто и он тоже убит. Я вернулся домой вместе с советником Джоном К. Уайтом и мирно провел остаток дня, работая над своей книгой «Старый Юг».

Воскресенье, 15 июля. Сегодня в полдень ко мне приехал вице-канцлер фон Папен, который пробыл у меня полчаса, описывая ужасы последних двух недель. Его ближайший помощник фон Бозе убит за предполагаемую связь с Шлейхером. Папен очень встревожен и просил не передавать его слов ни журналистам, ни государственному департаменту.

Вчера Гитлер целый час беседовал с Папеном, уговаривая его не уходить из кабинета и сотрудничать с ним. Папен сказал, что в настоящее время ничего не может обещать. Он сказал также, что ненавидит Геринга и Геббельса, и потребовал доказательств виновности своего убитого помощника, а также других

жертв, брошенных в тюрьму, где они острижены наголо и не знают, что будет с ними завтра. Так Гитлер поступил со всеми, кого он подозревал в вероломстве. Папен также очень критически отозвался о Нейрате, который «никогда ничего не предпринимает». Так как автомобиль Папена почти час простоял около посольства, американские журналисты узнали о его визите ко мне и телеграфировали в свои газеты. Германская тайная полиция теперь, пожалуй, знает еще больше.

Понедельник, 16 июля. У меня дома завтракал русский посол, который в воскресенье навсегда уезжает из Германии. Фамилия его произносится «Хинчук»², хотя я не думаю, чтобы она так и писалась. Он не коммунист, но беззаветно предан делу коммунизма.

Присутствовали также английский посол сэр Эрик Фиппс и мистер Гарри Гопкинс³, — по-видимому, доверенное лицо президента Рузвельта. Сэр Эрик, как всегда, говорил мало. Мистер Гопкинс всех очаровал и был очень доволен, что мы не добились для него встречи с Гитлером, о чем он просил по телеграфу. Он сказал, что счел бы теперь позором для себя пожать руку этому убийце.

Другой гость, Джордж Гаррисон, директор нью-йоркского банка «Федерал резерв бэнк», рассуждал либеральнее, чем я ожидал, но был очень озабочен тем, что англичане требуют от немцев уплаты шести и семи процентов по обязательствам в сто миллионов долларов согласно плану Дауэса — Юнга, тогда как американские кредиторы по этому же плану за свои двести миллионов не получают ничего. Через два дня он уезжает в Америку с Монтегю Норманом, президентом Английского банка. Норман считает, что английское правительство сделало ошибку, потребовав преимущества в платежах.

В половине шестого я по поручению правительства США заявил протест против уплаты процентов английским кредиторам, поскольку уплатить американцам нет возможности. Нейрат был озабочен не меньше меня. Я отлично знаю, что, пока положение не изменится, Германия не сможет никому уплатить по своим обязательствам. Я пробыл у министра всего десять минут.

Вторник, 17 июля. На завтраке, который Франсуа-Понсэ устроил в честь Хинчука, присутствовали сэр Эрик Фиппс, а также испанский посол. Прием был устроен по всем правилам дипломатического этикета. За столом беседа касалась главным образом истории, а не современного политического положения в Европе. Пока все гости стояли в большом приемном зале, что продолжалось около получаса, сэр Эрик отвел меня в сторону и спросил, должен ли, по моему мнению, дипломатический корпус послать в октябре своего старшину, папского нунция, в германское министерство иностранных дел, чтобы узнать, не следует ли нам прекратить принимать немецких деятелей у себя, поскольку канцлер осудил немцев, которые бывают на дипломатических приемах. Я согласился, что это имеет смысл, и добавил: «Мне кажется, нам следует договориться устраивать поменьше официальных обедов и приемов». Он согласился со мной. Увидим, что из этого получится. Немцы, конечно, теперь боятся бывать у дипломатов.

Четверг, 19 июля. Мы с моей женой Мэтти обедали с группой банкиров в особняке Манна в Далеме. К моему удивлению присутствовал Риббентроп — тайный посредник Гитлера. Он немного нервничал, говорил о своей предстоящей поездке в Соединенные Штаты в октябре этого года и подчеркнул, что США располагают золотом на 8 миллиардов долларов, тогда как Германия — всего на 20 миллионов.

— На что же вашему народу жаловаться? — спросил он.

Возвращаясь домой, мы снова были под впечатлением того страха, который вызывает у банкиров современный упадок Германии. Никто не верит в способность Гитлера управлять страной.

Воскресенье, 22 июля. Сегодня я два часа работал в своем кабинете. В половине первого я вышел на полчаса прогуляться по Тиргартену, где ощущалось благотворное влияние дождя, который прошел прошлой ночью, хотя все вязы, пораженные какой-то болезнью, так и не оправились. В половине второго был подан воскресный обед, на котором присутствовали

господин Дин, несколько профессоров с женами и другие гости. Хотя в присутствии Дина никому не хотелось высказываться откровенно, все резко критиковали гитлеровский режим, называя его варварским и беспрецедентным со времен средневековья. Один из профессоров надолго задержался у нас вместе со своей женой и с горечью говорил о Германии, в которой всем им приходится жить. Я был несколько удивлен, так как знаю, что грозит этим людям, если кто-нибудь донесет на них.

Вторник, 24 июля. Мэтти, Уильям и я поехали обедать к Риббентропу. В десять минут девятого мы приехали в его роскошный особняк в Далеме с живописной лужайкой позади дома. Почетным гостем был итальянский посол Черрути, который почти весь вечер молчал. Генри Манн⁴ и его жена тоже были здесь. Манн, в прошлом ярый приверженец нацизма, теперь ненавидит гитлеровский режим. Он рассказал, что приблизительно 1 июля одного его соседа выманили на улицу, привели к его дому и убили. Мертвое тело лежало на ступеньках у парадной двери целый день. Потом его убрали, и полиция попросила слуг Манна смыть кровавые пятна.

Еще один странный факт. Говорили, будто граф Геллдорф, начальник полиции в Потсдаме, был застрелен 30 июня. Поэтому мы очень удивились, когда нам представили его: «Граф Геллдорф, начальник потсдамской полиции». Это был молчаливый человек в нацистской форме; жена его сидела слева от меня и без умолку болтала о мудрости гитлеровского закона о стерилизации и о необходимости стерилизовать всех негров в Соединенных Штатах. «Если вы не сделаете этого, негры в один прекрасный день завладеют всей вашей страной. Ведь белое население перестало расти с тех пор, как запрещена иммиграция». Когда мы встали из-за стола, графиня Геллдорф стала ругать евреев, которые никогда сами не работают и не живут в той стране, где не могут эксплуатировать население. Граф присоединился к мнению своей жены. Итальянский посол хранил молчание.

Я был удивлен и даже оскорблен присутствием молодого Джеймса Ли, сына Айви Ли, ловкого пропа-

гандиста крупного предпринимательства, который вот уже год или больше всячески пытается навязать нацистский режим американцам. Расследование, проведенное палатой представителей по инициативе Дикстейна, раскрыло, что Айви Ли получал за свою деятельность 33 тысячи долларов ежегодно. Зачем Риббентроп пригласил нас и Геллдорфа с Ли в один день?

Мы вернулись домой в 11 часов усталые и раздраженные. Перед тем, как лечь, я съел вкусное печеное яблоко и выпил стакан молока.

Среда, 25 июля. Сегодня тяжелый день: нужно было подготовить, перечитать и подписать сообщения, отправляемые в Вашингтон. До меня дошла фантастическая история о каком-то заговоре, который Гогенцоллерны организовали вместе с евреями прошлой зимой и весной с целью отстранить Гитлера от власти, причем евреи якобы пожертвовали на это 12 миллионов марок. Многие говорят, что в этом деле замешан кронпринц. Тайная полиция Геринга узнала об этих интригах. Было раскрыто участие в этом заговоре Рема и Шлейхера. Папен сообщил об этом Гинденбургу, который якобы заставил Гитлера, наконец, действовать, что повлекло за собой террор 30 июня. Мне кажется, эту выдумку нарочно довели до моего сведения, чтобы ввести меня в заблуждение относительно истинных причин террора.

В пять часов, когда я беседовал с представителями комитета по преобразованию американских муниципалитетов, которые изучают здесь жизнь немецких городов, мне позвонил консул Гейст и сообщил о телефонном разговоре, который он только что имел с Мессерсмитом, нашим посланником в Вене. Пять часов назад германские нацисты устроили путч в Австрии⁵. Дольфус свергнут и обещал отречься от власти. Вскоре воинские части хеймвера — сторонники Дольфуса, — освободили австрийского диктатора, который тотчас отказался от всех своих обещаний.

Я предложил Гейсту вместе пойти домой. Он зашел ко мне, и, когда мы шли вдоль канала, я сказал ему, что Мессерсмит поступил неразумно, позвонив в Берлин по междугородному телефону. Мессерсмит известен

своей враждебностью к нацистам, а здесь за нами обоими постоянно следят, и неосторожность Мессерсмиты немцы могут расценить как некую интригу со стороны наших дипломатов, что принесло бы ущерб и нам самим и нашему правительству. Я предупредил об этом Мессерсмиты, когда он уезжал в Вену, но с Гейстом до сих пор еще не говорил об этом серьезно.

Четверг, 26 июля. Сегодня я весь день был очень занят. Я послал в Вашингтон две телеграммы, в которых объяснял характер путча против австрийского правительства, устроенного нацистскими заговорщиками.

Посягательство на Австрию, по всей видимости, было предпринято при поддержке, а возможно даже при прямом вмешательстве германского министерства пропаганды. В феврале прошлого года Эрнст Ганфштенгль сказал мне, что он привез от Муссолини чуть ли не категорический приказ оставить Австрию в покое, а также убрать из Мюнхена и заставить молчать Теодора Хабихта, германского агента, которому было поручено пропагандировать аннексию Австрии. В мае и июне Муссолини притворился, будто он согласен с антифранцузской и антирусской политикой, а 18 июня в Венеции Гитлер, как сообщалось, обещал Муссолини не трогать Австрию. Во всяком случае, германская пресса подняла страшную шумиху о дружеском соглашении двух «величайших государственных деятелей» Европы. А 30 июня Гитлер начал убивать «изменников» и всех, кто был связан с ними.

Муссолини, который убил даже больше итальянцев, чем Гитлер до сих пор убил немцев, не возражал против беспощадного осуждения Гитлера итальянской прессой. В понедельник, 23 июля, после того как нацисты вторично предприняли вооруженное выступление в Австрии, швейцарская полиция задержала на Боденском озере судно, груженное боеприпасами. Оказалось, что немцы перевозили на нем с какого-то оружейного завода гранаты и снаряды в Австрию. Это показалось мне опасным признаком, но подобные вещи стали настолько обычными, что я даже не сообщил об этом в Вашингтон.

Я узнал, что вчера в одиннадцать часов ночи пра-

вительство передало представителям прессы официальное заявление, приветствующее падение Дольфуса и возвещающее о предстоящем расширении границ великой Германии. Германский посланник в Вене по сути дела участвовал в формировании нового кабинета. Он, как стало известно, подтвердил, что банде австрийских нацистов будет разрешен беспрепятственный въезд в Германию. Однако около двенадцати часов выяснилось, что хотя Дольфус убит, верные правительству австрийцы окружили здание парламента и помешали установлению нацистского режима. Убийцы были схвачены. В связи с этим германское министерство пропаганды запретило публикацию новостей, поступивших час назад, и попыталось вернуть всю информацию, которая уже разослана. Один из друзей принес мне текст этой информации.

Сегодня утром все немецкие газеты сетуют на жестокое убийство Дольфуса и заявляют, что это дело рук недовольных австрийцев, а отнюдь не нацистов. Сведения, поступающие из Баварии, показывают, что тысячи австрийских нацистов, которые вот уже год живут в Баварии за счет германского правительства, десять дней назад проявили большую активность, некоторые из них вопреки закону перешли границу; все они усиленно занимались военной муштрой и готовились вернуться в Австрию. Несмотря на все обещания Гитлера прекратить антиавстрийскую пропаганду, германский пропагандист Хабиخت все еще распинался по радио о необходимости присоединить древнее государство Габсбургов к третьему рейху. Но теперь, когда переворот не удался, а убийцы сидят за решеткой в Вене, германское правительство осуждает всех, кто говорит, что убийц поддерживали из Берлина.

Без сомнения, в один прекрасный день выяснится, что с весны 1933 года в Австрию текли из Германии миллионы долларов и поступало огромное количество оружия. Весь мир еще раз клеймит позором гитлеровский режим. Ни одна страна за всю новую историю не была так непопулярна, как нацистская Германия. Теперь же этот последний штрих завершает картину. Когда дней через десять здесь будут получены сегодняшние американские газеты, я думаю, в них окажется немало резких выпадов против нацистов.

Суббота, 28 июля. Государственный департамент поручил мне побывать во всех наших консульствах в Германии и доложить о проделанной работе, а также о качестве и численности штата сотрудников. Консул Гейст теперь по моему поручению уехал в Бреслау, Бремен и Гамбург. Сам я позднее побываю в Лейпциге, Дрездене, Мюнхене, Штутгарте, Франкфурте и Кельне.

Особенно решительные перемены необходимы в Гамбурге, где американский импорт и германский экспорт упали за последнее время более чем вдвое. От консулов в Гамбурге по существу нет никакого толку, — по крайней мере треть их просто бесполезна. Для нашего времени это очень характерно — люди живут за счет правительства, не принося никакой пользы.

Сегодня утром ко мне пришел раввин Моррис Лазарон из Балтимора, который привез с собой письма от Мессерсмита и других американцев. Он друг Феликса и Макса Уорбергов и надеется договориться здесь с чиновниками министерства иностранных дел и сделать попытку убедить их в необходимости более разумной политики в еврейском вопросе. В его манерах и внешности нет ничего еврейского; человек он отнюдь не застенчивый; но он показал мне с десяток писем к разным немцам, и из этих писем видно, что он питает честолюбивые замыслы. Я посоветовал ему не торопиться. Неосторожность в этом деле может вместо пользы принести вред. Макс Уорберг в Гамбурге ожидает вестей из Берлина. Я сказал Лазарону, чтобы он постарался правильно обрисовать Уорбергу положение, а то немцы подумают, будто я сотрудничаю с этими людьми, и это может поставить в затруднительное положение представителей министерства иностранных дел, которые ведут себя очень умно и внимательны ко мне с тех самых пор, как я здесь. Гитлер обещал мне так много и сделал так мало, что я не могу теперь никого обнадеживать.

Воскресенье, 29 июля. Весь день я работал над «Старым Югом»: писал самую трудную, восьмую, главу, в которой разбирается колониальная политика Стюартов и смутная эпоха в западноевропейской торговле и экономике. Я трижды переписывал эту главу. Надеюсь,

теперь я переписал ее в последний раз. В Англии была группа весьма выдающихся деятелей, которые резко выступали против Людовика XIV и Яна де Витта⁶.

Понедельник, 30 июля. В четыре часа я посетил Лимбург-Стирума, чтобы узнать, пришли ли Нидерланды и Англия к какому-нибудь соглашению относительно Дальнего Востока или сотрудничества с Бельгией в случае войны между Францией и Германией. Мы неприужденно беседовали о Дальнем Востоке. На интересовавший меня вопрос он ответил отрицательно и сказал:

— Боюсь, что, поскольку речь идет о наших торговых предложениях, мы не сможем достигнуть договоренности в переговорах с японцами, ведущихся теперь в Батавии. Не следовало вести переговоры в Батавии, ибо это поставило нас в невыгодное положение и дало японцам возможность, которой они, конечно, пользуются, чтобы возбудить беспорядки на Яве, в нашей колонии.

Потом он высказал опасения, что Япония подчинит себе Китай, прежде чем Англия и Соединенные Штаты выработают общую политику в этом обширном районе земного шара.

— Англия и Голландия в самых лучших отношениях, — сказал он, — и хотя это не было прямым ответом на мой вопрос, я ушел, глубоко убежденный, что Голландия присоединяется к недавнему заявлению, в котором Англия выражает согласие считать Рейн своей восточной границей, в случае если на европейском континенте разразится война. Если это правда, Германия, таким образом, оказалась в самом сложном окружении за все время своего существования.

Вторник, 31 июля. Сегодня утром пришел сенатор Томас из штата Юта. Он сообщил мне, что его интересует миссионерская работа мормонов в Германии и он путешествует как представитель Фонда Оберлендера с полного одобрения президента Рузвельта. Ему около шестидесяти лет, некогда он был преподавателем колледжа, а теперь стал членом комиссии по международным отношениям в американском сенате. Он произвел на меня благоприятное впечатление, хотя я не мог понять, как этот умный и культурный человек может

интересоваться миссионерской работой мормонов. В Германии мормонов довольно много, причем Гитлер не распустил мормонские организации и не изгнал их наиболее активных проповедников. Его снисходительность к мормонам имеет, конечно, отнюдь не религиозную подоплеку.

Среда, 1 августа. Приходил Пюль Блок — владелец «Питтсбург пост-Газетт», «Толедо блэйд» и семи других влиятельных газет в промышленных центрах Соединенных Штатов, в том числе и в Нью-Йорке, и полчаса говорил о том, какую серьезную помощь он оказал Рузвельту в 1932 году, и о своих теперешних сомнениях.

Днем приехал посол Лютер. Он очень смеялся, когда я показал ему сообщение нашего консула об умных замечаниях Лютера на обеде в Кельне, состоявшемся несколько недель назад. Хотя Лютер очень не популярен в Вашингтоне, мне в нем нравится одна черта: он обо всем судит искренно и умно, на что осмеливаются лишь немногие германские деятели. Чтобы привлечь внимание на эту черту Лютера, я послал сообщение консула заместителю государственного секретаря Филлипсу.

Хотя Лютер был откровенен почти до конца и сказал много интересного, оба мы ни словом не обмолвились о нынешних высокопоставленных германских деятелях. Я уверен, что он в душе осуждает жестокость Гитлера и знает, что я чувствую себя крайне неловко в обстановке, неестественной для столь высоко цивилизованной страны, каковой все склонны считать Германию, несмотря на гитлеровский режим.

Мы с Лютером согласились, что уплата процентов американским кредиторам целиком зависит от возрождения германо-американской торговли, к чему оба народа еще не подготовлены. То, что американские банкиры вынудили сотни тысяч своих вкладчиков приобрести на два миллиарда германских облигаций и предоставили Германии такие огромные краткосрочные ссуды в период с 1924 по 1930 год, я могу объяснить лишь готовностью рискнуть сбережениями своих сограждан ради собственных прибылей.

Мы с Лютером расстались, лучше понимая друг друга, чем прежде, хотя я лишь отчасти мог согла-

ситься с его осуждением Версальского договора, который совсем не так плох по сравнению с тем, что Соединенные Штаты навязали побежденному Югу в 1865—1869 годах и что привело к пятидесятилетнему экономическому угнетению этого района, более суровому, чем все тяготы, выпавшие на долю Германии.

Четверг, 2 августа. Рано утром я был уже в посольстве. Через несколько минут после моего прихода было объявлено о смерти Гинденбурга. В 10 часов утра Гитлер собрал свой кабинет. Члены кабинета поспешно утвердили «статут», провозглашавший фюрера президентом без какого-либо изменения его статуса канцлера. Посты президента «третьего рейха», руководителя национал-социалистической партии и канцлера рейха занимает теперь одно лицо — молодой еще австриец, который организовал путч в 1923 году и сотнями убивал противников, чтобы укрепить свою власть.

Все совершилось за какой-нибудь час; члены кабинета встали и приветствовали Гитлера, когда он заявил о своем вступлении на новый пост. Кроме того, было решено, что рейхсвер — кадровые военные — должен немедленно присягнуть на верность Гитлеру. Не осталось времени ни для протестов, ни для предполагавшегося путча в Берлине, которого многие ожидали, а тысячи людей, без сомнения, горячо молили о нем бога.

В полдень я поехал в министерство иностранных дел, оставил там свою визитную карточку и расписался, как это принято, в книге, выразив этим свое сочувствие германскому народу, который утратил единственную светлую душу⁷, насколько мы вообще знаем сейчас немецкие души. Когда я стоял в приемной, вошел японский посол, который держался по отношению ко мне очень подобострастно. Он не замедлил рассказать мне о своей встрече с Гинденбургом неделю или две назад и о продолжительной беседе с ним. Это было удивительно. Ни один из членов германского кабинета, за исключением Нейрата, не был допущен в Нейдек после 11 июля, даже близкий друг президента Папен. Как странно, что этот японец побывал там! Когда мы расписались, я заметил, что японцу уже удалось поговорить с Нейратом, который вернулся только вчера. Из других

послов или посланников никто не виделся еще с министром иностранных дел. Это тоже показалось мне несколько необычным.

Пятница, 3 августа. Вчера у нас состоялся завтрак, который заслуживает упоминания: присутствовали сенатор Томас, раввин Лазарон и Клифтон Грей — ректор колледжа Бэйтс, а также миссис Томас и моя семья. Со дня моего приезда в Германию у нас в доме не было более непринужденной и дружеской беседы. Сенатор Томас откровенно говорил о неразумности мормонского меньшинства. Доктор Грей, баптистский проповедник, и раввин Лазарон не уступали ему в откровенности. Лазарон приехал сюда, чтобы узнать, каковы перспективы Уорбергов и других евреев, которые не сочувствуют крайним взглядам раввина Уайза. Мне кажется, он едва ли добьется успеха.

Сегодня доктор Грей привел ко мне пятерых или шестерых крупнейших баптистских проповедников, чтобы поговорить об их положении в эту критическую минуту. В Берлине собрались около полутора тысяч баптистских проповедников и пресвитеров на конференцию по обсуждению положения баптистов, которая продлится неделю. Конференция эта была назначена за год до прихода Гитлера к власти. Главные проблемы, подлежащие обсуждению: национализм и расовые группы, свобода религиозных взглядов и самоуправление в церковных делах. Все эти вопросы едва ли можно поднять сейчас, не вызвав нападков со стороны нацистов. Нацисты считают, что все религии в Германии нужно объединить в единую государственную церковь; ни о какой свободе совести не может быть и речи; какое бы то ни было местное самоуправление считается чуть ли не изменой. За каждое свободное слово в сегодняшней Германии можно поплатиться жизнью.

Лично я не знал, что и посоветовать этим баптистским проповедникам. Однако доктор Грей и другие говорили о своих делах открыто и хотели знать мое мнение обо всем, что касается их деятельности, и, в частности, спросили, как я смотрю на их намерение поступать так, словно в Германии ничто не изменилось. Уже уходя, они пригласили меня на свою конференцию, где мне будет отведено место на трибуне. Подумав

немного, я решил пока отказаться. Слишком уж это похоже на вызов всей официальной Германии, в которой я аккредитован. Но все же я был воспитан баптистом и до сих пор состою пассивным членом общины в Гайдпарке в Чикаго. Может быть, мне все-таки следует поехать на конференцию — пусть видят, какой человек согласно американским принципам имеет право пользоваться неприкосновенностью. Решу этот вопрос после похорон Гинденбурга.

Я приехал в министерство иностранных дел, чтобы передать послание президента Рузвельта германскому правительству и всему немецкому народу по поводу печальной утраты. Нейрат, с которым я хотел повидаться, поручил Бюлову принять меня. Мы несколько минут поговорили о замыслах Гинденбурга и о его уме, который он проявил особенно ярко, когда я был представлен ему 29 августа 1933 года. Бюлов присутствовал при этом; Гинденбург тогда непринужденно беседовал со мной минут десять или пятнадцать — случай, как мне сказали, беспрецедентный. Если бы теперь опубликовать все его высказывания о международных отношениях и культурных связях с Соединенными Штатами, это произвело бы сенсацию и взбесило бы Гитлера, но зато привело бы в восторг всю Германию.

Днем приехал английский посол, который на днях вернулся из отпуска, проведенного в горах Уилтшира; он только что беседовал с Нейратом. Как сказал ему Нейрат, он боится, что Гитлер не имеет ни малейшего представления о том, что такое власть президента; однако, по всем сведениям, тот же Нейрат восторженно приветствовал Гитлера вчера, когда он принял верховную власть в стране. Я ни разу еще не видел доказательств того, что министр иностранных дел хоть раз протестовал против деспотизма фюрера.

Сэр Эрик признал, что Англия объявила Рейн своей восточной границей.

— Что еще нам оставалось делать? — спросил он.

Он полагает, что Гитлер, если бы мог, тотчас развязал бы войну, а поэтому вся Европа должна объединиться против Германии; мне тоже кажется, что это необходимо, если мы не хотим, чтобы в один прекрасный день тысячи самолетов забросали Европу бомбами и задушили ее газами. Франция в 1919 году сыграла

печальную роль, а затем продолжала свою ошибочную политику в Лиге наций в период с 1930 по 1932 год. Это способствовало приходу Гитлера к власти, а, захватив власть, Гитлер своими варварскими действиями лишил Германию всякого сочувствия со стороны Англии и США. Теперь, как говорит сэр Эрик, вся Европа должна днем и ночью следить за Германией, находящейся в окружении, которое может даже привести к экономическому краху. Мы расстались в семь часов, оба очень подавленные.

Суббота, 4 августа. Я работал в посольстве до половины первого, а потом решил, что на сегодня хватит. Пришла делегация американских лесоводов, и мы поговорили немного о чудесных немецких лесах, которые они изучают.

Воскресенье, 5 августа. Я зашел на час в посольство, чтобы узнать, нет ли телеграмм, и прочесть кое-какие письма из Соединенных Штатов. Потом я дочитал «Дневник» Пипса, чтобы получить представление об общественных нравах и коррупции в стюартовской Англии. Многое напомнило мне нравы и методы, которые я наблюдаю теперь в нацистской Германии. Но немцам свойственна одна любопытная черта — любовь к животным, об этом я раньше никогда не читал в литературе.

Особенно любят они лошадей и собак. Сейчас, когда большинство немцев боятся сказать лишнее слово, доверяясь только ближайшим друзьям, лошади и собаки чувствуют себя превосходно; так и кажется, что они хотели бы обладать даром речи. Женщина, которая способна донести на своего соседа и, обвинив его в государственной измене, подвергнуть его жизнь опасности, а то и отправить его на верную смерть, заботливо выводит на прогулку в Тиргартен своего большого добродушного с виду пса. Сидя на скамье, она разговаривает с ним и ласкает его, а он справляет естественные потребности. Она никогда не выбранил и не ударит собаку, как это часто делают в Америке. Собака никогда не беспокоится, не выказывает страха, она всегда чистая и упитанная.

Такими же благами пользуются и лошади, чего никак нельзя сказать о детях и молодежи. Я часто оста-

навливаюсь, когда иду в посольство, и разговариваю с парой красивых лошадей, которые ждут, пока разгрузят их фургон. Они такие чистые, откормленные и довольные, что, кажется, вот-вот заговорят. Если я поднимаю руку, как будто хочу ударить одну из них, она даже не отведет головы, чтобы уклониться от удара. Она не представляет себе, что кто-нибудь может причинить ей зло. Закон запрещает здесь жестоко обращаться с животными, и всякий, кто дурно обходится с лошадью, собакой или коровой, может быть немедленно арестован.

В декабре прошлого года я в Нюрнберге наблюдал точно такое же «лошадиное счастье»: выйдя из резиденции мэра города, я увидел пару великолепных серых лошадей и приласкал их. Казалось, они все понимали. То же самое в Дрездене. Животные — единственные счастливые существа, которых я встречаю здесь; может быть, то же можно сказать и о птицах, но их я почти не вижу.

В то время, когда людей сотнями убивают без суда или без всяких доказательств виновности, когда население буквально трепещет от страха, животные пользуются неприкосновенными правами, о которых люди не могут и мечтать. Да, тут уж поневоле захочешь стать лошадью!

Понедельник, 6 августа. В полдень мы с супругой заняли свои места в зале рейхстага, чтобы отдать последние почести покойному фельдмаршалу Гинденбургу. Присутствовали все члены дипломатического корпуса. Зал был полон. Геринг, одетый в яркую крикливую форму, увешанный медалями, весь сияя и радуясь своему представительному виду, восседал на председательском кресле с высокой спинкой; справа от него, чуть пониже, сидел Гитлер, а еще правее заняли места Папен и Нейрат. Другие члены кабинета расселись в соответствии с занимаемыми ими постами — почти все они были в форме и при орденах.

Гитлер был в своей форменной коричневой рубашке. Выглядел он гордо и самодовольно: ему предстояло произнести речь, которую радио разнесет по всему миру. В зале собрались те, кого именуют депутатами рейхстага. Это отнюдь не законодатели, а ставленники

Гитлера: ни один из них никогда не голосовал вопреки воле канцлера и не рискнул сам предложить своим коллегам на рассмотрение какой-нибудь закон. Члены рейхстага были в коричневых рубашках и выглядели далеко не траурно. Дипломаты сидели на своих обычных местах, большинство из них в очень пышной форме, причем те немногие, кто приехал в визитках, были в черных перчатках, а те, кто надел костюм времен Людовика XIV,— в белых перчатках.

В назначенный час Геринг встал и предоставил слово Гитлеру, который поднялся на трибуну; при этом все депутаты вскочили, вытянули руки под углом в 45 градусов и держали их так до тех пор, пока он не ответил на приветствие. Это было гораздо важнее, чем всякие выражения горя по поводу кончины престарелого президента.

Траурная речь продолжалась двадцать пять минут. Признаться, я ожидал гораздо худшего, хотя Гитлер не отдал должного президенту и его заслугам как главе государства. Он все время подчеркивал военный талант и боевые заслуги героя Танненберга. В конце он обронил очень важное замечание о том, что именно Гинденбург привел национал-социалистов к власти. Кончив речь, Гитлер подошел к первому ряду кресел, поцеловал руки дочерям покойного президента и обменялся рукопожатием с его сыном — полковником Оскаром фон Гинденбургом. После этого зазвучала торжественная музыка, и все мы удалились. Без двадцати пяти одиннадцать я сел в поезд, чтобы ехать в Танненберг, в Восточную Пруссию, где осенью 1914 года Германия одержала первую большую победу в мировой войне⁸. Я сразу же лег спать и таким путем избежал встречи с фоторепортерами, которые не замедлили явиться в поезд со своими аппаратами.

Вторник, 7 августа. Около одиннадцати часов утра наш поезд остановился в Хохенштейне, чистеньком городке в двух милях от Танненбергского монумента. Нас тотчас отвезли на место битвы, где в полдень должно было состояться погребение Гинденбурга. Испанский посол и я сидели в первом ряду скамей, отведенных для дипломатов. Монумент произвел на нас большое впечатление: восемь огромных кирпичных башен высотой

около шестидесяти футов, и на каждой горит неугасимый огонь, по-видимому в память о солдатах, участвовавших в войне. В честь неизвестного солдата, похороненного под Триумфальной аркой в Париже, также горит неугасимый огонь. Выходит, в Танненберге, где была сломлена мощь российской империи, немцы перещеголяли французов.

Солдаты безукоризненным прусским шагом подходили рота за ротой и наконец около трех тысяч человек в различной форме — черной, коричневой, серой и голубой — застыли на своих местах. Это были отборные солдаты всех немецких родов войск. Вскоре появились Гитлер, Геринг и Геббельс. Гитлер был в своей коричневой рубашке, с каким-то ножом на поясе, как у мясника, — почетным оружием нацистских солдат. Геринг был в форме воздушных сил, весь увешанный медалями, Геббельс — в штатском, без медалей и военных знаков различия, однако вид у него был не менее воинственный, чем у остальных. Он избежал фронта во время мировой войны, ибо страдает косолапостью и ходит прихрамывая.

На похоронах присутствовала семья Гинденбурга: две дочери и сын. Присутствовал и Мейсснер, личный секретарь президента, чье положение теперь, после смерти президента, стало весьма шатким, ибо он не посмел вступить в нацистскую партию, пока Гинденбург был жив. Говорят, будто он уничтожил завещание президента. Точно никто не знает, но все же странно, что завещание Гинденбурга не могут найти. Все говорят, что он распорядился похоронить свои останки рядом с четырьмя поколениями его предков в имении Нейдек. На трибуне было несколько пожилых генералов и среди них фон Макензен, который осенью 1916 года завоевал Румынию. Воинственного Людендорфа⁹ не было. Говорят, он ненавидел Гинденбурга. Он вместе с Гитлером в 1923 году участвовал в мюнхенском «пивном путче», который закончился провалом. Между ним и фюрером почему-то произошел разрыв, и они ненавидят друг друга.

В надлежащую минуту военный священник прочел проповедь, очень воинственную по духу. Затем вышел Гитлер и, повернувшись к гробу, в котором лежало тело президента, произнес вторую речь, которую закон-

чил заявлением, что останки Гинденбурга предназначены для Валгалы¹⁰. Он не превозносил характер старого президента и его преданность делу своей страны, как в прошлый раз. Ни единого слова не было сказано о девятилетнем пребывании Гинденбурга на посту президента. Вся речь была насквозь пропитана военным духом, хотя в ней не содержалось вызова французам, англичанам или американцам, которые решили судьбу гогенцоллернского рейха.

В конце Гитлер повторил вчерашнюю комедию, поцеловав руки дочерям президента на глазах у всех собравшихся, причем многие отлично понимали, какую горечь испытывает семья покойного по отношению к фюреру. Потом Гитлер без промедления сел в большой самолет и улетел в Берлин. Члены дипломатического корпуса вернулись к своему поезду, который отправился в Берлин около часу дня. Погода была чудесная, и Восточная Пруссия казалась процветающей. Дожди снова возродили природу.

Когда я вернулся в свое купе, меня ждал у двери молодой доктор Бергер из германского министерства иностранных дел. Ему предписано оказывать мне всевозможные услуги, какие только потребуются. Но мне не нужны услуги. Я предложил ему сесть, и он около часа пытался спровоцировать меня на критику гитлеровского режима. Я же говорил об истории, о неправильном преподавании ее во всех больших странах, и особенно в нашей стране, когда дело касается Гражданской войны. Он сказал, что в министерстве иностранных дел занимается изучением отношений с Австрией. Однако я не пожелал пускаться в критику отношений Гитлера с Австрией, ни на минуту не забывая, что он специально «приставлен» ко мне. В нашем вагоне ехал и его коллега, молодой князь фон Виттгенштейн, который был менее разговорчив, но исполнял ту же неблагодарную роль мальчика на побегушках при дипломатах. Я уверен, что заставил их горько разочароваться.

Поезд целых шесть часов полз по Польскому коридору. Видимо, нам специально решили показать, как неприглядна сейчас Польша: грязные города, оборванные крестьяне и огромное множество детей — я никогда не видел их столько за такую короткую поездку. Бергер

мало говорил по этому поводу, но в каждой его фразе подразумевалось, что Польша принадлежит Германии. Он показывал мне мосты и огромные промышленные предприятия, которые были построены в период немецкого владычества в Польше, — теперь все это пришло в негодность. Разумеется, поляки — отсталая нация как в политическом, так и в экономическом отношении, но почему немцы считают, что непременно должны править ими?

Как только поезд пересек Одер и очутился на немецкой территории, скорость его удвоилась. Деревни были аккуратные и чистенькие, города — опрятные, а люди на железнодорожных станциях — оживленные и хорошо одетые. Нигде не было видно ни грязи, ни отрепьев. Да, разницу нельзя не заметить. Скоро стемнело, а в полночь поезд остановился у перрона большого вокзала на Фридрихштрассе в Берлине. Я был рад вернуться домой. Поездка, однако, оказалась очень поучительной.

Среда, 8 августа. Сегодня за завтраком у нас завязался короткий разговор, который служит примером того, какие беседы могут вести люди в узком кругу. Когда речь зашла о европейских долгах, Виганд сказал:

— Я вложил в германские облигации сбережения, накопленные за всю мою жизнь. Вот уже многие годы я не получаю по ним ни одного доллара и не жду больше ни цента.

Никто не откликнулся на это, а Виганд, немного помолчав, добавил:

— В Европе есть две страны, которыми я восхищаюсь и сравниваю их, когда речь идет об уплате долгов, — это Англия и Финляндия.

Англия недавно заявила, что и не подумает платить проценты по займу в четыре миллиарда долларов, предоставленному ей Соединенными Штатами, а Финляндия почти одновременно с этим полностью уплатила по своим обязательствам.

Этот разговор был весьма щекотлив для моего друга сэра Эрика, и, когда все за столом замолчали, я сказал:

— Господин фон Виганд, как вы можете в присутствии английского посла сравнивать такую великую

державу, как Британская империя, с такой маленькой страной, как Финляндия?

Все рассмеялись, и сэр Эрик тоже добродушно улыбнулся. Никто больше не развивал это сравнение, но всем была понятна суть дела: одни страны Европы не намерены платить, а другие делают все возможное, чтобы уплатить долги Соединенным Штатам, которые в 1917—1918 годах предоставили союзникам заем на 11 миллиардов долларов, чтобы помочь им спастись¹¹.

Было сказано еще многое в том же духе, но я не могу записать это сейчас в свой дневник. Культурные люди здесь все время ведут себя так странно.

Четверг, 9 августа. По просьбе раввина Лазарона из Балтимора ко мне в посольство пришел Макс Уорберг, известный гамбургский банкир, брат Феликса Уорберга из Нью-Йорка. В прошлом году у него было много неприятностей, и это оставило на нем свой след, а теперь ему грозит смерть, если его взгляды станут известны германским властям.

Он пробыл у меня около часа. По его мнению, раввин Уайз и Сэмюэль Унтермайер из Нью-Йорка, подняв шумиху, причинили большой вред евреям как в Германии, так и в Соединенных Штатах. Он сказал, что Феликс Уорберг разделяет его мнение. Оба они глубоко сочувствуют усилиям полковника Хауза, который стремится ослабить еврейский бойкот и сократить число евреев, занимающих ответственные посты в Соединенных Штатах.

Я был рад откровенно побеседовать с этим человеком. Уходя, он сказал, что сомневается в разумности действий Джеймса Макдональда в Лозанне. У меня такое сомнение возникло с самого начала. Уорберг высказал мнение, что Лазарон, мирно живя в Берлине, мог бы оказать на германское правительство большее влияние, чем Макдональд, и я с ним совершенно согласен. Тот, кто берет за такое дело крупное вознаграждение у людей, которые жертвуют деньгами, чтобы облегчить страдания ближних, не способен убедительно воздействовать на других жертвователей, а Макдональд часто обнаруживал такую самоуверенность, что, я боюсь, эти его черты теперь слишком хорошо известны в берлинских официальных кругах.

Как редки люди, действительно думающие о той пользе, которую они могут принести, занимая высокий пост! Разве большинство чиновников не думают гораздо больше о том, какие они великие люди и как их должны ценить, чем о реальной действительности? За последний год я видел здесь столько мужчин и женщин весьма средних способностей и знаний, которые только и делают, что важничают да истощают и без того скудный национальный бюджет, что мне очень хочется уехать отсюда и в Соединенных Штатах публично объяснить причину своего отъезда.

В час дня пришел американский эксперт по жилищному строительству, который изучает постановку этого дела в Европе. Он был в Риме, и Муссолини буквально покорила его. Потом он поехал в Вену, чтобы ознакомиться там со строительством домов после мировой войны, после чего побывал в Москве, интересуясь, как там идет жилищное строительство. Еще ничего не видел в Германии, он стал горячим поклонником здешних порядков. Он рассказал кое-что интересное о своей работе в области строительства и общей постановке дела в Соединенных Штатах, но его, как видно, совсем сбили с толку. О том, насколько он умен, красноречиво свидетельствует то, что он безоговорочно считает Гитлера великим государственным деятелем. Я не пытался разубеждать его, но спросил:

— Что вы скажете о «государственном деятеле», который убивает своих противников?

Вопрос этот немного смутил его, но не дошел сколько-нибудь глубоко до его сознания.

Пятница, 10 августа. В одиннадцать часов ко мне пришла мать моего бывшего студента в Чикаго, который, после того как я воспротивился его принудительному возвращению в Германию в 1933 году, собирается принять американское гражданство. Она с радостью узнала, что он здоров, хотя и не имеет работы, и прочла мне целиком его длинное письмо, которое он не побоялся прислать по почте, а потом со слезами рассказала о своем собственном ужасном положении. Она католичка, замужем за евреем-журналистом с демократическими взглядами, их зятю здесь постоянно угрожает

смерть. Она долго плакала, и я всячески старался утешить ее. Моя посетительница сказала, что в Праге у нее хранится достаточно денег, чтобы уехать в Соединенные Штаты, как только ее сын получит работу. Он блестящий молодой ученый, получивший в одном из германских университетов степень доктора философии. Я обещал сделать все возможное, чтобы помочь ему, но пока трудно что-либо обещать, так как ее сын еще не стал полноправным американским гражданином, а в колледжах, естественно, предпочтение будет отдано молодым американским ученым.

Она никак не могла успокоиться.

— Этот режим в Германии просто ужасен! — закричала она вне себя. — Представьте себе, как страдаем мы и тысячи других людей. Остается только одно — надо, чтобы кто-нибудь убил главного убийцу, который правит нами. Кто-нибудь сделает это, непременно сделает.

Когда она в слезах встала, чтобы уйти из моего кабинета, я посоветовал ей подождать, успокоиться и выйти на улицу в более или менее нормальном виде, так как за посольством всегда наблюдают агенты тайной полиции.

В полдень зашел представиться новый американский корреспондент. Заговорив о недавних событиях в Вене, он сразу же обнаружил свои пронацистские настроения. Как ни странно, газетчики тоже люди, а те, кто проповедует за границей новую доктрину, получают щедрое вознаграждение здесь, равно как и повсюду.

Суббота, 11 августа. Сегодня в десять часов утра мы поехали в Кельн, откуда моя жена и дети хотят начать автомобильное путешествие вверх по Рейну до Майнца. Дорога была хорошая, погода — просто чудесная. Позавтракав в Эйзенахе, мы с Мартой пошли в старый музей Лютера, где нам показали множество интересных картин, брошюр, книг и писем Лютера. Примечательно, что все эти свидетельства борьбы великого проповедника за свободу религии все еще выставлены для обозрения в Германии да еще в области, где особенно сильно варварство Гитлера и Розенберга. Из Эйзенаха мы поехали в чудесный курортный городок вблизи Кас-

селя, где заночевали в очень удобной гостинице. Ночлег обошелся каждому из нас всего около пяти марок.

Понедельник, 13 августа. Сегодня мы приехали во Франкфурт, побывали в консульстве, а потом я и Марта осмотрели дом Гёте, где экскурсовод рассказал нам довольно непристойные анекдоты о юности великого поэта. Следующую остановку мы сделали, чтобы позавтракать; затем приехали в Гейдельберг, где около часа любовались чудесным замком. Оттуда мы по очень хорошей дороге, которая ведет на Штутгарт, доехали до средневекового Вюртемберга, где древние селения и монастыри сохранили печать седой старины. Нигде я не получил лучшего представления о средневековой Германии, как здесь, в этом плодородном, изобильном крае. В Штутгарт мы приехали в семь часов, и здесь во вполне современной гостинице нас накормили отличным обедом. Потом я пошел на вокзал и купил плацкартный билет до Берлина. Семейство мое осталось, чтобы провести еще неделю в Южной Германии, Австрии и Венгрии.

Вторник, 14 августа. В десять часов утра я вернулся к своим обязанностям. В половине пятого пришел Альберт Лепавский, преподаватель Чикагского университета, со своим другом Говардом Мамфордом Джонсом. Они рассказали о том, что вчера вечером, когда они были на улице, какой-то нацист выбежал из проходившей мимо колонны гитлеровцев и ударил Лепавского по лицу за то, что тот не приветствовал флаг со свастикой. Этот удар очень оскорбителен, но он был не сильный, и никакого телесного повреждения Лепавский не получил.

Лепавский сказал, что передает это дело целиком в наши руки, и, по его мнению, я должен немедленно поехать в министерство иностранных дел и потребовать извинений. Однако он не хотел, чтобы оскорбивший его немец был наказан. Я напомнил ему, что долг правительства — первым делом наказать виновного, а поскольку он не пострадал, я советую ему не предавать это дело огласке, учитывая, что с самого января не было ни одного подобного случая. Лепавскому это не

очень понравилось. На прощанье я посоветовал им под присягой рассказать обо всем генеральному консулу.

Среда, 15 августа. В полдень я посетил посла Франсуа-Понсэ, чтобы узнать, не известно ли ему что-либо более определенное относительно агрессивных устремлений Гитлера, кроме того, что я уже знаю. Мой визит был вызван тем, что я хотел написать президенту Рузвельту письмо, но боюсь ввести его в заблуждение. Что касается перевооружения нацистов, то француз привел следующие факты: у немцев полтора миллиона обученных солдат и огромный арсенал стрелкового оружия; кроме того, они открыто заявили, что при первой же возможности намерены провести пангерманские аннексии. Франсуа-Понсэ, как и год назад, когда я приехал сюда, глубоко убежден, что Франции угрожает агрессия, а Эльзас-Лотарингия, Австрия и Западная Польша будут аннексированы. Он сообщил мне некоторые сведения о новых аэродромах в Мекленбурге, об увеличении количества тяжелых самолетов и выразил предположение, что будущей зимой Саар послужит поводом к войне. Посол принял меня очень сердечно. К себе в посольство я вернулся пешком, а направляясь туда, я на такси доехал до Бранденбургских ворот, оттуда пешком дошел до французского посольства, чтобы обмануть бдительность германской тайной полиции, хотя я и не уверен, что это мне удалось. Нацистская Германия не дремлет.

В половине пятого приехал полковник Уэст, наш военный атташе, и сообщил, что несколько дней назад, когда он на самолете совершил поездку в Бремен, он увидел с воздуха новый, прекрасно оснащенный аэродром. Германский офицер, который вел машину, притворился, будто ничего не видит, и Уэст не стал его расспрашивать. Это лишь подтверждает французские сведения. Полковник Уэст — прекрасный человек с широкими связями. Он хорошо владеет немецким языком и добросовестно стремится выполнить свою задачу, но любовь к военному делу в нем очень сильна, и он бессознательно одобряет немецкие маневры и парады, хотя это и противоречит интересам Соединенных Штатов.

Четверг, 16 августа. Сегодня утром, в одиннадцать часов, ко мне пришел молодой барон фон Бломберг. Он родился в Соединенных Штатах и был усыновлен семьей генерала Бломберга, нацистского военного министра. Я был очень сдержан, так как из заслуживающих доверия источников мне известна роль генерала Бломберга в террористических актах 30 июня и в захвате Гитлером поста Гинденбурга без всяких конституционных или законодательных оснований. Молодой Бломберг рассказал о своей дружбе с заместителем государственного секретаря Филлипсом и очень неодобрительно отзывался о событиях 30 июня, — видимо, подумал я, чтобы спровоцировать меня на откровенные высказывания, которые он мог бы передать своему патрону и тем самым предоставить правительству возможность обвинить меня во враждебности, если это можно так назвать.

Потом он сказал, что нацистская пропаганда в Соединенных Штатах приносит Германии вред. Я дал ему понять, что совершенно согласен с этим, но не назвал имен людей, которые этим занимаются, — Айви Ли и всех прочих. После этого он сказал, что генерал Бломберг не одобряет пропаганды и настаивает на отставке доктора Геббельса. Он, правда, не сказал прямо, что его родственник в кабинете министров требует ликвидации министерства пропаганды, однако я заключил это из его слов. Молодой человек с сочувствием продолжал говорить о выступлениях иностранной прессы против злодеяний, творящихся в Германии. Если ему было дано какое-то поручение, то оно носило весьма сомнительный характер.

Пятница, 17 августа. Приходил мистер Макмастер, уполномоченный Фонда помощи квакерам, у которого здесь есть контора; в период с 1919 по 1921 год он роздал много миллионов американских долларов в помощь пострадавшим немцам. Он рассказал мне о трудностях, постигших его коллег, и о своих стараниях при всякой возможности добиваться освобождения из тюрьмы невинных немцев. Говорил он много, но все его рассказы были повторением уже известных вещей, и я не стану приводить их здесь. Он предложил мне свои услуги на тот случай, если сам я почему-либо не смогу вмешаться.

Я обратил его внимание на один факт: ни в чем не повинный человек, который содержится в концентрационном лагере, был приглашен ректором Дартмутского колледжа читать там лекции. Чарлз А. Берд, который в прошлом году был президентом Американской исторической ассоциации, по телеграфу осведомился, могу ли я передать заключенному это приглашение. Я попросил консула Гейста прощупать почву в тайной полиции. Он сделал это и сообщил, что если подобное приглашение, исходящее из Соединенных Штатов, станет известно правительству, заключенному придется плохо. Я телеграфировал Берду, что надо выждать.

В полдень пришел доктор Генри Смит Лейпер, представитель Федерации церквей. Он рассказал о настроениях американских протестантов и сообщил мне, что в ближайшие дни близ Копенгагена состоится съезд делегатов от всех церквей, входящих в Федерацию, для обсуждения международных религиозных проблем. Он сказал, что германский архиепископ Мюллер высказывается против поездки туда немецких протестантов, а правительство отказало в визах тем священникам, которые выразили желание поехать на съезд. Руководству Федерации это не понравилось, а немецкие протестанты глубоко оскорблены. Восемь или десять из них решили поехать в германскую деревушку, расположенную в нескольких милях от датской границы, и обсудить там этот вопрос со своими братьями-христианами из-за рубежа. Это может повлечь за собой их арест и даже казнь.

Профессор М. Макмейер из Бостонского университета, который путешествовал по всей Германии, рассказал мне, что всюду видел изобилие и почти все единодушно поддерживают Гитлера и его режим. Послушать его — убийства 30 июня никого не взволновали. Всюду, как он сказал, обращает на себя внимание свободный обмен мнениями и все то же старое германское *Gemütllichkeit**, которое он наблюдал много лет назад. Неужели он попросту одурачен германской пропагандой и, вернувшись в Бостон, станет отрицать неслыханное средневековое варварство, которого он не заметил? Он

* Добродушие (нем.). — Прим. ред.

протестантский священник и педагог с очень наивным складом ума, если только сам я еще в своем уме.

Суббота, 18 августа. Мистер Джон Гэрретт из старинной семьи владельцев железной дороги Балтимора — Огайо, бывший американский посол в Риме, пришел сегодня, чтобы засвидетельствовать мне свое уважение и поговорить о европейских делах. Хотя его общественные взгляды, унаследованные от родителей, сильно расходятся с моими, он оценивает положение в современной Германии так же, как и я. Жаль, что моей семье здесь нет, а то я устроил бы для него обед, — он этого, вероятно, ожидал. В конце беседы я затронул интересный вопрос о том вкладе, который внес его дед в дело спасения американского союза штатов: он построил железную дорогу, которая связала Балтимору, Огайо и Чикаго как раз перед 1860 годом, обеспечив движение по этой дороге во время войны против Виргинии и южных штатов. Гэрретту было очень приятно, что я знаю об этом, — таково редкое в этой обстановке преимущество, которое дает знание истории.

В половине первого пришел Генри Манн с мистером Джоллсом, вице-президентом нью-йоркской «Нэшнл сити компани», чтобы обсудить возможность предоставления Германии кредитов со стороны Соединенных Штатов. Я не представляю себе, как это можно осуществить, надежно обеспечив американские интересы. Гитлер, Геринг или Геббельс не проявляют и намек на раскаяние по поводу неуплаты долгов Соединенным Штатам, а этим людям принадлежит здесь решающее слово. И хотя я очень огорчен тем, что Соединенные Штаты теряют рынки сбыта хлопка, меди и мяса на сотни миллионов долларов в год, я не могу посоветовать банкирам предоставить заем Германии. При нынешнем положении дел это все равно, что пожертвовать американскими накоплениями. Мои посетители ушли в унынии, но, видимо, мне удалось убедить их.

Капитан Крокетт, помощник американского военного атташе в Берлине, устроил сегодня обед. Это был очень милый прием, хотя ничего заслуживающего внимания сказано не было. Повторю то, что я уже говорил: наши военный и морской атташе здесь, а также, думается мне, и во всей Европе совершенно не способны

выполнять поставленные перед ними задачи. Они не прошли настоящей школы, за исключением муштры и тактических учений. Возможно, они имеют некоторое чисто формальное представление об истории, но, право же, они не понимают социальных и экономических проблем в тех странах, где они аккредитованы. К тому же у них не хватает ловкости, чтобы добывать шпионские сведения о вооруженных силах Германии. А ведь правительствам в таком деле нужен именно шпионаж.

Воскресенье, 19 августа. Я совершил поездку в усадьбу посла Франсуа-Понсэ на берегу Ванзее, где имеют летние дачи все германские богачи, если они не могут приобрести поместье в Баварии. У посла прекрасный дом, позади которого раскинулось озеро.

Франсуа-Понсэ осведомлен ничуть не лучше других, но он очень встревожен, и, пожалуй, не без оснований. Германия вполне может ввязаться в войну из-за Саарской области будущей зимой или весной, особенно если Япония выступит в это же время. Как сообщают, Гитлер предупредил Франсуа-Понсэ, что больше не желает видеть его. Причина этому — обвинение в том, что он прошлой весной якобы состоял в заговоре с Ремом и Шлейхером с целью свергнуть канцлера. Посол очень возмущен.

Ввиду новых нападков со стороны Гитлера и Геринга на все демократические и парламентарные правительства мы обсудили вопрос о том, не следует ли со временем заявить протест. Франсуа-Понсэ не мог предложить ничего конкретного. Я намекнул ему, что он, английский посол и я, вероятно, должны одновременно просить о своем отзыве из Германии, если нападки и обвинения в заговоре повторятся. Он не принял на себя никаких обязательств. Мне же начинает казаться, что пора нам выяснить, как смотрят наши правительства на такие согласованные действия. Если сделать это умело, можно таким образом на время отсрочить войну.

Затем все мы сели в лодку и провели час на Ванзее. День выдался удивительно холодный для августа. У меня не было пальто, и я завернулся в большую красную шаль, а мадам Франсуа-Понсэ сказала, что ей хотелось бы сфотографироваться. К счастью, в лодке не

было фотографа, и я был избавлен от этой необходимости. Наконец, мне удалось вежливо откланяться, и я с радостью вернулся домой, где мог отдохнуть спокойно.

Понедельник, 20 августа. Господин Геке из рейхсбанка принес мне любопытную брошюру, недавно изданную в Германии; она написана одним философом, который характеризует всю немецкую философию от Иммануила Канта до Фридриха Ницше лишь как введение к социальной философии, лежащей в основе нацистского режима. Во второй части брошюры кратко излагаются социальные взгляды Гитлера и его политические цели; в третьей части анализируются деятельность и цели Рузвельта. Послушать автора и чиновника банка, который принес мне эту брошюру, — так у Гитлера и Рузвельта одни и те же идеалы и цели, которые не расходятся с общей линией развития немецкой философии от Канта через Гегеля к Ницше.

Геке всерьез упрашивал меня послать брошюру президенту. Он был наивен, как и все. Тем не менее я согласился послать эту нелепую брошюру в государственный департамент, но выразил опасение, что мистер Рузвельт не сможет ее прочесть. Подумать только, такой человек, как этот Геке, занимает высокий пост в германском рейхсбанке!

Приходил мистер Фрэнсис Хикман из Нового Орлеана. Он хочет встретиться с Гитлером, но я не намерен хлопотать об этом, тем более, что канцлер сейчас в Баварии. Я немножко проехался насчет Хью Лонга¹², «луизианского Гитлера». Как мне показалось, Хикман и впрямь не прочь бы иметь в Америке что-то вроде диктатуры. Возможно, мне все же следовало устроить ему встречу с германским диктатором, чтобы он потом опубликовал отчет о ней в Соединенных Штатах и увидел, каковы будут отклики.

Среда, 22 августа. Сегодня мы всей семьей, в сопровождении бургомистра, который был настолько любезен, что заранее прислал нам билеты, побывали в Обераммергау на знаменитой «Патетической драме». Бургомистр, встречая на улице знакомых, все время отдавал гитлеровское приветствие. Мы сидели все вместе.

на специально забронированных местах, но, я думаю, немногие из наших соседей знали, кто мы такие.

На утреннем спектакле нам показали сцены из жизни Христа, пророчества ветхого завета, а также то, что христианские церкви всегда считали связующим звеном между ветхим и новым заветом. Среди присутствующих я не видел ни одного еврея. В роскошном зале было шесть тысяч зрителей. В том конце, где расположена сцена, стены не было, и нашим глазам открывался чудесный вид на горы. Это было замечательное зрелище.

Главную роль играл Ланг, сын того самого Ланга, который лет тридцать назад обработал пьесу и придал ей ее теперешний вид. Семейство Лангов — хозяева города Обераммергау, где насчитывается три тысячи жителей, получающих почти весь свой ежегодный доход с немцев и иностранцев, которые приезжают сюда посмотреть трагедию о Христе. По-моему, Ланг — превосходный актер, и хор, который эффектно поет или декламирует интермедии, оставляет сильное впечатление.

В два часа дня мы снова заняли свои места в просторном зале, и трагедия медленно продолжалась, двигаясь к своей кульминации — предательству Иуды, суду над Христом и ужасной сцене распятия, в которой судившие его карабкались по лесенкам к распятым мученикам и били их перед смертью. Когда Христос предстал перед разъяренным еврейским судом, какой-то хорошо одетый немец с торжественным видом сказал мне: «Es ist unser Hitler»*. А когда мы выходили из театра, Ида Хорн — моя дальняя родственница, сидевшая в другом конце зала, сказала мне: «Когда Иуда получил свои тридцать сребренников, женщина, сидевшая возле меня, воскликнула: «Es ist Roehm!»**. Я подозреваю, что половина зрителей, т. е. все немцы, которые были в зале, считают Гитлера германским мессией.

Примерно в половине седьмого я взял билет третьего класса до Мюнхена — это дает возможность в естественной обстановке понаблюдать, как германский народ относится к существующему режиму. Поезд был переполнен, но мне, как и всем другим пассажирам,

было предоставлено удобное и чистое место. Люди, как видно, плохо осведомлены о том, что происходит в Германии; какой-то школьный учитель и крестьянка — оба довольно культурные, так как говорили они на очень правильном немецком языке, — с одобрением отозвались о Гитлере. При этом они ни словом не обмолвились о его террористических действиях. Как и во время моей прошлогодней поездки в третьем классе из Дрездена в Берлин, в вагоне было много откровенных разговоров. Хотя в маленьких баварских городках и в деревнях есть прекрасные школы для детей, баварцы, как говорят, — самые простые и наивные люди во всей Германии.

Четверг, 23 августа. Приходил мой друг Луи Браунлау из Фонда Рокфеллера, преподаватель Чикагского университета, и рассказал много интересного об университете и о трудностях, стоящих перед ним. Браунлау — крупнейший в Соединенных Штатах специалист в области городских проблем. Он приехал, чтобы побеседовать с германскими городскими властями и выяснить, останется ли при нацистском режиме в силе система городского строительства, которая была здесь преобладающей еще полвека назад или даже больше и при которой управление бывает особенно действенно. Браунлау знаком со многими выдающимися деятелями догитлеровской Германии.

Во второй половине дня пришел Айви Ли со своим сыном — молодым человеком с вкрадчивыми манерами. Прошлой зимой этот молодой человек сообразил, что одна из моих речей содержит критику фашистской Европы, хотя критика эта была очень осторожная и косвенная. Позднее я узнал об отношениях старшего Ли с германским правительством.

Сегодня вид у старика был просто ужасный, и, хотя он много говорил о своем лечении, я не сомневаюсь, что со здоровьем у него действительно очень плохо. Он нажил миллионы в последние двадцать лет, и теперь всему миру известно, каким путем они нажиты. Я говорил с ним совершенно откровенно, и ему не раз приходилось краснеть от моих слов. Он спросил, писал ли я о нем в Вашингтон. Ему хотелось, чтобы я написал

* Это наш Гитлер (нем.). — *Прим. ред.*

** Это Рем (нем.). — *Прим. ред.*

о нем заместителю государственного секретаря Филиппу в благоприятном смысле.

Потом он сказал:

— Ильгнер из Фонда Карла Шурца говорит, что вы антинацист или, быть может, просто предубеждены против этого Фонда.

На это я заметил, что я вообще против всякой пропаганды, но прошлой весной я предложил Фонду Карла Шурца продолжать свою деятельность при условии, если она не будет выходить за пределы культурной сферы и исключит какую бы то ни было пропаганду. Ли сказал, что со мной хотел бы повидаться Ильгнер¹³. Я попросил передать ему мое приглашение. Ильгнер возглавляет крупнейшую в Германии корпорацию «И. Г. Фарбен».

Отец и сын ушли, любезно справившись о моей семье и о том, хорошо ли она отдыхает в Австрии. Вот еще один из великого множества примеров того, как любовь к деньгам губит человека. Я никак не могу рекомендовать Айви Ли государственному департаменту.

Пятница, 24 августа. Сегодня в одиннадцать часов пришла миссис Синклер Льюис, которая в литературных и художественных способностях не уступает своему знаменитому мужу, и мы около получаса беседовали о ее намерении изучить и описать современную германскую социально-философскую систему, если только ее можно так назвать. Эта женщина произвела на меня самое благоприятное впечатление.

Вскоре после ее ухода мне, как было условлено, нанес визит доктор Дикгоф, только что вернувшийся из отпуска, который он провел в Швейцарии, где у него есть надежное убежище — дом его тестя. Я подумал, что он хочет услышать от меня кое-что о странных событиях, которые произошли в его отсутствие — 30 июня и 25 июля. Мы с ним очень близко знакомы, и у нас завязался откровенный разговор. Через несколько минут позвонила миссис Льюис из гостиницы «Адлон», где она остановилась, и сказала, что получила из тайной полиции приказ покинуть Германию в течение двадцати четырех часов.

— Что мне делать? — спросила она.

Я ответил:

— Немедленно поезжайте к временному генеральному консулу Гейсту.

Она поблагодарила меня и повесила трубку. Я повернулся к Дикгофу и спросил:

— Вы слышали?

— Нет, — сказал он.

Но я был почти уверен, что он все слышал. Я объяснил ему, что произошло, и добавил, что этот инцидент вызовет возмущение во всей Америке. Он согласился со мной и обещал сделать все возможное, чтобы сдерживать тайную полицию. Мы признались друг другу, что, независимо от того, дала миссис Льюис какой-нибудь повод для этого или нет, после ее высылки из Германии весь демократический мир будет ловить каждое ее слово.

Вторник, 28 августа. Сегодня утром, как было условлено, пришел доктор Макс Ильгнер, глава могущественной компании «И. Г. Фарбен» и президент Фонда Карла Шурца, якобы для того, чтобы поговорить о функциях Фонда. Он говорил Айви Ли о моем недружелюбном отношении к этому Фонду, и мне показалось, что Ильгнер не представляет себе подлинные возможности своей организации. Разговор получился довольно сдержанным, и я не настаивал, чтобы он рассказал о пропагандистской работе, которой, как мне известно, он занимается. Он также ничего не сказал об Айви Ли, который получил крупное вознаграждение от его концерна.

Ильгнер много говорил о предстоящей ему деловой поездке в Маньчжурию — там его компания закупила 400 тысяч бушелей соевых бобов. Я подозреваю, что в его задачу входит обменивать ядовитые газы и взрывчатые вещества на японские товары. Быть может, я несправедлив к нему, но я не мог отделаться от подобных мыслей, когда он так непринужденно и долго говорил о бобах.

Пятница, 31 августа. Ко мне заходил профессор Вернон Маккензи из Вашингтонского университета, чтобы рассказать о своих встречах в Варшаве и Праге. Он сказал:

— Поляки не помышляют ни о какой аннексии за счет России или Чехословакии. Они заключили пакт

с Германией, потому что Франция так требовательна и деспотична, а также в надежде сохранить мир в Польском коридоре. Я уверен, что это им удалось. Французы вне себя от бешенства. Что же касается Праги, — продолжал он, — то там все очень тревожатся, как-бы Германия не напала на Австрию, что немедленно втянуло бы Чехословакию в войну. Отто Штрассер¹⁴, брат недавно убитого здесь Грегора Штрассера¹⁵, сказал мне, что позаботится о том, чтобы фюрер был убит в ближайшие шесть или восемь месяцев. Мне кажется, если он говорил серьезно, ему бы лучше держать язык за зубами. Но Штрассер яростно ненавидит Гитлера, и я жду от него решительных действий.

Я пошел домой, переоделся, взял такси и поехал в Далем на завтрак к доктору Дикгофу. День был холодный, и мне стало как-то не по себе в столовой, где гулял сквозняк. Немногочисленные гости были все сплошь немцы. Никаких откровенных высказываний не было. Лишь когда я собрался уходить, Дикгоф не без удовольствия сообщил мне, что министерству иностранных дел удалось наконец убедить Гитлера прекратить преследования евреев. Он выразил надежду, что народ Соединенных Штатов постепенно составит себе лучшее мнение о Германии и переговоры в Вашингтоне о заключении договора между нашими двумя странами станут возможны. Он добавил, что Нейрат делал все возможное в этом направлении со времени моего возвращения сюда прошлой весной.

Я был удивлен и ничего не сказал Дикгофу о том, что несколько дней назад мне передали экземпляр официальной инструкции для членов нацистской партии, в которой говорится, что все члены партии обязаны порвать всякие связи с евреями, что юристы — члены партии — не должны никоим образом помогать евреям, а те, кто служит в магазинах у евреев, не имеют права носить свои партийные значки. С представителями этой «презренной» расы, указывалось далее в инструкции, не следует здороваться в публичных местах и нельзя допускать их общения с арийцами. Этими указаниями нацисты руководствуются вот уже полтора года. Копия, которая попала ко мне, датирована 16 августа 1934 года и подписана Рудольфом Гессом, доверенным помощником Гитлера. Ясно, что, если Гитлер и пообещал

министерству иностранных дел сделать то, о чем его просили наиболее разумные представители этого министерства, он в то же время позволил своему самому близкому и доверенному советнику сделать прямо обратное тому, что было обещано. Если бы я слышал подобное обещание впервые, то мог бы подумать, что здесь какая-то ошибка, что какой-нибудь экстремист внутри нацистской партии вновь разослал старый приказ. Но в действительности это не так. Когда-нибудь при встрече с Нейратом или Дикгофом я покажу им новую инструкцию.

Суббота, 1 сентября. Сегодня у меня завтракали профессор Маккензи, профессор Лингелбах и Е. Т. Колтон из Нью-Йорка — представитель Христианской ассоциации молодежи. Беседа была очень откровенной и содержательной. Маккензи рассказал о своей поездке по городам Западной Германии, где он узнал о четырех или пяти больших подземных ангарах, причем тяжелых самолетов в Германии уже достаточно, чтобы начать войну, а запасы отравляющих веществ позволяют уничтожить население Парижа или Лондона в какие-нибудь два-три часа. Лингелбах, который во время мировой войны был настроен прогермански, и Колтон, который в июле 1933 года, когда я приехал сюда, описал мне нацистский режим в самом привлекательном свете, с грустью выслушали его рассказ и выразили глубокое сожаление по поводу того, что Германия своими действиями вызвала в Соединенных Штатах еще более сильную враждебность, чем в 1917 году. Я рассказал несколько случаев бесчеловечного обращения нацистов с невинными людьми, и это еще больше укрепило нас в нашем единодушии. Никто не пытался оправдать и другие страны, которые усиленно вооружаются: Францию, Англию, Соединенные Штаты и Японию. Расстались мы в унынии. Мир так неразумен, а война вызовет такую ужасную катастрофу!

V

5 сентября 1934 г.—21 декабря 1934 г.

Среда, 5 сентября. Сегодня я не то в английском посольстве, не то в нашем услышал новую историю о том, что французский посол всю прошлую зиму был близко связан с генералом Шлейхером. Человек, который мне рассказал об этом, недавно приехал из Парижа; он говорит, что Франсуа-Понсэ, без сомнения, участвовал в заговоре, целью которого было свергнуть Гитлера в июне текущего года. Я вообще сомневаюсь в существовании какого-либо заговора, но уверен, что имели место политические интриги, направленные на то, чтобы свергнуть режим, который, по убеждению всех французов, поставил своей непосредственной целью уничтожение Французской Республики. Я все время слышу разговоры о том, что имена некоторых видных нацистов были занесены в список тех, кого намечалось убить 1 июля. Список этот так и не был опубликован.

Английский посол, как всегда, задал мне массу вопросов, но, когда я в свою очередь стал расспрашивать его о Дальнем Востоке, он не сообщил мне ничего существенного. Он сказал, что, не задерживаясь в Лондоне, приехал прямо в Берлин. На будущей неделе он собирается присутствовать на торжестве в честь «возвышения» Гитлера¹. Он сказал, что читал текст речи папского нунция и посоветовал ему выбросить одно место, особенно лестное для нового президента. Насколько я понял, на торжестве будут присутствовать также французский и итальянский послы.

Четверг, 6 сентября. Сегодня я был занят — готовился к докладу, который мне предстоит сделать в Бремене в будущее воскресенье. Вчера вечером Орме Уилсон, которому я показал некоторые страницы черновика, выразил серьезное опасение, что мое сообщение о воинственных настроениях в Европе произведет сенсацию и, пожалуй, возбудит недовольство государственного департамента. Я показал текст также одному американскому корреспонденту, и он выразил надежду, что я не выброшу ни единой фразы, касающейся международных отношений; он считает, что на конференции в Женеве можно многого достичь. Я восстановил некоторые фразы, окончательно отработал текст и намерен рискнуть прочесть доклад в том виде, какой он сейчас имеет. Читать буду по-английски, так как у меня нет времени, чтобы перевести доклад на немецкий язык. Завтра pošлю копии текста в германское министерство иностранных дел и в Вашингтон.

Пятница, 7 сентября. У меня побывал мистер Гэннон, вице-президент «Чейз нэшнл бэнк» в Нью-Йорке, который хотел узнать мое мнение относительно проблемы германских долгов. Он имел длительную беседу с доктором Шахтом и должен встретиться с ним еще раз. Гэннон живет то в Лондоне, то в Париже, то в Берлине и старается добиться для Германии ссуд на закупку хлопка, меди и нефти в виде краткосрочных займов из расчета 4 процентов, тогда как по таким же займам нью-йоркским банкам не выплачено 600 миллионов долларов. Я сказал Гэннону, что, как мне кажется, во всей Европе считают излишним вообще платить долги Соединенным Штатам. Шахт уплатил бы долги, чтобы поддержать германский экспорт, но даже не подумает сделать это, если экспорт непосредственно в США не будет значительно увеличен.

Гэннон изложил мне сложный проект, по которому новые займы могут быть предоставлены Германии без всякого риска. Перед своим отъездом в Лондон он представит этот проект Шахту. Я откровенно признался Гэннону, что недостаточно компетентен в финансовых вопросах, чтобы разобраться во всем в процессе разговора, и попросил у него письменный меморандум. Он сказал, что пришлет меморандум, как только при-

едет в Лондон, и выразил надежду, что я напишу в государственный департамент и поддержу его проект.

Суббота, 8 сентября. В девять часов утра я выехал поездом в Бремен, купив билет второго класса. Первые два часа в вагоне было прохладно, но я устроился с солнечной стороны, и мне было очень удобно. В Германии поезда не отапливаются до тех пор, пока не станет по-настоящему холодно.

Рядом со мной сидел аккуратно одетый пассажир, который был не прочь поговорить. Он рассказал, что родился и вырос в Германии, а теперь живет в Нью-Йорке. Лето он провел, путешествуя по Италии, Германии и России, где, по-видимому, завязал многочисленные знакомства и узнал много нового. Жестокость и бесчеловечность Гитлера вызвали у него тревогу и ужас. Он говорит, что народ не одобряет это, но бессилён что-либо сделать. Когда другой хорошо одетый пассажир, сидевший напротив меня, тоже обнаружил желание вступить в разговор, нью-йоркец прямо спросил его, как он относится к нынешнему режиму. Тот горячо ответил: «Hitler ist unser grosser Führer; wir sind überall für ihn, und diese Franzosen, die uns umklammern, ach! Wir werden diesem bösen Feinde ein Ende machen!» (Гитлер — наш великий вождь, мы всегда и всюду за него; а эти французы, которые нас окружают, о! Мы покончим с этим злым врагом!) Весь мир, добавил он, враждебен Германии. Он участвовал в прошлой войне и готов в любую минуту снова воевать с французами. Он уверен, что уж на этот раз немцы навсегда покончат с Францией.

После этого нью-йоркец почти не разговаривал. Немец вышел в каком-то городе примерно на полпути между Берлином и Бременом. В вагон сели два офицера рейхсвера, возвращавшиеся из Нюрнберга, но мне не хотелось вступать с ними в беседу; мой спутник тоже молчал.

Позавтракав в Бремене, я пошел погулять по старым кварталам города и, увидев лавку букиниста на берегу канала, купил томик «Очерков» Маколя², посвященных Фридриху Великому, Джону Бэнью и Бареру — этому французскому гению зла. Я не захватил из дому книги, чтобы читать в вагоне, когда выдастся свободное время.

Воскресенье, 9 сентября. В половине первого меня попросили выступить с короткой речью перед собранием членов Христианской ассоциации молодежи. Встретили меня даже более горячо, чем я ожидал. Вечером же послушать меня собрались около пяти тысяч человек, приехавшие со всех концов Германии и Западной Европы. Я смутился, так как ожидал, что будет всего четыре или пять сотен образованных людей. Тем не менее я прочел свой доклад «Беспокойный мир», и слушатели дружно аплодировали, как будто все его поняли. Доклад мой был направлен против военных приготовлений и растущих торговых барьеров.

В десять часов вечера я снова сел в поезд, который медленно шел через Ганновер в Берлин. Я приехал в семь часов утра и отправился домой на такси. Чувствовал я себя неважно, так как спать на узкой полке вагона было почти невозможно. Читал Маколя, пока не устали глаза. В своей очерке о Барере он подвергает уничтожающей критике одного из зловещих деятелей робеспьеровского режима. Возможно, критика эта справедлива, но следует учесть, что отчасти Маколем двигала неприязнь к Франции и к «неистовой демократии» эпохи Французской революции.

Понедельник, 10 сентября. Сегодня я встретился с Уоллесом Дьюелом, новым корреспондентом чикагской газеты «Дейли ньюс», который сменил Джуниуса Вуда, очень способного человека, превосходно умевшего добывать новости. Дьюел два года провел в Риме и хорошо разбирается в сложном положении в Европе, но не владеет немецким языком. Он хотел поделиться со мной сведениями, собранными за последние две недели, а также расспросить, что представляют собой Гитлер, Геринг, Геббельс и другие нацистские главы.

Пятнадцать или двадцать корреспондентов американских газет в Германии — самые искусные сборщики информации, каких я знаю. Мне кажется, они умнее французских и английских шпионов, которые порой бывают слишком бесчеловечны, подвергая опасности жизнь тех немцев, у которых случайно получают сведения. Я сообщил Дьюелу все факты и сделал те указания, какие считал возможным. Он произвел на меня хорошее впечатление, но его отвращение к самовластию Муссо-

линии так велико, что ему трудно будет спокойно работать здесь, ибо Гитлер не менее жесток, чем Муссолини, и поэтому внушает отвращение всякому американцу и англичанину.

Вторник, 11 сентября. Сегодня Эхснер из Юнайтед Пресс и Уэбб Миллер, лондонский корреспондент этого же информационного агентства, многое разъяснили мне относительно методов работы геббельсовского министерства пропаганды. Произвол германских властей оставил у Миллера еще более тяжелое впечатление, чем у Эхснера. От них я узнал, что создано новое отделение тайной полиции, в задачу которого входит подслушивать все, что говорят иностранцы по телефону и в гостиницах.

Среда, 12 сентября. В половине первого я, одев фрак согласно требованиям этикета, поехал в резиденцию президента на Вильгельмштрассе, чтобы официально засвидетельствовать уважение новому самозванному президенту Адольфу Гитлеру. Несколько дней назад ко мне приходил испанский посол и сказал, что он, пожалуй, вынужден будет поехать к Гитлеру, хотя даже мысль о том, что придется пожать руку этому человеку, ему противна. Я согласился, что мы не можем остаться в стороне, как в тот раз, когда шла речь о съезде в Нюрнберге. В данном случае дело касается правительства. 6 сентября я говорил об этом с английским послом, и он того же мнения, хотя Гитлер в высшей степени неприятен ему.

Когда я приехал, двор резиденции был окружен солдатами, застывшими по команде «смирно». У самого дворца также стоял караул. Присутствовали все члены дипломатического корпуса, включая и папского нунция, который незадолго перед этим целый месяц пролежал в больнице. Нунций — старшина дипломатического корпуса, и в его обязанности входит выступать в подобных случаях с официальным приветствием. Вслед за ним по порядку следует Франсуа-Понсэ, который явился в парадной форме, при медалях и орденских лентах. Как сказал мне еще в августе молодой Берар — атташе французского посольства, Гитлер заявил, что не хочет больше видеть французского посла. Если бы Гитлер

остался верен своему слову, это было бы равносильно отзыву Франсуа-Понсэ. Но сегодня дело обошлось без неприятностей. С притворным дружелюбием французский посол и Гитлер пожали друг другу руки.

Когда члены дипломатического корпуса, которых было около пятидесяти человек, должным образом разместились вдоль стен приемного зала, туда вошли Гитлер, Нейрат, Бюлов и Бассевиц, одетые в парадную форму, после чего нунций, как принято в подобных случаях, прочитал свою речь, поздравляя политического и религиозного врага Рима с тем, что он успешно узурпировал пост Гинденбурга. В речи было несколько намеков и предостережений по поводу войны, которую все здесь считают главной целью нынешнего германского правительства. Я, разумеется, присоединяюсь к этому мнению.

Гитлер сказал ответную речь по-немецки, заверив нас в своей доброй воле по отношению ко всем странам, и единственной своей целью провозгласил мир. Кончив говорить, он по всем правилам этикета подошел к нунцию, поклонился и пожал ему руку. Если уж до конца соблюдать проформу, он мог бы даже обнять его. Потом Гитлер подошел к Франсуа-Понсэ, и они встретились еще более дружелюбно, чем прежде. Минуту или две они о чем-то тихо говорили по-немецки самым дружеским образом, но я стоял далеко и не слышал, о чем шла речь. После этого канцлер обратился к итальянскому послу Черрути, но уже менее сердечно. Итальянец в отличие от француза не обладает светским «*savoir faire*»*. Он не умеет скрывать свою неприязнь и ненавидит нацистский режим так же, как и его жена, венгерская еврейка, очень известная у себя на родине.

Подойдя к японскому послу, стоявшему справа от меня, Гитлер подчеркнуто горячо поблагодарил его за присутствие на съезде в Нюрнберге и за речь, которую, по его словам, произнес там японец. Все прекрасно поняли, в чем дело: это было сказано для того, чтобы бросить упрек французскому, итальянскому, английскому и испанскому послам, а также мне, поскольку мы отказались посетить торжество и в нынешнем, и в прошлом году. Когда фюрер, весь сияя, протянул мне руку, я по-

* Умение держать себя (франц.). — Прим. ред.

спешно напомнил ему слова о мире, сказанные им в его речи, и заметил, что в Соединенных Штатах они будут одобрены всеми, и особенно президентом, который просил меня сообщить Гитлеру, что миролюбивые речи подобного рода всегда интересовали его. Гитлер многозначительно поклонился и сказал что-то, словно он сам принадлежит к числу пацифистов, которых он в действительности всегда публично осуждает. Когда Гитлер отошел к испанскому и английскому послам, мне стало не по себе, так как я почувствовал, что он не уловил иронии моих слов. Он решил, что я в самом деле поверил ему!

Никогда еще я не видел Гитлера таким радостным, как теперь, когда он обходил и приветствовал представителей иностранных государств. Ни Нейрат, ни Бюлов не обнаружили никаких признаков стыда за свою страну. Мы разошлись около часу дня и поехали по домам, как всегда раздумывая о том, долго ли продержится этот режим, который из всех режимов Европы больше всего сродни средневековому.

Репортеры, пришедшие вечером, жаждали узнать о моих впечатлениях от этого приема. Я мог сказать им только, что главной темой разговора был мир и что все немцы сияли от радости.

Пятница, 14 сентября. По приглашению министерства иностранных дел мы с Мэтти поехали в знаменитый оперный театр в Шарлоттенбурге, чтобы послушать премьеру «Тангейзер». В бывшей императорской ложе расположились Гитлер, Папен, Геббельс и генералы Бломберг³ и Фрич⁴. Рядом с нами сидел посол Черрути со своей супругой. В противоположном конце нашего ряда сидели супруги Франсуа-Понсэ. Все ложи занимали дипломаты, зал был переполнен. Увертюра, как принято в Германии, зазвучала точно в назначенное время. В первом антракте почти все зрители в партере встали и некоторое время, повернувшись к ложе Гитлера, отдавали нацистское приветствие. Во втором антракте повторилось то же самое. Все зрители, а также актеры были в восторге от присутствия канцлера; говорят, такого восторга не было даже в те времена, когда в императорской ложе сидели Гогенцоллерны.

Папен, несмотря на то, что случилось с ним 30 июня, и на все то, что он в свое время говорил мне, во время антракта разговаривал с Геббельсом, которого он так резко осуждал в разговоре со мной и который, как говорит сын Папена, требовал смерти вице-канцлера. Странно: Папен ненавидит Геббельса, Бломберг тоже дал мне понять, что ненавидит Геббельса и желает его отставки, Фрич ненавидит Бломберга и оба, как говорили, до 30 июня ненавидели Гитлера. Теперь же все они сидят рядом, словно лучшие друзья!

Во время одного из антрактов ко мне подошла синьора Черрути и после всяких притворных дипломатических намеков сказала:

— Вы не забыли, что я говорила, когда была у вас 29 июня?

Разумеется, я не забыл этого. Супруги Черрути, конечно, знают, что я люблю их диктатора не больше, чем самовластного фюрера. Размышляя о проблемах и пороках нашей цивилизации, я раздумываю и о том, не следует ли американскому правительству отозвать меня. Я был бы не прочь оставить эту должность.

Воскресенье, 16 сентября. Сегодня у Орме Уилсона был дан обед в честь советника нашего посольства в Париже Маринера, который возвращается туда после поездки в Варшаву, где он изучал позицию польского правительства по отношению к Франции и Лиге наций. Держался он по всем правилам дипломатического этикета. Мы пришли на этот обед только для того, чтобы нас не сочли нелюдими. Интересных разговоров не было, и ничего нового мы там не узнали. Гораздо приятнее было бы пообедать дома и почитать хорошую книгу, если только такую книгу можно найти в наше время.

Среда, 19 сентября. В одиннадцать часов утра я по просьбе нашего государственного секретаря посетил доктора Шахта. Он принял меня очень сердечно. После того как мы обменялись приветствиями, я откровенно сказал, что отношения между нашими двумя странами едва ли улучшатся, пока в Соединенных Штатах все убеждены, что Германия готовит новую войну. Какую пользу могу я принести в Берлине, когда Германия идет навстречу мировому или общеевропейскому конфликту?

Если меня ждет здесь заведомая неудача, не лучше ли мне вернуться в Соединенные Штаты и остаться там? Он был поражен и сказал:

— Вы не должны уезжать, это будет иметь плохие последствия.

Но что может сделать человек с моим образом мыслей в стране, где создалась такая неблагоприятная атмосфера? Шахт продолжал:

— Весь мир объединяется против нас; все осуждают Германию и стараются бойкотировать ее.

— Да, — согласился я, — но едва ли вам удастся прекратить все это, вооружаясь до зубов. Если вы начнете войну и выиграете ее, то все равно потеряете больше, чем приобретете. На этом все могут только потерять.

Когда Шахт заметил, что немцы не так уж интенсивно вооружаются, я возразил ему:

— В январе и феврале Германия закупила у американских самолетостроителей на миллион долларов первоклассных аэропланов и уплатила за них золотом.

Он смутился и хотел было отрицать это, но, увидев, что я готов подтвердить свои слова документом, сказал:

— Да, видимо, вам все известно, но мы вынуждены вооружаться.

После этого он признал, что партия Гитлера полна решимости начать войну, народ тоже готов к войне и хочет ее. Лишь немногие члены правительства понимают опасность и не согласны с этим. В заключение Шахт заметил:

— Но мы намерены выждать лет десять. А тогда, быть может, нам удастся и совсем избежать войны.

Напомнив ему его речь, произнесенную недели две назад в Бад-Эйлзене, я сказал:

— По торговым и финансовым вопросам у меня с вами в основном расхождений нет. Но почему вы в своих публичных выступлениях не говорите германскому народу, что нужно отказаться от военных настроек?

— Я не рискую говорить об этом, — ответил он. — Я могу касаться только того, что имеет отношение к моей специальности.

Откуда же в таком случае может немецкий народ узнать, какова истинная опасность войны, если никто

не затрагивает эту сторону вопроса? Шахт снова подчеркнул, что он против войны, и добавил, что употребил все свое влияние на Гитлера, «этого великого человека», как он выразился, дабы предотвратить войну⁵. Я сказал:

— Германские газеты опубликовали ту часть моего доклада, сделанного в Бремене, где я говорил о торговых отношениях между нашими странами, но не напечатали ни слова об ужасных последствиях и варварской жестокости, которые несет с собой война.

Он согласился с этим и весьма неодобрительно отзывался о министерстве пропаганды, которое запрещает все, что ему не по вкусу. На прощанье он сказал мне:

— Вы же знаете, что партия приходит к власти путем пропаганды, а потом уж пропаганду эту невозможно остановить, равно как и отказаться от нее.

На обратном пути я оставил машину у Бранденбургских ворот и пешком направился в английское посольство, которое помещается на Вильгельмштрассе. Сэр Эрик Фиппс оказался у себя в кабинете, и мы с ним четверть часа беседовали о том, что Германия активно готовится к войне, — доказательств этого у меня накапливается все больше. Английские консулы, по-видимому, не представили ему ту информацию, которую мы получили от своих консулов, особенно из Штутгарта и Мюнхена. Сэр Эрик притворился удивленным, когда я рассказал ему о немецких закупках самолетов в Соединенных Штатах за последние полгода.

Я дал ему также понять, что Шахт в беседе со мной признал агрессивные цели нацистской партии. Эта беседа с мистером Фиппсом была конфиденциальной: я хотел подготовить его к будущему важному разговору, если президент Рузвельт вновь попытается взять американскую военную промышленность под правительственный контроль. Я надеялся склонить его к тому, чтобы он попытался убедить английское правительство начать расследование, подобное тому, какое произвел сенатор Най, вызвав волнение во всем мире⁶. Зная, что Англия заявила протест против разглашения бесчестных действий своих военных промышленников, я все же намекнул на то, что разоблачения Най сыграли большую положительную роль. Сэр Эрик Фиппс согласился с этим, хотя не выказал желания добавить что-нибудь по этому

поводу. Военные промышленники во всем мире являются главной причиной напряженности в Европе.

В половине третьего я по приглашению министерства иностранных дел поехал в оперный театр Кролла на совещание по дорожному строительству, которое сейчас широко развернулось в Германии. Присутствовали многие немцы, а также английский и французский послы. Оказалось, что совещание это устроено лишь с целью дать возможность Нейрату разъяснить внешнюю политику и «мирные цели» Германии: «фюрер больше всего на свете желает мира». Он хотел довести до общего сведения отношение Германии к принятию России в Лигу наций и к предстоящему плебисциту в Саарской области, где 11 января народ должен решить, вернуться ли ему к своей бывшей родине или остаться под управлением Лиги наций?

Все присутствовавшие на совещании члены дипломатического корпуса оставались на своих местах до тех пор, пока Нейрат не кончил говорить. Когда переводчик стал переводить его речь на английский язык, французский и английский послы удалились. Немного погодя ушли и мы с итальянским послом. С нас было довольно. Нейрат неплохой человек, но никто не верит его заверениям о мирных целях германского правительства.

Понедельник, 24 сентября. Ко мне пришел испанский посол и рассказал, что намерен побывать на торжественном празднике в Бюхеберге 30 сентября, так как за последние месяцы он часто отсутствовал на собраниях и пропагандистских демонстрациях такого рода. Я сказал ему, что уже отказался и теперь не имею возможности переменить свое решение. Эти пропагандистские затеи так наивны и даже отвратительны, что я не могу присутствовать на них, кроме тех случаев, когда официальное положение посла делает это необходимым. Пожалуй, нужно будет сообщить об этом государственному секретарю Хэллу и узнать его мнение.

Среда, 26 сентября. Бельгийский посланник, вернувшись из долгого летнего отпуска, зашел ко мне поговорить о германских делах и об угрозе со стороны Гитлера. Он уверен, что в ближайшем будущем война нам

не грозит, но она является главной целью нынешнего германского правительства, причем война не против Франции или Бельгии, а против Австрии и Чехословакии.

— Такова цель Гитлера, ведь это гораздо вернее, чем поход на Запад, потому что тогда против Германии объединятся Франция, Англия и Бельгия, — сказал он.

Совершенно ясно, что между бельгийским и французским правительствами есть разногласия: у Англии же с Бельгией контакт более тесный. Посланник очень интересовался, есть ли надежда на то, что Соединенные Штаты вступят в Лигу наций пока пост президента занимает Рузвельт. Я мог сказать только одно: лично я приветствовал бы вступление Соединенных Штатов в Лигу наций и, насколько мне известно, Рузвельт в период с 1920 по 1930 годы был того же мнения.

Мы немного поговорили о значении Дальнего Востока и о необходимости сотрудничества между Соединенными Штатами, Англией и Францией в этом районе земного шара, если они хотят сохранить мир во всем мире. Беседа протекала в духе полного взаимопонимания, но на прощанье я сказал, что общественное мнение в упомянутых странах не очень-то благоприятно для такого сотрудничества. Когда посланник уехал, я усомнился, не был ли я слишком откровенен с ним, ибо в конце беседы похоже было, что он пытался прощупать меня, чтобы потом передать весь разговор хитрому сэру Эрику Фиппсу. Как бы то ни было, я ничего не сказал о позиции Вашингтона.

Четверг, 27 сентября. Сегодня приходили доктор Карл Венер и доктор Вилли Беер из газеты «Берлинер тагблатт», и мы обсуждали развернувшееся в стране движение за «возврат к земле»⁸. Я утверждал, что никаких ощутимых результатов не достигнуто. Городские безработные не пойдут на фермы, если их не принудить к этому, а правительство Гитлера в данном случае не прибегло к силе. Крупные землевладельцы не отдадут свои земли по цене, которую может уплатить им правительство. Почти все безработные, которые были этим летом на фермах, вернутся в города еще до конца октября. Заявление бургомистра Саама, что он освобо-

дил Берлин от ста тысяч безработных, относится лишь к летним сезонным рабочим, а такие вовсе не устраивают крестьян.

Пятница, 28 сентября. К девяти часам я был приглашен в Фонд Карла Шурца, где один из профессоров Берлинского университета выступил с докладом о «новом курсе» президента Рузвельта и о перспективах экономического развития Соединенных Штатов. Это был по-настоящему научный доклад без предвзятостей и нацистской пропаганды. Присутствовало около сорока преподавателей университета и государственных служащих. Все это было настолько серьезно, что, когда началась общая дискуссия, я счел возможным предложить присутствующим три важных вопроса: 1. Станет ли рузвельтовский план восстановления промышленности трудно исполнимым или невозможным из-за отсутствия свободных или частично свободных земель в Соединенных Штатах? 2. Возникнет ли необходимость разработки новой социальной программы ввиду того, что ни европейские эмигранты, ни американские безработные не хотят обосноваться на земле и приобрести участки? 3. Поскольку есть серьезные основания предполагать, что приблизительно к 1970 году рост населения во всех высокоразвитых странах прекратится, заставит ли это прибегнуть к каким-нибудь иным экономическим и социальным средствам?

Присутствующие проявили большой интерес к этим социальным и моральным проблемам, были высказаны различные точки зрения, но никто не дал ответа на мои вопросы. Разошлись все в половине двенадцатого.

Понедельник, 1 октября. Сегодня утром ко мне пришла жена секретаря германской дипломатической миссии в одной из балканских стран, чтобы узнать, не смогу ли я помочь ей выйти из трудного положения, в которое их поставил уполномоченный Гитлера Рудольф Гесс, потребовав у ее мужа доказательств, что среди его предков и предков его жены не было евреев. Эта женщина родилась в Германии, в семье, которая переехала сюда из Соединенных Штатов. Если она не докажет, что ее дед и бабушка не были евреями, муж ее должен будет оставить свою дипломатическую должность. Она пока-

зала мне документ, подтверждавший лишь то, что ее родители были гражданами Соединенных Штатов. Разумеется, я ничем не могу ей помочь; но я посоветовал ей обратиться к консулу Гейсту, полагая, что ему, быть может, удастся замолвить словечко кому-нибудь из германских государственных служащих и облегчить ее судьбу. Во внешности этой женщины нет никаких признаков неарийской крови. Случай с ней — еще один пример антиеврейской политики германского правительства.

Четверг, 4 октября. Ко мне пришел мой старый друг из Чикагского университета Куинси Райт, чтобы поговорить о делах в Лиге наций и о том, какой оборот они приняли на недавней конференции в Женеве. Перспективы довольно мрачные. Расследование, произведенное сенатором Наем в Вашингтоне, обнаружило всю бесполезность дискуссий о разоружении, ранее имевших место в Лиге наций; тем временем английские, американские и французские военные промышленники продавали огромные партии оружия во все страны и даже держали своих тайных агентов в Женеве, чтобы не допустить успешной работы конференции по разоружению.

Райт считает, что английские консерваторы враждебно относятся к целям Лиги наций. В то же время вашингтонские расследования показали, что различные военные промышленники продали в Германию большое количество оружия, за которое было уплачено золотом в нарушение договора между Германией и Соединенными Штатами. Англичане тоже не лучше. Они сами нарушили Версальский договор, продавая Германии самолеты и другую военную технику.

Пятница, 5 октября. Сегодня у нас завтракали японский и испанский послы, фон Приттвиц с супругой, профессор Берлинского университета Хёцш с супругой, мистер и миссис Райт, миссис Баум из Чикаго, мисс Зигрид Шульц и другие гости. Японский посол держался очень умно и осторожно. Он говорил много и при этом ничего не сказал. Испанский посол — человек прямо противоположного типа: он открыто высказывал свое мнение и был очень откровенен.

Справа от меня сидела графиня фон Приттвиц, муж которой был германским послом в Соединенных Штатах с 1926 по 1932 год. Она высказывалась о событиях и людях в Германии с гораздо большей прямоотой, чем мог себе это позволить я. С Приттвицами мы знакомы давно, но я не думаю, что могу сказать в глаза любому немцу, как ужасна диктатура Гитлера. Слева от меня сидела жена одного ученого, которая была столь же откровенна, как и графиня. Она сказала:

— Германские университеты на краю катастрофы. Половина профессоров немедленно эмигрировала бы в Соединенные Штаты, если бы они нашли себе там применение.

Я испытывал глубокое сочувствие к ней и к ее мужу, одному из крупнейших в Европе специалистов в своей области. Подобные разговоры бывают у нас в доме чуть ли не каждую неделю.

Суббота, 6 октября. Газеты сообщают о том, что возникла опасность установления фашистского режима в Испании. Если это случится, мне до слез жаль моего друга, испанского посла. Он подлинный демократ, очень умный и эрудированный человек. Если в Испании восторжествует фашизм, вся его жизнь будет отравлена. Но Европа совсем обезумела: невозможно предвидеть, что нас ждет впереди.

Все утро я читал бесконечные документы и доклады о положении в Германии. Во всякий другой период новейшей германской истории я решил бы, что назревает революция, но подобные признаки теряют свой смысл, когда все нити управления страной находятся в руках одного человека, а человек этот — маньяк, одержимый одной навязчивой идеей. Он считает, что некий бог призвал его спасти Германию, и ни один германский ученый или государственный деятель не смеет сказать ни слова против него. Вчера я получил сообщение: два брата, молодые эсэсовцы, были недовольны жестокостью муштры, которой их подвергли; они в очень мягкой форме высказались против самовластия Гитлера и отказались пойти на какое-то партийное собрание. Одного из них схватили на улице, убили, а труп сожгли. Через два дня пепел был передан в пакете его брату, оставшемуся в живых. Сообщение, о котором идет речь, не

проверено, но оно совпадает со столькими другими фактами беспощадной жестокости, что я не могу не поверить этому. Цель подобных действий — держать в страхе всех немцев, чтобы они беспрекословно подчинялись любому приказу.

Воскресенье, 7 октября. Сегодня я весь день писал доклад, с которым мне предстоит выступить в Вашингтоне 28 или 29 декабря перед Американской исторической ассоциацией. Прежние доклады президента Ассоциации обычно бывали посвящены тому, «как нужно писать исторические работы» или «что является истинной областью истории». Мне кажется, подобные темы уже давно избиты, и я должен вместо этого сказать нечто, имеющее реальную ценность для исторической науки. Я буду говорить о происхождении и развитии негритянского рабства на Юге Америки, озаглавив свой доклад так: «Первый социальный порядок в Соединенных Штатах». Поскольку времени осталось мало, и к тому же я очень занят в посольстве, мне приходится напряженно работать.

Понедельник, 8 октября. Сегодня день рождения Марты. Ее друзья и знакомые были приглашены к десяти часам вечера, а это довольно позднее время для развлечений и танцев. Пришло немало приятных людей; многие из них были очень встревожены, например молодой Штреземанн, талантливый юноша, сын бывшего канцлера Густава Штреземанна. Его мать — еврейка, а покойный отец открыто осужден нацистскими главарями. Молодой Штреземанн лишен официального положения, и ему нелегко найти себе место юриста из-за происхождения его матери. Вечер прошел очень мило, если не считать того, что многие гости, как это принято среди дипломатов и среди немцев, засиделись далеко за полночь, а я в это время обычно ложусь спать.

Вторник, 9 октября. Сегодня ко мне зашел испанский посол Луис Сулуэта, мой единственный настоящий друг из всего дипломатического корпуса, чтобы сообщить, что он подал в отставку и уезжает в Мадрид, где

вернется к своей деятельности профессора философии. Он сказал, что новое испанское правительство представляет собой сочетание фашистской диктатуры и католической реакции, что оно пользуется поддержкой Муссолини и римского папы, а он не может служить автократическому режиму. Я ни на минуту не усомнился в правдивости его слов. Вот уже несколько недель с его несчастной родины поступают столь печальные известия, что я отлично понимаю его положение. Боюсь, как бы его преемник не оказался фашистом, с которым я смогу поддерживать лишь сугубо официальные отношения. Мне очень жаль терять единственного друга в Берлине.

В семь часов ко мне домой пришел Эхснер из агентства Юнайтед Пресс и сообщил, что несколько часов назад в Марселе убит король Югославии. Французский министр иностранных дел Барту, который находился в машине вместе с королем, ранен⁹. Это тяжелый удар, тем более что визит короля имел целью создать коалицию Франции, Италии и Югославии против Германии и Польши. В половине восьмого мне сообщили, что Барту умирает. Эти убийства при общей напряженности положения могут вызвать международный конфликт.

В половине девятого мы в вечерних костюмах поехали на обед к египетскому посланнику, очень состоятельному человеку. Работы у него здесь не особенно много, зато он любит выставить напоказ свое богатство. По всему дому нам встречались слуги в ливреях, столовая поражала своими размерами. Присутствовало около сорока гостей, все разодетые; выпяченные груди увешаны всякими почетными знаками и медалями, женщины сильно декольтированные, в дорогих бриллиантах, с маникюром и ярко накрашенными губами. Подобная роскошь, пышность и наряды выглядят безвкусно, особенно когда дело касается представителей стран, которые не намерены платить свои долги.

За столом разговаривали мало, так как общество было слишком многочисленно. После обеда зашла речь об ужасном событии, которое произошло сегодня в Марселе, и один немецкий генерал заявил, что виной всему — беспечность французской полиции. Но, как мне кажется, полиция была не так уж беспечна. Одна немецкая баронесса спросила у генерала, действительно

ли война неизбежна. Она сказала, что у нее трое сыновей, которых призовут в армию. Генерал ответил отрицательно, но, когда я пересказал ему разговор о войне, который мне довелось выслушать, не называя, правда, имени доктора Шахта, он согласился, что воинственный дух очень силен в Германии. Баронесса сразу переменила тон и теперь уже, казалось, не прочь была, чтобы ее сыновья отправились воевать против Франции. Сэр Эрик Фиппс и его супруга подошли к нам около одиннадцати часов ночи и сказали, что хотели бы уехать, но, соблюдая старшинство, мы должны откланяться первыми — таковы глупые условности. Вскоре мы распрощались и в одиннадцать были уже дома.

Среда, 10 октября. Приходил наш новый генеральный консул Дуглас Дженкинс. Он приехал из Китая и получил должность, которую три года занимал Мессерсмит. Родом Дженкинс из Южной Каролины, но взгляды у него отнюдь не узкие и не провинциальные. На дипломатической службе он состоит около двадцати лет. Он неплохо знает немецкий язык и, я думаю, в самом скором времени будет хорошо справляться со своими обязанностями.

Четверг, 11 октября. В полдень я поехал к заместителю министра Бюлову. 9 октября была получена телеграмма из Вашингтона, в которой мне предлагается самым решительным образом потребовать, чтобы Германия прекратила дискриминацию по отношению к своим американским кредиторам. Я уже много раз заявлял протесты по этому поводу, но без всякого успеха. Германия согласилась уплатить лишь около 60 процентов от суммы в 2 миллиона долларов, которая составляет проценты с долгов, подлежащие уплате 15 октября. Вашингтон снова выразил недовольство и предложил мне потребовать больше. Вчера в министерстве иностранных дел никто не смог принять меня, и сегодня я не надеюсь на успех.

Когда я вручил свою памятную записку Бюлову, он внимательно прочел ее и сказал: «Разрешите мне зачитать вам копию телеграммы, посланной нами вчера через нашего посла Лютера государственному секретарю Хэллу». В телеграмме выражалось сожаление по

поводу того, что прошлой весной не удалось достичь договоренности относительно торговых переговоров в Вашингтоне. Далее доводилось до сведения Хэлла, что десятого октября в Нью-Йорк отправлены по телеграфу именные переводы на сумму около миллиона долларов в германских марках. Бюлов сказал:

— Это самое большее, что мы можем сделать, и это отвечает требованиям держателей облигаций.

В сущности говоря, он прав. Эти марки будут переданы американцам для покупки немецких товаров или для туристических поездок в Германию.

Мы немного побеседовали о возможности торговых переговоров, и Бюлов выразил серьезное сомнение в том, сможет ли политика автаркии способствовать им. Необходимо большая свобода торговли, сказал он, иначе обе стороны понесут ущерб. Слова Бюлова произвели на меня благоприятное впечатление, хотя я подозреваю, что немцы каким-то образом заранее узнали содержание моей памятной записки, оттянули встречу со мной и перевели деньги в Нью-Йорк. Неужели в нашем посольстве есть информатор? Или эти сведения удалось добыть германскому посольству в Вашингтоне?

Воскресенье, 14 октября. Весь день я готовился к докладу, с которым мне предстоит выступить в Вашингтоне 27 декабря перед Американской исторической ассоциацией. Я предпочел бы не быть ее президентом в этом году. Мне хотелось бы внести какой-то научно-исторический вклад в оценку современных трудностей, стоящих перед западным миром.

Среда, 17 октября. Сегодня у нас завтракал доктор Шахт. Он приехал прямо с заседания кабинета министров, на котором Гитлер потребовал новой присяги в верности себе. Весь рейхсвер должен был принести специальную присягу в начале августа, когда Гитлер, кроме функций канцлера, принял на себя функции президента. 19 августа, в результате выборов, на которых 90 процентов населения добровольно или по принуждению проголосовали «за», все были подчинены новой автократической власти. Сегодня, на первом официальном заседании кабинета, каждый его член должен был снова присягнуть в верности Гитлеру. Было объявлено,

что все члены кабинета подчиняются одному только канцлеру, что парламент или рейхстаг не вправе вмешиваться ни в какие действия правительства и что Гитлер — единственный полномочный представитель германского народа.

Сегодня все наши гости были заняты только этим. Я попросил советника посольства мистера Уайта присутствовать при разговоре и запомнить все, что будет говориться о событиях в стране. Ни на минуту не забывшая о том, что в июне было убито несколько человек по доносу, будто бы они слишком откровенничали с французским и английским послами, я при встречах с видными германскими деятелями чаще всего ограничиваюсь тем, что слушаю их и лишь изредка задаю им вопросы. Доктор Шахт был со мной откровенен и прям, как ни один немец со времени моего приезда сюда. Как только он ушел, сославшись на дела в рейхс-банке, мы кратко суммировали в памяти результаты разговора.

За столом он сказал:

— Весь мир просто обезумел. Система глухих торговых барьеров — это же настоящее самоубийство; нас, немцев, ждет катастрофа, и уровень жизни повсюду неизбежно должен упасть. Все сошли с ума, и я сам в том числе. Лет пять назад я ни за что бы не поверил, что способен дойти до такого состояния. Но я ничего не могу поделать. Мы постоянно ограничиваем ввоз сырья, и через некоторое время произойдет крах, если мы не сможем экспортировать товары, а экспорт неуклонно сокращается. У нас нет денег, чтобы уплатить свои долги, и скоро мы повсюду лишимся кредита. Англии и Франции все время предлагают сократить экспорт в нашу страну. Швейцария, Голландия и Швеция следуют их примеру, а Соединенные Штаты настолько враждебны по отношению к нам, что мы никогда не сможем заключить с ними нужное нам торговое соглашение.

Кронпринц Луи Фердинанд заметил:

— В Соединенных Штатах тоже может появиться свой диктатор. Хью Лонг, например, — полный хозяин в Луизиане и надеется стать хозяином всей страны.

Шахт не сказал прямо: «Следуйте нашему примеру», но дал понять, что Луи Фердинанд именно это

имел в виду. Когда Шахт заговорил о неразрешимой дилемме, к которой он теперь подходит, я сказал:

— Вам придется придумать что-то новое.

Он рассмеялся.

Фрау Шахт, сидевшая рядом со мной, была настроена так же безнадежно, как и жена итальянского посла 29 июня, накануне «чистки», когда синьора Черрути предсказывала войну и заявила, что завтра же уезжает из Германии. Фрау Шахт говорила о нехватке продуктов и о принудительных обложениях, которые невозможно долго выдержать. У нее нет ни малейшей надежды уехать отсюда, как бы скверно ни сложились обстоятельства. Я опасаясь, как бы в случае катастрофы приверженцы Гитлера не сделали Шахта козлом отпущения и не погубили его. Если бы Гитлер был убит, пожалуй, Шахту предложили бы встать во главе германского государства, в котором царит такой хаос.

Четверг, 18 октября. Сегодня ко мне приходил Уильям Хиллман, представитель информационного агентства Херста в Лондоне. Он сообщил мне следующее: 1) Великобритания и Нидерланды заключили пакт, по которому восточная граница Нидерландов будет считаться восточной границей Англии, в случае если Германия нападет на Францию и английская армия, продвигаясь к Германии, вступит в Антверпен. За эту уступку со стороны Нидерландов Англия обязуется защищать голландские владения на Дальнем Востоке от Японии. 2) Премьер-министр Макдональд болен и вскоре должен уйти в отставку. До этого времени Болдуин и Чемберлен хотят провести выборы, если им удастся найти для этого подходящий предлог. Пока Макдональд возглавляет правительство, победа на выборах им обеспечена, а потом Макдональд уйдет в отставку, и его место займет Болдуин. 3) Английское правительство все враждебнее относится к Соединенным Штатам, хотя и не помышляет о войне, так что нет никаких надежд заключить пакт между Англией и Соединенными Штатами.

Пятница, 19 октября. Я посетил сэра Эрика Фиппса и сугубо доверительно рассказал ему, что, по имеющимся у меня сведениям, «Армстронг-Виккерс» — круп-

нейший английский военно-промышленный концерн вел в Берлине переговоры о продаже Германии военного сырья. Эти переговоры имели место на прошлой неделе, перед самым прибытием английской правительственной делегации, которая совместно с Шахтом должна была выработать какую-нибудь программу уплаты краткосрочных долгов в сумме 5 миллионов фунтов стерлингов за текущие поставки хлопчатобумажной пряжи из Ланкастера. Вчера Шахт сообщил мне, что у немцев нет никакой возможности уплатить Англии эти долги. И тем не менее, сказал я сэру Эрику, в прошлую пятницу представители английских военных промышленников условились о продаже Германии за наличный расчет огромного количества военных материалов. Я был достаточно откровенен и, пожалуй, неблагоразумен, добавив, что, как видно, на прошлой неделе здесь побывали и представители американской фирмы «Кертисс-Райт» с целью заключения подобной же сделки. Английский посол притворился удивленным и сказал, что даст мне знать, подтвердились ли мои сведения.

Об англо-нидерландском пакте ему ничего не известно. Однако он не отрицал того, что этот пакт мог быть заключен. Мне кажется, он знает о пакте, но не вправе показать это. Беседа наша протекала в самом сердечном тоне, но у меня осталось такое чувство, что посол был сдержанней, чем прежде, когда мы с ним обменивались мнениями. Пожалуй, я был излишне откровенен, но он торжественно обещал мне держать в тайне все, что я ему сказал.

Сегодня, вернувшись от одного из сотрудников нашего посольства, мы застали у себя Армана Берара: он пришел в гости к нашим детям, которые, кстати, давно уже вышли из детского возраста. Он попросил меня уделить ему несколько минут для разговора наедине о германо-французских отношениях. Я старался отделаться шуткой, сказав, что этот вопрос не такой уж животрепещущий, чтобы не спать из-за него ночами. Однако он сохранил серьезность и сказал, что Геринг и Геббельс хотят этой зимой начать войну с Францией и захватить Саарскую область, где на 13 января намечен плебисцит. Кроме того, он сообщил, что к границе этой спорной области стягиваются войска, там

строятся казармы и солдаты непрерывно проходят боевую подготовку.

Я заметил ему, что скорее всего Гитлер не рискнет сейчас начать войну. Но Берар утверждал, что немцы уверены в победе, а потому достаточно малейшего повода — какого-нибудь акта насилия в Саарской области или экономического упадка в Германии — и за этим немедленно последует нападение на Францию. Я напомнил Берару о том, какую позицию заняла Англия, и заметил, что, по-видимому, Франция и Англия обладают более мощным воздушным флотом, чем принято считать. Он не очень рассчитывает на решительные действия со стороны Англии, опасаясь, что французская столица и вся страна будут терроризированы и разрушены, даже если Германия в конце концов потерпит поражение. Берар посоветовал нам изменить свои планы и отказаться от своей рождественской поездки в Америку — слишком много важных событий может произойти в это время. На это я сказал ему:

— Мне непременно нужно быть 27 декабря в Вашингтоне по делу. Если хотите, телеграфируйте президенту Рузвельту, что вы меня не отпускаете!

Он рассмеялся, но ушел от меня очень встревоженный. Из этого случая видно, какая здесь теперь напряженная обстановка. Наш атташе по сельскому хозяйству, изучающий продовольственное положение в Германии, сказал мне сегодня:

— Я не удивлюсь, если в ближайшие дни германское правительство насильно захватит принадлежащие Свифту запасы свиного сала, которые хранятся в Гамбурге и его окрестностях. В Германии нет жиров и получить их неоткуда. Компания Свифта отказалась принять марки в уплату за сало.

В Соединенных Штатах публично обвиняют американского посла в Мексике Джозефуса Дэниелса в том, что он одобрил антирелигиозную программу мексиканского правительства. Многие американские католические ассоциации взяли его под обстрел. С тех пор как он в 1889 году посоветовал мне держать конкурсный экзамен в университет в Роли (Северная Каролина), а не в Уэст-Пойнт* и я занял второе место, мы с ним

* Имеется в виду военная академия в Уэст-Пойнте. — *Прим. ред.*

близкие друзья. Не знаю, что он сделал в Мексике, но это способный человек с демократическими убеждениями, и я надеюсь, президент не отзовет его. Это превратило бы Дэниелса в героя в глазах американских протестантов и в глазах всех либерально настроенных демократов. Американские католики не имеют права указывать мексиканскому народу, как ему следует поступать.

Понедельник, 22 октября. Сегодня у нас завтракал Уильям Хиллман. Воскресенье он провел в Дрездене у Ганфштенгля, над которым смеются все дипломаты, и у нацистского губернатора Саксонии. Он рассказал, что за обедом австрийский генеральный консул в Дрездене клялся в своей верности нацизму и восторженно говорил о тоталитарном режиме в Германии. Я думаю, что он попросту подкуплен и хочет помочь нацистам вынудить Австрию присоединиться к Германии.

Хиллман сказал, что губернатор Саксонии, ставленник Гитлера, произвел на него впечатление человека жестокого, способного на самые бесчеловечные поступки. Ганфштенгль, по его словам, оказался гораздо умнее, чем он ожидал. Кроме того, он сообщил, что Гитлер намерен предложить Англии пакт о ненападении с воздуха.

Среда, 24 октября. Сегодня утром приходил доктор Макс Серинг, знаменитый ученый, бывший профессор экономики и политической философии Берлинского университета. Он сказал мне, что намерен обратиться с письмом к Генри Уоллесу. В 1930 году он вторично объездил всю Америку, где уже побывал в 1882 году, изучая экономику и сельское хозяйство. Уоллес в своем письме просил меня повидаться с профессором и, если он пожелает, разрешить ему пользоваться нашей дипломатической почтой.

Доктору Серингу семьдесят семь лет, но он еще полон сил. Месяц назад он выступил с лекцией на международной конференции в Бад-Эйльзене, где доктор Шахт произнес речь о финансовом положении Германии. Прочитав мне черновик своего письма к Уоллесу, доктор

Серинг с большим беспокойством заговорил о современном экономическом положении Германии. Он сказал:

— Эти люди понятия не имеют об экономических и исторических проблемах. Они жертвуют культурой и интеллектуальной жизнью Германии во имя своих фантастических идеалов единства и полнейшей независимости от всего мира, что совершенно немыслимо для великой державы.

Я рассказал ему некоторые факты, которым сам был здесь свидетелем, и повторил кое-что из того, что я сказал Гитлеру и Русту 7 марта 1934 года относительно академической свободы и ее значения в современном обществе. Доктор Серинг удивился, но был рад узнать, что я сказал это. Затем он довольно долго рассуждал о том, что он называет невозможным мировым комплексом.

Он говорил о теперешнем германском правительстве, которое, по его словам, «заняло агрессивную позицию против всех своих соседей, тогда как война уничтожит западную цивилизацию».

— Это правительство, — сказал он, — требует от университетов, церквей и народа подчинения своим детским фантазиям. Оно не допускает свободы слова, совести и действий. Это погубит нас. Мы просто не вынесем этого. Я уже не молод. Я против такого режима и не упускаю возможности открыто высказать свое мнение. Пусть они убьют меня, если им угодно. Все равно я им не подчинюсь.

Мужество и целеустремленность этого старого человека произвели на меня огромное впечатление. Когда он сказал, что нынешний строй не может долго продержаться в Германии, я подумал о том, как он практически представляет себе борьбу против этого строя. Рейхсвер признал неограниченную власть Гитлера, как от него потребовали, когда умер Гинденбург. Кабинет министров также беспрекословно покорился, когда в начале августа были изданы новые «законы» и 17 августа состоялись выборы, которые проводились в такой обстановке, что всякий немец, голосуя «против», рисковал свободой и даже жизнью. На первом официальном заседании кабинета министров в октябре Гитлер заставил каждого члена кабинета принести новую присягу в беспрекословном повиновении. Только один из министров — Эльц-Рубенах отказался от присяги. Если бы отказа-

лись все, могла бы начаться революция, но половина кабинета покорна Гитлеру, а другая половина сразу же отступает, едва дело доходит до настоящей борьбы.

Доктор Серинг сказал, что современный режим долго не продержится. Мне же кажется, что конец его не так уж близок и, если экономическое положение не станет безвыходным, он просуществует долгие годы. Как бы то ни было, доктору Серингу грозит опасность, и притом очень серьезная, хотя я, разумеется, сохраню в строжайшей тайне все, что он мне сказал.

Четверг, 25 октября. Сегодня я спросил Шахта, как обстоит дело с обменом денег и могут ли наши дипломаты посылать доллары домой, располагая лишь небольшой суммой германских марок для покупки долларов. Он сказал:

— Мне хотелось бы, чтобы американские студенты в Германии и туристы покупали наши марки из расчета около ста марок в сутки и тратили их здесь, чтобы помочь обмену валюты. Таким путем мы сможем уплатить проценты по американским облигациям.

Затем он добавил, что все дипломаты могут покупать доллары на сумму до десяти процентов своего заработка и посылать их на родину. Очевидно, именно этого и хочет банк. Однако, как мне кажется, многие дипломаты покупают германские марки и путем всяких ухищрений наживаются за счет Германии. У меня нет точных сведений об этом, но по некоторым признакам можно заключить, что дело обстоит именно так.

Любопытно, что Шахт просил меня повидаться с Гитлером и дать ему некоторые советы по церковным делам. Два лютеранских епископа из Южной Германии брошены в тюрьму за то, что они отказались признать общегерманскую церковь «Deutsche Christen» и подчиниться гитлеровской идее единой веры в едином государстве при полном сплочении и подчинении всей молодежи гитлеровским религиозным взглядам. Я согласился с Шахтом, что арест епископов и увольнение священников из-за их несогласия с нацистской религией возмутило верующих в Соединенных Штатах, особенно лютеран. Он добавил, что это приносит еще больший ущерб Германии в глазах американцев, чем преследование евреев. Я ответил ему:

— Я не могу говорить с канцлером на подобные темы. Это было бы вмешательством во внутренние дела Германии.

Тогда он добавил.

— Нейрат, как и я, часами спорил с Гитлером об этом. Но он окружен главарями войск СА и деятелями нацистской партии и, как видно, не понимает наших доводов. Вы, вероятно, добились бы в этом деле больше нас.

Он предложил устроить мне встречу с Гитлером, но я отказался.

Пятница, 26 октября. Ко мне в посольство приходил наш военный атташе полковник Уэст, который часто обзвораживает территорию Германии с самолета, и рассказывал о проводимых немцами военных приготовлениях. Он десять дней ездил по стране и теперь очень взволнован.

— Война неизбежна, к ней готовятся повсюду, — сказал он, но не сообщил ничего определенного, а у меня не было времени слушать его.

Суббота, 27 октября. Сегодня в Констанце я встретился с Рексфордом Дж. Тагуеллом, одним из членов так называемого «мозгового треста»¹⁰. Он сказал, что ему специально поручено побеседовать со мной о положении в Германии. Однако при этом ему настоятельно рекомендовали не заходить ко мне в Берлине. Я понял, что в Вашингтоне хотят избежать шумихи вокруг встречи двух членов «мозгового треста», поскольку мое имя иногда связывали с именами Уоррена и Тагуелла, хотя это никак не соответствует действительности.

Разговор шел в самом непринужденном тоне. Тагуелл сказал, что Рузвельт регулярно созывает заседания кабинета, но не допускает прямого и открытого обсуждения. Мне кажется, это вызвано тем, что такие люди, как Хэлл, Роупер и Уоллес, настроены очень враждебно по отношению к Икесу, мисс Перкинс и Льюису Дугласу. Тагуелл сказал, что подлинное обсуждение всех проблем происходит между Рузвельтом и специалистами, которые стремятся практически осуществлять «новый курс». Я заметил Тагуеллу, что не стал бы за-

седать в таком кабинете, ибо главное в работе правительства — это свободное обсуждение. Тагуелл очень неприязненно отзывался о государственном секретаре Хэлле, одном из наиболее влиятельных членов правительства. Мы оба согласились с тем, что избрание Эптона Синклера губернатором Калифорнии¹¹, особенно теперь, когда столько денег ухлопано на то, чтобы дискредитировать его в этом штате, было бы весьма полезно для Рузвельта. Это явилось бы предостережением для наиболее экстремистски настроенных капиталистов, которые все еще воображают, будто лучше всех знают, как надо управлять страной.

Воскресенье, 28 октября. В половине двенадцатого мы с Уильямом поставили свой автомобиль на паром, который перевез нас через Боденское озеро, и поехали дальше, в Штутгарт. В Хехингене мы позавтракали в превосходной гостинице на главной улице города. После завтрака я спросил хозяина, который только что смотрел, как две тысячи человек из гитлеровского Союза молодежи прошли парадным шагом под его окнами, не может ли он дать мне такой же плакат, выпущенный геринговским министерством воздушного флота, как тот, что висит над нашим столиком. Это была цветная карта Германии с призывом ко всем немцам учиться водить самолет. На ней яркими красками были выделены те части Прибалтики, Польши, Дании и Франции, которые подлежат аннексии. Хозяин дал мне плакат.

Я спросил:

— У вас все учатся водить самолет?

Он ответил:

— В Хехингене есть двадцать хороших летчиков, а в Штутгарте, столице Вюртемберга, их две тысячи. Все крупные предприниматели хотят войны, а простые люди не хотят ее.

Хозяин не знал, кто мы такие, и, разумеется, говорил по-немецки. Поскольку он был всерьез озабочен, разговор носил очень трогательный характер.

Мы поехали дальше через Штутгарт, не остановившись там. В Бейройте, Нюрнберге и Штутгарте не было никаких признаков безработицы или нужды. В Констанце же мы наблюдали явные следы экономического

упадка. Например, все гостиницы там были закрыты, хотя следует учесть, что сейчас не сезон — по-настоящему они работают только летом.

Понедельник, 29 октября. При въезде во все города мы видели лозунги: «Keine Juden erwünscht» («Евреям не нужны») «Juden sind unser Unglück» («Евреям наше несчастье») и другие, иногда составленные с злобной издевкой. В Эрфурте все свидетельствует о процветании, в знаменитом городе Веймаре, связанном с именем Гёте, ощущается все та же усиленная промышленная активность. Мы проехали через Биттерфельд, где находится большой завод, производящий военное снаряжение: там дело идет полным ходом, трубы дымят всюду, а огромные заводские корпуса ярко освещены сверху донизу. В Виттенберге, в ресторане маленькой гостиницы, почти все столики были заняты: здесь крупный завод отравляющих веществ предоставляет людям работу и придает городу Лютера весьма оживленный вид. На стенах в старой гостинице висят портреты Гинденбурга и Гитлера одинаковой формы и величины, а также третий портрет поменьше — доктора Геббельса. Я спросил коридорного, почему нет портрета генерала Геринга. Он с усмешкой отвернулся от меня.

От Виттенберга до Берлина мы добрались за два часа — это была очень приятная ночная поездка. Всего мы находились в пути четыре дня. Нам обоим путешествие обошлось в двести марок, не считая бензина, который мы покупали в кредит, как обычно делают дипломаты; счета на него будут присланы в Берлин.

Вторник, 30 октября. Мой трудовой день, как обычно, начался в половине десятого. Сотрудники посольства и служащие пришли позже меня. Они считают, что дипломат не должен являться в посольство раньше половины одиннадцатого или одиннадцати, а служащие и машинистки приходят к десяти. Такой точки зрения придерживаются главным образом американцы, служащие в Берлине. Французы и англичане обычно начинают работу в девять и расходятся по домам в шесть или в семь часов вечера.

В полдень мне нанес официальный визит по всей форме новый русский посол Яков Суриц, человек очень

достойного вида, безукоризненно одетый и с прекрасными манерами — в этом смысле он очень похож на французского посла. Мы почти целый час беседовали по-немецки на экономические темы.

Четверг, 1 ноября. В полдень пришел профессор Коур. Он почти не изменился, но стал гораздо нетерпимее к нацистскому режиму, чем летом 1933 года. То, что он рассказал, свидетельствует о росте враждебности к Гитлеру в Германии. День или два назад он сидел в вестибюле одной гостиницы, ожидая друга, с которым боялся увидеться у него на квартире. Рядом сидели две женщины, которые вязали, отдыхая после завтрака. Одна из них сказала: «Знаете, они убили моего племянника». Другая, по-видимому, несколько не удивилась, но лицо ее выразило глубокое возмущение.

Коур рассказал, что в Гамбурге, в одной закусочной, люди так открыто выражали свое недовольство, что ему пришлось уйти, иначе его могли счесть их соучастником. Тем не менее Коур намерен читать курсы лекций в германских университетах по вопросам культуры, и ему обещана полнейшая свобода. По его словам, Гитлер сообщил ему, что намерен присутствовать на его первой лекции в Мюнхене.

Сегодня ко мне во второй раз приходил доктор Георг Солмсен, один из богатых немецких евреев, который долгое время был президентом германского эмиссионного банковского общества. Год назад, вскоре после того как я выступил в Торговой палате, он пришел и довольно подробно рассказал мне свою печальную историю. Сейчас он как будто несколько примирился с гитлеровским режимом и хотел бы провести месяц в Нью-Йорке, Чикаго и Вашингтоне. Поскольку он очень хорошо знает финансовое положение в Европе, я дал ему рекомендательные письма к Генри Моргентау-младшему и к Дэниэлу Роуперу. Он сказал, что часто встречается с доктором Шахтом, и я подозреваю, что истинная цель его поездки — успокоить американских евреев. Что ж, пусть он сам убедится, как оба Моргентау, отец и сын, нетерпимы к теперешнему германскому режиму.

В шесть часов я нанес ответный официальный визит советскому послу Сурицу. Он непринужденно рассказы-

вал об экономической жизни России, и, слушая его, я заподозрил, что русские ведут переговоры с Гитлером, хотя нацисты и ненавидят их. Мне кажется, Гитлер не прочь заключить пакт с Советским Союзом наподобие того, который он заключил с Польшей, главным образом чтобы припугнуть французов. Буду внимательно следить за этим.

Пятница, 2 ноября. Приходил Фредерик Эхснер, представитель агентства Юнайтед Пресс, и рассказал о том, как на прошлой неделе, когда я ездил в Мюнхен, он невольно дезинформировал свое агентство относительно положения лютеранской церкви. Перед отъездом я попросил его точно сообщить мне, как обстоят дела в Баварии и Вюртемберге, где арестованы два епископа. Представленный им доклад показал, что сообщения Ассошиэтед Пресс и лондонских агентств большей частью не соответствуют действительности. Сегодня утром он сказал:

— Я хочу исправить свое прежнее сообщение и объяснить, как все получилось; в нем содержится неправильная информация. Не знаю, как мог наш человек в Южной Германии все перепутать.

Мне было известно, что его местный корреспондент — немец, сочувствует нацистам и не посмел сообщить ему подлинные факты. Я рад, что Эхснер готов признать свою ошибку. Мне кажется, его агентство в Нью-Йорке заинтересовано в том, чтобы он относился к Гитлеру как можно сочувственнее.

Сегодня я по приглашению американского клуба завтракал в ресторане великолепного отеля «Эспланада», в одном из самых красивых залов, какие мне доводилось видеть. Председательствовал новый генеральный консул Дженкинс, а официальным германским представителем был доктор Дикгоф. Дженкинс прочел целую лекцию о жизни и культуре Китая и не сказал ни одного слова, которое могло бы скомпрометировать его. Я всегда считал, что нужно либо сказать что-нибудь существенное, либо вообще ничего не говорить, хотя в подобной обстановке я ни разу не высказал публично что-либо такое, что можно было бы отнести непосредственно к современному режиму.

Вторник, 6 ноября. Сегодня меня пригласил на прогулку профессор новой истории Берлинского университета Вольфганг Виндельбанд. В половине шестого уже стемнело, и, я уверен, Виндельбанд был рад этому. Он говорил о лекции, которую ему предстоит прочесть 14 ноября в Американском женском клубе на тему: «Деятельность Бисмарка в период 1870—1871 годов». Он сказал, что подробно остановится на ошибке, которую сделали военные, когда потребовали аннексии Эльзаса-Лотарингии целиком, вместо того чтобы присоединить к Германии только Эльзас, где население говорит по-немецки. До сих пор я не встречал ни одного немецкого историка, который бы правильно понимал позицию Бисмарка в то время, когда Франции был навязан договор 1871 года. Любопытно, что Виндельбанд не одобряет Бисмарка за то, что он включил в состав рейха Лотарингию.

Вскоре профессор заговорил о положении университетов при гитлеровском режиме. Положение это, как он сказал, просто критическое. Если оно не изменится, все университеты Германии за какие-нибудь два года придут в полнейший упадок. Потом Виндельбанд рассказал мне о том, как ему довелось принимать государственные экзамены на право преподавать историю в средних школах. Председателем комиссии был местный главарь нацистов. Два других экзаменатора, тоже нацисты, хотели, чтобы экзаменующийся ответил на ряд вопросов так, как этого требует нацистская идеология. Но экзаменующийся строго придерживался того, чему учили в вузах до 1933 года. Виндельбанд считал, что экзаменующийся отвечал правильно. Двое нацистов не соглашались с этим. После горячего спора было решено, что экзамен сдан, несмотря на протесты некоторых нацистов. Председатель, нацистский главарь, голосовал вместе с профессорами. Виндельбанд считает этот случай серьезной победой.

Он добавил, что борьба, которую ведет сейчас церковь, оказывает неоценимую помощь университетам. Я согласен, что борьба эта имеет некоторые перспективы, но сомневаюсь, поддержат ли католики лютеран; если нет, преподаватели университетов обречены на поражение. Католики не всегда терпимы к свободе религии и слова, а римский папа находится в союзе с тоталитаризмом.

литарной фашистской группировкой в Испании, убивающей своих противников по примеру немецких и итальянских фашистов.

Но, как знать, возможно, немецкие лютеране-кальвинисты все же одержат победу. В настоящее время за неподчинение уволено более тысячи лютеранских священников, и теперь им грозит голодная смерть, а ведь почти у каждого из них есть семья. Разумеется, если все, кто исповедует протестантскую веру, будут крепко держаться друг за друга, они добьются своего, но как осуществить такое единство, если верующие почти лишены связи друг с другом?

Четверг, 8 ноября. Мэтти, Марта и я завтракали сегодня вместе с английским послом и со знаменитым австрийским музыкантом Рихардом Штраусом. Насколько я помню, приблизительно 13 октября я спрашивал у сэра Эрика Фиппса, заключен ли пакт между Англией и Нидерландами, по которому Англия гарантирует голландские владения на Дальнем Востоке, а Нидерланды, в случае если Германия или Япония или обе эти страны вместе спровоцируют новую войну, откроют для английского флота свои гавани. Он сказал тогда, что ничего не знает о таком пакте. Я спросил его также, действительно ли концерн «Армстронг-Виккерс», близко связанный с английским правительством, продал Германии большую партию военных материалов перед самым приездом английской делегации для переговоров об уплате долга за ланкастерскую пряжу. На оба вопроса он тогда ответил отрицательно, но обещал заехать ко мне, если что-нибудь узнает. С тех пор он ко мне не заезжал.

За завтраком не было никаких откровенных разговоров. После того как все встали из-за стола, сэру Фиппсу удалось избежать беседы со мной наедине, хотя все заметили это. Мы говорили с ним сегодня только в присутствии других. Он впервые поступил со мной таким образом. Я убежден, что агенты Армстронга действительно продали немцам военные материалы и получили плату за них золотом в то самое время, когда ланкастерцам было заявлено, что уплатить им нечем. Я постараюсь выяснить это, чтобы сообщить все факты в Вашингтоне, когда приеду туда.

В четыре часа я посетил голландского посланника и спросил у него о нидерландско-английском пакте. Он сказал, что такого пакта нет, но признался, что ездил в Лондон, надеясь сделать что-либо в этом направлении. По его словам, Нидерландам либо придется участвовать в следующей европейской войне, либо они будут присоединены к Германии. Он уверен, что война близка.

Я рассказал ему, что, как полагают, сэр Генри Детердинг¹² намерен вскоре приехать и повидаться с Гитлером. Об этом посланник ничего не слышал. Тогда я спросил:

— Правда ли, что сэр Генри поддерживает сэра Освальда Мосли, лидера английских фашистов?

Он ответил:

— Я хорошо знаю его и уверен, что он охотно даст Мосли сто тысяч фунтов стерлингов, чтобы помочь ему победить на выборах.

— В таком случае, он, вероятно, приедет сюда, чтобы заключить с Гитлером сделку и монопольно завладеть германскими рынками для сбыта своей нефти и бензина? — спросил я.

На это посланник ответил:

— Я слышал, что недавно в Лондоне у них состоялось совещание с представителем компании «Стандард ойл» относительно их взаимоотношений в Европе, поэтому сомневаюсь в том, чтобы у сэра Генри мог быть такой план.

Мы поговорили еще немного и пришли к полному единодушию по всем важным вопросам, касающимся угрозы войны в Европе, а также на Дальнем Востоке, после чего я откланялся. Посланник сказал, что завтра уезжает в Гаагу, а когда вернется, зайдет ко мне поговорить.

Пятница, 9 ноября. Сегодня утром я узнал, что между Германией и Россией идут переговоры о продаже России немецких товаров с предоставлением рассрочки на пять лет. Чтобы выяснить это более точно, я послал за Арманом Бераром. Когда он пришел, я по секрету рассказал ему то, что мне удалось узнать. Он был несколько встревожен, но ничуть не удивился и обещал сообщить мне, если ему что-либо станет изве-

стно. Так как Буллит не достиг никаких реальных результатов в своих переговорах о долге России Соединенным Штатам, составляющем сумму в 200 миллионов долларов, и сейчас возвращается в Вашингтон, я, если мне удастся, постараюсь поскорее разобраться в этом вопросе и сообщу все по телеграфу в государственный департамент.

Два дня назад на приеме в русском посольстве присутствовало много высокопоставленных германских деятелей и генералов рейхсвера, а это уже кое о чем говорит, хотя Гитлера, Геббельса и Геринга там не было. По-моему, рейхсвер, министерство иностранных дел и сторонники империи все дружно настаивают, чтобы Гитлер заключил пакт с Россией, как это было сделано с Польшей в 1933 году, что удивило весь мир. Их цель — изолировать Францию и приобрести рынок для сбыта немецких товаров, как уже сделала однажды Германия при прежнем режиме. Русские же хотят дать понять Соединенным Штатам, что придают им не очень-то большое значение¹³. Все это предвещает мир на несколько лет, то есть до тех пор, пока Германия не будет готова занять господствующее положение в Европе.

Суббота, 10 ноября. Сегодня вечером мы слушали итальянский концерт, на который посол Черрути и его супруга пригласили весь дипломатический корпус. Концерт был превосходный. После первого отделения я поговорил немного с польским послом, который лишь недавно возведен в этот ранг. Он сказал, что, по его мнению, русско-германский пакт сейчас готовится, а может быть, даже уже подписан.

Воскресенье, 11 ноября. Вчера приходил Джеймс Макдональд, который надеялся повидать некоторых членов германского правительства. Доктор Шахт отказался принять его, хотя сам назначил ему аудиенцию на 9 ноября. Завтра Макдональд встретится с заместителем Шахта. Он надеется уговорить немцев разрешить евреям, которых насильственно вынуждают покинуть Германию, взять с собой хотя бы часть своего имущества.

Сегодня у нас завтракал профессор Серинг, который лучше, чем кто-либо из известных мне людей, знает эконо-

мическую и сельскохозяйственную жизнь современного мира. Он опять горячо и совершенно открыто выражал несогласие с философией и практической деятельностью Гитлера. Его жена была еще более безрассудна. Оба они не очень-то усердные христиане, но регулярно посещают церковь доктора Нимеллера в Далеме и радуются, что лютеране воспротивились попытке насильно объединить всех немцев в одну церковь — «Deutsche Christen».

На завтраке также присутствовал граф фон Бернсторф, племянник бывшего германского посла в Вашингтоне. Граф тоже открыто критиковал самовластие, которое, как он сказал, означает для Германии гибель на долгие десятилетия. Был у нас и еще один гость, который незадолго перед тем очень откровенно высказывался в Берлинском спортивном клубе. Сегодня на нем был значок нацистской партии, и я с удивлением подумал, что он, по всей видимости, намерен сообщить в министерство пропаганды каждое слово, которое говорится у нас за столом. Из меня ему ничего не удалось вытянуть. Профессор не обращал на нациста никакого внимания, он говорил еще более открыто, чем раньше, и объявил, что состоит в родстве с сыном знаменитого адмирала фон Тирпица, что несколько заинтересовало нациста. Это был очень своеобразный завтрак. Когда все разошлись, Марта заметила, что Бернсторф наговорил много лишнего в присутствии нациста и она боится доноса.

Понедельник, 12 ноября. В посольство пришел директор американской компании «Фокс филм» и рассказал, что несколько дней назад на конференции кинодеятелей в министерстве пропаганды от него потребовали, чтобы в американских фильмах, предназначенных для демонстрации в Германии, содержались выпады против Соединенных Штатов. Директор компании не согласился с этим, сославшись на то, что подобная пропаганда еще больше возмутит общественное мнение в Соединенных Штатах. Германские заправилы в области кино заявили, что им безразлично, что говорят или думают американцы о немцах. Он просил меня помочь ему в случае, если за неподчинение приказу у него будут неприятности. Единственное, что я мог обещать ему, —

это попросить нашего генерального консула Дженкинса сделать для него все в рамках закона и существующих договоров. Мне кажется, что продукция компании «Фокс филм» будет запрещена; то же самое грозит и некоторым другим компаниям.

Вторник, 13 ноября. Сегодня утром я нарушил свое обычное правило и поехал в ратушу, чтобы послушать речь Геринга перед членами германской юридической академии — это нечто вроде здешней коллегии адвокатов. Когда я приехал, роскошный зал уже был набит до отказа. В той части зала, где мне было отведено место, на столике, прикрепленном к спинке каждого кресла, лежал большой конверт с превосходно отпечатанными брошюрами, в которых излагаются германские претензии ко всему миру, и в первую очередь проблема Саара. Нейрат написал для одной из брошюр краткую мотивировку германских претензий.

Председательствовал Ганс Франк¹⁴ — германский министр юстиции. Прошлым летом Франк едва не был убит, потому что осмелился навести справки о нескольких узниках, содержащихся в концлагере близ Мюнхена. Однако ему как-то удалось выпутаться из этой истории. Это было 30 июня. Я невольно вспомнил об этом, когда он встал и приветствовал Геринга обычным «Хайль Гитлер», — это обязано делать при всяком случае все германские государственные деятели.

Геринг приехал в форменной коричневой рубашке, грудь его была сплошь увешана почетными знаками и медалями. Подойдя к трибуне, он повернулся к публике, вытянул правую руку, поклонился и крикнул: «Хайль Гитлер!» Подобные демонстрации мне всегда были не по душе. Они неизменно поражают меня своей нелепостью. Но некоторые другие дипломаты ответили Герингу: «Хайль Гитлер». Нейрат и министр финансов Шверин-Крозигк, как мне показалось, присоединились к ним с большой неохотой.

Все сели, и Геринг начал свою речь, в которой вновь подчеркивалась необходимость беспрекословного повиновения каждого немца фюреру. Ни малейшего ослушания не должно быть. Когда оратор вкратце объяснил причины убийств, совершенных 30 июня, он ничем не показал, что допускает хотя бы малейшую возможность

ошибки. Народы всех других стран осудили действия Гитлера, хотя он и заявил, что спасает Германию от катастрофы; это его заявление прозвучало просто глупо: «Нам не нужны были обвинения, доказательства и судебные процессы. Мы убивали врагов народа».

Всем известно, что Геринг отдал приказ расстрелять людей, против которых не было не только улик, но и подозрений в измене. В своей речи этот жирный генерал заявил, что нацисты будут без колебаний рубить головы тем, кто не подчиняется Гитлеру и его указам. В речи его было много подобных крикливых заявлений. Они, разумеется, не появились в печатном тексте, опубликованном газетами. Поскольку корреспонденты иностранной прессы в зале не присутствовали, нигде не было опубликовано сенсационных сообщений, а германские судьи и юристы получили подробнейшие инструкции, как им впредь действовать.

Четверг, 15 ноября. Ко мне заходил генеральный консул Дженкинс, который рассказал о своей работе, а потом сообщил, что один из служащих министерства пропаганды, встретившись со служащим консульства за завтраком, заявил, что Дженкинс — такой же враг Германии, как и бывший генеральный консул Мессерсмит. По словам немца, в министерстве пропаганды имеется текст последнего доклада Дженкинса, посланного в Вашингтон, который неоспоримо доказывает это. Генеральный консул был очень раздражен. Он послал в Вашингтон всего один доклад, да и то по специальной просьбе президента. Это был отчет об использовании немецких безработных в сельском хозяйстве, и я внимательно прочел его. Там не было никакой критики — только краткое содержание всех заявлений, сделанных министром сельского хозяйства Дарре.

Но если бы даже все это было правдой, глупо, что сотрудники министерства Геббельса разглашают подобные вещи. Это лишь выводит из равновесия нового, очень ответственного американского дипломатического работника и свидетельствует о постоянной слежке, — после этого все мы теперь будем настороже. Доклад Дженкинса преспокойно пролежал у меня на столе три дня, так как у нас он не считался секретным документом.

В половине девятого я поехал в отель «Адлон», чтобы послушать лекцию министра просвещения Руста о культуре и образовании в Германии. Вечер этот устроил Альфред Розенберг, который лично встретил меня у входа. Фотографы сняли нас, когда мы обменивались рукопожатием. Мне это доставило мало удовольствия, так как среди германских деятелей он, на мой взгляд, меньше всех думает и больше всех болтает. Меня снова сфотографировали, когда я пожимал руку генералу Фричу, командующему рейхсвером, который, я уверен, в душе враждебен всему тому, что воплощают в себе Руст и Розенберг.

Когда Руст начал свою лекцию, стало ясно, что мы не услышим ничего, кроме пропаганды. Он говорил о героической борьбе партии, о вдохновенной деятельности Гитлера и о необходимости учить детей только верности государству и строгой дисциплине, как духовной, так и физической. Лучший способ воспитывать молодых людей — это первые шесть лет держать их в деревне, потом отдавать в деревенскую же начальную школу, и наконец от двенадцати до восемнадцати лет они должны учиться в классических учебных заведениях. Так они станут хорошими гитлеровцами и мужественными немцами, готовыми умереть за свою расу и родину. До двенадцати лет необходимо исключить всякие религиозные влияния. Слушатели горячо аплодировали. Это было еще одно проявление того образа мыслей, или, вернее, отсутствия всяких мыслей, которое здесь видишь на каждом шагу. Неужели мыслящая Германия покорится?

Пятница, 16 ноября. Вернулся Л. В. Стир, наш атташе по сельскохозяйственным вопросам, который провел месяц в Соединенных Штатах. Он рассказал, что там состоялись два совещания заместителей государственного секретаря и министра сельского хозяйства. Участники этих совещаний резко выступили против своих начальников Хэлла и Уоллеса — сторонников политики свободной торговли в той форме, в какой ее можно проводить в настоящее время. Ничего удивительного, что бюрократы-заместители, уцелевшие от прошлого руководства, все еще придерживаются старых протекционистских взглядов, хотя наиболее передовые

люди считают, что протекционизм был одной из главных причин кризиса 1929—1934 годов.

Потом пришел мистер Пирс из компании «Интернэшнл дженерал электрик» с просьбой поскорее поддержать перед государственным департаментом предложение Сименса о прокладке кабеля для связи между Германией и Соединенными Штатами. Этот проект разработан крупнейшими европейскими электрическими компаниями совместно с бременскими импортерами хлопка и имеет целью связать кабелем Германию с Соединенными Штатами, минуя Англию. Тогда Германия получит возможность покупать хлопок на те деньги (10 или 12 миллионов долларов), которые она получит от Соединенных Штатов за прокладку кабеля. В осуществлении этого проекта имеются два препятствия: во-первых, монополия прокладки кабелей принадлежит сейчас Англии, и она может запретить производство работ на всей территории Ирландии и, кроме того, нью-йоркская телеграфная и телефонная компания может не признать проектируемую линию звеном между американской и германской системами связи. Мистер Пирс довольно долго объяснял и доказывал мне все выгоды этого проекта и убедил меня, что дело не лишено смысла, после чего я согласился поручить нашему торговому атташе внимательно изучить его.

Суббота, 17 ноября. Приезжал польский посол Липский, который пробыл у меня около часа. Я поздравил его с тем, что он произведен в ранг посла, и он очень откровенно обсуждал со мной польско-германские отношения. Липский сказал:

— Пакт, заключенный прошлой зимой¹⁵, — дело временное. Германия хочет вновь аннексировать часть нашей страны — об этом ясно свидетельствуют карты, развешанные повсюду. Несколько дней назад я заявил протест против этого, но так и не получил от министерства иностранных дел удовлетворительного ответа. Русские и немцы ведут переговоры о торговом соглашении, наряду с которым, как мне кажется, подготавливается политический и военный пакт, но они держат это в секрете. Главная цель этих переговоров — изолировать Францию.

Он не сказал, что те же самые мотивы обусловили в недавнем прошлом действия его собственного правительства, хотя и подразумевал это.

— Германия, — продолжал он, — намерена вновь аннексировать Эльзас-Лотарингию и значительные части территории Польши, а также Австрию и Чехословакию. Тогда она сможет контролировать Балканскую зону и все Балтийское море. Если Германии это удастся, Европа будет в ее власти.

Разумеется, он не сообщил мне ничего нового, но в устах человека, который содействовал в 1933 году заключению униженного для Франции пакта, это звучало любопытно. Для меня, однако, ясно, что он все еще смотрит на Францию и Англию как на единственную надежду поляков. Он твердо верит во франко-англо-бельгийский пакт, заключенный в июле. По его словам, сотрудничество западных держав — единственное спасение для всех малых стран Европы.

Мне кажется, что господин Липский не очень-то сочувствует диктатуре, хотя никогда не высказывает своей неприязни к реакционному строю в Польше. Как дипломат, он повинуется своему правительству и сохраняет внешнее беспристрастие, даже когда затрагиваются самые щекотливые вопросы.

Вечером мы поехали в Дале на обед к профессору Герману Онкену¹⁶. Библиотека, в которой собрано, вероятно, не меньше четырех тысяч томов книг, была полна гостей — все мы стояли там до тех пор, пока нас не пригласили к столу. Онкен — крупнейший немецкий историк, автор многих книг, но из тех, что я читал, ни одна не отличается беспристрастностью, которая, как мне кажется, необходима в исторических работах, чтобы они достигали своей цели.

Когда обед был подан, один из гостей встал, чтобы поздравить хозяина по случаю его шестидесятилетия. Он прочел прекрасное стихотворение, в котором Онкену воздавалась должная хвала, но было и сатирическое предостережение от ужасного несчастья, которое может постигнуть его, если, не дай бог, у кого-нибудь из его предков была неарийская кровь. Такое же притворно-торжественное предостережение автор преподнес и всем присутствующим, причем сделал это в таких остроумных и искусных выражениях, каких я никогда

еще не слышал. Хотя в каждой строчке стихотворения высмеивалась современная нацистская философия, отсюда нельзя было бы взять ни одной цитаты, которая могла бы послужить судебным обвинением.

Затем встал доктор Фридрих Шмидт-Отт, который в том же шутовском духе процитировал перефразированные стихи Шиллера, подчеркивая величие знаменитого современника Гёте и досадный либерализм этого единственного немецкого поэта, которого нацисты объявили своим идеалом. Потом еще один гость минут десять говорил в том же духе, и наконец доктор Фердинанд Зауэрбрух, знаменитый врач, лечивший Гинденбурга, с большим остроумием подвел итог всем поздравлениям и ловко отпустил несколько комплиментов в адрес фрау Онкен. На протяжении всего вечера гости едко высмеивали философию и действия Гитлера и Розенберга, что доставляло обществу большое удовольствие.

Хотя мы побывали в Берлине на многих обедах в честь президента Гинденбурга, а также во французском и английском посольствах, я нигде еще не встречал такого умного общества. Все гости были специалистами в различных областях истории, литературы и искусства, некоторые занимали высокие посты в прежнем правительстве. Этот прием был как бы вызовом всем немецким ученым, и в сравнении с ним особенно стала заметна вся пустота дипломатических обедов, где не рискуют говорить об истории и литературе, так как никто не знает ни истории, ни литературы, и гости не доверяют друг другу. Мы уехали от Онкена в одиннадцать часов.

Вторник, 20 ноября. Сегодня у нас завтракали мистер Уайт с супругой. На завтраке присутствовал один очень умный и интеллигентный человек — бывший член германского кабинета министров, который подал в отставку, так как резко разошелся во мнениях со своим шефом Штреземанном по вопросам официальной политики. Зовут его Ганс фон Раумер. Присутствовал также доктор Вильгельм Зольф, который в 1905 году был германским послом в Японии; половину года он проводит здесь, а другую половину — в Швейцарии по причине плохого состояния здоровья, а также, вероятно, из-за своего шаткого положения в гитлеровской Германии.

После завтрака Раумер дал правильную оценку эпохи Бисмарка, которую мне впервые довелось услышать от немца:

— Бисмарк многое сделал, но главная его ошибка состоит в том, что он слишком хитро составил конституцию германской империи, и немецкий народ думал, будто живет под властью парламентарного правительства, тогда как на самом деле это была прусская диктатура, осуществлявшая свою власть через Союзный совет, в котором Пруссия всегда имела большинство — семнадцать голосов против шестнадцати — при наличии всех его членов. Таким путем над народом Германии властвовала совершенно антидемократическая группировка.

С 1920 по 1930 год Раумер был депутатом рейхстага, и я понял, что слова его основаны на личном опыте, приобретенном в то время, когда была принята демократическая веймарская конституция 1919 года. Он не сказал, что избирательная система Бисмарка также ввела в заблуждение общественное мнение в старом рейхстаге, хотя, по его словам, этот орган всегда был бессильным против прусского юнкерства, которому принадлежало большинство в Союзном совете. Все это мне известно еще с того времени, когда я учился в Лейпциге, но я никогда не слышал, чтобы германский ученый признал эту антидемократическую систему крупнейшей ошибкой Бисмарка. Раумер добавил, что эта система помешала немецкому народу создать парламентарное правительство. Она же послужила причиной мировой войны.

Четверг, 22 ноября. Сегодня пришел Фрэнк К. Ли, бывший американский генеральный консул в Праге, который теперь назначен первым секретарем нашего посольства и должен занять место мистера Уилсона. Мистер Ли состоял в должности консула в течение двадцати лет; он хорошо говорит на русском и немецком языках и, судя по тем его докладам, которые мне довелось читать, прекрасно знает положение в Европе. Я несколько не сомневаюсь в способностях или служебном усердии мистера Ли, но его визит с целью разузнать, какова обстановка у нас в посольстве, напоминает мне кое-какие интересные факты.

Дав согласие вступить в должность посла, я предупредил, что, если я стану жить, не превышая своего официального содержания, ко мне не должно быть каких-либо претензий. Я не мог играть здесь роль богача, подобно тому как это делал Уолтер Хайнс Пэйдж в Лондоне на средства своей семьи и друзей. Однако вскоре после моего приезда в Берлин я узнал, что тогдашний советник Джордж Гордон будет отозван, а на его место назначен Дж. К. Уайт. И действительно, заместитель государственного секретаря Уильям Филлипс подтвердил, что такой проект существует. Я не понимал цели этого назначения до тех пор, пока несколько месяцев спустя не узнал, что Уайт — один из самых состоятельных людей на дипломатической службе.

В то же время я узнал, что вместе с Уайтом должен приехать Орме Уилсон, а он, как известно, тоже очень богат. Видимо, таким путем в Вашингтоне намеревались компенсировать остававшиеся мне миллионы долларов. Более того, я узнал, что Джэй Пиррепонт Моффет — зять Уайта и Филлипс — дядя Уилсона (оба они занимают высокие посты в государственном департаменте) хотят, чтобы Уайт и Уилсон задавали тон в посольстве.

Вот истинная подоплека сегодняшнего визита Ли. Уайт и Уилсон далеко не в восторге. Мне кажется, Ли — наиболее выдающаяся личность среди всех сотрудников нашего посольства.

Пятница 23 ноября. Сегодня у меня побывал Фрэнк Гэннетт, личный друг президента Рузвельта, он просил, если это возможно, устроить ему встречу с Гитлером. По его словам, в Лондоне очень бояться, что Геринг пошлет на город тысячу самолетов под прикрытием тумана и сотрет его с лица земли прежде, чем англичане успеют принять меры к защите. Я сильно усомнился в этом и заподозрил здесь попытку вытянуть у парламента ассигнования на расширение английских авиационных сил.

Мистер Гэннетт — владелец десятка газет в штате Нью-Йорк. Он сказал, что многие преуспевающие люди в Соединенных Штатах ратуют за установление там фашистского строя во главе с вождем типа Гитлера. В качестве довода они приводят идеальный порядок и от-

сутствие преступлений в Германии. Я рассказал Гэн-нетту о некоторых других сторонах здешнего режима, которые глубоко поразили бы американцев.

В половине первого я поехал в министерство иностранных дел, чтобы вновь заявить протест против дискриминации американских кредиторов. Меня принял Бюлов, и я передал ему документ, уже пятый или шестой по счету, составленный в тех же или почти в тех же самых словах. Бюлов повторил прежнее оправдание:

— Мы не вывозим никаких товаров в Соединенные Штаты и поэтому не можем уплатить вам долги.

Я возразил:

— Этот аргумент я вполне могу понять, но наши держатели облигаций не признают его достаточно веским, считая, что облигации были выпущены вне связи с экспортом. Они готовы согласиться на меньший процент, если французы и англичане тоже пойдут на соответствующие уступки.

Когда он снова сослался на отсутствие торговли, я сказал:

— Это, разумеется, очень печально, и вам, конечно, известно, что американское правительство понижает тарифы, насколько позволяет общественное мнение в нашей стране. Могу довести до вашего сведения, что в начале месяца государственный секретарь Хэлл произнес в Нью-Йорке речь, в которой назвал протекционизм проклятием нашей страны.

Я добавил, что согласен с государственным секретарем, но мы не можем сразу отказаться от прежней политики, когда стольким тысячам рабочих наверняка грозит безработица. Мы изменим ее, как только представится малейшая возможность.

— Но пока мы уничтожаем свои барьеры, — продолжал я, — вы возводите свои, еще более высокие, и создаете систему, которую нельзя будет изменить иначе, как ценой еще более серьезных жертв и осложнений. Как же при таком положении могут улучшиться наши экономические отношения?

Бюлов неохотно согласился с моим замечанием о германском тоталитарном режиме.

Понедельник, 26 ноября. Приходил доктор Арнольд Брехт, бывший член германского кабинета министров,

который теперь читает лекции в Новой школе общественных наук в Нью-Йорке. Я не знал, что он в Берлине, и жалею теперь, что не пригласил его на обед или на завтрак. Он, как мне кажется, очень способный человек и подлинный патриот Германии. Еще год он проведет в Нью-Йорке, а когда вернется сюда в июне будущего года, не знаю уж, что он станет делать. Здесь его не очень-то жалуют, а в Соединенных Штатах для него не найдется работы. Он не еврей, но так же беспомощен или будет беспомощен, как любой из евреев.

Пятница, 30 ноября. В половине пятого я поехал к сэру Эрику Фиппсу, надеясь узнать от него что-нибудь о недавних действиях английского правительства, которые очень похожи на недвусмысленное предостережение в адрес Германии против дальнейшего усиленного вооружения. Он сказал:

— Я поехал в Лондон вечером в прошлую пятницу, 23 ноября. Воскресенье, 25 числа, я провел за городом вместе с министром иностранных дел сэром Джоном Саймоном. Он рассказал мне, какие вопросы будут обсуждаться в среду, 28 ноября, в палате общин, а в понедельник утром я около часа пробыл на заседании кабинета министров, докладывая о положении дел в Германии. Вернулся я в Берлин рано утром во вторник, 27 ноября, и привез с собой меморандум, чтобы вручить его германскому министру иностранных дел. В полдень того же дня этот меморандум я зачитал Нейрату.

Меморандум, который сэр Эрик мне прочел, представлял собой решительное предупреждение Германии по двум линиям. В нем отмечалось, что, по проверенным неопровержимым сведениям, Германия тайно вооружается, причем особенно она расширяет свои военно-воздушные силы, и обращалось внимание германского правительства на то, что это тайное, непрерывное вооружение возмущает мировую общественность. Члены английского кабинета министров просили Нейрата поправить их, если они ошибаются.

Ознакомив меня с меморандумом, сэр Эрик продолжал:

— Меня пригласили к канцлеру в тот же день в пять часов. Я прочитал ему некоторые выдержки из английского меморандума. Через секунду он вскочил, забежал

по комнате и, размахивая руками, заявил: «Все страны вокруг меня вооружаются. Сами они имеют десять тысяч самолетов и еще выражают недовольство тем, что мы, немцы, имеем тысячу!» Он продолжал кричать и суетиться. Нейрат присоединился к нему. Я ушел отсюда с чувством сильнейшего отвращения. На другое утро мне позвонил Нейрат и попросил приехать в министерство. Он пригласил меня в свой кабинет и пытался как-то сгладить неприятное впечатление, которое произвел на меня канцлер, и в особенности оправдать свое собственное поведение. Вы же знаете, министр иностранных дел не отличается последовательностью и твердостью характера.

Я сказал:

— Конечно, Нейрат боится Гитлера и поэтому в присутствии посторонних всегда соглашается с ним.

Затем сэр Эрик объяснил мне цели английской политики и рассказал о дебатах, имевших место в парламенте в среду вечером, 28 ноября. Выслушав его, я заметил:

— Мне кажется, ваше правительство поступило очень разумно, и меня радует, что американский государственный департамент обо всем поставлен в известность.

После этого я осведомился о возможности англо-американского соглашения по поводу морской проблемы на Дальнем Востоке. Он сказал, что не слышал в Лондоне никаких мнений по этому поводу, но сам лично убежден, что наши страны могут достичь соглашения. В случае если Япония не пожелает сотрудничать с нами и станет усиленно расширять свой флот, Англия не будет возражать против укрепления мощи американского флота. Он считает гонку морских вооружений глупостью, но Япония, как видно, настроена очень агрессивно.

Относительно этих острых проблем я снова прихожу к тому же выводу, что и в 1933 году: если Англия и Соединенные Штаты согласятся гарантировать независимость Филиппин и признают существующий в данное время статус на Дальнем Востоке, опасная гонка морских вооружений прекратится, и на Тихом океане будет водворен мир. Достигнув этого, обе державы смогут выступить единым фронтом против агрессивной Германии на следующей конференции по разоружению, а Россия и Франция поддержат их, и мир в Европе будет упрочен.

Все это я подробно изложил государственному секретарю и президенту, причем английский и французский послы оба полностью согласились со мной, так же как и голландский посланник, который всегда настороже и всем живо интересуется.

Хотя я в этот день много работал, мы поехали в берлинский оперный театр послушать оркестр под управлением Эрика Клейбера; говорят, что он наполовину еврей, но ему удастся по-прежнему выступать в Берлине. Это был очень интересный концерт, причем театр охранял усиленный наряд полиции. Полиция была здесь потому, что ожидалась демонстрация со стороны присутствовавших на концерте нацистов против исполнения музыки австрийского еврея Берга, запрещенной германскими законами. Когда произведение Берга было сыграно, кто-то в передней ложе крикнул: «Хайль Моцарт», — это должно было послужить сигналом для возмущения со стороны публики. Но возмущения не последовало.

Суббота, 1 декабря. Представители иностранной прессы устроили свой традиционный обед и бал в отеле «Адлон». Мы были гостями мисс Зигрид Шульц. За одним столом с нами сидели английский посол, генерал фон Рейхенау, временно занимающий должность начальника штаба германской армии, и несколько английских и американских гостей. Французский и русский послы, генерал Фрич и доктор Геббельс сидели за другим столом. Они держались очень дружески, хотя известно, что Франсуа-Понсэ и Геббельс ненавидят друг друга, а отношения между Фричем и Геббельсом натянутые. Нейрат приехал поздно и не остался обедать. Как говорили, ему не смогли предоставить подобающее его положению место. Его следовало бы посадить за один стол с Геббельсом, а это было бы очень неловко.

Воскресенье, 2 декабря. Сегодня я получил из Штутгарта сообщение о событии, которое произошло там в среду, 28 ноября. Альфред Розенберг, который официально признан главой нацистских философов, поехал в Штутгарт, столицу Вюртемберга, на родину Нейрата, дабы проповедовать жителям Южной Германии идеи преданности священному гитлеровскому государству. Он сетовал на плохие отношения между древней католиче-

ской церковью и Первым рейхом — Священной Римской империей. «Нельзя допустить, чтобы религия ослабляла власть государства над народом. Правильно лишь то, что полезно для Германии, и мы оставляем за собой абсолютное право переделывать в стране все так, как оно должно быть. Немецкие национал-социалисты создадут общественный порядок на основе священного мистицизма средних веков». В заключение он сказал: «Вы все знаете, что в Мюнхене есть сенаторский зал в Коричневом доме, в нем шестьдесят одно место, и он еще ни разу не использовался. Мы ждем только приказа нашего вождя, чтобы, собравшись в этом зале, заложить основы будущего священного порядка в Германии».

Эта цитата дает представление о всей лекции Розенберга и о странном мистицизме, овладевшем умами огромного большинства германского населения, если придавать хоть какое-то значение выборам 12 ноября 1933 года и 19 августа 1934 года. Подобные же речи чуть ли не каждый день произносят Гитлер, Геринг, Геббельс, Дарре, Лей и более мелкие деятели, но к ним никогда не присоединяются университетские профессора и священники, за исключением служителей, «Deutsche Christen». Газеты всегда повторяют их высказывания с одобрением.

Все официальные лица, солдаты и офицеры СС и СА, а также некоторые офицеры рейхсвера в Штутгарте были обязаны присутствовать на лекции Розенберга. Их набралось восемь тысяч человек, все они кричали «Хайль Гитлер» и бурно аплодировали, когда Розенберг резко нападал на церковь за то, что она противится Gleichanschaltung (полному подчинению государству). Всего лишь за неделю до этого вюртембергский епископ протестантской церкви был освобожден из тюрьмы и восстановлен в своем сане по единодушному требованию верующих. И тем не менее Розенберг, не зная меры, в том же самом городе поносил верующих, не подчиняющихся религии Вотана, которую он стремится утвердить. Гитлер побывал в Штутгарте за неделю перед ним и действовал подобным же образом. Значит ли это, что Розенберг возобновил поход против религии?

Еще один интересный факт, иллюстрирующий современное положение в стране: член университетской студенческой организации, запрещенной недавно по при-

казу правительства, рассказал сотруднику нашего посольства, что несколько дней назад один видный деятель пригласил к себе на обед группу студентов, членов студенческого клуба. К общему удивлению, когда все уже собирались сесть за стол, в дверях появился офицер СА с отрядом солдат. Офицер запретил вечеринку и хотел разогнать всех гостей, как вдруг один студент из Саара заметил, что такой оборот дела очень интересует его и он непременно напишет о нем своим саарским друзьям. Тогда офицер сразу же разрешил обществу остаться. Я не уверен, что все в этой истории соответствует истине, но она очень похожа на то, что мне уже известно, поэтому я и занес ее в свой дневник.

Понедельник, 3 декабря. Меня посетил профессор из Кельна, известный архитектор, который только что вернулся из Вашингтона, где он виделся с Роупером и другими членами кабинета. Он оставался у меня недолго и с большим интересом и живой симпатией говорил о Соединенных Штатах. Но многое из того, что он сказал, показывает, как встревожен и в каком затруднительном положении находится германский посол в Соединенных Штатах Лютер. Он, по всей видимости, не нацист и не одобряет режим, победивший в Германии. Но тем не менее он должен отстаивать интересы своей страны и оправдывать опасную политику, которую проводит германское правительство. Если он уйдет в отставку и вернется к себе в Эссен, положение его будет нелегким. Если же он останется в Вашингтоне, ему придется действовать вразрез со своими убеждениями. Такова судьба многих видных немецких деятелей за границей.

Вторник, 4 декабря. Ко мне приходил полковник Дидс. Он — представитель Национальной компании по учету наличных денег, а также нью-йоркского национального банка. Его сын предстал в сентябре перед сенатской комиссией Ная и должен был дать показания о продаже оружия Германии компанией, в которой он занимает высокий пост, поскольку подобные сделки нарушают американо-германский договор. Я не раз встречался с Дидсом прежде. Это добродушный делец, который прикидывается ярым приверженцем Рузвельтов-

ского «нового курса». Он считает меня наивным ученым, не способным понять истинную подоплеку тех сделок по продаже немцам вооружения, которые наши промышленники усиленно старались заключить в последние полтора года. Дидс сказал, что он целиком за всеобщее разоружение. Вместе с тем я узнал от него, что его компания имеет обширные деловые связи со знаменитой фирмой Круппа в Эссене. Крупп получает 20 процентов прибыли с товара, проданного в Германии.

Я получил известия из Вены: Мессерсмит справляется со своим трудным делом хорошо и даже превосходно. Насколько я понял, германский посланник Папен бездействует, в Вене к нему относятся неприязненно и весь дипломатический корпус по существу игнорирует его. Видимо, дело обстоит именно так. Нацисты намеревались убить Папена еще в июне, потом его сняли с поста вице-канцлера и вопреки желанию министерства иностранных дел назначили посланником в Вену. Вся Европа знает, какую двурушническую роль играл Папен со времени его пребывания в Вашингтоне и по сей день. Сейчас бедняга в Берлине. Его сын находится в принудительном трудовом лагере близ Ютербога и даже более несчастен, чем его отец. Мне кажется, он хороший юноша, но в Германии ему не выдвинуться, и он не знает, как пробить себе дорогу, а если он пожелает уехать за границу, то сможет взять с собой только десять марок (три доллара на американские деньги).

Кроме того, из Вены сообщают, что Муссолини согласился заключить с Австрией договор о взаимопомощи, а Венгрия укрепила связи с Италией, особенно в экономической области, что вызывает неудовольствие со стороны Германии. Югославы все еще угрожают Италии, потому что наемники Муссолини убили их жестокого и самовластного короля. Россия, Польша, Германия, Турция и Австрия вот уже много лет ведут эту варварскую игру.

Среда, 5 декабря. Сегодня приходил Норман Эббетт из лондонской газеты «Таймс», чтобы рассказать о результатах протеста против вооружения Германии со стороны английского правительства; протест этот был направлен Гитлеру после того, как Англия и Соединенные Штаты продали Германии оружия на много миллио-

нов долларов. Эббетт полагает, что английское правительство потребует созыва конференции по разоружению в феврале или в марте. Два дня назад была напечатана его статья, правдиво освещающая религиозные противоречия в Германии. Немцы запретили продавать этот номер «Таймса» и обрушились на Эббетта. Он был не на шутку возмущен. Я напомнил ему, что здесь часто поступают подобным образом с представителями английской и американской прессы.

Пятница, 7 декабря. В половине девятого мы поехали на обед к нашему военному атташе полковнику Уэсту. Там мы встретили жену генерала Фрича, командующего рейхсвером, которая сказала, что ей и ее мужу запрещено бывать на дипломатических обедах и приемах. Присутствовал также главнокомандующий рейхсвером к северу и востоку от Эльбы, но никто не заговорил о проводимой по всей стране деятельности, направленной на вооружение Германии. Германский военный атташе в Вашингтоне сказал много интересного относительно военной истории Соединенных Штатов. Он знает историю Гражданской войны так хорошо, как ни один из наших атташе здесь не знает военную историю Германии.

Я думаю, что выборы в Сааре, которые состоятся 13 января, будут иметь неприятные последствия. Если дело дойдет до открытого столкновения, половина Германии примкнет к противникам существующего строя. Если католики поддержат протестантов, гитлеровский режим пошатнется. Если же католики останутся в стороне, Гитлер расстреляет многих протестантских священников и заставит всех повиноваться себе. Однако раньше февраля я не жду никаких серьезных событий.

Понедельник, 10 декабря. Сегодня к завтраку у нас собралось небольшое общество. Эббетт подтвердил полученное мной в середине октября сообщение о том, что одна англичанка, связанная с гитлеровской группировкой внутри Англии, приезжала сюда перед самыми переговорами английской делегации о ланкастерском долге с целью продать немцам вооружение производства концерна «Армстронг-Виккерс». Английский посол, если верить его словам, сказанным мне ранее, «ничего не знал

об этом». Однако теперь я уверен, что в английском посольстве все было известно.

У меня был долгий разговор с французским послом Франсуа-Понсэ. Он согласился, что действия англичан две недели назад заставили немцев осознать опасность своего положения и согласиться на проведение конференции по разоружению после саарских выборов, назначенных на 13 января. Однако он добавил:

— Когда конференция начнется, немцы потребуют каких-нибудь аннексий, и ввиду их агрессивных устремлений мы вынуждены будем отказать им. Это сорвет конференцию.

Сегодня в одиннадцать часов утра голландский посланник подтвердил мне то же самое, что на прошлой неделе сказал бельгиец:

— Если Германия выиграет войну в Европе, она аннексирует Голландию.

Он в этом совершенно убежден и очень встревожен тем, что японцы не признают Вашингтонский договор¹⁷.

— Если Соединенные Штаты и Англия не вырабатывают единую политику на Дальнем Востоке, — продолжал голландский посланник, — войны не миновать. Англия потеряет Гонконг и другие свои концессии в Китае; Филиппины, принадлежащие Соединенным Штатам, будут захвачены Японией, а мы, голландцы, потеряем свои дальневосточные владения, которые принадлежат нам вот уже триста лет.

Вторник, 11 декабря. В полдень мы поехали познакомиться с Нейратом. Он заставил меня ждать минут десять или больше и даже не извинился, хотя потом мы беседовали около четверти часа, и он держался очень сердечно. Когда я откланялся и поздравил министра с наступающим рождеством, он попросил передать наилучшие пожелания государственному секретарю Хэллу и добавил:

— Я совершенно согласен с его торговой политикой, но не согласен с современной германской долей в американской внешней торговле и с двусторонней программой. Она не будет иметь успеха.

То же самое сказал Шахт в сентябре, в присутствии нескольких иностранных дипломатов, когда он был у нас в гостях.

Зайдя ненадолго в посольство, я поехал в Клуб автомобилистов, где должен был в половине второго позавтракать с Дикгофом, Давидсоном и Риттером — сотрудниками министерства иностранных дел. Целых полтора часа они убеждали меня посодействовать в Вашингтоне заключению договора между Германией и Соединенными Штатами, по которому Германия пользовалась бы льготными таможенными тарифами, а взамен покупала бы больше хлопка, меди и свиного сала. В ответ на это я выдвинул два возражения. Во-первых, существующий в настоящее время договор не соблюдался и, во-вторых, в результате событий 30 июня, преследований верующих и общего ощущения, что Германия готовится к агрессивной войне, общественное мнение в Соединенных Штатах очень неблагоприятно по отношению к Германии. После этого мы поговорили о недавнем компромиссе, достигнутом между Германией и Францией по вопросу о плебисците в Сааре как о важном положительном факторе в деле предотвращения войны.

Когда мы вновь коснулись животрепещущей темы о договоре, я сказал:

— Если бы вы не денонсировали 14 октября существующий договор без нашего согласия, государственному департаменту при нынешнем общественном мнении в Соединенных Штатах было бы гораздо легче возобновить этот договор или пролонгировать его на год или два без санкции сената. Но теперь, когда Германия отказалась от договора, нелегко убедить конгресс рассмотреть вопрос о новом договоре. В январе комиссия Ная будет расследовать вопрос о войне и о закупках немцами военного снаряжения, а также вопрос о долгах. (Перед этим я говорил о том, как несправедливо было уплатить золотом американским военным промышленникам и объявить себя не в состоянии уплатить проценты по облигациям.) Поэтому, едва ли удастся добиться рассмотрения вопроса о договоре прежде, чем конгресс будет распущен на лето.

Один из моих собеседников заметил:

— В таком случае нам придется восстановить аннулированный нами договор.

Дикгоф возразил ему:

— Нет, это невозможно. Но разве нельзя убедить президента назначить комиссию из трех компетентных аме-

риканских промышленников, чтобы они рассмотрели в Вашингтоне этот вопрос? Позднее по плану, предложенному Шахтом, они могли бы поехать в Германию для ознакомления с положением на месте. Их работа могла бы послужить основой для будущих переговоров.

— Что же, я могу попросить государственный департамент рассмотреть это предложение, вот и все, — сказал я. — Разумеется, если президент сам не пожелает расспросить меня об этом.

На том наш разговор и кончился. Я убежден, что все они прекрасно понимают, как опрометчиво ведет себя германское правительство в международных делах. Дикгоф, которого я хорошо знаю и которому от души сочувствую, проводил меня до гардероба. Я сказал:

— Вы знаете, какое ужасное впечатление произвели события 30 июня в Соединенных Штатах, и сами должны понимать, как непопулярен там договор с Германией.

Он согласился со мной, но не стал подробно объяснять свою точку зрения.

Понимая, как встревожены либерально настроенные люди в Германии, к числу которых принадлежат чуть ли не все сотрудники министерства иностранных дел, я позвонил в конце дня Дикгофу и предложил ему покататься по городу на машине после того, как он кончит работу. Он согласился, и мы объехали вокруг Тиргартена, обсуждая все тот же вопрос. Я сказал ему, что, по общему мнению, Германия готовит агрессию, упомянул о распространяемых Герингом по всей Германии авиационных картах и даже о том, что посланники соседних с Германией государств недавно говорили мне, что немцы хотят аннексировать их страны. При этом я имел в виду высказывания бельгийского и голландского посланников. Дикгоф несколько не удивился. Он выразил сожаление и надежду, что я постараюсь разубедить президента, если и он придерживается подобного же мнения; но я не рассчитываю сделать в этом направлении особенно много, так как собственные мои доклады, посланные в Вашингтон в октябре и в ноябре, достаточно полно отражают милитаристские устремления Германии. Я предложил Дикгофу взглянуть на карты в залах берлинского университета, которые мне недавно довелось там видеть. Разговор наш носил частный характер, хотя я не

уверен, что Дикгоф был вполне искренен. Мы расстались там, где Тиргартенштрассе пересекает трамвайную линию, которая проходит на юг, к каналу.

Четверг, 13 декабря. Мы поехали из Берлина в Гамбург, чтобы сесть на пароход, отплывающий в Нью-Йорк.

Вторник, 18 декабря. Вчера около одиннадцати часов утра на океане поднялись волны. В час дня начался настоящий шторм. Весь день и всю ночь — около тридцати часов подряд — волны вздымались так высоко, что пароход целыми часами должен был лежать в дрейфе — иначе он был бы опрокинут. В шторм вместе с нами попало какое-то норвежское грузовое судно. Когда оно начало тонуть, оно попросило у нас помощи, но встречный германский корабль подоспел раньше нас, вылил нефть на воду вокруг терпящего бедствие судна и спас всю команду. Капитан нашего парохода не хотел, чтобы пассажиры узнали о том, что произошло, но в тот же день это известие обошло весь «Манхаттан». На мою долю в третий раз выпадает беспокойное плавание в этой части Атлантического океана, причем вот уже вторично пароход, на борту которого я нахожусь, пытается спасти команду тонущего судна. Все это оставляет мало приятное впечатление.

Среда, 19 декабря. Сегодня мы сидели за одним столом с У. Х. Хэссеном, представителем нефтяной компании Синклера, президент которой, организатор многочисленных комбинаций, уже три месяца сидит в тюрьме. Хэссен продает нефтяные продукты во все страны Европы; на мой взгляд, это очень ловкий и умный делец.

Он сказал:

— Я убежденный республиканец. Национализм как таковой чужд нашему народу. Но мы должны стать националистами. Нужно запретить всякий импорт, кроме резины, кофе и еще одного или двух необходимых товаров, и продавать все, что только можно, за границу, а своих людей вооружать и обучать военному делу.

Я заметил на это:

— Значит, по-вашему, выходит, что весь мир должен вооружиться до зубов, а потом либо уничтожить все ору-

жие, потому что оно устарело, либо начать кровавую войну, чтобы как-то использовать это оружие?

Он помолчал немного, но потом снова заговорил:

— Да, это борьба за существование, в которой выживают наиболее приспособленные.

— Нет, — возразил я. — Это уничтожение цивилизованных народов, в процессе которого выживают наименее приспособленные.

Несмотря на всю логичность моих слов, он остался при своем мнении, доказывая, что Соединенные Штаты должны вооружить всю Европу и резко протестовал против снижения таможенных тарифов. Я знаю, что подобной точки зрения придерживаются многие видные промышленники во всех странах: Дюпоны — в Соединенных Штатах, Круппы и Тиссенны — в Германии, члены концерна «Армстронг-Виккерс» — в Англии и фирма «Шнейдер-Крезе» — во Франции. Так говорит Муссолини, которого Хэссен считает великим государственным деятелем. Мне кажется, Рузвельту будет трудно справиться с такого рода людьми. А если ему не удастся решительно подчинить их себе, «новый курс» потерпит неудачу.

Пятница, 21 декабря. Это плавание, а также то, что я читал о мореплавании семнадцатого века, убеждает меня в том, что историки никогда не ценили по достоинству храбрость и отвагу мужчин и женщин, которые переселились из Европы в Северную Америку. Нелегко было бедной семье, знавшей об Атлантическом океане только по рассказам соседей, отважиться переплыть этот ужасный океан на судне водоизмещением в каких-нибудь двести тонн. А ведь это делали многие тысячи людей, потому что хотели иметь свой дом. Тысячи и десятки тысяч человек в какой-нибудь год! Не удивительно, что люди с таким характером сумели сделать Америку великой державой, страной небывалой инициативы.

VI

23 декабря 1934 г.—21 мая 1935 г.

Воскресенье, 23 декабря. Сегодня в четыре часа мы прибыли в Нью-Йорк с опозданием на полтора дня.

Вторник, 25 декабря. Годовщину нашей свадьбы, которая состоялась тридцать два года назад в Оберие (штат Северная Каролина), мы без особой пышности отпраздновали здесь, в Роли. Мэтти часть времени провела у родителей, а я навестил отца в родном Клейтоне.

Четверг, 27 декабря. В качестве президента Американской исторической ассоциации я выступил сегодня вечером с официальным докладом, над которым я так напряженно работал в Берлине, избрав темой «Возникновение первого общественного порядка в Соединенных Штатах». Профессор Аусли из университета Вандербилта, мой бывший студент, который защитил докторскую диссертацию вскоре после мировой войны, преподнес мне том исторических сочинений, написанных моими учениками. Я и раньше получал такие подарки, например в Торонто в 1932 году, а поэтому не очень удивился, хотя не был предупрежден заранее. Я от всей души поблагодарил своих студентов, а потом прочел официальный доклад, который для большинства присутствующих явился откровением. Это было краткое изложение трех глав из первого тома моего «Старого Юга».

Суббота, 29 декабря. Сегодня президент пригласил меня к себе на завтрак. Несколько позже назначенного времени мы сели за стол в Белом доме, в зале на втором

этаже. Около часа с четвертью мы говорили о положении в Европе. Я изложил президенту свой план предотвращения войны и достижения какого-то сотрудничества между всеми народами.

— Соединенные Штаты, — сказал я, — должны сотрудничать с Англией и Нидерландами на Дальнем Востоке, предоставить Филиппинам независимость и гарантировать сохранение существующего там статуса, предоставив Японии возможность также присоединиться к общему соглашению. Кроме того, Соединенные Штаты должны вступить в Лигу наций и заставить Германию и Италию сотрудничать с Англией и Францией в целях сохранения мира и сокращения вооружений. Если президент сумеет в нужный момент добиться от конгресса совместной резолюции по этому вопросу, мне кажется, что он достигнет цели и за год или два торговые отношения Соединенных Штатов с другими странами значительно улучшатся. Тогда, возможно, работа очередной конференции по разоружению действительно увенчается успехом.

Рузвельт ответил:

— Относительно Дальнего Востока я с вами согласен и считаю, что мы должны предпринять в этом районе какие-то меры. Япония захватывает китайскую территорию и намерена продолжать захваты, чтобы утвердить свое господство над всей Азией, включая и Индию. Мы ассигновали миллиард долларов на строительство военных судов, но все они устареют в какие-нибудь десять лет.

— Что же касается совместной резолюции относительно вступления Соединенных Штатов в Лигу наций, — продолжал он, — то я не уверен, что общественное мнение сейчас благоприятствует этому, но я уже просил сенат одобрить наше вступление в Палату международного суда, а позднее постараюсь добиться санкции направить посла в Женеву.

Я согласился, что оба эти шага помогут полнее выяснить общественное мнение, но усомнился, как бы такая оттяжка не лишила смысла конечную цель. Я передал также Рузвельту слова барона фон Бюлова, одного из самых умных людей в министерстве иностранных дел, который по своему положению является вторым лицом в министерстве. Он сказал мне: «Мы немедленно вер-

немся в Лигу наций, как только Соединенные Штаты вступят в нее».

Во время нашей беседы мы затронули также много других вопросов: поговорили о воинственных устремлениях Германии, об агрессивности Италии, о страхе Англии перед новым кризисом и ее желании сотрудничать с Соединенными Штатами в международных делах.

Воскресенье, 30 декабря. Получена телеграмма, извещающая о смерти матери моей жены. Еще недавно мы так радовались тому, что смогли повидать ее в этот свой приезд, но теперь я чувствую, что наше посещение, присутствие нескольких ее детей в день рождества и необходимость оказать всем нам гостеприимство ускорили ее конец. Она не перенесла забот и радости, которые доставила ей встреча с нами. Это была бескорыстная, добрая душа. Мэтти спешно уехала на похороны.

Среда, 16 января 1935 г. Сегодня днем я прибыл в Трентон, где меня встретил профессор Томас Дж. Уертенбейкер. По дороге к нему домой мы заехали к Альберту Эйнштейну, выпили там чаю и поговорили о тревожных событиях в Берлине. На свою личную судьбу Эйнштейн не жаловался. Его уволили из Берлинского университета в 1933 году, а вся его собственность была конфискована. Несколько дней назад американские газеты опубликовали сообщение из Берлина о том, что конфискована также вся собственность дочери Эйнштейна — домик и небольшой участок земли в Потсдаме. Одна из его дочерей недавно умерла; часть имущества принадлежала ее мужу, другая часть — сестре, единственной из оставшихся в живых детей Эйнштейна. Теперь эти люди без всяких средств живут в Германии, где их отец считается крупнейшим ученым своего времени. Несмотря на такое ужасное обращение, Эйнштейн не сказал ни слова о гитлеровском режиме, которое можно было бы счесть антипатриотичным с точки зрения немцев.

Пообедав у Уертенбейкеров, где в числе других гостей был Абрахам Флекснер, который с давних пор активно сотрудничает в Фонде Рокфеллера, я поехал в Принстонский университет, где прочел лекцию о Джордже Вашингтоне и связанных с ним проблемах, уделив

особое внимание внешней политике Соединенных Штатов. Мне кажется, я заставил слушателей вновь почувствовать неправильность точки зрения, господствующей в Соединенных Штатах с 1918 года. Разумеется, преподаватели американских университетов хотят, чтобы федеральное правительство всеми средствами помогло Лиге наций предотвратить войну.

Четверг, 17 января. В одиннадцать часов утра я вернулся в Нью-Йорк. Тотчас же один за другим последовали телефонные звонки: из нью-йоркского Национального банка, из концерна Сименса, из Ассоциации внешней политики. В четыре часа я повидался с представителями банка, а в половине пятого — с директором концерна Сименса.

Я был приглашен к полковнику Хаузу на завтрак. Он выглядит превосходно, хотя недавно сильно простудился и проболел целую неделю. Он много говорил о внешней политике: о необходимости вступления Соединенных Штатов в Лигу наций, о сотрудничестве с Англией на Дальнем Востоке, о мерах воздействия на Японию с целью пресечь ее захватнические действия в Китае. Я не уверен в том, что этот план удастся, но полковник сказал мне, что на завтра у него назначена встреча с японским послом. Я попросил полковника написать мне, если Япония выразит готовность сотрудничать с нами. Он обещал непременно сделать это.

Поговорив о позиции президента Рузвельта, мы согласились, что в отношении основной дилеммы, стоящей перед миром, он в целом придерживается тех же взглядов, что и мы, но опасается сильного сопротивления всякому своему прогрессивному шагу. Мне кажется, что такое сопротивление неизбежно вызовет всякая дальновидная и бескорыстная политика. Кроме того, ни одному президенту еще не удавалось сделать что-либо серьезное во второй срок своего пребывания на этом посту — исключение составляют разве только два мероприятия Вашингтона, которые он был вынужден провести, вызвав этим недовольство по всей стране. Рузвельт должен действовать в этом году или отказаться от попытки изменить что-либо в отношении Соединенных Штатов к обезумевшей Европе.

Хауз сказал, что постарается повидать Рузвельта

в ближайшие месяц или два. Он одобрил высказанное президентом 29 января намерение направить посла в Женеву и этим сделать первый шаг по пути вступления Соединенных Штатов в Лигу наций. Я сказал:

— Учитывая экономические и политические трудности в самой Америке, гораздо важнее было бы просить конгресс сразу одобрить наше вступление в Лигу, так как нечего и думать о подлинном восстановлении промышленности ранее, чем за четыре или даже шесть лет. Если президент будет переизбран, у него в течение второго срока все равно не окажется всей полноты власти.

Хауз согласился со мной. Правда, я сомневаюсь, решится ли Рузвельт или какой-либо другой президент в наше время на столь непопулярный среди массы населения шаг, ибо американцев четырнадцать лет агитировали против всяких связей и сотрудничества с кем бы то ни было.

Четверг, 31 января. Сегодня утром в газетах опубликовано сообщение о том, что сенат отклонил предложение Рузвельта о вступлении Соединенных Штатов в Палату международного суда¹. За два дня до голосования я видел сенатора Робинсона, лидера большинства, и он с уверенностью сказал, что предложение пройдет большинством в семь голосов. Однако, расставшись с ним, я несколько сомневался в этом. И вот теперь предложение провалилось. Главными противниками этого робкого шага в деле установления международного сотрудничества были Бора, Джонсон и Макэду. Бора уже не в первый раз проявил тупость в вопросах внешней политики; Джонсон кричал о долгах Соединенным Штатам, как будто наши штаты не отказались уплатить сотни миллионов долларов, причитающихся европейским кредиторам; а Макэду, как говорят, является одним из приверженцев Херста.

Первым моим побуждением было написать в государственный департамент и выяснить, не следует ли мне подать в отставку в знак протеста против того, что сенатское меньшинство навязывает Соединенным Штатам свою волю во внешнеполитических делах. Это произвело бы сенсацию, но дало бы мне возможность высказать во всеуслышание, как глупо, на мой взгляд, со стороны американцев осуждать диктатуру меньшинства в Европе

и в то же время позволять меньшинству, которое большей частью находится под влиянием Херста и Кофлина, распоряжаться в таких важных вопросах.

Пятница, 1 февраля. Сегодня я повидался с судьей Уолтоном Муром, и он посоветовал мне не подавать в отставку.

— Все мы должны бороться за свое дело до конца и держаться друг за друга, — сказал он. — Так считает и государственный секретарь Хэлл. — Но тут же он добавил: — Я никогда еще так не падал духом. Все усилия, направленные на восстановление промышленности, пойдут прахом, если наша внешняя политика будет диктоваться сенатским меньшинством, но я не вижу способа перехитрить эту группу.

Я сказал:

— На месте президента я бы выждал удобного момента и обратился бы к стране с предложением вступить в Лигу наций. После этого я предложил бы демократическому большинству внести совместную резолюцию и провести ее в обеих палатах. Я бросил бы вызов всем своим противникам и выявил истинную расстановку сил, пусть даже меня из-за этого не переизбрали бы на второй срок.

Мур был поражен моими словами и высказал сомнение, действительно ли Рузвельт понял всю важность улучшения международных отношений. Я также не убежден, что президент действительно занят этим и что идея так называемого «экономического национализма», выдвинутая некоторыми членами его «мозгового треста», не завладела им самим или, по крайней мере, не поколебала его решимости. Мур настоятельно советовал мне повидаваться с президентом. Я написал Макинтайру в Белый дом и попросил его передать Рузвельту, что я отплываю в Германию 14 февраля, и, если президент пожелает видеть меня, я готов встретиться с ним. Однако настроен я был не очень-то оптимистически.

В шесть часов я встретился с членом палаты представителей Льюисом, самым смелым и решительным членом палаты из всех, кого я знаю. Несколько дней назад он внес в палату представителей совместную резолюцию, аннулирующую постановление сената против вступления Соединенных Штатов в Палату международного суда.

Он показал мне текст своей предварительной речи, а я рассказал ему многое о диктаторском режиме в Германии, Италии и Японии и об опасности, которую они несут всему современному миру. Он слушал с большим интересом и сказал, что будет бороться, сколько хватит сил. Я думаю, что если президент поддержит Льюиса, почти вся палата представителей встанет на его сторону.

Я рассказал Льюису, что Херст в течение пяти или шести лет помогает Муссолини и лично видится с ним. Рассказал я и о приезде Херста в Берлин в сентябре прошлого года, и о том, что сообщалось о его сделке с Геббельсом, в результате которой германское министерство пропаганды будет получать от агентства Херста всю информацию из Европы одновременно с тем, как эта информация поступает в Соединенные Штаты. Льюис обещал не предавать полученные от меня сведения огласке, если только он не узнает те же факты от кого-нибудь другого. Рассказывая все это, я шел на риск, надеясь помочь Льюису в его борьбе.

Расставшись с Льюисом, я поехал в Джорджтаун на обед к Рексфорду Тагуэллу, который занимает пост заместителя министра сельского хозяйства, хотя в сельском хозяйстве разбирается плохо. Среди гостей были: один известный сенатор, члены палаты представителей Картер (штат Массачусетс) и Фрэнк (штат Иллинойс), а также сенатор Джозиа Бэйли (штат Северная Каролина). С самого начала этот известный сенатор обрушился на Рузвельта. Он озлоблен на президента за то, что тот не поддержал сенатора Каттинга, бывшего своего сторонника. Кроме того, он раздражен тем, что Рузвельт не согласился с представителями прогрессивного блока по вопросу об огромных ассигнованиях, которые в действительности привели бы к банкротству всю страну. Он заявил, что он и Хью Лонг, этот разбойник из Луизианы, помогли Рузвельту стать президентом в 1932 году.

У этого человека просто поразительные взгляды. Он рассуждает точь-в-точь как национал-социалист. Будь его воля, он прекратил бы всякую торговлю с Европой. Он сторонник установления господства Германии над всей Европой, Соединенных Штатов — над обеими Америками, а Японии — над Дальним Востоком. Он был бы рад, если бы Германия поработила Англию: тогда Ка-

нада, разумеется, досталась бы Соединенным Штатам. Большинство присутствовавших за обедом согласилось с этой идеей крупных предпринимателей о том, что три великих мировых державы должны объединиться и подчинить себе малые нации вроде поляков и голландцев. Идея эта основана на ненависти к Англии и Франции, на незнании уроков истории и на равнодушии к культурным запросам таких народов, как англичане, французы и голландцы, не говоря уже о многочисленных мыслящих людях Германии, которые сейчас совершенно беспомощны.

Я ушел с чувством удивления, недоумевая, действительно ли они верят в то, что проповедуют. Сенатор, по видимому, был искренен, когда заявил, что убедил Лонга голосовать против нашего вступления в Палату международного суда, о чем Лонг не имел ни малейшего представления. Выбрав удобный момент, когда все замолчали, я заметил, что не стал бы и разговаривать с таким человеком, как Лонг. Тогда сенатор сказал:

— Вот погодите, скоро мы будем расстреливать людей, подобно тому, как это делает Гитлер.

Суббота, 2 февраля. В десять часов я приехал к государственному секретарю Хэллу. Через несколько минут вошел Мур. Наша беседа, продолжавшаяся около получаса, была очень невеселой. Хэлл сказал:

— Надеюсь, вы не подадите в отставку, даже если вы сейчас бессильны что-либо сделать в Берлине. Мы ведь тоже беспомощны. Все народы охвачены экономическим безумием, а американцев все время вводят в заблуждение. Я не вижу, каким образом можно где бы то ни было восстановить экономику, до тех пор пока международные отношения находятся в таком хаотическом состоянии.

В одиннадцать часов я на автомобиле отправился далеко в горы, где находился наш домик — единственное мое убежище в этом безумном мире.

Среда, 6 февраля. Я медленно поехал в Вашингтон на завтрак к президенту. Он был настроен гораздо бодрее и оптимистичнее, чем я или любой из сотрудников государственного департамента.

Я конфиденциально передал ему все, что сказал

1 февраля сенатор на обеде у мистера Тагуэлла: что это он уговорил сенатора Лонга голосовать против вступления Соединенных Штатов в Палату международного суда и что в Америке необходим террор. Правда, я не назвал имени сенатора. Рузвельт, не колеблясь, проговорил:

— Это очень похоже на сенатора Х.

Я не сказал ни да, ни нет, хотя догадка его была правильна, а только добавил, что это был частный разговор.

Президент продолжал:

— Действуя гитлеровскими методами, Лонг хочет выставить свою кандидатуру на президентских выборах в 1936 году. Он надеется собрать сто голосов на съезде демократической партии. После этого он намерен организовать самостоятельную группировку совместно с представителями прогрессивного блока Юга и Среднего Запада при участии сенатора Х. и других. Таким образом он рассчитывает победить демократов и привести к власти реакционного кандидата от республиканской партии. К 1940 году положение в стране, по мнению Лонга, будет таково, что он станет диктатором. Действительно, об этом мечтает кое-кто из южан, склоняются к этому и некоторые представители прогрессивного блока. Однако Каттинг из штата Нью-Мексико, который уплатил огромные деньги, чтобы пройти в сенат прошлой осенью, тоже претендует на пост президента. Он послужит причиной раскола в прогрессивном блоке и, возможно, восторжествует над Лонгом. Положение угрожающее.

Потом я заговорил о германских делах, о позиции Гитлера и о возможности возврата Германии в Лигу наций.

— Если бы сенат одобрил 30 января вашу рекомендацию, Германия, несомненно, вернулась бы в Лигу, — сказал я. — Престиж правительства вырос бы неизмеримо, и торговые отношения Соединенных Штатов с другими странами значительно улучшились бы.

Рузвельт согласился со мной, но как будто не слишком сожалел по поводу решения сената. Мне кажется, он не был в этом деле достаточно настойчив.

Я сказал ему, что Херст действительно сделал то, о чем шла речь, и что, по-моему, он близко связан с гер-

манскими нацистами. Я обещал, как только приеду в Берлин, прислать доказательства, подтверждающие, что Херст помогает итальянскому диктатору. Рузвельт сказал, что это очень интересует его. Поговорив немного о дипломатической службе и о расточительности наших дипломатов (при этом президент сказал: «Со времен Теодора Рузвельта богатые люди сильно вредят дипломатической службе своими непомерными тратами»), я откланялся и пожелал президенту успеха в его деятельности.

Однако сам я никак не могу избавиться от чувства, что в Германии я бессилён сделать что-либо. Никакой оптимизм не избавит меня от сомнений. Теперь, когда сенат принял свое решение от 30 января, старые его члены, составляющие меньшинство, станут претендовать на руководство внешней политикой Соединенных Штатов.

Пятница, 8 февраля. Сегодня я завтракал с членами сенатской комиссии по внешним сношениям. Сенатора Бора на завтраке не было, зато присутствовали Робинсон, Джонсон, Джордж и другие. Джонсон начал разговор с намеков на фальсификацию истории. Это дало мне повод сослаться на уплату долгов при Вашингтоне и непризнание долгов в период с 1830 по 1850 год. Сенатор от штата Калифорния сделал вид, будто его это несколько не удивило. Когда меня спросили, каковы сейчас международные отношения в Европе, я сказал.

— Решение сената относительно Палаты международного суда — огромная ошибка. Оно задерживает развитие нашей внешней торговли и лишает нас возможности потребовать от Германии отчета через международную организацию в нарушении ею договора летом прошлого года. Эта организация, возможно, не сумеет принудить Германию возместить убытки, но зато она придала бы делу всемирную огласку, позволила бы Соединенным Штатам занять очень выгодную позицию и значительно подняла бы авторитет нашего правительства во всем мире.

Робинсон, который поддерживает Рузвельта в сенате, сразу же согласился со мной. Балкли, сенатор от штата Огайо, тоже согласился, хотя и обнаружил изоляционистские взгляды, которые несколько удивили меня. Се-

натор Джордж из штата Джорджия также согласился со мной, но потом стал доказывать необходимость протекционизма, против которого демократы обычно возражают. Прежде чем мы расстались, я узнал, что два сенатора голосовали против вступления Соединенных Штатов в Палату международного суда, но, когда увидели, что резолюция, внесенная президентом, все равно не пройдет, изменили свою позицию. Они голосовали так только для того, чтобы угодить своим избирателям, которые имеют об этом деле самое смутное представление. Таково одно из слабых мест американской демократии. Когда мы расстались, у меня было такое чувство, что подлинное обсуждение международных отношений изменило бы позицию сената — нужно было только правильно осветить перед комиссией по внешним сношениям факты и их возможные последствия.

В сенате рассматривался какой-то срочный вопрос, и все члены комиссии торопились вернуться на свои места, чтобы приступить к голосованию. Через некоторое время сенатор Балкли представил меня сенатору Наю, который очень разумно провел расследование дела о продаже немцам оружия. Он, как оказалось, гораздо лучше осведомлен в международных делах, чем я мог ожидать. Я очень удивился, когда он сказал:

— Государственный секретарь Хэлл, а также мистер Роупер охотно помогали мне и просили только не предавать дело огласке — это могло бы помешать нашим представителям за границей получать необходимую информацию.

Газеты внушили публике, что Хэлл и Роупер не давали комиссии, возглавляемой Наем, необходимой информации. Мне кажется, сенатор Най искренне и бескорыстно служит обществу.

Среда, 13 февраля. Сегодня я завтракал в Нью-Йорке с Адольфом Охсом и сотрудниками газеты «Нью-Йорк таймс». Среди приглашенных были Джон Финли и еще восемь или десять видных журналистов. Разговор был чрезвычайно интересный: почти все сотрудники «Нью-Йорк таймс» хорошо знают положение в Европе. Простодушная прямота Охса, владельца этой газеты, меня заинтересовала. Не было и следа сектантской ненависти.

Четверг, 14 февраля. Мы возвращаемся в Берлин, где я должен приступить к своим тяжким обязанностям. На океане снова ожидается шторм, но мы надеемся, что он будет не таким сильным, как в декабре.

Суббота, 23 февраля. Наконец, мы на месте. Опять надо браться за прежнее щекотливое занятие — наблюдать и ровным счетом ничего не делать. Настроение у меня скверное. Я все время боюсь, что никогда не кончу писать свой «Старый Юг».

Вторник, 26 февраля. Сегодня в полдень я поехал в министерство иностранных дел, чтобы, как принято, засвидетельствовать свое почтение министру Нейрату. Он встретил меня очень сердечно, сердечнее, чем когда-либо с тех пор, как я приехал сюда в июле 1933 года. Я передал ему привет от государственного секретаря Хелла. Интересно, дошел ли до него слух о том, что я не вернусь в Берлин и американское правительство оставит мою должность вакантной на неопределенно долгое время — один корреспондент вашингтонской газеты сказал мне, что получил такие сведения по телеграфу из Берлина.

Нейрат откровенно говорил о тяжелом экономическом и политическом положении Германии, заметив, что страна долго не выдержит, если не оживится международная торговля. Я признался в своих опасениях, что подобные же трудности стоят перед Соединенными Штатами. Он подчеркнуто одобительно отозвался о рувельтовском плане восстановления промышленности и высказал опасение относительно оппозиции сената, который, по его словам, ведет себя совсем как рейхстаг накануне гитлеровского путча. Во время этой беседы было сказано так много, что, как только я вернулся к себе, я сообщил о встрече в Вашингтоне, кратко изложив содержание беседы. Нейрат сказал, что боится, как бы политические сделки между отдельными группировками, направленные против подлинно национальных интересов, не привели к ниспровержению демократии в Соединенных Штатах.

Пятница, 1 марта. Сегодня мы поехали на первый официальный дипломатический обед в особняк, занимаемый советским послом, — самую большую из всех дипло-

матических резиденций в Берлине, еще более роскошную, чем знаменитый старый дворец Гинденбурга на Вильгельмштрассе, где одно время жил Бисмарк. Собралось сорок гостей. Почетным гостем был Нейрат, а вторым после него по рангу — французский посол Франсуа-Понсэ. Я встречался в свое время почти со всеми присутствующими, но половину из них не мог припомнить. Здесь был и бедняга Эрик Клейбер, дирижер, которого в декабре уволили из театра. Он еврей, но ему удалось как-то поладить с нацистами, и, как нам казалось, ему ничто уж не угрожает. Он уволен, потому что позволил себе исполнить произведение еврейского композитора во время одного из своих концертов в оперном театре. Клейбер немного заискивал передо мной, и Нейрат заметил это. Летом он поедет на знаменитый зальцбургский фестиваль.

Понедельник, 4 марта. Все наши дипломаты, в том числе и атташе, поехали официально представиться новому японскому послу. Это был обычный, пустой официальный прием, на котором присутствовало около пяти-сот человек. Уругвайский посланник, чем-то взволнованный, отозвал меня в сторону и сказал, что, по полученным им сведениям, в Чако прибыла японская делегация, которая пытается купить нефтеносные земли и поселить там 80 тысяч семей. Он просил меня сообщить об этом в Вашингтон. Я выслушал его с некоторым сомнением.

Вторник, 5 марта. Сегодня мы обедали в обществе Бюлова и десяти или двенадцати немцев. Самым выдающимся среди гостей был министр финансов Шверин-Крозигк. За весь вечер у меня был лишь один короткий, интересный разговор с Бюловым и аргентинским посланником Ла Буглем. Основной темой разговора был вчерашний отказ Гитлера принять английского министра иностранных дел сэра Джона Саймона, который должен был приехать сюда для переговоров о контроле над вооружением и об ограничении военно-воздушных сил. В опубликованной вчера Белой книге английский премьер-министр Макдональд заявил, что немецкий народ готовит свою молодежь к войне и поэтому Англия должна всеми силами вооружаться для защиты от возможного нападения. Гитлер почувствовал себя до того

оскорбленным, что, сославшись на сильную простуду, по телеграфу известил сэра Джона Саймона, чтобы тот не приезжал в Берлин!

Это произвело настоящую сенсацию. Я сказал Бюлову, что, разумеется, английский премьер-министр допустил ошибку, но если бы я занимал здесь ответственный пост, то встретил бы сэра Джона с большой официальной делегацией на вокзале и принял бы его как нельзя более сердечно.

Бюлов, казалось, смутился на мгновение, потом, помолчав, сказал:

— Пожалуй, я готов согласиться с вами; тогда англичанам пришлось бы извиняться и идти нам на встречу.

Аргентинский посланник тоже согласился с моим мнением. Когда я стал прощаться с Бюловым, он снова вернулся к нашему разговору:

— Мы с вами всегда во всем согласны.

Я не вполне уверен, что он говорил искренне, но два или три раза, обсуждая американские требования по долговым обязательствам, мы действительно соглашались друг с другом. Бюлов — представитель старой аристократии и, как считают, не очень хорошо чувствует себя теперь на своем высоком посту.

Четверг, 7 марта. Я поехал в гостиницу «Кайзергоф», чтобы послушать вождя Рабочего фронта Лея, который должен был говорить о трудностях, стоящих перед германским рабочим движением. Вместе с кубинским посланником я сел за укромный боковой столик, куда тотчас подали пиво. Вскоре Розенберг, который примерно раз в месяц организывает подобные собрания, подошел поздороваться со мной и предложил пересесть за его столик, где собрались высокопоставленные лица. Но там уже не было места, и я вежливо отказался, сославшись на то, что мне больше нравятся укромные уголки. Розенберг, как видно, удовлетворился таким объяснением.

Речь Лея была кое в чем похожа на выступление Руста в начале декабря — довольно пустая, без серьезного анализа основных трудностей, стоящих перед рабочим движением в Германии или в других странах. Лей трижды подчеркнул, что немецкие рабочие никогда не дол-

жны забывать, что они солдаты, обязанные беспрекословно подчиняться государству и поменьше думать о заработках. О человеческом достоинстве и взаимной поддержке не было сказано ни слова. «Предприниматель при нацистском режиме не думает о своем огромном предприятии, о своих машинах или прибылях; он думает о том, что его священный долг — обеспечить работой своих рабочих и служить Германии. Рабочий абсолютно предан своему хозяину и даже не помышляет о протесте или об организации стачек». Возможно, такие люди и есть, но я не поверил и половине того, что сказал Лей. Однако правду установить невозможно, так как никто не смеет открыто высказаться.

Пятница, 8 марта. Сегодня мы с моей женой обедали в семье Фюрстенберга, богатого банкира, живущего в прекрасном доме на старинной улице Кёнигин-Аугусташтрассе, неподалеку от нас. На обеде присутствовал доктор Кюльманн, бывший член кабинета министров, богач, владелец крупных сталелитейных заводов в Саарской области, который часто публикует интересные статьи в американских журналах. Был также Макс Уорберг, который в августе или в сентябре, охваченный тревогой, приходил ко мне в посольство. Его брат — Феликс Уорберг живет в Нью-Йорке. Оба они — очень богатые банкиры. Уорберг, судя по его виду, теперь чувствует себя в безопасности. Его брат, которого я видел в Нью-Йорке 17 января, был далеко не так уверен в себе.

На обеде были и другие гости, которые всячески старались выставить напоказ свою дружбу с доктором Шахтом. Один из них, директор какого-то берлинского банка, заметил, что отношение Гитлера к займам, сделанным при режиме его предшественника Брюнинга, точно такое же, как отношение Советов к займам, полученным у Соединенных Штатов Керенским. Обе страны считают делом чести не платить их². Интересно, не совпадает ли это с мнением Шахта? Лучшие из немцев не могут простить Соединенным Штатам их участие в мировой войне. Немцы, даже такие наши друзья, как Онкен, Маркс или Виндельбанд, не говорят об этом, но им кажется, что у них отняли славную победу над всей Европой. Поскольку претензии Соединенных Штатов по

займам, хотя и предоставленным после 1924 года, касаются национал-социалистической Германии, эти претензии, с их точки зрения, едва ли правомерны.

Понедельник, 11 марта. Сегодня я поехал к профессору Герману Онкену, у которого прошлой осенью я встретил такое интересное общество. Он рассказал мне, что один из его учеников, который, несмотря на свои двадцать девять лет, пользуется большим влиянием в нацистской партии, недавно яростно обрушился на его книгу, потому что характеристика режима Кромвеля показала намек на гитлеровскую диктатуру. Дело получило широкую огласку, и Розенберг, редактор официального нацистского органа «Фёлькишер Beobachter», добился через Руста увольнения Онкена с должности декана исторического факультета Берлинского университета. Но, когда было объявлено о его «уходе», почти все студенты заявили такой решительный протест, что Руст отменил приказ до конца зимнего семестра. Тем не менее Онкен не знает, будет ли он продолжать работать в весеннем семестре или нет.

Онкена, пожалуй, можно назвать самым крупным историком во всей Германии, и его «уход» без ссылки на плохое здоровье или не по его собственному желанию вызовет в Соединенных Штатах множество толков. Я не думаю, что Онкен — решительный противник существующего режима, который теперь стал окончательно реакционным. Однако он упорно отстаивает свое право профессора печатать книгу без предварительного одобрения ее правительством.

Профессор Онкен сказал, что почти все университетские преподаватели в Германии встревожены и в своих письмах выражают ему свое сочувствие и одобрение. Он добавил также, что профессора университетов объединяются с лютеранской церковью и борются за право свободно преподавать и проповедовать. Он считает, что в ближайшие месяцы предстоит новая схватка.

Я склонен думать, что Гитлер станет на сторону Розенберга, чье новое германское христианство — культ Вотана и других древнегерманских богов — нацисты сделали своей религией. Как ни странно, но планы Розенберга вернуть страну к германскому варварству потерпят неудачу лишь в том случае, если католики под-

держат лютеран. Римский папа оказался в затруднительном положении. Он должен помочь лютеранам и лютеранским университетам спасти католицизм в Германии. В то же время он должен поддержать нацистскую философию, которая может послужить ему оружием для борьбы с коммунизмом в России и с развитием социалистических идей во Франции и Испании.

Пятница, 15 марта. Во время беседы с Рузвельтом 6 февраля я сказал президенту, что, по моему глубокому убеждению, Уильям Рэндолф Херст, который способствовал провалу предложения президента о вступлении Соединенных Штатов в Палату международного суда, сочувствует Муссолини и Гитлеру. Я обещал ему по возвращении в Берлин подтвердить это новыми доказательствами, если мне удастся получить их. Вот что я узнал.

В 1924 году Херст был яростным противником диктатуры Муссолини. С целью получения информации для своих газет он послал одного очень способного корреспондента, итальянца по национальности, в Рим в качестве представителя агентства Юнайтед Пресс. Когда первая из серии статей этого корреспондента была прислана в Нью-Йорк, Херст решил послать в Рим другого человека, чтобы заключить с Муссолини сделку: он предлагал Муссолини платить ему доллар за каждое слово, которое тот продиктует специально для газет Херста. Было широко известно, что один банк на побережье Тихого океана предоставил Херсту заем на несколько миллионов долларов, а владельцы этого банка сочувствовали Муссолини. С тех пор газеты Херста по всей Америке начали восхвалять диктатуру в Италии, а Муссолини были выплачены огромные суммы денег. С 1924 года и до настоящего времени Херст поддерживает существующий в Италии режим.

Летом 1934 года Херст и группа его друзей отправились на нескольких автомобилях в Германию. Херст провел несколько недель в Наухейме, причем, как сообщалось, резко отрицательно отнесся к диктаторскому режиму Гитлера. Это было вскоре после убийств 30 июня. Однако Ганфштенгль и Розенберг нанесли ему визиты, и в начале сентября Херст на самолете прибыл в Берлин. Он встретился с Гитлером и уехал отсюда, настроенный более благожелательно.

Германские правящие круги потребовали, чтобы Виганд, а также Никербокер, который написал книгу о нацистской Германии и, разъезжая по всему миру, пишет статьи для Херста, больше не приезжали в Германию. Херст согласился не посылать сюда больше Никербокера, но за Виганда заступились руководители рейхсвера, которые не забыли его связей с деятелями кайзеровского режима и его дружеское отношение к Германии во время мировой войны. В результате ему было разрешено вернуться сюда.

Суббота, 16 марта. Виганд снова приходил ко мне в посольство. Он не мог сообщить ничего нового относительно направления внешней политики Германии, но подтвердил свое прежние мнение, что война — это программа германского правительства и что положение сейчас такое же, как в 1912—1914 годах, когда Западная Европа пыталась убедить Германию не развязывать войны. Я не совсем уверен, что такая параллель верна. Сегодня все немецкие газеты в один голос осуждают беспокойство французов, проявившееся в речи премьер-министра Фландена, произнесенной вчера перед французской палатой депутатов. Речь Фландена и одобрение проекта, по которому срок военной службы увеличится вдвое, являются ответом на заявление, которое сделал Геринг в прошлый понедельник относительно усиления подготовки пилотов для борьбы с бомбардировщиками. Все немецкие газеты по указанию правительства заявили, что действия Франции срывают разоружение в Европе. Я считаю планы Геринга в области авиации действительно агрессивными, но ведь Франция, Италия и Англия тоже вооружались в нарушение Версальского договора.

Однако сегодня днем мне позвонил корреспондент «Нью-Йорк таймс» и сказал, что в пять часов руководители министерства пропаганды созвали всех работников прессы и велели им известить мир о том, что Германия начала реорганизацию рейхсвера в постоянную армию численностью от четырехсот до пятисот тысяч человек³. Это, видимо, очень взволновало журналистов, но ведь такая реорганизация осуществляется уже по меньшей мере целый год. Таков ответ Германии на решение, принятое вчера французами, которые намерены укреплять

свою военную мощь. Теперь особое значение приобрел предстоящий визит сюда сэра Джона Саймона, назначенный на 26 марта. Именно это Виганд называет повторением событий, предшествовавших 1914 году; в то время англичане также направили сюда члена своего кабинета министров, дабы узнать, с какой целью немцы расширяют свою армию и флот. Обо всем этом я узнал от журналистов и сообщил по телеграфу в Вашингтон. Официальных извещений об этом в посольстве еще не имеется.

Воскресенье, 17 марта. Пробыв около часа в посольстве, я вместе с капитаном Кепплером, нашим военноморским атташе, и капитаном Крокеттом, военным атташе, который горячо предан своему делу, поехал в знаменитый оперный театр на Унтер ден Линден, где должно было состояться торжественное заседание, посвященное памяти немецких героев, — нечто подобное нашему Дню павших бойцов. Когда я подошел к местам, забронированным для дипломатического корпуса, Бассевиц указал мне мое место в ложе. Я спросил:

— А разве французского посла здесь нет?

— Нет, и папский нунций тоже отсутствует, — ответил он.

Просидев минут десять, я был несколько встревожен тем, что, кроме меня, в зале нет ни одного посла.

Сегодня утром газеты сообщили, что французский, английский, итальянский и польский послы побывали у канцлера, который официально объявил им о расширении армии. И вот теперь мне пришло в голову, что все они сговорились не приезжать сюда. Почему же английский посол не сообщил мне об этом? Ведь мы уже больше года помогаем друг другу почти во всех подобных делах. Японского посла также нет. Почему? Всем известно, что японцы одобряют позицию Германии. Должно быть, германское министерство иностранных дел дало ему понять, чтобы он не приезжал. Его сочли бы союзником Германии. Я единственный, чье присутствие не вызовет недовольства ни с той, ни с другой стороны. И вот я здесь.

Понедельник, 18 марта. В полдень ко мне по моей просьбе пришел мосье Берар. Он сказал, что его прави-

тельство решительно добивается того, чтобы Англия, Франция и Италия заявили совместный протест против германских военных приготовлений. Французский посол готов даже предложить всем этим государствам отозвать своих послов, если Германия будет и впредь нарушать Версальский договор. Я заметил полушутливо:

— Пожалуй, в таком случае я попрошу, чтобы и меня тоже отозвали.

Однако, несмотря на неприятные события последних десяти дней, Англия уже выразила готовность послать сюда в ближайшее время своего министра иностранных дел сэра Джона Саймона. Французы этим очень обеспокоены. Италия заявила, что будет сотрудничать с Францией.

В половине шестого я поехал к доктору Шахту, чтобы спросить, что он узнал в Базеле на международной конференции банкиров, где обсуждалось сложное финансовое положение в мире. Он сказал, что Монтэгу Норман, возглавляющий Английский банк, выступил за стабилизацию фунта стерлингов и доллара, но английское казначейство против этого. Это значит, что английское правительство использует дешевый фунт стерлингов в целях борьбы с американскими промышленниками, которые монополизировали рынки внутри Соединенных Штатов, стараются теперь прибрать к рукам английскую колониальную торговлю. Дешевый фунт стерлингов — это средство борьбы против американских высоких таможенных тарифов. Шахт настроен не очень оптимистически. Он сказал:

— Если стабилизация не будет проведена, нас ждет экономическая катастрофа в октябре.

Я готов согласиться с ним, хотя мое представление о сложной современной финансовой системе до того смутно, что я не могу составить себе сколько-нибудь определенного мнения на этот счет.

Шахт хотел было перевести разговор на общие темы, но я спросил:

— А что означает закон о всеобщей воинской повинности, опубликованный вчера?

Он ответил:

— Это означает мир в Европе. Сейчас мой сын отбывает положенный ему год службы, и все немцы дол-

жны сделать то же самое ради безопасности своей страны.

Я рассказал о военном торжестве, на котором мне вчера довелось присутствовать. В ответ он сказал:

— Это отнюдь не означает войну.

Такие слова полностью противоречат тому, что сам Шахт с полной серьезностью говорил мне прошлой осенью.

— Гитлер приводил в своей речи «Четырнадцать пунктов»⁴ Вильсона в качестве основы для конференции стран Европы, — продолжал он. — Примет ли ваша страна участие в такой конференции?

Я выразил сомнение на этот счет, хотя согласился с ним в том, что участие Соединенных Штатов в работе конференции, проводимой Лигой наций, чрезвычайно важно для всего мира. Я сказал, что наш президент за сотрудничество с Лигой наций, но общественное мнение в Соединенных Штатах не в пользу такого сотрудничества. Я рассказал о том, как сенат 30 января отклонил резолюцию о вступлении Соединенных Штатов в Палату международного суда, что, однако, на мой взгляд не является полным выражением общественного мнения, так как Херст поднял ужасную шумиху и запугал некоторых сенаторов. Шахт снова заговорил о «Четырнадцати пунктах», которые приводил в своей речи Гитлер; по-видимому, он принимает это всерьез. Мне кажется, что Гитлер поступил так лишь для того, чтобы доставить неприятность французам.

В половине девятого я попросил Берара зайти ненадолго ко мне на дом. Он не заставил себя ждать и явился, когда мы кончали обедать. Я решил рассказать ему о сегодняшней неофициальной беседе и под строгим секретом повторил слова Шахта о высказывании Гитлера в отношении «Четырнадцати пунктов».

Берар сказал:

— Я никогда не питал доверия к Шахту.

Берару предстоит срочная поездка в Париж по поручению своего посла.

Четверг, 21 марта. Минувшие два дня были по-прежнему насыщены волнующими событиями: англичане согласились на поездку в Берлин в будущее воскресенье сэра Джона Саймона, а немцы дали согласие на обсу-

ждение между ним и Гитлером вопросов мира между народами и, возможно, созыва конференции по разоружению. Франция и Италия заявили сегодня протест, и ответ германского правительства иностранных дел явно рассчитан на то, чтобы разобщить эти два романских государства. Французского посла приняли сдержанно, и это совершенно не скрывали от общественного мнения.

Узнав сегодня утром, что французский экономический журнал поместил статью, в которой говорится, будто я послал президенту обзор положения в Германии на двадцати страницах и предсказал экономический крах в апреле, я написал записку французскому послу, спрашивая, мог ли мосье Берар сказать во Франции что-либо подобное после бесед, которые у нас с ним были. Во второй половине дня сам Берар пришел в посольство и заверил меня, что он тут ни при чем. Он только что вернулся из Парижа и еще не видел этой сенсационной статьи. Я поверил, что он действительно ни при чем. Однако автор статьи заявляет, что наше посольство на основании научных изысканий рекомендовало Соединенным Штатам не делать долгосрочных капиталовложений в Германии, предсказывая, что Гитлер останется у власти всего несколько лет, что война неизбежна и надвигается экономическая катастрофа. Я заявил представителям прессы, что подобного документа не посылал, и в шесть часов, когда я вернулся домой, мне позвонили из агентства «Гавас» с просьбой сделать заявление, которое будет опубликовано в Париже. Я сделал заявление, добавив, что мы ежемесячно посылаем в Соединенные Штаты экономические обзоры, в которых, однако, не содержатся какие-либо пророчества относительно неизбежного краха. Ума не приложу, каким образом всплыла эта история; утверждают, что она исходит от француза, живущего в Берлине.

Пятница, 22 марта. В девять часов мы с женой по приглашению Эрнста Ганфштенгля поехали смотреть итальянскую пьесу под названием «Сто дней» — о последнем периоде жизни Наполеона. Мы сидели в одной ложе с синьорой Черрути. Пьеса свидетельствует о том, что итальянцы и немцы считают своих вождей новыми наполеонами. Публика была довольна. Немецкого актера Крауса, который играл Наполеона, несколько раз

награждали долгими, хотя и не слишком бурными аплодисментами.

Еще студентом в Лейпциге я обратил внимание на воздвигнутый немцами памятник Наполеону на поле знаменитой кровавой битвы, а также и на то, что профессор считали Наполеона идеалом вождя и полководца. «Ах, если бы он был немцем!» Уничтожая демократию в Германии и стремясь утвердить немецкое господство над всей Европой, Гитлер сам мнит себя теперь Наполеоном. Ганфштенгль, устраивая массовые зрелища вроде сегодняшнего, полагает, что он таким путем способствует возвеличению фюрера. Я не уверен, что немцам эта пьеса действительно по вкусу.

Понедельник, 25 марта. Сегодня утром ко мне приходил японский посол. Он настоятельно звал меня поехать с ним в английское посольство и добиться встречи с сэром Джоном Саймоном, чтобы узнать, каковы дальнейшие планы немцев относительно германского флота и предполагаемого пакта с Россией. Я принял его как мог любезнее, но не дал определенного ответа. Я не считаю возможным предпринять вместе с ним подобный шаг. Это вызвало бы шум во всей Америке.

Теперь мне яснее, чем когда-либо, что между Германией и Японией существует соглашение. Посол сказал, что в последние дни он завтракал или обедал с Герингом, Геббельсом и другими высокопоставленными германскими деятелями. Говорил он об этом с нескрываемым тщеславием и удовольствием. Если бы у меня были такие встречи, я не стал бы о них упоминать. Я испытываю невольное отвращение, когда мне приходится пожимать руки таким людям, хотя они и считают себя новыми цезарями. Я подозреваю, что японский посол или его правительство решили попытаться хитростью вовлечь меня в это дело. Посол удалился, откланявшись и расшаркавшись по всем правилам этикета. Я обещал дать ему знать, если «у меня будет какая-либо возможность встретиться с сэром Джоном Саймоном».

В половине девятого мы пришли в роскошный дворец бельгийского посла, который пригласил нас к обеду. За столом было около сорока гостей, все в парадной одежде; царил обычная дружественная атмосфера, но ничего интересного сказано не было. Позднее, сидя вместе

с хозяином, одним немецким генералом, швейцарским посланником и еще другим немцем, я шутливо заметил:

— В воскресенье ночью я видел удивительный сон.

— Какой же? — спросил швейцарец.

— Пожалуй, его небезопасно рассказывать, — заметил я.

— Да что вы, что вы! — посыпались восклицания.

Тогда я рассказал, что мне приснилось, будто произошла реставрация Гогенцоллернов и я говорил с кронпринцем, который сидел на троне или стоял около него.

Бельгиец промолчал; швейцарец, казалось, был в замешательстве; а немецкий генерал заметил, что Бломберг в воскресенье на торжестве в честь павших героев не отдал должное кайзеру и кронпринцу, но с похвалой отозвался о знаменитом Людендорфе, который теперь стал противником Гитлера и превозносит военные заслуги Гинденбурга. В подготовленной им речи Бломберг добавил генерал, собирался сказать несколько добрых слов о кайзере, но потом намеренно выпустил это место. По словам генерала, все симпатии Бломберга на стороне Гогенцоллернов.

Среда, 27 марта. Сегодня мы устроили прием, пригласив на него около двухсот пятидесяти германских официальных и частных лиц, а также членов дипломатического корпуса. Прием получился неплохой, хотя и довольно утомительный. Официальные лица в большинстве своем отказались приехать по разным причинам, отчасти, насколько я могу судить, вполне основательным, отчасти же отделавшись отговорками.

Из немцев наиболее выдающимся среди наших гостей был известный генерал Гаммерштейн, который в июне прошлого года скрылся из Берлина, как говорили в то время, спасая свою жизнь. Теперь он, по-видимому, чувствует себя прекрасно и, вероятно, не прочь был бы откровенно поговорить, будь у нас время и возможность посидеть в тихом уголке.

Воскресенье, 31 марта. Вчера я весь день пролежал в постели. Сегодня, придя в посольство, я почувствовал, что там слишком холодно, как, впрочем, было почти всю прошлую неделю. Немец-истопник не понимает, для чего нужно поддерживать температуру 24° по Цельсию

или 75° по Фаренгейту, особенно если для этого приходится рано вставать. Я еще раз предупредил его на этот счет и ушел домой.

Сегодня у нас завтракал раввин Лазарон из Балтимора — бескорыстный, гуманный человек, который приехал сюда, чтобы помочь своим единоверцам, но опасается, как бы его не выслали из Германии, и я разделяю его опасения. Кроме него были бывший министр просвещения доктор Рихтер с супругой, а также знаменитый Хёпш, мой товарищ по лейпцигскому университету — его исследование о русской дипломатической переписке во время мировой войны было на прошлой неделе напечатано на видном месте в лондонской «Таймс».

Эти люди очень интересные и остроумные собеседники. Тесть Рихтера, профессор Шмитт, был одно время ректором Берлинского университета при режиме Эберта⁵. Самого Рихтера в 1933 году уволили из университета, потому что он не сочувствовал планам Гитлера. Хёпш был членом рейхстага во времена республики, но теперь он очень осторожен, когда говорит на скользкие темы. Через год или два он получит персональную пенсию, если только не опубликует до того времени книгу или статью, которая навлечет на него неприятности, а избежать ему этого очень трудно, так как он известный интернационалист.

Бедняга Лазарон очень встревожен, потому что многие богатые евреи покорились нацистам и оказывают значительную финансовую помощь доктору Шахту, который ввиду нынешних экономических трудностей придает этой помощи большое значение.

Четверг, 4 апреля. Пришла телеграмма от государственного секретаря Хэлла, который спрашивает, существует ли непосредственная угроза войны в Европе. В полдень у меня назначена встреча с Нейратом; мы должны обсудить с ним кое-какие второстепенные вопросы. Поэтому я решил в половине двенадцатого захватить к сэру Эрику Фиппсу — английское посольство находится рядом с министерством иностранных дел. Сэр Эрик был свободен. Из разговора с ним я выяснил, что визиты сюда сэра Джона Саймона и молодого Идена не дали никаких положительных результатов.

Гитлер вел переговоры в своей коричневой рубашке —

форме войск СА, а все остальные были в штатском. Гитлер дал понять, что не согласится на так называемый Восточный Локарнский пакт⁶ и не намерен гарантировать неприкосновенность существующих границ между Германией, Польшей, прибалтийскими странами и Россией. Однако при этом он сказал, что не собирается начинать войну, а будет лишь настаивать на соблюдении договоров. Что же касается аннексии Австрии, то он поклялся, что Германия не предпримет агрессии. Тем не менее он по-прежнему настаивал на своем праве оказывать помощь нацистским отрядам в этой стране, подобно тому как это сделала Италия. Характерно, что в этом вопросе немцы и итальянцы обрушивают друг против друга свою пропаганду. Гитлер сказал также, что не видит никаких возможностей для русско-германского сотрудничества. Почти все эти сведения я уже раньше сообщил по телеграфу в Вашингтон. Сэр Эрик только подтвердил их и снова выразил самые серьезные сомнения в возможности сохранить мир в Европе. В одном сомневаться не приходится: Гитлер стремится к войне. Когда именно нанесет он первый удар — это зависит от степени его подготовленности и от удобного повода.

В полдень я уже сидел в кабинете Нейрата. Я предложил ему в подарок дневник в двадцати одном томе и документы, подготовленные несколько лет назад Хантером Миллером, советником по истории в государственном департаменте. После того как он от души поблагодарил меня, я заговорил о военной политике Германии. Прежде всего я сказал, что в Соединенных Штатах все убеждены в намерении Германии вскоре начать войну. Он заверил меня, что никаких шагов в этом направлении не сделано, и притворился очень озабоченным тем, что Муссолини, как видно, в последнее время приказал удвоить итальянские вооруженные силы, а несколько дней назад также опубликовал заявление, в котором требует окружить Германию кольцом враждебных государств и обвиняет Англию в том, что она не хочет объединиться во имя этого с Францией и Италией. «Но тем не менее, — сказал Нейрат, — в ближайшие несколько недель будет достигнуто общее мирное соглашение». Я решил, что он имеет в виду предстоящую конференцию в Женеве, на которой 15 апреля должны встретиться руководители делегаций в Лиге наций.

Я напомнил Нейрату, что все немцы только и думают о войне, что все свои публичные демонстрации они устраивают в полном военном снаряжении. Я сказал также, что по стране широко распространяются захватнические карты, которые свидетельствуют о том, что нацистские руководители стремятся аннексировать соседние с Германией страны — Нидерланды, Австрию, некоторые районы Швейцарии и Польский коридор. Нейрат возразил, что карты эти выпущены безответственными лицами. Я заметил, что на них значится имя Геринга и увидеть их можно по всей Германии, в гостиницах и на железнодорожных станциях. Нейрат не стал оспаривать это, но сказал, что такие факты не имеют ничего общего с внешней политикой Германии.

— Это убеждает весь мир в том, — продолжал я, — что Германия намерена вернуться к своей старой захватнической политике, которая немногим отличается от политики Теодора Рузвельта. То, что нацисты маршируют повсюду в военной форме и заявляют, будто все пограничные области, где живут люди, говорящие по-немецки, принадлежат Германии, красноречиво свидетельствует об агрессивном духе, который здесь царит.

Министр иностранных дел сказал:

— Меня самого тревожат воинственные разговоры и настроения.

Наша беседа продолжалась полчаса и вновь убедила меня в том, что Нейрат, а возможно, не только он, но и остальные руководители министерства иностранных дел прекрасно понимают всю опасность, которую несет с собой гитлеризм, и что они напрасно пытаются отстоять свою точку зрения. Гитлер действительно собирается аннексировать все эти территории и со временем начнет для этого войну.

Я ушел, не получив никаких сколько-нибудь веских гарантий, подобно тому как, уходя из английского посольства, я был убежден только в одном: Англия ведет хитрую политическую игру. Но, как знать, быть может нынешнему лондонскому правительству ничего другого и не остается? Ллойд Джордж прибегает к тонким уловкам, а радикально настроенные лейбористы, как всегда, твердо стоят на пацифистских позициях. Окружение Германии кольцом враждебных государств в настоящее время невозможно, и положение, сложившееся в

1914 году, повторяется почти во всех подробностях. Неужели в Европе вспыхнет война? Во всяком случае, мне кажется, что это произойдет не через год и не через два.

В половине пятого я встретился с французским послом Франсуа-Понсэ, чтобы узнать его мнение. Умолчав о запросе из Вашингтона касательно реальности угрозы войны, я спросил, как он относится к предстоящей конференции в Стресе⁷, которая должна начаться 11 апреля. Посол сразу же обнаружил то раздражение, которое за последний месяц вызвали у французов действия англичан. Он сомневается в том, смогут ли Муссолини и французский министр иностранных дел Лаваль достичь чего-либо, кроме соглашения об изоляции Германии, этого единственного средства сохранить мир, поставив сэра Джона Саймона перед совершившимся фактом. Тогда англичане, как считает Франсуа-Понсэ, откажутся присоединиться к этому соглашению, и Германия, получив новую отсрочку, сможет тем временем спокойно продолжать вооружаться.

Посол сказал, что, по его мнению, Гитлер не станет сейчас форсировать войну, но это лишь потому, что он еще не готов к ней.

— В ближайший год или два войны не будет, если только не произойдет какой-нибудь конфликт в Австрии, Данциге или Чехословакии. Тогда Гитлер убедит весь немецкий народ снова выступить в поход. Если Англия не присоединится к нам сейчас, война неминуема.

Я узнал, что в конце марта Франсуа-Понсэ имел частную беседу с Бенешем, во время которой премьер-министр Чехословакии сказал, что его страна будет бороться за свою независимость, если ее союзники придут к ней на помощь; в противном случае ей останется только капитулировать, согласившись на «дружбу» с Германией. Интересно, сомневается ли Бенеш в искренности французских и английских обещаний?

Сегодня вечером я обедал у аргентинского посланника Ла Бугля. Я сидел справа от его супруги и узнал из разговора с ней, что вчера вечером Геринг дал в честь синьоры Ла Бугль и ее мужа большой обед; как видно, нацисты тщетно надеются привлечь на свою сторону латиноамериканские страны на случай войны. Супруга

посланника в доверительном тоне очень резко критиковала современный режим в Германии.

Справа от меня сидела супруга швейцарского посланника, который в прошлый понедельник заявил официальный протест против похищения нацистами одного еврея, некоего Якоба, писавшего в последние два года талантливые антинацистские статьи для швейцарских и французских газет. До 1933 года Якоб являлся германским подданным. Теперь он в тюрьме, и его будут судить по обвинению в измене. Бюлов заявил швейцарскому посланнику, что Якоб не будет освобожден, и отказался признать, что он был похищен, как утверждал посланник. Очевидно, немцы намерены игнорировать германо-швейцарское соглашение, заключенное в 1921 году.

Так как супруга швейцарского посланника то и дело меняла тему разговора, я сказал:

— Недавно я читал у крупнейшего английского историка Леки о вашем знаменитом Цвингли⁸ и его приверженности идее свободы личности еще за двести лет до того, как остальная Европа оценила философию свободы мысли и слова.

Она притворилась, будто никогда не слыхала о Цвингли; впрочем, возможно, так оно и есть в действительности, ибо немногие дипломаты знают из истории что-либо, кроме самых общеизвестных фактов.

Пятница, 5 апреля. Я по телеграфу сообщил государственному секретарю Хэллу факты, свидетельствующие об угрозе войны; нацистское правительство ведет себя агрессивно. Ответственное или, вернее, безответственное, трио в составе Гитлера, Геринга и Геббельса, так плохо знающее историю, способно на любое безрассудство. Все они убийцы по складу ума. Стоящая перед ними экономическая дилемма может ускорить войну как возможный выход из трудного положения. Шахт, однако, располагает абсолютной властью, а немцы так преклоняются перед авторитетом всякой власти, что подчинятся любым другим временным мерам. Поэтому, мне кажется, ожидать какого-либо переворота внутри страны нет оснований.

Министр иностранных дел говорит: «Войны не будет»; но он обеспокоен поведением Муссолини. Английский посол говорит: «В ближайшие год-два войны не

будет, но война — цель германского правительства». И, наконец, французский посол говорит: «Пожалуй, войны все же не будет, если не произойдет какой-либо конфликт в Дании или в Австрии, который даст нацистам повод разжечь в немцах боевой дух». Все это очень печально, но, мне кажется, дело обстоит именно так. Если содержание моей телеграммы станет известно, подобно тому как это было с докладом Миллера в октябре прошлого года, германское правительство, надо полагать, придет в ярость.

Вторник, 9 апреля. Сегодня мы обедали у Солмсенов, и, так как они пригласили нас к себе чуть ли не месяц назад, нам пришлось опоздать на первый свадебный прием, который Геринг устроил в Оперном театре. Гости Солмсенов высмеивали нацистских главарей — Геринга, Геббельса и Гесса за то, что в прошлое воскресенье они пытались запугать всех жителей Дании и заставить их голосовать за нацистов. Многие люди, которые не вывесили на своих домах нацистские флаги, подверглись насилию. В консульствах некоторых стран, не вывесивших флаги, были выбиты окна. Нацистские главари были уверены, что они соберут 75 процентов голосов, смогут контролировать данцигский совет большинством в две трети депутатов и потребуют от Лиги наций согласия на возвращение Дании Германии. Судя по всему, 90 процентов жителей проголосовали бы за возвращение города Германии, если бы страна не была под властью нацистов. В результате нацисты собрали еще меньше голосов, чем в 1933 году.

Присутствующие резко осуждали глупость Гитлера, который послал Геринга, Геббельса и Гесса в Данию, чтобы запугать жителей. Немало насмешек было отпущено также по поводу брачного торжества, которое Геринг устраивал в тот вечер в театре, а на другой день в соборе.

Когда все встали из-за стола, мы извинились и уехали, чтобы к четверти десятого попасть на прием в Оперный театр. Нам жаль было уходить, но французского посла, который заменяет нашего отсутствующего главу дипломатического корпуса — папского нунция, как он сказал, принудили принять приглашение и рекомендовать другим членам дипломатического корпуса быть

на приеме. Пришлось нам тоже взять пригласительные билеты.

Мы успели присоединиться к толпе гостей, которые спешили поздравить невесту и жениха, стоявшим в большом зале на втором этаже. Эта церемония продолжалась целый час. Потом все вновь заняли свои места, и опера возобновилась. Дирижировал австрийский нацист Краус, который занял здесь место Фуртвенглера, уволенного из театра в декабре прошлого года. Краус всячески старался выказать свое удовольствие по поводу того, что он смог устроить в честь Геринга музыкальный спектакль. Я не знаток музыки и не могу судить, хороша опера или плоха. Мне она, во всяком случае, не доставила удовольствия.

Пятница, 12 апреля. Сегодня вечером я узнал от советника французского посольства, что советник английского посольства Ньютон побывал в германском министерстве иностранных дел и осведомился там, одобрит ли Германия франко-русский договор, который будет подписан в ближайшие дни. При этом имеется в виду, что этот договор носит чисто оборонительный характер. Быть может, теперь немцы согласятся с английскими требованиями, выдвинутыми в Стресе, где происходит совещание между представителями Англии, Франции и Италии по вопросу о вооружении и о дополнительных мирных договорах. Нейрат, к удивлению Ньютона, сказал, что Германия одобрит или, по крайней мере, не осудит всякий мирный договор. Эти слова были переданы по телеграфу в Стрессу. Французы очень удивлены, я же несколько не удивился, так как в министерстве иностранных дел мне много раз говорили, что Германия вернется в Лигу наций, как только другие государства признают за ней равные со всеми права.

Мы обедали у греческого посланника, который всего лишь неделю или две назад был в отчаянии из-за востания, которое в его стране возглавил Венизелос. Тогда он даже взял обратно все разосланные приглашения к себе на обед, который должен был состояться в середине марта. Сегодня на обеде присутствовал двадцать один человек, в том числе русский и японский послы. Все кушанья были сервированы на больших серебряных блюдах, которые привлекли мое внимание.

— Это английское серебро, — сказала хозяйка, когда я заметил, что блюда очень красивы.

После второго кушанья эти же блюда снова появились на столе. Таков уж обычай у дипломатов — они всегда стараются поразить гостей показным богатством. Лишь бывая на званных обедах, видишь, какие размеры это приняло.

Вечер был потерян; домой мы вернулись в четверть двенадцатого.

Суббота, 13 апреля. Сегодня у нас был американский посол в России Уильям Буллит. Присутствовали человек двадцать гостей и среди них русский и польский послы, югославский и венесуэльский посланники. Пришли также доктор Дикгоф и доктор Хёцш. Буллит, как мне показалось, чрезвычайно доволен собой; в нем гораздо больше мальчишества, чем можно было бы ожидать в его годы. Он рассказал мне о своей беседе с французским министром иностранных дел Лавалем — речь шла об оборонительном союзе между Францией и Россией. Договор должен быть подписан 23 апреля.

Из достоверного источника, назвать который я не могу, мне сегодня стала известна любопытная история, весьма характерная, как мне кажется, для нацистской Германии. Она показывает, к чему идет общество, которое мирится с диктатурой, особенно если власть находится в руках трех таких людей, как те, что правят Германией.

Как стало известно из эсэсовских кругов, близкие генерала Шлейхера по совету главнокомандующего германской армией генерала Фрича возбудили судебное дело о возмещении убытков в связи с убийством их знаменитого родственника в июне прошлого года. Следует учесть, что в свое время военное министерство получило от СС для ознакомления документы, связанные с этим убийством, и отказалось вернуть их. Позавчера четверо эсэсовцев явились в военное министерство к майору, у которого хранились эти документы, и, пригрозив ему пистолетом, потребовали папку. С притворной покорностью майор нагнулся, будто бы для того, чтобы достать документы из ящика письменного стола, но вместо этого нажал на спрятанную там кнопку сигнала тревоги и, чтобы выиграть время, дал эсэсовцам какие-то другие

бумаги. Вскоре подоспела охрана, арестовала эсэсовцев, увела их в подвал министерства и там расстреляла. Пенел их после кремации был послан в ящике Гиммлеру.

Вторник, 16 апреля. Ввиду напряженности общего положения в Европе я поехал сегодня в полдень побеседовать с Бюловым. Он произвел на меня впечатление более искреннего и свободомыслящего человека, чем Нейрат, но в этом нельзя быть вполне уверенным. Мы разговаривали полчаса, но мне почти ничего не удалось узнать. Бюлов сказал, что Гитлер никогда не присоединится к «Восточному Локарнскому пакту», целью которого является сохранение существующих границ, но при этом он, правда, не сослался непосредственно на слова Гитлера. Он уверял меня, что Гитлер хочет сохранить мир, но положение осложняется тем, что, как он сказал, Советская Россия заключила с Чехословакией договор, согласно которому большому количеству советских самолетов предоставляется право совершать посадку на чехословацких аэродромах.

— Это означает тесный союз с Францией и агрессию против Германии, — заключил он.

Я сказал:

— У нас есть сведения, что Чехословакия склоняется к компромиссной позиции, занимаемой Англией, и уже не так тесно связана с Францией, как раньше.

Бюлов возразил на это:

— Ничего подобного. Премьер-министр Бенеш как всегда ввел в заблуждение вашего посланника в Праге. Чехи по-прежнему в тесном союзе с французами, и новый франко-русский договор лишь укрепляет этот союз.

Я спросил его, пошлет ли Германия делегатов на конференцию, которую Муссолини созывает в Риме 20 мая. Он ответил:

— Да, но мы еще не получили приглашения.

— Согласны ли вы гарантировать Австрии независимость?

— Да, конечно, мы не можем настаивать на ее присоединении к Германии, хотя знаем, что большинство австрийцев хочет этого. Но все австрийские генералы и другие высокопоставленные деятели на жаловании у итальянцев. Вот что представляет собой нынешнее австрийское правительство.

Бюлов не возлагает никаких надежд на конференцию в Риме, ввиду того что Болгария отказывается сотрудничать с Венгрией и Румынией и нет возможности достичь соглашения с Италией и Францией относительно Австрии. Эти рассуждения были непоследовательны, так как минуту назад он сказал, что Гитлер не стремится присоединить Австрию к Германии. Если это так, почему же нельзя договориться относительно ее независимости?

Бюлов спросил, каковы настроения в Соединенных Штатах. Я ответил:

— Почти все американцы считают, что Германия идет к войне, и это сильно влияет на нашу политику.

Он снова заверил меня, что Германия стремится к миру, но сказал, что, по словам одного немецкого деятеля, недавно вернувшегося из Вашингтона, все газеты там пишут, будто Гитлер потребовал у Польши Польский коридор, а у Чехословакии и Австрии — территории, населенные немцами. Журналисты пришли к послу Лютеру за подтверждением, и Лютер не опроверг эти сведения, после чего американцы решили, что таковы действительно требования Гитлера.

— Лютер телеграфировал нам, и мы сразу же дали опровержение, — продолжал Бюлов, — но оно, к сожалению, запоздало.

«Должно быть, — подумал я про себя, — посол боялся, что Гитлер действительно потребовал упомянутые территории, а потому не решился выступить с опровержением». Мне кажется, Гитлер намерен захватить эти восточные территории при малейшей возможности, но хочет, чтобы первый агрессивный шаг сделала какая-нибудь другая страна. Тогда Гитлер заявит, что он отражает агрессию, и потребует аннексий. Бюлов сказал, что на конференции в Женеве в настоящее время ничего не может быть достигнуто. Франция провалит все германские предложения.

Я позавтракал с польским послом Липским, после чего мы беседовали еще целый час, но за все это время я узнал от него только одно: Польша, несмотря на пакт, заключенный в январе 1934 года⁹, все еще не уверена в прочности своего положения и вынуждена сделать попытку договориться и с Германией и с Россией — в противном случае ей грозит нападение.

Пятница, 19 апреля. Моя беседа с Бюловым 16 апреля была в достаточной степени серьезной, но еще серьезнее были события, которые произошли на следующий день. Соглашение между Англией, Францией и Италией, заключенное в Стресе 12 апреля, вызвало некоторые осложнения, но созыв 25 мая в Риме конференции Малой Антанты¹⁰, чтобы решить судьбу Австрии, имел более важное значение, чем говорил Бюлов. По его словам, Папен, приехавший в Берлин 15 апреля, заявил, что фактически все австрийцы хотят присоединения к Германии. В связи с этим я задал только один вопрос: «Будет ли Германия участвовать в римской конференции и готова ли она отказаться от намерения присоединить к себе Австрию, — намерения, столь милого сердцу Гитлера?» На это он ответил: «Аншлюс имел бы ужасные последствия для Германии». Мне кажется, Бюлов подразумевал, что теперь это имело бы ужасные последствия. Несомненно, что все немцы хотят этого.

Не знаю, какое заявление сделал сэр Эрик Фиппс 16 апреля после моей беседы с Бюловым, но вчера я узнал, что в среду, 17 апреля, Гитлер, который был в Берхтесгадене (Верхняя Бавария), приказал Бюлову пригласить сэра Эрика в министерство иностранных дел и от имени Гитлера заявить ему протест, который затем передать по телеграфу в Лондон. Как говорят, Бюлов держал себя вызывающе и оскорбительно. Сегодня берлинские газеты сообщают, что аналогичный протест был заявлен итальянскому послу. Во всяком случае, по имеющимся сведениям, парижская и лондонская пресса сегодня утром подняла шумиху; некоторые английские газеты даже утверждают, что гарантировать Англию от угрозы со стороны нацистской Германии могут лишь 10 тысяч самолетов.

Причиной протеста, заявленного Бюловым, послужили резолюции, единодушно принятые на вечернем заседании 17 апреля и на утреннем — 18 апреля, которые гласят, что закон о вооружении, изданный в Германии 16 марта, — это новое недопустимое нарушение Версальского договора. Было сделано предупреждение, что, если Германия введет свои войска в нейтральную прирейнскую зону, это будет рассматриваться как начало войны.

Положение в Европе, безусловно, критическое, но подробное сообщение о франко-русском договоре, сделанное вчера в Женеве, свидетельствует об окружении Германии кольцом враждебных государств, и Гитлеру следовало бы предвидеть это еще в октябре 1933 года, когда он внезапно вышел из состава Лиги наций и приказал провести свой первый плебисцит. Англия, Франция, Италия и Россия договорились дать отпор Германии, если она предпримет где-либо недружественную акцию. Это серьезная угроза даже для хорошо вооруженного «третьего рейха».

Более того, Бельгия, Нидерланды, Норвегия, Швеция и даже перепуганная Дания — все на стороне Англии и Франции. Возможно, эти страны, за исключением Бельгии, не вступят в войну. Но в отличие от 1914—1918 годов все они помогут Англии любыми мирными средствами, какие только возможны. Я считаю, что римская конференция должна объявить Австрию независимой безоговорочно и навечно; в то же время Румыния, Югославия, Чехословакия и Австрия должны объединиться в союз, которому сочувствовали бы Венгрия и Болгария. Тогда Германия оказалась бы беспомощной, и, в случае если она будет продолжать вооружаться, ей можно объявить экономический бойкот.

Пожалуй, никогда еще во главе великой нации не стояла более неразумная группа людей. Гитлер понятия не имеет об истории, Геринг — тем более, Геббельс ничего не знает, кроме своей нацистской пропаганды, так что хорошего тут ждать не приходится. Эта троица чудовищно эгоистичных людей, как говорят, собралась сегодня в Берхтесгадене, чтобы обсудить германскую политику, причем все они делают вид, будто за них 90 процентов немцев. Трудно сказать, что они теперь предпримут, но, как бы то ни было, от них едва ли можно ожидать мудрого решения.

Суббота, 20 апреля. Как принято среди здешних дипломатов, я поехал сегодня утром в старый дворец, где некогда жили Бисмарк и Гинденбург, чтобы распечатать в книге поздравлений, приносимых Гитлеру — президенту и вождю обманутой, беспомощной Германии. Свернув с Унтер ден Линден на Вильгельмштрассе, я увидел, что десятки тысяч немцев — мужчин, женщин

и детей — стоят за барьером, протянутым по обе стороны улицы на длину целых двух кварталов, чтобы хоть мельком увидеть фюрера, если он выйдет из дворца, где, насколько мне известно, он с утра совещается с офицерами рейхсвера, а также, вероятно, с Нейратом.

Войдя в зал, я познакомился с новым посланником из Южной Африки — мистером Джи, который был в цилиндре и в парадной форме, а перчатки и трость держал в руке. Он почувствовал некоторую неловкость за меня, когда я подошел без перчаток и цилиндра, чтобы пожать ему руку. Посланник несчастной, нищей Румынии был одет менее парадно, чем мистер Джи. Через минуту мое имя уже было записано в книгу, а сам я снова ехал вдоль шеренги солдат.

В полдень Геббельс выступил с речью. Она была составлена на самом изысканном немецком языке, какой только можно услышать или найти в литературе в наше время. Он обратился по радио ко всем немцам, а также ко всем жителям Северной и Южной Америки, которые пожелают слушать его. Воображаю, сколько человек там сразу же выключили приемники. Я был в это время в посольстве и готовил депеши для отправки в Вашингтон, а поэтому не мог послушать ловкого пропагандиста, который пользуется здесь таким влиянием, что Гитлер не решается дать ему отставку, а все разумные немцы его ненавидят. Все сказанное им о Гитлере довольно точно воспроизводит то, что думают 80 процентов немцев. Сначала Геббельс распространялся о том, какое это было бы несчастье, если бы кто-нибудь из троих «бессмертных» — Гитлер, Геринг или Геббельс — был бы убит. Я несколько удивился, узнав о том, что он сказал это, так как тысячи немцев охотно убили бы фюрера, будь у них такая возможность, и заплатили бы за это жизнью. По крайней мере, таков смысл многих разговоров.

В пять часов мы по телеграфу сообщили в Вашингтон основной смысл вызывающего ответа Гитлера членам Лиги наций, голосовавшим за резолюции, в которых осуждается закон от 16 марта. Передав этот документ в свой отдел печати для опубликования, канцлер и президент сел в самолет и снова улетел в Берхтесгаден, где он проводит больше времени, чем здесь, в кабинете, в котором некогда постоянно работал Бисмарк. Гитлер

назначает заседания кабинета нерегулярно и издает декреты, которые члены кабинета, по сути дела, никогда не санкционируют путем голосования. Вот и вся деятельность президента на его высоком посту.

Воскресенье, 21 апреля. Пасха. Как-то странно, что день рождения Гитлера наступает сразу после страстной пятницы. Поскольку Геринг сделался национальным героем на прошлой неделе, когда он женился и получил столь необычайные дары, необходимо было устроить Гитлеру не менее сенсационное «хайль». Сегодня мы узнали, что он получает в подарок от народа двадцать семь военных самолетов. Веселенькая пасха, нечего сказать!

Получился любопытный сезон: после того как Лига наций осудила Германию за ее вызывающие действия в области вооружения, выдалось четыре знаменательных дня подряд. Пятница — день распятия; суббота — день рождения Гитлера; воскресенье — светлое воскресенье, а понедельник, — как обычно, день отдыха. Все официальные деятели уехали из Берлина, большей частью в Южную Германию. Я мирно сижу дома, по-немногу работаю над «Старым Югом», которым я так долго не занимался.

Четверг, 25 апреля. Сегодня вечером мы устроили официальный обед, первый после того, как мы два месяца назад вернулись из Вашингтона, хотя у нас было много разных завтраков и обедов, на которых присутствовало по десять-двенадцать гостей. На этот раз было приглашено двадцать человек, причем самым интересным из них оказался югославский посланник. Ему уже под семьдесят, но он очень остроумен, откровенен, и Розенбергу не поздоровилось от его насмешек. Японский посол снова говорил о своих близких отношениях с Герингом и Геббельсом, с которыми почти все дипломаты просто боятся встречаться. Я был однажды в гостях у Геринга, чей дворец роскошнее, чем у Гитлера, и обедал в довольно скромном доме Геббельса. Но ни один из них не бывал у нас, хотя мы как-то пригласили обоих в гости — это было незадолго до 30 июня 1934 года.

Пятница, 26 апреля. У нас собралось человек двадцать молодежи по случаю приезда Марты, которая

вернулась сегодня. Среди них были очень интересные люди. Тревожнее всех чувствовал себя, хотя он умело скрывал это, внук сосланного кайзера, кронпринц Луи Фердинанд, который унаследует престол, если Германская империя когда-нибудь воскреснет. Ему, вероятно, лет двадцать семь, он высок, красив и очень умен. Он любит говорить о Генри Форде — «великом администраторе», как он его называет, а также о самолетах, которыми он учится управлять, готовясь к войне, которую всей душой ненавидит. О трагедии Гогенцоллернов он изредка разговаривает только с моей дочерью. Он еще питает слабую надежду когда-нибудь стать кайзером. Если бы не эта надежда, он уехал бы в Соединенные Штаты. Я убеждаю его, что он должен изучить историю Германии и написать всю правду о своей семье. Он был слишком молод в 1914 году и тогда многого не понимал, но с тех пор ему довелось достаточно пережить, чтобы навсегда запомнить, как разворачивалась трагедия.

Суббота, 27 апреля. Сегодня мы завтракали у сэра Эрика Фиппса и его супруги. Присутствовало сорок гостей. Среди них был заместитель Геринга — генерал авиации Мильх с супругой, которая сидела за столом справа от меня. Ничего интересного сказано не было, только сэр Эрик сообщил моей жене, что Германия строит двенадцать подводных лодок и несколько больших военных судов в нарушение Версальского договора. Вчера он виделся с Бюловым, но они не смогли найти общей основы для будущих переговоров. Зачем немцы собираются строить большой флот, если у Германии нет сколько-нибудь значительных территорий на побережье? С одной единственной целью — для нападения на Англию.

Понедельник, 29 апреля. Сегодня в одиннадцать часов утра заходил Виганд. То, что он рассказал, подтвердило наши сведения о расширении авиационных сил и военного флота. Он сказал, что, как ему говорил генерал фон Рейхенау, командование рейхсвера очень встревожено вызовом, который Гитлер бросил всем соседям Германии; генералы рейхсвера требуют заключения договора с Россией именно теперь, когда Франция по-немногу сближается с Советским Союзом. Такова единственная возможность ликвидировать окружение Гер-

мании, создаваемое Францией, Англией и Италией. Гитлер сильно обеспокоен и очень боится вести переговоры с Россией — единственным своим врагом, с которым он предпочел бы никогда не иметь дела. Однако, как говорит Рейхенау, он сказал одному из представителей рейхсвера: «Что ж, ради Германии я готов заключить договор с самим дьяволом».

Среда, 1 мая. Ежегодный праздник труда при нынешнем режиме превратился в Германии в нацистскую демонстрацию — мне это чем-то напоминает празднование дня 4 июля у нас в Америке, с той только разницей, что здесь все рабочие обязаны присутствовать на митингах в честь Гитлера, хотя они этого или нет. Нам предстояло поехать на аэродром Темпельгоф, чтобы присутствовать на параде, но шел дождь вперемежку со снегом, и, позвонив в министерство иностранных дел, я извинился, что не могу приехать. Мои извинения были охотно приняты. Как сообщают газеты, в демонстрации участвовали 1 миллион 700 тысяч человек. Я не уверен в точности этой цифры, но торжество было огромное, причем Гитлер произнес довольно пессимистическую речь. Он предупредил немцев, что нужно готовиться к тяжелым испытаниям и тесно сплотить свои ряды. Он сказал, что предпочел бы быть германским крестьянином, не имеющим своего дома, нежели гражданином какой-либо другой страны. Сам он австриец и, как говорят, обладает миллионным состоянием.

Великий день ознаменовался лишь двумя событиями — речами Гитлера и Геббельса, причем последний сравнил своего вождя с Жанной д'Арк, как единственного человека, который беседует со всемогущим богом о делах своей родины.

Четверг, 2 мая. Сегодня мистер Дани, начальник отделения, ведающего в государственном департаменте Западной Европой, позабавил меня своим толкованием событий и настроений. Он путешествует и усердно расширяет связи, не зная ни одного языка, кроме английского.

Понедельник, 6 мая. Эхснер из агентства Юнайтед Пресс сказал, что, как ему стало известно из секретного, но абсолютно достоверного источника, в Вильгельмс-

хафене усиленно строятся подводные лодки и другие военные суда. Он рассказал также о мелких судах, которые вооружены несколькими пушками и развивают скорость до шестидесяти узлов. Это расширение германского флота заставило Англию изменить свое дружественное отношение к Германии, которое установилось за последние три месяца, а теперь уступило место серьезной озабоченности, обнаружившейся в дебатах, которые имели место в палате общин, а также в поведении сэра Эрика Фиппса.

В прошлое воскресенье, 5 мая, я встретил сэра Эрика, гулявшего в Тиргартене. Он сказал, что с каждым днем тревожится все больше, поскольку Германия не имеет ни достаточно обширных выходов к морю, ни колоний. И все же она и в этом отношении нарушает Версальский договор (во многом несправедливый, конечно, как все договоры, которыми кончаются войны), рискуя вызвать вражду со стороны Англии. Это кажется мне в высшей степени неблагоразумным теперь, когда Италия, Франция, Англия и Россия, объединяясь, создают окружение Германии. Англичане колеблются, стоит ли привлекать к этому Россию, однако поведение Германии в настоящий момент может толкнуть Англию на сотрудничество с Россией.

Лорд Лотиан, он же Филипп Керр, который был секретарем Ллойд Джорджа во время мировой войны, написал мне об этом в своем письме, которое я получил сегодня. Он высказал мнение, что возможность вовлечь Германию в Лигу наций упущена, так как Франция не смогла взглянуть в лицо действительности, а Англия не сумела изменить свой политический курс. Следовательно, по его убеждению, Лига наций будет низведена до роли чисто антинацистской организации, что даст Германии лишний повод следовать собственным путем, придерживаясь политики с позиции силы. Он недвусмысленно дал понять, что стоит за коалицию демократических стран, которая отвела бы от них всякий удар со стороны Германии и направила бы его на Восток. По всей видимости, его мало беспокоит, что это может привести к войне между Россией и Германией. Более того, он, кажется, видит в этом хорошее средство устранения трудностей, навязанных Германии Версальским договором. Перед демократическими странами, по его мнению, стоит про-

блема обеспечить для Японии и Германии более важную роль в международной политике, на которую они вправе претендовать в силу своей мощи и традиций. Он надеется, что это можно сделать без всяких потерь со стороны Британской империи и с минимальным ущербом для дела общечеловеческой свободы¹¹.

Вторник, 7 мая. Вернувшись из поездки в Женеvu и Рим, раввин Лазарон сообщил, что, по словам одного члена папского правительства, католики не смогут сотрудничать с лютеранами в Германии, хотя они находятся в одинаковом с ними положении. Четырехсотлетняя ненависть католиков к Мартину Лютеру и его деятельности до сих пор заставляет их враждебно относиться к лютеранам. Однако раввин Лазарон гораздо больше озабочен ужасной судьбой немецких евреев. Он виделся с Максом Уорбергом из Гамбурга, и тот также был очень встревожен. Ни один из них не знает, как быть.

Пятница, 10 мая. Новый болгарский посланник нанес мне визит по всей форме в приемные часы. Он поразил меня своим либерализмом и осведомленностью в европейских делах. Характеризуя положение в Болгарии, он обнаружил такую широту взглядов и понимание международного положения, каких я не встречал ни у одного из знакомых мне американских послов: ни у Буллита в России, ни у Кудачи в Польше, ни у Лонга в Италии. Бингэма, нашего посла в Лондоне, и Страуса — в Париже я недостаточно знаю, чтобы сравнивать. Но я убежден, что аккредитованные здесь посланники Болгарии, Румынии, Чехословакии и Югославии на голову выше тех американских послов, о которых я говорил.

Все эти посланники из отсталых малых стран знают по три языка и отлично разбираются в значительных эпохах истории Европы. Американские же послы, посланники и сотрудники посольств, как правило, не считают необходимым знать два-три языка и ничего не делают для того, чтобы понять историю народа той страны, где они аккредитованы. Мне стыдно, что я плохо знаю французский язык, хотя знания немецкого мне вполне достаточно, а солидное знакомство с историей уравнивает мои шансы перед партнерами из германского ми-

нистерства иностранных дел, которые знают много языков, но очень слабо разбираются в своей собственной истории — результат односторонней системы преподавания, установившейся в немецких университетах начиная с фон Трейчке.

Среда, 15 мая. Желая узнать мнение германских официальных лиц о международном положении теперь, когда Германия полностью блокирована кольцом так называемых пактов, я попросил у Нейрата разрешения побеседовать с ним в неофициальном порядке. Мы встретились в полдень.

Он сказал, что Гитлер выступит на заседании рейхстага 21 мая. Ему неизвестно, о чем Гитлер будет говорить, хотя он послал ему памятную записку, в которой отметил то, о чем следовало бы сказать. Выступление назначено на 21-е потому, что умер Пилсудский, похороны которого состоятся 18-го. Нейрат довольно спокойно говорил о так называемом Восточном Локарнском пакте, хотя Гитлер рвет и мечет, как только речь заходит о том, чтобы Германия присоединилась к нему. Нейрат хотел бы повременить, пока Англия, Германия и Франция не заключат соглашения об ограничении строительства самолетов. Я не сказал ему, что Англия и Франция вряд ли пойдут на это, пока Германия не присоединится к Восточному Локарнскому пакту, причем Франция абсолютно уверена, что Германия не выполнит ни одного из своих обещаний по разоружению. Мы оставили этот вопрос открытым, так как я сам убежден, что Германия намеревается аннексировать территории на севере и на востоке и потому в ближайшем будущем не прекратит вооружаться.

Я спросил Нейрата о позиции Италии и о Дунайской конференции, предложение о созыве которой было выдвинуто в Стрезе 11 мая и о которой с тех пор так много говорили. Нейрат сказал, что удивлен недавностью Муссолини, пославшего войска в Эфиопию. В конечном итоге, если начнется война, Италия потеряет много солдат, долгое время ничего не сумеет добиться и может оказаться перед лицом финансового банкротства. Италия, по его словам, находится в очень опасном положении, она вооружена до зубов, по уши в долгах, и не имеет рынков — положение совершенно аналогич-

ное тому, в котором Германия сама окажется к 1937 году. Нейрат сказал: «Муссолини не может распустить свой миллион солдат, не вызвав в стране чудовищной безработицы; он не может продолжать вооружаться, не придя к банкротству, и не может проиграть войну, не будучи свергнутым». Он так все это обрисовал, что я не могу отделаться от мысли, что и Германия даже сейчас находится в подобном же положении, хотя долги ее не так угрожающи, как у Италии, а непосредственной угрозы войны пока нет.

Хотя во время этой беседы не было сказано ничего особенно важного, я все же ушел убежденный, что германское министерство иностранных дел прилагает все усилия для того, чтобы сдержать Гитлера и склонить Англию к разрыву с Францией и Италией. Повсюду действительно чувствуется беспокойство, особенно после смерти польского диктатора Пилсудского.

Пятница, 17 мая. Ричард Дж. Дэвис из Чикаго, проповедник «Христианской науки», который в течение месяца разъезжал по Германии, читая лекции, пришел рассказать о своеобразных взглядах и настроениях немецкой публики в самых различных частях страны. По его мнению, среди немцев наблюдается все возрастающий интерес к религии, вопреки стараниям Розенберга. Я не уверен в правильности его заключений, хотя меня удивило, что он читал всегда при переполненном зале. Он полагает, что население Германии проявляет большое беспокойство, по крайней мере это касается верующих.

Суббота, 18 мая. Сегодня я отправился в католический собор возле дворца старого кайзера и присутствовал на панихиде по Пилсудскому, погребение которого происходило в тот же самый час в Польше, в Кракове. Собор был полон. Гитлер сидел на почетном месте справа от алтаря. Позади него в первом ряду расположились Нейрат, Геббельс и генералы рейхсвера. Гитлер сидел отдельно от всех в кресле перед самым алтарем. Это было просто неприлично.

Забавно было видеть людей в белых перчатках в церкви, да еще в сравнительно теплый день. Все было обставлено строго официально, хотя прийти в христиан-

скую церковь при сабле казалось мне признаком дурного тона. Что сказал бы Христос, увидев подобные проявления воинственного духа? Скорее всего он попросту покинул бы храм.

Ровно в одиннадцать в нефе появился папский нунций в сопровождении двенадцати священников; длинная красная мантия, ниспадавшая с его плеч, тянулась за ним по крайней мере на двенадцать футов, поддерживаемая двумя людьми, которые не давали ей волочиться по полу. Он сел на некое подобие трона справа от главного алтаря, где среди горящих свечей священнослужители распевали псалмы по латыни, которую тут никто не понимает, и время от времени падали на колени, размахивая кадилами с ладаном, которого, как мне кажется, Христос никогда не употреблял. Это был насквозь средневековый обряд, и никто, быть может, за исключением священников, не понимал ни слова из того, что тут говорилось или пелось.

Мне все это казалось почти нелепостью. Я мало что знаю о Пилсудском, мне известно только, что он был диктатором, уничтожавшим тех, кто выступал против него. К чему вся эта пышная религиозная церемония, если никому даже в голову не пришло бы назвать его христианином? Но среди собравшихся, вероятно, не было ни одного истинного последователя Христа. Я представил себе, какие почести оказали бы немецкие лютеране и католики Гитлеру, этому мнимому католику, если бы он умер. Он убил или приказал убить сотни ни в чем не повинных людей, и тем не менее всех нас, дипломатов, пригласили бы в церковь отдать ему последний долг как христианину.

Я вышел из собора в двадцать минут первого и вздохнул с облегчением, не видя больше этого чудовищного лицемерия. Возможно, не все со мной согласятся. Подлинное учение простого, бесхитростного Иисуса Христа оказало на меня огромное влияние, и раннее христианство я считаю подлинно демократичным. Однако в наше время ни католики, ни протестанты не верят в христианские или демократические принципы и не претворяют их в жизнь. Со студенческой скамьи, будучи председателем отделения Христианской ассоциации молодежи при Политехническом институте в Виргинии, я постепенно осознавал неискренность людей, называющих себя христианами.

идея
м.ф.

нами, и из соображений порядочности перестал ходить в церковь, за исключением особых, сугубо официальных случаев. Если бы люди действительно были христианами, в мире не было бы войн и той ужасной эксплуатации, которой наши предприниматели подвергают народ.

Вторник, 21 мая. В восемь часов я поехал в оперный театр Кролля по соседству со старым зданием дискредитированного рейхстага, где Гитлер должен был обратиться к миру с речью о своей роли и политике в качестве фюрера. Я вошел в зал за пять минут до начала, но все места, отведенные для дипломатов, кроме одного, были уже заняты. Французский, итальянский, английский, японский и польский послы сидели в первом ряду; там же я увидел супругу Нейрата и синьору Черрути, так что для меня места там не осталось. Бассевиц специально для меня приставил к первому ряду стул, который, однако, показался мне неудобным, и, зная, что речь продлится два часа, я предпочел единственное свободное место в третьем ряду, что было хотя и не дипломатично, зато удобно.

Канцлер начал свою речь точно в назначенное время. Первые двадцать минут он говорил об экономическом положении Германии, впрочем, без подлинного понимания дела. Затем он перешел к положению Германии в конце мировой войны (как будто Германия не повинна ни в каких преступлениях) и заговорил о несправедливом Версальском договоре. Я видел, как неловко чувствовал себя французский посол, особенно когда Гитлер говорил о «Четырнадцати пунктах», выдвинутых в 1918—1919 годах. После этого он целый час обрушивался на Лигу наций и коммунизм. Впрочем, нельзя сказать, чтобы здесь он был целиком неправ, но он чересчур преувеличил их пороки. На этот раз он ни словом не обмолвился о своей готовности вернуться в Лигу наций при условии, что Германии будет обеспечено равноправие, о чем так много говорилось с октября 1933 года.

Высказывания Гитлера о Литве и инцидентах на восточной границе более явственно, чем он того хотел, выдали его истинную цель — ни за что не отказываться от надежды на аннексию. Он неоднократно повторял, что Германии колонии ни к чему, хотя Шахт утверждает как раз обратное, и, следовательно, она должна при-

соединить к себе такие полундустриальные страны, как Литва, Эстония, а также Западная Польша. Намек на аннексию Литвы, сделанный в завуалированной форме, тем не менее вызвал самое громовое «ура» за весь вечер. Столь же бурное одобрение получил подобный намек относительно Австрии.

Гитлер не сказал ничего, что прямо выдавало бы военные цели Германии. Его слова о том, что Германия согласна иметь флот, равный 35 процентам британских военно-морских сил, а также сделанное Англии и Франции предложение о заключении с Германией договора об ограничении военно-воздушных сил создают две предпосылки для соглашения с Англией, которые, как я полагаю, весьма по душе английскому послу. Вполне возможно, что Гитлер будет вынужден пойти на какое-либо международное соглашение, если другие державы окажутся достаточно благоразумными и предпримут осторожные шаги в этом направлении. Но они этого не делают.

Какую бы серьезность и многозначительность Гитлер ни напускал на себя, меня ему не одурачить. Однажды он заверил меня, что бросит в Северное море любого немецкого чиновника, который пошлет пропагандистский материал в Соединенные Штаты, а когда в конце марта 1934 года я приехал в Нью-Йорк, немецкий генеральный консул принес мне переданное по телеграфу предписание на этот счет, обязательное для всех германских представителей в Соединенных Штатах. Я передал этот документ в государственный департамент. Однако теперь отделение зарубежной пропаганды в Берлине насчитывает шестьсот служащих. Да и в самих Соединенных Штатах нацисты в 1934 году несколько не ослабили свою пропаганду, хотя время от времени германские консулы приостанавливали открытую деятельность. Этот случай — одно из многих доказательств лживости нацистских обещаний. И, как бы ни претила мне эта мысль, я считаю, что все европейские державы должны сплотиться и сохранять сплоченность, оставаясь во всеоружии, если только в ближайшем будущем они не предъявят канцлеру ультиматум — прекратить вооружаться сверх определенного предела, но он в ответ на это может начать войну.

VII

22 мая 1935 г. — 25 ноября 1935 г.

Среда, 22 мая. Сегодня в полдень я имел интересный разговор с Арманом Бераром. Он откровенно сказал:

— Французы очень встревожены, особенно после того, как Англия приняла обещания Гитлера за чистую монету. Мы не можем верить в его миролюбие, однако французский народ не хочет воевать. В прошлом году мы при всей нашей нелюбви к Муссолини заключили пакт с Италией. Мы пошли на этот шаг только для того, чтобы остановить германскую агрессию, и обещали свое согласие на аннексию Абиссинии. Надеюсь, у Муссолини хватит ума на то, чтобы аннексировать ее не сразу, а постепенно, как мы сделали это в Марокко. Мы особенно настаивали на этом условии. Боюсь, что они пренебрегут им и ускорят неприятные события.

Вот как делают дела здесь, в Европе. Его откровенность несколько удивила меня.

Затем Берар сказал:

— Лаваль, наш министр иностранных дел, хочет приехать в Берлин для переговоров с Гитлером. Наш посол отправляется сегодня в Париж, чтобы, если возможно, не допустить этого. Мы не верим, что с Гитлером можно заключить какое-либо соглашение.

Лично я думаю, что соглашение возможно, если Франция пойдет на присоединение Австрии к Германии, что в дальнейшем повлекло бы за собой попытки аннексировать также Чехословакию и Венгрию. Но, конечно, французам отнюдь не улыбается перспектива иметь дело с восьмидесятимиллионным «третьим рейхом».

Мосье Берар заметил далее, что Франция в скором времени намеревается провести девальвацию франка, для того чтобы приостановить вывоз золота в Нью-Йорк; за эту неделю его было вывезено на миллион долларов с лишним, и сегодня на борт «Вашингтона» погрузили еще целый вагон! Однако девальвация не повлияет на позицию Англии или США в этом вопросе. Когда я ездил в Вашингтон, американское правительство было заинтересовано в стабилизации валюты. Теперь, по-видимому, оно не хочет этого.

В четверть пятого я разговаривал с сэром Эриком Фиппсом; он, как мне показалось, не очень доволен реакцией лондонской прессы на речь Гитлера, которую мы слушали вчера вечером. Меня это не удивило. Англичане, видимо, поверили обещаниям фюрера. Если и дальше так пойдет, то в ближайшие полгода не будет заключено действительного соглашения о разоружении, и Германия успеет лучше, чем теперь, подготовиться к нападению, как это имело место и в 1914 году.

Мы поговорили о возможности повлиять на немцев с тем, чтобы они прекратили так жестоко и бесчеловечно обращаться с евреями. Бедняга Лазарон из Балтимора, который бывает у меня даже слишком часто, находится здесь вот уже три месяца, надеясь получить аудиенцию у Гесса или Геринга. Но об этом нечего и мечтать! Я посоветовал ему уехать отсюда — мало ли что может случиться. Сэр Эрик сказал о своем намерении встретиться с Лазароном, поскольку он представляет видных евреев Англии и Соединенных Штатов.

— Но все это бесполезно, — сказал он. — Гитлер одержим антисемитизмом, и, если бы вы или я подняли вопрос об этом в министерстве иностранных дел, это вызвало бы целую сенсацию и, быть может, привело к тому, что в ближайшие дни нацисты избили бы или даже убили десяток евреев.

Я смотрю на это дело менее безнадежно, хотя и считаю, что подобная попытка действительно ни к чему бы не привела. Гитлеровская партия намерена выгнать всех евреев из Германии и конфисковать их имущество.

Суббота, 25 мая. Луис Лохнер прислал мне сведения, полученные от одного человека в министерстве иностранных дел, который ему доверяет: германское прави-

тельство состоит в военном союзе с Японией и семьдесят японских армейских офицеров прибывают сюда для координации своей деятельности с германским командованием. Говорят, что Ильгнер из «И. Г. Фарбен» — крупного немецкого химического треста — за год своего пребывания на Дальнем Востоке отчасти подготовил этот пакт и продал Японии большую партию химикалий и отравляющих веществ. Я уже несколько месяцев назад был уверен в существовании такого секретного пакта. Несмотря на то что эти сведения могут быть неверны, они произвели на меня большое впечатление, и я тотчас же сообщил об этом по телеграфу в государственный департамент.

Раввин Лазарон снова неблагоразумно нанес мне визит, предварительно позвонив по телефону. Впрочем, он сознает грозящую ему опасность и собирается уехать через день или два. Меня не удивит, если его арестуют в Кельне или Франкфурте, где за евреями следят более строго, чем здесь. Он сообщил, что сегодня утром у него был один из его близких друзей, который очень боится, что его могут убить. Я ожидаю, что скоро евреев будут сажать в тюрьмы, истязать и даже убивать. Говорят, тысячи евреев уже сейчас находятся в концентрационных лагерях, особенно те, которые вернулись в Германию из-за границы. Лазарон намерен через неделю или две поехать в Лондон, надеясь побудить английское правительство обратиться к немцам с просьбой прекратить или хотя бы ограничить свои жестокости. Не думаю, что это даст какие-нибудь результаты.

Воскресенье, 26 мая. Мы встретились с сэром Эриком Филлипсом и отправились на прогулку в Тиргартен. Я поделился с ним секретной информацией о японцах. Это не произвело на него того впечатления, какого я ожидал. Он сказал:

— Три наших офицера изучают здесь немецкие методы. Это, конечно, не то, что семьдесят. Для японцев заключить такой пакт — дело нешуточное, но меня это несколько не удивляет.

После того как мы подробно обсудили последствия, которые этот пакт может иметь на Дальнем Востоке, он пообещал разузнать в Лондоне, известно ли там что-либо об этом военном союзе.

Что касается общих вопросов германской политики, он все еще настроен весьма оптимистично и, как мне показалось, надеется, что дух Локарно позволит установить ограничения и международную инспекцию над вооружением. Я поделился с ним своими сомнениями, но сказал, что, если Германия действительно пойдет на уступку и согласится признать решения какой-либо международной комиссии в подобных делах, это будет реальным достижением. Потом я добавил:

— А вы слышали, что Германия готова помочь Польше захватить Литву, если Польша уступит ей прилегающую к Балтийскому морю часть коридора, так чтобы Восточная Пруссия оказалась непосредственным образом связанной с Германией через Данциг?

Он ответил:

— Нет, не слышал, но не удивлюсь этому, поскольку Литва так глупо вела себя в прошлом году.

Я полностью согласился с его последним утверждением, однако германская пропаганда в Мемеле во многом связана со всей этой историей.

Несомненно, положение Германии в Польском коридоре весьма затруднительно. Однако следует учесть, что до 1914 года Польша полтора-два года подвергалась унижительной эксплуатации со стороны Пруссии, а также России. Польша до некоторой степени вправе претендовать на участок балтийского побережья, тем более что земли, заселенные поляками, выходят к самому морю.

Сэр Эрик заметил, что англичане более оптимистично, чем я, расценивают возможность сотрудничества с Германией. Быть может, причиной тому внутреннее положение Англии. Все новые факты, которые я узнаю каждый день, отнюдь не свидетельствуют о каких-либо переменах в агрессивном поведении Германии.

Понедельник, 27 мая. Сегодня я полчаса беседовал с Шахтом, желая узнать его мнение об экономической дилемме, перед которой в настоящее время стоит Германия. Он был в таком восторге от результатов речи Гитлера, произнесенной 21 мая, что мне ничего не удалось выяснить. Теперь он уже не ожидает краха в октябре, а говорит: «Мы успешно продержимся до января будущего года, а быть может, до тех пор, пока Соединенные Штаты и Англия стабилизируют свою валюту».

Среда, 29 мая. Вчера вечером нам пришлось пойти на обед в дом японского посла. Присутствовало множество гостей, в том числе русский посол, доктор Шахт и Риббентроп — он, как ожидают, займет место Бюлова, а Нейрат будет назначен послом в Лондон. Риббентроп дал понять, что 4 июня он едет в Лондон для переговоров о военно-морском соглашении, согласно которому Германия будет иметь флот, равный 35 процентам английского. Разговор за столом, разумеется, был мало интересный. Потом нам показали фильм о Японии, длившийся около часа. Домой я вернулся поздно. Мы ушли первыми. Японский посол и его семья, по их словам, через несколько дней уедут в Токио и проведут там пять месяцев.

Когда мы на минуту остались одни, русский посол сказал мне:

— Я думаю, что между Германией и Японией заключено соглашение, но у меня нет доказательств.

Воскресенье, 2 июня. Сегодня у нас был очень невеселый завтрак. Молодой принц, принадлежащий к одной из ветвей германской императорской семьи, взволнованно говорил об убийствах, совершенных в прошлом году. Он сказал, что все офицеры рейхсвера настроены против нынешнего режима, однако не осмеливаются даже рта раскрыть. У меня есть и другие доказательства, свидетельствующие о том же, однако здесь нельзя ни о чем говорить прямо. Принц рассказал о безжалостной расправе с профессорами Онкеном и Хёцшем, уволенными из-за того, что они настаивали на своем праве высказывать собственное мнение в специальных вопросах.

— Наш кайзер, — сказал он, — никогда не допускал ничего подобного.

Что касается кайзера, мне вспоминаются некоторые ограничения свободы, которые существовали в мои студенческие годы в Лейпциге. Однако историки и философы действительно пользовались значительной свободой. Мне приходит на память, как однажды Моммсен выступил с яростными нападками на Бисмарка в рейхстаге, и это прошло ему безнаказанно. Теперь подобное выступление может стоить человеку жизни или долгосрочного тюремного заключения. Когда принц ушел, он

оставил у всех в душе тягостное чувство. Либерал, который хотел бы играть какую-то роль в делах своей страны, он может лишь служить офицером в армии, ненавидя самую мысль о войне.

Суббота, 8 июня. Лохнер показал мне копию секретной инструкции, разосланной в немецкие газеты, о необходимости примирения с теми евреями, которые, как предполагается, контролируют мировую кинопромышленность. Геббельс дал это разъяснение потому, что последние инструкции, направленные против евреев, были слишком суровы. Лохнер сказал, что не может переслать это сообщение по каналам Ассошиэйтед Пресс ввиду его особой секретности.

Четверг, 13 июня. Макмастер, глава немецких квакеров со времен мировой войны, зашел сегодня ко мне и рассказал о видном политзаключенном Карле Осецком¹, которого Джейн Адамс перед своей смертью выдвинула кандидатом на Нобелевскую премию мира. До прихода Гитлера к власти Осецкий издавал в Германии газету либерального толка, нечто вроде нашей «Нью рипаблик». Газета сразу же была конфискована и запрещена, а сам Осецкий в начале 1933 года заключен в тюрьму. С тех пор его держат в заключении и, если верить Макмастеру, часто избивают. Однако последние несколько месяцев его почему-то щадят. По мнению Макмастера, это превосходный человек, хотя, быть может, его деятельность не столь значительна, чтобы быть удостоенной Нобелевской премии. Как ни странно, я считаю, что было бы весьма разумно принять предложение мисс Адамс. Слово «мир» прозвучало бы с такой силой, что о нем говорили бы во всех странах не меньше месяца.

Другой подобный же заключенный, о котором дважды писал мне профессор Чарльз А. Берд, также все еще содержится в тюрьме, однако весьма вероятно, что его освободят. Тем не менее Макмастер считает, что ему не позволят выехать из страны — «он слишком много знает».

Этот Макмастер — необыкновенный человек. Он знает буквально всех высокопоставленных деятелей Германии; в 1919—1921 годах он распределил здесь среди голодающих на миллионы долларов продовольствия и

видел столько хороших и дурных поступков со стороны немцев, что послушать его весьма полезно. Однако в последний свой приход ко мне он сказал: «Не звоните мне по телефону и не посылайте писем на бланках посольства». Поэтому, когда мне надо посоветоваться с ним, я посылаю нарочного с запиской.

Он — один из самых человечных и полезных людей в Берлине. С ним дружил Гинденбург, а бывший секретарь Гинденбурга — Мейсснер всегда рад видеть его и охотно докладывает его просьбы Гитлеру. Однако Макмастер никогда не ссылается на меня. Хотя экономическое положение Германии чревато многими опасностями, Макмастер полагает, что существующий режим продлится долго, если только Гитлер не умрет. Это полностью совпадает с моей точкой зрения; если Гитлер останется у власти еще лет пять, вероятно, будет война. Население Германии проходит усиленную военную подготовку, государственный долг страны непрерывно растет, как и государственный долг Италии; Польский коридор и Австрия в любое время могут подвергнуться агрессии.

Пятница, 14 июня. Меня уже несколько раз просили выступить перед членами Фонда Карла Шурца. Назначив свое выступление на сегодняшний вечер, я поехал в дом № 87 по Шадовштрассе, что в старом городе. Зал был переполнен. Я говорил о критическом положении, в котором очутился Линкольн в 1861 году, и старался показать, как началась Гражданская война. Вывод мой был таков: война редко разрешает какие-либо проблемы. Немцы, среди которых были и официальные лица, встретили мой доклад с большим сочувствием, и я решил, что их пугают военные планы Гитлера. Представители американской прессы попросили у меня текст выступления, и я немного побаиваюсь, что в Соединенных Штатах мои слова будут опубликованы в таком виде, что я попаду под огонь критики. Будущее покажет.

Суббота, 15 июня. Сегодня за чаем у нас было около двадцати гостей, из них самый интересный — сэр Эрик Фиппс. Он отвел меня в сторону и сказал:

— Мы в очень затруднительном, чтобы не сказать опасном, положении. Немцы настаивают на своем праве

иметь флот, равный тридцати пяти процентам наших военно-морских сил, и вообще настроены воинственно. Два месяца назад я беседовал с Гитлером. Тогда он потребовал для себя флота, равного нашему. Я возразил, что немцам не нужно столько кораблей, поскольку у них такой ограниченный участок побережья. Он ответил: «Да, но мы должны держать военные корабли по всему Балтийскому морю». Позднее я спорил с ним, но он был неуступчив и даже груб.

Мы поговорили немного об англо-американских отношениях на Дальнем Востоке и сошлись на том, что сотрудничество двух наших стран — едва ли не единственное средство предотвратить мировую войну в ближайшие годы².

— Однако общественное мнение у вас, как и у нас, настроено против каких-либо совместных действий, — сказал он.

Это была невеселая беседа, и английский посол был озабочен более, чем когда-либо в этом году.

Я сообщил ему, что должен ответить на письмо лорда Лотиана, бывшего секретаря Давида Ллойд Джорджа. Сэр Эрик сказал:

— Прошу вас, напишите со всей откровенностью, каково положение в Германии. Это принесет куда больше пользы, чем если это напишу я.

Я пообещал сделать это.

— Лотиан, — заметил он, — близкий друг лорда Астора³, а также многих сотрудников «Обсервера». Им нужна точная информация.

Пятница, 21 июня. Сегодня вечером я выступал перед членами семинара, руководимого профессором Виндельбандом, которым прочел лекцию об американской революции. Народу собралось много. Я читал по-немецки, и студенты, как мне кажется, все понимали. Присутствовали также пять или шесть профессоров, но гитлеровскими приветствиями никто не обменивался. Был здесь и мой бывший учитель, профессор Эрик Маркс, который по окончании лекции задал мне несколько интересных вопросов. Затем мы почти целый час обсуждали различные этапы революции.

Забыл упомянуть о том, что сегодня мы дали завтрак в честь Чарльза Р. Крейна. Среди гостей был

доктор Шахт, проявивший немалый интерес к мистеру Крейну, особенно, как я заметил, после моего рассказа о деловых связях этого человека. На завтраке присутствовал также мистер Стюарт из государственного департамента. Он надеется найти способ продать Германии несколько сот тысяч кип хлопка. Шахт обещал уделить ему час в конце дня. Он заинтересован в покупке хлопка еще больше, чем Стюарт в продаже, но как уплатить за товар?

В Германии, да и, пожалуй, во всей Европе вряд ли найдется такой умный человек, как этот «экономический диктатор». Положение его весьма затруднительное, а порой просто опасное. Когда я увиделся с ним в начале июля 1934 года, первое, что он сказал, было: «Ich lebe noch» (Я еще жив); фраза эта показалась мне довольно рискованной. Его жена говорит, что их положение напоминает положение пассажиров поезда, который «мчится на полной скорости к тупику».

Вторник, 25 июня. Один иностранный корреспондент сказал мне сегодня, что, по его убеждению, Англия и Франция решительно против каких-либо действий, могущих привести к войне, пусть даже Германия аннексирует Литву, и что Гитлер намерен утвердить свое господство на Балтийском море и аннексировать на восточном побережье этого моря те территории, которые ему нужны для того, чтобы остановить русскую экспансию. Если верить словам этого корреспондента, он видел письмо, полученное месяц назад лордом Ротермиром от Херста, который настаивает на создании германо-англо-американского союза, что дало бы возможность установить над миром господство этих стран. Лорд Ротермир, как сообщают, не возлагает на эту идею особых надежд.

Затем корреспондент сказал, что, по сведениям, которые стали ему известны в Париже, Германия и Япония заключили тайный союз, который будет использован, когда Германия предпримет какие-либо действия в районе Балтийского моря. В случае если Россия заявит протест или будет вовлечена в войну с Германией, Япония нападет на нее с востока. Наконец, он придавал большое значение предстоящей конференции в Париже, в которой должны принять участие Лаваль, Литвинов,

Титулеску — представитель Румынии, и Бенеш — от Чехословакии. На конференции должны быть проведены переговоры о заключении пакта между Францией, Чехословакией, Румынией и Россией с целью противодействовать планам Гитлера в Прибалтике.

Весьма любопытно, что до сих пор никто из германских официальных лиц ни словом не обмолвился со мной о стремлении немцев к взаимопониманию с Соединенными Штатами.

Дуглас Миллер, наш торговый атташе, попросил меня сегодня отослать в Вашингтон большую телеграмму за моей подписью. В ней сообщалось о встрече, которую он имел накануне с видными немецкими промышленниками, считающими, что они в состоянии уплатить за шестьсот тысяч кип хлопка товарами, которые американские фирмы пожелают импортировать, причем основными импортерами могут быть «Монтгомери уорд» и «Компани оф Чикаго». Все это вопреки бойкоту, объявленному немецким товарам евреями и профсоюзами. Я послал телеграмму, в которой ограничился изложением фактов и не давал никаких рекомендаций, ибо это наложилось бы на государственный департамент ответственность за кредит, который предлагают нью-йоркские банки. Поскольку мои просьбы о выплате тех двух миллиардов, по которым немцы не платят процентов, каждый раз, по сути дела, даже не рассматривались, я теперь ничего не могу сказать, хотя на этот раз весьма вероятно, что за хлопок будет уплачено. Речь идет о сумме примерно в тридцать миллионов долларов.

В конце этого хлопотливого дня я нанес визит голландскому посланнику. Он, так же как и я, уверен, что Германия и Япония заключили союз, однако не имеет никаких доказательств. Позиция Англии вызывает у него такое же недоверие, как и у меня. Оба мы считаем, что Англия и Соединенные Штаты объединенными усилиями могли бы положить конец японским захватам в Китае. Как странно, что два народа, говорящие на английском языке, недолюбливают друг друга, хотя ни один не питает к другому прямой враждебности. Посланнык считает военно-морское соглашение, заключенное между Англией и Германией неделю или две назад, опасным шагом, но полагает, что Россию надо по-прежнему держать в строгой изоляции. Германия установит полное

господство над Балтикой, Турция будет вечно закрывать России доступ в Средиземное море, а Япония — зорко следить за малым Тихоокеанским фронтом.

Перед уходом я посоветовал посланнику попросить свое правительство обратиться к американским университетам с предложением об обмене профессорами. Со своей стороны я пообещал, обратиться с подобным же предложением в Чикаго, куда всегда охотно приглашают иностранных профессоров. Посланник, не раздумывая, согласился с моим предложением, сказав, что, если наши народы лучше узнают друг друга и удастся привлечь к этому начинанию англичан, мы сможем кое-что сделать для сохранения мира. Мне кажется, что все это бесполезно, но так противно сидеть сложа руки, когда мир находится в столь угрожающем положении.

Четверг, 4 июля. К пяти часам на наш ежегодный прием собрались сотни американцев, живущих в Берлине или путешествующих по стране. Среди них было немало интересных людей. В четверть седьмого я произнес краткую речь на тему «Американские идеалисты 1776 года». Эту речь я намеревался произнести на обеде, который должен был состояться сегодня вечером в честь американской колонии в Берлине, однако обед был отменен, а так как американские корреспонденты уже передали по телеграфу текст речи в Соединенные Штаты, я решил, что так или иначе должен произнести ее сегодня. Гости слушали меня стоя, — я говорил минут пятнадцать — а по окончании речи несколько богатых американцев сказали, что согласны с моей оценкой великих деятелей американской истории, продолжателей принципов 1776 года — Линкольна, Вильсона и Франклина Делано Рузвельта.

Суббота, 6 июля. Сегодня в полдень я имел получасовую беседу с Нейратом, так как государственный департамент потребовал от меня сообщить по телеграфу информацию в связи с докладами, посланными мною с последней дипломатической почтой. Нейрат откровенно высказался об англо-германском военно-морском соглашении.

— Германия гордится тем, что ей удалось достичь взаимопонимания с Англией, и надеется на сотрудничество

Франции, — сказал он, — но я не думаю, что мы вступили бы в Лигу наций, если бы даже Англия и Франция договорились об осуществлении антиитальянской военной политики. Тем не менее мы окажем им моральную поддержку, ибо считаем военный план Муссолини глупостью. И все же он должен воевать, раз ему уже нечего делать у себя в стране. Если он не будет воевать, то окажется под угрозой потери власти. Если он начнет войну с Абиссинией, ему едва ли удастся достичь сколько-нибудь значительного успеха, и он может даже потерпеть поражение, а тогда его свергнут. Я хорошо знаю Муссолини и уверен, что он будет стоять на своем, сколько бы ни протестовали Англия, Франция и даже Соединенные Штаты.

Когда мы заговорили о состоявшемся недавно в Берлине совещании представителей Германии и Польши, он сказал:

— Мы в наилучших отношениях. Нашей целью было нанести удар по франко-русскому пакту и не допустить соглашения между дунайскими странами, как было предложено в Стрезе. На совещании не обсуждался вопрос о союзе или соглашении с Венгрией.

Это высказывание Нейрата противоречило тому факту, что начальник генерального штаба венгерской армии прибыл в Берлин инкогнито.

— Не было заключено также никакого соглашения с Польшей относительно нашего контроля над Балтийским морем, — продолжал Нейрат. — Мы должны контролировать этот район и не давать России доступа к океану.

Такова традиционная немецкая политика, хотя в 1905 году кайзер Вильгельм II позволил русскому флоту пройти мимо берегов Франции, Испании и Италии для борьбы с Японией.

Когда Нейрат снова сослался на англо-германское соглашение и я спросил его, что он думает о готовящейся военно-морской конференции, он выразил надежду, что на ней будут представлены все нации и удастся достичь соглашения об ограничении морских вооружений.

— Однако мы не сможем принять участия в конференции, если Япония откажется прислать своих представителей, — добавил он.

Это заявление несколько удивило меня, так как я не ожидал столь откровенного намека на тайный германо-японский союз. Нейрат сказал это с такой определенностью, что у меня уже не осталось сомнений в том, что этот союз существует.

Япония должна господствовать на Дальнем Востоке и захватить Владивосток. Германия должна господствовать в Европе, но прежде всего на Балтике, и, если Россия окажет сопротивление, Япония нападет на нее с востока. Это неминуемо должно случиться, если Лига наций окажется бессильна. Тогда Франция и Италия будут низведены до уровня второстепенных держав, а Балканы окажутся в подчинении у Германии, между тем как Россия останется в своем прежнем положении, как это было в ее историческом прошлом. В конце концов либо Соединенным Штатам придется пойти на сотрудничество Северной и Южной Америки с Германией, либо страны этого полушария будут подчинены немцами.

Понедельник, 8 июля. Немцы отмечают воскресные дни муштрой и военными учениями. Однако Гитлер постоянно твердит, что он не допустит войны. Возможно, кое-кого из этих бедняг страшит опасность общеевропейского конфликта, однако большинство из них уверено, что война возвышает немецкий характер. Война для них — единственный путь служения родине.

Четверг, 11 июля. Мне не хотелось, чтобы высокопоставленные лица в Берлине знали о том, что я пожелал видеть Риббентропа, личного посредника Гитлера, и поговорить с ним о военно-морском пакте и других англо-германских соглашениях. Я слышал, что министерство иностранных дел послало барона Лерзнера, бывшего армейского офицера, в Лондон шпионить за Риббентропом, пока он вел там переговоры о военно-морском пакте. Лерзнер — человек проникательный, и в нем с трудом можно признать немца — так свободно говорит он по-английски. Поэтому я попросил секретаря Фонда Карла Шурца пригласить Риббентропа к себе, чтобы я смог встретиться с ним там сегодня в полдень.

Наша беседа длилась полчаса. Ответы Риббентропа на мои вопросы не расходились с тем, что сказал мне

Нейрат, за исключением вопроса о Японии. Трижды я пытался выяснить, какую позицию займет Германия, в случае если Япония откажется принять участие в переговорах о военно-морских вооружениях, которые должны состояться в будущем году, по истечении срока действия Вашингтонского договора, но всякий раз он уклонялся от ответа. Он держался так, что я заподозрил существование германо-японского пакта. Он дважды высказал надежду, что я настоятельно посоветую правительству Соединенных Штатов побудить Францию к сотрудничеству с Англией и Германией в военно-морских вопросах. Я упомянул об этом в своей телеграмме в Вашингтон, но от личных рекомендаций воздержался. Этим почти исчерпывается наша беседа.

Все в Берлине говорят, что скоро Гитлер, подобно Муссолини, примет на себя обязанности министра иностранных дел, а Риббентроп тогда будет практически выполнять функции министра. В таком случае мое положение станет еще более затруднительным: мне пришлось бы встречаться с Гитлером всякий раз, как из Вашингтона придет какое-либо важное послание. А это в высшей степени неприятно. Долго я этого не выдержу.

Пятница, 12 июля. В половине первого я встретился с французским послом и полчаса беседовал с ним, желая узнать его мнение по некоторым вопросам, о которых я беседовал с Риббентропом. Как он полагает, Германия и Япония договорились о том, что Германия при любых обстоятельствах окажет Японии косвенную помощь в случае войны.

— Я так думаю, — сказал он, — но у меня нет доказательств. Что касается военно-морского сотрудничества, Франция не может и думать об этом. Мы должны строить военные суда, чтобы держаться на уровне нового немецкого флота. Что касается Муссолини, я не думаю, чтобы он стал воевать с Абиссинией.

Мысль посла была ясна: Муссолини не может позволить себе рискнуть крупной неудачей, так как в этом случае Германия без труда захватит Австрию.

Воскресенье, 14 июля. Сегодня за завтраком у нас были очень интересные гости. Самые интересные из них

Пауль Шеффер из «Берлинер тагеблатт» и Луис Лохнер из Ассошиэйтед Пресс. Шеффер — редактор либеральной газеты, которую некогда читали по всей Германии, прекрасно информирован. В свое время он был очень известен в Соединенных Штатах и сопровождал Рузвельта в его поездках во время знаменитой кампании 1932 года, однако вынужден был вернуться на родину после того, как Гитлер закрыл многие газеты и подчинил себе те, которые остались.

— С 1933 года, — сказал Шеффер, — в Германии число людей, читающих газеты, сократилось более чем на шесть миллионов.

Его газета сохранила лишь около одной десятой прежних подписчиков, и он едва сводит концы с концами. Его жена и дети живут в Вашингтоне и сами зарабатывают себе на жизнь, так как здесь никому не разрешают посылать деньги за границу.

По словам Шеффера, он слышал вчера, что на последнем заседании кабинета министров серьезно обсуждалось экономическое положение Германии. Геббельс требовал отстранения Шахта с занимаемого им поста и назначения на его место в качестве экономического диктатора министра сельского хозяйства — экстремиста Дарре. Министр финансов Шверин-Крозигк и Нейрат высказались против этого. Присутствовавший на заседании Шахт сказал: «Я не уверен в успехе, но не могу изменить свою политику. Я буду отстаивать свои позиции даже под угрозой смертной казни». Когда Шахт сел, встал Гитлер и сказал: «Как бы часто мы ни расходились во мнениях, доктор Шахт, я никогда не допущу, чтобы с вами случилось что-либо подобное». Геббельс, смертельно ненавидящий Шахта, потерпел поражение.

Среда, 17 июля. Сегодня вечером мы обедали у французского посла в его доме у озера Ванзее, в двадцати милях от города. Вечер был чудесный. Главными гостями были папский нунций в своей ярко-красной мантии, итальянский посол, который собирается поехать в Париж, а также бельгийский, австрийский и швейцарский посланники. Настроение у всех было довольно серьезное. Нунций говорил об усилении репрессий против католиков по всей Германии; он ожидает беспорядков. Папа недавно публично осудил немцев за наруше-

ние конкордата 1933 года, гарантировавшего католикам полную свободу. Австриец сказал, что сейчас в его стране наблюдается тенденция к реставрации Габсбургов, однако это породило бы угрозу и даже интервенцию со стороны Гитлера. Итальянец заверил французского посла, что «Муссолини ничто не остановит». На днях французский посол говорил мне как раз обратное. Мы возвратились домой около полуночи в отнюдь не веселом настроении. Вечер был весьма интересный, хотя угощение, которое подают на дипломатических приемах, мне вредно.

Четверг, 18 июля. Сегодня я нанес визит Бюлову с целью выяснить позицию Германии в итало-абиссинском конфликте и узнать, что предпримет германское правительство, в случае если Вашингтон будет настаивать на санкциях, предусмотренных знаменитым антивоенным пактом Бриана-Келлога. Бюлов совершенно уверен, что Муссолини станет и дальше действовать в том же духе. Он сказал, что Германия будет держаться в стороне, и требование прибегнуть к пакту Бриана-Келлога принесло бы только вред. Совершенно ясно, чего хотят немцы: пусть итальянцы начнут войну и проиграют ее. Это развяжет Германии руки на Балканах. Ясно также, что Бюлов оказался бы в весьма затруднительном положении, если бы Соединенные Штаты стали настаивать на проведении в жизнь своей идеи мира.

Вечером газета «Берлин ам миттаг» вышла с броскими ярко-красными заголовками, извещавшими, что Геринг объявил войну католикам. Отныне у них не будет права на свободу слова, права иметь молодежные организации, права что-либо критиковать.

Воскресенье, 21 июля. Мы отправились в Нейдек, и я попросил отнести свою визитную карточку во дворец покойного президента. Через несколько минут Пауль фон Гинденбург⁴ и его жена встретили нас неподалеку от дома, и мы около часа гуляли по старому имению. Там двенадцать тысяч акров очень хорошей земли, большая конюшня на полтора ста лошадей, много коров, дающих сто галлонов молока в день, пятьсот овец и обширные посевы пшеницы, ржи и ячменя. Предки Гин-

денбурга владели этим огромным поместьем около двухсот лет. Гитлеровская партия скупила большую часть земель и подарила их президенту в надежде на его поддержку. Это их обычная тактика. Как бы то ни было, в январе 1933 года Гинденбург дал санкцию на установление диктатуры и не заявил публичного протеста, когда помощник Гитлера Геринг поджег знаменитое здание рейхстага, а Фюрер примерно в это же время занял пост канцлера.

Зная все эти обстоятельства, я чувствовал себя несколько неловко; однако сын покойного президента оказался очень приятным человеком; он показал нам чудесный дворец с его интереснейшими картинами и скульптурами, неизменно воинственного характера. Супруги упрашивали нас остаться обедать, но мы отказались. Во всем дворце я не видел ни одного портрета или бюста Гитлера, ни одного национального флага. В библиотеке Гинденбурга обращает на себя внимание портрет кайзера; не менее интересен портрет Фридриха II. Там же висит и портрет Людендорфа, хотя, как говорят, в последние годы Гинденбург и Людендорф ненавидели друг друга.

Понедельник, 22 июля. Обратно в Берлин мы ехали быстро, но довольно долго. Во время этой поездки перед нашими глазами предстал процветающий район к северу от Берлина. Никогда раньше не видел я таких богатых хлебов. Я невольно подумал, что Германия в изобилии обеспечит себя продовольствием на будущий год и сделает значительные запасы на случай войны. Путешествие не излечило мой больной желудок. Я заехал в посольство, где меня ожидало множество писем и всяких документов.

Вторник, 23 июля. Мне нездоровится, и я не пошел в посольство, а весь день оставался в постели. Под вечер к чаю пришел Генри Хэскелл, редактор «Канзас-Сити стар». Он рассказал мне о том, каковы позиции главных американских газет Среднего Запада. По его мнению, Рузвельт будет переизбран. Хэскелл сомневается, однако, удастся ли Рузвельту провести конструктивные меры, необходимые для действительного устранения наших экономических неполадок. Что касается

положения в обеих партиях, то в среде республиканцев безнадежный раскол — у них нет ни одного достойного руководителя; демократы лишь немногим сплоченнее их, причем Рузвельт — единственный человек, способный объединить либеральные группировки и противостоять экстремистам как слева, так и справа.

О Фарли⁵ он отзывался с крайним неодобрением, добавив, что «в ближайшие годы мы не сможем обойтись без лидеров, связанных с городскими политиками, а это почти что американские фашисты». Слышать это от представителя единственной независимой либеральной газеты на Западе было весьма неутешительно. Мне кажется, есть еще только одна газета такого же направления — «Пост-диспетч» в Сент-Луисе. Политическая жизнь Соединенных Штатов представляет собой довольно-таки неприглядную картину.

Среда, 24 июля. Когда я пришел в посольство, мне сообщили, что на состоявшемся вчера «вечере с пивом» представители Штейбеновского общества⁶ в Нью-Йорке, которое связано с здешним Фондом Карла Шурца и финансируется Фондом треста Оберлендера в Филадельфии, нанесли такое серьезное оскорбление сотрудникам нашего посольства, консульства и американским корреспондентам, что все они отказались присутствовать на обеде, который будет дан сегодня в ресторане Кролля. Мистер Уайт отказался ехать завтра в Магдебург, где он должен был произнести речь, посвященную фон Штейбену. Наш военный атташе капитан Крокетт позвонил мне по телефону и попросил извинить его за то, что он не придет: он не может присутствовать на встрече с американскими туристами, оскорбляющими своих соотечественников, состоящих на службе у Соединенных Штатов.

Передо мной встал вопрос: должен ли я сдержать данное две недели назад обещание присутствовать на обеде и произнести краткую речь? Все наши дипломаты известили меня, что они не будут присутствовать на обеде. Однако я решил, что мой отказ в последнюю минуту, хотя я действительно чувствую себя очень неважно, будет выглядеть как дипломатическая абстракция и может получить нежелательное толкование в прессе. Поэтому я решил пойти, тем более что на

обеде обещал присутствовать посол Лютер. Я решил произнести осторожную, короткую речь, посоветовав присутствующим не заниматься агрессивной пропагандой и помнить о том, кем был Карл Шурц.

Утром ко мне пришел Лютер. Он мне показался человеком консервативных взглядов, однако произвел приятное впечатление. Мы беседовали с ним около получаса, по существу ничего не сказав друг другу. Я не могу говорить о положении в Германии без критических замечаний. Лютер по тем же соображениям не может говорить о положении в Вашингтоне. Но так как американцы не обижаются на разумную критику, он мог говорить более или менее откровенно. Признав, что ни один из нас практически ничего не сделал, он откланялся. 1 августа он отплывает в Нью-Йорк. Я намекнул ему, что нам обоим следовало бы подать в отставку.

Вместе с супругой я отправился на обед. Там собралось около ста немцев и американцев. Я сел рядом с Гофманом, возглавляющим Штейбеновское общество, который сделал столько оскорбительных выпадов вчера вечером. В назначенное время Ганфштенгль произнес речь от лица официальных немецких кругов, повторив то, что он сказал две недели назад на обеде в отеле «Адлон», устроенном представителями Международной торговой палаты. Затем выступил я и в своей краткой речи призвал немецкое общество способствовать развитию дружеских связей между нашими странами путем взаимной организации лекций выдающихся ученых, расширения культурных связей между университетами, и прежде всего путем противодействия военным мероприятиям и настроениям. Я даже особо подчеркнул необходимость свободы печати и обмена информацией, а также значение правдивой прессы, так как народ должен знать правду о том, что происходит в мире. Когда я кончил, раздались горячие аплодисменты, затем воцарилось многозначительное молчание.

После меня выступил Гофман с оскорбительной характеристикой того, что, по его словам, представляет собой позиция Соединенных Штатов по отношению к Германии. На этот раз он воздержался от нападок на американскую печать, но обрушился на программу Вильсона, выдвинутую в конце мировой войны, и говорил об американском бойкоте немецких товаров так,

будто этот бойкот не был спровоцирован самими немцами. Я был оскорблен, но не ушел и не сказал ничего, что могло бы вызвать ожесточенные споры. Ганфштенгль в частном разговоре со мной резко порицал Гофмана. Это была самая неприятная из всех встреч, с тех пор как я приехал в Германию в 1933 году.

Четверг, 25 июля. Посланник Южно-Африканского Союза мистер Джи спросил у меня, не предвещает ли беспокойство в Германии новых расстрелов, подобных тем, какие имели место 30 июня 1934 года. Обсудив этот вопрос, мы пришли к выводу, что все зависит от того, уступит ли Гитлер требованию Геринга, Геббельса и Дарре сместить доктора Шахта. Пока нет никаких признаков того, что он будет смещен, однако, будь я на месте Шахта, имеющего деньги в Базельском банке, директором которого он является, я уехал бы из Германии и жил за границей до тех пор, пока существует нацистский режим.

Пятница, 26 июля. В одиннадцать часов я собрал на совещание сотрудников посольства: Уайта, Ли, Флэка и Бима — все эти люди пристально изучают события, происходящие в Германии, — а также нашего торгового атташе Миллера, сельскохозяйственного атташе Стира, капитана Крокетта и военно-морского атташе. Мы рассмотрели много интересных фактов, свидетельствующих о наличии существенных разногласий среди членов германского кабинета министров. Дарре стремится взять в свои руки контроль над экономической политикой и конфисковать имущество всех евреев, крупных промышленников и помещиков, с тем чтобы поселить безработных в деревнях и готовить из них армию, способную к действию в любой момент. Как говорит Миллер, Шахт решительно против конфискации, и Гитлер поддерживает его.

Капитан Крокетт, объехавший всю Германию, сказал, что страна буквально усеяна казармами, учебными плацами и аэродромами, и военные заводы теперь можно увидеть повсеместно; особенно много их в жилых кварталах больших городов. Командование армии, добавил он, сообщило, что два миллиона добровольцев ждут своей очереди, чтобы приступить к военной под-

готовке, а по плану предусмотрено полностью обучить восемь миллионов солдат в ближайшие три-четыре года. К своему удивлению, я узнал, что высший офицерский состав поддерживает идею конфискации капиталов, с тем чтобы полученные средства были израсходованы на обучение, вооружение и экипировку солдат. Эта позиция прямо противоположна той, которую армия занимала прежде. Поэтому не исключена возможность, что в конце концов Гитлер уступит Дарре, поддерживаемому Герингом и Геббельсом. В таком случае Шахт будет смещен, а вместе с ним уйдут Нейрат, Шверин-Крозигк и другие представители умеренного направления. Каков будет результат? На этот вопрос никто не может ответить.

Сегодня пришла почта из Соединенных Штатов. Полковник Хауз пишет из своей летней резиденции в Манчестере (штат Массачусетс), что, по его мнению, мне лучше уйти в отставку в октябре и вернуться в Америку, где я смогу принести больше пользы, чем здесь. Я и сам склонен подать в отставку, однако не ранее весны будущего года. Здесь никто при всем старании не сможет ничего сделать. В ответном письме я дал понять Хаузу, как трудно мне было бы найти себе занятие в Соединенных Штатах: работа правительственного эксперта не по мне, а если я стану выступать с речами, то это, пожалуй, вызовет только замешательство, как случилось зимой прошлого года в Балтиморе.

Пятница, 2 августа. Вчера в Нью-Йорке было совершено яростное нападение на немецкое судно «Бремен», флаг с него был сорван и брошен в реку Гудзон. Сенатор Кинг недавно внес резолюцию, требующую порвать дипломатические отношения с Германией. Грин, возглавляющий Американскую федерацию труда, обратился ко всем американцам с призывом порвать всякие торговые связи с Германией. Боюсь, что после всего этого наши отношения с Германией могут принять угрожающий характер.

Суббота, 3 августа. Утром ко мне пришел один корреспондент и сообщил, что вчера вечером он встретился со своим знакомым офицером рейхсвера, который сказал: «Положение сейчас гораздо хуже, чем вы сообщаете в своих отчетах, и те, кто ведает пропагандой, отлично

знают это. За последние дни в Саксонии было убито от пятидесяти до ста пятидесяти членов «Стального шлема», оказавших сопротивление при аресте. Сколько убито эсэсовцев, которые пытались арестовать их, мне неизвестно». Эти сведения просочились из штаба фон Рейхенау — генерала, который вскоре должен принять командование над одной из дивизий новой армии в провинции. Разумеется, трудно сказать, правдива ли эта история или ее рассказали корреспонденту в расчете на то, что он сделает «ляп» в прессе. В сегодняшней телеграмме мы не упоминаем о ней ни словом.

Я послал в Вашингтон сообщение о высылке на этой неделе из страны итальянского и швейцарского корреспондентов, а также об угрозах по адресу двух голландских журналистов. Как говорят сотрудники голландской миссии, жизнь их находится в опасности.

Вторник, 6 августа. Сегодня я вместе с Мартой приехал в Констанц, чтобы как следует отдохнуть в санатории «Будинген».

Понедельник, 26 августа. После трех недель, проведенных в Констанце, я вернулся сегодня утром в Берлин. За два часа пароход доставил меня в Фридрихсгафен. Еще через час я был уже в Ульме, однако из-за недостатка времени не смог задержаться там и осмотреть этот знаменитый средневековый город. Завтракал я в Аугсбурге, потом побродил по этому чудесному древнему городу. Самое поразительное, что я там увидел, это банк и фирма Якоба Фуггера⁷. Здание занимает по меньшей мере два акра земли и фасадом длиной в восемьдесят ярдов выходит на главную улицу города. Все это так заинтересовало меня, что я купил биографию этого первого Моргана современной Европы. В пяти или шести книжных магазинах, куда я заходил, я видел всего лишь две нацистские книги: «Моя борьба» и запрещенную книгу Розенберга о католицизме и новой немецкой вере. Гитлеровских флагов мне также попалось не более пяти.

Подобную же картину я наблюдал в Констанце. В последнюю неделю моего пребывания там по всем улицам старинного города были расклеены листки, в которых германское правительство торжественно предостерегало против католиков и каких бы то ни было кри-

тических высказываний в адрес гитлеровского режима. Через три или четыре дня все они были сорваны, хотя по германским законам подобные действия квалифицируются как измена. 25 августа я побывал в Мюнстерской католической церкви. Народу собралось столько, что свободных мест не было, и десятки людей слушали службу стоя. В проповеди, которая началась в четверть десятого, священник очень умно критиковал германское правительство, призывая католиков воспитывать детей в духе веры, открыто исповедовать свою религию и публично доказать свою лояльность. В одиннадцать часов я пошел в церковь св. Стефана, где сотни мест предназначены для немецких солдат. Я ожидал услышать проповедь в духе нацистской веры или хотя бы в рамках католицизма, одобряющего гитлеровский режим. Народу в этой церкви оказалось больше, чем в мюнстерской, а проповедь была почти такая же.

Боковые приделы храма были полны верующих, для которых не нашлось мест на скамьях. Я спросил стоявших рядом людей, чем вызван такой необыкновенный наплыв. Мне ответили: «Так бывает всегда во всех церквях». Жители Констанца очень религиозны. Если в восьми или десяти церквях было столько же народу, то выходит, что сегодня молилось более двадцати тысяч верующих. Я не смог побывать у протестантов, но мне сказали, что и их церкви посещаются столь же ревностно. Неужели действительно за последние пятьдесят лет Германия вдруг стала религиозной, или же это проявление политической оппозиции, которую церковь безмолвно выражает?

В одиннадцать часов я сел в спальный вагон берлинского поезда. Я очень устал, однако дух, царящий в Южной Германии, произвел на меня большое впечатление. Я нигде не встречал проявлений нацистского фанатизма и почти не видел гитлеровских флагов. Крестьяне и мелкий городской люд, казалось, процветали и были поглощены своими делами.

Три недели отдыха, строгая диета, массажи и физические упражнения заметно поправили мое здоровье. Головные боли почти прекратились. Однако мне кажется, что более всего я обязан этим покоем, прогулкам и солнечному теплу.

Вторник, 27 августа. В восемь часов я уже в Берлине, в десять — снова у себя в кабинете. На столе меня ждет груда писем. Новый итальянский посол пришел засвидетельствовать свое уважение американскому правительству и посоветоваться по делу одного еврея, которым он сейчас занимается. Известного итальянского коллекционера произведений искусства, который украшал в Берлине правительственные здания, высылают из Германии без права взять с собой какое-либо имущество. Посол спросил меня, как я поступал в подобных случаях. Я не мог сказать ему ничего утешительного и дал понять, что не раз пробовал убедить гитлеровцев прекратить насилия и измывательства над евреями. Я сказал также, что, хотя представители министерства иностранных дел пытались что-то сделать, добиться ничего не удалось. Посол сообщил мне, что народ его страны не испытывает желания оказать поддержку сторонникам войны.

Среда, 4 сентября. В Берлин после поездки в Лондон прибыл друг лорда Астора, мистер Уильямс из «Крисчен сайенс монитор». Он сказал, что Англия готова предоставить заем Германии. Я и раньше слышал, что об этом ведутся переговоры при деятельном участии Шахта. По мере того как Италия осуществляет свою военную программу, положение англичан становится все более опасным. Если миролюбиво настроенная Англия не начнет войны или хотя бы не создаст угрозы для Муссолини, она потеряет Суэцкий канал.

Понедельник, 9 сентября. Мы завтракали сегодня в обществе интереснейшего человека — доктора Шмитта, бывшего министра экономики; он был у нас почетным гостем. Шмитт — способный и смелый немец, не боявшийся высказать свое мнение в публичных речах. Сейчас он возглавляет ассоциацию страховых обществ, но о том, что он до сих пор живет в Берлине, ни разу не упоминалось в газетах. Из сказанного им видно, что он, как, впрочем, и все немцы, надеется, что между Германией и Англией больше не возникнет войны. Он решительно против воинственных действий Муссолини. На завтраке присутствовал также египетский посланник, который не скрывает своих опасений, что Италия хочет

захватить зону Суэцкого канала и утвердить свое господство над Египтом.

— Я еще год назад предупреждал англичан, что именно к этому стремится дуче, — сказал он.

Суббота, 14 сентября. Сегодня у нас были с визитом супруги С. Р. Фуллер. Мистер Фуллер, друг президента Рузвельта, имеет большие капиталовложения в вискозной промышленности Теннесси и связан с итальянскими и голландскими вискозными фабрикантами; он является также совладельцем вискозных предприятий в Германии, в том числе большого завода в Ганновере. Теперь ему запрещено бывать на этом заводе.

— Германское правительство, вероятно, использует наши изобретения и не хочет, чтобы я знал об этом, — сказал он.

Заходил также голландский посланник. Он сказал, что трем голландским евреям приказано закрыть свои магазины и покинуть Германию, оставив здесь все имущество. «Я тотчас же пошел в министерство иностранных дел, — продолжал он, — и заявил, что, если немцы конфискуют собственность голландских евреев, голландское правительство конфискует собственность трех немцев в Нидерландах. Они обещали отложить решение по этому делу до первого января».

Четверг, 19 сентября. Мне нанес визит итальянский посол Аттолико. Он сообщил интересные факты о нюрнбергском торжестве, на котором его буквально заставили присутствовать. Гитлер назначил официальное представление Аттолико за день до начала торжества и лично пригласил его присутствовать на нем. Он поехал, и ему понравилось там больше, чем он сам ожидал. У него создалось впечатление, что Германия начинает боготворить Гитлера. Я согласился, что в отношении 40 процентов населения Германии это действительно так. Немцы видят в Гитлере некоего Иисуса Христа и питают перед ним почти религиозное благоговение, но я убежден, что среди католиков нет и половины приверженцев Гитлера. Пожалуй, половина всех лютеран покорилась Гитлеру, однако среди евангелистов (кальвинистов) не наберется и трети сочувствующих ему. Посол много говорил о Муссолини, которого он очень не любит,

хотя и не говорит об этом прямо. Он также против войны с Абиссинией, однако лишь осторожно намекнул на это.

Среда, 25 сентября. Заходила Зигрид Шульц поговорить о видах на будущее. Она рассказала любопытную историю об одном немецком школьном учителе, который преподавал в высшем учебном заведении. Его уволили за то, что на уроке истории он сказал, что Фридрих II допустил некоторые ошибки. Теперь он лишен права преподавать.

Пятница, 27 сентября. В надежде узнать что-нибудь об итало-эфиопской войне, которая вот-вот разразится, я нанес визит французскому послу. Мы беседовали с полчаса, однако мне удалось лишь отчасти выяснить позицию Франции. Посол гораздо больше озабочен положением в Германии, а также разногласиями внутри Франции буквально по всем вопросам. Он не особенно любит англичан.

Затем я зашел в английское посольство. Сэр Эрик Фиппс говорил со мной довольно откровенно, но не смог сообщить мне ничего; я узнал только, что он очень встревожен угрозой войны на Средиземном море, где один из его сыновей служит офицером на военном корабле. Сэр Эрик согласился, что Муссолини действительно намерен прибрать к рукам Суэцкий канал и Египет. Я сказал, что это будет началом упадка Британской империи, подобно тому как после 1713 года начался упадок Нидерландов⁸. Он ничего не возразил мне, и я не стал заострять на этом внимание. Мне ясно, что если Италия выиграет войну с Абиссинией, Лига наций потеряет всякий авторитет и положение Англии будет все более затруднительным. Печально видеть, как ведущая страна цивилизованного мира теряет свое могущество и престиж! Родина Шекспира и Мильтона на закате своей славы.

Понедельник, 7 октября. У меня была сегодня любопытная официальная беседа с доктором Дикгофом о договоре 1923 года между Германией и Соединенными Штатами, статья седьмая которого была денонсирована год назад без всякой консультации со мной. Это было сделано в надежде вынудить Соединенные Штаты вне-

сти в договор поправки в выгодном для Германии смысле. Однако этого не случилось, и вот сегодня мы торжественно сели рядом и подписали два параллельных документа, закрепляющих аннулирование статьи договора, которая давала Германии единственную возможность ввозить свои товары в Соединенные Штаты по пониженным тарифам. Мы поставили свои подписи и расстались, обменявшись искренними сожалениями.

Мне кажется несколько странным, что у Нейрата возникла такая срочная необходимость уехать из Берлина на несколько дней, ведь он-то и должен был заняться этим делом вместе со мной. Я известил его две недели назад, что готов явиться к нему и подписать документы. Государственный секретарь Хэлл и Лютер проделали то же самое в Вашингтоне. Я думаю, Нейрат уполномочил сделать это вместо себя Дикгофа в виде своего рода протеста государственному департаменту в Вашингтоне, а быть может просто желая тем самым упрекнуть меня за мое отсутствие на партийном торжестве в Нюрнберге. Как бы там ни было, я и виду не подал, что заметил это.

Вторник, 8 октября. Приходил засвидетельствовать свое уважение наш посол в Польше Кудахи. Он произвел на меня более благоприятное впечатление, чем любой из дипломатов, с которыми я встречался. Он приехал сюда в 1933 году неопытным новичком, но много и упорно работал на своем посту и кажется мне достойным представителем своей страны, несмотря на то что он богатый американец. Его рассказ о положении в Вашингтоне и Чикаго был очень интересен. Несмотря на свое привилегированное положение, он искренний сторонник Рузвельта и намерен вернуться в Соединенные Штаты в 1936 году, чтобы помочь ему в предвыборной борьбе, в частности, вероятно, и деньгами.

Как мне кажется, Кудахи хорошо представляет себе положение в Польше и ее отношения с Германией. Уходя, он настойчиво предлагал нам провести неделю у него в Варшаве. Я ничего не мог обещать ему. У меня нет на это времени, как бы мне ни хотелось побывать в несчастной Польше — ведь ее народ даже в большей степени, чем немцы, не приспособлен к демократической форме правления.

Четверг, 10 октября. Сегодня у нас завтракал бывший посол Соединенных Штатов в Германии Шерман вместе с группой немцев, очень интересных людей, знавших его, когда он жил здесь. Шерман был ректором университета Корнелла и сменил Эндрю Уайта, который был нашим посланником в Берлине во время президентства Маккинли. Он жил в Берлине с 1925 по 1930 год. Сейчас ему уже за восемьдесят, но он по-прежнему очень живой и деятельный человек. Он допытывался у меня, следует ли ему просить аудиенции у Гитлера. Я уклонился от прямого ответа, так как у меня явилась мысль, что, если он побывает в министерстве иностранных дел, канцлер из вежливости пригласит его к себе. Когда Шерман был здесь послом, американское правительство по его рекомендации подарило Гейдельбергскому университету новое здание, и этим он снискал себе большую популярность. Во время его приезда в Берлин в апреле 1933 года Гинденбург пригласил его к себе, и они долго беседовали о положении дел в Соединенных Штатах и в Германии. Шерман вскоре решил, что лучше воздержаться от встречи с Гитлером, хотя я не давал такого совета. Я просто предложил ему повидаться с его старыми знакомыми в министерстве иностранных дел.

Я вернулся в посольство несколько позже обычного, и мне тут же доложили, что через несколько минут должен приехать русский посол. Мы уже довольно давно не виделись. Он весьма приятный и умный человек, но коммунист⁹. В Берлине его игнорируют почти все дипломаты, за исключением французского посла. Я рад видеть его. Я не мог догадаться, зачем он приехал — быть может, хотел встретиться с послом Буллитом, который должен прибыть завтра, однако мы уже утвердили состав приглашенных, и я не думаю, чтобы русский чувствовал себя хорошо на встрече, где будет несколько видных германских официальных лиц. Во всяком случае, мы беседовали с ним около часа, и я узнал, чего он хотел бы от Лиги наций, несмотря на свою неприязнь к англичанам. В скором времени я намерен нанести ему ответный визит.

Понедельник, 14 октября. Ко мне приходил доктор Шерман с одним своим нью-йоркским другом по имени Бен Смит. После долгой беседы о положении в Соеди-

ненных Штатах Смит с полнейшей откровенностью заявил: «Я нью-йоркский спекулянт, но, кроме того, — близкий друг президента Рузвельта». Я был немного удивлен тем, что он открыто признается в своей профессии, а также и тем, что он близко связан с президентом. На прощанье доктор Шерман шепнул мне, что его друг Смит — весьма ловкий спекулянт; в 1929 году он пренебрег советами всех банкиров и продал чудовищно много акций, играя на понижение, причем заработал не один миллион долларов. Патриотично ли это?

Среда, 16 октября. В пять часов я поехал в гостиницу «Кайзергоф», где нацисты устроили чаепитие и министр по делам культов Ганс Керрль выступил с разъяснением партийной политики в отношении германской протестантской церкви. Как полагают, Керрль сменит нынешнего архиепископа Мюллера, ибо последний чрезвычайно затруднил положение в церковных делах, держа в тюрьме десятки инакомыслящих лютеран.

На приеме присутствовали многие дипломаты: французский, английский, итальянский и другие послы, а также много немецких профессоров и ученых. Керрль говорил полтора часа. Члены нацистской партии, как он сказал, являются истинными немецкими христианами, и в конечном счете все верующие должны исповедовать нацистскую религию. Я спросил сидевшего рядом со мной человека, читал ли Керрль когда-нибудь нагорную проповедь. Мой сосед рассмеялся, но ничего не ответил. Керрль доказывал, что Гитлер сделал для современной цивилизации столько же, сколько для своего времени Коперник, доказавший, что земля имеет шарообразную, а не плоскую форму, как верили до него все христиане. С помощью наивных доводов он провел эту параллель до конца. «Весь мир, — сказал он, — в конечном счете признает идеи Гитлера, подобно тому как наши предки в конце концов признали идеи Коперника». Он произнес настоящую проповедь, призывая всех нас склонить голову перед новым откровением.

Аплодисментов не было, если не считать жидких хлопков по окончании речи. Лишь очень немногие ответили на гитлеровское приветствие оратора, когда он сел на место. Мне кажется, три четверти слушателей не принимали всерьез то, что он говорил.

Пятница, 18 октября. Сегодня я был на завтраке у доктора Шахта. Присутствовало человек двадцать — главным образом немцы. Среди гостей было также несколько американцев. Почетным гостем был доктор Шерман. Шахт без всякого стеснения говорил о своих итальянских симпатиях и острой неприязни к Англии и Лиге наций.

— Зачем применять санкции к Италии, законно требующей колониальных владений? — вопрошал он.

При этом он нисколько не думал о жестокости и несправедливости захвата чужих земель, об убийстве многих тысяч людей. Он не протестовал против позиции Соединенных Штатов, однако дал понять, что не одобряет ее. По-видимому, он боится, что Италия потерпит поражение, и в таком случае Германия окажется перед лицом серьезных трудностей как раз в тот момент, когда она почувствует себя достаточно сильной для захвата чужих территорий. Он резче, чем когда-либо раньше в моем присутствии, выступал против Лиги наций.

Воскресенье, 20 октября. Мне нет здесь покоя даже по воскресеньям. В воскресенье я прихожу в посольство к десяти часам утра. К этому времени всегда бывает готова сводка о событиях в Вашингтоне и Соединенных Штатах, принятая по радио, которую я стараюсь внимательно прочитать. Иногда меня ожидает телеграмма с каким-нибудь запросом и чуть ли не каждый воскресный день приходится просматривать кипу писем, из которых иные требуют немедленного ответа. Поскольку правительство не отпускает средств на стенографистку, я вынужден писать множество писем от руки, и воскресенье — самый подходящий для этого день.

Сегодня прямо из Москвы, прожив там много лет, прибыл корреспондент нью-йоркской газеты «Нэшнл» Луи Фишер. Зная направление этой газеты, я в самом начале беседы намекнул, что пропаганда — это проклятие нашего времени. Он был несколько обеспокоен и спросил, что это значит; тогда я рассказал ему случай с нью-йоркским Штейбеновским обществом, пославшим в Германию около пятидесяти американских нацистов, немцев по происхождению. После этого Фишеру было трудно защищать пропаганду, ибо если признать, что

коммунисты имеют право на пропаганду в Соединенных Штатах, то следует признать и право нацистских пропагандистов навязывать свое мировоззрение нашему народу.

Фишер не нашел, что возразить. Мы говорили об искажениях и пробелах в исторической науке, о долге каждой страны правдиво освещать перед народом свое историческое прошлое. Он удивился, когда я привел ему несколько фактов из нашей истории, и мне стало ясно, что он никогда по-настоящему не читал Джефферсона. Он не знал, например, что Джефферсон всю свою жизнь пытался осуществить постепенную отмену рабства. Было ясно, что этот человек, так много писавший о коммунизме и имеющий широкий круг читателей, куда хуже знает историю долгой борьбы за демократию в Соединенных Штатах. Он не знает, что в пропагандистской литературе, которую Линкольн посылал в Англию в 1862 году, были книги Генри Уорда Бичера, Гарриет Бичер Стоу и многих других. В половине первого я, как обычно, вышел на час прогуляться.

Четверг, 24 октября. Чикагский сенатор Джеймс Хэмилтон Льюис, побывавший здесь месяц назад, вернулся сегодня из Москвы, где он пролежал две или три недели тяжело больной. Я навестил его в отеле «Адлон». Он выглядел очень слабым и без конца благодарил меня и мою жену за то, что мы послали ему сиделку из Берлина, и особенно за присылку кукурузных хлопьев, которыми он питался, когда начал поправляться от воспаления легких. В России он этого не нашел, а другую пищу в течение ряда дней не мог переваривать. Это был забавный случай: однажды в полночь, когда все мы уже были в постели, раздался телефонный звонок; звонили из России, через Берлинское отделение газеты «Нью-Йорк таймс». Убедительно просили выслать хлопья самолетом, отправляющимся утром в половине восьмого. Во всем доме только моя жена услышала звонок. Она взяла трубку и обещала снабдить представителя «Таймса» двумя коробками кукурузных хлопьев, если он зайдет к нам за ними и отвезет их на аэродром. Он согласился, и продовольствие было таким образом отправлено. Сенатор утверждал, что мы спасли ему жизнь.

Пятница, 25 октября. Одним из моих посетителей сегодня утром был Роберт Джексон, очень способный молодой юрист из министерства финансов в Вашингтоне. Он непринужденно говорил о том, какие трудности пришлось преодолеть президенту Рузвельту, чтобы организовать встречу между предпринимателями в области коммунальных услуг и банкирами для обсуждения мер, направленных на предотвращение новой депрессии и других социальных бедствий. То, что он сказал о своем начальнике Моргентау, звучит ободряюще. Президент понимает стоящие перед ним трудности и делает все, чтобы избежать таких шагов, которые могли бы привести к победе республиканцев в 1936 году. Джексон считает, что Рузвельт победит, но боится, что народ, не зная экономического положения, может избрать такой конгресс, который не поддержит конструктивных мероприятий президента. Я тоже опасаясь, что это может произойти даже в том случае, если Рузвельт победит таким же значительным большинством голосов, как в 1932 году. Мне кажется, что Джексон — самый способный и умный человек из всех, кто за последнее время приезжал сюда из Соединенных Штатов.

В половине шестого меня навестил мой знакомый — профессор Вольфганг Виндельбанд и с грустью сообщил, что ему приказано уйти со своего поста и отправиться в Галле. Он говорит, что скорее подаст в отставку, чем подчинится приказу. «Если я поеду в Галле, — сказал он, — гитлеровская молодежь организует там против меня демонстрации, студенты откажутся посещать мои лекции и через несколько месяцев меня уволят». По моему, это предположение довольно близко к истине.

Расстроенный профессор, глубоко возмущенный, хотел выяснить, нет ли возможности получить работу в Соединенных Штатах. Все, что я мог обещать ему, это послать письма нескольким знакомым ректорам университетов. У нас в Соединенных Штатах так много безработных молодых ученых, что мне трудно обнадежить его.

День или два назад атташе Миллер сообщил мне, что германское правительство запретило американским фирмам, производящим автомобили, пишущие машинки и швейные машины, посылать бесплатно запасные части своим филиалам в Германии. Это означает, что ремонт

тировать 60 тысяч американских автомобилей в Германии должны сами немцы, которые не могут выпускать запатентованные части к ним. Не имея возможности производить капитальный ремонт, владельцы американских машин будут вынуждены покупать новые машины немецкого производства. Это напоминает меры против импорта, применявшиеся в Соединенных Штатах в 1930 году; они, несомненно, вызовут кампанию за дальнейшее ограничение ввоза в Америку немецких товаров.

Суббота, 2 ноября. Стараясь не привлекать к себе внимания, я в такси доехал до конторы доктора Шмитта, бывшего гитлеровского министра экономики. Шмитт — единственный известный мне настоящий государственный деятель, занимавший высокий пост при Гитлере, хотя в финансовых делах Шахт — маг и чародей. Я совершенно доверительно сообщил ему о случае с профессором Виндельбандом. Ему об этом факте ничего не известно, но известен план Розенберга и Франка заставить немецкие университеты заниматься пропагандой вместо преподавания истории. Он сказал, что это нелепый план, однако Гитлер уже одобрил его. Тем не менее Шмитт выразил готовность попытаться при случае воздействовать на Гитлера и рекомендовал мне поговорить с Нейратом. Я сказал, что это невозможно, так как вопрос сугубо личный и ни в коей мере не официальный. Шмитт признал, однако, что, до тех пор пока Розенберг и Франк будут продолжать свою политику, отношения с Соединенными Штатами не могут улучшиться.

Затем Шмитт говорил о том, что, пока столь значительная часть национального дохода тратится на вооружение, положение Германии, особенно финансовое, будет весьма шатким. Он даже признал, что Германия готовится к войне и что любая война, которую она развяжет, приведет ее к катастрофе, более ужасной, чем катастрофа 1918—1919 годов. Он утверждал, что единственное спасение Германии — в ее возврате в Лигу наций и восстановлении нормальных экономических отношений между Германией, Англией и Соединенными Штатами. Я заметил, что национал-социализм несовместим с подобной политикой. На это он ответил, что теперь Гитлер склонен к такой политике больше, чем когда-либо

ранее. По его словам, Шахт отметил определенный сдвиг в этом направлении, а это противоречит тому, что Шахт говорил мне во время нашей последней встречи. Я, конечно, не убежден в этом. Шмитт утверждал, что Германия должна иметь колониальные владения и что Англия готова вернуть ей колонии через Лигу наций, если Германия вновь вступит в Лигу. Он сказал, что Италия должна потерпеть поражение, так как ее вторжение в Абиссинию — неправильный путь к приобретению новых колоний.

Четверг, 7 ноября. В семь часов мы заняли ложу в берлинском театре; вместе с нами были французский посол и его жена. Шел знаменитый «Эгмонт». Гитлер в сопровождении Геринга прибыл к началу спектакля. Их приветствовали, но довольно сдержанно. Не было того оживления и выкриков, какие мне приходилось неоднократно наблюдать раньше. Гитлер посмотрел в нашу сторону, и мы поклонились, но, конечно, не отдали нацистского приветствия.

Затем началось представление. Дирижировал Фуртвенглер — теперь он снова в милости. Первое отделение длилось час. Оно было превосходно. Затем был антракт. Все гости направились к ложам Гитлера и Геринга. Их там не оказалось, но у входа в ложу Гитлера стоял Геббельс и отвечал на приветствия подходивших к нему. Большинство так и сделало, но побеседовать с ним как следует, конечно, не удалось.

Я шутя спросил Риббентропа, что он делает для сохранения мира в Европе. Он ответил: «Все, что могу», но не проявил никакого желания поддержать разговор, хотя в последнюю неделю или две ходят упорные слухи, что он ведет переговоры с тайными представителями Лавала — французского министра иностранных дел. Франсуа-Понсэ сказал мне: «Переговоры ведутся, но я не знаю, с какой целью. Вряд ли можно ожидать какого-либо результата в скором времени». Я подозреваю, что готовится какой-то сговор между Францией, Англией и Германией, как только удастся призвать Муссолини к порядку.

Вторник, 12 ноября. Одним из посетителей сегодня был Корнелиус Лотроп, который назвал себя предста-

вителем известного в Бостоне семейства Лотропов. Он сказал, что не может найти работу в Соединенных Штатах и приехал в Берлин, чтобы обучать немцев английскому языку. Он просил помочь ему деньгами, чтобы продержаться до 1 января, когда он рассчитывает получить место. Я счел необходимым отказать ему. Возможно, я неправ, но слишком уж много народу приезжает сюда с подобными же целями, особенно певцов.

Днем явился Джон Спивак с письмом от моего чикагского друга Р. М. Ловетта; он просил меня подобрать ему материалы для книги об Италии, Германии и Польше. Я спросил его: «А почему не о России?» Поскольку его книга о немецкой пропаганде в Соединенных Штатах, изданная прошлой зимой, принесла ему признание в Америке, мне казалось, что он должен включить и Россию в свой труд; в противном случае его книга будет сочтена антинемецкой и прорусской¹⁰. Он был несколько удивлен. Но я конфиденциально дал ему некоторые сведения, посоветовал, с кем следует встретиться в Германии, и рекомендовал поехать по стране, если это удастся, разговаривая по-немецки и набираясь непосредственных впечатлений. Он высказал опасения, как бы его не арестовали и не посадили в одиночную камеру. Пожалуй, у него есть основания бояться этого, так как многие люди, подобные ему, были высланы из страны или заключены в тюрьму без суда.

Среда, 13 ноября. Я спросил нидерландского посланника, с которым близко знаком, как он относится к встречам с Гитлером, Герингом и Геббельсом. Он сказал, что никогда не беседовал с Гитлером и не принимал приглашений на их торжества или приемы. Я не говорил с Гитлером с 6 февраля 1934 года, с Герингом — с июня того же года. У Геббельса я был на обеде в начале июня 1934 года. Довольно сложно в моем положении не поддерживать светских отношений с членами триумвирата. Они — правители Германии, а я представляю здесь Соединенные Штаты. И все же для меня унижительно пожимать руку известным и признанным убийцам. Я склонен следовать примеру нидерландского посланника до конца моего пребывания здесь — вероятно до мая 1936 года.

Суббота, 16 ноября. Я завтракал у итальянского посла. В приемном зале было холодно, около 60 градусов по Фаренгейту. Ненамного теплее было и в столовой. Я чувствовал себя так же скверно, как и у профессора Виндельбанда в сентябре этого года. Посол занимает прекрасно отделанное и просторное здание, слишком дорогое для страны, задолжавшей Соединенным Штатам два миллиарда или что-то около этого и даже не приносящей извинений за неуплату хотя бы доли причитающихся с нее процентов. Мебель и картины очень дорогие, все красиво и подобрано со вкусом, но, будь я итальянским послом, я постеснялся бы приглашать представителя Соединенных Штатов в этот дворец. Я уехал рано, чувствуя, что простудился. Я лег в постель и принял аспирин в надежде предотвратить новый приступ.

Вторник, 19 ноября. В половине двенадцатого я посетил советского посла в его великолепном особняке, значительно большем, чем итальянский. Но в его кабинет меня провел один только дворецкий, в то время как другие посольства имеют по несколько слуг. Он ничем не показал, что жаждет получить чаевые — это единственное место в Берлине, где вам не надо давать полмарки или целую марку при каждом визите.

Посол только что вернулся из Москвы. В связи с вторжением Японии в Северный Китай положение напряженное. Я намекнул, что, если бы русское правительство сдержало свои обещания, данные в 1933 году, наш президент и английское правительство могли бы заявить совместный протест в Токио, и это, возможно, предотвратило бы агрессию в Северном Китае. Он не сказал, что согласен со мной, но я чувствовал, что это так. Я заметил далее:

— Если бы эти страны заявили протест и пригрозили Японии бойкотом, война была бы остановлена.

Посол тут же сказал, что хотел бы сообщить по телеграфу в Москву мои замечания.

— Если вы это сделаете, — ответил я, — то дайте понять, что это всего лишь мое собственное мнение.

Четверг, 21 ноября. С кратким визитом приходил эксперт из министерства труда в Вашингтоне. Он один из тех многих американцев, которые пытаются изучить Германию, не зная немецкого языка. Как мне кажется,

он человек сведущий и отнюдь не намерен выставлять себя напоказ.

Понедельник, 25 ноября. Сегодня утром у меня побывал наш посол в Москве Буллит. Он совсем поправился после болезни, которая мучила его здесь в сентябре этого года. Его высказывания о России прямо противоположны тем взглядам, которых он придерживался, когда был здесь проездом в прошлом году. Тогда Буллит был полон энтузиазма. Он наследник большого состояния и известен своими щедрыми пожертвованиями в пользу Рузвельта в 1932 году. Мой взнос составил всего лишь 25 долларов.

Я был очень удивлен, услышав от него, что, когда он прошлой осенью уезжал из Москвы, президент Рузвельт поручил ему побывать в Китае и сообщить о планах и действиях японцев на Дальнем Востоке. Буллит утверждает теперь, что Китай окажет самое решительное сопротивление попытке Японии установить господство над Северным Китаем. В распоряжении одного только китайского генерала имеется 100 тысяч солдат, которые сотрут с лица земли японскую армию. Я не могу с этим согласиться. Буллит сказал, что России нечего и пытаться удержать полуостров, выдающийся в Японское море у Владивостока. Его скоро захватят японцы. Я спросил:

— Вы считаете, что если Германия добьется своего, то Россия с ее 160-миллионным населением должна быть лишена доступа к Тихому океану и оттеснена от Балтики?

Он сказал:

— О, это не имеет никакого значения.

Я не мог удержаться и сказал:

— Вы должны знать, что такое отношение к России на протяжении последних двухсот лет было причиной многих войн.

Буллит ответил только:

— Ирландия закрывает Англии доступ к морю.

Я был поражен, услышав такие речи из уст ответственного дипломата, который так много сделал для признания России в 1933 году. Президенту, вероятно, известны его умонастроения, но если это так, то как мог он назначить его послом в Советскую Россию?

VIII

26 ноября 1935 г.—1 февраля 1936 г.

Вторник, 26 ноября. Прилагаю донесение из французских источников о затруднениях Шахта.

Заметив, что за границу поступает необычайно много немецких банкнот, не учтенных им, Шахт заинтересовался этим и начал расследование. Финансовые подробности этого дела мне непонятны. Так или иначе, Шахт заподозрил неладное. Он начал проверять транспорты с углем из Германии, и в грудях угля было обнаружено несколько старых ящиков, спрятанных, очевидно, евреями в целях контрабандного вывоза своих денег. Однако даже это не могло объяснить появления огромных сумм в зарубежных странах. Он стал подозревать о наличии утечки через официальные каналы. Тогда он пронюхал по особой системе банкноты на сумму в несколько сот тысяч марок, предназначенных для Розенберга, Гиммлера и Геббельса. Эти меченые банкноты вскоре появились в других странах; тем самым в результате некоторой слежки выяснилось, что эти три человека финансировали своих зарубежных агентов по пропаганде не только из сумм, официально выделенных Шахтом на пропаганду, но также и из огромных сумм, которые им удавалось урвать по другим статьям бюджета и которые согласно требованиям Шахта должны были оставаться в стране.

Они накапливали деньги из этих скрытых фондов и посылали их за границу своим агентам. Разъяренный Шахт явился к Гитлеру и заявил, что, если все это не будет приостановлено, Германию ждет финансовый крах.

Гитлер пока еще не занял определенной позиции, но это как раз и означает, что Шахт в опасности¹.

Среда, 27 ноября. Макс Уорберг сообщил мне сегодня, что ему и Шахту ничего не удалось сделать для облегчения положения евреев. Его информация о финансовых репрессиях здесь, особенно о деятельности группы Геббельса, совпадает с тем, что я слышал из других источников.

Четверг, 28 ноября. В течение часа беседовал с Томасом Дж. Уотсоном из Нью-Йорка. Это бизнесмен, жалование которого, получаемое от нескольких крупных корпораций, достигает 1000 долларов в день. Как ни странно, он убежденный рузвельтовец и считает, что если крупный капитал будет добиваться подавления демократии в Соединенных Штатах, то это приведет к революции, в результате которой капиталисты потеряют все, что имеют. Он одобряет ставки подоходного налога в Англии, которые там очень высоки, и стоит за снижение таможенных пошлин. Он осуждает позицию Ньютона Бейкера и Джона У. Дэвиса в их борьбе против Федерального закона о предприятиях общественного пользования².

Пятница, 29 ноября. Мы были на обеде у Карла Трутца, на котором присутствовало тридцать гостей. Было несколько преподавателей университета с женами. Всякий раз, когда разговор касался существующего режима, высказывалось большое недовольство. Не было сказано ни одного одобрительного слова. Я находился в одном конце столовой, моя жена — в другом. Ей пришлось выслушивать только критику, и она не осмеливалась делать какие-либо замечания, которые могли бы выявить ее взгляды. Я, возможно, чувствовал себя несколько свободнее. Бедный немецкий народ!

Свой трудовой день я закончил в отеле «Адлон». Получив приглашение иностранных корреспондентов на ужин и танцы, мы поехали туда всей семьей. Принц Луи Фердинанд сопровождал Марту и даже сел в нашу машину. Я пытался осторожно отговорить его — мне казалось, что пребывание в нашем обществе может причи-

нить ему неприятности, — но он настоял на своем. Наше появление в обеденном зале вызвало некоторое удивление. Фрау Саам, жена уволенного бургомистра Берлина, сидела справа от меня, бургомистр — слева от Зигрида Шульца, нашей хозяйки. Эти несчастные были крайне подавлены, и разговор не клеился. Бургомистр был выдающейся фигурой в муниципальных кругах Германии, тридцать лет управлял городами. Он был уволен с согласия Гитлера, потому что, будучи членом партии, не проявлял должного энтузиазма.

Напротив меня сидел господин Левальд, организатор Олимпийских игр. Он также был удручен, получив сообщение о том, что американцы, возможно, не примут участия в этом крупнейшем событии, которое состоится будущим летом. Эту тему мы не могли обсуждать. Левальд на одну четверть еврей — об этом факте, недавно установленном здесь, сообщалось в прессе. Меня интересовало, каковы его подлинные настроения. В январе 1935 года один немецкий официальный представитель в Соединенных Штатах просил меня помочь ему получить разрешение военного министерства США на приобретение ружья нового типа, выпускаемого военным заводом в Спрингфилде. Это была довольно странная просьба, поскольку, как мне казалось, с подобными вопросами следовало обращаться непосредственно в наше военное министерство. Этот представитель говорил мне, что такие ружья нужны были Олимпийскому комитету для «тренировочных целей».

Соседний с нами столик занимали послы Англии и России, почти не разговаривавшие друг с другом, и мосье Франсуа-Понсэ, который, казалось, был любезен с обоими. Бедный русский, вероятно, самая светлая голова среди здешних дипломатов, был почти в полном одиночестве. Принц Луи Фердинанд подошел к нему, чтобы поздороваться, однако он заранее передал мисс Шульц, что не сможет сесть за ее стол, если русский будет там сидеть. Он объяснил это тем, что коммунисты казнили в 1917 году его родственников — членов царской семьи. На мой взгляд, русский посол не является ортодоксальным коммунистом. Нейрат также проявлял безразличие, хотя и сидел напротив русского. Когда мы в последний раз были в русском посольстве, Нейрат был очень любезен, многие высшие военные чины также были

настроены дружелюбно. В то время шли переговоры о заключении договора, а провисмарковские элементы³ всегда отчасти сочувствовали русским.

Воскресенье, 1 декабря. Развлечений нет конца. В девять часов мы отправились к швейцарскому посланнику, где собралось множество гостей и около пятнадцати музыкантов. В течение двух часов мы слушали произведения Баха и других немецких композиторов восемнадцатого века. Концерт был превосходный, но будучи плохим ценителем этого вида искусства, я не смог насладиться им в полной мере. Мне больше всего понравился Бах. Когда музыканты кончили играть, гости направились их продолжительными аплодисментами, а затем все направились в столовую, где возникла невероятная сутолока; гости ели и пили в течение часа, но я держался в стороне. В полночь я уже был дома. Швейцарский посланник и его жена были, как всегда, очень приветливы и общительны. Они живут здесь много лет и сейчас весьма обеспокоены происходящим.

Понедельник, 2 декабря. Прибыл наш новый советник мистер Мейер, который готов занять место уезжающего мистера Уайта. Мейер, уроженец Индианополиса, три года служил в Женеве. Я сопровождал его в министерство иностранных дел и представил Бюлову и Дикгофу. Состоялась весьма приятная беседа.

Вторник, 3 декабря. Сэр Александр Лоуренс, довольно известный в Англии человек, провел со мной более часа. Он понимает немецкие планы в той же мере, в какой их понимают немцы, не принадлежащие к правящей группе. Я затронул вопрос об отношении Англии к нефтяным санкциям против Италии. Он полностью одобряет их и надеется, что Англия, Франция и Соединенные Штаты создадут прочный фронт, заставят Италию капитулировать и попытаются свергнуть Муссолини. Он сказал, что имеет зимнюю резиденцию, которая, как мне помнится, находится где-то вблизи Флоренции, и что в последнее его пребывание там народ довольно открыто осуждал и критиковал военные планы. Лоуренс убежден, что, если дать итальянцам возможность, они с ра-

достью избавятся от дуче. Что касается Германии, то он уверен, что гитлеровские планы завоевания большой части России, изложенные в его книге «Майн кампф», насколько не изменились. Он добавил, что Англию значительно больше интересует Германия, чем Италия. Тем не менее он согласен с Иденом, требующим осуществлять эмбарго на нефтяные продукты для Италии до тех пор, пока она не потерпит крах. Он выразил также большую надежду на сотрудничество президента Соединенных Штатов. Я сказал:

— Да, санкции будут полезны и, возможно, будут применены, если Англия действительно выполнит то, что она говорит.

Когда я затронул вопрос об отношении Англии к японской агрессии, Лоуренс заявил:

— Отказ сэра Джона Саймона сотрудничать с Соединенными Штатами во время захвата Маньчжурии в 1931 году был величайшей ошибкой английской политики со времени основания Лиги наций.

Затем я завел разговор о мировой войне. Лоуренс не верит, что Германия победила бы, если бы Вильсон не вступил в войну в 1917 году. Это довольно странная точка зрения для такого умного и опытного человека, следящего за событиями. По-видимому, все англичане не учитывают того факта, что Франция была на грани краха в марте и апреле 1918 года, когда ежемесячно стали прибывать по 300 тысяч американских солдат. Это приостановило крупное наступление Гинденбурга и Людендорфа, начавшееся приблизительно 18 марта. Я не видел выражения признательности Соединенным Штатам. Мне не приходилось также слышать, чтобы какой-либо француз признал, что Вудро Вильсон спас Францию, в то время как немцы обычно говорят: «Нас победил Вильсон, вероломный Вильсон».

Четверг, 5 декабря. Сегодня на завтраке присутствовало около двадцати гостей, американцев и немцев, в том числе Джеймс Хейзен Хайд; был также полковник Эдвард А. Дидс, бизнесмен, имеющий предприятия в Акроне (штат Огайо) и в Нью-Йорке. Дидс является президентом или директором двадцати крупных американских промышленных концернов, включая банки «Нэшнл кэш реджистер» и «Нэшнл сити бэнк». Он заключил

сделку с немецкой фирмой на передачу ей американских авиационных патентов с тем, чтобы эта фирма могла изготовить и продать Италии сотню самолетов, поделившись прибылями с американской фирмой. Мне это казалось противоречащим духу политики нейтралитета, провозглашенной Соединенными Штатами в августе этого года. Такие вещи постоянно происходят в условиях военной обстановки в Европе. День или два назад я телеграфировал в Вашингтон об этой сделке. Информация поступила конфиденциально от одного немца, служащего в авиации.

Дидс все время держал себя так, словно он большой друг Рузвельта и настоящий американский демократ. Это один из тех богачей, которые, вроде японцев, вертятся возле европейских промышленных центров и продают военные материалы по прибыльным ценам, не считаясь с действительными интересами своей страны. Как следует вести себя с такими людьми, которые всегда прикидываются восторженными друзьями?

Двадцать человек разговаривали в течение двух часов, не сказав ничего интересного — одно из зол дипломатической жизни.

Пятница, 6 декабря. Сегодня мы обедали у знаменитого доктора Макса Серинга, друга Генри Уоллеса и известного в Европе специалиста по экономике сельского хозяйства. Жена Серинга сидела слева от меня, а баронесса фон Тирпиц, вдова знаменитого адмирала⁴, так много сделавшего, чтобы обеспечить участие Соединенных Штатов в мировой войне, — справа. Беседа в течение всего вечера носила откровенный характер.

Одна женщина открыто высказала надежду, что я отговорю американцев от участия в Олимпийских играх в Берлине летом будущего года, — весьма рискованное высказывание. Другая выразила свои мысли еще яснее: рассказывая о своем пребывании в городах Баварии, она заявила, что не представляет себе, как можно жить в Берлине при таком режиме, как гитлеровский. Она осудила непрекращающуюся гонку вооружений. Несмотря на все свои прежние связи с авторитарным режимом Гогенцоллернов, она сказала, что война ужасна и никогда не должна быть развязана впредь. Ее презрение к Муссолини было полным. Для меня было

ясно, что почти все присутствующие разделяли ее чувства. Я больше молчал.

Перед самым уходом я в течение нескольких минут говорил с доктором Серингом. Отойдя от общей темы, — жалоб на существующий режим, — он сказал:

— Экономические интересы Германии должны распространиться на Балканы, где необходимо обменивать промышленные товары на сельскохозяйственную продукцию.

Я не стал говорить ему, что гитлеровская политика и существующая система клиринга, действующая так плохо, привели к тому, что Германия производит почти все необходимые ей продукты питания, и балканские страны не могут найти здесь рынок для продажи мяса и зерна.

— Конечно, это должно повлечь за собой политическое сотрудничество, добавил Серинг.

Я воздержался от дальнейшего обсуждения его высказывания, так как у меня не было желания напомнить ему, что старая кайзеровская политика экспансии в сторону Константинополя была основной причиной мировой войны. Все националистически настроенные и даже умеренные немцы инстинктивно придерживаются политики аннексии одних балканских стран и установления господства над другими, подобно тому как Муссолини считает Средиземное море и прилегающие страны, исключая, возможно, Францию, своей собственностью.

Понедельник, 9 декабря. Мы обедали у доктора Дитриха, бывшего министра сельского хозяйства при Брюнинге. Было около тридцати человек: бывшие должностные лица и университетский люд; как и на предыдущих обедах, господствовала атмосфера недовольства и безнадёжности. Хотя присутствовало несколько человек в нацистской форме, я не слышал ни одного выражения одобрения существующего режима. Что все это может означать? Видные официальные и неофициальные лица придерживаются одного мнения, выражая его даже в присутствии представителей нацистской партии. Я не могу вспомнить их имен. В отношении немецких и французских имен у меня всегда так бывает, пока я не услышу их несколько раз. Румынский посланник отвел меня в сторону и почти гневно говорил о предложении

Хора — Лавалья⁵, которое было послано Муссолини в прошлую субботу и обсуждается сегодня в печати. Он был возмущен и заявил, что Румыния готова в любой момент применить нефтяные санкции к Италии.

— И теперь, — сказал он, — когда все малые страны и Соединенные Штаты готовы прекратить поставки нефти Италии, Англия и Франция отступают, не посоветовавшись ни с нами, ни с Лигой.

Я ранее слышал, что идея о соглашении Хора — Лавалья была вызвана страхом Англии и Франции, как бы в случае падения Муссолини в Италии не восторжествовал коммунизм. Я думаю, что это отчасти правильно и что нацистская Германия, конечно, хочет успеха Муссолини. Возможно, эти два диктатора уже заключили соглашение.

Четверг, 12 декабря. Продолжаются хлопотливые дни. В полдень мистер Мейер и я посетили Франсуа-Понсэ и пробыли у него полчаса. Он заговорил с нами о соглашении Хора — Лавалья; по его мнению, Муссолини договорится с Англией и Францией и прекратит свои преступные деяния в Абиссинии. Я высказал иную точку зрения. Если Муссолини согласится, в чем я сомневаюсь, это будет означать установление контроля над Средиземным морем и крах Лиги наций. Муссолини мнит себя Юлием Цезарем.

Франсуа-Понсэ упорно защищал предложение Хора — Лавалья. Я сказал:

— Это величайшая ошибка со времени мировой войны. Она ведет к созданию итало-германского союза по разделу Восточной и Южной Европы. Англия и Франция не смогут одолеть такой союз. Почему ваши правительства не применили нефтяных санкций совместно с Америкой в соответствии с решением Лиги наций и не призвали Муссолини к порядку?

Он ответил:

— Муссолини воевал бы даже в том случае, если бы нефтяные санкции были применены. Мы, французское правительство, не хотели вступать в войну даже в том случае, если бы Англия подверглась нападению.

Это была откровенная, честная беседа и мистер Мейер поддерживал меня по всем пунктам, а это весьма знаменательно, учитывая, что он находился в Женеве

в течение трех лет. Когда мы уходили, Франсуа-Понсэ сказал:

— Господин посол, вы слишком логичны.

В ответ на это мистер Мейер заметил:

— Как может француз упрекать кого-либо за логичность?

Пятница, 13 декабря. Миссис Анн О'Хара Маккормик, которая пишет очень умные статьи для «Нью-Йорк таймс», приехала просить интервью у Гитлера; она уже интервьюировала его год назад. С ней был ее муж. Делясь впечатлениями об интервью с Муссолини, она сказала:

— Дуче говорил о своей беседе прошлой весной с сэром Джоном Саймоном, английским министром иностранных дел. Он не любит англичан. Сэр Джон сидел на конференции в Стрезе с закрытыми глазами; возможно, он спал, пока дуче не сказал: «Имейте в виду, что немцы намерены аннексировать все, вплоть до Багдада!» Это пробудило английского министра.

Миссис Маккормик много рассказывала об Италии и ее политике, обнаружив интерес к личности римского диктатора. Я обратил ее внимание на то, что Муссолини, подражающий Цезарю, напоминает Гитлера, который заимствует свои планы у Фридриха Барбароссы; при этом оба они плохо осведомлены, весьма романтичны и в то же время в высшей степени жестоки. В какой-то мере ее взгляд на вещи близок к моему, но она очень желает видеть фюрера. Я обещал подумать о средствах добиться этого, но выразил большое сомнение в успехе, поскольку Гитлер последнее время часто отказывал в интервью. Я предложил ей встретиться с Шахтом, который говорил бы более откровенно.

Суббота, 14 декабря. Вчера вечером я узнал от секретаря французского посольства, что английский посол в течение часа беседовал с Гитлером и вновь отстаивал идею заключения всеобщего мирного соглашения между великими державами, включая Россию. Гитлер притворился, что хочет договориться по вопросу о вооружениях с западными державами, но разразился яростной бранью по адресу России. Он говорил, что Германия должна

воевать с коммунистами... Договориться, по-видимому, ни о чем не удалось, но было решено послать вскоре двух немецких официальных представителей в Лондон. Я подозреваю, что это касается только военно-морской конференции, которая вряд ли даст какие-либо результаты, поскольку Германия и Япония придерживаются единой линии в морских вопросах.

Я думаю, что посещение сэром Эриком Фиппсом Гитлера — это некий жест, рассчитанный на то, чтобы привлечь внимание общественности от ужасной ошибки, которую представляет собой соглашение Хора — Лавалья. Однако газеты не уделили этому событию никакого внимания и ежедневно лишь выступали с нападками на Лигу наций за то, что она пыталась применить санкции, как будто существовал иной способ приостановить войну, кроме применения санкций. В течение двух месяцев представители германского министерства иностранных дел хранили знаменательное молчание, давая время от времени понять, что Германия, возможно, применит санкции, если Соединенные Штаты будут и дальше придерживаться своей политики. Дело заключалось в том, что нацистская Германия боялась занять определенную позицию, пока не станет ясной судьба Муссолини, которого Гитлер ненавидит, но которому он подражает. Все военные и военно-морские специалисты здесь сообщают, что перевооружение Германии происходит исключительно быстро. Немцы создают величайшую в мире военную машину.

Но теперь, когда Англия и Франция предприняли шаг, который грозит расколоть Лигу, все немецкие газеты выражают радость и почти готовы присоединиться к Италии в ее авантюрах.

Вечером у нас был званый чай. Единственной темой, занимавшей присутствующих, было соглашение Хора — Лавалья и провал политики Лиги наций в вопросе о санкциях. Русский посол, румынский и чехословацкий посланники долго совещались между собой. Они заявили, что малые балканские страны выйдут из Лиги, если будет принята английская политика: «Лига, которая не может предупредить захваты, вроде тех, которые Италия намерена осуществить в Восточной Африке, не гарантирует безопасность малых стран в Европе».

Понедельник, 16 декабря. Поскольку фон Нейрат присутствовал при беседе Гитлера с сэром Эриком, я отправился к нему сегодня. Когда я явился, у министра иностранных дел находились два посланника малых стран; они пробыли у него пятнадцать минут, говоря об отношении балканских стран к теперешней англо-французской политике. Один из них сегодня вечером выехал в Париж.

Нейрат был, как всегда, приветлив, но не сказал ничего о позиции Германии. На мой вопрос, что делает Германия, если Муссолини захватит Египет, он сказал:

— Ничего.

Тогда я спросил:

— Разве не правда, что Палестина и Греция попадут в лапы Муссолини?

Он ответил:

— Да, но мы ничего не предпримем, даже если между Англией и Италией начнется война.

Поскольку Нейрат теперь ближе к Гитлеру, чем когда-либо за все время моего пребывания в Берлине, сказанное приобретает особое значение. Суть вопроса, однако, как и прежде, состоит в следующем: «Мы еще не вооружены».

Четверг, 19 декабря. Полковник Клод А. Таппер — инженер и бизнесмен из Чикаго пробыл у меня полчаса. Его взгляды противоречивы: многое в действиях нацистов его устраивает, многое кажется ему неразумным, особенно пропаганда в Соединенных Штатах. Он в течение часа беседовал с Шахтом, с которым встречался во время пребывания последнего в Чикаго несколько лет назад.

— Шахт мне сказал, — сообщил он мне доверительно, — что речь, произнесенная им в Лейпциге, была предварительно просмотрена Гитлером, который одобрил ее; тем не менее немецкие газеты не напечатали ни одного слова из ее критических разделов.

Это кажется странным, но не является здесь необычным. В ближайшие дни ожидается резкое антиеврейское выступление Геббельса или Штрейхера, нюрнбергского пропагандиста. Текст выступления будет одобрен Гитлером.

Полковник добавил, что, по словам Шахта, положение его весьма шаткое, «настолько трудное, — сказал он, — что я готов прыгнуть с корабля в море». Я уверен, что Шахт сказал нечто подобное, так как он уже несколько раз говорил со мной в этом же духе. Одно предельно ясно: если Шахт потерпит неудачу, в Германии неизбежно произойдет крах, а финансовый крах может привести к восстановлению монархии Гогенцоллернов. Шахт почти наверняка будет канцлером в случае их восстановления парламентским путем. Но перед Гогенцоллернами возникнет много трудностей, если они по-прежнему будут проводить политику войны.

Я не очень верю рассказам Таппера о том, будто политика государственного департамента является методом насмешек как здесь, так и повсюду в Европе. Исключение, по его словам, составляет государственный секретарь Хэлл, но мне думается, что именно либерализм Хэлла в вопросах торговли подвергается здесь особенной критике. Тем не менее, мне кажется, это единственная конструктивная политика Соединенных Штатов в отношении Германии, хотя Хэлл и не симпатизирует существующему нацистскому режиму.

Пятница, 20 декабря. Нидерландский посланник извещал меня, что ему ничего не известно о том, будто англо-голландско-американские нефтяные компании «Шелл», «Синклер» и «Стандард» оказывали давление на Лондон и Париж, требуя отмены санкций Лиги наций против Италии, особенно нефтяных санкций. Я слышал из неофициальных источников, что представитель «Стандард ойл» в Париже и несколько крупных предпринимателей в Лондоне предъявили такие же требования; я послал нидерландскому посланнику записку по этому вопросу. Я убежден, что нефтяные компании оказали давление. На карту поставлены их интересы, особенно и в первую очередь интересы компании «Стандард ойл» в Румынии и Иране, а эти интересы в прошлом не раз были причиной чрезвычайных событий в Соединенных Штатах.

Немецкие газеты внезапно прекратили свои надругательства над Лигой наций. Палата общин вчера приняла такую резкую критическую резолюцию по вопросу о соглашении Хора — Лаваля, что Хор подал в отставку.

По слухам, министром иностранных дел будет назначен Оскар Чемберлен; его статьи, содержащие суровую критику нацистской Германии, вызвали резкий протест германского правительства несколько недель назад. Представьте себе, как будет воспринято здесь его назначение министром иностранных дел!

В 8 часов я сел за обеденный стол рядом с фон Папеном. Обед происходил в «Клубе господ»⁶, самой старой и, мне кажется, самой аристократической организации в Берлине. Присутствовало сорок или пятьдесят человек. Справа от меня сидел владелец «Франкфуртер цейтунг», давший понять, что он строго осуждает нацистский режим. До открытой критики дело не дошло, поскольку я не мог поддержать такой разговор; меня связывало присутствие Папена, сидевшего слева от меня. К моему удивлению, Папен совершенно открыто заявил:

— Я вижу, ваш народ избавился от Хью Лонга. Потом он спросил, имеется ли реальная оппозиция Рузвельту.

Я ответил:

— Да, большой бизнес почти единодушно против него, а святой отец Кофлин все время неистовствует. Папен католик, но он не проявил симпатии к Кофлину.

После того как мы встали из-за стола и перешли в большой зал библиотеки клуба, здесь завязался общий разговор. Большинство присутствующих выражало удовлетворение по поводу того, что Англия отказалась от затаенного Хора — Лаваля. Один пожилой человек с энтузиазмом говорил о Вудро Вильсоне как о выдающемся государственном деятеле периода мировой войны, который, как он выразился, «стремился положить конец всем войнам». К сожалению, я не знаю его имени. Он добавил: «Вильсон значительно популярнее в Германии, чем вы предполагаете».

Суббота, 21 декабря. Мы завтракали с милыми, приятными Эйхбергами. Оба они очень подавлены. У них нет надежд уехать из Германии, пока они не внесут в нацистскую партию большую сумму денег и не дадут клятву, что отрекутся от евреев или выдадут себя за незаконнорожденных детей другой национальности, воспитанных евреями; так поступили некоторые евреи. У них прекрасная библиотека. На обеде было несколько

лиц, занимающих высокое положение, среди них жена генерала фон Секта. Критика нацизма была основной темой разговора. Критиковали все, кроме хозяина и хозяйки.

Воскресенье, 22 декабря. В четыре часа мы устроили небольшой званый чай в честь Марринера, советника американского посольства в Париже; он остановился у нас по пути в Варшаву. Марринер рассказал много интересного о событиях в Париже. Лаваль приписал сэру Сэмюэлю Хору свой план обширных уступок Муссолини. Теперь французский народ настроен еще враждебнее к Лавалю, чем прежде. Нам стало сегодня известно, сказал я, что Антони Иден займет место Хора. Марринер ответил:

— Это обеспокоит Лаваль, но не приведет к ослаблению английской позиции в Париже, так как народ настроен против Муссолини даже больше, чем против правительства Лавалья.

Марринер сообщил, что интервью Буллита в Берлине от 1 декабря было в тот же день передано по телеграфу в Париж и жена Эррио читала телеграмму еще до прибытия туда Буллита, примерно 3 декабря. Учитывая взгляды Буллита в прошлом, сказанное им здесь просто поразительно. Когда жена Эррио сообщила Марринеру, что Буллит в своем заявлении вел себя враждебно по отношению к России и поддержал Японию, он был удивлен. Буллит советовал французскому послу в Берлине не подписывать русско-французского пакта. Я был так шокирован, что сообщил об этом в государственный департамент. Подозреваю, что заявление Буллита было передано в Вашингтон еще до его приезда в Париж.

Много интересного было сказано о назначении Идена в Лондоне и о том, что это будет означать для Берлина. Враждебные высказывания в адрес Лиги наций в германских официальных кругах должны прекратиться. Муссолини представляет собой загадку для Гитлера, который, как говорят, ненавидит его; в то же время он вынужден хвалить его за захват территории Эфиопии.

Понедельник, 23 декабря. Я получил письмо от нашего посланника в Праге, в котором сообщается, что один американский журналист в течение нескольких

месяцев содержится в ужасном концлагере Дахау, вблизи Мюнхена: ему не разрешено писать ни мне, ни нашему консулу в Берлине, где он был схвачен. Я немедленно поручил это дело консулу Гейсту — он наиболее компетентное лицо для выяснения таких дел.

Воскресенье, 29 декабря. Прошлая неделя у нас была не слишком загружена, хотя моя жена и дочь потратили много времени на приготовление дома к рождеству: устроили высокую елку, убрали дом цветами, украсили его небольшими лампочками, создавая праздничный вид. Все было довольно красиво, но я жаждал покоя.

Я получил сегодня письмо от одного моего друга из госдепартамента, который просит сообщить по телеграфу, каков, по моему мнению, наиболее эффективный способ приостановить итальянскую войну, грозящую втянуть Францию, Англию и малые средиземноморские страны. Проанализировав положение со всей обстоятельностью, я, возвращаясь домой к обеду после двух часов пребывания в посольстве, уже имел обдуманный план краткой информации.

Несколько дней назад нам сообщили, что заместитель государственного секретаря Уильям Филлипс, принимавший участие в Лондонской морской конференции⁷, завтра приедет в Берлин. Мы пригласили чело-век двадцать на прием в его честь: среди гостей были послы Англии и Франции, Дикгоф и Риттер из германского министерства иностранных дел и ряд других лиц вроде молодого принца Луи Фердинанда. Нейрат и Шахт, равно как и почти все другие высшие чиновники в Германии, до 8 января пребывают в своих загородных поместьях — такова здешняя рождественская традиция. Мистер Филлипс по телефону из Лондона передал советнику нашего посольства Мейеру, что он хотел бы встретиться с Гитлером. Мы вынуждены были ответить: «Это невозможно, если только вы не намерены задержаться дольше 8 января 1936 года, поскольку Гитлер находится в Берхтесгадене, в Баварии».

Понедельник, 30 декабря. Заместитель государственного секретаря Филлипс в течение часа рассказывал о трудностях в Соединенных Штатах и о почти не-

избежном провале Морской конференции в Лондоне, куда он должен возвратиться 5 января. Виды плохие, «и все высокопоставленные лица в Лондоне, — сказал он, — считают, что война с Италией неизбежна». Как глупо, что европейские правительства, особенно диктаторские, не могут разрешить свои споры мирным путем! И наша страна не лучше. Глупость была совершена тогда, когда Соединенные Штаты отказались участвовать в Лиге наций, а теперь вынуждены тратить на подготовку к войне ежегодно около миллиарда долларов народных средств.

В половине двенадцатого я созвал всех наших экспертов, включая сотрудников посольства, и представил их мистеру Филлипсу. Они проинформировали его о всех сторонах деятельности германского правительства. «Германия — это единый огромный военный плацдарм», — сказал майор Смит, наш военный атташе. Торговый атташе заявил: «Через два года Германия с помощью миллионов долларов, предоставляемых «Стандард ойл компани оф Нью-Йорк», будет производить из бурого угля нефть и бензин в количестве, достаточном для ведения длительной войны». «Производство заменителей хлопка, растущее в Германии быстрыми темпами, достигло такого уровня, что она может обойтись без американского хлопка», — таково было мнение капитана Крокета, рассказавшего о замечательных тканях и военном обмундировании, изготовленном из шерсти с соломой различного рода.

Филлипс был изумлен и удручен, хотя подобная информация поступает в государственный департамент в течение двух лет. Но, конечно, высокопоставленные лица не в состоянии справиться со всеми отчетами, которые там скапливаются. Майор Смит условился с Филлипсом отправиться завтра посмотреть огромные лагери и аэродромы.

В полдень явилось около тридцати корреспондентов, которые хотели послушать Филлипса и ответить на вопросы о том, что может случиться, если они будут изгнаны из Германии, как об этом говорят здесь. Я не мог присутствовать до конца беседы, длившейся целый час. Наши корреспонденты прекрасно информированы и заслуживают полного доверия, если их предупредить о том, чего не следует сообщать.

В половине второго приглашенные на завтрак сели за стол, а после завтрака мы в тесном кругу беседовали с мистером Филлипсом об угрожающей обстановке в Германии и о возможной позиции Соединенных Штатов. Английские и французские гости были наиболее сдержанными. Так уж здесь повелось.

Среда, 1 января 1936 г. Начался новый тревожный год. Сегодня в пять часов у нас состоялся прием, на котором присутствовали все американские и английские журналисты, находящиеся здесь, персонал посольства, различные атташе, помощники, клерки и машинистки. Гостей было восемьдесят или девяносто, и я очень устал. Заместитель государственного секретаря Филлипс провел с нами полчаса. Были также два немецких редактора, много поездивших по свету и не очень довольных тем, что происходит в их стране, хотя они и пытаются не показывать этого.

Суббота, 4 января. Утренние газеты на первой полосе приводят основное содержание предложений конгрессмена Макрейнольдса о предоставлении Рузвельту и государственному департаменту права и средств в нужный момент объявить бойкот любой стране-агрессору, если она развяжет войну. Это почти полностью совпадает с тем, что я предлагал в телеграмме и в письме, которое я отправил в воскресенье, 29 декабря. Если конгресс примет это предложение, Соединенные Штаты восстановят свое влияние в международных делах, утраченное ими в 1920 году, и Рузвельт теперь получит возможность претворить в жизнь то, что Вильсон так искренно намеревался осуществить в 1919 году. Все немецкие газеты оповестили своих читателей об этом предложении, но без комментариев.

Когда я в половине десятого пришел в посольство, мне тотчас же дали запись радиопередачи вчерашнего выступления Рузвельта по радио перед обеими палатами конгресса. Это — восхитительное и вместе с тем очень мудрое осуждение всех диктаторских режимов, всех стран, ведущих гонку вооружений и утверждающих, что они имеют право аннексировать территории малых государств. Каждого государственного деятеля Германии этот документ должен серьезно беспокоить.

Он говорит всему миру о подавлении здесь свобод и о полном подчинении народа. Я не думаю, чтобы какая-либо газета осмелилась напечатать хотя бы часть этого обращения. Если бы какой-нибудь редактор осмелился напечатать его дословно, он был бы арестован и, возможно, даже казнен. Речь Рузвельта показалась мне настолько своевременной и дальновидной, что я по телеграфу поздравил президента и обещал через день-два прислать информацию о том, как его речь была воспринята и какова реакция на нее здесь.

Вчерашние немецкие газеты выступили с осуждением обращения Рузвельта ко всему миру. Они утверждали, что с немецким народом поступили несправедливо при заключении договоров. «Бёрзен цейтунг» назвала Рузвельта новым Вудро Вильсоном, пытающимся подавить и предать бедный немецкий народ, которому не разрешено иммигрировать в Соединенные Штаты. Вся первая полоса геббельсовской газеты «Ангриф» была полна нападок на президента. «Берлинер цейтунг» была более объективна, но и она не поддерживала это замечательное обращение о предотвращении войн.

Насколько мне известно, ни одна газета не воспроизвела полностью ни одного раздела речи. Все было рассчитано на то, чтобы вызвать возмущение немцев. По моему мнению, немцы в действительности восхищаются президентом, хотя то, что им говорят по всем вопросам, далеко от правды. Я должен вскоре встретиться со многими из них.

Учитывая важность установления сотрудничества в период заседаний Лиги наций, которые начинаются 20 января, я послал Марту в русское посольство с краткой запиской, в которой сообщал, что хотел бы встретиться с послом. Моя жена пыталась отговорить меня от встречи с коммунистическим представителем. Марта доехала до отеля «Адлон», отстоящего на один квартал от посольства, отпустила шофера и пешком дошла до посольства. Там она вручила мою визитную карточку. Посол отсутствовал, и Марта сказала советнику, чтобы мне не звонили по телефону. Советник дал согласие, но сказал:

— Передайте вашему отцу, чтобы он при всех обстоятельствах пришел к семи часам.

Итак, вернувшись в посольство к четырем часам, я принял решение выйти из машины неподалеку от русского посольства и затем пешком дойти до него.

К моему удивлению, когда я заехал домой без четверти семь, русский посол позвонил мне по телефону и сообщил, что он у себя и будет рад видеть меня. Таким образом, несмотря на все мои предосторожности, канцелярия тайной полиции зафиксировала факт моего визита к коварному коммунистическому послу. Это был промах с его стороны. Я не уверен, что это было сделано без умысла дать знать немцам о моих якобы дружественных связях с ним.

Итак, я пошел повидаться с советским послом, которого все так избегают, что его лишь изредка можно встретить на официальных обедах или завтраках. Он сказал мне, что его правительство готово немедленно установить сотрудничество с Лигой наций в применении санкций против Италии. Он сказал также, что Румыния в еще большей мере преисполнена готовности к немедленным действиям. Французский посол, сказал он, дал ему понять, что боится, как бы поражение Муссолини не привело к захвату Германией Австрии.

Когда мы закончили беседу о реакции на позицию Рузвельта, я сказал ему:

— Надеюсь, ваше правительство прекратит пропаганду в Соединенных Штатах⁸, где она не приносит плодов. Пусть наши страны научатся сотрудничать в области торговли и в поддержании всеобщего мира. Мы — демократия, вы — коммунисты. Каждый народ вправе иметь ту форму правления, какая ему нравится и не должен вмешиваться в дела других народов.

Он согласился и сказал, что сделает все, от него зависящее.

Понедельник, 6 января. Испытывая беспокойство позицией Германии по вопросу о новых санкциях и о создании сплоченного фронта Англии и Франции против безумной политики Муссолини, я написал от руки записку бывшему министру экономики доктору Курту Шмитту с просьбой заглянуть ко мне, когда он будет возвращаться домой. Записка была передана через одного из наших посыльных, чтобы не привлечь к Шмитту внимание тайной полиции. Мы разговаривали боль-

ше получаса. Его отношение к американской позиции по вопросу о санкциях было менее положительным, чем во время предыдущей встречи, два месяца назад. Он все еще осуждает агрессию Муссолини, но не в той мере, как раньше. Теперь он высказал мысль, что в случае поражения Муссолини или его насильственного свержения под давлением Англии и Франции, а может быть и папы римского, хотя последний не слишком осуждает диктаторские режимы, в Италии подымут голову коммунисты. Когда я заговорил об отношениях между Австрией и Германией, он сказал, что сегодня вопрос об аннексии Австрии не стоит на повестке дня. Когда я упомянул о большом увеличении вооруженных сил, он сказал:

— Как вы знаете, немцев воспитывали в духе милитаризма в течение пятидесяти лет, а прусских немцев в течение почти двухсот лет. В итоге у немцев сложились такие взгляды, которые несвойственны другим народам. Каждый мужчина, отслужив свой срок в армии, считает честью, чтобы его сын также поступил на военную службу и получил возможность стать офицером. Эта основная национальная черта и создает впечатление, что немцы хотят войны. Мы не хотим войны, и это одна из причин того, что в отношении Австрии ничего не будет предпринято, хотя всем известно, что Австрия принадлежит Германии.

По всем трем вопросам взгляды Шмитта, считающегося умеренным противником существующего режима, заметно изменились; они стали значительно более терпимыми, по сравнению с тем, что он говорил при нашей последней встрече. Что же произошло? Он все еще руководит германскими страховыми компаниями. Я думаю, что ему уделил значительное внимание Гитлер, с которым, по его словам, он беседовал перед рождеством. Он считает, что позиция Соединенных Штатов уже не столь важна, хотя он все еще сторонник англо-германо-американского сотрудничества. Диктаторский режим в Италии для него более приемлем, поскольку там существует угроза коммунизма, а усиленное вооружение не так уж опасно, так как это всего лишь проявление естественной склонности немцев к большим армиям! Но когда я затронул вопрос о тяжелом положении евреев, он несколько оживился. Его за-

мечания по поводу обстановки в университете носили тот же характер, что и прежде: крупная ошибка со стороны Германии.

Когда он уже собирался уходить, я сказал ему:

— Я послал вам записку с посыльным, чтобы огрadyть Вас от возможных неприятностей.

Он ответил:

— Я не боюсь говорить с вами по телефону, так как не думаю, чтобы полиция подозревала меня в передаче секретной информации, чего я, конечно, и не делаю. Я об этом буду говорить с Гитлером, когда увижу его.

Четверг, 9 января. Большинство немцев, с которыми я встречаюсь, — люди, к голосу которых следует прислушиваться, — утверждают, что «третий рейх» ставит перед собой мирные цели. Однако сегодня вечером моя жена и я были в большом кинотеатре «Уфа Паласт» и смотрели широко разрекламированный фильм «Наш вермахт». В течение часа многочисленные зрители-немцы смотрели фильм и горячо аплодировали при каждом появлении на экране таких сцен: громадные плацдармы с танками и пулеметами в действии, солдаты бегут и падают на землю, кругом стрельба, есть убитые; большие парады, проходят грузовики, тяжелая артиллерия; воздушные налеты, сотни самолетов сбрасывают бомбы на город. В решающие моменты на экране появлялись Гитлер, Геринг и даже Геббельс, подтверждая этим свое одобрение происходящего. Публика много аплодировала. Эти сцены и грубая, как мне казалось, постановка фильма произвели на меня угнетающее впечатление.

Если немцы так выражают свою преданность миру, то их психология мне непонятна. На словах Гитлер всячески подчеркивает свои мирные намерения, в то же время он и Геринг используют любую возможность похвастаться в своих щегольских мундирах перед солдатами, кричащими «хайль Гитлер». Генералы рейхсвера более сдержанны, но и они никогда не отвергают войну в качестве средства достижения целей Германии.

Пятница, 10 января. В половине двенадцатого я во фраке явился на прием, ежегодно устраиваемый Гитлером для дипломатического корпуса. Присутствовали

почти все послы и посланники, все в парадной одежде, некоторые со старомодными головными уборами и в великолепных, отделанных позолотой, мундирах. Кажалось, что действие происходит в восемнадцатом веке. Мы ждали почти полчаса появления рейхсканцлера. Лишь итальянский посол, казалось, чувствовал себя стесненно; советский посол попросту держался в стороне, оживляясь только тогда, когда к нему кто-нибудь подходил. В двенадцать часов Гитлер, Нейрат, Бюлов, Ламмерс и Мейснер вошли в приемный зал, где дипломаты во главе с папским нунцием, облаченным в красное одеяние, выстроились широким полукругом в соответствии с рангом. За папским нунцием находился французский посол, которого не покидала его жизнерадостность. Я был третьим в ряду, следующим за мной стоял английский посол. Нунций зачитал бессмысленный поздравительный текст на французском языке, который Гитлер понял не лучше, чем я. Канцлер ответил в более краткой форме, слегка похвалившись тем, что он уменьшил безработицу в Германии; при этом он не разъяснил, что сокращение безработицы произошло почти исключительно за счет гонки вооружений.

Когда Гитлер начал обход выстроившихся дипломатов, он сначала довольно долго говорил с нунцием о каком-то католическом монастыре и о чем-то из истории церкви. Пожимая руку французцу, он спросил его о наводнении на Сене в Париже. Когда он подошел ко мне, я сказал, что слышал его разговор с нунцием на историческую тему и высказал предположение, что он читал историю с подлинным интересом. Он ответил: «Да, я предпочитаю историю политике, которая меня изнушает». Прежде чем обратиться к моему английскому коллеге, он задал мне вопрос: «Когда вы переезжаете во Дворец Блюхера?» Я вынужден был ответить, что не знаю. Он проявил значительный интерес к тому факту, что из-за метро это здание находится в угрожающем состоянии и его стены могут рухнуть. Затем он продолжил свой путь и, к моему удивлению, беседовал с русским послом непринужденнее, чем со многими другими. В половине первого начался разъезд. Хотя принято считать, что такие приемы необходимы,

мне они кажутся бесполезными. Разъезд происходил без суеты, все давали на чай слугам, стоявшим у дверей.

Суббота, 11 января. Три дня назад я получил письмо из Чикагского университета; в нем содержалось приглашение профессору Отто Хёцшу прочитать за соответствующее вознаграждение весной, в апреле и мае, курс лекций о европейских отношениях в 1920—1930 годах. Хёцш — один из наиболее известных и уважаемых профессоров в Берлине. На него так подействовало увольнение, что в течение месяца он пролежал в постели. Зная его довольно близко и помня нашу совместную работу в Лейпциге в 1899 году, я сделал все зависящее от меня, чтобы добиться этого приглашения.

Получив письмо, я немедленно послал ему записку и просил повидать меня в посольстве. Он пришел 7 января; я спросил его, может ли он принять приглашение, и обещал, как меня об этом просили, передать его ответ по телеграфу в Чикаго. Я сказал ему также, что, возможно, он получит приглашение повторить некоторые лекции в университетах Мичигана, Иллинойса и Висконсина. Меня несколько удивила его нерешительность, поскольку я знал, какое важное значение это приглашение имело для него. Он ушел, обещав дать мне ответ в течение трех дней.

Сегодня утром, 11 января, Хёцш снова пришел ко мне и тут же заявил, что не может принять приглашение. Он говорил с Дикгофом из министерства иностранных дел, который дал ему понять, что немецкие власти против того, чтобы кто-либо читал за границей, а может быть и в Германии, лекции о положении в Европе после мировой войны. Они возражают даже против обсуждения вопроса о войне. Дикгоф намекнул Хёцшу, что он может лишиться пенсии, если в своих лекциях будет касаться событий после 1914 года.

Хёцш пытался уговорить меня вновь просить Чикаго предоставить ему возможность будущей осенью прочитать лекции по европейской истории периода 1856—1915 годов. Я согласился сделать запрос и написал темы, которые он предложил, но не стал связывать себя обещанием. Эти темы лучше разработаны чикагскими историками, и я убежден в том, что ни

один немецкий ученый не осмелится сказать всю правду о своей стране. Мне, право, неудобно вновь настаивать.

Удивительно, что эти ученые, даже самые одаренные, не имеют правильного представления о действительных исторических событиях. Они довольно хорошо знают факты, но не в состоянии признать хоть какую-либо ошибку в действиях своих правительств. Меня поражает такое положение, когда большая страна не знает важных событий из своего прошлого, а видным профессорам не разрешают комментировать события. Хейс был членом рейхстага в 1920—1930 годах, председателем комиссии по иностранным делам, которая готовила материалы к плану Дауэса — Юнга. Он изъездил всю Европу и Соединенные Штаты и имеет большой опыт публициста. Тем не менее он не может объективно изложить свои взгляды по вопросам, которые знает в совершенстве. Я с грустью пожал ему руку при прощании.

Понедельник, 13 января. Сегодняшняя пресса много места уделяет геринговскому параду, на котором присутствовали все послы, кроме меня. Был там также несчастный кронпринц с женой, но Гитлера и Геббельса не было.

В одиннадцать часов пришел Макс Серинг, чтобы поговорить о международной сельскохозяйственной конференции, которая должна состояться будущим летом в Лондоне. Он показал мне письмо Генри Уоллеса. Серингу около восьмидесяти пяти лет, но он еще очень энергичен. Его дочь вышла замуж за сына знаменитого адмирала фон Тирпица. Серинг лютеранин, его возмущают нацистский контроль над церковью и ее реорганизация. Он также старый роялист, жаждущий восстановления Гогенцоллернов. В то же время он считает Гитлера выдающимся государственным деятелем в отличие от Геббельса и Геринга. Когда он заявил, что «Германия не хочет больше войны», я не удержался и рассказал ему про фильм, виденный мною 9 января в театре «Уфа Паласт». Мне стало ясно, что он, как и большинство немцев, не понимает, что подобные демонстрации, продажа игрушечных бомб и танков детям на рождество служат военным, агрессивным целям.

И не хотел ухудшать его и без того плохого настроения, и мы ограничились обсуждением изложенных им сельскохозяйственных проблем. Он, несомненно, сможет рассказать много интересного, если только поедет на конференцию, половина делегатов которой прибудет из Соединенных Штатов. Если бы образованные немцы понимали свою собственную историю!

Четверг, 16 января. Я был на обеде в честь Р. Л. Хэйга, представителя «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси», которая поставляет большое количество нефти в Гамбург в обмен на танкеры водоизмещением в 15 тысяч тонн. Президент немецкой судостроительной компании в Гамбурге, производящей танкеры, говорит, что в результате заказа «Стандард ойл» они смогли дать работу тысяче рабочим. Он говорил также, что подобные суда строятся также для Англии и что все они строятся таким образом, что легко могут быть переоборудованы в военные суда. Гамбургский предприниматель ясно выразил свое отрицательное отношение к гитлеровскому режиму и в меньшей мере к самому Гитлеру. Он сказал, что его детям в гамбургской школе нацистские учителя преподносят много лжи; Розенберг заставляет этих учителей преподавать всякую ерунду.

Пятница, 17 января. Сегодня приблизительно в полдень один сотрудник нашего посольства дал мне на подпись текст телеграммы, чтобы с моей визой передать ее шифровальщикам для отправки. Телеграмма была в два раза длиннее, чем следует; пятый раз за время моего пребывания этот сотрудник составляет слишком длинные, подробные и даже ненужные телеграммы, стоимость которых часто превышает 100 долларов. Я неоднократно показывал ему, как нужно сокращать их и экономить половину их стоимости. Он соглашался, но иногда не выполнял своего обещания. Так и теперь, я переписал текст заново, опустив все лишние фразы, и сократил его вдвое. Только после этого я поставил свою подпись и отправился на обычную дневную прогулку.

Когда я вернулся в посольство, секретарь доложил мне, что дипломат, о котором шла речь, сильно воз-

мущался и сетовал. Я твердо решил, что буду сам писать телеграммы, раз он не может научиться составлять их.

Это показательно для нравов работников дипломатической службы. Воспитанники Гарвардского, Принстонского и еще одного или двух университетов, эти сыновья богатых родителей, за редким исключением, не умеют четко и кратко излагать свои мысли, еще меньше знают они историю. Они со спокойной совестью ежемесячно получают из казны государства тысячу долларов и в то же время считают себя вправе приходить на работу в десять или одиннадцать часов; затем, побыв часа два и перепоручив свою работу клеркам, уходят на какой-нибудь званный завтрак, оставаясь там часов до четырех. Проведя еще один или два часа в посольстве, они отправляются играть в карты или несколько позднее на обед, где остаются за полночь. Я пытался исправить все это, установил определенные часы занятий и рекомендовал вести более умеренный образ жизни. Большинство наших дипломатов пошло мне навстречу, однако, как мне кажется, они не рассматривают работу в посольстве как серьезное занятие.

Хотя находящиеся теперь в штате дипломатические работники и примирились с необходимостью приходить вовремя по утрам на работу и составлять хорошие телеграммы, бремя светской жизни, которое они несут, непосильно для человека, желающего сохранить свое здоровье.

Суббота, 18 января. Сегодня днем ко мне зашел побеседовать один американский журналист из газетного треста Херста. Я встречался с ним и раньше и просил сообщать мне о всех интервью, которые он получает от высокопоставленных немецких официальных лиц, в той мере, в какой он сочтет это для себя возможным. Его нельзя назвать поклонником нацистов, но он, несомненно, поклонник Херста. Итак, он сообщил мне сегодня, что говорил с Риббентропом, дипломатическим советником Гитлера, который вел переговоры о заключении англо-германского морского пакта в июне прошлого года⁹. Риббентроп умен, но его крайне недолюбливают Нейрат и Бюлов.

В своем интервью Риббентроп заявил: «У Германии имеется договоренность с Муссолини; война в Абиссинии закончится в его пользу; после этого Германия и Италия потребуют возвращения своих довоенных колоний». Он показал журналисту карты всех германских колоний и доказывал, что они богаты минеральными и иными сырьевыми ресурсами. Журналист сказал мне:

— Если Лига наций не вернет Германии ее колоний, это будет означать войну.

Я возразил:

— Нет, не так скоро. Германия еще не готова к войне, но будет готова года через два.

Я рассказал журналисту о германо-японских отношениях со времени моего пребывания в Берлине и о моем подозрении, что существует неписанный договор, по которому эти две страны начнут войну против России, когда наступит подходящий момент.

Я добавил:

— Вы говорите, что существует пакт между Германией и Италией. Это означает то, что я предсказывал в течение более года: единый фронт диктаторов в Европе, который причинит миру много неприятностей.

Вторник, 21 января. Сегодня утром я в течение полудня беседовал с Шахтом. Перед рождеством он уехал в Италию и провел там две недели. Затем он ездил в Базель на конференцию Международного банка, одним из директоров которого он является. Не успел я сесть напротив него в его кабинете в роскошном здании рейхсбанка, как он заговорил о расследовании сенатской комиссии под руководством сенатора Ная состояния вооружений и финансов. Шахт хотел знать, считаю ли я, что Вильсон вступил в мировую войну ради финансовых и торговых выгод. Я ответил отрицательно, сославшись на заявление, которое Вильсон сделал мне 15 августа 1916 года и в котором он изложил свою позицию: вступить в войну, если станет ясно, что берлинские военные диктаторы готовы подчинить себе всю Европу. Шахт уклонился от ответа, сказав лишь, что не верит, будто Вильсона втянули в войну нью-йоркские банкиры.

После этого я спросил его об итало-германских отношениях. Он сказал:

— Вы знаете, что в 1934 году в Венеции между Гитлером и Муссолини состоялось длительное совещание, но два лидера не пришли к соглашению. Слишком сильна была их обоюдная неприязнь. Теперь, однако, отношения изменились к лучшему. Обе стороны сближает стремление приобрести колонии, хотя союз между ними не заключен.

Я ответил:

— Восстановление колониальных владений Германии — дело правильное и справедливое, но, вы знаете, колонии больше не дают прибылей. Все колонии, которые мы отобрали у Испании в 1898 году, приносят нам громадные убытки.

Шахт ответил:

— Но вы, американцы, не селитесь в этих владениях.

Я добавил, что в современных условиях безработные ни из одной страны, кроме Японии, не иммигрируют. После этого Шахт переменял тему разговора, но я уверен, что Германия намерена вскоре поставить вопрос о возвращении колоний. Гитлер говорит: «Мы не будем воевать из-за колоний», но он, вероятно, крайне обострит вопрос, чтобы спровоцировать войну.

Затем Шахт перешел к экономическому и финансовому положению Германии. Он сообщил, что вскоре его должны посетить американские держатели облигаций займа, срок уплаты процентов по которому наступает 1 апреля. Я сказал:

— Наша последняя телеграмма от 20 января показывает, что ваши доходы значительно возросли за последние месяцы.

Он проявил интерес и просил показать ему выдержки из моей телеграммы министру финансов. Я ответил, что готов *устно* передать ему кое-что из того, что мы сообщили о финансовом положении Германии. Затем он сказал, что прошлой осенью уплатил проценты по займу в надежде улучшить условия торгового договора с Соединенными Штатами, но улучшение не наступило.

Я ответил:

— Существует так много других факторов, влияющих на общественное мнение в Соединенных Штатах, что, если бы договор, предусматривающий действительно низкие тарифы и был заключен, он вряд ли получил бы одобрение сената. Вы знаете, в чем состоят эти трудности. Если бы все здесь так же понимали вещи и делали заявления, подобные вашим, дело пошло бы на лад. Соединенные Штаты не любят двусторонних соглашений. Государственный секретарь Хэлл жаждет снижения таможенных барьеров повсюду, и я думаю, что это везде привело бы к повышению уровня жизни.

Шахт отчасти согласился, но дал понять, что не может быть и речи об изменении существующей деспотической политики и что свобода вероисповедания и справедливое отношение к евреям в настоящее время невозможны. Я попрощался и пожелал ему успеха, сознавая, что наша получасовая беседа лишь несколько прояснила атмосферу, но не выявила какого-либо улучшения отношений между нашими странами.

Четверг, 23 января. Наш торговый атташе Миллер привел ко мне доктора Энгельбрехта, председателя гамбургского филиала «Вакуум ойл компани». Энгельбрехт повторил то, что уже говорил год назад: «Стандард ойл компани оф Нью-Йорк», дочерней организацией которой является «Вакуум», потратила 10 миллионов марок на поиски нефти в Германии и на строительство крупного нефтеочистительного завода вблизи гамбургской гавани». Энгельбрехт продолжает бурение и находит много сырой нефти в районе Гамбурга, но сомневается в наличии больших запасов. Он надеется, что Шахт даст субсидии его компании, как он дает их некоторым немецким компаниям, не обнаружившим месторождений сырой нефти. «Вакуум» вкладывает в эти работы все свои доходы, дает работу тысяче рабочим и не переводит своих денег в Соединенные Штаты. Я не мог обнадежить его, поскольку германское правительство не расположено оказывать какую бы то ни было помощь иностранцу, даже если он тратит здесь миллионы. Миллер согласился со мной.

Пятница, 24 января. Джон Фостер Даллес — нью-йоркский адвокат из фирмы «Салливэн энд Кромвелл», представляющий большие американские интересы, рассказал мне о затруднениях, которые он встречается здесь в финансовых вопросах; Даллес пишет для журнала «Америкэн» о европейских делах и связан с крупными банкирскими домами в Нью-Йорке. Он сказал:

— Моя немецкая секретарша, восторженная поклонница Гитлера, жаждет убедить меня в мирных намерениях Германии. Вчера днем она повела меня на фильм «Наш вермахт», который, как она утверждает, свидетельствует о стремлении Германии к миру. Я просмотрел его до конца. И все, что я видел, — военные самолеты, тяжелые орудия, картины жестоких налетов на города, восторги Гитлера, Геринга и Геббельса, взрывающихся на произведенные разрушения, — никак не укладывается в моем сознании с мирными целями.

Две недели назад я смотрел этот же фильм, показывающий Германию в войне, и у меня тогда сложилось о нем такое же впечатление. Даллес заметил, что он не может понять взглядов своей секретарши и добавил, что в Соединенных Штатах подобный фильм был бы освистан зрителями.

Даллес сказал, что служил в госдепартаменте при государственном секретаре Лансинге, в президентство Вильсона, и выразил возмущение по поводу обвинений сенатской комиссии, будто Вильсон вступил в мировую войну, чтобы дать Соединенным Штатам загребать деньги. Он признает неблагоприятную роль и позицию банкиров в 1915—1916 годах, но отрицает наличие каких-либо связей между президентом и Морганом. Это совпадает с имеющейся у меня информацией, хотя я склонен думать, что Лансинг не был вполне свободен от сильного влияния банкирских кругов.

Суббота, 25 января. Луис Лохнер сообщил мне сегодня утром, что он вновь избран в Ассоциацию иностранной прессы: за него подано 59 голосов из 65, при 6 воздержавшихся. Это усиливает его позиции и может помешать Геббельсу выслать его осенью из Германии за слишком откровенное освещение обстановки и трудностей здесь. Прошлым летом над ним нависла

такая же угроза. Когда закончатся Олимпийские игры, нападки на него усилятся. Я поздравил его с переизбранием и выразил надежду, что все обойдется.

Четверг, 30 января. Сегодняшний день для гитлеровских правителей является немецким 4 июля*. Я принял приглашение послушать речи Гитлера и Геббельса в половине двенадцатого. Но погода плохая, а я узнал, что торжества, на которых 30 тыс. солдат войск СА пройдут перед фюрером, будут происходить на открытом воздухе. Присутствовать в такую погоду опасно для моего здоровья, и я послал письмо с отказом. Только что узнал, что приветственные возгласы и крики «ура» были менее восторженными, чем прежде. Говорит ли это о падении популярности? Такое мнение часто можно услышать, но я сомневаюсь, что Гитлер потерял много последователей. Абсолютизм лишает всех возможности протестовать или критиковать; все важные организации в Германии принадлежат государству, кроме церкви, которая, однако, ничего не может сделать. Ночью в честь фюрера состоялось красочное факельное шествие по Вильгельмштрассе.

Пятница, 31 января. Ходят упорные слухи о беспокойстве в Германии по поводу возможного создания единого фронта Англии, Франции, Италии и всех балканских стран против дальнейшего вооружения Германии и требований Гитлера о возвращении колоний. В этой связи я сегодня днем посетил чехословацкого посланника, только что вернувшегося из Праги после недельного пребывания там. Он сказал:

— Австрия обеспокоена, как бы нацисты не вторглись и не свергли существующее правительство. Чехословакия тоже встревожена и раздумывает над призывами австрийских католических лидеров установить тесное сотрудничество между двумя странами. Англия в согласии с Францией поддерживает Австрию, в Венгрии же возникли трудности в связи с тем, что Англия

* 4 июля 1776 г. конгрессом была принята Декларация независимости, провозгласившая образование независимого от Англии государства — Соединенных Штатов Америки. 30 января 1933 г. — день захвата нацистами власти в Германии. — *Прим. ред.*

прекратила покупки жиров и этим сильно осложнила экономическое положение страны. Все балканские страны настроены действовать единодушно в Лиге наций против Италии, а затем и против Германии, если она проявит агрессивность в отношении своих малых соседей.

Но он сказал, что ему неизвестно, как далеко могут зайти действия Лиги. Он хочет на днях повидать французского посла, чтобы выяснить, имеется ли какая-либо четкая политика и особенно намерены ли Англия и Франция заявить, что они одобряют заключение пакта с Россией против любого агрессора, в частности против Германии и Японии. Он обещал поставить меня в известность, если будут предприняты какие-либо определенные шаги в этом направлении. Пакт с Россией о поддержании мира особенно ненавистен Германии. В половине пятого ко мне заглянул майор Арчибальд Черч, англичанин, уроженец Бристоля, давнишний резидент в Германии и обозреватель. Он был одним из руководящих английских деятелей во времена лейбористского правительства Макдональда и личным секретарем Брюнинга. В течение полутора часов он рассказывал о положении в Англии, о Лиге наций, об Италии и особенно о Германии. Он назвал мне одного видного члена германского правительства в период между 1920 и 1930 годами, который сообщил ему, сколько денег было израсходовано на вооружение и военное обучение сверх того, что разрешалось по мирному договору. По его словам, Штресеман и Брюнинг, заверявшие, что они честно сотрудничают с Англией и Францией, в действительности давали эти средства из огромного тайного фонда, созданного по решению рейхстага. Таким образом, в 1933 году Германия имела значительно больше обученных солдат, чем утверждалось по данным рейхсвера.

Черч произвел на меня впечатление человека, превосходно осведомленного о внутренних делах Германии. По некоторым сведениям, он организовал побег Брюнинга из Германии 30 июня 1934 года, когда бывшему канцлеру угрожала смерть, и оказал полезные услуги ряду других лиц. Брюнинг, сказал он, не проявил признательности за оказанную услугу. В течение года он вел в Лондоне роскошный образ жизни за счет

своих английских друзей и отказался заработать деньги чтением лекций в Оксфорде и других университетах, несмотря на многочисленные предложения. Я подозреваю, что Брюнинг боялся, что чтение им лекций наведет на его след шпионов и, возможно, будет стоить ему жизни. Черч выразил сомнение в этом.

— Теперь, — сказал он, — Брюнинг проживает в Канаде и Соединенных Штатах, надеюсь, на свои средства.

Суббота, 1 февраля. Мы пошли с Джеймсом Х. Хайдом на большие конные скачки с препятствиями на закрытом манеже. В них приняли участие немецкие, итальянские, польские и японские наездники. Было очень интересно. После конных состязаний состоялись интересные военные игры: довольно эффектный парад кавалерии, выступления отрядов чернорубашечников; затем мимо нас прошла моторизованная артиллерия; в заключение нам показали маневры танков и скорострельных орудий. Это было задумано как показательный бой, в котором солдаты, лежа на земле, стреляли из пулеметов.

Огромная толпа примерно в 20 тысяч человек аплодировала, а Гитлер и Геринг отвечали на приветствия. Лишь слепые могут не видеть, что нацисты проникнуты воинственным духом. Иностранные послы и многие военные и военно-морские атташе наблюдали эти демонстрации.

Мне непонятно, как думает Европа обуздать 68 миллионов немцев, жаждущих новой войны. Если все страны объединятся и вооружатся до зубов, это может отсрочить войну, но не сделает ее невозможной. Если сплоченный фронт не будет создан, результатом будут захваты на востоке, западе и на севере, создание германского рейха с населением в 90 миллионов человек. Французский и английский народы в подавляющем большинстве настроены пацифистски, и немцы знают это. Позиция Соединенных Штатов также пацифистская, но пацифизм приведет к большой войне и к порабощению Германией всей Европы, если только миролюбивые народы не будут действовать смело в этот критический момент их истории.

IX

5 февраля 1936 г.—29 июля 1936 г.

Среда, 5 февраля. Предположим, Гогенцоллерны вернулись к власти. Избавит ли это человечество от новой большой войны? Немецкий народ так долго живет в атмосфере милитаризма, а Гогенцоллерны так долго проповедовали агрессию на востоке, западе и севере, что они могут вновь встать на старый путь кайзеровской политики.

Принц Луи Фердинанд был среди гостей Марты сегодня вечером. Он просил меня уделить ему несколько минут, и я рассказал ему о целях франко-русского союза с перспективой создания объединения балканских стран. Он был подавлен, увидев в этом окружение Германии и, возможно, новую войну. Он спросил меня, в чем я вижу выход для Германии. Я сказал ему совершенно конфиденциально, хотя боюсь, он передаст это своему отцу, что либеральный немецкий народ должен иметь более прогрессивное правительство, свободно избранный парламент, свободу религии, свободу печати и прекратить преследование евреев. Он согласился. Несомненно, сам Луи Фердинанд приветствовал бы все это.

Среда, 12 февраля. Сегодня утром меня навещил посол Буллит, направляющийся в Россию. Он сообщил, что президент настроен оптимистически, передал приветствия от государственного секретаря Хэлла и судьи Мура. Буллит сказал:

— Исход предстоящих выборов решит штат Пенсильвания, но в Филадельфии старая республиканская клика не господствует больше. Ирландцы и евреи единодушно поддерживают Рузвельта, а они — ведущая сила в городе.

Возможно, это правда. Странные переплетения имеют место в нашей стране. Буллит, кажется, думает, что ему придется вернуться в конце лета для участия в избирательной кампании в пользу Рузвельта, возможно, стать его ближайшим советником, заняв место Хоу, который при смерти. Я сомневаюсь, что эти его надежды осуществятся.

На словах Буллит выдает себя за восторженного друга Рузвельта, но на его высказывания нельзя положиться. Он карьерист, стремящийся выдвинуться на высокий пост, но, по-моему, он неправильно оценивает обстановку. Так, к примеру, сегодня утром он резко осудил сотрудничество между Англией, Францией и балканскими странами, направленное на то, чтобы принудить Россию к более умеренной политике и сохранить мир в Европе. Он сказал, что Германия в течение двух недель захватит Австрию и Чехословакию и быстро установит контроль над всей Европой. Я спросил его:

— Вы думаете, это будет хорошо для Англии и Соединенных Штатов?

Он ответил, что ему «наплевать» на Англию и что лорд Лотиан и Ллойд Джордж оба против сотрудничества Англии, Франции и России с Балканской Антантой. Лорд Лотиан предпочитает, добавил он, чтобы Германии предоставили свободу действий в ее захватнической политике, направленной на покорение Европы, и чтобы Англия не устанавливала ограничений для Германии. Я говорил мало, но здесь я заметил, что политика Лотиана означала бы низведение Англии до положения Голландии. С моей точки зрения такой упадок влияния и мощи был бы бедствием для народа, который столько времени был ведущим в области культуры и демократических традиций.

Далее Буллит сказал, что перед отплытием в Вашингтон в декабре прошлого года ему стало известно, что Англия отклонила просьбу России о предоставлении ей крупного займа. Узнав, что Франция намере-

вается дать своей союзнице 1914 года займы миллиард франков, Буллит, как мне сказали, явился к лицу, пользующемуся решающим влиянием во французском правительстве, и убедил его, что Россия никогда не вернет этого займа. Таким образом, он сорвал переговоры, которые вели русские. Я и сам не был уверен в том, что русские вернут заем, но мне казалось неподобающим для американского посла в России срывать русско-французские переговоры.

Я здесь ни с кем не буду говорить об этом, но такое поведение мне кажется неразумным. Трудно сказать, все ли в этой истории обстояло именно так, но несомненно одно — заем не был предоставлен. Хотя я и считаю неразумным предоставление какой-либо страной или крупным банком большого займа Германии, я, конечно, не стал бы вмешиваться в переговоры, если бы, к примеру, Англия или Голландия намеревались ссудить деньги Германии. Согласно моим взглядам мое положение здесь не позволяет мне этого.

Сэр Эрик Фиппс сообщил все что мог о позиции Англии. Он был откровеннее со мной, чем когда-либо раньше.

— Англия, — сказал он, — отказалась от своей политики разоружения, которой она следовала последние четырнадцать лет. Теперь она будет тратить примерно 300 миллионов фунтов стерлингов в год, чтобы иметь большую армию, большой флот и мощную противовоздушную оборону. Это печальный шаг, но с февраля текущего года мы пытаемся убедить Германию принять условия разоружения. Фюрер неизменно говорит мне «нет». Мы больше не будем тревожить немцев; но после выборов во Франции в апреле мы объединимся с французами и другими европейскими странами, входящими в Лигу наций, и скажем немцам: «Соглашайтесь теперь на международное ограничение вооружений, в противном случае мы все, включая Россию, объединимся, чтобы защитить любую страну, подвергшуюся нападению». Россия, добавил он, занимает теперь более умеренную позицию, и мы можем позволить себе сотрудничать с ней в поддержании мира. Если нам не удастся убедить Германию, то через несколько лет разразится война, и Европа, включая Германию, окажется перед катастрофой.

Он сообщил мне, что недавно французский посол пригласил к себе на обед Геринга; когда зашла речь о том, что произойдет, если Гитлер уйдет в отставку или тяжело заболит, Геринг прижал свои жирные руки к груди и сказал: «Я заступлю место фюрера». Это так расстроило француза, что он побежал к Фиппсу и поделился своими тревогами.

Геринг — один из членов здешнего триумvirата, который в своих речах постоянно угрожает целостности границ Франции и Польши. По-моему, он во всем похож на Муссолини и готов развязать войну в любой момент. Эта история еще больше укрепила мое мнение о том, что программа окружения, если она будет поддержана всеми государствами, граничащими с Германией на востоке и западе, а также Англией, Францией и Россией, — почти единственная надежда на мир для Европы.

Я пришел домой к завтраку более озабоченный, чем обычно, под впечатлением двух бесед, раскрывших передо мной еще раз остроту германской проблемы. Бедный немецкий народ!

Среда, 19 февраля. Сегодняшние газеты принесли известие о запрещении правительством Швейцарии всех нацистских организаций. Это еще раз свидетельствует о печальном положении вещей в сей прославленной стране. Неделию назад некий Густлоф, нацистский пропагандист в Швейцарии, был убит немецким евреем, принявшим югославское гражданство. Густлоф в течение ряда лет не давал покоя швейцарцам, и их посланник в Берлине не раз тщетно протестовал против нацистской пропаганды так же, как и я в 1934 году. Когда известие об убийстве было получено здесь, все германские флаги были приспущены. Даже к кончине Гинденбурга не было привлечено такого внимания. Тело убитого медленно провезли через всю Германию к месту погребения в Мекленбурге. Гитлер выступил со страшными угрозами в адрес всех евреев. Было произнесено много речей в Гамбурге и других городах; их слушали десятки тысяч людей, собранных насильно. Во время выступления Гитлера Дикгофу было приказано представлять министерство иностранных дел.

Сегодняшние газеты полны нападок на Швейцарию и требований, чтобы была разрешена деятельность нацистских организаций за границей; авторы этих статей забывают, что во второй половине декабря Гитлер опубликовал приказ всем германским консульствам в Соединенных Штатах к концу этого месяца распустить все нацистские организации, и это — в Соединенных Штатах, где проживают миллионы немцев. Теперь Швейцарию порицают по всей Германии за осуществление того, что он приказал сделать в Америке.

Помимо обычных нападок, геббельсовское ведомство передало в печать сообщение, в котором с сарказмом говорилось, что швейцарцы, пожалуй, воздвигнут монумент в честь убийцы Густлофа. Газеты забыли, видимо, что нацистские лидеры поставили памятник убийцам Ратенау, крупнейшего после окончания войны государственного деятеля Германии, и что ежегодно этот памятник украшают цветами. Может ли пресса жаловаться на то, что швейцарские газеты привлекают внимание общественности к этому немецкому памятнику убийце?

Четверг, 20 февраля. Сегодня у меня был сотрудник «Нью-Йорк таймс», чтобы сообщить о небольшой неприятности, приключившейся с Бэрчеллом из-за его корреспонденции о беседе сэра Эрика Фиппса с Гитлером 13 декабря. Корреспонденция Бэрчелла соответствует тому, что я слышал из других источников. В ней сообщалось, что Гитлер яростно потрясал кулаками, ругал русских, называя их врагами, к войне с которыми он должен готовиться; он кричал, что еще не намерен ограничивать вооружения и не примет участия ни в одной конференции по проблемам авиации и военно-морского флота. Когда это сообщение было перепечатано лондонской «Дейли телеграф», Дикгоф и другие представители германского министерства иностранных дел известили бюро «Таймс», чтобы Бэрчелл не возвращался в Германию, так как полиция даны указания не пускать его.

Каким-то образом Бэрчелл очутился в Берлине и вчера имел длительную беседу с Дикгофом. Пока никто не знает, что следует предпринять. Однако репортаж Бэрчелла о том, как в течение последних двух

недель в Германии встречали и принимали участников Олимпийских игр, был столь благожелательным, что недавно его цитировала немецкая пресса. Видимо, Бэрчелл сумел помириться, хотя я считаю, что его статья об интервью Гитлера 13 декабря была правильной. Представитель «Таймс» сказал:

— Я мечтаю уехать отсюда. Здесь такая тяжелая обстановка и все мы, газетные работники, находимся в таком подавленном состоянии, что жизнь нам здесь опостылела.

Хозяева американских газет, однако, так заинтересованы держать в Берлине своих лучших корреспондентов, что, я думаю, эти люди останутся здесь. Олимпийские игры состоятся летом; одна из величайших надежд Шахта состоит в том, что иностранные туристы, прибывшие на игры, оставят в Германии много миллионов долларов.

Днем наш эксперт по финансовым вопросам принес мне машинописный текст донесения на немецком языке; в нем цитировалось мое сообщение о том, что в связи с болезнью Гитлера было принято решение создать новый триумvirат в составе Геринга, генерала фон Бломберга и Гесса. Человек, приславший копию этого донесения, вхож в здешние финансовые круги и получает плату за подобную информацию. Я действительно послал телеграмму в Вашингтон о том, что, по слухам, распространяемым здесь в течение многих недель, у Гитлера тяжелое заболевание горла, возможно рак, и что приблизительно 1 января 1936 года состоялось совещание группы генералов армии, договорившихся о составе триумvirата в приведенной последовательности. Мне об этом сказал чешский посланник. Я получил это сообщение и из другого официального источника. В моей телеграмме не говорилось, что это достоверный факт, а лишь то, что мною получены такие сведения.

Каким же путем это сообщение вернулось в Берлин? Возможно, об этом рассказал английский посол, ссылаясь на меня. Но он первый сообщил мне несколько дней назад о том, что Геринг назначен преемником фюрера. После этого я рассказал ему продолжение истории. Возможно также, что об этом проболтался кто-либо из сотрудников государственного департамента, и об этом

сообщили сюда. Могло случиться и так, что содержанные телеграммы передал кто-нибудь из Парижа, поскольку туда была послана копия. Неприятная штука.

Вторник, 25 февраля. Я завтракал с Эхснером и Роем Говардом, директором агентства Юнайтед Пресс, путешествующим по свету. Говард встретится с Гитлером завтра в половине первого. Он немало радовался этому, хотя я предупредил его, чтобы он на многое не рассчитывал. Я не хочу сказать, что считаю вообще бесполезной встречу с Гитлером или Герингом. Но газетчики, находясь в Берлине или Риме, считают прямо-таки своим долгом повидать их.

Четверг, 27 февраля. Эхснер был у меня и рассказал о том, что Гитлер говорил вчера Говарду и ему. Они почувствовали, что канцлер был чем-то озабочен, но не заметили, чтобы вооруженная охрана у дворца была удвоена. На это обратил внимание сотрудник нашего посольства Флэк, возвращаясь из министерства иностранных дел. По его мнению, это вызвано недавними сообщениями о кровавом путче в Токио, где офицеры армии убили трех высокопоставленных лиц. Есть основание для некоторого беспокойства, когда всем известно, что в Германии наблюдается серьезное недовольство. По-прежнему существует возможность повторения «30 июня».

Пятница, 28 февраля. Сегодня я получил из Кельна запись продолжительной беседы с Фрицем Тиссенем, крупнейшим после Круппа фабрикантом оружия. Тиссен сказал, что он потратил большую часть своего капитала на то, чтобы помочь Гитлеру в его трудной борьбе за власть. Он заявил, что его беспокоит ход событий в Германии, и добавил, что требуется новое «30 июня» для спасения гитлеровского режима. О ком идет речь, он не говорил. Он боится, что радикальное крыло нацистской партии скатывается к коммунизму¹. Однако он резко осудил преследование католиков и протестантов, продолжающееся в течение двух лет.

Я предполагаю, что его цель — убрать Геббельса, Розенберга, Дарре и профсоюзных вожakov. В Бер-

лине много говорят о предстоящей кровавой расправе, и люди, считающиеся осведомленными, думают, что именно Геринг вновь очистит страну от тех, кто ему не по вкусу. Согласно одной версии он отстранит Гитлера и сам станет диктатором.

Произведенные аресты в первую очередь коснулись католиков: из их числа пострадало человек 200 священников и просто верующих; около половины позже было отпущено, хотя узнать, как это было на самом деле, невозможно. Нацисты особенно настаивают на установлении неограниченного контроля над религиозным воспитанием и общим образованием молодежи; при этом они намерены пользоваться теми же методами, которые вот уже скоро двадцать лет применяются русскими коммунистами.

Суббота, 29 февраля. В половине первого я приехал к министру Нейрату и имел с ним длительную беседу, совершенно неофициальную. Он был более откровенен, чем когда-либо раньше. Я подозреваю, что между его группой в правительстве и группой Геринга возникли серьезные разногласия. Он не подал виду, что такие распри имеют место, но, когда я спросил его мнение о франко-советском пакте, который так часто осуждается в германской прессе, он заявил, что по своим условиям пакт не агрессивен и что коммунистической системе не под силу война за пределами России. Русские могут храбро сражаться, если нападут на их страну, но они не способны вести наступательную войну, хотя и располагают огромной армией.

Я тоже придерживаюсь этого мнения, так как не допускаю, чтобы 170 миллионов человек полностью покорились партийному правительству при наличии немногим более двух миллионов членов партии. Хотя я этого и не сказал, я уверен, что 68 миллионов немцев не проявят единства, если их призовут вновь вторгнуться в Бельгию или Голландию.

Затем я сказал министру, что начиная со второго лета моего пребывания в Берлине большинство посланников балканских стран в Берлине постоянно заверяют меня, что независимость этих стран может быть обеспечена лишь путем создания конфедерации в целях обороны и поддержания мира. Я спросил его:

— Будете ли вы рассматривать такой союз как угрозу Германии?

Он ответил:

— Нет, если Франция, Россия или Италия не возглавят его.

Тут возник вопрос об «окружении» Германии, о котором часто говорят с того времени, как была введена всеобщая воинская повинность в марте 1935 года. Я высказал мнение, что «окружение», или союзы, — естественное следствие падения влияния и силы Лиги наций, из состава которой Германия вышла. Если этот процесс будет развиваться и дальше, возникнет обстановка, аналогичная той, которая существовала в 1914 году. Фактически уже сложилась подобная ситуация: поделившись на два лагеря, все страны вооружаются до зубов; на одной стороне — Франция, Англия и Россия, на другой — Италия, Германия и Япония. Но прямо я этот вопрос с Нейратом не обсуждал. Он признал, что опасность велика.

Я высказал мнение, что балканские страны в случае их объединения станут важной гарантией мира. Настаивая на своем, я спросил:

— Почему бы не восстановить Лигу наций и не решить территориальные вопросы на конференциях?

Его ответ удивил меня.

— Мы рассматриваем вопрос о возвращении в Лигу при условии, — сказал он, — что западные державы согласятся вернуть наши колонии, разрешат нам вернуться и ввести войска в демилитаризованную Рейнскую зону и пойдут на некоторые уступки в отношении военно-морских сил.

Нейрат настаивал на возвращении колоний и заявил, что вопрос о Рейнской зоне можно решить путем дипломатических переговоров, что франко-русский пакт не имеет серьезного значения и что Англия получила согласие Германии участвовать в переговорах о морском договоре, которые должны вскоре начаться в Лондоне.

После нескольких замечаний о безумии милитаризма и войн я задал ему вопрос, действительно ли Германия готовится заключить с Японией специальный союз, как об этом усиленно говорят в последнее время. Он отделался следующей фразой: «Мы совершили бы

самоубийство, вступив в новую войну», но заверил меня в том, что между Германией и Италией нет никакого союза и что Германия не вступит в войну с Россией, даже если Япония нападет на Советский Союз. Итак, я получил ответ на важный вопрос, не спрашивая прямо.

Я согласен с Нейратом, что Италия и Германия не склонны сотрудничать, если только обе они не окажутся перед необходимостью защищаться, находясь вне Лиги наций, но я не могу разубедить себя в том, что Германия поможет Японии в случае, если она начнет войну против России. Многое свидетельствует о связи Германии с Японией. Нейрат и Шахт не раз говорили вещи, дающие основание для такого вывода.

Когда я собрался уходить, Нейрат подчеркнул, что сейчас он обсуждает с Гитлером важные вопросы, и утверждал, что фюрер проявил уступчивость, особенно в вопросе возвращения Германии в Лигу наций. Это меня несколько удивило.

Четверг, 5 марта. В последние дни чувствуется значительная нервозность. Днем приходил чехословацкий посланник, чтобы поговорить о трудностях, испытываемых его страной. Я сообщил ему доверительно, что Нейрат согласен со мной в том, что объединение балканских стран в целях взаимной обороны и сотрудничества не должно рассматриваться как вызов Германии, если только какое-либо постороннее государство не будет его участницей. Это противоречит тому, что известно посланнику относительно позиции министерства иностранных дел. Я не всегда уверен в том, что Нейрат вполне откровенен со мной. Однако я верю, что в прошлую субботу он говорил вполне искренне. Затем я сказал своему чешскому другу:

— Будь я государственным деятелем какой-либо из балканских стран, я перед лицом опасности, грозящей всем малым странам, имеющим общую границу с Германией, сделал бы все для образования такого союза, — не тесного союза, вроде наших Соединенных Штатов, — а конфедерации для оказания взаимной помощи, экономической и политической.

Он согласился со мной, но отметил большие трудности: Австрия хочет восстановления Габсбургов, то-

гда как Югославия не хочет об этом и слышать; Венгрия крайне враждебна к Чехословакии, а Болгария еще не готова предпринять что бы то ни было.

На это я возразил:

— Если балканские народы, численностью 80 миллионов человек, не найдут пути к объединению, они лишатся независимости. Вам должно быть известно, что германский империализм слишком силен. Мы расстались; соглашаясь друг с другом, мы в то же время сомневались в том, видят ли народы Европы пути к сотрудничеству. Посланник сказал, что вечером выезжает в Прагу, где будет гостем президента Бенеша.

Пятница, 6 марта. Повсюду поговаривают о том, что Гитлер созывает заседание рейхстага на 13 марта, то есть на другой день после предполагаемого объявления о ратификации Францией соглашения с Россией². Предполагается, что Гитлер обнародует какой-нибудь воинственный ответ. Что бы там ни готовилось, в Берлине царит большая тревога; полагают, что происходят непрерывные совещания между диктатором и его приспешниками.

В половине шестого ко мне пришел мистер Джи, посланник Южно-Африканского Союза. Он поделился со мной новостями, которые узнал на этой неделе во время заседания комиссии Лиги наций. Он сказал, что английский министр иностранных дел Иден настаивал на применении нефтяных санкций против Италии, но его французский коллега Фланден выступил против санкций почти с той же непреклонностью, что и Лаваль в декабре прошлого года. Иден был удивлен и рассержен. Французы считают, что они все еще связаны пактом, подписанным ими в январе 1935 года, гарантирующим Италии захват Эфиопии. Это было повторением ошибки, допущенной в декабре 1935 года: еще одна капитуляция перед Муссолини, который держит наготове 6 тысяч самолетов для нападения на британский флот в Средиземном море.

Мистер Джи с большой горечью говорил о поражении Идена и о том, что Англия стоит перед угрозой потерять свои позиции в Египте. Хотя все эти державы совершали вещи, аналогичные захвату Италией несчастной Эфиопии, мне кажется, что Лига наций могла бы

найти путь к прекращению подобных акций. Германия наблюдает и прикидывает, когда наступит ее час начать покорение слабых народов.

Когда я доверительно сообщил Джи, что Германия рассматривает вопрос о возвращении в Лигу при условии возврата ей колоний, которыми она владела до 1914 года, он сказал:

— Я обсуждал этот вопрос с Иденом, и он заявил, что Англия согласится на предоставление Германии колоний только по мандату, чтобы не допустить вооружения туземцев, как это сделала Франция в Марокко.

Он немного также говорил о напряженной обстановке в Берлине, но ни он, ни я не представляем себе, что произойдет, когда соберется рейхстаг.

Суббота, 7 марта. Когда я в половине десятого явился в посольство, советник Мейер доложил мне, что ему надо немедленно отправиться в министерство иностранных дел для получения информации, о которой мы просили Дикгофа. Уже стало известно, что Гитлер выступит в рейхстаге сегодня в полдень. Вернувшись в одиннадцать часов, Мейер привез краткое изложение предложений Гитлера: он намерен послать тысяч тридцать солдат в демилитаризованную Рейнскую зону; предлагает заключить соглашение с Францией и Бельгией о демилитаризации обоих берегов Рейна, а также немецкой территории вдоль голландской границы; он намерен расторгнуть Локарнский договор между Германией, Францией, Италией и Англией, поскольку Франция заключает пакт с Россией; он готов вернуться в Лигу наций и договориться с западными державами об ограничении авиационных вооружений; он потребует возврата германских колоний.

Дикгоф надеялся, что мы дадим этот документ американским корреспондентам в Берлине, чтобы они могли немедленно передать в Соединенные Штаты о действиях и заявлениях Гитлера в рейхстаге. Мы оповестили газетные агентства и дали им информацию, которая немедленно была передана через Атлантику.

Мы с Мейером отправились в театр Кролля, расположенный по соседству со старым зданием рейхстага, послушать, что будет сказано. Зал был переполнен.

В партере сидели члены рейхстага, люди, назначаемые Гитлером и оплачиваемые правительством так, будто они и впрямь были законодателями. Все они были в нацистской форме. Их собрали в экстренном порядке, и в их обязанность входило единогласно одобрить все, что бы ни предложил Гитлер. Все это, конечно, было смехотворно, но собравшиеся не проявили никаких признаков чувства юмора.

Почти все места, отведенные дипломатам, были заняты, хотя послы Франции, Англии, России и Польши отсутствовали. Француз и англичанин несомненно были заблаговременно оповещены о предполагаемых событиях, и отсутствовали они намеренно. Я сидел рядом с турком, а по другую его сторону сидел итальянец.

Когда Гитлер встал, чтобы произнести речь, раздались бурные аплодисменты, но дипломаты, как это здесь обычно бывает, не приветствовали его. Фрау фон Нейрат сидела рядом с итальянцем и аплодировала, хотя, я знаю, что делала она это неискренне. Позади Гитлера с очень важным видом сидел Геринг. Справа сидел Ламмерс, один из главных секретарей Гитлера; слева сидел Франк, глава нацистской ассоциации адвокатов. Правее сидели члены кабинета: Нейрат, Гюртнер, министр юстиции и Геббельс, который читал копию речи Гитлера. Сзади Нейрата сидел Шахт, а справа от него — остальные члены кабинета. Сотни репортеров расположились на балконе. Все было задумано как великое событие. Гитлер обратился по радио ко всей Германии и ко всему миру.

Речь его продолжалась полтора часа. В ней были изложены те положения, которые нам уже были сообщены; он пространно говорил о пороках франко-русского пакта, затем о том, что немецкая культура значительно шагнула вперед по сравнению с 1933 годом.

Мне показалось крайне непоследовательным говорить о «Четырнадцати пунктах» Вильсона и о всеобщем мире, а затем в течение пятнадцати минут поносить франко-русский пакт мира, единственная цель которого — оборона против агрессии. Такие же выпады делались и по адресу Чехословакии. Между тем всякому ясно, что эта маленькая страна, которая насчитывает всего 14 миллионов населения, никогда не нападет на Германию. Абсурдно выглядело неумное вос-

хваление нацистской культуры, хотя, возможно, Гитлер все еще достаточно фанатичен, чтобы считать нацизм культурой. Остальные положения обращения были тонко рассчитаны на ослабление связей между Англией и Францией. Мне казалось, что Германия и Италия действуют совместно. Если это так, то это доставит Франции неприятности.

Без двадцати два я покинул зал. Гитлер вышел из здания, сопровождаемый сотнями вооруженных солдат. Он никогда не появляется без солидной охраны. Когда я вышел из зала, ко мне подошел голландский посланник и с большим возмущением сказал.

— Русский и чехословацкий представители, возможно, подадут в отставку, а французский посол, кажется, выедет сегодня вечером в Париж.

Я не думал, что это может произойти, но согласился, что нападки, о которых он говорил, носили, несомненно, воинственный характер.

Мистер Мейер, плохо понимающий по-немецки, был в восторге. Ему никогда не приходилось наблюдать такой энтузиазм, и, по его мнению, Гитлер — замечательный оратор. Я высказал некоторые сомнения, но согласился, что речь была умно составлена и что вновь сложилась выгодная обстановка для общегосударственных выборов. Реокупация Рейнской области и унижение Франции должны обеспечить гитлеровским кандидатам подавляющее большинство голосов в новом рейхстаге. Поскольку Гитлер назначает по одному кандидату на каждый округ и не разрешает выдвигать других кандидатов, у избирателей нет выбора. Правда, они могут опустить зачеркнутые бюллетени или не голосовать вообще, но это грозит им арестом.

Уже давно время завтракать. Остаток дня я провел в посольстве, куда поступали сведения о реакции в Париже и Лондоне, охваченных тревогой. Кризис сменяется кризисом — таков порядок, заведенный здесь со времени моего прибытия в Берлин в июле 1933 года.

Понедельник, 9 марта. Мой друг Лимбург-Стирум посетил меня около двенадцати часов. Он — либеральный аристократ, представитель старинного голландского рода, имеющего 400-летнюю историю; в Берлине он живет уже десять или двенадцать лет. Его правитель-

ство находится в затруднительном положении: оно не знает, что следует предпринять, если Франция откажется применить санкции против Германии в ответ на оккупацию Рейнской области и нападки на Локарнский договор. Экономическая жизнь Голландии сильно зависит от экспорта в Германию. Кроме того, Германия задолжала много денег голландскому народу.

Но лично посланник резко осуждает гитлеровскую политику, которая, как он говорит, направлена на захват Балкан и Балтийской зоны. Нейтрализация Рейнской области, как это предлагает Гитлер, распространяется на узкую территорию от Базеля в Швейцарии до Северной Голландии, шириной по тридцать миль в обе стороны от Рейна. При таком положении Франция не сможет вмешаться, когда Германия захватит Чехословакию, Австрию, Литву или Эстонию. Посланник считает, что в этом заключается план Гитлера и что Голландия также считается созревшей для захвата. Я склонен думать, что ей уготована именно такая участь. На это, несомненно, указывают обширные приготовления здесь и небывалая пропаганда за захват стран, где живут немцы.

Вторник, 10 марта. Барон Альберт Дюфур фон Феронсе — попомок французских гугенотов, проживающих здесь с конца семнадцатого века, явился с очевидной целью убедить меня в том, что Гитлер не замышляет агрессии, что франко-советский пакт противоречит Локарнскому договору и что вступление 36 тысяч солдат в Рейнскую область полностью оправдано. Раньше он был немецким посланником в Югославии, долго состоял на дипломатической службе, а сейчас находится на пенсии. Он проявил энтузиазм, который под стать нацистскому партийному вождю, хотя считается, что он находится в оппозиции к гитлеровскому режиму. Его приводит в восторг то, что он называет германской национальной честью, а также нарушение договора с целью милитаризации области, демилитаризованной в 1919 году. Подобно ему настроены около 90 процентов немцев, хотя принято считать, что не более 40 процентов населения действительно разделяют нацистские убеждения. Это говорит о том, насколько умно готовил Гитлер свой удар 7 марта.

Четверг, 12 марта. В связи с тревожными настроениями здесь я в полдень посетил польского посла Липского, надеясь узнать, как же в действительности расценивает польское правительство положение, в котором оно находится. Он был очень подавлен.

— Германия, — сказал он, — задолжала нам 15 миллионов долларов за товарные и пассажирские перевозки между Германией и Восточной Пруссией. Шахт заявляет, что Германия в состоянии платить только товарами, а мы требуем уплаты золотом или иностранной валютой. Спор по этому вопросу тянется вот уже два месяца, и теперь разрешением его занимается Гитлер. Как он решит, мне неизвестно.

— Но немцы намереваются наладить сообщение с Восточной Пруссией по Балтийскому морю на немецких судах, — сказал я. — Что вы будете делать?

Он ответил:

— Мы не можем возражать, но требуем уплаты совершенно бесспорного долга и закроем железнодорожное движение через коридор, если долг не будет уплачен.

Когда я спросил его о споре между Германией и Францией по поводу Локарнского договора, он сказал:

— Мы будем на стороне Франции, если дело дойдет до войны, но у нас имеется договор с Германией, который остается в силе, пока существует мир. Наш договор с Францией имеет приоритет, в случае если Германия нападет на Францию.

Затем он добавил:

— Мы не одобряем применение санкций против Германии в ответ на нарушение ею Локарнского договора. Это будет ужасно для Германии и может толкнуть ее на отказ от уплаты долгов и, возможно, привести к войне.

Когда я спросил, что может быть предпринято на Лондонской конференции, он сказал, что не видит выхода, но Польша поддержит Англию, а не Францию. Мне это показалось нарушением франко-польского договора, о котором он говорил так одобрительно. Его мысли отражают то, что здесь и так ясно каждому: сложный характер расовых, экономических и политических отношений. Польша обязана своей независимостью Соединенным Штатам, Англии и Франции. По

Брест-Литовскому договору она практически подлежала аннексии Германией, и лишь вступление Соединенных Штатов в войну сорвало осуществление этого договора. И все же Польша не может ничего предпринять, не рискуя вступить в конфликт с Германией, а возможно, и подпасть под ее палу.

Пятница, 13 марта. Сегодня вечером Гитлер выступил перед огромной толпой в Карлсруэ на Рейне. Повторив во многом свою речь от 7 марта, он призывал Францию и Германию заключить друг друга в объятия, как друзья. Он был эмоционален, как всегда. Толпа, возможно, наполовину состояла из добровольных слушателей, но и тут, как всегда, большие группы были вызваны из других городов, вплоть до Фрейбурга. В Германии никогда не знаешь, что думают слушатели о Гитлере, Геринге или Геббельсе, так как никто не осмеливается возразить этим членам триумvirата, что бы они не сказали по любому вопросу.

Суббота, 14 марта. Мне сообщили, что весь день сегодня у Гитлера происходили заседания кабинета и другие официальные совещания, что сэр Эрик Фиппс посетил Нейрата и изложил английскую точку зрения на то, что должна сделать Германия, чтобы избежать возможной войны. После этого Нейрат долго совещался с фюрером. Чувствуется большое беспокойство. Но Гитлер выступает сегодня вечером в Мюнхене, куда вылетит самолет в 8 часов вечера. Его выступление будет повторением речи в Карлсруэ, и слушать его будут сотни тысяч горожан.

Воскресенье, 15 марта. Гитлер сегодня возвратился рано, чтобы еще раз обсудить осложнения, возникшие между Францией и Германией. Я слышал также, что английский посол говорил с ним довольно резко. Это меня удивляет, так как сэр Эрик — самый мягкий и обходительный из англичан. Все это говорит о том, что обстановка угрожающая, хотя, думаю, война маловероятна.

Понедельник, 16 марта. Все мы с некоторым опозданием отправились в советское посольство на музыкальный вечер. Концерт был превосходный. Гостей

было много, среди них лишь несколько немцев, причем всё — неофициальные лица. Это достойно сожаления, так как немцы очень нуждаются в продаже товаров России на золото. Однако выпады Гитлера против России в официальной речи 7 марта уже привели к прекращению торговых переговоров с советской делегацией, находившейся здесь в течение некоторого времени. Мудрость не входит в число добродетелей членов триумvirата, хотя им нельзя отказать в уме при ведении внутренних дел.

Бывший германский посол в Советском Союзе Надольный присутствовал на вечере и весьма откровенно критиковал существующий режим в Германии. Советский посол — безукоризненный джентльмен во всех отношениях: в манерах, одежде, поведении; даже французский посол не может превзойти его. Хотя, как сообщают, русские должностные лица обедают на кухне вместе с прислугой и весьма просты во всех отношениях в частной жизни, дипломатический этикет соблюдался на вечере со всей строгостью; угощение было обильным, вкусным и разнообразным и подавалось на большой стол в роскошных блюдах. В половине двенадцатого, когда мы уже собрались домой, около двухсот человек все еще толпилось в обеденном зале.

Среда, 18 марта. В половине двенадцатого я отправился с визитом к Нейрату, чтобы узнать, как он реагирует на события, происшедшие после 7 марта. Он был обходителен и улыбался так, словно все, о чем он говорил со мной 29 февраля, произошло в соответствии с его предположениями. Он даже отрицал то, что говорил в прошлый раз, когда он настаивал на решении вопроса о демилитаризации Рейнской зоны дипломатическим путем. Я полагаю, что нельзя доверять даже наиболее умеренным членам правительства. Его отношение к рейнскому вопросу вызывает особенное удивление, поскольку я был уверен, что он не одобряет ввода войск в Рейнскую область в нарушение Локарнского договора. Он говорил так, будто все идет наилучшим образом, рассчитывая, что лондонские переговоры будут перенесены на май, когда и во Франции, и в Германии уже закончатся выборы. Будто при Гитлере возможны настоящие выборы!

Из министерства иностранных дел я направился в рейхсбанк поговорить с Шахтом; он, я знаю, не нацист. Шахт говорил почти в течение часа. Он был в том же настроении и говорил в том же тоне, что и Нейрат. Все идет превосходно: Германия вернула себе свою Рейнскую область, вскоре она добьется возвращения колоний, затем, возможно, вступит в Лигу наций и восстановит мир во всей Европе. Единственное, что его беспокоило, это германский экспорт, который, по его словам, падал из-за нервозности в других странах. Но это, по его мнению, продлится недолго. Никогда в жизни не видел я великого финансиста в столь оптимистическом настроении. Конечно, ход Гитлера 7 марта принес плоды.

Все слышанное не заслуживало и полстраницы телеграфного текста, поэтому я не послал ничего.

Понедельник, 23 марта. В прошлую пятницу мы отправили длинное обстоятельное донесение, в котором изложили все данные о предполагаемом обмене Дворца Блюхера, возле Бранденбургских ворот, на большой дом на Тиргартенштрассе. Этот дворец расположен в такой близости от немецкого правительственного здания и на такой оживленной улице, что у меня были сомнения в отношении его пригодности для служебных и жилых помещений американского посольства. Потребовалось бы израсходовать миллион долларов, а то и больше, на приведение его в порядок, а уплатили мы за него в 1931 году 1 миллион 700 тысяч долларов. В обмен на этот дворец германские власти предложили нам на новом участке здания под служебные помещения и жилье для всех наших сотрудников да в придачу два акра открытого парка. Заместитель государственного секретаря Филлипс в его бытность здесь был в восторге от этого предложения. Бывший посол Шерман, приезжавший в Германию в ноябре, придерживался того же мнения. Итак, мы послали всю информацию в Вашингтон и просили скорейшего решения. Когда мы уже собирались отправить наше донесение, принесли протест генерального консула Дженкинса, предпочитавшего Дворец Блюхера, невзирая на все дополнительные расходы. Я присовокупил его сообщение к остальным материалам.

Четверг, 26 марта. Профессор Рихтер — очень способный человек, занимающийся главным образом историей немецкой литературы, пришел сегодня проститься со мной. Он наполовину или на одну четверть еврей, уволен из Берлинского университета в 1934 году, а теперь переезжает в Баден, в двух милях от Базеля в Швейцарии, где хочет устроить своих детей в школу. Это очень милая и приятная семья. Мой сын провел несколько месяцев в их доме в 1935 году для обучения немецкому языку и изучения истории. Я был удручен тем, что он мне рассказал. Но о таких делах мне сообщают почти ежедневно.

Еврейская чета, прожившая в Англии около двух лет, вернулась год назад в Германию: они рассчитывали устроиться здесь преподавателями в еврейской школе. Их немедленно бросили в тюрьму, где они находятся по сей день. Мать мужа живет в Чикаго, и мой друг, профессор Фердинанд Шевилл, прислал мне письмо несколько дней назад с просьбой выволить их из тюрьмы, если возможно. Они немедленно уедут в Палестину.

Я просил Гейста поговорить лично от себя с начальником тайной полиции Гиммлером, когда ему представится случай повидаться с ним по другим вопросам. Он так и поступил и показал ему письмо Шевилла. Гиммлер ответил, что освободит чету в скором времени, но просил Гейста помочь в установлении местонахождения коммунистов в Германии, чтобы арестовать их, а возможно, даже казнить. Я сомневаюсь в том, что эти несчастные евреи, совершенно невинные, насколько нам это известно, будут освобождены.

Пятница, 27 марта. Я вместе с женой на машине через Лейпциг выехал в Варбург, поблизости от Веймара: мы хотели осмотреть знаменитый средневековый замок, где Лютер в течение года скрывался от имперских властей. Всю неделю стояла великолепная погода, и мы предвкушали восхитительную поездку.

Суббота, 28 марта. На всем пути от Берлина до Эйзенаха население выражало энтузиазм по отношению к фюреру и по поводу недавнего ввода войск в демилитаризованную Рейнскую зону. Как уже отмеча-

лось выше, Гитлер, Геринг и Геббельс почти ежедневно выступали по всей Германии, призывая всех путем голосования выразить свое одобрение внешней политики, провозглашенной 7 марта. В Лейпциге, где трудно было представить себе ликующие толпы, все приветствовали фюрера криками «ура». Почти из всех окон свешивались флаги, большие и малые, все со свастикой, на которую жутко глядеть, когда знаешь, что она означает.

Когда мы были в Веймаре, по радио транслировалась речь Геринга и у громкоговорителей на улицах стояли толпы народа. Отходя, люди подымали правую руку в знак нацистского приветствия и восклицали «Хайль Гитлер». При нашем появлении руководители домов «Гёте — Шиллер» приветствовали нас таким же образом. Я сказал попросту «добрый вечер», и они не проявили недовольства.

Было довольно странно видеть в старом Веймаре, некогда центре немецкой цивилизации, развевающиеся на всех домах гитлеровские флаги. Трудно сказать, в какой мере все это было результатом принуждения. В Эйслебене, на родине Лютера, отстаивавшего в 1521 году германский идеал свободы вероисповедания, мы слышали восторженные возгласы по отношению к гитлеровскому режиму, отрицающему теперь все свободы. Сегодня по пути в Берлин мы остановились на час в Галле позавтракать. Старинный университетский городок, хранитель лютеровских идей, в течение более трех веков проявлял тот же самый энтузиазм, который мы наблюдали повсюду.

И все это по поводу выборов, в которых у избирателей нет выбора. Вскоре после своей речи 7 марта Гитлер опубликовал список кандидатов для всех избирательных округов Германии, по одному на каждый округ. В бюллетенях напротив имен кандидатов стоял кружок, чтобы избиратель мог вписать в него «да» или «нет». Но слово «нет» грозило ему арестом и заключением в тюрьму. Лишь люди, готовые жертвовать своей жизнью, могут вписать слово «нет». Это было ясно с самого начала. И все же Лейпциг, Веймар, Эйсleben, Эйзенах и Галле громкими криками выражали свое одобрение всей этой кампании.

Когда мы въехали в Берлин часов в пять вечера, в небе над городом медленно плыли два больших цепелина. Повсюду толпился народ, глазел на них и подбирали листовки с призывом единодушно голосовать за «свободу, равенство и мир». Полетом, как предполагают, руководил Эккнер, капитан нового цепелина «Гинденбург».

Воскресенье, 29 марта. Сегодня был день выборов. Вся прислуга, помогающая поддерживать порядок в нашем здании, мужчины и женщины, казалось, голосовали весело, хотя в их поведении чувствовалось некоторое принуждение. Однако швейцар Фриц, бывший солдат, воевавший на русском фронте во время мировой войны, открыто проявил свою радость по поводу реоккупации демилитаризованной зоны, символизируя этим свою нескрываемую ненависть к Франции.

Понедельник, 30 марта. Итоги вчерашнего волеизъявления показывают, что около 95 процентов немцев одобрили политику Гитлера. Утренние газеты целиком заполнены этим. Нигде нет никаких намеков на малейшее проявление недовольства по поводу насильственных выборов или по поводу состава рейхстага, собирающегося раз в год, чтобы прокричать «Хайль Гитлер», когда фюрер произносит речь. Я присутствовал на двух так называемых сессиях рейхстага, и в обоих случаях ни один из его членов не произнес ни слова, кроме «Хайль Гитлер» во время пауз в его речи.

Наши газеты поместили сообщение о вчерашних выборах, и один корреспондент сказал мне, что в прежних коммунистических районах Берлина 25 процентов избирателей голосовали против. Об этих негативных бюллетенях было запрещено сообщать. Во всех немецких газетах Геббельс рассыпается в благодарностях за замечательные свободные выборы и за энтузиазм, проявленный великим свободным немецким народом!

Суббота, 4 апреля. К моему удивлению, сегодня утром ко мне в посольство пришел советский посол. Он пробыл у меня около часа, беседуя о французских делах, об уменьшении напряженности в русско-японских отношениях и об угрозе для балканской зоны. Он согласился, что дружеское сотрудничество между этими

малыми странами важно, но высказал сомнение в его осуществимости. Посол утверждал, что Россия никогда не проявляет агрессивности, что она хочет только мира.

Фюрер после двух или трехдневных заседаний кабинета, члены которого не смеют возразить ему, разве что в беседах до принятия окончательного решения, исчез на две-три недели, отправившись отдыхать на юг Германии; я думаю, он находится в Берхтесгадене, в горной Баварии, где он через границу с вожделением взирает на свою родину.

Сегодня мы узнали, что несколько австрийских и чехословацких немцев включены в новый состав рейхстага. Тот факт, что Гитлер официально объявил их членами рейхстага, символизирует его так называемую мирную политику. Это завуалированное провозглашение притязаний на право аннексировать Австрию и Чехословакию частично или полностью. Если бы Соединенные Штаты сделали американцев, живущих в Мексике и являющихся мексиканскими гражданами, членами конгресса, это вызвало бы смятение во всем мире. Тем не менее никто не произнес ни слова ни здесь, ни в других странах по поводу этих новых членов рейхстага. Немецкий пропагандист в Швейцарии, убитый одним евреем два месяца назад, был всего лишь проводником тех же взглядов гитлеровской партии по отношению к Швейцарии.

Естественно, что все малые страны, расположенные по соседству с Германией, испытывают беспокойство. Карты, на которых они изображены частью «третьего рейха», по-прежнему распространяются по стране. Если Гитлер сможет соорудить укрепления вдоль французской границы, в противовес французским укреплениям, то он получит возможность в подходящий момент двинуть свою громадную армию к австрийской или даже к польской границам, захватить столько территории, сколько он пожелает, а затем призвать ликующий немецкий народ вновь единодушно одобрить его политику. Мир в течение десяти лет даст ему возможность сделать все, что ему нужно; поэтому его лозунгами является «мир и процветание».

Несмотря на это, сегодняшние газеты сообщают, что четыре миллиона мальчиков в возрасте от десяти до четырнадцати лет будут обязаны носить ножи. Это

знак почета. Их надо носить так же, как носят кинжалы юноши в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет; во всех школах мальчики младшего возраста, как и более взрослые, должны проходить военную подготовку. Даже девушек обучают различным видам военной службы. Таково значение слова «мир» в гитлеровском лексиконе. Поразительно то, что, когда такие близкие советники фюрера, как Ширах и Розенберг, на массовых публичных собраниях объявляют Гитлера вторым Иисусом Христом, присутствующие награждают их бурными аплодисментами.

Два месяца назад Рой Говард имел длительную беседу с фюрером. Когда Гитлер стал жаловаться, что на квадратную милю в Германии приходится 340 человек населения и нет возможности для расселения, Говард спросил его: «Почему же вы платите каждой женщине за третьего ребенка и еще больше за четвертого, почему платите за вступление в брак?» Фюрер не мог ответить, не выдав истинных мотивов. Он отказался отвечать и позднее запретил публиковать это место из интервью. Во вчерашнем выпуске парижской «Геральд» сообщалось из Берлина, что германское правительство выплатило 125 миллионов долларов супружеским парам, вступившим в брак после 1933 года. Рост населения для «третьего рейха» означает либо войну, либо «мирный» захват земель других народов.

Понедельник, 6 апреля. Мессерсмит был у меня на завтраке, на котором собралось около двадцати пяти человек; справа от меня сидела жена несчастного французского посла. Среди гостей были: новый китайский посол, сообщивший, что слушал в Чикаго курс моих лекций по истории, австрийский посланник, Удет — прославленный летчик и советник Геринга, генеральный консул Дженкинс и мистер Райт — эксперт в области геологии из министерства внутренних дел в Вашингтоне, составляющий полный обзор минеральных ресурсов Европы. Это был наш обычный официальный завтрак, совершенно обязательный с дипломатической точки зрения. Возможно, он был не такой уж плохой, поскольку у нас всегда бывает много немцев, с которыми мы встречаемся, и пусть они видят, что мы за народ.

Мессерсмит сообщил, что австрийцы крайне встревожены. Канцлер Шушник совещался с Муссолини 18 и 19 марта, после чего в Австрии по рекомендации итальянского диктатора была введена всеобщая воинская повинность. Мессерсмит убежден в том, что итальянцы помогут Австрии в случае нападения со стороны Германии.

Я сказал ему, что сомневаюсь в этом, так как Италия хочет захватить Египет, а если Германия одобрит этот шаг, Муссолини одобрит захват Австрии Германией. По словам Мессерсмита, Муссолини заявил Шушнику, что ненавидит Гитлера, не может видеть его. Это, по-моему, было сказано в расчете произвести впечатление на Шушника, а не в виде подлинного выражения ненависти, хотя я не думаю, чтобы два диктатора любили друг друга. Немцы до глубины души ненавидят Италию, а итальянцы питают те же чувства по отношению к немцам, несмотря на то что они любят тратить свои сбережения в Венеции, Флоренции, Риме и Неаполе.

Я высказал Мессерсмиту свое мнение, что Италия будет хозяйничать в Албании, поддержит Австрию и будет угрожать Югославии до тех пор, пока не начнется борьба за Средиземноморье. Тогда она выдаст Австрию, захватит Египет и позволит Германии присоединить те балканские страны, которые та пожелает, а в обмен на это Италия установит контроль над Палестиной, Грецией и Сирией. Муссолини восстановит Римскую империю, Германия установит господство над Австрией, Чехословакией и Венгрией. Если немцы возведут свои укрепления на французской границе, как они это предусмотрели, то никто уже не сможет остановить их. Мессерсмит, по существу, был того же мнения и согласился, что злосчастные балканские народы, ненавидящие друг друга, сами же поощряют это.

Вторник, 7 апреля. Сегодня я посетил заместителя министра иностранных дел Бюлова. Он не нацист и, по слухам, никогда не совещается с Гитлером ни по одному вопросу. Бюлов довольно осторожно ответил на ряд моих вопросов. Он сказал:

— Муссолини владеет Албанией экономически. Это огорчает наших друзей — умных югославов, но мы не заявляли протеста. В отношении Австрии мы ничего не предпринимаем, и мы не будем возражать, если Муссолини захватит Египет. Что же касается опасности войны, то таковой не существует. Франция возбуждена, но французские генералы не расположены воевать теперь, а французский народ не хочет и слышать о войне из-за оккупации Гитлером Рейнской области.

В этом не было ничего нового, и я не понимаю, зачем ему понадобилось столько говорить на эту тему. Практически все немцы хотят аннексировать или хотя бы поставить под свой контроль всё — от их сегодняшних восточных границ до Черного моря. Даже образованные, республикански настроенные немцы готовы пойти на большой риск, связанный с этим, что будет означать создание империи с населением в 150 миллионов человек и установление контроля над всей Европой, подобно тому как американцы намеревались некогда контролировать обе Америки.

От Бюлова я отправился к английскому послу, проживающему на той же улице. Сэр Эрик Фиппс не принадлежит к крупнейшим знатокам истории Европы, но современную Европу он знает как никто иной. В январе он был готов сделать все для своего правительства, чтобы не допустить германскую агрессию, и поддерживал франко-советский пакт, по поводу которого шли споры в Европе в течение года. Он говорил тогда, что Франция и Англия были готовы образовать единый фронт, к которому, как предполагалось, должна была присоединиться также Италия.

Теперь у него нет ясного представления о том, что должна предпринять его страна в той или иной области. В Европе сложилась критическая ситуация. Италия может захватить всю Эфиопию и даже Египет, а это будет означать немедленную войну в Средиземноморье. Франция может ворваться в Германию через ее западную границу, но Англия не поддержит такой шаг. Германия изо всех сил готовится к агрессии на востоке, но Англия и здесь ничего не предпримет. Я сказал ему:

— Тогда возникнет новая Европа: Франция потереет свое влияние, Британская империя развалится, а Германия будет господствовать над всем.

Суббота, 11 апреля. Уильям Н. Энстром — представитель «Ирвинг траст компани» из Нью-Йорка — пришел поговорить о финансовом положении Германии. Мне пришлось направить его к нашему финансовому советнику мистеру Флеку и в конечном счете к Шахту. В настоящее время Шахт проводит свой отпуск в Южной Германии, вблизи Базеля, куда он ездит ежемесячно, чтобы посовещаться с международными банкирами. Отношение Энстрома к Рузвельту, выявившееся в беседе, поразило меня. Это, несомненно, не было сделано в расчете на то, чтобы вызвать меня на откровенность! Он сказал, что Рузвельт будет переизбран значительным большинством голосов и что его поражение было бы катастрофой. Редко можно услышать, чтобы представитель крупного банка высказывал такие взгляды.

Наступил конец недели, в течение которой Англия и Франция прилагали усилия в Женеве в поисках выхода из запутанного положения, которое непрерывно осложнялось с 15 декабря 1935 года. Единственный выдающийся государственный деятель в Европе, по-видимому правильно оценивающий обстановку, — это нынешний английский министр иностранных дел Антони Иден. Италия ведет в Эфиопии войну с нарастающим успехом, ставя своей задачей установить контроль над Средиземным морем и отрезать Англию от ее обширных восточных владений. Муссолини мнит себя новым Цезарем, призванным восстановить империю в тех границах, на которые распространялось римское господство 2000 лет назад. Если ему удастся осуществить свои замыслы, то власть Англии будет подорвана, как было подорвано влияние Нидерландов после 1713 года — печальный итог для Европы.

Антони Иден увидел эту опасность и настаивал на том, чтобы остановить жестокую войну, развязанную Муссолини. Для достижения этой цели он предложил наложить санкции на все военные поставки для Италии. Но бывший министр иностранных дел Хор, находившийся под влиянием крупных нефтяных и других корпораций, договорился с французским министром иностранных дел Лавалем о том, чтобы провалить предложение Идена и предоставить Муссолини свободу действий в его захватнических планах. Франция в на-

рушение своих обязательств в качестве члена Лиги наций заключила тайное соглашение с Италией, по которому обещала Муссолини все, о чем он просил в январе 1935 года.

Когда в декабре прошлого года было обнародовано соглашение Хора — Лавала, Муссолини более отчетливо увидел путь к лаврам Цезаря. Англия была так возмущена, что Хор вынужден был уйти в отставку. Министром иностранных дел был назначен Иден: слишком поздно, для того чтобы восстановить влияние Англии в Лиге наций. Французы все еще надеялись перетянуть итальянцев на свою сторону в случае угрозы войны с Германией. Но Гитлер быстро оценил обстановку, и 17 декабря Геббельс выступил с восхвалениями по адресу Муссолини, заявив, что его успех означает для Германии возврат ее колоний. Между 15 декабря и 6 марта руководители германского государства совещались с офицерами армии и пришли к полному единству взглядов по вопросу о захвате Рейнской демилитаризованной зоны. Они осудили франко-советский пакт и потребовали возврата довоенных колоний Германии.

Германский народ, ненавидящий итальянцев не меньше, а возможно и больше, чем французов, постепенно сплотился, и 7 марта Гитлер обратился к Европе с важной речью. 29 марта состоялись выборы, давшие Гитлеру 95 процентов голосов.

На этой неделе в огромном дворце Лиги наций в Женеве состоялись совещания Совета Лиги и стран Локарнского договора. Иден не смог ничего сделать, а Фланден, министр иностранных дел Франции, не захотел ничего сделать. Два диктатора счастливы, как никогда. Малые европейские страны — Голландия, Дания, Чехословакия, Румыния и другие — встревожены сильнее, чем когда-либо после окончания мировой войны. Австрия — следующая жертва Гитлера, а Египет — следующий объект вожделения Муссолини. По крайней мере, такой вывод напрашивается на основании имеющих фактов. Англия и Франция, не понявшие реальной действительности, поставили себя в опасное положение и фактически уничтожили Лигу наций — их единственную надежду избежать войны.

Из дн
собор
иолот
из с еи
издм 00

Четверг, 16 апреля. Я навесил Бюлова, чтобы по-прощаться; это, пожалуй, наиболее здравомыслящий и обаятельный человек в министерстве иностранных дел. Он говорил об опасной и грязной войне, которую ведет Италия, и согласился с тем, что Муссолини представляет собой угрозу миру в Европе. Однако он добавил, что Муссолини, по его мнению, не так уж близок к победе над Эфиопией, как он это изображает. Он предвидит возможность полной капитуляции, поскольку боится, что приближающийся сезон дождей может привести его к поражению. Экономическое положение Италии чрезвычайно тяжелое. Бюлов сказал мне:

— Французское правительство готовит ряд вопросов, которые будут вручены нам на будущей неделе. Они касаются локальной проблемы и предложенного Гитлером мирного соглашения. Мы без труда можем дать ответ на эти вопросы, но французы по телеграфу просили нас дать ответ после 3 мая — дня выборов во Франции; таким образом, мы считаем, что здесь нет ничего срочного. Мне кажется, что мир обеспечен по крайней мере на много месяцев. Лига наций способна лишь на разговоры и проволочки. Если Франция согласится не вступать ни в какие союзы, мне кажется, мы все могли бы объединиться в какой-нибудь Европейской лиге взаимной безопасности.

Во время завтрака за нашим столом сидело несколько интересных людей: доктор Гуго Эккнер, знаменитый командир цеппелина, только что вернувшийся из Бразилии, Карл фон Виганд, Уильям Филип Симмс, генеральный представитель Юнайтед Пресс и советник Мейер. Эккнер заинтересовал нас всех. Он отказался выполнить приказ о том, чтобы 28 и 29 марта цеппелин «Гинденбург» совершил полет над Германией для пропаганды в пользу Гитлера. Это вынудило Геббельса явиться к Гитлеру, чтобы решить, как поступить с незаменимым капитаном. Говорят, что Гитлер возмущался и требовал его увольнения. Это было невозможно, и Геббельс дал указание печати никогда не упоминать имя Эккнера. Несмотря на то что на прошлой неделе, возвращаясь из Бразилии, «Гинденбург» попал в опасный шторм и его двигатели были повреждены, имя его командира не было упомянуто.

Когда Эккнер за столом стал говорить о полете в Соединенные Штаты, я сказал:

— Вы могли бы прихватить с собой доктора Геббельса, пусть он поглядит на Соединенные Штаты.

Эккнер, казалось, был удивлен, но после небольшой паузы раздался всеобщий смех. Шутка была понята.

Затем пилот рассказал подробности о своем плане полета в Соединенные Штаты и визита к президенту Рузвельту. Но он заявил, что потребует отмены распоряжения Геббельса, в противном случае он уйдет в отставку, и тогда в этом году полет через опасную Северную Атлантику не состоится. Интересно, как в этой ситуации поступит Гитлер.

Суббота, 18 апреля. Сегодня утром я в автомобиле вместе с женой и дочерью отправился в Гамбург; это — начало моего долгого пути в Соединенные Штаты. Мы прибыли в Гамбург в четверть пятого, но потеряли полчаса на розыски «Сити оф Балтимор». Всю дорогу от Берлина до Гамбурга шел снег и дождь, но местность выглядела очень красивой; всходы пшеницы, ячменя и овса уже довольно зеленые для этого времени года.

Воскресенье, 19 апреля. Весь день провел в постели, но древнее море прекрасно. На дне его лежат столько кораблей, мирных и военных, а в них, возможно, миллионы человеческих скелетов. Сколько горя открылось бы, если бы стала известна история этих вод со времен Юлия Цезаря! Каждый раз, пересекая эти пространства, я думаю о том, что совершало здесь бедное человечество.

Перед наступлением ночи я вышел на несколько минут на палубу, чтобы взглянуть на южное побережье Англии. Здесь впервые пристали корабли римлян, пришедших завоевать эту красивую страну, отсюда же в V и VI веках вторглись саксы, оттеснив кельтов и римлян на запад, а в 1066 году на этот берег высадились норманны, чтобы покорить народ, объединенный в единое государство Альфредом Великим, монумент которого я видел в октябре 1928 года в очаровательном английском городке Винчестере.

Бедная, обильная и мощная Англия, в течение трех столетий самая передовая в области культуры страна

миз! мира, создавшая между 1600 и 1914 годами обширную империю, теперь клонится к упадку. Если Италия захватит ключевые позиции на Средиземном море, как этого добивается Муссолини, Британская империя начнет разваливаться на части. Если Германия при Гитлере или его преемнике установит контроль над Балканами вплоть до Константинополя, как это намечено, Англия потеряет влияние и в Западной Европе. Мне такой ход событий представляется логическим, полным трагизма, но неминуемым. Он будет бедственным для идеалов английского народа, чьи руководители на протяжении последних шести или восьми лет совершали самые чудовищные ошибки.

Среда, 22 апреля. Я нервный по своей природе. У меня нарушилось пищеварение, невралгические боли распространились на нервные сплетения в области желудка, плеч и мозга, почти лишив меня сна; все это усугубляет неприятности морского путешествия. Хотя я никогда не страдаю морской болезнью в обычном значении этого слова, я вчера весь день пролежал в постели, читая немецкую книгу о Рузвельте и его революции, стремясь таким образом противостоять воздействию штормового моря и качки. Корабль ровно шел по курсу, но я не мог найти покоя до часа ночи. Книга о президенте и его целях хороша, хотя и не во всем верна.

По Атлантическому океану, несомненно наиболее спокойной части земного шара, пролегают основные морские торговые пути. Морская жизнь как-то раздражает меня. Я не могу представить себя в роли офицера или матроса даже на самом устойчивом судне. Такая жизнь непостижима для меня. Тем не менее экипаж этого судна, кажется, вполне доволен своей судьбой.

Понедельник, 22 июня. Я прибыл сюда, в Чикагский университет, в субботу утром, в наилучшем состоянии здоровья. Шесть недель, проведенных на моей ферме Стоунлей в Раунд Хилле, были одними из лучших в моей жизни. Государственный департамент, дав согласие беспоконить меня как можно реже, строго соблюдал эту договоренность. Я проводил на воздухе под теплыми лучами солнца по десять часов в день, работая понемножку

то тут, то там, помогая сооружать пристройку для библиотеки, исправляя дороги, которые очень нуждаются в ремонте, и даже наблюдая за доставкой камня, необходимого для строительства библиотеки. Работа была не слишком тяжелой, но весьма полезной для простых парней, работающих у меня.

Были люди, которых, по-видимому, удивляло то, что я работаю с простыми рабочими, но для всех должно быть ясно, что без моей помощи они не сумели бы сделать и половины того, что сделано. Погода была такой чудесной, а моя молочная ферма находится в таком превосходном состоянии, какое мне не приходилось наблюдать в течение многих лет. Кукурузные поля обещают хороший урожай, несмотря на небольшую засуху в мае. Тридцать коров приносят ежемесячный доход в 175 долларов. Если мой теперешний арендатор научится выращивать все необходимые корма, он будет получать действительно приличный доход, несмотря на низкие цены на молоко в Вашингтоне. Единственно, в чем я мог упрекнуть своего арендатора, это в небрежном уходе за лошадьми, которых я оставил ему.

Сегодня утром пришло известие из Берлина, что мой друг статс-секретарь Бюлов умер. Это печальная весть для меня. Он был благородной личностью среди мрачного окружения в Берлине. Бюлов простудился несколько дней назад и простуда перешла в воспаление легких, с которым он был не в силах бороться, — то, что, боюсь, грозит и мне. Оба мы были очень подвержены простуде, оба имели небольшие электрические печки у письменного стола в кабинете. Я послал телеграмму министру Нейрату с выражением искреннего соболезнования. Бюлов был настоящим патриотом и неоднократно давал мне понять, каковы его действительные чувства к тому режиму, при котором он работал.

Воскресенье, 28 июня. Этот университет, где я впервые выступил по приглашению Эндрю К. Маклафлина летом 1908 года, дорожит мною, чем любой другой во всем мире. Быть может, я пристрастен, но здесь, несомненно, много настоящих ученых, стремящихся познать истину, много способных молодых ученых приезжает сюда каждый год. Ректор Хатчинс, назначение которого в 1929 году в значительной степени зависело от того,

что профессор Чарлз Мэрризм и я думали о нем, — очень способный и честолюбивый человек; иногда он очень неразумен в своих методах отбора новых ученых для различных областей науки. Сейчас он отсутствует, возможно, умышленно, пока я здесь. Ему известны наши расхождения во взглядах по ряду важных вопросов. Его теоретическая позиция изложена в статье, напечатанной в периодическом издании «Иель ревью».

Я считаю, что университеты должны быть научно-исследовательскими центрами, основанными на свободе мысли и слова. Он того же мнения, но считает, что ректор университета должен иметь право назначать профессоров, не спрашивая согласия преподавателей факультета, ведущих работу, и намного лучше, чем он, знающих кандидатов на выдвижение. Он придерживается диктаторской точки зрения в этом вопросе и в вопросе реорганизации. Я бы избрал иной метод: факультет дает рекомендации, они обсуждаются, и решение принимается большинством голосов. Это повысило бы интерес и работоспособность ученых, всегда склонных уединяться в сфере своей специальности.

Среда, 1 июля. Вчера вечером я говорил о мировой торговле, свободе торговли, промышленно-финансовых революциях, равных по значению поразительным успехам торговли между 1846 и 1912 годами, о ненормальном росте больших городов и, наконец, о мировой войне и ее влиянии на жизнь общества повсюду в период между 1918 и 1936 годами. Никогда еще меня не слушали с таким вниманием, а аплодисменты по окончании лекции превзошли все ожидания. Все газеты и корреспонденты имели полный текст моего выступления, но я знал, что чикагские газеты не напечатают его. Утром я обнаружил, что «Трибюн» попыталась использовать приведенные мною цитаты из высказываний Вильсона для того, чтобы умалить его славу. «Дейли ньюс» поместила заметку на десятой странице, «Трибюн» — на четвертой. Херстовские газеты, после того как их репортеры в течение получаса тщетно пытались выжать из меня интервью о положении в Европе и сделали полдюжины фотоснимков, напечатали по колонке размером в два вершка.

Вторник, 21 июля. Сегодня ночью я должен выехать из Чикаго в Кливленд, где мне предстоит выступить на ту же тему — о проблеме современной цивилизации, о которой чикагские газеты не захотели писать. Редакторы газет — крупные предприниматели, считающие высокие тарифы благодатью, по-прежнему придерживаются мнения, что на внешних рынках они могут продавать много, а покупать мало; им не нравятся мои отчеты о том, как Соединенные Штаты выплачивали долги после войны. Более того, здесь каждая мало-мальски крупная газета откровенно враждебна Рузвельту и не позволит говорить о нем что-либо хорошее даже в историческом аспекте. С этим отношением прессы к себе Рузвельт вынужден был мириться с самого начала. Однако другие газеты, которых насчитывается всего несколько во всей стране, опубликовали мои предостережения о грозящей опасности.

Моя работа в университете была трудной. Я отдавал свое время множеству студентов, хорошо знающих дело и работающих педагогами в различных частях страны. По их словам, включение истории в общий курс общественных наук в качестве второстепенного предмета — крайне досадное явление. Они жалуются на то, что в университете не преподается полный курс истории Америки и что они не могут получить здесь достаточные знания, разве только по собственной инициативе и при помощи работы в библиотеке. Это — система Хатчинса. Я давно боялся, что его система ограничения инициативы факультета и подбора профессоров в обход факультета нанесет большой ущерб этому учебному заведению. Крайне важно предоставить выдающимся профессорам возможность излагать свой предмет по своему усмотрению, убедившись предварительно в том, что профессора соответствуют назначению. Я озабочен положением в Чикагском университете. Иногда мне хочется, чтобы мое влияние сказывалось здесь по-прежнему.

Пятница, 24 июля. Проездом через Вашингтон я повидал государственного секретаря Хэлла. Мы непринужденно беседовали в течение нескольких минут о неудаче немецкой делегации, которая недавно вела с ним переговоры, и о возможности поражения Рузвельта. Я высказал сожаление, что Германия не может изменить свои

двусторонние торговые соглашения. Это влечет за собой распространение на импорт из Германии повышенных тарифов, поскольку Германия при Гитлере не может открыть свой рынок для американского экспорта — обычные трудности современных промышленных стран.

Что касается переизбрания Рузвельта, Хэлл сказал, что он вполне уверен в успехе, но, добавил он, президент не может открыто высказать то, «что мы с вами считаем правдой о нелепостях тарифной политики. Народ настроен теперь протекционистски». Если это так, то протекционистские тарифы впервые в истории Америки получают большинство голосов.

Вашингтон в некотором отношении самый неприятный из известных мне городов. На Пенсильванском проспекте и проспекте Конституции такое сильное движение, что проехать на автомобиле или пройти пешком крайне трудно и опасно. Правительственные здания строятся впритык одно к другому и планировка административной части города напоминает нелепую планировку района Луп-дистрикт в Чикаго, где миллионы людей работают или передвигаются с опасностью для жизни. Теперь люди считают, что они должны набиваться в города, и отказываются покидать их даже тогда, когда им угрожает голод. Как это отличается от духа и целей тех, кто основал североамериканские колонии, а затем Союз!

Среда, 29 июля. В полдень я отплыл на «Вашингтоне». Скоро возобновится мое напряженное пребывание в Берлине, где демократия подвергается гонениям почти каждый день.

X

7 августа 1936 г. — 25 декабря 1936 г.

Пятница, 7 августа. После медленного плавания в мелких водах Эльбы в течение всего дня мы прибыли в Гамбург. Отсюда я в своей машине помчался в Берлин и прибыл туда в половине одиннадцатого. Продолжительный отдых в Виргинии и Чикаго оказал на меня исключительно благотворное влияние, несмотря на утомительную работу, которую я проделал в университете. На всем пути от Гамбурга до Берлина продолжительностью в 200 миль местность была живописной, цветущей, как это всегда бывает весной и летом.

Воскресенье, 9 августа, ночь. Я был среди приглашенных в столетний «Клуб господ». За моим столом сидели Папен, Нейрат, французский посол и другие, но ничего по-настоящему интересного не было сказано. Это был пышный прием на сто пятьдесят человек в честь участников Олимпийских игр, которые привлекают к себе столько внимания. Это тот самый клуб, члены которого ждали смерти в последнюю неделю июня 1934 года; один из них просил у меня защиты. На стенах главного обеденного зала развешаны портреты кайзера Вильгельма I, Гинденбурга и Гитлера.

Кроме самого обеда, не было ничего заслуживающего упоминания, правда, Нейрат сказал, что сегодня днем разговаривал по прямому проводу с Мадридом. По его словам, в Мадриде ничего особенно важного не происходит и вряд ли произойдет в течение ближайшего месяца. Он сказал:

— Все страны совершают экономическое самоубийство вследствие своей нелепой торговой и финансовой политики. Шахт был прав в своей недавней речи.

Пятница, 14 августа. Фриц Кун, нацистский фюрер в Америке, который одно время работал на заводе Генри Форда в Детройте, привел ко мне в посольство группу американских немцев. Он возит свою группу туристов по Германии, чтобы убедить их, что нацизм — это спасение для современных народов. Кун скрыл от меня свои намерения, но позже я узнал, что он представляет Боле из иностранного отдела нацистской партии.

Вчера Геринг устроил прием на открытом воздухе в честь руководителей делегаций на Олимпийских играх, и мы отправились туда. Этот старинный прусский королевский дворец, в котором Геринг чувствует себя как дома, значительно больше и лучше обставлен, чем Белый дом в Вашингтоне. Сад, расположенный в самом центре города, такой же величины, как и лужайка перед Белым домом. Проекторы, установленные на крышах окружающих зданий, освещают парк так хорошо, что там светло, как днем. Кроме того, сотни лампочек висят повсюду на деревьях. Вряд ли самый изобретательный ум мог бы что-нибудь добавить к этому.

Члены правительства — Геббельс, Нейрат, Бломберг и другие — стояли попеременно с послами и посланниками со всего света. Я немного поговорил с Шахтом и прошелся по парку с сэром Эриком Филпсом. Когда гости сели ужинать за сотни столов, больших и маленьких, подул холодный влажный ветер; электрические обогреватели не грели, так как ветер уносил тепло. Я продрог, но моя жена возражала против того, чтобы я надел шляпу и пальто, которые я оставил во дворце. Поскольку становилось все холоднее, я все-таки надел пальто и шляпу. Это не должно было броситься в глаза, так как Левальд, немец, возглавляющий комиссию по проведению Олимпийских игр, также был в шляпе, а сэр Эрик Филпс вообще решил покинуть вечер из-за холода.

Затем последовало самое грандиозное представление, какое мне когда-либо приходилось видеть. Артисты и артистки, одетые в костюмы восемнадцатого века, танцевали на лужайке. Знаменитый пилот Удет выполнил

различные фигуры высшего пилотажа. Некоторое время мы наблюдали это представление и другие номера, но стало так холодно, что в четверть одиннадцатого я решил уехать. Я был уверен, что ко мне вернется моя прошлогодняя простуда.

Суббота, 15 августа. В отчете американского консула в Штутгарте (Южная Германия) говорится, что пресса этого района весьма откровенно обсуждает отношения с Испанией. Основная мысль, как сообщает пресса, сводится к тому, что фашистско-нацистские державы окажут революционной, или, вернее, реакционной военной клике в Испании поддержку в захвате власти. В обмен на свою помощь Германия и Италия поделят между собой испанские колониальные владения и заключат договор о союзе, который без войны даст этим трем диктаторам контроль над Европой.

Хотя я и не предвидел этой конкретной ситуации с участием Испании, я в конфиденциальных сообщениях в Вашингтон предсказывал возможность установления германо-итальянского контроля над Европой. События прошлой осени указывали на вероятность такого исхода. Речь Гитлера от 7 марта была важным шагом в этом направлении. Отказ от согласованных англо-французских действий против итальянской агрессии в Абиссинии, по моему мнению, обрекает демократии в Европе на гибель. События последних недель в Испании, кажется, открывают новые возможности для Муссолини и Гитлера. Им ничто не может помешать, поскольку Англия бессильна, а во Франции такие раздоры, что установление там диктатуры кажется неизбежным. Соединенные Штаты, отказавшиеся в 1919—1920 годах участвовать в европейских делах, теперь оказались перед лицом тесного фронта диктаторов, который в свое время доставит им серьезные неприятности. Как неразумна была и продолжает быть группа меньшинства в нашем сенате!

Наш сотрудник сообщил мне сегодня, что советник посольства Мейер, прибывший сюда в декабре прошлого года, до моего отъезда в апреле стал заигрывать с Герингом и решил установить более тесные отношения с ним и заключить договор с Германией. В связи с этим у Геринга сложилось впечатление, что Рузвельт вскоре

отзовет меня или что я подам в отставку, если Рузвельт потерпит поражение в ноябре. Еще в марте мне показалось, что Мейер ухаживает за немецкими диктаторами куда усерднее, чем его предшественники — мистер Уайт и мистер Гордон. Когда в государственном департаменте было получено предложение Мейера начать переговоры, Хэлл высказался против. Затем поступило настойчивое предложение прислать двух представителей для переговоров. В это время Геринг стал проявлять теплые чувства к Мейеру и неоднократно приглашал его к себе. Он устроил в его честь обед. Госдепартамент послал двух представителей в Германию, но они отказались приехать в Берлин.

Геринг с одобрения Гитлера направил своего представителя в Мюнхен для переговоров с ними. Но никаких существенных уступок, которые могли бы привести к заключению договора, не было предложено, и американские представители уехали восвояси. Геринг и, возможно, Мейер думали, что это я сорвал переговоры. В Вашингтоне мне по этому поводу не было сказано ни слова, и я, конечно, никак не причастен к этому делу.

Затем приехали два сенатора: Уилер и Бэркли. Мейер дал в их честь шикарный обед, на который он пригласил также Геринга. Геринг принял приглашение, но в последний момент отказался приехать, по-видимому обозлившись на Мейера. Уилер присутствовал на одном обеде в Вашингтоне, где за Германией было признано право господствовать над всей Европой. Он сообщил Мейеру, что я непопулярен повсюду в Соединенных Штатах. Во время своего пребывания там в июне и июле этого года я этого никак не заметил. Говорят, будто эти сенаторы заявили, что я вскоре буду отозван. Постараюсь разузнать, о чем они говорили и что у них на уме.

Воскресенье, 16 августа. Сегодня днем в половине второго мы отправились на Олимпийский стадион, где происходят заключительные игры и будут оглашены окончательные результаты. Я по радио обратился с минутным приветствием к Соединенным Штатам.

Вдоль улицы длиной в семь миль, начинающейся у круга Большой звезды в Тиргартене и ведущей к стадиону, на высоких древках развевались сотни флагов — немецкие и других стран, а из окон домов свешивались

флаги со свастикой. По обеим сторонам улицы на всем ее протяжении тесными шеренгами стояли солдаты в форме войск СА и СС. Их было около ста тысяч.

Вместе с другими послами мы заняли места в переднем ряду. Места для Гитлера и Геринга, а также для других видных нацистов, включая генералов, были расположены намного выше и несколько отступая. Гитлер явился в три часа. Начались конные состязания, скачки с препятствиями, в которых приняли участие спортсмены многих стран. Они продолжались до 8 часов вечера. Затем были оглашены имена победителей и вручены медали и призы. Огромное поле стадиона было освещено лампами, установленными по окружности над верхними рядами трибун; причудливые лучи света подымались вверх и встречались на высоте двухсот или трехсот футов над полем. Мне еще не приходилось видеть такого интересного зрелища.

Вечером мы были на приеме, устроенном Геббельсом для дипломатического корпуса и участников Олимпийских игр. Прием состоялся на красивом островке в пятнадцати милях от города, в парке большого особняка, принадлежавшего ранее какому-то еврею. Мы пожали руку хозяину, человеку, который 30 июня 1934 года помогал уничтожать немцев лишь за то, что они были в оппозиции к нацистскому режиму. Рукопожатие было мне неприятно так же, как и рукопожатие с Герингом при подобных же обстоятельствах два дня назад. Мы сели за небольшой столик возле главного стола, за которым сидел Геббельс, хотя здесь я считаюсь вторым по старшинству дипломатом после французского посла. Я сделал это преднамеренно, и Геббельс не пригласил меня к своему столу.

Вскоре был подан обед примерно на две тысячи человек. Красивые фонари были развешаны по всему островку, многие на деревьях. Французский и итальянский послы с женами, Нейрат и некоторые участники Олимпийских игр заняли места за столом Геббельса. Мы сидели достаточно близко, чтобы видеть, что по настоящему сердечной беседы не было, как это и бывает обычно на дипломатических приемах.

После обеда начались танцы на помосте неподалеку от нас. Они не очень отличались от танцев у Геринга, представлявших собой подражание греческим и викто-

рианским представлениям. В десять часов началась пальба, напоминавшая войну. Это продолжалось с пол часа; такая форма военной пропаганды возмутила многих. Люди за нашим столом вздрагивали при выстрелах, производивших невероятный грохот. Конечно, стрельба была ненастоящей, без снарядов, но взрывы были так сильны, что содрогалась земля.

Это показательное зрелище, так же как и подобные представления у Риббентропа и Геринга, должны были стоить государству 40 тысяч марок. Во что обошлись Олимпийские зрелища, трудно себе представить. Я полагаю, что-нибудь около 75 миллионов марок. Вся эта пропаганда могла доставить удовольствие немцам, но она, как мне передавали, произвела плохое впечатление на иностранцев, несмотря на то что всех их хорошо принимали.

Вторник, 18 августа. Сегодня я разговаривал с Шахтом, который до сего времени всегда был крайне любезен и искренен. Я никогда не слышал из его уст такой неистовой критики в адрес Соединенных Штатов. Он очень резко говорил о решении моего правительства отказать Германии в субсидированном импорте. Я спросил его, считают ли здесь, что я предпринял что-либо в Соединенных Штатах, что ускорило это решение. Он ответил:

— Нет, я знаю, что вы всегда были за более свободную торговлю.

Шахт возложил всю вину на президента и министра финансов Моргентау. Он высмеял утверждение, что необходимость такого решения вытекает из закона о тарифах, и заявил затем, что Германия больше ничего не будет покупать в Соединенных Штатах. Он ничего не сказал о трудностях, связанных с субсидированием, но критиковал государственного секретаря Хелла за его систему договоров и выразил недовольство Германии по поводу отношений между Соединенными Штатами и Бразилией, которые, по его словам, расстроили немецкие планы торговли с Бразилией. Мне были известны подробности этого дела, и поэтому я не стал обсуждать его.

Далее Шахт заявил:

— Мы не станем платить процентов по вашим банковским облигациям. Ваши люди требуют от нас 6 и

7 процентов годовых, в то время как у себя вы получаете по займам 2—3 процента.

Я не стал перебивать его, хотя мне известно, что большинство американцев, держателей немецких облигаций, согласились на 3½—4 процента годовых. Затем он добавил:

— Вы дали нам Лигу наций, после чего отказались участвовать в ней. Теперь Германия требует возврата колоний и права на экспансию.

Я ответил:

— Но ведь это касается Англии; мы часто заявляли в Америке, что Германия должна получить свои колонии.

Он стал настаивать на том, чтобы Рузвельт после своего переизбрания созвал международную конференцию и потребовал бы признания прав Германии; в то же время он упрекал президента за его чатакскую речь о всеобщем мире.

— Мы вооружаемся в течение трех лет, — сказал Шахт, — и оплачиваем все расходы на это.

Я возразил:

— Но ведь война может привести к гибели цивилизации.

— Да, — согласился он, — всеобщая война может привести к коммунизму во всем мире и к полному экономическому краху.

Эти высказывания Шахта были проникнуты враждебностью, чего раньше он никогда не проявлял.

Для меня ясно, что, по его убеждению, Германия, если она будет расширять свое влияние в Европе, столкнется, а быть может, даже начнет войну с Соединенными Штатами. Когда я упомянул о некоторых ошибках, совершенных Германией в религиозных вопросах, он ответил:

— Вы правы, это была ошибка. Не поговорите ли вы с Гитлером об этом?

Я почувствовал сарказм в его словах, но не смог удержаться, чтобы не сказать:

— Фюрер впадет в бешенство, а я не люблю такие сцены.

Хотя Шахт заверил меня в своем расположении ко мне и согласился не разглашать нашей беседы, мне

кажется, что разговор был записан специальным аппаратом правительственной системы подслушивания, подключенным к телефону.

Воскресенье, 23 августа. Вот уже три дня, как я не могу определить официальную позицию Германии. Мне известно, что Гитлер совещался здесь с несколькими членами кабинета и много шумел по поводу того, что испанцы разыскивают немецкое военное судно у побережья Испании, вне ее территориальных вод. Бломберг сильно возражал против воинственных мер. Гитлер через некоторое время успокоился, и беспомощному испанскому правительству был заявлен протест.

Мисс Шульц, корреспондентка чикагской «Трибюн», сообщила, что, по имеющимся у нее сведениям, на прошлой неделе из Дюссельдорфа испанским мятежникам были посланы двадцать пять немецких самолетов. В то же время я знаю, что Бломберг запретил Шахту отправлять самолеты и военные материалы в Болгарию, заявив: «Все военные материалы должны оставаться здесь, так как положение очень напряженное». Шахт огорчен: ему крайне нужна иностранная валюта для закупок продовольствия и сырья. Я не думаю, чтобы испанские мятежники были в состоянии оплачивать свой импорт.

В пятницу и субботу немецкая печать была полна грубых нападок на Россию за то, что она якобы имеет 12 миллионов солдат под ружьем и сорок подводных лодок в Балтийском море. Нападки на Россию были самыми свирепыми за последние три года. Столь же сильным нападкам подверглась и Испания. По-видимому, существует большая угроза открытых военных действий.

Мистер Райт, эксперт, изучающий здесь в течение шести месяцев военные и другие ресурсы Германии, сообщил мне, что одно высокопоставленное лицо, которому неоднократно предлагали пост министра экономики под эгидой Шахта, торжественно заверил его, что Германия скоро будет готова к войне, но если она вступит в войну, то потерпит поражение, и Гитлер будет свергнут. Он считает, что германский народ не станет воевать таким же образом, как он воевал в мировую войну. Райт, далее, говорил о трудностях обеспечения большой войны всем необходимым в течение длительного времени. Невозможно будет получать материалы и продовольствие.

Я склонен думать, что расчеты Райта весьма точны, однако война всегда более вероятна, чем думают экономисты. Нефть, бензин и продовольствие будут дефицитными предметами первой необходимости.

Несмотря на газетную шумиху и общее возбуждение в течение последних дней этой недели, сегодня все тихо. Нападки на Россию, Испанию и Францию больше не повторяются. Дан какой-то сигнал прекратить все это. Гитлер находится в Берхтесгадене, Нейрат — около Штутгарта, а фон Бломберг тихо пребывает в своем пригородном поместье. Я думаю, вся эта кампания рассчитана на то, чтобы подготовить немецкий народ к усиленной гонке вооружений, убедить его и примирить с необходимостью продовольственных ограничений, о которых уже идут тревожные разговоры.

Вторник, 25 августа. У нас был званный завтрак, третий по счету после моего возвращения из Чикаго. Были интересные гости, среди них Дикгоф, доктор Лейтнер, являвшийся в течение девяти лет советником германского посольства в Вашингтоне, Томсен — личный секретарь Гитлера, направляющийся теперь в Вашингтон, чтобы сменить Лейтнера, Пирсон из правительственного импортно-экспортного банка в Вашингтоне (по финансированию внешней торговли) с женой и другие. Был также посланник Никарагуа — большой сторонник Франции. Разговор не мог быть ни свободным, ни интересным из-за резкого различия во взглядах. Поэтому мы много говорили, ничего не сказали и ели с аппетитом. После завтрака я вызвал Дикгофа на разговор, но он не стал говорить о германской политике по существу, отметив лишь ее антикоммунистическую направленность в отношениях с Испанией.

Леон Блюм, французский премьер-министр, заявил несколько дней назад, что главная проблема Франции состоит в достижении тесного сплочения, объединения всех умеренных и радикальных групп в борьбе за некую настоящую демократию, которой Франция никогда не имела, несмотря на все ее усилия после 1789 года. Я сомневаюсь в успехе Блюма. Если итальянцы и немцы посредством своей пропаганды и тайной помощи генералу Франко установят нацистский или фашистский ре-

жим в Мадриде, Франция окажется в самом затруднительном положении с момента падения Наполеона I.

Суббота, 29 августа. Обстановка в Европе действует крайне удручающе на демократическую общественность — я не имею в виду членов демократической или коммунистической партий. Гитлер осуществляет неограниченную власть над 68 миллионами немцев, Муссолини — над 42 миллионами жителей Италии; в Польше, Австрии, Венгрии и Румынии уже правят фашисты. Мы имеем сведения, что Муссолини известил Франко, что Италия будет содействовать свержению демократического (частично радикального) правительства Испании и в этом деле окажет помощь тому генералу, кто бы он ни был, который 17 июля начал поход за установление диктатуры в Испании¹. Всему миру известно, какие ужасы были совершены в Испании в течение августа. Гитлер, несомненно, оказывает или оказывал помощь Франко, а нацистская партия в Германии в течение нескольких лет ведет в Испании пропаганду. Сегодня поступило сообщение от одного венского корреспондента, в котором говорится, что Шушнинг, австрийский диктатор, несколько дней назад встретился с Гитлером в Берхтесгадене. Обстановка в Австрии такова, сообщает он, что держать американскую миссию в Вене — значит бросать деньги на ветер. Я придерживаюсь этого мнения уже более года. Другой, заслуживающий доверия, журналист передал слова Муссолини, сказанные ему: «Не езжайте в Вену. Австрийские дела решают Рим и Берлин». Однако в основном это Берлин.

Несколько дней назад Шахт выехал в Париж со специальной миссией. Ходило много слухов о ее характере. Я предполагаю, и французский посол в своих высказываниях косвенно подтвердил это сегодня, что он повез с собой инструкции Гитлера о заключении сделки с французскими фашистами. Предполагается, что он должен осуществить это до того, как падет правительство Блюма, теперешнего премьера. Перед отъездом, в начале недели, Шахт встретился с Франсуа-Понсэ, который сам близок к фашистам. Из сообщений печати можно предположить, что это попросту финансовая миссия. Я думаю, что вторая задача миссии — попытаться закупить американские хлопок и медь через Францию,

поскольку торговые отношения между Германией и Соединенными Штатами не позволяют непосредственную продажу хлопка или меди — наиболее важных стратегических материалов. Это признал сегодня Франсуа-Понсэ.

Согласно другому сообщению, поступившему сегодня, Муссолини встретился с Гитлером в прошлую субботу. Я сомневаюсь в этом, но Геббельс, наиболее хитрый из немецких диктаторов, находится в Венеции. Таким образом, повсюду действуют силы, направленные на установление диктаторских режимов, повсюду, кроме Англии, где у власти тупые консерваторы, Чехословакии, где имеется движение за капитуляцию перед Гитлером, и России, где коммунизм вновь расправляется со своими противниками. В Соединенных Штатах капиталисты толкают страну в сторону фашизма, их поддерживают капиталисты в Англии. Почти все наши дипломатические работники здесь проявляют подобную склонность. Открыто враждебные нацистскому режиму три года назад, они теперь почти поддерживают его.

Воскресенье, 30 августа. Последние дни здесь было затишье, но газеты продолжают кампанию против России и коммунизма. В Берлине несколько дней находится молодой Арман Берар, представитель французского правительства. Он нарисовал весьма мрачную картину обстановки во Франции. В правительстве Блюма имеется несколько евреев — людей, весьма способных и популярных в момент их назначения. Сейчас ширится антисемитская кампания, и это придает силы местным фашистам. Теперь у них есть лидер, ренегат Жак Дорио, человек, имеющий последователей среди парижских рабочих и получающий финансовую помощь от французских промышленников. Почти нет сомнений в том, что в ноябре Блюм будет свергнут, и тогда вполне возможно установление фашистского режима. Это отвечает желаниям Шахта. Берар возвращается завтра самолетом.

Вторник, 1 сентября. В четыре часа дня мы все отправились на аэродром встречать моего сына Уильяма, возвращающегося из Шанхая, где он работал в Комиссии международного мира — общественной организации, в которую входят представители Соединенных Штатов,

Англии, Франции, Швейцарии и даже России. Берар задержался на один день и был с нами. Самолет Уильяма опоздал на два с половиной часа, и молодой француз вынужден был улететь в Париж, не дождавшись прибытия Уильяма.

До приземления самолета я очень волновался, боясь, как бы резкие ветры с севера и с Балтийского моря не прижали самолет к земле. Но он удачно приземлился в половине седьмого, и мы провели чудесный вечер в семейном кругу.

Пятница, 4 сентября. Только что от меня ушел известный американский писатель Томас Вулф. Он сказал, что один владелец отеля в Берлине, друг его издателя, заявил ему: «Вся Европа становится фашистской, и это спасет мир от войны».

Сегодня днем я посетил нидерландского посланника, недавно вернувшегося из Голландии. Вскоре после того как я вошел в его кабинет, он заявил: «Возможно, в нашей жизни уже не будет счастливых дней. Все лишится рассудка. Англичане за последние три года совершили величайшие ошибки в своей истории!»

Он говорил о торжествах по случаю дня нацистской партии, которые открываются в следующий понедельник в Мюнхене. Он не поедет туда, и я тоже. Посланник согласился со мной, что было бы очень неприятно сидеть в холод на открытом воздухе, на высоких скамьях рядом с фюрером и слушать, как он или Геринг поносят демократию, как они это всегда делают. Я сказал: «Может оказаться более затруднительным встать и уйти, когда такие вещи произойдут». Вместе с тем посланник сообщил мне, что представитель Швеции получил указание от своего правительства присутствовать на Нюрнбергском съезде. Он добавил: «Мне известно, что чехословацкий и румынский посланники также будут присутствовать». Это говорит лишь о том, что в этих маленьких странах растет страх перед гитлеровским рейхом. Однако нидерландский и бельгийский посланники никогда не присутствуют на съезде. Французский и английский послы, также как и я, никогда не принимали приглашений присутствовать на этих грандиозных пропагандистских сборищах. Муссолини и Сталин не приглашают дипломатов на свои партийные съезды.

Сегодняшняя вечерняя газета «Абендблатт» сообщила под крупными заголовками, что Муссолини направляет в Барселону вооруженное военное судно с несколькими тысячами солдат. Мне кажется, действуя таким образом, Муссолини хочет выяснить, что предпримут Франция и Англия. Я думаю, они ничего не предпримут. В этом случае Муссолини пошлет позже новые войска и подчинит своей воле генерала Франко, быть может, установит частичный контроль над Испанией — еще один шаг к восстановлению империи Цезаря.

Воскресенье, 6 сентября. Поскольку в ближайшие дни все крупные должностные лица будут находиться на партийном съезде в Нюрнберге, и в Берлине нельзя будет ни обсуждать, ни решать каких-либо важных вопросов, мы в одиннадцать часов выехали в Магдебург по пути в Голландию. Был восхитительный день. В Магдебурге мы пробыли достаточно долго, чтобы осмотреть знаменитый собор, в котором похоронен Оттон I, а памятник его слуге, негру, установлен рядом с его внушительным надгробием. В Магдебурге впервые пошел в школу Мартин Лютер.

Из Магдебурга мы поехали в Ганновер по замечательной немецкой автостраде, предназначенной только для легковых автомобилей, но в конечном счете и для военных целей. Ганновер — огромный сельскохозяйственный район с плодородными холмами и долинами; пшеница, картофель, свекла уже созрели, и уборка была в разгаре. Нигде я не видел следов эрозии, хотя земля обрабатывается уже тысячелетие.

Пятница, 11 сентября. В шестидесяти милях восточнее Рейна на уединенной дороге нам преградил путь шлагбаум. Часовой в военной форме сказал, что впереди происходят секретные военные маневры и доступ туда воспрещен. Он приказал нам вернуться к Рейну. Я возразил, что мы направляемся в Ротенберг, куда должны прибыть в полдень. Он вновь сказал «нет», но, когда наш шофер предъявил документы и сказал резко, что мы едем с официальной миссией, он нехотя сдался. Наш шофер считает, что часовой принял меня за генерала, который должен был приехать из Берлина руководить маневрами.

В течение следующего часа мы наблюдали военные грузовики, автоматические пушки и много солдат. Мы застряли в веренице танков и не имели возможности выбраться из нее; я все время находился в страхе, что маневры вот-вот начнутся. В последней деревне, через которую мы проезжали, офицеры вынуждены были приказывать разобрать проволочное ограждение, установленное поперек дороги. Другие офицеры дважды останавливали нас и злобно допрашивали, но пропустили, узнав, кто мы такие и куда едем. Боюсь, что первый часовой, пропустивший нас, будет арестован. Я немного побаиваюсь, что все это вызовет некоторую шумиху.

Суббота, 12 сентября. Вернувшись из нашей недельной поездки по Голландии, Бельгии и Южной Германии, мы взяли за лейпцигские и берлинские газеты; они полны статей о выступлениях Гитлера, Геббельса и Розенберга против коммунистов, «которые, по их утверждениям, везде и всюду находятся под влиянием подлых евреев, стремящихся управлять всем миром». Невольно поражаешься их речам и очевидному убеждению, что Германия и Италия должны принудить все народы объединиться с ними для свержения государственного строя в России, как будто одна страна имеет право диктовать другой, какое правительство оно должно иметь у себя.

В то время как Гитлер злобно поносит демократию, президент Рузвельт, выступая перед международной конференцией в Вашингтоне, раскрыл основные причины международной напряженности. Как мало зависит сейчас от мирной позиции Соединенных Штатов! Гитлер знает, что все народы трепещут при мысли о новой войне, тем не менее он ведет себя вызывающе и оскорбительно по отношению ко всем народам, которые не подчиняются навязываемым им правительствам. Он думает, что сможет установить свое господство над всей Центральной Европой, как это пытался сделать Наполеон, спекулируя на страхе людей, что он развяжет войну.

Среда, 16 сентября. Учитывая, что нашему правительству необходимо знать, насколько правильны многочисленные сообщения газет о политической обстановке

в Германии, я просил вчера Дикгофа о встрече. Я полагал, что он будет более откровенен в беседе, чем его начальник Нейрат.

Когда я вошел в приемную министерства иностранных дел, то первое, что мне бросилось в глаза, был большой портрет Гитлера на столе, у которого обычно в течение нескольких минут сидят гости и дипломаты, ожидая приема. Этот гитлеровский портрет — нечто новое в министерстве иностранных дел. Войдя в кабинет Дикгофа, я увидел еще один большой портрет Гитлера, стоящий на его письменном столе, за которым нам предстояло сидеть полчаса. Имеется ли такой же портрет и в кабинете Нейрата? Когда я впервые приехал в Берлин, служащие этого министерства выражали приверженность демократическим институтам и возмущение по поводу грубых притеснений, которым подвергаются ни в чем не повинные евреи. Они ожидали, что Гитлер уволит их, так как не все они были членами нацистской партии. Теперь все выглядит по-иному.

В беседе со мной Дикгоф поддержал все, что было сказано Гитлером против других стран, но сказал, что он не намерен предложить русскому послу покинуть страну, как нам сообщали из заслуживающих доверия источников. На мой вопрос об отношениях с Испанией он сказал, что «Германия строго нейтральна», но тут же поддержал отказ Португалии соблюдать нейтралитет на том основании, будто демократическое правительство Испании намерено аннексировать Португалию. Я заявил ему, что не верю этому. Он продолжал свои утверждения и пытался оправдать франкистский военный мятеж в Испании и даже одобрил помощь Италии мятежникам. Из всего сказанного Дикгофом явствует, что он надеется на установление фашистского режима в Испании. Это — требование Гитлера, и я убежден, что Германия оказывает помощь мятежникам через Португалию. Я думаю, что в один прекрасный день мы узнаем, что именно Гитлер и Муссолини предложили Португалии занять такую позицию.

Когда я спросил Дикгофа, что он думает относительно конференции в Локарно², о возможности заключения всеобщего договора о мире, он, не задумываясь, ответил:

— Да, мы согласны участвовать, но при условии, что России там не будет.

Я заметил, что это не позволит Франции участвовать в конференции, особенно в том случае, если Германия потребует аннулировать франко-русский договор прошлого года. Дикгоф ответил:

— Мы не можем иметь дела с русскими коммунистами.

Я возразил:

— Можно согласиться с тем, что русские совершают глупость, распространяя свою пропаганду по всему свету, но ведь ваше правительство делает то же самое. Так на что же вы жалуетесь?

У него был наготове ответ:

— Наша пропаганда касается только наших подданных в других странах. Мы имеем право рассматривать их частью нашего народа.

Я не стал приводить ему факты о нацистской пропаганде в Соединенных Штатах, Швейцарии и других странах, полностью противоречащие тому, что он сказал. Однажды на одном обеде в ответ на его заявление, что Германия должна установить контроль над Дунайскими странами, я сказал: «В Канаде проживает несколько миллионов американских граждан или сыновей и дочерей американских граждан. Почему бы и нам не потребовать контроля над Канадой? Тем не менее ни один видный американский деятель со времен Чэмпа Кларка не выступал с требованием об аннексии Канады». Я вспомнил сегодня об этой беседе и думаю, что Дикгоф тоже вспомнил о ней. Почти все немцы, нацисты и антинацисты, считают немцев во всем мире, особенно в Голландии, Швейцарии и в Балканских странах, германскими гражданами и надеются включить их в свое государство, даже если ради этого им придется начать войну.

Из министерства иностранных дел я в машине поехал на Унтер ден Линден. Оттуда я пешком направился к русскому посольству, чтобы избежать слежки со стороны немцев. Я имел непродолжительную встречу с русским послом. Он сказал, что вряд ли будет отозван из-за грубых выпадов Гитлера.

— Эти выпады, — заявил он, — в действительности направлены на то, чтобы вынудить Францию расторгнуть с нами договор. Мое правительство даже не предложило

мне заявить протест. Гитлер надеется вынудить Англию и Францию присоединиться к Германии и Италии с целью изоляции Советского Союза.

Я придерживаюсь того же мнения и думаю, что Гитлер намерен аннексировать Балтийские страны, ранее составлявшие часть России, — Литву, Латвию и Эстонию, как только ему удастся вбить где-нибудь клин, особенно если Франция и Англия решат, что договор между Россией и Францией должен быть аннулирован.

Из русского посольства я отправился к английскому поверенному в делах. Он заявил, что Англия не подчинится гитлеровским требованиям в отношении России, она будет настаивать на созыве конференции в Локарно и вновь предложит сокращение и контроль в области вооружений. Вряд ли возможен успех, пока Гитлер остается диктатором Германии и надеется стать диктатором Европы.

Суббота, 26 сентября. Прошло десять дней, с тех пор как мы сообщили в Вашингтон свои выводы о настроении в Берлине. Все это время здесь проводятся крупные военные маневры. Гитлер принял в них участие в качестве главнокомандующего вначале на одной стороне, затем на другой. Бедные немцы вновь, как никогда раньше, заняты муштрой, упражнениями с винтовкой, полетами и бомбардировкой. Вся Европа следит за ними с величайшей тревогой.

Сегодня нидерландский посланник сказал мне:

— Мы все убеждены, что Германия в подходящий для себя момент намерена аннексировать нашу страну, а также Швейцарию и другие страны, где в средние века германские народы жили или оставили свое потомство.

Я рассказал ему о полученном недавно сообщении, согласно которому Германия намерена получить колонии на Дальнем Востоке. При этом я привел слова Шахта о голландской Новой Гвинее, сказанные им прошлой весной. Посланник слышал нечто подобное, но сказал:

— Мы как никогда вооружаемся в наших заморских владениях. Однако наш народ, как и англичане, не хочет введения всеобщей воинской повинности и не будет

готовиться к войне, пока она не разразится. Он так настроен против войны!

В словах посланника чувствовалась тревога и пессимизм. Уходя он сказал:

— Если ваша страна, Англия, Франция и Россия не будут действовать совместно, чтобы сохранить мир, новая мировая война станет неизбежной.

Он добавил, что все демократические страны Европы примкнут к этому фронту, если он будет образован. Присоединится даже Швеция, в отношении которой Нейрат говорил два года назад, что через три года нацисты захватят там власть в свои руки. Невзирая на всю нацистскую пропаганду на состоявшихся несколько дней назад выборах в Швеции, ни один нацист не был избран в парламент.

Понедельник, 28 сентября. Сегодня днем приходил генеральный консул Дженкинс и рассказал о суде над американцем Лоуренсом Симпсоном в специальном гитлеровском Народном суде, где рассматриваются дела о государственной измене, каковых здесь сейчас великое множество. В апреле 1935 года, как мне помнится, Симпсон был схвачен на американском судне «Манхаттан» с коммунистической литературой. Полиция немедленно препроводила его в местный суд в Гамбурге, и вскоре он был заключен в тюрьму. В июле он был переведен в другую тюрьму в Берлине или поблизости от него. Консул сообщил об этом деле в государственный департамент и заявил протест германским властям по поводу содержания Симпсона в тюрьме без суда. Германские власти заявили, что он был связан с семьдесятю немцами, поэтому и был задержан. Таким образом, ничего не удалось сделать.

Теперь, 28 сентября 1936 года, состоялся суд над Симпсоном и одним его сообщником, немцем. Симпсон признал себя виновным по всем предъявленным обвинениям и был приговорен еще к шестнадцати месяцам тюремного заключения — четырнадцать месяцев он уже отсидел. В германо-американском договоре 1924 года нет статьи, на которую можно было бы сослаться в его защиту. Таким образом, несмотря на все усилия генерального консула повлиять на германские власти, он ничего не смог добиться.

Генеральный консул подтвердил сообщение о том, что Симпсон отказался принять тысячу долларов, присланных из Нью-Йорка, чтобы нанять немецкого адвоката. В американских газетах было напечатано много сообщений о его аресте и о дурном обращении с ним.

Пятница, 2 октября. В октябре и ноябре 1935 года позиция Муссолини в Италии была шаткой, и война в Эфиопии была связана для него с большим риском. Как мне кажется, итальянский посол и его жена думали, что он потерпит неудачу и что в бедной Италии будет установлен лучший режим. Но ошибки Франции и Англии принесли Муссолини победу. В период с декабря 1935 года по март 1936 года по инициативе Гитлера произошло сближение между ним и победоносным итальянским диктатором. Сейчас оба они помогают Франко стать диктатором Испании, оба шлют оружие, самолеты и людей для поддержки мятежников в Испании. Теперь итальянский посол марширует рядом с германскими официальными лицами, принимает приветствия гитлеровских войск и отдает нацистское приветствие.

Руст и Лей выступили в понедельник перед огромной аудиторией, возможно собранной по приказу, и объявили, что отныне молодежь будет учиться семь месяцев в году и не тринадцать лет, а двенадцать. Это новое свидетельство того, что правительство полностью забирает в свои руки дело воспитания детей, отстраняя от него родителей. После четырнадцати лет дети должны проходить военную муштру и готовиться к войне пять месяцев в году, хорошо еще, что не каждый день! А с восемнадцати лет мальчики и девочки обязаны так или иначе работать на военных объектах или в трудовых лагерях.

Понедельник, 5 октября. Распутаться с государственными долгами Германии не под силу даже такому ловкому финансисту, каким является Шахт. Официально государственный долг составляет 18 миллиардов марок, но существует еще и тайный долг, равный 25 миллиардам марок. По официальным английским подсчетам, на вооружение и содержание армии ежегодно тратится 800 миллионов фунтов стерлингов, или 12 миллиардов марок, что соответствует 4 миллиардам долларов. Я со-

мневаюсь в реальности английских подсчетов, но подготовка к войне ведется здесь в небывалых масштабах.

Германское правительство, по-видимому, решило поставить на карту все, чтобы вынудить Англию возвратить довоенные колонии Германии. Здесь много говорят о предполагаемой конференции в Локарно, как о средстве вернуть колонии. Но народы всех рас в Южной Африке требуют, чтобы прислушались к их голосу при решении их будущего. Постоянные необузданные выпады немецкой пропаганды против всех рас, кроме арийской, и осуждение демократий вызывает враждебное чувство к Германии среди колониальных народов, особенно среди неарийских народов Африки. Я не вижу перспектив успеха нацистской колониальной политики в настоящее время. Более разумное обсуждение вопроса могло бы привести к искренним усилиям со стороны Англии и Франции.

Суббота, 10 октября. Сегодня днем меня навещил русский посол. Хотя он исключительно хорошо информирован, ему нечего было добавить к тому, что мне уже известно. Он говорил о русской помощи испанцам и о нарушениях немцами и итальянцами своих обещаний соблюдать строгий нейтралитет. Я не сомневался в справедливости его обвинений. Посол осудил англичан за их отказ предпринять действия в связи с нарушением соглашения о невмешательстве, но, по его мнению, сейчас нет реальной угрозы мировой войны. С этим я согласился, но думаю, что результатом безудержной гонки вооружений в условиях громадной задолженности и значительной безработицы в течение года или двух может быть только война.

Четверг, 15 октября. Сегодня вечером я отправился в отель «Адлон» послушать, что скажет Розенберг, так называемый философ гитлеровского режима, о международном положении. Третий раз я присутствую на его «барабанах»*. Справа от меня сидел Мейснер, который до августа 1934 года являлся личным секретарем Гинденбурга, а теперь занимает эту же должность при Гитлере. Слева сидел Розенберг, возглавляющий реорганизацию

всей системы просвещения, особенно преподавания истории в немецких школах и университетах. Слева от Розенберга сидел сэр Эрик Фиппс. Другие дипломаты и несколько офицеров военно-морского флота сидели напротив нас.

Беседа была стесненной; лишь Мейснер рассказал мне, что наш прежний посол Шерман из Нью-Йорка присутствовал на партийном съезде в Нюрнберге. Шерман заявил представителям печати, что будет присутствовать на съезде, но, поскольку ни один американский корреспондент не видел его там, я полагал, что он представил себе в какой-то мере, что ему предстоит услышать там, и предпочел не присутствовать. Мейснер сказал, что он несколько раз беседовал с Шерманом и был в восхищении от него.

Розенберг говорил более получаса, вновь делая нападки на коммунистическую систему и предупреждая об опасности, угрожающей всей западной цивилизации. Но он не нападал на демократические страны. Аудитория была очень большая, и среди присутствующих было много представителей демократических стран. Возможно, он считал уместным на сей раз оставить некоторые страны в покое. В конце своего выступления он сказал несколько слов о международном сотрудничестве, хотя нацистская Германия может сотрудничать, вероятно, только с ненавистными итальянцами.

Воскресенье, 18 октября. Марта уезжает во вторник в Соединенные Штаты, и принц Луи Фердинанд, не теряющий надежд претендент на трон, пришел попрощаться с ней и передать привет некоторым своим друзьям в Соединенных Штатах. Поскольку Гитлер утверждает, что его режим просуществует тысячу лет, я не вижу, как могут Гогенцоллерны рассчитывать на восстановление своей власти.

Понедельник, 19 октября. Сегодня мы завтракали у сэра Эрика Фиппса, где, к некоторому моему удивлению, почетным гостем был Розенберг, тот самый Розенберг, который в 1933 году был вынужден покинуть Англию, где он занимался пропагандистской деятельностью. Было большое общество, дипломаты и журналисты, среди них весьма умные. Мейснер также присутствовал.

* Вечер с пивом (нем.). — Прим. ред.

У меня была краткая конфиденциальная беседа с сэром Эриком о возможности сотрудничества между демократическими странами в финансовой и торговой областях.

Вторник, 20 октября. Несколько дней назад ко мне пришел один нью-йоркский адвокат, представляющий интересы двух десятков истцов, требующих от Германии уплаты компенсации за имущество, принадлежавшее им и уничтоженное немцами до вступления Соединенных Штатов в мировую войну; он просил моей помощи в передаче его иска правительству. Нет сомнения в том, что американское имущество стоимостью в сотни миллионов долларов было уничтожено немецкими диверсантами в Соединенных Штатах или захвачено германским правительством в Германии. Комиссия из представителей обеих стран работала в течение ряда лет над этим вопросом и пришла к выводу, что несколько миллионов должны быть возмещены. Комиссия прекратила свою работу в 1930 году. Адвокат хотел получить часть компенсации из тех 20 миллионов долларов, которые Германия поместила в казначействе Соединенных Штатов, — около десятой доли того, что было уничтожено.

Я запросил Вашингтон, следует ли мне поднять этот вопрос перед германскими властями. Ответ гласил: «Ничего не говорить и не предпринимать». Но адвокат встретился с Нейратом и другими высокопоставленными лицами. Ему ничего не было обещано, но у него почему-то сложилось мнение, что можно что-то сделать. И вот сегодня капитан фон Пфеффер, представитель генерала Геринга, изъявившего желание удовлетворить часть иска при условии, что Соединенные Штаты продадут Германии в кредит хлопок и медь, торжественно вручил официальный ответ на иск, предъявленный адвокатом. Для поддержания своего достоинства он явился в нацистской форме и в сопровождении лейтенанта. Я дал ему возможность прочитать документ, который принял затем с официальной благодарностью.

Не успели еще эти люди выйти из здания, как вновь пришел адвокат и сообщил о своих трудностях. Я не мог ему ничем помочь. Однако я задал ему вопрос: «Почему же компания «Стандард ойл оф Нью-Йорк» переслала сюда в декабре 1933 года миллион долларов и этим помогла немцам наладить для военных целей производство

бензина из бурых углей? Почему предприятия другой компании, «Интернэшнл харвестер», находящиеся в Германии, продолжают работать, хотя эта компания не получает никаких доходов в Германии и не может получить компенсацию за свои военные потери?» Он понял мою мысль и согласился, что все это выглядит глупо, а в случае новой войны приведет к еще большим потерям.

Воскресенье, 25 октября. Профессор М. с женой только что вернулись из двухнедельной поездки к дочери, которая с мужем живет вне Германии. Они сказали, что жили на средства своей дочери, так как им не разрешили вывезти с собой деньги.

Оба они начали открыто сетовать на «бедственное положение», в котором находятся университеты и школы. Профессор сказал, что немецкий народ так долго приучали к повиновению и его национальная психология такова, что тегерешний диктатор может делать все, что ему вздумается. Немцы подчиняются всему, хотя им очень не по душе то, чему они должны подчиняться. Он сказал, что в университетах факультеты исторический, философский, экономический, а также факультет политических наук почти совершенно развалены. Учебные программы разрабатываются некомпетентными членами нацистской партии, а студентам поручают шпионить за преподавателями. Если студент сообщит что-либо, что придется не по вкусу министерству пропаганды, профессор будет уволен без указания причин. Ничего нельзя сделать, чтобы изменить положение.

Профессор вышел в отставку и получает пенсию или часть пенсии; он больше никогда не сможет преподавать, читать лекции или писать, разве что только с нацистских позиций. Писать правдиво о существующем положении сопряжено с такой опасностью, что никто на это не решится, даже если рукопись не будет опубликована. Он добавил, что методы, применяемые в университетах, распространяются на все школы и что учителями могут быть только члены нацистской партии.

«Наша цивилизация гибнет. Если события будут продолжаться таким же путем, как и в последние три года, то через десять лет положение станет непоправимым.

Мы идем напрямик к рабству и варварству», — сказал профессор. Я пробыл у него более часа, слушая его рассказ о жалкой доле его соотечественников. Вскоре после начала разговора фрау М. накинула одеяло на телефонный аппарат, чтобы уберечь своего мужа от неприятностей.

Понедельник, 26 октября. Всю прошлую неделю здесь находился граф Чиано, зять Муссолини. Этакое демонстрация изо дня в день! Цель Муссолини — склонить Германию к тому, чтобы она засвидетельствовала перед всем миром свою готовность поддержать Италию в следующих ее требованиях: Англия должна признать захват Эфиопии и затем постепенно отказаться от господства на Средиземном море и разделить с Италией контроль над Суэцким каналом. Нейрат сказал мне неделю назад, что Гитлер не будет участвовать в новой конференции европейских стран, если Англия отклонит итальянские требования. Нейрат, говоривший мне в начале моего пребывания здесь в 1933 году, а затем и в 1934 году о своем недовольстве, теперь — слепое орудие Гитлера.

Демонстрации продолжались вплоть до 26 октября, когда Чиано встретился с Гитлером в Мюнхене. Содержание их переговоров, по-видимому, никому не известно, но я почти уверен, что Гитлер просил Муссолини держаться в стороне от австрийских дел и не вмешиваться, когда в результате пропаганды произойдет аншлюс³. Двум цезарям нелегко договориться о разделе Европы между собой.

Суббота, 31 октября. Сегодня День Лютера, но в газетах об этом ни слова. Когда я был студентом в Лейпциге, немцы праздновали День Лютера так же торжественно, как американцы день 4 июля. Теперь о Лютере не говорят. Вместо этого были трехдневные торжества в ознаменование успеха Геббельса в Берлине десять лет назад. Геринг выступил с речью, в которой содержался вызов зарубежным странам и призыв к немцам сократить потребление масла и мяса, чтобы увеличить производство пушек. В последний вечер Гитлер примчался в большой дворец, чтобы поблагодарить Геббельса за его «замечательную работу».

Понедельник, 9 ноября. Ничего примечательного за неделю. Геринг выступил с речью, задуманной как призыв к немцам объединить усилия для выполнения гитлеровского четырехлетнего плана. Он предупредил немцев, что могут возникнуть трудности из-за нехватки продовольствия. Немцы должны затянуть пояса, чтобы сэкономить средства на вооружение. Он допустил возмутительные выпады против Англии, не считаясь с присутствием в качестве гостя лорда Лондондерри. Геринг заявил, что Англия ограбляла Германию, украв ее колонии и отобрав золото. Лорд Лондондерри, английский фашист, как рассказывают, сделал вид, что не понял сказанного. Однако на другой день он красовался на приеме у Геринга.

По сообщениям, с 30 января 1937 года все старые немецкие государства — Пруссия, Саксония, Бавария и другие — перестанут существовать. Пока Гинденбург был жив, это не разрешалось, хотя Гитлер объявил об этом плане еще в 1934 году. Уничтожить такие исторические государства, как Бавария и Саксония, возникшие еще во времена Цезарей, — это факт беспримерный. Гитлер, несмотря на свою ненависть к Франции, подражает Наполеону I, уничтожившему самостоятельность всех французских провинций.

Эрнст Ганфштенгль, спасший, как рассказывают, жизнь Гитлера в 1923 году, сейчас в Париже. Он окончил Гарвардский университет, его мать происходит из известной бостонской семьи Седжвик, но он вернулся в Баварию, чтобы вступить во владение доставшимся ему в наследство довольно крупным поместьем. Он принимал участие в подготовке гитлеровского путча до 1923 года и обильно ссужал деньги фюреру. В 1933 году он был назначен руководителем пресс-бюро, созданного для ведения пропаганды среди американских и других иностранных корреспондентов. До нашего приезда он считался приближенным Гитлера. В марте 1934 года он устроил мне встречу с Гитлером, во время которой я от имени президента заявил протест против нацистской пропаганды в Соединенных Штатах. Позже Ганфштенгль ездил в Соединенные Штаты на традиционную встречу выпускников Гарвардского университета. Гитлер почему-то не взлюбил его, отказался принимать, лишил должности и поставил его в опасное положение.

Несколько дней назад Ганфштенгль отправился в Париж и сделал там заявление относительно переизбрания Рузвельта. Это может причинить ему неприятности. Он просто заявил о своих симпатиях к стране, где он хотел бы жить, если бы мог перевести туда хотя бы часть своих ценностей. Говорят, что он умен. Затрудняюсь сказать определенно, так это или нет.

Четверг, 12 ноября. Вчера мы были на завтраке у швейцарского посланника. Там был генерал фон Сект, глава рейхсвера в тот период, когда в 1933 году Гитлер захватил власть; он не пользовался расположением нацистов и был смещен; затем он ездил в Китай, где обучал китайцев, как организовать армию. Теперь генерал снова здесь, на какой-то должности, более снисходительный к нацизму, чем прежде.

Его жена сегодня заявила:

— Германия совершила глупость, допустив создание Польского коридора. Вильсон дал полякам доступ к Балтийскому морю, но мы не должны были соглашаться на это. Сейчас у нас десятилетний договор с Польшей, но мы должны захватить эту часть Польши, невзирая на договор. Данциг не вольный город, это наш город.

Это перекликается с недавней позицией Германии, отрицающей право Лиги наций оказать помощь Данцигу в случае нападения. Я не удивлюсь, если 30 января следующего года Гитлер потребует аннексии Данцига.

Днем приходил Карл Альбрехт, бременский импортер хлопка. Он хотел выяснить возможность ввоза хлопка из Соединенных Штатов. Я разъяснил ему позицию государственного секретаря Хелла о готовности снизить тарифные барьеры в Соединенных Штатах в ответ на отказ Германии от субсидий на товары, экспортируемые в Соединенные Штаты. Ему этот вопрос знаком, поскольку он беседовал в государственном департаменте с Пирсоном в августе этого года.

Затем Альбрехт говорил о нашем новом консуле в Бремене. Он передал мне слова консула о том, что новое правительство Испании прошлой весной ликвидировало некоторые остатки средневековья в стране. Альбрехт назвал позорным явлением то, что другие страны посылают оружие испанским мятежникам, затягивая ужасную войну. Я отметил, что фабрикантам оружия

повсюду свойственно сбывать свою продукцию воюющим сторонам и даже разжигать войны. Он ответил:

— Да, прошлой зимой, когда Италия вела войну в Эфиопии, глава старинной немецкой компании по производству оружия явился ко мне просить займа под высокие проценты для продажи Италии оружия. Я был возмущен и, конечно, отказал, но, мне кажется, они все же отправили оружие.

Я заметил, что английские и американские пушечные короли делали то же самое даже тогда, когда их собственные правительства были против. Мой собеседник с полной уверенностью сказал, что все фабриканты оружия во всех промышленных странах действуют таким же образом, и признал, что Германия и Италия делают это для испанских мятежников.

Воскресенье, 15 ноября. Трижды за последние несколько дней итальянский посол, избегавший меня после моего возвращения в начале августа, заговаривал со мной, желая выяснить, каковы планы президента Рузвельта в отношении конференции латиноамериканских стран в Буэнос-Айресе, которая должна состояться в декабре. Не имея каких-либо специальных указаний, я не мог даже сделать намека на что-нибудь и ограничился ссылкой на общую мирную политику Соединенных Штатов.

Вчера с формальным визитом приходил аргентинский посланник и сразу же завел разговор о конференции. Он сказал:

— Немецкие официальные лица проявляют большой интерес к планам Соединенных Штатов.

Поскольку два дня назад он был принят Гитлером, я думаю, что эти вопросы были подсказаны посланнику нацистами, которые предпочитают не расспрашивать меня о таких вещах. Они знают, что я демократ, а сокрушительная победа на выборах Рузвельта, которого они хотели бы видеть побежденным, очень огорчает их.

Далее аргентинский посланник заявил, что Пауль Шеффер из «Берлинер тагеблатт», встречавшийся с представителями латиноамериканских стран в Берлине, беседовал с ним в течение часа. Шеффер представлял министерство иностранных дел и, быть может, министерство пропаганды. Он подверг критике всю амери-

канскую политику в Латинской Америке, назвав ее возвратом к доктрине Монро в ее прежней агрессивной форме, и заявил, что Рузвельт не имеет права влиять на политику латиноамериканских стран. Этот разговор возмутил моего аргентинского друга, заявившего, что он полностью разделяет взгляды президента по вопросам мира и торговли. Я слежу за этим Шеффером: несколько лет назад он был социал-демократом, в течение некоторого времени находился в Соединенных Штатах в качестве корреспондента свободной немецкой печати, а теперь он примерный нацист.

Здесь и в Риме опасаются, что президент может сплотить все американские государства и противопоставить их фашистской Европе и бойкотировать любую страну, которая начнет новую войну.

Из сегодняшних газет можно видеть гитлеровский метод ведения дел. Вчера вечером Гитлер издал декрет о том, что отныне контроль Лиги наций над всеми германскими реками, и в первую очередь над Рейном, Эльбой и Одером, отменяется. Гитлеру следовало бы знать, что Бисмарк в 1886 году заключил договор, согласно которому голландские, бельгийские и шведские суда получили право провозить грузы вверх и вниз по Рейну. Затем в Версальском мирном договоре было предусмотрено, что Швейцария, Чехословакия и Польша получают право экспортировать свои товары по рекам Рейну, Эльбе и Одеру. Эти страны нуждаются в доступе к морю. Раз Гитлер заявляет, что ни одна из этих стран не должна быть лишена указанных привилегий, которые, в сущности, приносят выгоду Германии, то почему бы ему через министерство иностранных дел не созвать конференцию с участием членов Лиги наций и не прийти к общему соглашению? Но фюрер считает себя верховной властью и объявляет о нарушении договоров по своему усмотрению. Это может импонировать немцам, но это не политический способ ведения дел. Я жду, что завтра Англия и Франция осудят подобную практику. Но они ничего не могут поделать. Я предвижу, что 30 января Гитлер объявит об аннексии Данцига, «его собственного города».

Среда, 18 ноября. Согласно полученным здесь дня два назад сообщениям, Гитлер в тревоге, как бы закон-

ное правительство Испании не одолело испанских мятежников. Наш генеральный консул в Гамбурге писал нам в понедельник, что, по имеющимся у него сведениям, три судна, груженных оружием, недавно отплыли из Гамбурга. Обстановка в Мадриде беспокоит Гитлера, а также Муссолини. Я уверен, что они сделают все, что в их силах для установления третьей диктатуры на границе с Францией.

Несколько дней назад двадцать немцев, проживающих в Москве, были арестованы за участие в заговоре против советского правительства. Этого следовало ожидать в качестве ответа на непрерывные нападки Гитлера, Геринга и Геббельса. Германское министерство иностранных дел заявило протест, но русский посол также протестовал против ареста немецких коммунистов в Германии без предъявления им каких-либо доказательств в подрывной деятельности. Но столкновение между коммунизмом и нацизмом возможно лишь путем вторжения в Польшу. Это побудит поляков, чехов, французов и даже румын напасть на Германию. Сегодня Германия и Италия признали Франко главой испанской нации, каковым он, конечно, не является. Это, вероятно, означает, что Франция, Англия, Соединенные Штаты и другие демократические страны откажутся признать его. Пока происходят эти события, Рузвельт находится на пути в Южную Америку, где он попытается образовать единый фронт стран Западного полушария против европейской экономической агрессии. Удастся ли это ему? Латиноамериканцы не очень-то демократичны. Аргентинский посланник по своим убеждениям — фашист.

Воскресенье, 22 ноября. Вчера германское правительство объявило о том, что направляет в Испанию, в ставку вождя мятежников Франко, генерала в качестве поверенного в делах. Франко в течение трех недель безуспешно штурмует Мадрид. Он объявил блокаду Барселоны; Англия и Франция, чьи суда находятся в испанских портах, заявили протест, правда, не в открытой форме. Сегодня приходил наш консул в Бремене, который пробыл в Мадриде несколько лет, и передал сообщения своих друзей из Испании, что теперь Франко настолько непопулярен, что в нескольких занятых им городах вспыхнули восстания, и он слишком слаб, чтобы

удержать их. Это подтверждается и другими полученными мною сообщениями. В них говорится о возмущении в Испании тем, что марокканские части переброшены в страну на помощь мятежникам. Пошатнувшееся положение Франко, по-видимому, и явилось причиной признания его Германией и Италией, о чем было объявлено несколько дней назад, и посылки в помощь Франко немецкого генерала Фаупеля.

Вчера вечером в посольстве была получена телеграмма из Мадрида, подписанная Венделином, нашим тамошним поверенным в делах. Ссылаясь на известного немецкого предпринимателя в Мадриде, он сообщил, что немцам не разрешают поддерживать связь с Германией ни по телефону, ни по телеграфу и что над ними нависла большая угроза; они могут быть убиты сторонниками испанского правительства. Венделин просил меня передать его телеграмму германскому министерству иностранных дел, что я и сделал примерно в восемь часов. Затем мы телеграммой известили об этом Мадрид, но у нас не было заверений в оказании помощи немцам в Испании. Конечно, Германия ничего не может предпринять, поскольку она признала Франко правителем Испании.

Эти сообщения из Мадрида вызывают большую тревогу. Они выглядят как новый германо-итальянский шаг в сторону войны. Несколько позже по радио было сообщено, что Англия направила самолетом комиссию в Испанию, чтобы выяснить обстановку. Вчера поступило известие, что Франция пропустила батальон добровольцев, направлявшийся на помощь испанскому правительству. Сообщается также, что Муссолини предоставил в распоряжение Франко военные корабли под флагом испанских мятежников для блокады портов. Как долго может это еще продолжаться без открытого конфликта? Не застанет ли меня здесь еще одна европейская война? Мне трудно представлять наше правительство сейчас, когда такое безумие обуяло правительства европейских стран.

Сегодня мы завтракали в семье богатых американских немцев. Глава этой семьи сказал мне:

— Я потерял свой внешний рынок, но я очень занят поставками для немецкой армии. Когда вооружение бу-

дет завершено, мне придется закрыть завод и уволить рабочих.

Я заметил:

— Это должно быть очень неприятно.

— Да, — ответил он, — но наша система не дает иных возможностей.

Он не стал продолжать разговора на эту тему, но я убежден, что в действительности он не осуждает экономический национализм, целью которого является война.

Среда, 25 ноября. Сегодня утром я был приглашен в министерство иностранных дел. Я взял с собой Мейера в качестве свидетеля. Мы вошли в кабинет Нейрата в час дня, и я заметил с сарказмом:

— Я рад, что у вас нашлось время принять меня (имея в виду, что он и Шерман заставили меня ждать приема месяца два назад).

Министр явно понял мой намек. Мы еще не успели сесть, как Нейрат вручил мне копию договора между Германией и Японией⁴. Этот договор я предвидел и предсказывал еще два года назад. Я прочитал одну-две статьи и сказал:

— Надеюсь, что договор имеет целью предотвратить войну?

— Да, — ответил Нейрат, — в этом его суть, но он направлен против русского Коминтерна.

— Вы пытаетесь положить конец пропаганде? — спросил я.

Последовал утвердительный ответ. Неоднократно Нейрат и Шахт говорили мне, что они очень не любят пропаганду. Конечно, они не любят любую пропаганду, кроме своей.

Через пять минут мы попрощались с Нейратом и, выходя из его кабинета, встретили в дверях других послов. Весь мир будет оповещен сегодня через печать о заключении соглашения между Германией, Италией и Японией («Антикоминтерновский пакт»), цель которого — положить конец коммунистической деятельности за пределами России и еще раз напугать Англию и Францию. Но я думаю, что этот договор в своих секретных статьях содержит также соглашение о военном союзе этих держав против любой страны, которая не признает

за ними права аннексировать другие территории и страны, особенно обещание напасть на Россию, если между Россией и Японией начнется война на Дальнем Востоке.

Пятница, 27 ноября. Немецкая печать призывает народ ликовать по поводу заключения договора, опубликованного вчера. Удивительно, что договор подписал не Нейрат, министр иностранных дел, и не Гитлер, а Риббентроп, который специально для этой цели приехал сюда из Лондона, где он является послом и, кстати сказать, не пользуется большой любовью. Я подозреваю, что Нейрат не захотел подписать этот договор, Риббентроп же готовил его задолго до своей поездки в Лондон. Таким путем Гитлер создает популярность Риббентропу, которого здесь не очень уважают.

Итальянская печать сообщает сегодня, что Италия намерена присоединиться к германо-японскому пакту против коммунизма. Английская и французская печать нападают на этот так называемый культурный пакт между великими интеллектуальными народами. После многолетнего поношения всех рас, кроме арийской, немцы теперь признают желтую расу Дальнего Востока равной себе. Что бы сказал старый кайзер, находящийся теперь в Доорне, если бы он имел возможность высказаться? Сколько лет он предупреждал все западные страны не иметь ничего общего с желтой или черной расами, хотя сам он к началу мировой войны был в союзе с Турцией.

Воскресенье, 29 ноября. Зигрид Шульц, корреспондентка чикагской «Трибюн», рассказала, что вчера она беседовала с немецкими журналистами; они обозлены на Рузвельта за его речь в Рио-де-Жанейро, в которой он так откровенно говорил о демократии и мире. Я читал его обращение в нашем радиобюллетене. В нем не содержалось нападок на диктаторские режимы, но было очень ясно сказано о методах, свойственных этим державам. Он дал понять, что все демократические народы должны объединиться против агрессоров, захватывающих территории других стран. Вот это и привело в раздражение немецких журналистов. Ни одна газета ни вчера, ни сегодня не упомянула о выступлении президента.

Пятница, 4 декабря. Сегодня я получил отчет об учинительской конференции, происходившей под Франкфуртом. Вот выдержка из выступления представителя правительства: «Для германского народа приемлема лишь одна религия, а именно религия «Немецких христиан». Пора нам позаботиться о том, чтобы еврейский ублюдок из Дома Давида не был бы навязан немецкому народу в качестве бога. Учитель, который по-прежнему рассказывает ученикам о жизни в небесах, не годен для воспитания немецкой молодежи».

Эта цитата показывает, куда направлены нацистские религиозные предрассудки. Это еще одно повторение речей фон Шираха и практически имеет тот же смысл, что и известная книга Розенберга «Миф двадцатого века», распроданная в Германии в количестве 500 тысяч экземпляров. Розенберг с его странной аргументацией ближе к Гитлеру, чем когда-либо.

Суббота, 5 декабря. Я нанес визит Дикгофу в министерстве иностранных дел. Я сказал ему, что иностранные корреспонденты, а также многие немцы охвачены страхом перед войной. Вначале Дикгоф пытался заверить меня, что в действительности никакого подобного страха в Германии не существует. Я не мог согласиться с этим. Улучив момент, я задал ему вопрос, правильны ли сообщения английских газет о том, что в Кадиксе высадились пять тысяч немецких солдат, чтобы помочь фашисту Франко занять Мадрид. Он признал этот факт, но сказал, что это были добровольцы, которые хотели помочь разгромить русских коммунистов, борющихся на стороне испанского правительства. Он признал также, что итальянцы делают даже больше этого и что, если эта борьба будет продолжаться, всеобщая война в Европе вполне возможна. Мне думается, что будущей весной настанет критический момент.

На мой вопрос, хочет ли Германия видеть, как Муссолини повторяет деяния Цезаря в Испании и Франции, Дикгоф показал свою неприязнь к Муссолини, сказав, что несколько недель назад Чиано настаивал на признании Франко, и Гитлер дал согласие. Я спросил, действительно ли Германия удовлетворена этим. Он не сказал «нет», но тут же напомнил мне о том, что в августе этого года Германия предлагала не допускать добровольцев

какой бы то ни было национальности в Испанию для участия в войне на любой стороне⁵. Если бы это предложение было принято всеми странами, представленными в лондонской комиссии по невмешательству, войска и самолеты не были бы направлены в Испанию. Я был убежден, что ни Италия, ни Германия не стали бы соблюдать такой договор. Он сказал, что Россия нарушила бы его. Я ответил, что Россия держалась бы в стороне, если бы другие ясно и твердо заявили, что они поступят так же. Однако, сказал я, фашистская пропаганда ведется в Испании уже давно. Он не стал отрицать этого.

Затем Дикгоф сказал мне, что утром французский и английский послы посетили Нейрата и заявили, что Франция и Англия повторили свое требование, предъявленное ими Германии и Италии после конференции в Лондоне в прошлую пятницу о том, чтобы эти страны прекратили посылку войск в Испанию, если Россия и Франция сделают то же самое. На мой вопрос, согласится ли Германия с этим требованием, он ответил, что министерство иностранных дел приняло это предложение, но он не знает, как поступит Гитлер.

Я заметил:

— Вам известно, что Муссолини захватил принадлежавшие Испании острова в Средиземном море и что он намерен установить контроль над Испанией. Он не согласится на англо-французские требования. Поддержит ли Германия в этом Италию?

Дикгоф ничего не ответил, но меня преследует мысль, что гитлеровская интервенция в Испании несколько тревожит работников министерства иностранных дел.

Затем я спросил Дикгофа, что скажет Германия, если панамериканская конференция, происходящая сейчас в Буэнос-Айресе, примет обращение о созыве международной конференции о мире. Он выразил свое одобрение и даже высказал предположение, что Гитлер может дать согласие, если президент Рузвельт созывает такую конференцию. Берлинская пресса заняла враждебную позицию по отношению к конференции в Буэнос-Айресе. Особенным нападкам подверглись речи Рузвельта в Буэнос-Айресе и в Рио-де-Жанейро, в которых он предостерегал от пагубных последствий, к которым могут привести не-

разумные действия диктатур, присвоивших себе право покорять другие страны. Поскольку мне неоднократно приходилось слышать высказывания Дикгофа о том, что Германия должна контролировать всю дунайскую зону, я думаю, что мирные выступления Рузвельта должны были обеспокоить его в какой-то мере. Но он утверждал, что призывы Рузвельта к миру, если они выльются в созыв международной конференции о мире, представляют интерес для Германии и Гитлер, быть может, согласится сотрудничать с ним. Мне представлялось, что Гитлер станет прислушиваться к голосу разума лишь в том случае, если все демократические страны, включая Россию, объединятся против него, а также если и Япония даст согласие. Боюсь, что это неосуществимо, и, таким образом, Соединенные Штаты, Англия, и Франция будут единственной надеждой на спасение мира от новой войны. Но даже это принесет успех лишь в случае финансового банкротства Германии и Италии, в случае возникновения там серьезных затруднений с продовольствием.

Среда, 9 декабря. Вчера один сотрудник министерства иностранных дел в беседе с советником Мейером высказал значительно большее беспокойство по поводу войны, чем это сделал Дикгоф во время моей встречи с ним 5 декабря. Однако он сообщил ему доверительно, что Германия согласилась с требованием Франции и Англии (по-моему, намеренно). Германия не будет посылать войска и авиацию в Испанию, если Россия и Франция поступят таким же образом. Он ничего не сказал о помощи, которую Италия оказывает Франко. Я сомневаюсь в том, согласится ли когда-либо Муссолини на требования лондонской комиссии по невмешательству. Затем немецкий дипломат сказал:

— Германия не позволит испанскому народу решать свою судьбу.

Таков взгляд Гитлера и Муссолини на диктатуру. Они хотят господствовать в Испании.

У меня имеются официальные сообщения из различных частей Германии по вопросу общего образования. Учителя по всей Германии, за исключением одной или двух католических провинций, должны ежегодно несколько недель проводить в лагерях, где партийные

руководители инструктируют их. Немецкие школьники раз или два в неделю на протяжении всего учебного года должны встречаться с политическими лидерами, от которых они узнают о великом и священном призвании Германии и учатся подражать и следовать фюреру. Молодежь повсюду должна приветствовать Гитлера, проявлять чувство восторга к германской империи и готовность умереть за нее в любой момент.

Мальчики от десяти до четырнадцати лет вступают в организацию «Дейче Юнгфольк». Они носят на бедре небольшие ножи. Девочки этого же возраста вступают в организацию «Юнгмедель» и даже маршируют в военном строю. Согласно уставу они носят форму. Мальчики в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет образуют «Гитлерюгенд» и носят кинжалы, которые готовы поразить врага. Они проходят муштру, маршируют по улицам и по призыву вступают в армию в возрасте семнадцати или восемнадцати лет. Девочек в этом возрасте называют «Бунд дейчер медель»; им рекомендуется рано выходить замуж, иметь много детей и не задавать вопросов.

Всей этой молодежи преподают «героическую историю Германии в правильном освещении». Никому не разрешено говорить о тех критических периодах, когда руководители совершали ошибки. Все преподаватели средней школы и университетов моложе пятидесяти лет должны четыре недели в году находиться в трудовых лагерях для изучения политических, расовых и религиозных теорий в интерпретации истинных пророков вроде доктора Альфреда Розенберга. Иногда семейных людей освобождают от этой повинности; случается, что профессора фактически отказываются подчиниться. Их на время оставляют в покое, давая возможность поразмыслить над своими проступками. Если они и дальше не подчиняются, их постепенно переводят на худшую работу или увольняют. Во всех университетах, о которых мы имеем сведения, происходят большие изменения в преподавании истории, философии, социальных и политических наук. Лейпциг, пожалуй, претерпел наибольшую реорганизацию в соответствии с целями нацистов.

Из сообщений видно, что кое-где эти меры встречают сопротивление. Но оно, по-видимому, безуспешно. Один берлинский профессор недавно был переведен в Иену

за то, что не хотел подчиниться. Как ни странно, его студенты требуют, чтобы их перевели вслед за ним. Такова картина интеллектуальной жизни Германии.

Воскресенье, 13 декабря. По всей Германии идет строительство разветвленной системы автострад, способных в кратчайший срок пропустить немецкие войска к ее границам. Руководил этим дорогостоящим строительством доктор Тодт, мой хороший знакомый и, мне кажется, незакоренелый нацист.

На этих крупных автострадах пересечения не допускаются. Тодт говорит, что легковые и грузовые машины могут передвигаться с такой скоростью, какую допускают покрышки, быть может 100 миль в час. Все дороги берут начало в Берлине и тянутся прямо к границам. Одну я видел в Восточной Пруссии, другую — в Ганновере, ведущую к границе Голландии. Они не пересекают крупные города, но проходят достаточно близко, чтобы воинские части могли достигнуть их в течение нескольких минут.

Вчера я прочел вырезку статьи, помещенной на первой полосе одной вашингтонской газеты. Статья содержала резкие выпады против меня. Вся моя работа здесь называлась в статье сплошной неудачей, и утверждалось, что президент придерживается той же точки зрения. Это ново для меня. Человек, написавший статью о положении на дипломатической службе, утверждает далее, что информацию он получил в государственном департаменте. Его имя Дрю Пирсон. Я никогда не встречал его в Вашингтоне.

В статье говорится, что президент и государственный департамент намерены направить в качестве посла в Германию Буллита, считая, что ему легче будет иметь дело с нацистами, поскольку он сочувствует их политике. У Буллита интересная история. Он ездил в Россию в качестве представителя Вильсона в 1919 году. Вернувшись в Париж во время мирной конференции, он внес некоторые рекомендации. Вильсон не смог добиться рассмотрения его рекомендаций по русскому вопросу главным образом из-за того, что англичане не дали на это согласия Ллойд Джорджу. Клемансо не хотел и слышать о приезде русской делегации в Париж. Это привело Буллита к выводу, что Вильсон отказался рас-

смотреть его предложения, и в августе или сентябре 1919 года он выступил в сенатской комиссии по иностранным делам с небывало резкой в истории Соединенных Штатов критикой в адрес Вильсона.

В начале 1934 года он был направлен послом в Россию. Предполагалось, что коммунисты согласятся уплатить некоторые послевоенные долги и затем прекратят свою пропаганду в Соединенных Штатах. Буллит взял с собой большой штат сотрудников и много консулов, хотя практическую работу можно было развернуть лишь после заключения торговых договоров. Он потратил также огромные средства на строительство особняка и служебных помещений посольства, как говорят около 1 миллиона долларов, сумма не очень большая, если ее осмотрительно расходовать. Не достигнув к концу первого года своего пребывания существенных результатов, он обозлился. Проезжая через Берлин весной или летом 1935 года, он заявил мне, что Япония вторгнется в Россию с востока в течение шести месяцев, и он полагал, что Япония захватит всю дальневосточную оконечность России.

На завтраке у французского посла он вновь подтвердил свое враждебное отношение к России и пространно говорил о необходимости провалить переговоры о заключении франко-советского договора о мире, происшедшие в то время, хотя, как мне лично говорил английский посол, это была лучшая возможность обеспечить мир в Европе. Эти высказывания Буллита казались мне выходящими за рамки его компетенции, поскольку во Франции и в Англии могли подумать, что он говорит от имени президента. Я считал своим долгом сообщить в Вашингтон то, что мне сказал французский посол. Примерно в то время, когда новый итальянский посол приехал сюда прямо из Москвы, или несколько позже нам сказали, что Буллит стал приверженцем фашизма еще до его отъезда из Москвы. Представляю себе, как он был разочарован, убедившись, что русские не выполняют своих обещаний, данных в Вашингтоне в 1934 году, но мне не понятно, как может умный американец стать фашистом. Или все это не так?

В сентябре этого года Буллит был назначен послом в Париж. Начал он хорошо. Но говорят, что он на сто-

роне реакции. Одна вашингтонская газета пишет, что он полностью разделяет нацистские идеи. Этому просто трудно поверить. Но вчера у меня был Марсель Кнехт, редактор и владелец парижской газеты «Ле матэн», и сказал, что Буллит, добиваясь заключения франко-германского союза, просил его повидать меня и убедить, чтобы я посоветовал Рузвельту принять в этом участие. Кнехт произвел на меня впечатление способного, но очень консервативно настроенного человека; возможно, это французский фашист.

Вскоре после ухода Кнехта пришла телеграмма от Буллита, в которой он настаивал на моей встрече и беседе с Кнехтом. Означает ли это вмешательство со стороны Соединенных Штатов или Буллит, как и в 1935 году, действует, не имея официальных указаний? Теперь встает вопрос, не соответствует ли истине сообщение в газете? Мое положение трудное, но в условиях такой критики я не могу подать в отставку весной, как я это предполагал сделать. Отказ от моей работы здесь при подобных обстоятельствах поставил бы меня в оборонительное и определенно ложное положение в Соединенных Штатах.

Среда, 16 декабря. Полученная нами официальная и иная информация о том, что Германия готова прекратить посылку войск в Испанию, конечно, не соответствует действительности. Где бы ни встретились немецкий дипломат и итальянский посол, между ними происходит серьезный секретный разговор. Это особенно бросилось в глаза сегодня в аргентинской миссии. Теперь, когда я встречаю итальянца, он в разговоре со мной лаконичен и проявляет определенную враждебность к Соединенным Штатам. До конференции в Буэнос-Айресе он неоднократно пытался вызвать меня на разговор и прикидывался другом. Теперь, когда Аргентина готова провалить под давлением Англии предложенный Рузвельтом генеральный мирный план для Америки, он вновь принял позу безразличия. Хотя германские должностные лица занимают более дружественную позицию, я вижу свидетельства того, что Германия и Италия решили провалить английское предложение о том, чтобы все страны воздержались от посылки своих солдат в Испанию.

Пятница, 18 декабря. Мы были на завтраке у Шахта. Присутствовал германский посол в Вашингтоне Лютер. Шахт отвел меня в сторону и рассказал о безумной немецкой идее вооружить всех до последнего человека. Но в обществе он продолжает утверждать, что колонии абсолютно необходимы Германии, даже если для этого потребуется война. Ничего значительного больше не было сказано; Лютер вообще ничего не говорил, хотя мне сказали, что он почти осуждал Рузвельта за его речи в Бразилии и Аргентине. Он в резком тоне говорил об ограничении Соединенными Штатами кредитов для Германии. Не могу понять, как он может жаловаться, когда Германия в течение стольких лет отказывается платить долги американским банкирам и займодержателям. Однако Лютер не сказал мне ничего недружественного. Он должен вернуться в Вашингтон к церемонии вторичного вступления Рузвельта в должность президента, которая состоится 20 января.

Пятница, 25 декабря. Положение в Германии по-прежнему критическое. Продажа продовольствия регулируется как во время мировой войны, и населению ежедневно внушают, что пушки важнее масла. Считают, что немцы так напуганы, что их можно принудить к любым жертвам ради вооружений. Даже я, дипломат, должен подписать документ, чтобы получить мясо у местного бакалейщика. Магазинам разрешено продавать товары только тем, кто включен в список, да и то в ограниченном количестве — ежедневно или раз в неделю. Хотя большую часть продуктов для наших нужд мы ввозим через Гамбург, у нас нет полной уверенности в том, что снабжение будет бесперебойным; поэтому мы вынуждены регистрироваться, как и местные жители.

Трудно сказать, что думает обо всем этом немецкий народ, но мы постоянно видим признаки нетерпения и даже возмущения. Беда Гитлера состоит в том, что он до сих пор не привел свою огромную армию в такое состояние, которое гарантировало бы ему успех, если он решит привести в исполнение те планы, на осуществление которых военщина толкнула кайзера в 1914—1918 годах.

В октябре Гитлер и Муссолини договорились признать франкистских фашистов в качестве правительства

Испании. И тот и другой с начала августа шлют Франко войска, военные самолеты, оружие, хотя оба примерно в то же время подписали предложенное англичанами соглашение о нейтралитете, по которому обязались не посылать в Испанию ни людей, ни оружия. Но, как я уже отмечал, в начале октября они признали Франко, думая, что судьба Мадрида уже решена. Гитлер послал генерала Фаупеля, бывшего в течение нескольких лет военным коммивояжером в Южной Америке, в качестве своего представителя при Франко. Ему было поручено руководить военными действиями фашистских и нацистских войск. От немецкого народа скрыли, что 20 тысяч солдат и технического персонала посланы в Испанию.

Но на этой неделе Фаупель возвращается в Берлин доложить фюреру, что Франко требуется 60 тысяч немецких солдат для свержения испанского правительства. В сообщениях английских газет говорится, что Италия не посылает войска в соответствии с обещаниями и что Англия и Италия находят общий язык. Означает ли это, что Германия одна покорит Испанию? Если так, то Франция попадает в опасное положение. Перед лицом этой опасности Франция ставит Англию в известность о своем намерении послать 100 тысяч солдат в Испанию, чтобы разгромить немцев.

В этом заключается современная опасность 1936 года. Как поступит Гитлер? Если он потерпит поражение в Испании, его престиж страшно упадет. Из наших сообщений видно, далее, что некоторая часть немецких войск, получив приказ штурмовать Мадрид, перешла на сторону правительства. Финансовое положение Гитлера, по-видимому, не под стать его планам. Нехватка продовольствия тревожит его народ. Всякий подрыв престижа согласно его бахвальству противоречит воле божьей. Теперь он должен решить, как поступить. Если он выведет войска из Испании, об этом узнает весь мир, но его собственный народ узнает лишь то, что он признал Франко. Это даст ему передышку на один год, чтобы нанести очередной удар. Куда он будет направлен? Я буду ждать и наблюдать до тех пор, пока не придет время уйти в отставку.

XI

29 декабря 1936 г.—4 июня 1937 г.

Вторник, 29 декабря. Сегодня вечером я разговаривал с Шахтом. Он отпустил шутку по поводу сообщения о поставках Соединенными Штатами испанскому правительству крупных бомбардировщиков типа «Дуглас». Я получил информацию о том, что партия этих самолетов на сумму 2 770 тысяч долларов находится в пути и что государственный департамент заявил, что это не должно рассматриваться как нарушение акта о нейтралитете. Когда я напомнил Шахту, что осенью 1935 года те же американские авиационные заводы в нарушение приказа президента продали сто бомбардировщиков Германии для переправки в Италию, он умолк. По его тону было ясно, что он знает об этой сделке. Он попытался оправдаться:

— Это было сделано для того, — сказал он, — чтобы помочь Италии расширить ее колониальные владения.

Затем я спросил Шахта, как обстоит дело с германским ответом на франко-английское предложение заключить соглашение, запрещающее посылать оружие и войска в Испанию. Он сказал:

— Германия не шлет туда войск, и фюрер вскоре даст положительный ответ. Он больше, чем кто-либо, хочет мира. Единственное препятствие к подлинному урегулированию состоит в том, что Англия по-прежнему против возврата наших колоний. Франция готова в любой момент вернуть наши колонии. Меня заверили в этом в августе во время моего пребывания в Париже в качестве представителя фюрера. Почему же Англия

отказывается? Мы не заключим соглашения об отказе от вооружения до тех пор, пока не получим своих колоний.

Из дальнейших высказываний Шахта я понял, что Германия теперь уже не удовлетворится возвратом ей ее довоенных колоний. Уже в третий раз Шахт заявил:

— Новая Гвинея должна быть передана нам.

Я обратил его внимание на то, что часть этого большого острова принадлежит Голландии. Он ответил:

— Голландия согласится передать нам свою часть. Почему же Англия не соглашается?

Я сказал ему, что, по словам мистера Джи, посланника Южно-Африканского Союза, передача Англией колоний создала бы большие затруднения, поскольку население колоний крайне отрицательно относится к такой передаче. Шахт признал, что он также разговаривал с Джи, но утверждал, что Джи неправ. Меня интересует, что означают слова Шахта, будто Голландия не станет возражать против захвата Германией Новой Гвинеи. Голландский посланник, находящийся сейчас в пути на Дальний Восток, неоднократно подчеркивал свое резко отрицательное отношение к подобным планам.

Затем я спросил Шахта, что он думает относительно призыва к миру, содержащегося в речи государственного секретаря Хэлла в Буэнос-Айресе и не считает ли он, что Германия примет участие в новой всемирной конференции мира. Он ответил:

— Я убежден, что всеобщий мир является основным условием действительного процветания и что Гитлер согласится на такой мир, но для этого Германия должна сперва получить свои колонии.

Тут я вспомнил, что Гитлер запретил трансляцию в Германии рождественского мирного воззвания папы. Однако я попросил Шахта, в случае если фюрер одобрит предложение Хэлла, известить меня, чтобы я мог послать телеграмму Хэллу в Вашингтон к моменту его прибытия туда. Шахт обещал спросить об этом Гитлера при первой же встрече с ним. Я сомневаюсь в том, что получу какой-либо ответ, так как убежден, что Гитлер отвергнет предложение Хэлла как только найдет время ознакомиться с ним. Я угадал, что просьба прощупать позицию германского правительства исходила от самого

президента, ибо это представляло собой вопрос совершенной секретности.

Вторник, 5 января 1937 г. По сообщению отдельных лиц, получающих информацию из-за рубежа, общественное мнение, несомненно, встревожено. Англо-французское требование о том, чтобы Германия, Италия и Россия прекратили посылку оружия и «добровольцев» в Испанию, осталось без ответа и тогда, когда Гитлер вернулся в Берлин на похороны генерала фон Секта. Генерал Бломберг и другие высшие чины германской армии сопровождали Гитлера на похоронах. Говорят, что генералы выдвинули серьезные возражения против дальнейшей посылки войск в Испанию. Говорят также, что Гитлер не посчитается с этими возражениями.

В последние дни декабря через Италию было послано в Испанию 150 офицеров военно-воздушных сил и 2000 солдат из штурмовых отрядов и эсесовских частей. Это известие я получил конфиденциально из Мюнхена. Вчера лондонское радио сообщило, что Италия послала 4000 солдат в Лиссабон, откуда они направятся в распоряжение Франко на мадридский фронт. Германия, по-видимому, направила еще 2000 солдат из района Штеттина. Естественно, ни слова об этом нет в немецких газетах.

Сделка о продаже американских самолетов, которую государственный департамент не смог предотвратить по закону 1935 года о нейтралитете, предусматривала поставки на общую сумму в 2700 тысяч долларов. Поскольку поставки самолетов производились частной фирмой, которая направила их одной из сторон в гражданской войне, нельзя было предпринять что-либо. Но Германия громко протестовала до тех пор, пока немецким лидерам не стало известно, что конгресс, сессия которого должна вот-вот открыться в Вашингтоне, намерен запретить эти поставки. Тогда пресса начала ликовать, отмечая, что американский нейтралитет означает германо-итальянское господство в Испании. Это, по-видимому, так и будет, если только Франция не пошлет десятки тысяч солдат и сотни самолетов в Мадрид. Допустим, что Франция это сделала. Развяжет ли в этом случае Германия войну против Франции? А если да,

то что будет делать Италия? 11 января Гитлер примет весь дипломатический корпус, и, надо полагать, нам придется услышать много нелестных слов по адресу всех демократических стран.

Понедельник, 11 января. Без четверти двенадцать я был в Рейхспаласте, бывшей резиденции Гинденбурга. Все дипломаты были уже там. Француз, сильно озабоченный положением своей страны, говорил без умолку. Он был очень обеспокоен. Мы беседовали в течение пятнадцати минут, ожидая прихода Гитлера. Итальянец, казалось, был наименее желанным собеседником. Он сторонился меня, как и в августе, когда я вернулся из отпуска, и я отвечал ему тем же. Сэр Эрик Фиппс был сдержан, как всегда, но на этот раз я обнаружил в нем больше симпатий к фашистской клике в Испании, чем прежде. Теперь я убежден, что он почти фашист, как и Болдуин и Иден. Русский посол был спокоен и невозмутим, невзирая на то что его страну поносят здесь каждодневно, начиная с сентября. Ничего существенного не было сказано, хотя я донимал англичанина упреками в крайнем макиавеллизме нашего времени за их договор. Он улыбался, но отмалчивался.

В полдень фюрер вошел в большой зал, где дипломаты, которых было сорок или больше человек, стояли вдоль стен. Поскольку объявлено, что папский нунций болен, во главе шеренги стоял француз. Следующим был я. За нами стояли англичанин, турок и русский в соответствии с продолжительностью пребывания здесь каждого из нас. Вид у фюрера при его появлении был несколько смущенный, лицо — красное. Француз выступил вперед, чтобы зачитать приветствие, составленное папским нунцием, и Гитлер повернулся к нему. Никаких серьезных высказываний, ни явных, ни завуалированных, мы не услышали. Когда чтение приветствия закончилось, фюрер зачитал свой ответ, в котором тоже ничего не было сказано, что довольно странно, учитывая сложность международной обстановки. Я ждал намеков в адрес англичан и французов. Ни слова. Первая речь была составлена и зачитана по-французски; Гитлер ответил на немецком языке. Я мало что понял из первого заявления, но схватил всю суть второго, несмотря на сложность гитлеровской речи.

После обмена приветственными речами Гитлер пожал руку французу, и они стали тихо беседовать по-немецки так, чтобы другие не могли их услышать. Гитлер говорил несколько громче. Я полагаю, что француз жаловался на нападки на Францию, содержащиеся во всех сегодняшних немецких газетах, поскольку Гитлер несколько критически отозвался о французской прессе.

Затем он обратился ко мне, стараясь казаться очень искренним. Я заговорил о неудовлетворительном состоянии торговых отношений между нашими странами. Он ушел от этой темы и высказал удовлетворение по поводу крупной победы Рузвельта на президентских выборах и его конструктивных мероприятий. Я согласился и сказал:

— Я рад, что вы читаете послания президента.

Он ответил, что всегда читает их, но я сомневаюсь в этом. Затем я сказал:

— Недавно я прочел весьма талантливую статью доктора Шахта в журнале «Форин афферс»; в основном я согласен со всеми его высказываниями.

Было сказано еще несколько слов, и беседа закончилась; Гитлер подошел к представителю Англии. Я ничего не понял, о чем они говорили. Гитлер обошел всех и даже сердечно поговорил с русским послом. После фюрера прошел Нейрат, приветствуя гостей и перебрасываясь на ходу несколькими фразами.

Среда, 27 января. Сегодня я получил информацию от американского посла в Москве Дэвиса. Он сообщает, что заверил президента в том, что Шахт стал еще более ревностным сторонником всеобщего мира, чем это было в декабре, когда я беседовал с ним. В своем отчете президенту я проявил скептицизм, помня нападки Шахта на Рузвельта и Хэлла во время нашей встречи в августе.

Дэвис имел важную беседу с Шахтом 16 января перед самым отъездом из Берлина. Шахт покорила его. Сущность беседы сводилась к тому, что Шахт убедил Дэвиса в том, что президент Рузвельт созывает конференцию о мире в Вашингтоне. Шахт предложил, чтобы предварительно была достигнута договоренность о повестке дня такого международного собрания, о главных проблемах и путях их разрешения. Дэвис несколько сомневался в готовности Рузвельта проявить инициативу.

Шахт сказал, что он уполномочен своим правительством предложить Франции и Англии конкретные условия, основанные на следующих положениях: стабилизация современных границ европейских государств; установление вечного мира в Европе; прекращение гонки вооружений; отмена санкций и создание взамен их некоего механизма, который давал бы возможность членам этого предполагаемого союза проводить в жизнь свои решения; замена Лиги наций каким-либо действенным договором между государствами.

Однако до обсуждения и заключения подобного соглашения Германия должна получить обратно свои колонии, доступ к рынкам сырья и районам, открытым для заселения и иммиграции. Шахт, исходя из своих бесед с французским премьером Леоном Блюмом, был уверен, что Франция по крайней мере в принципе поддержит немецкие предложения. В то же время Шахт сообщил, что французский премьер получил резкую отповедь, когда обратился по этому вопросу к английскому министру иностранных дел.

Помимо Шахта, Дэвис беседовал с рядом своих старых друзей из германского министерства иностранных дел. На него произвело впечатление их единодушное мнение о том, что гражданская война в Испании не является более угрозой всеобщему миру. Кроме того, у него сложилось убеждение, что Гитлер намерен отозвать своих «добровольцев» и технических экспертов из Испании. Дэвис и его друзья пришли к общему мнению, что внутренние дела Испании должны решаться самими испанцами, без давления извне. Я слышал так много подобных заверений от представителей германского министерства иностранных дел, что несколько сомневаюсь в их искренности.

Примерно 25 января я получил сообщение от Хэлла, из которого явствует, что Ильгнер — представитель концерна «И. Г. Фарбен», являющийся президентом Фонда Карла Шурца, пропагандистской организации в США, развил в Латинской Америке активную деятельность, направленную против буэнос-айресской конференции, и особенно против предлагаемых Хэллом торговых соглашений. Насколько мне помнится, Ильгнер заявил в Чили, что он действует там от имени Шахта. Все это заставляет меня думать, что Дэвис попался на приманку

в виде нацистских предложений о торговле и кредитах. Во всяком случае, я решил сообщить в Вашингтон свою интерпретацию позиции Шахта. Он в некотором отношении либерал, но у него нет того веса в международных делах, какой ему приписывает Дэвис.

Недавние сообщения, полученные мной, говорят о том, что американские банки рассматривают вопрос о предоставлении крупных займов и ссуд Италии и Германии. Их военные машины уже теперь столь велики, что угрожают миру во всем мире. Мне трудно поверить, но говорят, что Буллит поощряет эти планы.

Пятница, 29 января. Я получил телеграмму от нью-йоркской компании «Кэмикл нэшнл бэнк энд траст», в которой сообщается, что некий Арнольд Бернштейн, гамбургский еврей, президент пароходной компании «Ред стар», и четыре его помощника заключены в тюрьму. В телеграмме говорилось, что упомянутый банк ссудил компании «Ред стар» миллион долларов, а железнодорожная компания «Эри» — четыре миллиона долларов. Если Бернштейн и его коллеги будут задержаны на длительное время, нью-йоркские кредиторы захватят пароходы «Ред стар», на которые у них имеется закладная. Банковские операции не могут быть приостановлены. Я передал этот вопрос генеральному консулу Дженкинсу, поручив ему связаться с нашим консулом в Гамбурге и узнать через него все, что только возможно. Нашему правительству не следует вмешиваться в это дело, так как все заключенные лица — немцы и компания «Ред стар» — немецкая компания, корабли которой плавают под флагом со свастикой. Тем не менее арест приостановил деятельность крупных американских предприятий и даже привел к массовым увольнениям.

Суббота, 30 января. Сегодня фюрер в течение двух с половиной часов говорил перед собранием, которое он именует рейхстагом. Я решил не присутствовать, так как вот уже месяц меня мучает прострел, однако я просил двух наших дипломатов быть там и доложить мне обо всем, что будет сказано. Но я пошел на чай, устроенный кронпринцем; с 1934 года он очень редко приглашает дипломатов в свой дом. Вечер был довольно интересный. Было много дипломатов, немецких предпринимателей и

специалистов. Я беседовал в течение нескольких минут с несчастным кронпринцем, а также с его умным сыном Луи Фердинандом. Их, по-видимому, очень радовала мысль, что американцы настроены дружелюбно к свергнутым Гогенцоллернам. Ходят упорные слухи о том, что через год-два должен произойти переворот, который восстановит престарелого кайзера на императорском троне. Несколько дней назад я слышал, что движение развивается слишком стремительно и это может привести к провалу гогенцоллерновских планов. Во всяком случае, на этом большом вечере в Потсдаме ко мне было проявлено дружелюбие. Взоры всех европейцев с тревогой обращены на Берлин: не будет ли здесь произнесено слово, означающее войну? Но фюрер, по сообщению наших сотрудников, слышавших его речь, был настроен более миролюбиво, чем когда-либо с 1933 года. Он сказал, что Германия добилась равенства с другими нациями, ее народ вновь удовлетворен и сейчас она ждет лишь возвращения ей колоний. Ему известно, что другие страны пойдут на это при условии, что Германия согласится ограничить вооружения и вернется в Лигу наций. В этой связи он заявил, что никто не имеет права указывать Германии, сколько солдат или бомбардировщиков она должна иметь. А это значит, по моему мнению, что никакого соглашения о колониях быть не может.

Вторник, 2 февраля. Мы были на камерном концерте и на обеде, которые кронпринц устроил в отеле «Эспланада». На концерте присутствовало около 1500 человек, а на обеде — 200. Я сидел за его столом, моя жена — за столом его супруги. Кронпринц рассказал мне о пяти годах изгнания, которые он провел на одном острове в Северном море. Я не знал, что он пробыл там так долго. Он говорил об истории Германии, проявив больше осведомленности, чем можно ожидать от бывшего члена императорской семьи. Он согласился со мной в том, что научный уровень исторической литературы в будущее десятилетие почти неизбежно понизится. Кронпринц не сказал, что причина этого — вмешательство партии, но он не оставил по этому поводу места для сомнений.

Казалось несколько забавным видеть фрау Шахта низко склоняющейся перед кронпринцем, когда он подо-

шел приветствовать ее, особенно если учесть, что на ее шее отчетливо красовался небольшой нацистский крест. Те же придворные манеры проявили некоторые другие представители правительства и их жены. Шахта не было. Нам не удалось уехать до полуночи. Я заметил французского посла и представителей многих других стран мира. Русский, поляк и турок отсутствовали.

Среда, 3 февраля. Мы были на обеде, впервые данном фюрером в честь всего дипломатического корпуса. Присутствовали многие члены кабинета: Геринг, Шахт, Геббельс и другие. Прием происходил в новом особняке фюрера, законченном всего несколько недель назад; ничего равного по убранству и отделке мне еще не приходилось видеть. Около семидесяти пяти слуг вошли и по военному выстроились вдоль столов. Гитлер, конечно, не бережет народных денег, хотя он не ел мяса и не пил вина. Вопреки здешним правилам, сегодня шампанское не лилось и тосты не произносились. Лично я не был в состоянии говорить с фюрером, это действовало угнетающе на меня. Я переговаривался через стол с Герингом, который снискал себе славу или, вернее, позор поджогом здания рейхстага в 1933 году и убийствами в июне 1934 года. Я не мог свободно разговаривать с ним, будучи не в силах забыть все это. Однако я не собираюсь утверждать, что Гитлер повинен в меньшей мере.

По окончании обеда все направились в огромную гостиную, в одном конце которой стояли Гитлер и Геринг и принимали приветствия и выражения благодарности. Я заметил, что французский и английский послы были наиболее несдержаны в проявлении очевидной радости. Шахта и Геббельса не было около Гитлера. Нейрат один или два раза подходил к нему. Французский посол с женой ушли в одиннадцать часов, и остальные последовали их примеру. Я думал, что прием затянется до двух часов ночи, хотя сам не намеревался оставаться так долго.

В течение недели я все вечера провожу вне дома, и это продлится еще одну неделю. Эти обеды до позднего вечера и возвращение домой в полночь чрезвычайно изнуряют меня, поскольку по утрам я прихожу на работу довольно рано и остаюсь в посольстве до семи часов вечера. Моя жена должна сопровождать меня почти ка-

ждый день, когда у нее нет званого завтрака или чая. Она помогает мне нести мое бремя.

Пятница, 12 февраля. Наш консул во Франкфурте-на-Майне рассказал мне, что правительство запретило всем евреям — участникам мировой войны — организовывать конференции, хотя до этого они устраивали собрания ветеранов.

Предпринимателям в этом районе предложено на 10 процентов урезать зарплату всем рабочим на эрзац-заводах, производящих заменители сырья. Вероятно, цель этого — снизить стоимость продукции эрзацев. Во Франкфурте трое рабочих в течение года содержались в тюрьме по подозрению в связях с коммунистами. Теперь их судили и приговорили к тюремному заключению на четыре, шесть и восемь лет соответственно.

Несколько недель назад Шахт произнес длинную речь на большом приеме, который был устроен в рейхс-банке в честь его шестидесятилетия. Мне стало известно, что Геббельс подверг ее резкой критике. Шахт заявил, что долг в 11 миллиардов марок должен быть уплачен. Эти слова были исключены из текста для печати. Но долг, несомненно, в четыре раза больше и включает 3 миллиарда марок американским банкам и держателям облигаций. Шахт сказал также, что с 1933 года количество денежных знаков в обращении увеличилось на 50 процентов и высказался против дальнейшего расширения промышленности эрзац-материалов, поскольку они обходятся в четыре раза дороже, чем импортное сырье.

Суббота, 20 февраля. Сегодня первый за неделю вечер, свободный от званных обедов. Во вторник, 16 февраля, на завтраке, который мы дали в честь американских банкиров, прибывших для решения проблемы немецких долгов, доктор Серинг сидел рядом с моей женой. Он стал сурово критиковать гитлеровскую политику в отношении университетов. Моя жена заметила:

— Я не думала, что вы можете говорить так свободно.

Он ответил:

— Я говорю то, что думаю. Они могут расстрелять меня, когда им это заблагорассудится. Эта система разрушает интеллектуальную жизнь Германии.

Этого престарелого господина хорошо знают в Соединенных Штатах. Два года назад он сказал мне нечто подобное, и ему это сошло.

Вчера мы были на музыкальном вечере у одного нацистского деятеля в отеле «Бристоль». Присутствовало около 150 человек. Концерт был неплохой. За обедом моя жена сидела возле герцога Кобургского. Я сидел рядом с Шахтом, который сказал достаточно громко, чтобы его могли услышать немецкие официальные лица:

— Муссолини аннексирует Испанию. Его следующим шагом будет захват Египта.

Я заметил:

— Мне известно, что Муссолини строит автостраду от Красного моря до египетской границы. Где он достал деньги?

На это Шахт ответил:

— Достать деньги теперь несложно. Мы всего лишь печатаем бумажные знаки и обеспечиваем быстрое обращение их, тем самым поддерживаем и занятость. Вот и все.

Многие были удивлены слышать это от наиболее способного финансового деятеля во всем мире, но замечаний не последовало. Я думаю, что нацистские деятели были возмущены высказыванием Шахта, но они не осмелились что-нибудь сказать в его присутствии.

Воскресенье, 21 февраля. В полдень я отправился в старую кайзеровскую оперу. Гитлер и его нацистская охрана занимали ту ложу, где сидела кайзеровская семья, когда я был здесь в 1899 году. Отмечался день памяти двух миллионов немцев, убитых в мировой войне. Молебна не было, и торжество не имело религиозного характера. На сцене солдаты держали около пятидесяти знамен различных стран. После исполнения прекрасной классической мелодии на сцену вышел генерал Бломберг, командующий новой нацистской армии, и произнес речь, которую нельзя было бы произнести ни в одной демократической стране. Он говорил о войне не как о бедствии, возникшем в результате ошибок некоторых государственных деятелей. Он сказал, что в конце войны положение Германии было самым тяжелым в истории. Это неверно, хотя положение действительно было тяжелым. В своей речи Бломберг подчеркивал, что Гитлер

спас немецкий народ и в этом отношении сделал больше, чем какой-либо другой немецкий лидер за всю историю Германии; он выразил ему благодарность за вооружение всего народа и сказал, что склоняет перед Гитлером голову за его мудрость и патриотизм. За этим последовала церемония «хайль Гитлер», во время которой все, кроме меня и нескольких других дипломатов, отдали гитлеровское приветствие, а оркестр играл гимн Хорста Весселя. Такова современная Германия!

Вторник, 23 февраля. Сегодня я около часа беседовал с Дикгофом. Я хотел внушить ему, что если Германия не даст ответа на приглашение государственного департамента принять участие в экономической конференции в Вашингтоне, то это может привести к неблагоприятным последствиям. Приглашение было послано в январе, но вот уже три недели, как нет никакого ответа. Я хотел также сказать о том впечатлении, какое произвели правительственные декреты, запрещающие немцам предпринимателям отвечать представителям министерств торговли и финансов Соединенных Штатов на запросы, касающиеся американских инвестиций в Германии. При случае я также намеревался выяснить, что в действительности думают немецкие официальные лица о международном соглашении, запрещающем посылку войск и военных материалов в Испанию. И, наконец, я хотел узнать, что делает Нейрат в Австрии.

Мне казалось, что в министерстве иностранных дел Дикгоф наиболее демократически настроенный человек, что он даже более демократичен, чем мой друг Бюдов, умерший в июне. Говорят, что Нейрат, начальник Дикгофа, не любит его, но я не уверен, что этот слух обоснован. Мне всегда казалось, что Дикгоф понимает грубые ошибки, совершаемые гитлеровским режимом. Поэтому я считал, что мы, быть может, сумеем поговорить по душам.

Он признал, что, не давая ответа на американское приглашение участвовать в экономической конференции, намеченной на первую неделю апреля, Германия совершает ошибку. Причина задержки с ответом, сказал он, не во взглядах Нейрата. Причина, возможно, в позиции Шахта, которая не всегда соответствует тому, что он

говорит. По мнению Дикгофа, принять приглашение мешает главным образом безразличное и даже враждебное отношение министерств экономики и труда, то есть людей Гитлера. Что касается отказа в какой-либо информации об американских вложениях в Германии, то он откровенно признал, что и это ошибка. Я сообщил ему даты двух почти оскорбительных писем, посланных германским правительством мне и нашему консулу в Гамбурге.

По вопросу о германо-итальянских отношениях он по существу ничего не сказал, хотя говорил много. Он не соглашался с тем, что Муссолини намерен подчинить себе Испанию, хотя ранее признал, что Германия не станет протестовать, если Муссолини захватит Египет. Сказанное им косвенно подтверждает сомнительную ценность союза Германии с Италией.

Что касается визита Нейрата в Австрию, то он рассматривается всего лишь как ответный жест на визит в Германию австрийского министра иностранных дел. Я уверен, что дело этим не ограничивается, и спросил его относительно слухов о демонстрациях населения Вены при появлении Нейрата. Он стал утверждать, что там были только стихийные пронацистские демонстрации и что пришлось арестовать нескольких необузданных парней, чтобы удержать их от излишеств. По-моему, все это было подстроено здесь в пропагандистских целях и австрийцы выражали свою враждебность к нацистам. Отсюда и аресты. Приветствовать Гитлера для австрийца является нарушением закона.

Дикгоф все же признал, что цель Германии — заключить четырехсторонний договор и что Германия хочет установить контроль над Австрией и Венгрией, но что все это кончится провалом, если Габсбурги будут возвращены на древний австрийский трон. Нейрат действительно старался продвинуть агрессивные германские планы покорения балканских стран. Это отчасти направлено на то, чтобы вынудить Муссолини раскрыть свое действительное отношение к восстановлению монархии в Австрии. По-видимому, никому не приходит на ум, что бедный австрийский народ имеет право решать, какой строй он хочет иметь. Дикгоф, несмотря на свой кажущийся либерализм, вновь заявил, что район Дуная принадлежит Германии. Это старая кайзеровская политика,

только проводимая Гитлером более стремительно, чем довоенным правительством Германии. Европа никогда не признает естественных прав различных стран. Лишь сила имеет вес.

Воскресенье, 28 февраля. Прошла еще одна неделя званных обедов и завтраков. Мы почти каждый вечер бываем в гостях. Были мы и у русского посла. За столом было сорок человек — послов, посланников, представителей германских правящих кругов, но высокопоставленных лиц не было. Обеденный зал, отапливаемый старомодными немецкими печками, казался мне очень холодным; то же испытывал даже английский посол, хотя в Англии в домах никогда не бывает тепло, кроме тех отелей, где живут американцы.

Четверг, 4 марта. Я вновь разговаривал с Шахтом. Вначале он сильно возмущался по поводу сообщения в американских газетах о том, что продажа Германией облигаций в Соединенных Штатах на сумму 69 миллионов долларов для уплаты процентов займодержателям увеличила германский долг, общая сумма которого в официальных отчетах занижена на два миллиарда. Шахт сказал, что это ложное сообщение нанесет ущерб германскому кредиту.

Когда он изложил свое мнение по этому вопросу, я сказал о донесениях, полученных мной от наших консулов в Латинской Америке, в которых сообщалось, что германские представители в Чили, Бразилии и Аргентине сделали все возможное, чтобы сорвать мирные усилия государственного секретаря Хэлла на конференции в Буэнос-Айресе; при этом один из германских представителей утверждал, что действует от имени Шахта. Он просил назвать его имя, но я решил пока не делать этого, поскольку сообщение, присланное мне из Вашингтона, было секретным. Из сказанного Шахтом стало ясно, что он, так же как и я, имеет в виду деятельность Ильгнера в Латинской Америке, и я не стал отрицать этого.

Затем я задал Шахту вопрос о возможности созыва международной конференции о мире. Он положительно отнесся к идее и, казалось, с большим чувством говорил

об опасности войны; по его словам, он всегда был против войны и даже против крупных ассигнований на вооружение. Он сказал, что Гитлер — против войны и призывает к миру и сокращению вооружений. Я не стал напоминать ему множества случаев, когда Гитлер говорил подобные вещи, а затем действовал в противоположном направлении. Шахт добавил, что виновниками срыва всех усилий в пользу мира, начиная с мирных попыток Вильсона в 1918 году, являются фабриканты оружия. Они же срывали все переговоры по этому вопросу в Лиге наций.

Он вновь выразил пожелание, чтобы в Вашингтоне была созвана подготовительная международная конференция по вопросу о мире и, по существу, поставил вопрос о том, чтобы Хэлл пригласил его в Вашингтон для обмена мнениями. Если бы приглашение было получено, то Шахт соглашался склонить Гитлера к участию в такой конференции и убедить его принять идею о замене гонки вооружений более свободной внешней торговлей и действенным мирным соглашением между четырьмя великими державами: Германией, Францией, Англией и Соединенными Штатами. Я согласился послать телеграфный запрос по этому поводу в Вашингтон. Меня несколько удивили его высказывания по поводу недавней речи Гитлера о конфискации собственности частных предпринимателей, а также по поводу лейпцигской речи Риббентропа о колониальных притязаниях Германии. Он назвал оба эти выступления чушью, рассчитанной на внутреннее потребление, но вредной для международного положения Германии.

Затем я навестил Нейрата. Он сказал, что война маловероятна. Я ответил, что гонка вооружений, которая имеет место во всех странах, крайне опасна. С этим он согласился, но возложил всю вину на Англию. Я напомнил ему, что из всех стран Англия последней встала на путь гонки вооружений. Этого он отрицать не мог и признал, что опасная гонка вооружений в европейских странах — дело рук фабрикантов оружия.

Когда я задал ему вопрос о положении в Испании, он резко ответил:

— Мы никогда не допустим победы в гражданской войне теперешнего правительства Испании. Это — коммунизм, а мы никогда не допустим этого ни в одной европейской стране.

То, что сказал Нейрат, противоречило его идее мира, выраженной в начале беседы. Я возразил на это:

— Каждая страна имеет право распоряжаться своей судьбой, пусть даже неразумно. Вы отрицаете это?

Он ответил:

— Да, когда это касается коммунизма. Если это произойдет в Испании, то и Франция станет коммунистической, и тогда она нападет на нас.

Я не забыл заявления Дикгофа о поездке Нейрата в Вену, где он заявил протест против движения за восстановление Габсбургов на троне. Это не было коммунистическим движением, тем не менее нацисты требовали положить ему конец. Все немцы, как мне кажется, даже те, кого считают либералами, не уважают прав малых народов.

Когда я поднял вопрос о возможности созыва международной конференции по вопросу о мире, Нейрат, не задумываясь, сказал:

— Нет, она не может быть успешной.

Это полная противоположность точке зрения Шахта. Его план состоит в том, чтобы повысить благосостояние народов путем постепенного разоружения и использования денег на другие цели. Когда же я повторил мысль о том, как опасна для всех наций длительная гонка вооружений, Нейрат вновь согласился с этим. Я растался с ним, убежденный в том, что от его прежних полулиберальных взглядов практически ничего не осталось.

Эти беседы, особенно беседа с Нейратом, показали еще отчетливей, чем прежде, что теперь германское правительство полно решимости установить контроль над соседними странами и фактически аннексировать их. Балканские страны — в их руках, средиземноморские страны — в руках Муссолини. Официальные передачи по радио из Рима дают серьезные основания полагать, что на этот счет существует соглашение, хотя народы Германии и Италии, почти так же как французы и немцы, не любят друг друга.

Суббота, 6 марта. Вчера немецкая пресса была полна нападок и ругани в адрес мэра Нью-Йорка Лагардии за его замечание по поводу германского павильона на международной ярмарке, которая состоится в будущем году

в Нью-Йорке. Этот павильон, в котором должен быть установлен бюст Гитлера в коричневой рубашке, Лагардия предложил назвать «камерой ужасов». Официальные органы «Фелькишер беобахтер» и «Ангриф» в своих необузданных нападках обзывали Лагардию зловредным коммунистом, бандитом, сводником и, конечно, евреем. В газетах были нападки даже на американское правительство за то, что оно разрешило произнести такую речь. По-видимому, им неизвестно, что свобода слова — закон нашей страны.

Я по телеграфу послал обзор выступлений газет, но воздержался от протеста до получения соответствующих указаний. К великому огорчению Шахта, это происходит в тот момент, когда государственный секретарь Хэлл уполномочил посла Лютера известить Берлин, что он надеется в скором времени заключить с Германией договор о более благоприятных условиях торговли. Подобные вещи здесь происходят уже в третий раз и именно в тот момент, когда в Вашингтоне обсуждается вопрос о каких-либо переговорах. В 1934 году было опубликовано заявление Гитлера о том, что никто — и это касалось в первую очередь евреев — не может быть арестован без соответствующего юридического основания. 6 марта того же года Гитлер торжественно заявил мне, что любой немец, ведущий пропаганду в Соединенных Штатах, будет брошен в Северное море. Оба эти обещания были нарушены еще до моего возвращения в Германию 16 мая 1934 года: я еще плыл по Атлантическому океану, а Геббельс уже произнес громкую речь против евреев. 30 июня 1934 года по приказу Гитлера сотни его противников, а также множество сторонников были умерщвлены без суда или каких-либо свидетельств виновности. Мог ли в том году Хэлл требовать, чтобы сенат ратифицировал договор с Германией?

В июне 1935 года, когда в Нью-Йорке шли переговоры о предоставлении Германии банковского кредита для закупки хлопка на 35 миллионов долларов, Геринг резко выступил против католиков. Это вынудило банки немедленно отказать в займе, и покупка хлопка была сорвана. Через несколько дней последовало выступление Геббельса против евреев. Результатом вновь была неудача нацистов в области торговли.

4 марта Шахт просил меня довести до сведения моего правительства, что он был бы рад прибыть в Вашингтон для обсуждения торгового соглашения и что он надеется привезти с собой согласие Гитлера на международную конференцию по вопросу о мире. На следующий же день газеты подняли скандальную шумиху по адресу Лагардии, который пользуется в Соединенных Штатах большой популярностью. В итоге — новый промах!

Вторник, 9 марта. Сегодня утром ко мне пришли два священника из монастыря, построенного в Баварии на средства американских католиков. Немецкий районный лидер запретил им проповедовать или читать библию в монастыре или в церкви. Они не знали, как поступить, поскольку жалованье они получали из Соединенных Штатов. В то же время священники боялись, что за слушание их вышлют из Германии, и тогда монастырь, который обошелся американским жертвователям в 300 тысяч марок, будет конфискован нацистской партией.

Я мог лишь посоветовать им проявить осторожность, а также посетить нашего генерального консула Дженкинса, который, быть может, в силах чем-нибудь помочь им. Уже второй раз ко мне обращаются с подобными жалобами. Консул Дженкинс сообщил мне, что единственное, что он может сделать, — это довести факты до сведения начальника секретной полиции и убедить его в том, что подобные события нанесут ущерб интересам Германии. Однако иностранная собственность в Германии целиком под контролем нацистской партии.

Пятница, 12 марта. Макс Джордан, европейский представитель радиокomпании «Нэшнл бродкастинг», посетил меня и сообщил, что работники прессы и радио в Соединенных Штатах одобряют Рузвельтовский план реорганизации судебной системы, вокруг которого сейчас идут такие горячие споры. Несмотря на контроль со стороны руководства редакций и давление со стороны большого бизнеса, журналисты и рабочие приветствуют план Рузвельта. Он сказал, что сенат, хоть и настроен резко против Рузвельта, все же проголосует за законопроект. Я надеюсь, что это так и будет. Если они провалят его

план, то его второе президентство уподобится второму президентству Теодора Рузвельта — будут споры и безуспешные попытки реформ. Но поражение Франклина Рузвельта будет более тяжелым и опасным, поскольку на выборах в конгресс он трижды получал подавляющее большинство голосов — беспрецедентное со времен Джефферсона, который также потерпел поражение в своих основных мероприятиях, кроме предложения о приобретении Луизианы.

Затем Джордан говорил о настроениях среди немецкой общественности; о них ему рассказал один журналист, имя которого он не решился назвать. Он сказал, что в течение зимы произошло много авиационных катастроф с человеческими жертвами, о которых прессе запрещено сообщать. Лишь один случай был предан гласности: катастрофа с пятью жертвами, имевшая место месяц назад в Берлине; ее нельзя было скрыть, так как она произошла в густо населенной части города. Все это держится в тайне с той целью, чтобы не разочаровать молодых людей, которых тысячами зачисляют на службу в воздушные силы. Мне было известно, что правительство придерживается этого правила более двух лет.

На основании имеющейся у него информации Джордан сообщил также, что пятьдесят солдат получили приказ отправиться из Гамбурга с неизвестной миссией. Им было запрещено говорить своим родным о том, что их посылают в Испанию, однако кое-кто все же сказал об этом. В городке, расположенном вблизи того места, где солдатам был вручен приказ, собрались их родные, чтобы обсудить, как быть. Местные нацистские власти всех их арестовали. Как долго их продержали в тюрьме, неизвестно. По словам Джордана, несколько солдат предпочли покончить жизнь самоубийством, чем выполнить эту секретную миссию. Если это так, то Гитлеру и Герингу есть над чем призадуматься.

Сегодня в половине шестого я в сопровождении мистера Ли отправился в германское министерство иностранных дел вручить протест, полученный от государственного секретаря Хэлла из Вашингтона в связи с постыдной кампанией в немецкой печати 4, 5 и 6 февраля против женщин, народа и правительства Соединенных Штатов. Зная мотивы нацистских лидеров — Геббельса, Розенберга, да и самого Гитлера, я не мог ждать выра-

жения подлинного сожаления даже со стороны министра иностранных дел Нейрата.

Я сказал Нейрату, который выглядел несколько смущенным, какую ошибку совершили немцы. Он признал это, но сказал, что запретил другим газетам повторять особенно резкие выпады, содержащиеся в статьях «Ангрифа». Тогда я предложил Ли зачитать текст протеста Хэлла и показал Нейрату несколько немецких газет, полностью напечатавших статьи «Ангрифа». Он не смог отрицать фактов и согласился со мной, что все это очень глупо, хотя в качестве оправдания ссылался на некоторые американские газеты, которые в течение последних четырех лет резко нападали на Германию. Он не мог оправдать сегодняшние немецкие безрассудства. На этом разговор окончился. Я был уверен в том, что Нейрат, даже если бы он и хотел, не осмелился бы извиниться так, как это сделал Хэлл, по поводу того, что Лагардия высмеял Гитлера. Было также ясно, что он ничего не скажет фюреру или Геббельсу по существу этого вопроса. Они неисправимы.

Понедельник, 15 марта. Сегодня днем мне стало известно, что Эрнст Ганфштенгль, давний приверженец Гитлера и нацистский руководитель бюро иностранной печати, приблизительно 20 февраля получил приказ закрыть свою контору и отправиться с каким-то поручением в Испанию, в город Валенсию. Я должен был встретиться с ним на завтраке 22 февраля, но он позвонил и сообщил, что должен уехать из Берлина. Один его близкий друг сказал мне сегодня, что Ганфштенгль поехал не в Испанию, а к себе домой, в Мюнхен, а затем вообще исчез. Говорят, он в концентрационном лагере и его жизнь в опасности. Гитлер не принимал его в течение двух лет или более, и на завтраке, устроенном Фондом имени Карла Шурца, я заметил, что он довольно несдержан в критике Геббельса и других представителей нацистского режима. После лета 1934 года я не позволял себе откровенных разговоров с ним. Поскольку в 1923 году он щедро снабжал Гитлера деньгами, помог ему написать «Майн кампф» и был всесторонне знаком с намерениями Гитлера, выпускать его за пределы Германии было бы неосмотрительно. Какую книгу мог бы он написать!

В одном сегодняшнем сообщении говорится, что Германия и Чехословакия согласились заключить договор об урегулировании отношений. По этому договору Бенеш обязуется предоставить всем немцам в Чехословакии те же права, что и чехам, но теперь Гитлер осуждает это соглашение. Он не может заключить договора с теми, кто имеет договоренность с русскими. В связи с этим я ни во что не ставлю недавние немецкие предложения заключить новый пакт между четырьмя западными державами. Его первое условие будет направлено против франко-русских отношений. Основная цель этих действий — развязать Германии руки в отношении границ и статуса балканских стран и предоставить ей право аннексировать их в подходящий для нее момент. В этом состоит доктрина «Майн кампф».

Несколько дней назад я написал нашему посланнику в Вене Мессерсмитту, что лучшая, и быть может единственная, гарантия всеобщего мира — это создание сотрудничества балканских стран в виде некоей конфедерации, готовой в любое время оказать помощь своим членам. Это был бы союз 80 миллионов человек. Германия должна была бы хорошенько подумать, прежде чем решиться выступить против такого союза. Я советовал ему обсудить это с Шушнигом. С времен падения Римской империи западные державы непрерывно ведут войны. Что представляла бы собой сегодня наша цивилизация, если бы люди усвоили основные принципы христианства, которому все западные народы следуют внешне в течение тысячи лет!

Среда, 17 марта. Дикгоф просил навестить его сегодня в шесть часов вечера, и я отправился к нему. Здороваясь с ним, я заметил, что вид у него был встревоженный. Он сразу же заговорил о новом выступлении Лагардии в Нью-Йорке. По-видимому, ему было поручено настаивать, чтобы я передал президенту Рузвельту или государственному секретарю Хэллу требование положить конец критическим высказываниям Лагардии в адрес Гитлера. Поскольку Дикгоф в 1922—1926 годах был советником германского посольства в Вашингтоне, мне непонятно, как может он всерьез выдвигать такое требование. Я, конечно, сказал: «Нет, это невозможно.

Вы знаете, что всему нашему народу обеспечена свобода слова и печати». Он ответил, что знает это, но надеется, что кое-что можно предпринять.

После того как он сделал еще ряд замечаний относительно критики в нашей прессе, я сказал ему:

— Вы знаете, что после мировой войны наш народ был дружелюбно расположен к немецкому народу, более дружелюбно, чем к Франции, поскольку французское правительство отказалось разоружаться.

Дикгоф заметил, что он ясно ощущал это во время своего пребывания в Вашингтоне, и спросил, почему же теперь американцы так враждебны. После некоторого обмена мнениями мы расстались, вполне убежденные, что для улучшения отношений между нашими двумя странами ни в Соединенных Штатах, ни в нацистской Германии ничего сделать нельзя.

Вторник, 30 марта. Давно уже я не делал записей в дневник. Я часто бываю на официальных обедах и завтраках. Два из них представляют некоторый интерес. 18 марта мы были гостями бывшего министра иностранных дел фон Кюльмана. Он служил при кайзере в 1918 году и разделял его позицию по вопросу о брест-литовских переговорах, но тогда одержали верх генералы, требовавшие крупных аннексий. За время нашего пребывания здесь мы изредка встречались с ним.

На обеде присутствовали двенадцать или четырнадцать гостей. Английский посол разговаривал с Кюльманом так, словно он был искренним сторонником жестокого Франко, хотя до этого тот же Кюльман в разговоре со мной проявил себя его убежденным противником. Это последнее было, мне кажется, дипломатическим притворством в угоду мне.

Присутствовал и Дикгоф, критиковавший своего фюрера. Другие вели себя также непринужденно. Один видный человек сказал моей жене: «Нет нужды все время говорить о завоевании земель по ту сторону нашей восточной границы; Восточная Франция должна быть аннексирована Германией, особенно учитывая то, что французское население уменьшается». Это напоминает мне заявление, которое я слышал от французского посла в 1933 году: «Мы должны захватить немецкую террито-

рию вплоть до Рейна. Вильсон помешал нам сделать это».

От Кюльмана я поехал к Серингу на обед по случаю его восьмидесятипятилетия. Там было около ста гостей, включая Шахта и других должностных лиц, с которыми я встречался неоднократно. Я приехал поздно и не слышал выступлений Серинга и Шахта, но мне сказали, что они совершили то, что здесь считается наиболее опасным — критиковали нацистскую политику и военные мероприятия Германии. Я знал их настроения, но меня удивило, что они посчитали для себя возможным выступить в таком духе перед большой аудиторией. Шахт сказал мне:

— Мое положение крайне шатко; я не знаю, что меня ожидает завтра.

Как говорят, на заседании кабинета 19 марта Шахт выступил с критикой некоторых положений гитлеровского четырехлетнего плана. Но из этого ничего не получилось, и, насколько мне известно, решения кабинета полностью одобряют предложения Гитлера и Геринга.

Католические священники и епископы зачитали 21 марта во всех немецких церквах папскую энциклику. В ней содержались: обращение ко всем католикам не отступаться от своей веры, протест против попыток Гитлера уничтожить католическую церковь и призыв к установлению свободы религии. Католические лидеры, выступающие от имени папы за свободу религии!

Пресса ни единым словом не обмолвилась об этом обращении папы, но его текст был опубликован в Англии и других странах. Таким путем весть о случившемся дошла до многих немцев.

Узнав, что папский нунций поправился после продолжительной болезни, я навестил его. Я поздравил его с провозглашением папой свободы религии в Европе. Мне кажется, что престарелый и болезненный папа ведет себя довольно смело под самым носом у Муссолини. Нунций был в восторге и утверждал, что теперь великая католическая церковь по-настоящему борется за свободу религии повсюду, даже в Мексике. Я пробыл у него полчаса, и он рассказал мне, что тысячи экземпляров обращения папы были распространены по всей Германии, его передавали из рук в руки. Он не знал, были ли в связи с этим аресты.

Суббота, 3 апреля. Утром у меня был чехословацкий посланник, и мы беседовали более получаса. Я хотел прийти к нему домой, но он настоял на том, что придет сам. Я расспрашивал его об отношениях между балканскими странами — проблема, которую я поднял в информации нашему посланнику в Вене месяц назад. Он сказал, что недавний договор Югославии с Италией представляет собой важнейший шаг в сторону мира; он был задуман Италией как средство получения продуктов питания в случае войны с Англией. Он отметил также, что теперь Югославия сблизилась с Австрией, хотя она и не подумает согласиться на восстановление на троне Отто — наследника габсбургской династии.

Посланник сообщил мне, что между Румынией и Россией только что заключен подобный договор о признании границ и сотрудничестве в вопросе о мире. Я, конечно, слышал об этом договоре, но не знал в деталях его содержания. Он сказал, что оба соглашения — итало-югославское и русско-румынское — были важными шагами в деле сотрудничества и мира между всеми балканскими странами. Сейчас Чехословакия и Германия должны заключить аналогичное соглашение по вопросу о границах и национальных меньшинствах. Тогда положение балканских стран будет относительно безопасным, а Австрия, Болгария и Венгрия, каждая в отдельности, должны будут сотрудничать с так называемой Малой Антантой. Единственное, что его беспокоило, — это договор между Чехословакией и Германией. Германская пропаганда против единственной демократической страны в этой части Европы ведется изо дня в день. Он проявил некоторое беспокойство и по поводу возможного восстановления династии Габсбургов; этого он не хотел бы допустить, хотя Австрия, по-видимому, настаивает на этом, опираясь на свое право.

Среда, 7 апреля. Чехословацкий посланник, присутствовавший у нас вчера на обеде, сообщил мне, что, по имеющимся у него сведениям, вокруг Людендорфа группируются молодые немцы, ненавидящие Гитлера. С этой молодежной организацией Людендорфа тайно связаны значительные круги военных; они регулярно получают двухнедельный журнал, издаваемый Людендорфом. Это стало известно главнокомандующему германской армией

и военному министру генералу Бломбергу. 9 апреля в Мюнхене ему удалось устроить встречу между Гитлером и Людендорфом. Поводом для встречи послужило семидесятидвулетие Людендорфа. Посланника интересовало, что все это значит. Дня через два мы, возможно, кое-что узнаем. Сегодня стало известно, что журнал Людендорфа конфискован.

Секретарь нашего посольства Ли сообщил мне сегодня, что два года назад немецкий посол Лютер, ныне отозванный из Вашингтона, посылал в германское министерство иностранных дел донесения о своих встречах с Хью Лонгом — претендентом на роль американского диктатора. Герр К., отставной немецкий дипломат, читал эти донесения. Он не раскрыл их содержания, но сказал Ли, что Лютер неоднократно навещал Хью Лонга в Луизиане. Интересно, известно ли нашему правительству в Вашингтоне что-нибудь об этом? Надеюсь узнать, что говорилось в донесениях о Хью Лонге и о его смерти.

На обеде у нас вчера было двадцать или более гостей. Все были расположены к более откровенным беседам, чем это обычно бывает среди дипломатов и немецких официальных лиц. Несколько видных немцев исключительно сурово критиковали гитлеровский режим — это опять становится распространенным обычаем здесь. Что бы это могло значить? Может быть, они думают, что демократу приятно это слышать?

Суббота, 10 апреля. В четверг я в течение получаса беседовал с русским послом. Он рассказал мне о том, что 20 марта был на обеде у племянника генерала Геринга, ответственного работника рейхсбанка. Как мне сообщил принц Луи Фердинанд, на обеде были также французский посол, Шахт и сам принц Луи. Советский посол отрицал, что между Германией и Россией ведутся переговоры о заключении секретного договора¹. Мне об этом недавно сообщил наш посланник в Норвегии. Русский посол заявил, что он только что вернулся из Москвы и 20 апреля выезжает во Францию, куда он назначен послом.

В пятницу вечером Вальтер Дюранти — с 1921 года московский корреспондент «Нью-Йорк таймс» — сообщил мне, что Германия и Россия ведут секретные переговоры. Это уже не первый сигнал. По-видимому, что-то

действительно происходит. Но, мне кажется, это всего лишь торговое соглашение. Как может Гитлер заключить политический договор с коммунистами?

Сегодня в полдень пришел попрощаться сэр Эрик Фиппс. 16 апреля он выезжает в Париж, где несколько лет будет послом. Когда я ознакомил его с тремя сообщениями о русско-германских переговорах, он проявил большое беспокойство. Я сказал, что у меня нет уверенности, но, по-видимому, что-то происходит. Я почувствовал, что он хочет немедленно по телеграфу передать мою информацию на Даунинг-стрит.

Воскресенье, 11 апреля. В секретном донесении из Франкфурта раскрываются некоторые стороны немецкой действительности, о которых ничего не говорится в печати. Между 31 марта и 4 апреля происходили многочисленные сходы прихожан в их церквах. В Дармштадте большие отряды нацистских чернорубашечников и СА стали чинить препятствия религиозной деятельности повсюду, кроме церквей, поддерживаемых партией (речь идет о полуварварском религиозном культе Розенберга). Они окружили главную церковь и арестовали пять пасторов за их проповеди. В районе Франкфурта тридцать семь человек было заключено в тюрьму за публичное чтение библии; из них тридцать до сих пор содержатся в тюрьмах. Им не предъявлено никаких обвинений, и перед судом они не предстали. Это было сделано по приказу нацистских лидеров. Жертвы этих преследований — простые верующие протестанты, которые, по-видимому, повинны лишь в том, что не намерены изменять своих религиозных убеждений.

В католической Саарской области на пасху было приказано снять распятие со стены одной религиозной школы и на его место повесить портрет Гитлера. Родители детей, учащихся в этой школе, громко возмутились, и некоторые из них не пустили детей в школу, за что были оштрафованы, а некоторые уволены с работы. Был проведен опрос местных жителей, согласны ли они на закрытие всех религиозных школ; 97 процентов опрошенных ответили положительно. Однако в Германии все знают, что голосовать надо определенным образом. Тот, кто голосует, руководствуясь только своими убеждениями, рискует попасть в тюрьму.

В Штутгарте, городе с либеральными традициями, 30 марта был арестован американский турист за то, что он фотографировал достопримечательности в древней деревушке, расположенной поблизости. Никому не дозволено фотографировать без разрешения правительства. Он был освобожден, после того как местные власти установили, что имеют дело с американским туристом, расходуя деньги в Германии и ничего не знающим об этом суровом законе.

В пятницу из Панамы было получено сообщение о том, что через канал проследовало 500 немцев-христиан, которым колумбийское правительство выделило участки земли. Кто они: эмигранты, бегущие из своей страны в поисках свободы вероисповедания? Здесь говорят, что, будь это возможно, отсюда бежало бы десять миллионов человек.

Вчера, 10 апреля, выдался такой замечательный солнечный день, что я с женой и дочерью отправился в двухчасовую поездку по знаменитому району Шпреевальд, южнее Берлина. На полпути мы увидели огромный военный полигон с хорошо оборудованными казармами, тянущимися на целую милю по левую сторону шоссе. В лесах мы видели много вырубок, сделанных в соответствии с четырехлетним планом, о котором Геринг так любит говорить. Посевы пшеницы и ячменя в значительно лучшем состоянии, чем можно было предполагать после такой плохой погоды. Начиная с 1 октября не переставая лили дожди. Старинный городок Шпреевальд перенес нас в позднее средневековье, но жители выглядят здоровее и одеты лучше, чем многие жители больших районов Чикаго, которых мне довелось видеть, хотя заработная плата там всегда была в два раза выше, чем здесь.

Вторник, 13 апреля. Вчера у меня была миссис Петерс, автор книги «Рузвельт и кайзер». Она рассказала мне об одном человеке из штата Айова, проживающем теперь здесь, который выдает себя за молодого ученого, совершенствующегося в своей специальности. На самом деле это агент одной американской нацистской организации со штабом в Детройте, возглавляемой неким Фрицем Куном; Кун собирает деньги и помогает своему агенту войти в контакт с министерством пропаганды и

Гитлером. Петерс сказала, что этот агент часто ругает меня за то, что я не сотрудничаю с нацистами. Я просил ее вновь повидать этого человека и узнать, чем конкретно он занимается.

Четверг, 15 апреля. В американских церквах теперь демонстрируются фильмы, показывающие, как в Германии преследуют католиков и протестантов, отстаивающих свои религиозные права. Немецкие газеты вновь публикуют злобные статьи, критикующие свободу вероисповедания в Соединенных Штатах, но теперь они не так едки, как в начале марта, когда Лагардия выступал с речами против Гитлера. Они делают вид, что не понимают такую свободу и удивляются, как может народ, на стороне которого в американской революции сражался фон Штейбен, так осуждать его родину. Они, по-видимому, не знают, что фон Штейбена в Америку послала революционная Франция.

В этой же связи газеты упоминают имя Карла Шурца, игнорируя, однако, то обстоятельство, что Карл Шурц был арестован в Германии за его любовь к свободе; он бежал через Францию в Соединенные Штаты, где остаток своей жизни посвятил борьбе за демократию, так поносимую в современной Германии. Теперь гонения столь же жестоки, как и в шестнадцатом веке; только прямых убийств, может быть, меньше. Сотни проповедников заключены в тюрьму за пропаганду христианства.

Суббота, 17 апреля. Сегодня мое внимание привлекла немецкая «Официальная газет» от 14 апреля. В ней перечислены имена девяносто одного немца, лишенного германского подданства. Самая видная фигура в этом списке — Людвиг Рени, автор нашумевшей книги против войны. Среди остальных много детей противников нацистской партии. Одному из них всего два года от роду. В то же время стало известно, что произведены аресты среди старой немецкой аристократии; арестованных обвиняют в том, что они монархисты и пытаются восстановить монархию. Заметно строже стали надзор за евреями и меры наказания по отношению к ним. Запрещены все виды собраний евреев, кроме религиозных. Они не имеют права играть в теннис, футбол, заниматься водным спортом, греблей, плаванием. Этот древний оплот

свободы вероисповедания превращается в ужасную тиранию. По-видимому, около трети населения приветствует эту систему, отказывающую людям в личной свободе.

Вторник, 20 апреля. Вчера днем Джордж Лансбери, английский профсоюзный лидер и поборник мира, беседовал с Гитлером в течение двух часов. Мне кажется, эту встречу подстроил Риббентроп, чтобы усилить пронацистские и пацифистские настроения в Англии и тем самым ослабить усилия по увеличению вооружений и, может быть, осложнить франко-английские отношения.

Мы устроили проводы русскому послу, уезжающему вскоре в Париж, и в посольство я пришел поздно. Перед самым моим отъездом в Потсдам, где я хотел посетить дворец старика Фридриха II, ко мне пришел Уильям Ширер, талантливый представитель агентства Интернэшнл Ньюс Сервис и передал мне слова Лансбери о том, что Гитлер якобы с большой похвалой отозвался о президенте Рузвельте и утверждал, что если Рузвельт созовет международную конференцию по вопросу о мире, то он, Гитлер, пойдет ему навстречу. Я воспринял это скептически, поскольку Шахт и Нейрат сказали мне 4 марта, что, пока между великими мировыми державами не будут заключены экономические соглашения, ни о какой конференции не может быть и речи. Я распорядился, чтобы посольство послало телеграмму в Вашингтон. Несколько дней назад я послал Хэллу тщательно продуманное письмо, в котором дал анализ сложившейся здесь обстановки и особо подчеркнул наличие тревоги по поводу угрозы войны. Поражения Франко в Испании на время умерили воинственный пыл Гитлера.

Сегодня, выполняя малоприятную обязанность, я в стужу сидел под открытым небом на Берлинерштрассе, напротив знаменитого технологического института, и вместе с остальными дипломатами наблюдал большой военный парад в честь сорокавосьмилетия Гитлера. Вопреки вчерашним мирным заверениям и всем урокам кровопролитной войны в Испании Гитлер стоял на трибуне в течение двух часов, наблюдая, как мимо него проходили 15 тысяч солдат и различная военная техника, стоящая много миллионов долларов. Никогда в жизни

не приводилось мне видеть такую внушительную демонстрацию военной мощи.

По всей Германии был объявлен нерабочий день, и в Берлине тысячные толпы шагали по улицам, приветствуя Гитлера. Повсюду было множество детей. Хотя, по-видимому, многие известные в Германии люди очень недовольны нацистским режимом, сегодня мы видели повсюду только проявление восторга.

Некоторые дипломаты выражали неодобрение. Посол Франции, страны, которая больше всего способствовала тому, чтобы Германия пошла по пути вооружения, имел жалкий вид, несмотря на то что часть своего состояния он приобрел путем огромных поставок оружия в первые годы гитлеровского режима. На турецкого посла огромная демонстрация Гитлером военной мощи произвела тягостное впечатление, хотя в его собственной стране существует диктаторский режим. Представители некоторых латиноамериканских стран были возмущены. То, что я видел в течение двухчасового парада, было болезненным напоминанием о том, что все европейские державы предали забвению настойчивые рекомендации Вильсона 1918—1919 годов. Лига наций, на которую возлагалось столько надежд, потерпела крах. Когда я посмотрел на Нейрата, сидевшего рядом со мной, мне показалось, что его лицо выражает огорчение; Шахт, когда я при прощании пожал ему руку, выглядел очень несчастным. На него это действовало так же, как и на меня. С меня хватит. Больше я на празднества в честь дня рождения Гитлера не явлюсь, даже если мне и суждено пробыть еще год в Берлине.

Четверг, 22 апреля. Во вторник вечером Геринг, о болезни которого сообщалось в печати, срочно отбыл в Рим. По пути в Южную Италию, куда он направляется под предлогом лечения, он встретится с Муссолини. Гитлер на самолете отправился в Мюнхен, где 20 апреля в честь него был устроен еще один военный парад. Гесс произнес там хвалебную речь, в которой заявил, что фюрер — это современный Иисус Христос.

Чехословацкий посланник, ссылаясь на свою беседу с Герингом, сказал мне, что в этом году было раскрыто несколько покушений на жизнь Гитлера. Утром я получил телеграмму из Вашингтона, в которой сообщается,

что молодой еврей Хельмут Хирш, приговоренный к смертной казни за покушение на жизнь известного злодея Штрейхера из Нюрнберга, — американский гражданин. Это вынуждает меня посетить министерство иностранных дел и потребовать, чтобы обвиняемый мог воспользоваться своими юридическими правами и чтобы были предъявлены необходимые свидетельства совершенного им преступления, а приговор соответствовал бы закону.

Воскресенье, 25 апреля. Газеты под большим заголовком печатают сообщения о встрече Муссолини с австрийским канцлером Шушнигом, состоявшейся в пятницу, 23 апреля, в Венеции. Союз, известный как Малая Антанта, может быть расширен на Балканах только под контролем Муссолини и Гитлера. Это возрождает сложную проблему, разрешение которой австрийский и чехословацкий посланники еще совсем недавно считали невозможной. Муссолини не позволит Чехословакии и Австрии заключить оборонительный союз. Он не допустит восстановления Габсбургов, хотя в течение трех лет грозил вторгнуться в Южную Германию, в случае если Гитлер попытается оккупировать Австрию в целях ликвидации движения за восстановление Габсбургов. Теперь Германия и Италия представляют сплоченный фронт против Востока и Запада. Вопрос о притязаниях Габсбургов — самый удобный повод для Муссолини; среди балканских стран существуют резкие разногласия по этому вопросу.

Завтра Геринг, отправившийся 20 апреля в Италию для лечения, встретится с Муссолини, с тем, как мне кажется, чтобы аннулировать то влияние, какое мог на него возыметь Шушниг. 3 мая в Рим выезжает Нейрат. Совершается сделка за счет Испании. Италия хочет аннексировать Испанию или по крайней мере установить контроль над ней, но в последний месяц там сложилась неблагоприятная обстановка. Что скажет Нейрат от имени Гитлера? Мое мнение: отступитесь в нашу пользу от Австрии, и мы будем содействовать вашему влиянию в Испании, если Англия будет по-прежнему вести свою двойственную политику. Идея Италии и Германии состоит в том, чтобы расширить свою власть, спекулируя на страхе перед войной. Они спешат осуществить свой замысел еще до того, как Англия полностью подгото-

вится, а Польша, где тревога достигла небывалой степени, заключит союз с Румынией и Малой Антантой. Польский министр иностранных дел находится сейчас в Белграде, как говорят, для переговоров с румынами. Если Гитлер и Муссолини развяжут войну, народы их стран восстанут. Если балканские страны создадут союз для собственной и взаимной обороны, Гитлеру и Муссолини придется отложить поход. Победа республиканцев в Испании может приостановить процесс установления диктаторских режимов в Европе и привести к падению Гитлера и Муссолини.

Вторник, 27 апреля. Сегодня представитель германского министерства иностранных дел за завтраком у нас сказал моей дочери, что заменить смертную казнь Хельмуту Хиршу, американскому еврею, намеревавшемуся убить Гитлера*, пожизненным заключением — невозможно. Он должен умереть, хотя в действительности не предпринял попытки совершить преступление.

Нам не предъявили никаких доказательств. Ни слова по этому делу не было напечатано в прессе. Американская печать до сего времени была очень сдержанна в своих сообщениях. В Германии, по-видимому, не осознают, что казнь этого двадцатилетнего юноши при отсутствии доказательств его вины может вызвать в Соединенных Штатах сильное возмущение. По-видимому, его пытались использовать в целях мести группа пражских немцев, родные и друзья которых были казнены Гитлером 30 июня 1934 года, но если нельзя найти и предать гласности доказательства его вины, то и казнить его нельзя. Я не раз говорил это сотрудникам министерства иностранных дел. Они дали мне следующий ответ: «Американец Симпсон, помилованный нами в декабре, теперь поносит в Соединенных Штатах нацистский режим и вдохновляет коммунистов, чью пропагандистскую литературу он пытался здесь распространять. Поэтому, — говорят они, — мы должны казнить Хирша». Я сказал, что это вызовет ожесточенную кампанию в печати, поскольку

* В английском тексте, очевидно, опечатка. В первом упоминании о Хирше (см. запись от 22 апреля в этой главе) и дальше говорится, что Хирш был приговорен за покушение на жизнь Штрейхера. — *Прим. ред.*

ни нам и никому другому не предъявили доказательств преступления.

Пятница, 30 апреля. Будучи уверен, что 1 мая Гитлер организует большое пропагандистское мероприятие, подобное тому, которое он провел 20 апреля в день своего рождения, я решил в эти дни отдохнуть от работы. Неделю назад я получил официальное приглашение от министерства пропаганды. Я присутствовал на праздновании дня рождения Гитлера и считаю его скорее унижением для Гитлера, чем чествованием. Это чрезмерно даже для дипломата. Итак, я написал, что в этот день меня не будет в Берлине, но сообщил, что вместо меня будут присутствовать советник и сотрудники посольства.

Сегодня утром в 11 часов мы с женой и дочерью и нашим славным шофером сели в машину. Это был самый замечательный день с сентября прошлого года. Мы поехали по большой автострате в Ганновер, оттуда в древний Марбург через Гёттинген — прекрасный край, где на полях усердно работали крестьяне — мужчины и женщины. Ночь мы провели в городе, где Папен — сомнительная личность — произнес единственную вольную речь, которую немцам довелось слушать за все время нашего пребывания здесь.

Суббота, 1 мая. В самом начале пути в Верден нас так очаровал вид одного старинного замка на вершине холма, что я и Марта взобрались по лестницам наверх и осмотрели это замечательное средневековое здание. По ту сторону холма около тысячи нацистов кричали и пели в честь своего фюрера. Развешались нацистские флаги, хотя в окнах домов их было вывешено очень мало. Мы пересекли Рейн у Кобленца, проехали через нижнюю часть Люксембурга, в полдень достигли города этого же наименования и затем прибыли в Верден, где посетили кладбища павших солдат и дома, разрушенные немцами во время мировой войны. Это было грустное зрелище: повсюду на полях и в лесу были видны следы обстрела тяжелой артиллерией. Как сообщают, здесь в битве между французской и немецкой армиями погибло 500 тысяч солдат. Верден и земли вокруг него — самое убедительное свидетельство против войны как средства разрешения каких бы то ни было проблем.

Понедельник, 3 мая. Сегодня утром мы посетили знаменитое здание Лиги наций в Женеве. Американский представитель Артур Свитцер, родственник наших чикагских друзей, интересующихся международной жизнью, был очень внимателен к нам; он пессимистически смотрел на дальнейшую судьбу программы Вильсона, которую мы с ним пропагандировали в 1919—1920 годах в Чикаго и в штатах Среднего Запада. Он рассказал мне много интересного о неудачах Лиги наций в ее усилиях обеспечить всеобщий мир и выразил полное согласие с моими официальными донесениями об англо-французских ошибках и о преступных действиях Хора и Лавалья, предавших Эфиопию в ноябре — декабре 1935 года. Свитцер выразил уверенность в том, что если бы в ту осень были применены санкции, Муссолини вынужден был бы подчиниться решениям Лиги.

Вторник, 4 мая. В десять часов утра мы выехали в обратный путь через Базель, Гейдельберг, Франкфурт. Это очаровательный уголок Европы. В Бадене, между Базелем и Гейдельбергом, я за десять минут насчитал сорок пять женщин, работающих в поле по правую сторону от шоссе. Мужчин было, возможно, несколько больше, но среди них было мало молодых. Германия шлет свою молодежь в армию. Женщины всегда здесь работали на фермах: пахали, удаляли сорняки, сажали картофель. Этим они занимались и сегодня: крепкие женщины с грубыми руками, такие же энергичные и трудоспособные, как мужчины. Американцы были бы удивлены, увидев это, а американские женщины на поле показались бы менее энергичными и деятельными.

Мы прибыли в Гейдельберг примерно в восемь часов вечера и выехали на автостраду, ведущую к Франкфурту, где намеревались заночевать. Это — замечательное шоссе, вроде того, которое проходит между Потсдамом и Ганновером. Мы опаздывали, и я позволил шоферу ехать со скоростью 90 миль в час. Это опасно, так как покрышки могут нагреться и лопнуть, однако ничего не случилось, и мы вскоре очутились в хорошем отеле, где удобно устроились на ночь.

Четверг, 6 мая. Лорд Лотиан, в прошлом Филипп Керр, секретарь Ллойд Джорджа во время мировой

войны, прибыл в понедельник в Берлин по просьбе Гитлера и, как говорят, беседовал с диктатором в течение двух часов. Сегодня он будет у нас на завтраке. 3 мая Нейрат был в Риме и встречался с Муссолини. В тот же день Геринг был в Югославии, где беседовал с главой правительства. В течение ближайших нескольких дней я, вероятно, узнаю кое-что об этих делах. Я думаю, однако, что Гитлер и его приближенные обеспокоены событиями в Испании и в равной мере озабочены возможностью установления сотрудничества между дунайско-балканскими странами. Германия считает, что она должна аннексировать эти страны или по крайней мере установить над ними контроль. Но этого же добивается и Италия, особенно если Испания восстановит свою независимость.

Сегодня почетным гостем у нас был Дикгоф, уезжающий вечером в Вашингтон в качестве посла. Я приветствовал его в кратком слове, в котором в шуточной форме коснулся политики низких тарифов правительства Рузвельта и независимости Филиппин. Все смеялись, кроме лорда Лотиана, который впоследствии сделал вид, что ничего не слышал про переговоры о низких тарифах. В ответном слове Дикгоф обошел эти щекотливые вопросы, возможно, боясь, что другие немцы запишут его слова. Когда мы вышли из столовой, я подошел к Лотиану, с которым встречался в 1928 году. Тогда он был в стороне от государственных дел, но все еще полон восхищения своим бывшим начальником Ллойд Джорджем. Теперь он высмеивал его и особенно его недавние речи против правления английских консерваторов. Лотиан восхвалял Гитлера за то, что он спас Германию в 1933 году. Он сказал, что его беседа с фюрером 3 мая касалась главным образом Муссолини и англо-германских отношений, достигших критической стадии. Дальше этого он не пожелал идти и неоднократно ссылаясь на письмо, которое я написал ему в 1935 году относительно опасной обстановки в Европе. Он дважды высказывал ненависть к Франции, а также свое неодобрение деятельности Вудро Вильсона в 1918—1920 годах. Мне было очень трудно установить его место в европейских политических течениях. Он кажется мне самым закоренелым фашистом из всех англичан, с которыми мне приходилось встречаться. Его тревожила недавняя критика ан-

глийской общественностью Италии и особенно Германии за их варварские дела в Испании.

Среда, 12 мая. Сегодня после недельного затишья я узнал через корреспондентов, что мое осторожное письмо сенатору Бэркли от 1 марта стало предметом жаростных дебатов в сенате Соединенных Штатов. Я преследовал две цели: во-первых, показать, как Верховный суд, возглавляемый Маршаллом, выносил решения и претендовал на право налагать вето на законы, принятые конгрессом; во-вторых, еще раз обратить внимание на то, что партии, одержавшие победу, наносили поражения президентам Кливленду, Теодору Рузвельту и Вудро Вильсону, своим собственным лидерам, избранным подавляющим большинством голосов, когда те пытались выполнить то, ради чего они были избраны. Мой вывод сводился к следующему: демократия в Соединенных Штатах находится в большей опасности, чем когда-либо со времен Линкольна.

Как это ни странно, сенаторы сосредоточили все свое внимание на единственной фразе в конце письма, где я говорил о том, что, по имеющимся у меня сведениям, некий архимиллионер выступает за установление диктаторского режима, подобного тем, которые существуют в России, Германии и Италии². Не было никаких упоминаний о важнейших фактах нашей истории. Боясь, что произойдет нечто подобное, я заранее послал копию письма судье Муру с просьбой переслать ее для опубликования в редакцию ричмондской газеты «Пост диспэтч». К моменту начала дебатов в сенате, кажется, на второй день, письмо было опубликовано. До сих пор я не знаю, как вела себя пресса в целом. Боюсь, что репортеры попросту подхватывали нападки сенаторов.

Суббота, 15 мая. Я получил вырезки газетных статей по поводу моего письма — все это самые постыдные передержки. Мои главные противники — сенаторы Бора и Кинг³. Их цель — доказать вне всяких сомнений, что я должен уйти со своего поста в Берлине и дать показания относительно тех миллионеров, которые действуют по указаниям из европейских столиц. Государственный департамент отказался поддержать эти требования сенаторов и, как мне кажется, указал им на их заблуждения.

Сегодня я послал телеграмму президенту, в которой обратил его внимание на то, что главные положения моего письма остались вне поля зрения. Другую телеграмму я послал судье Муру с просьбой напомнить сенатору Кингу, что он раздул значение одной фразы в письме, а также передать ему, что я не могу назвать имена лиц, которые в Соединенных Штатах сообщили мне конфиденциально о возможной угрозе установления диктаторских режимов. Я дал находящимся здесь американским корреспондентам детальное изложение всего, что мной было заявлено по этому поводу, и разъяснил им, почему я не могу предать гласности полученную мной информацию о планах установления диктатуры. Они сказали, что уже опубликована подробная информация о моих беседах с ними. Если так, то дело может несколько проясниться.

Германское министерство иностранных дел не пророчило по этому поводу ни слова. Насколько мне известно, в немецких газетах ничего не было напечатано, хотя я убежден, что из германского посольства в Вашингтоне поступила информация. Немцы, как мне кажется, боятся, что если они начнут кампанию против меня, то я опубликую книгу о тех мрачных четырех годах, которые я провел здесь. Я убежден, что сотрудники министерства иностранных дел в значительной мере сочувствуют мне. Кроме того, официальные лица знают, что следует говорить и делать в подобной ситуации. В официальных кругах Вашингтона известно, что я готов уйти в отставку. Мне надоело бездействовать здесь.

Среда, 19 мая. Сегодня я получил сердечное письмо от президента Рузвельта, в котором он пишет, что разделяет мое мнение по вопросу о Верховном суде и что этот год является наиболее подходящим временем для проведения в стране честной, откровенной дискуссии. Письмо было написано накануне его поездки по Мексиканскому заливу, где он решил провести свой отпуск. Таким образом, его не было в США, когда сенаторы обрушились на меня за мое письмо. Президент просил также сообщить мое личное мнение о новом после Дикгофе, который должен вскоре прибыть в Вашингтон.

Судья Мур тоже написал мне, известив, что президент обещал пост посла в Берлине Дэвису, который сейчас

находится в Москве или, вернее, на пути туда. Он оставался в Лондоне, где, вероятно, потратит большую сумму денег, чтобы посмотреть 12 мая церемонию коронации. Мур был так уверен в этом, что даже не передал мое последнее письмо президенту. С моей точки зрения подобный способ назначения настолько чужд нашей демократии, что я испытываю большую склонность взять назад свое обещание об уходе в отставку. Что за идея назначать сюда человека, не знающего немецкого языка, мало знакомого с европейской историей или со всем тем, что связано с современной обстановкой, и намеревающегося тратить по 100 тысяч долларов в год! Так или иначе, я решил отложить свое возвращение в Соединенные Штаты и сообщить президенту свое мнение о том, что этот человек не соответствует такому важному посту.

Четверг, 20 мая. Сегодня ко мне явился бедно одетый немец лет семидесяти. Во время инфляции он потерял все, что имел, и сейчас числится пенсионером. Но он изобрел средство предохранения дерева от возгорания и предполагал, заняв деньги, открыть новое дело, которое принесло бы ему доход. Он сказал, что пытался получить патент на свое изобретение, но правительство не разрешило зарегистрировать его. Я не уверен, что это так, но он показал мне объявление, в котором указывалось, что все изобретения и открытия принадлежат правительству. Во всяком случае он боялся, что его арестуют, если станет известно, что он был у меня, особенно учитывая его намерение просить визу для поездки в Соединенные Штаты, где он надеялся продать свое изобретение и заработать себе на жизнь. Я не мог ничего обещать ему, поскольку у него нет никаких средств, чтобы приступить к делу.

Это лишь один из многих случаев, с которыми мне приходится сталкиваться. Несколько дней назад я получил отчет Фонда Рокфеллера за 1936 год. Из него видно, что начиная с 1936 года были уволены 1639 немецких профессоров и учителей и что Фонд выделил 532 181 доллар для оказания им помощи. Немецкая система запрещает оппозицию и критику в любой форме; она контролирует все учебные заведения — от начальных школ до университетов; она признает лишь одну религию, осно-

ванную на некоторых предрассудках, сложившихся еще до начала истории Германии. Эта система существует всего три года, но народ, как видно, в значительной мере подчинился ей. Германское правительство расходует миллионы долларов на то, чтобы через министерство иностранных дел распространить эту систему на весь мир.

Сегодняшние немецкие газеты полны яростных нападок на чикагского кардинала Мэнделейна за его выступление перед многолюдной аудиторией священников с критикой жестокой немецкой действительности. Американские католики, видимо, присоединяются к еврейским и иным священнослужителям в критике немецкой религиозной автократии.

Сегодня в полдень у меня была встреча с Шахтом. Я спросил его, имеются ли у нового посла Дикгофа полномочия вести переговоры по заключению торгового договора с Соединенными Штатами. Не сказав ни да, ни нет, он тем не менее утверждал, что согласен с Хэллом по вопросу о снижении тарифов и о том, что это будет способствовать всеобщему миру. Но тут же он заявил, что Хэлл помешал Бразилии заключить с Германией двусторонний договор и кредитное соглашение. Я выразил сомнение в этом, но он утверждал, что Хэлл грозил Бразилии прекратить закупки кофе, если она пойдет на уступки Германии.

Когда Шахт пошел дальше и заявил, что единственный вид соглашений, который признает Германия, — это двусторонние соглашения вроде тех, которые заключены с Италией, Бельгией и другими странами, мне стало ясно, что он не согласен с Хэллом и пытается свалить все на американскую оппозицию. Я спросил, читал ли он нападки в немецкой прессе на чикагского кардинала Мэнделейна. Он ответил «да». Тогда я передал ему отчет Фонда Рокфеллера, в котором сообщалось об увольнении 1639 профессоров и учителей и обратил его внимание на то, что этот Фонд жертвует 532 181 доллар. Шахт не стал оспаривать достоверность отчета и попросту заявил: «Да, положение католиков, евреев и учителей в Германии тяжелое. Это последствие революции. То же самое было во Франции в 1789 году». Я не согласился с этим, тогда Шахт сказал, что это будет продолжаться еще много лет. По-видимому, он примирился с этой системой

насилия, которую прежде в разговорах со мной осуждал. Я был несколько удивлен. На этом наша беседа закончилась, и я решил немедленно сообщить в Вашингтон основное содержание его высказываний. Нет никаких видов на улучшение германо-американских отношений, абсолютно никаких шансов. Шахт говорил так, словно гитлеровский режим непоколебим.

Суббота, 29 мая. Сегодня я вернулся из Магдебурга. Придя в посольство, я на письменном столе увидел запечатанный конверт с пометкой «секретно». Это было письмо от Мейснера, личного секретаря Гитлера. Он сообщал ответ Гитлера на мое письмо от 30 апреля. Я просил смягчить наказание бедняге Хиршу за его преступление, которое определяется как «покушение на жизнь Штрейхера». Мои аргументы состояли в том, что Хирш не совершил преступления и не был схвачен при попытке совершить его, что он американский гражданин, а американские законы не предусматривают смертную казнь за преступление, которое было задумано, но не было совершено. Ответ Гитлера сводился к тому, что смягчить приговор невозможно. Через некоторое время после прочтения письма я позвонил Мейснеру по телефону. Его экономка сообщила, что он ушел на весь вечер. Убедившись в том, что Хирш был в худшем случае всего лишь слепым орудием в этом деле и что его не следовало казнить, я надеялся добиться отсрочки казни.

Я столкнулся со следующим любопытным случаем. Ко мне пришла одна молодая немка с просьбой помочь ей эмигрировать из Германии с человеком, с которым она была обручена с 1933 года. Она работала в канцелярии французского посольства, а он инженер, наполовину еврей. До прихода Гитлера к власти он занимал высокий государственный пост, а в 1933 году был отстранен от своей должности и с тех пор нигде не может устроиться, так как было запрещено принимать его на работу. Таким образом, женитьба отложена, поскольку в Германии такие браки запрещены.

Спустя некоторое время она также была уволена и не может найти другую работу. Газета «Штюрмер» обрушилась с нападками на них за то, что они по-прежнему

привязаны друг к другу. Ей удалось повидать самого Гитлера и просить его проявить терпимость, другими словами, дать разрешение на брак. Гитлер отказал, и тайная полиция отобрала у ее жениха заграничный паспорт, дававший ему право на выезд из Германии. Всю их корреспонденцию перехватывали, особенно все письма из-за границы. Девушка надеялась на то, что американское консульство в Берлине поможет ей и ее жениху выехать в Соединенные Штаты, где у них имеются родственники, с которыми они не могут связаться, так как их переписку перехватывают.

Меня эта история тронула, но я не представляю себе, что можно сделать. Моя посетительница сказала, что если ей ничем нельзя помочь, то они попытаются пересечь французскую границу, так как французский посол обещал содействие, если их арестуют за отсутствие документов.

Весьма интересно и то, как были похоронены 22 мая во Франкфурте тела жертв катастрофы цеппелина «Гинденбург». Распоряжался гитлеровский районный лидер. Траурный кортеж состоял из нескольких десятков тысяч штурмовиков, чернорубашечников и членов гитлеровской молодежи. Во время прощальной церемонии народ был оттеснен к боковине улицы или стоял в отдалении. Хотя присутствовали католические и протестантские священники, Штрэнглер, лидер, руководивший церемонией, ничего не сказал ни о боге, ни о спасении душ, кроме одной фразы, содержавшей древнее языческое верование: «Их взял к себе их Валгалла». Это, мне кажется, говорит о том, что розенберговская система религии получила одобрение. Нет никаких сообщений о том, что эта древняя религиозная церемония вызвала какое-либо недовольство во Франкфурте. Когда погребение закончилось, был дан оружейный залп, и над толпой пронеслись военные самолеты.

Понедельник, 31 мая. Как обычно, после нескольких месяцев пребывания здесь, у меня начались постоянные головные боли. Вчера у меня был трудный день, хотя было воскресенье. Я выступил в американской церкви в День павших бойцов; темой своего выступления я избрал следующее изречение из VII главы Евангелия св. Матвея: «Поступай с другими так, как ты хотел бы,

чтобы они поступили с тобой». Моя мысль состояла в том, чтобы показать, что люди почти всегда проигрывают войны, даже в тех случаях, когда они выигрывают последние битвы. Для устранения каких-либо искажений моего выступления в американской прессе я роздал находящимся в Берлине американским корреспондентам сокращенный текст его. Я говорил в течение получаса при полной тишине в зале. Боюсь, что ни одна немецкая газета не напечатает ни слова из моего выступления, поскольку тема его — мир.

Получив в субботу извещение о том, что Хирш будет казнен, я отправился к Нейрату; я просил его убедить Гитлера посчитаться с американскими законами. Нейрат с сочувствием отнесся к моему заявлению и обещал, что на следующее утро повидает Гитлера и изложит ему мою просьбу или по крайней мере попросит об отсрочке казни.

В связи с тем, что обстрел немецкого военного корабля у восточных берегов Испании, во время которого было убито двадцать немцев, вызвал здесь всеобщее возмущение, я спросил Нейрата, как это произошло. Он ответил, что ему ничего не известно, но что он возражал против ответной бомбардировки испанского города. Он утверждал, что вновь требовал согласия Германии на вывод всех войск, сражающихся в Испании, однако сомневается в том, что в случае вывода немецких и итальянских войск лондонская комиссия по невмешательству сможет что-либо сделать. Он отметил напряженность обстановки.

Среда, 2 июня. Сегодня днем я посетил Мейснера, секретаря Гитлера. Я вновь заявил ему, что считаю несправедливым приговор Хиршу и тот факт, что ни посольство, ни мое правительство не получили никаких доказательств его преступления. Я сказал также, что получил еще одно указание от Хэлла просить отсрочить исполнение приговора или, если улики убедительны, заменить смертную казнь пожизненным заключением. По словам Мейснера, доказано, что Хирш должен был взорвать помещение нацистской партии в Нюрнберге и убить Штрейхера, этого юдофоба, редактора газеты «Штюрман». Мейснер признал, что, поскольку Хирш яв-

ляется американским гражданином, американские законы должны быть приняты во внимание. Он обещал быть у Гитлера и доложить ему о моей просьбе, но отметил, что казни происходят в Германии тайно и поэтому он боится, что Гитлер не согласится даже на отсрочку.

Обстановка в Испании, кажется, немного разрядилась, но поступают сообщения о том, что немецкие самолеты, подводные лодки, корабли и солдаты уже находятся на пути в Испанию. Говорят, что новый английский посол в Берлине полностью сочувствует германо-итальянской агрессии в Испании. Его фамилия Гендерсон, и до прибытия сюда он несколько лет провел в Аргентине. Он уже проявил свою безоговорочную поддержку Франко, по-видимому, не отдавая себе отчета в опасности, нависшей над Англией. По некоторым сведениям, он заверил германское правительство в том, что Англия не будет возражать, если Гитлер захватит Австрию и Чехословакию. Мисс Шульц, корреспондентка «Чикаго трибюн» сообщила мне сегодня, что 7 июня Нейрат выезжает из Берлина для переговоров с правительствами Югославии, Венгрии и Болгарии. По моим предположениям, его миссия состоит в том, чтобы сорвать усилия Австрии, Чехословакии и Румынии расширить Малую Антанту в целях взаимной защиты. Кроме того, эта поездка, как мне кажется, представляет собой логический результат плана помощи Италии в покорении Испании. Тогда Германия осуществит свою тысячелетнюю мечту — захватит или по крайней мере подчинит себе все балканские страны. Италия должна господствовать на всем Средиземноморье, исключая Францию, а Германия — над восьмьюдесятью миллионами населения Балкан вплоть до Греции. Сегодняшние сообщения печальны.

Четверг, 3 июня. Днем я нанес два интересных, хотя и бесплодных, визита. В пять часов я посетил французского посла. Он разделяет мое мнение о том, что нависла неотвратимая угроза захвата Испании Италией и балканских стран Германией. Нейрат говорил ему во вторник, что он предотвратил дальнейшую бомбардировку Испании немецкими войсками, или во всяком случае на одном из заседаний кабинета, происходившем в поне-

дельник, успешно возражал против продолжения бомбардировки. Это было более сильное заявление, чем то, которое было сделано мне в понедельник.

Когда я затронул вопрос о наших трудностях по делу Хирша, он сказал, что ему известно об этом деле и что его не удивляет позиция Гитлера. Затем он добавил:

— Мне известно, что Муссолини приказал убить югославского короля, когда тот высадился в Марселе два года назад. Это — метод диктаторов.

Из французского посольства я отправился в германское министерство иностранных дел, где был принят Макензенон, зятем Нейрата. Он сказал мне, что его тесть, согласно данному мне обещанию, во вторник утром пытался убедить Гитлера не казнить Хирша. Он сообщил мне также, что Мейснер сегодня дважды был у Гитлера, утром и в два часа дня, и предупредил его о возможных международных последствиях этого дела, но Гитлер не пожелал даже отсрочить казнь, и Хирш будет обезглавлен завтра на рассвете. Остановить это невозможно. Я напомнил ему о предыдущих ошибках немцев в их отношениях с Соединенными Штатами. Он согласился со мной, но не проявил более правильного понимания вещей.

Пятница, 4 июня. Сегодня на заре бедному Хиршу отсекли голову. Когда ко мне явились представители прессы, я счел себя обязанным сообщить им факты о казни и о всех наших усилиях спасти его жизнь, хотя мы никогда не утверждали, что он полностью невиновен. Этот молодой еврей, естественно, мог поддаться уговорам находящихся за рубежом евреев, подвергшихся преследованиям, и проникнуться стремлением убить Штрейхера, который в течение пяти лет только и занимался, что преследовал евреев и изгонял их из страны.

Факты говорят о том, что народы в Европе испытывают гнет, но в Соединенных Штатах мы также видим довольно печальные свидетельства несправедливости, могущие в дальнейшем создать угрозу демократии, которую все мы надеялись установить и в которую действительно верим, но она не существует еще на деле в национальном масштабе.

Правительства, утверждающие, что они демократические, то есть, что они действуют на благо своих народов, часто злоупотребляют своими возможностями. Но это всего лишь осторожная критика того, что происходит во всех великих державах после мировой войны. Я не могу забыть опубликованные материалы, говорящие о том, что американские и английские фабриканты оружия не раз срывали мирные усилия Лиги наций. Вскоре после своего приезда сюда я узнал, что французские военные промышленники помогли Гитлеру прийти к власти. Способно ли человечество быть справедливым и честным? Способны ли правительства и всемогущие корпорации действовать в интересах народов?

XII

5 июня 1937 г.—28 сентября 1938 г.

Суббота, 5 июня. Это была тяжелая неделя. В понедельник рано утром немцы подвергли бомбардировке незащищенное население испанского города Альмерия. Они проявили полное безразличие к просьбе пересмотреть дело Хирша, хотя мое правительство неоднократно просило представить доказательства его вины и принять во внимание наши законы, поскольку Хирш не совершил попытки убить Штрейхера. Отношение к людям здесь более безжалостное, чем когда-либо со времен средневековья. Трудно предсказать, к чему все это приведет, — к господству Германии над всей Европой или к новой войне?

Понедельник, 14 июня. Вчера у нас был завтрак в честь полковника Нокса, прошлогоднего кандидата в вице-президенты Соединенных Штатов. У нас были бывший немецкий статс-секретарь Кюльман и капитан Видеман, личный советник и приближенный Гитлера. Справа от меня сидел аргентинский посланник, делавший огромные усилия говорить по-английски. Присутствовали корреспонденты некоторых крупнейших газет: Лохнер, Эббат от лондонской «Таймс», Ширер от херстовских газет и Дьюэл от «Чикаго дейли ньюс» — газеты Нокса в течение шести лет.

Меня удивило то, что Нокс, непоколебимый республиканец в течение всей своей жизни, с симпатией отзывался о Джоне Л. Льюисе, одном из наиболее влиятель-

ных вождей Конгресса производственных профсоюзов, организаторе множества сидячих забастовок повсюду в Соединенных Штатах. Нокс сказал, что давно знает Льюиса, профсоюзного лидера, до 1932 года поддерживавшего республиканцев, и встречался с ним перед самым отъездом из Соединенных Штатов. Он считает, что Льюис будет внесен в список кандидатов в президенты на съезде демократической партии в 1940 году. Если съезд не изберет его, то он, имея поддержку практически всех профсоюзных организаций, порвет с демократами и выступит на выборах как независимый кандидат от профсоюзов. Это, по мнению Нокса, даст республиканцам возможность восстановить свою власть в стране, но, добавил он, чтобы победить, его партия должна выдвинуть либеральную программу. Из его разговоров явствует: республиканцы уже подстрекают Льюиса. Нокс хотел создать впечатление, будто он одобряет большую часть того, что сделал или намерен сделать Рузвельт. Из этого я заключаю далее: по-видимому, он приступает к осуществлению собственного плана выдвижения своей кандидатуры от республиканской партии. Он провел месяц в Европе, встречался с Муссолини и другими деятелями Италии, но не собирается использовать свое пребывание здесь для встреч с Гитлером и Герингом.

В субботу Сталин казнил восемь генералов Красной Армии¹. Их заподозрили в тайных сношениях с Германией и даже с французскими фашистами в целях свержения Советского правительства. В обвинении указывалось, что эти генералы обещали отдать Германии Украину и расторгнуть договор с Францией и Чехословакией. Мне трудно судить, что скрывается за всем этим, но Видеман, сидевший вчера за столом рядом со мной, сказал, что в течение субботы и воскресенья он должен собрать всю имеющуюся информацию и передать ее по телефону Гитлеру, находившемуся в то время в Берхтесгадене, вблизи австрийской границы. Это наводит на размышления — не вел ли кто-либо из гитлеровских соратников какую-либо закулисную игру в России.

Однако немецкие газеты изображают это событие как одно из самых жестоких преступлений в современной истории, совершенно игнорируя то, что Гитлер и Геринг в июне и в начале июля 1934 года перебили несколько сот своих противников в Германии. Высшие

чины немецкой армии на одном заседании вынудили Гитлера признаться в некоторых его преступлениях. Но какие-либо свидетельства виновности противников Гитлера так и не были опубликованы. Странно видеть теперь Геббельса, несущего большую долю ответственности за убийства 1934 года, в роли руководителя немецких газет, осуждающих казни в России.

Четверг, 17 июня. В то время, когда газеты восторженно пишут о поездке Нейрата в Лондон для переговоров с англичанами о мире, Гитлер обратился с речью к молодым итальянцам. Он заявил, что готов к войне. Народ в Соединенных Штатах, по-видимому, полон решимости придерживаться нейтралитета даже в том случае, если возникнет опасность подчинения всей Европы единой диктатуре.

То обстоятельство, что внимание европейских стран в течение последних двух недель приковано к испанским делам и к событиям в России, по-видимому, впервые после прихода нацистов к власти открывает перед Гитлером, Герингом и их сообщниками возможность захвата если не всей территории Чехословакии, то хотя бы ее части. Они хотели бы захватить и Австрию, но у них нет уверенности в том, как поведет себя Муссолини. Немецкие диктаторы мечтают совершить аннексию без войны, поскольку они банкроты и испытывают большую нехватку продовольствия. В связи с засухой, длящейся уже три недели, урожай хлеба на половине территории Германии сократится, очевидно, процентов на тридцать.

В прошлый понедельник, когда начались переговоры о мирном соглашении с Англией, были арестованы пять протестантских проповедников; наиболее крупная фигура из них — священник церкви памяти кайзера Вильгельма I Якоби, с которым я имел беседу о проблемах свободы религии. Одновременно были произведены аресты в Мюнхене и обыск у католического епископа в Кёльне. Корреспондент лондонской «Таймс» говорит, что теперь газета отвергает более половины его корреспонденций, в то время как «Манчестер гардиен» печатает обзоры, которые она, как видно, получает по тайным каналам через английское министерство иностранных дел.

Суббота, 20 июня. Моя жена и я были вчера на обеде у латвийского посланника. За столом почти все гости высказывали независимые суждения, что несколько необычно для Берлина. Посланник небогатый человек; его дом и столовая имеют скромные, но вполне достаточные удобства. Он с самого начала дал мне понять, что осуждает нацистскую диктатуру и беспокоится за результаты лондонского совещания представителей Германии, Англии, Франции и Италии. Франсуа-Понсэ, французский посол, сидел напротив меня и в присутствии гостей позволял себе свободно говорить об опасностях, ожидающих нас; но он хранил молчание по поводу ошибки, допущенной Францией в январе 1935 года, когда она дала согласие на захват Абиссинии Италией и способствовала последнему крупному поражению Лиги наций.

Латвийский военный атташе, сидевший по правую сторону от меня, откровенно говорил о возможных опасных последствиях ослабления позиции России. Чешского посланника больше беспокоили угрозы в адрес его маленькой страны. Он признал, что оценка ситуации, которую дает «Манчестер гардиен», правильна. В этой газете говорится, что в условиях постоянной враждебной кампании со стороны немецкой печати против чехословацкого правительства Бенешу будет трудно искать дружественного взаимопонимания с Гитлером. Он сообщил, что заявил официальный протест министерству иностранных дел Германии против измышлений, будто его правительство провоцирует преследования немцев в Чехословакии. Его жена сказала Мэтти: «Если Германия нападет на нас, Россия сразу же придет нам на помощь». Я сомневаюсь в этом, если только Франция не нападет на Германию в Рейнской зоне.

После обеда, сидя с латвийским посланником и послом Франции, я завел разговор об испанской проблеме. Француз подавлен, он считает, что Блюм будет свергнут в ближайшие дни. Я в этом сомневаюсь, но положение в Париже действительно тревожное. Далее Франсуа-Понсэ сказал, что Англия намерена уступить немецким требованиям на Ближнем Востоке.

— Будет ли это означать войну? — спросил я.
Он ответил:

— Нет, быть может, позже, поскольку во Франции так сильны пацифистские настроения.

В то же время он сказал, что снял на лето дачу около Потсдама, оговорив право расторгнуть соглашение в течение одного месяца. Он действительно боится, что война может разразиться примерно в конце июля.

Я не верю в это, так как Германия не обеспечена довольствием и Гитлер намеревается захватить Австрию и Чехословакию без войны. Единственная страна, в реакции которой он сомневается, — это Россия. Французский посол сказал мне также, что у него есть сведения о том, что немцы вели переговоры с русскими генералами о свержении Сталина, возможно, с целью отдать Гитлеру Украину, которой он так домогается.

Среда, 23 июня. Эта неделя насыщена тревожными событиями. В понедельник газеты были полны сообщений о падении правительства Блюма. Полагая, что позиция России ослаблена, а Народный фронт во Франции (30 процентов коммунистов) развалился, Гитлер, по-видимому, решил: приближается момент, когда он сможет диктовать свои условия Европе. Поэтому он отменил поездку Нейрата в Лондон. Англичане, очевидно, обещали значительные уступки Германии, но Гитлер требовал большего либо в Испании, либо в районе Австрии и Чехословакии, а, быть может, и тут и там. Англия дала понять, что дальше идти она не может, а Гитлер не отступился от своих непомерных притязаний и запретил Нейрату поехать в Лондон для участия в конференции.

Во вторник Геббельс произнес речь, полную яростных нападок на Россию, Чехословакию, Францию и Англию, и газеты громко поносили министра иностранных дел Англии Идена, отказавшегося идти на дальнейшие уступки. У нас имеются сообщения из Форин оффис, а также из английского посольства о том, что английский посол Гендерсон прочитал Нейрату лекцию, предназначенную для Гитлера. В течение двух месяцев он прилагал все свои усилия, чтобы облегчить Германии и Англии урегулировать споры по испанскому вопросу, быть может, даже по притязаниям Германии на Востоке. Когда, казалось, успех уже был достигнут, Гитлер сорвал пере-

говоры. Гендерсон назвал это чистейшим безрассудством и дал волю своему возмущению.

Когда я встретился с Нейратом на его ежегодном благотворительном вечере, он изъявил желание побеседовать. Я сказал:

— Мне жаль, что вы не едете в Лондон, чтобы положить конец затянувшейся войне в Испании.

Он подхватил мои слова и также выразил сожаление по этому поводу. Разными способами он дал понять, что считает это решение нелепым капризом Гитлера. Тысяча гостей заполнили лужайку перед особняком Нейрата. Многие дипломаты, и среди них даже француз, латиноамериканцы и особенно посланники балканских и дунайских стран, выразили свое сочувствие Нейрату.

Сегодня стало известно, что Муссолини недоволен решением Гитлера; не удовлетворены также немецкие офицеры, поскольку они надеялись, что немецкие войска будут выведены из Испании. Говорят также, будто сам Гитлер в замешательстве. В последнем я сомневаюсь. Так или иначе, мы сообщили по телеграфу о враждебной кампании в печати против Англии и о наблюдающейся здесь нервозности вопреки поведению прессы. Мое мнение таково: Гитлер надеется добиться своего в условиях осложнений, возникших во Франции и России, и рассчитывает отколоть Англию от Франции.

Озабоченный позицией Англии, я посетил английского посла Гендерсона. В первую очередь мы обменялись мнениями об англо-американском торговом сотрудничестве и об обоюдном снижении тарифов. Эту необходимость я проповедую уже два года. Посол сказал, что полностью поддерживает меня. Но когда я спросил его о позиции его правительства по отношению к Германии, он ответил:

— Мое правительство вело себя неразумно в своих отношениях с Германией, и я сказал это Нейрату. Я заявил ему также, что отрицательное решение Гитлера в отношении его поездки в Лондон было в равной мере неразумно.

Затем Гендерсон перешел к общим рассуждениям о положении вещей.

— При Гитлере, — сказал он, — Германия вернулась к бисмарковской политике аннексии всех европейских

стран с населением германского происхождения: Австрии, Чехословакии и других.

Хотя я и подозревал наличие у Гендерсона склонности поддержать германские захваты, я не ожидал, что он пойдет так далеко в своих высказываниях. Затем он сказал:

— Германия должна подчинить себе дунайско-балканскую зону, а это означает ее господство в Европе. Британская империя вместе с Соединенными Штатами должна господствовать на морях. Англия и Германия должны установить тесные отношения, экономические и политические, и господствовать над всем миром.

Развивая дальше свою мысль, он заявил:

— Франция утратила свое значение и не заслуживает поддержки. В Испании хозяином будет Франко.

Он, как видно, не придает значения тому возмущению, которое в Англии и Соединенных Штатах вызывают безжалостные преследования нацистами католиков, протестантов и евреев. Интересно, в какой мере посол Гендерсон выражает точку зрения своего правительства? Что произойдет с Англией, если Германия захватит все страны вплоть до Черного моря?

Среда, 30 июня. Сегодня я узнал от одного моего друга прискорбную весть о новом заместителе государственного секретаря Сэмнере Уэллесе. Согласно этому сообщению Уэллес обязан своим назначением усилиям шести сенаторов, которые пригрозили голосовать против рузвельтовской реорганизации Верховного суда, если Рузвельт не назначит Уэллеса на этот пост. В начале президентства Рузвельта он был послом на Кубе и, как мне известно, вел себя там крайне предосудительно.

Ему принадлежит один из самых больших домов в Вашингтоне с пятнадцатью слугами; кроме того, он владеет летней усадьбой в Мэриленде. Он гордится тем, что может тратить в два раза больше, чем Хэлл, и его приемы затмевают приемы любого посла в Вашингтоне. Я был удивлен, прочитав в газетах день или два назад, что Рузвельт провел воскресенье у Уэллеса в его мэрилендской усадьбе. Поистине политика — сложная игра, даже когда речь идет о настоящих людях, вроде Рузвельта.

Вторник, 6 июля. Президент Филиппин Кезон нанес мне сегодня визит вежливости и рассказал о своих планах: он хочет увидеть своими глазами происходящее в Германии, побеседовать с Гитлером, а также выяснить возможность заключения торговых соглашений. Я встречался с Кезоном приблизительно в 1912 году, когда он выступал в Чикаго с лекциями о независимости Филиппин. Он кажется мне весьма способным и рассудительным человеком. Независимость Филиппин — цель его жизни, — по-видимому, близка к осуществлению, но его тревожит Япония, и он выразил надежду, что Германия вернет свои владения на Дальнем Востоке. Мне кажется, он надеется, что это может помешать Японии захватить его страну. Он панически боится также распространения американских тарифов на Филиппины.

Понедельник, 12 июля. Сегодня у меня был Джордж С. Мессерсмит, наш посланник в Австрии. Он вскоре займет место заместителя государственного секретаря Карра, находящегося на этом посту вот уже сорок лет.

Я рассказал Мессерсмит, что австрийский посланник в Берлине во время прогулки со мной в укромной аллее Тиргартена проявил большую озабоченность судьбой своей страны. По мнению Мессерсмита, эта озабоченность вызвана беседой между Гендерсоном, английским послом в Берлине, и одним видным должностным лицом из Вены. Английский посол заявил, что Австрия, будучи нацистской, должна быть присоединена к Германии. Это тотчас было сообщено австрийскому канцлеру Шушнигу и вызвало немедленный телеграфный запрос в Лондон.

Шушниг был удовлетворен опровержениями Идена, но когда Мессерсмит покидал Вену, обстановка там была напряженной, особенно в связи с совещаниями у Гитлера в Берхтесгадене, где Папен выдвинул неприемлемые требования. По словам Мессерсмита, австрийцы будут воевать, если Гитлер двинет свои войска в страну. Все время происходит нечто подобное.

Днем у меня был Карл фон Виганд, возвращающийся из Австрии, где он лечился, после того как заболел в Испании. Он сказал, что Австрия все еще находится в состоянии большой тревоги; в Мюнхене он в течение часа беседовал с генералом Рейхенау, одним из наибо-

лее видных офицеров армии; генерал был крайне раздражен действиями фюрера, вступившего на путь открытого вмешательства в испанские дела.

По словам Рейхенау, армия ни в коей мере не сочувствует гитлеровскому режиму, но Гитлер сильно увеличил численность эсесовских войск, взяв из армии лучших молодых офицеров и создав эсесовские части для использования в личных целях. Пять тысяч эсесовцев постоянно находятся в Мюнхене, остальные рассредоточены по всей Германии. Цель, по-видимому, состоит в предупреждении народного или военного мятежа. Вся полиция также состоит из эсесовцев и превосходно вымуштрована.

Вторник, 13 июля. Утром мне нанес визит китайский посол, чтобы выразить признательность за поддержку со стороны Соединенных Штатов, в то время как японцы возобновляют наступление в Северном Китае. Он сказал:

— Япония избрала этот момент для нападения на Китай потому, что Россия переживает внутренние трудности, которые не дают ей возможности оказать нам помощь. Японская военщина стремится разжечь теперь войну, рассчитывая победой в Китае восстановить престиж правительства в народе, который уже дважды подавляющим большинством голосов на выборах высказывался против существующего режима.

Хотя мои познания о положении на Дальнем Востоке недостаточны, чтобы быть уверенным в достоверности этого суждения, оно кажется мне довольно логичным и, по-видимому, правильным. Посол проявил большую озабоченность, но заявил, что его страна будет сражаться с Японией не на жизнь, а на смерть.

Среда, 14 июля. В связи с осложнениями и опасностями, которыми чревата международная обстановка, я сегодня в полдень посетил министра иностранных дел Нейрата. Когда я входил в министерство, японский посол покидал его. Нейрат сказал мне, что Россия провоцирует Китай воевать против японцев. Когда я передал ему то, что мне вчера сообщил китайский посол, Нейрат стал утверждать, что науськивание исходит от России; по его словам, Германия согласна поддержать Соединенные Штаты и Англию, если они будут вести переговоры об

установлении мира на Дальнем Востоке. На мой вопрос о положении в Испании он ответил, что Муссолини не настаивает более на присылке новых немецких войск и вооружения в Испанию. Пока еще трудно сделать конкретные выводы, но все заявления об испанской войне наводят на мысль о подготовке какого-то решения, выгодного Германии и Италии.

Я больше склонен верить в достоверность высказываний китайца, чем какого-либо высокопоставленного немецкого представителя. Нейрат лично не согласен со многими действиями Гитлера, но он всегда покоряется.

Вторник, 20 июля. По поручению государственного секретаря Хэлла я сегодня посетил статс-секретаря Макензена. В течение получаса я пытался узнать, каково действительное отношение Германии к протестам Соединенных Штатов по поводу войны на Дальнем Востоке. Все, что я смог из него вытянуть, — это следующее: «Россия тайком помогает как Японии, так и Китаю, надеясь ослабить обе стороны»². По его словам, Германия одинаково дружественна к Японии и к Китаю, но не намерена помогать ни одной из сторон. Когда я осведомился об отношении к меморандуму Хэлла, который мне велено было вручить, он ответил, что не может дать письменного ответа, поскольку завтра уезжает, а Нейрат будет отсутствовать до 1 сентября. В то же время, по его словам, Германия одобряет протесты Англии и Соединенных Штатов против войны на Дальнем Востоке, но формально не сможет к ним присоединиться. У меня имеются некоторые сомнения.

Затем Макензен затеял разговор о том, будто американо-бразильские торговые отношения направлены на подрыв германской торговли в Бразилии. Когда я сказал ему, что позиция Америки вызвана всего лишь недовольством германской политикой субсидирования экспорта в Бразилию, он признал наличие таких субсидий. Между тем месяц назад, выражая мне протест против наших торговых соглашений, он отрицал факт субсидирования Германией своего экспорта. Когда я напомнил ему об этом, он заявил: «Нет, этого я не говорил». Однако я убежден, что это было сказано. Тогда же я сообщил об этом в Вашингтон.

Неудовлетворенный заявлениями министерства ино-

странных дел о Дальнем Востоке, я отправился к французскому послу. Он опроверг причастность России к развязыванию военных действий на Дальнем Востоке, но отметил, что вступление России в войну на стороне Китая вызовет европейскую войну. По поводу германских дел в Испании он сказал, что в прошлую субботу Гитлер говорил с ним так, будто был уверен в скором окончании войны. Франсуа-Понсэ сказал:

— Внутренние трудности и недовольство в Италии слишком сильны, и Муссолини не пошлет больше войск в Испанию.

У меня имеются сомнения в этом, хотя я готов поверить, что итальянский народ против дальнейшего участия в испанской войне.

Французский посол рассказал мне о массовом пропагандистском митинге в Мюнхене, посвященном изящным искусствам. По его словам, речь Гитлера была детским лепетом. На мой вопрос о том, будет ли он присутствовать на юрибергском партийном съезде в сентябре, он ответил:

— Все остальные дипломаты дали понять, что они будут присутствовать. Я запросил свое правительство, должен ли я ехать, и, не получив ответа, сообщил Бюлову-Шванте, начальнику протокольного отдела, что могу присутствовать только один день и не буду слушать пропагандистские речи.

Это будет первый случай присутствия на съезде послов демократических стран. Я сказал ему, что не могу присутствовать на этих партийных пропагандистских сборищах. Я никогда этого не делал и не сделаю, если не будет приказа от моего правительства, а это приведет к моей отставке. Я не намерен сидеть тихо и слушать, как Гитлер и Геббельс поносят демократию. Франсуа-Понсэ согласился, но сказал:

— Возможно, всем нам придется присутствовать, чтобы избежать осложнений.

Суббота, 24 июля. Моя жена и я выехали из дома без четверти одиннадцать утра и прибыли в Гамбург около половины шестого вечера, сделав одну лишь получасовую остановку, чтобы позавтракать. Я тотчас же занял свою каюту на борту «Сити оф Балтимор», и в семь часов вечера корабль медленно поплыл вниз по Эльбе.

Понедельник, 26 июля. Вчера море было беспокойно, и почти всех укачало. Я сел на пароход изнуренный, с головной болью, мучившей меня в течение двух месяцев, и с невралгическим несварением желудка, от которого я страдал так, что ничего не мог есть в течение тридцати часов.

В сообщениях из Берлина говорится о новых арестах среди протестантских проповедников, из которых пятьдесят семь брошены в тюрьмы, в том числе брат Нимеллера. Два немца, жившие у польской границы, были казнены в пятницу по обвинению в выдаче полякам военных планов немцев. Продолжается тот же произвол по отношению к католикам, протестантам, евреям и, конечно, по отношению ко всем, кто критикует нацистский режим. Идея тоталитарного государства претворяется в жизнь по-прежнему. Уже два года, как я лелею надежду навсегда уехать из Германии. Не знаю, что скажет мне президент на сей раз, но мне трудно дышать этим воздухом.

Среда, 4 августа. Рано утром мы прибыли в Норфолк. К пяти часам дня мы приехали в Раунд-Хилл. На протяжении всего пути фермы выглядели процветающими. Старинная часть Виргинии показалась мне более цветущей, чем я ожидал. От Лисбурга до Раунд-Хилла хлеба еще лучше.

Среда, 11 августа. После недели, проведенной на своей ферме, где я выполнял разные легкие работы по ремонту дорожек, переносу коптильни на новое место, я был приглашен к президенту Рузвельту на завтрак. Человек двадцать ждали приема, когда я вышел от него. Президента очень тревожит усиление угрозы войны и продолжающаяся депрессия в Соединенных Штатах. Он весьма откровенно беседовал со мной в течение часа.

— Я просил бы вас вернуться в Берлин на два—три месяца, — сказал Рузвельт. — После вашей отставки я, согласно обещанию, намерен назначить на это место посла Дэвиса, находящегося сейчас в России.

Президент слышал о том, что я приглашен выступить в начале сентября в Вильямстаунском институте общественных отношений. Он настаивал, чтобы я принял приглашение и «рассказал всю правду о положении ве-

щей». Я сказал ему, что меня просят выступить в университетах Виргинии и Северной Каролины, но это будет трудно сделать, так как я не совсем здоров и нуждаюсь в хорошем отдыхе. Он убеждал меня принять все приглашения, какие возможно. Было ясно: он хочет, чтобы я, по возможности, обстоятельно изложил и проанализировал проблемы, стоящие перед Америкой и перед всем миром.

После совещания в Белом доме я нанес визит Хэллу. Я был удивлен, когда он сообщил о протесте, заявленном послом Дикгофом 6 августа по поводу моего интервью, опубликованного 5 августа, в день прибытия. В нем не упоминались ни Германия, ни какие-либо события в Германии, хотя я ссылаясь на Мартина Лютера. Поэтому мне совершенно непонятно, что он мог увидеть предосудительного в моих словах. По словам Хэлла, он немедленно возразил Дикгофу: «Я полностью согласен с тем, что было сказано нашим послом, и не вижу оснований для протеста». Мы беседовали почти в течение часа, и наши взгляды на европейские дела, как и прежде, полностью совпали. Он довольно ясно показал свое отрицательное отношение к назначению Дэвиса послом в Берлин; и он, казалось, был рад тому, что мне предложено вернуться туда, хотя бы на три месяца.

Мой хороший друг, судья Р. Уолтон Мур, теперь советник государственного департамента, посоветовал мне нанести визит новому заместителю государственного секретаря Сэмнеру Уэллсу. Мне давно уже казалось, что Уэллес отрицательно относится ко мне и ко всем моим предложениям. Тем не менее я послал ему свою визитную карточку через его секретаря с предложением навестить его, но он был занят, а мне не хотелось ждать, и я на своей машине вернулся на ферму.

Вашингтон наводнен автомашинами в еще большей мере, чем прежде. По городу трудно не только ездить, но и ходить пешком. Я потратил почти час, чтобы добраться до магазина, где купил коробку для подшивки писем, хотя этот магазин удален на три квартала от государственного департамента. Сотни и тысячи машин неслись по дороге. Человек, заправивший мою машину, сказал: «В Вашингтоне 700 тысяч автомобилей, а жителей менее 600 тысяч». Я был рад, когда выбрался из города.

Суббота, 4 сентября. Сегодня утром я прочел в «Нью-Йорк геральд трибюн» абзац из моего конфиденциального письма Хэллу, в котором я рекомендовал Прентису Джильберту, нашему поверенному в делах в Берлине, не присутствовать на нацистском сборище в Нюрнберге. В статье приводилась также ссылка на телеграмму, которую я послал ему из Вильямстауна и в которой также резко протестовал против нарушения нашей 150-летней дипломатической традиции — не присутствовать на официальных партийных торжествах в других странах.

Письмо было отправлено за десять дней до моей поездки в Вильямстаун и было адресовано судье Муру для передачи Хэллу с просьбой, кроме Хэлла, никому его не показывать. Теперь оно опубликовано в печати и подано как мое публичное заявление в Вильямстауне вскоре после того, как Джильберт своим присутствием на гитлеровском пропагандистском представлении нацистов нарушил обычай, которого я придерживался в течение четырех лет.

Четверг, 30 сентября. Я ездил в Вашингтон на похороны моего замечательного давнишнего друга доктора Дж. И. Джеймсона, бывшего в течение длительного времени редактором «Америкен хисторикл ревью», а в момент смерти занимавшего должность помощника главного библиографа. Это грустное событие собрало многих моих бывших друзей и коллег по исторической науке. Джеймсон был самым эрудированным историком из всех, с кем мне когда-либо приходилось встречаться. Теперь он ушел от нас в возрасте семидесяти восьми лет.

Понедельник, 18 октября. Отдав распоряжения о некоторых работах Тому Ридеру, рачительному фермеру, арендатору одного из моих домов, я вновь отправился в Нью-Йорк, чтобы еще раз совершить путешествие в Берлин. Государственный департамент подготовил мой отъезд на 20 октября; в пятницу, насколько я помню, Хэлл известил меня о желании президента вновь побеседовать со мной на своей даче в Гайд-парке, штат Нью-Йорк. Моя вторая беседа с ним состоялась примерно в середине сентября. Итак, я попросил сына встретить меня в Нью-Брунswике, штат Нью-Джерси. Путь был

далекий. Я приехал к условленному месту к пяти часам дня. Уильям ждал меня у входа в отель «Вильсон». Он сел за руль и повез меня к себе. Рано вечером мы были в его квартире, тихом уголке, куда не доходит даже нью-йоркский шум. Я собирался лечь спать, когда позвонил секретарь президента и сообщил, что меня будут ждать завтра в одиннадцать часов утра; значит опять предстоит встать рано.

Вторник, 19 октября. Наш путь пролегал по великолепным нью-йоркским аллеям; к роскошной усадьбе президента мы подъехали в половине двенадцатого.

Президент был озабочен международным положением, говорил о японо-китайских делах и о перспективах мирной конференции в Брюсселе, куда в качестве его представителя должен поехать Норман Дэвис. Один вопрос особенно волновал его: смогут ли Соединенные Штаты, Англия, Франция и Россия по-настоящему сотрудничать? Если да, то можно будет остановить японцев и в конце концов принудить европейских диктаторов занять более мирные позиции. Можно ли говорить о шансах на сотрудничество, если Англия до сих пор не может прийти к соглашению с Соединенными Штатами даже по вопросам торговли.

В конце беседы я вновь настоятельно высказался за назначение моим преемником в Берлине профессора Колумбийского университета Шотуэлла. Рузвельт выразил намерение назначить либо Шотуэлла, либо профессионального дипломата Хью Уилсона, работающего в государственном департаменте. Я настаивал на назначении Шотуэлла, ссылаясь на его университетские связи и авторитет ученого в Соединенных Штатах. Он согласился со мной, но не связал себя каким-либо обещанием.

По окончании беседы Уильям и я были приглашены позавтракать с президентом, его матерью и семейством Делано из Вашингтона. Мы чудесно провели время. При расставании президент вновь сказал мне:

— Пишите мне лично о положении в Европе. Я хорошо разбираю Ваш почерк.

Я обещал писать ему такие конфиденциальные послания, но как обеспечить их передачу ему так, чтобы они не попали в руки шпионов?

Вчера вечером я был на собрании друзей Уильяма, связанных с организацией, пропагандирующей идею мира. Уильям работает в этой организации и по ее поручению выступает с лекциями. Присутствовало около двадцати сторонников мира, и все они одобрили речь Рузвельта в Чикаго, в которой он, по существу, высказался за применение военных мер, чтобы остановить японцев в Китае и итальянцев в Испании. Это меня немного удивило. Представитель одной массовой американской организации, выступающей за мир, сказал, что американский нейтралитет не гарантирует мира. По его мнению, следует объявить бойкот Японии. Он просил моего сына выступить с лекциями о значении бойкота для нашей страны. На собрании присутствовали профессор Колумбийского университета, промышленники, журналисты и одна очень деятельная женщина. Это было вчера; такие же вопросы горячо обсуждались и сегодня вечером.

Среда, 20 октября. Джордж П. Бретт-младший, президент издательства Макмиллан, явился, чтобы передать мне контрольный экземпляр моей книги «Старый Юг. Борьба за демократию», которая должна выйти из печати 26 октября. Он настаивал, чтобы я подготовил второй том: «Старый Юг. Наш первый общественный строй». Я предполагал уйти в отставку 1 сентября, но он об этом ничего не говорил. Я не мог указать срока окончания работы, так как ни одна строка еще не написана. Макмиллан отметил, что, по мнению критиков и корректоров, выходящая в свет книга очень интересна. Я поблагодарил его за иллюстрации, которые нелегко было раздобыть.

После его ухода пришли другие люди, так что я был занят почти до самого отплытия. Я провел в Соединенных Штатах два с половиной месяца, но по-прежнему страдаю от невралгических головных болей, которые мучили меня в день отплытия из Гамбурга 24 июля.

Пятница, 29 октября. Снова в Берлине. Что я могу сделать?

Среда, 3 ноября. В течение трех дней я был погружен в чтение документов и последних газет, стараясь ознакомиться с обстановкой. Мой отъезд из Берлина был

намечен примерно на 1 марта 1938 года. Эту дату назвал президент, хотя я просил освободить меня с 1 сентября 1937 года. Мне кажется, он хочет задержать меня на несколько месяцев из-за назойливого нажима со стороны таких людей, как Дэвис, который находится в Москве, и Томас Уотсон, который также жаждет занять мое место. Я чувствую, что должен уйти из-за невыносимой напряженной обстановки, сложившейся в нацистской Германии, да и мои преклонные годы дают себя знать. Возникнут также трудности с написанием последующих томов моего «Старого Юга», если я отложу это на длительный срок.

Посетителей, проходящих ко мне в посольство, так же много, как и раньше. В понедельник в течение часа у меня пробыл сенатор Джеймс Льюис из Чикаго, который беседовал со мной конфиденциально о президенте, об экономическом положении Соединенных Штатов и о внешних опасностях. Он проявил неосведомленность в вопросах американской политики, хотя и много поездил по Европе.

Во вторник китайский посол доктор Чен в течение получаса разъяснял мне позицию своего правительства и говорил о своих надеждах на то, что Соединенные Штаты и Англия объединятся и окажут Китаю помощь в борьбе против жестокого и ненасытного японского империализма. Он сказал, что едет в Брюссель, чтобы узнать отношение участников конференции девяти стран к этим событиям. Чен был студентом Чикагского университета, когда я там преподавал, и недавно сказал, что помнит меня по университету.

Сегодня швейцарский посланник целый час говорил о положении в Европе и о нюрнбергском партийном съезде, на котором он присутствовал в течение трех дней. Несмотря на некоторые стороны его поведения, которые привлекали раньше мое внимание на больших приемах, мне кажется, он все еще антинацист и боится, что его маленькая страна может быть присоединена к гитлеровской Германии. Он ничего не сказал о том, что нацистская партия в Швейцарии пользуется особыми привилегиями. Это сделано из страха перед Германией. Швейцарское правительство полагает, что этим оно спасло Швейцарию от агрессии со стороны Германии.

Сегодня я был на торжественном обеде в Институте кайзера Вильгельма по случаю вступления в должность

нового президента института, занявшего место моего друга Планка, ушедшего в отставку. Это не нацистская организация. Несколько видных предпринимателей, присутствовавших на обеде, ясно показали свои настроения. На их костюмах не было гитлеровских значков, и они не восклицали «Хайль Гитлер!» при встрече со знакомыми.

Суббота, 13 ноября. Сегодня мы поехали на бал, который ежегодно устраивает доктор Франк — глава ассоциации юристов и член гитлеровского кабинета. Было много народу, почти все дипломаты. От каждого требовалось внести свою лепту в Винтерхильфе (ежегодная нацистская благотворительная кампания) путем приобретения лотерейных билетов, дающих право на выигрыш. Я еще не слышал, чтобы кто-нибудь что-либо выиграл, хотя каждый покупал билеты на 10—20 марок. За столом Франка сидели французский посол с женой, итальянский и польский послы и другие. Справа от меня сидел некий народный судья — довольно интересная личность. Мы говорили о немецкой истории, поскольку на современные темы говорить не так-то легко.

Вторник, 16 ноября. Дуглас Миллер сообщает в Вашингтон, что Германия шлет теперь самолеты в Китай. Об этом ему сказал директор «Дейче банк» Вейгельт. Как мне передал китайский посол, мой второй утренний посетитель, Германия поставляет всевозможные военные материалы в Китай и в Японию транзитом через Россию. По сообщениям газет, Япония еженедельно отправляет в Нью-Йорк золото на миллионы долларов в счет уплаты за военные материалы.

Германо-итальянская пропаганда в Бразилии, сведения о которой я получаю уже целый год, приносит плоды в виде фашистской диктатуры. Новый диктатор Варгас объявил об отказе платить проценты по американским займам и возместить долги. Сегодня любой договор может быть признан недействительным, если диктатор этого пожелает. Государственный департамент, заключивший договор несколько больше года назад, теперь беспомощен, и Хэлл выразил свое неодобрение.

Четверг, 18 ноября. После дня, полного трудов, мы отправились во французское посольство на обед в честь

новоиспеченного парижанина — посла Буллит. Присутствовало сорок человек. После обеда Буллит, Франк, Розенберг, я и еще один или два гостя уселись вместе, и Розенберг стал излагать Буллиту основы нацистской социальной философии. Мне трудно с полной уверенностью сказать, одобрял ли Буллит эту философию, но Розенберг и Франк пытались обосновать свои нацистские идеи. Француз казался удивленным. Я молчал.

Три дня назад Буллит был в Варшаве. Сегодня утром он мне сообщил, что министр иностранных дел Польши Бек неоднократно заверял его: поляки сделают все от них зависящее для сохранения мира; они не будут заключать каких-либо союзов, кроме торговых, с другими странами и не станут вмешиваться в случае аннексии Чехословакии Германией или захвата Финляндии Россией.

Создается впечатление, что ни один немец не осуждает захвата чужих территорий. Эта мысль прививалась им в течение нескольких столетий. Недавно Папен упорно старался выяснить в Париже, как поступит Франция, если Германия захватит Австрию. Говорят, поляки, находящиеся в самом жарком месте Европы, вступают в германо-итало-японскую кампанию против России. Я думаю, их вынудят войти в так называемый Антикоминтерновский пакт. Сегодня я беседовал с одним журналистом, долго прожившим в России. По его словам, там в течение двух лет орудуют немецкие и итальянские тайные агенты, цель которых — свергнуть Сталина и установить фашистскую диктатуру. В Латинской Америке, несомненно, действуют итало-германские пропагандисты, прилагающие все усилия к срыву наших договоров и установлению диктаторских режимов, которые будут в союзе с диктаторскими режимами в Европе.

Как нам стало известно, около года они действуют в Бразилии. По сообщению одного человека, прибывшего из Чили, нацистская партия в этой стране насчитывает 35 тысяч членов, и чилийское правительство предполагает, что через один — два года Чили станет колонией Германии. Два дня назад у меня был посланник Колумбии. Он сказал о том, какой огромный размах приобрела подрывная деятельность по всей Латинской Америке, и просил меня сообщить об этом в Вашингтон.

*

В условиях, когда так лихорадочно сколачивается единый фронт фашизма от Рима до Токио, когда настойчиво предпринимаются шаги с целью вовлечь латиноамериканские страны в союзы с берлинским и римским диктаторами, и особенно с целью разрушить систему выгодных торговых связей, — в этих условиях, мне кажется, подлинное сотрудничество между Соединенными Штатами, Англией, Францией и Россией представляет собой единственный путь сохранения всеобщего мира. Несомненно одно: если демократические страны будут и дальше придерживаться своей обычной политики изоляции, тоталитарный строй распространится на всю Европу и Азию. Гитлер и Муссолини спекулируют на страхе народов перед возможностью новой войны и рассчитывают, держа всех в страхе, прибирать к рукам все, что угодно. Боюсь, что они не ошибаются в этой оценке. Если события будут развиваться в том же направлении, экономическое положение Соединенных Штатов и Англии вскоре станет более трудным, чем когда-либо раньше. Для США, Англии и Франции очень важно объединиться с Россией и попросту заявить: «Довольно!»

Пятница, 19 ноября. Сегодня Буллит был нашим почетным гостем. Мы дали завтрак, на котором присутствовало двадцать четыре человека. Когда пришел Шахт, он сказал мне: «С 5 сентября меня не приглашают на заседание кабинета». По-видимому, он определенно не пришел ко двору. Я спросил его конфиденциально, не примет ли он пост президента одного из американских банков. Он ответил: «Да, и я был бы в восторге часто видеться с президентом Рузвельтом». Интересно, что он намерен делать со статуей Гитлера в своей гостиной или с портретом Геринга, которые я видел, когда был у него дома в последний раз. Бедняга Шахт самый способный финансист в Европе, но он кажется таким беспомощным и под большой угрозой, если станет известно о его намерении бежать в Соединенные Штаты. Он, конечно, потеряет все свое имущество, если ему удастся бежать тем или иным путем.

Вторник, 23 ноября. Сегодня я получил письмо Хэлла, которое меня очень удивило. В беседе с президентом в августе я согласился вернуться на три месяца в Берлин

после своего отпуска в Соединенных Штатах. Во время нашей последней встречи 19 октября президент открыто заявил, что отказался от прежнего решения и назначит послом Шотуэлла или Хью Уилсона. Он выразил удовлетворение по поводу моего возвращения на несколько месяцев в Берлин. Я сказал тогда президенту, что наилучшее время для моей отставки — 1 марта; во-первых, я при этом учитывал погоду, во-вторых, мне не хотелось, чтобы германские экстремисты думали, что их жалобы от 6 августа — протест Дикгофа по поводу моего заявления по прибытии в Соединенные Штаты и от 5 сентября — по поводу моего совета государственному департаменту не посылать представителя в Нюрнберг возымели такое действие. У них нет никакого основания выражать недовольство против каких-либо моих слов или действий.

Теперь же я получаю телеграмму с требованием моей отставки между 15 и 31 декабря. На мое место назначается теперешний посол в Бельгии Хью Гибсон, и о его назначении мне предложено немедленно известить министерство иностранных дел. Согласно письму, все эти требования исходят от президента.

Причина такого нарушения моей договоренности с президентом — враждебное отношение ко мне заместителя государственного секретаря Уэллеса. В последнее время я заметил, что он возражает против всех моих предложений, кроме моего отказа ехать в Нюрнберг. С весны Уэллес добился господствующего влияния в государственном департаменте. Мне хорошо известно, что он ярый противник моей политики в вопросе коммунальных услуг.

Понедельник, 29 ноября. Сегодня я встал с постели, проболев неделю. Во вторник Нейрат пригласил всех дипломатов на торжественное представление в оперном театре в честь венгерского премьер-министра и других лиц, гостивших здесь в течение недели. Я счел нужным принять приглашение, но после окончания спектакля почувствовал себя плохо и, принеся извинения Нейрату, уехал до начала обеда. Я с трудом добрался до посольства. Цель приема и других проявлений гостеприимства — склонить Венгрию к союзу с гитлеровской Германией. Венгры не кричали «Хайль Гитлер!» и не прости-

рали руки в знак приветствия, как это делали присутствовавшие там немцы.

Из нашего консульства в Гамбурге мне сообщили об аресте группы коммерсантов-импортеров кофе, оставлявших часть своих прибылей в странах-экспортерах и скрывавших это от экономического ведомства Геринга. Один из наиболее известных предпринимателей среди арестованных покончил жизнь самоубийством. По сообщению из Мюнхена, Юлиус Штрейхер произнес речь, в которой заявил, что Соединенными Штатами правят евреи во главе с Лагардия. Согласно другой информации из Мюнхена и Штутгарта, гитлеровское правительство из кожи вон лезет, чтобы склонить страны Южной Америки к союзу с Германией и Италией. Это длится по меньшей мере три года и обходится в копейку.

Вторник, 30 ноября. Получено извещение из Вашингтона: Гибсон отказался от назначения в Берлин. Мне было предложено довести до сведения министерства иностранных дел о назначении Хью Уилсона из государственного департамента. У меня нет доказательств, но я полагаю, что германское министерство иностранных дел отказалось дать согласие на назначение Гибсона. Он был официальным представителем в Бельгии во время мировой войны и, кроме того, написал ценную книгу о Германии и некоторых немецких лидерах. По-видимому, сказанное в моей книге о Вудро Вильсоне — это предел того, что может переварить теперешний режим. Я немедленно известил министерство иностранных дел, и мне обещали дать ответ через три-четыре дня.

Ллойд Джордж, премьер-министр Англии периода мировой войны, предостерег сегодня свое правительство от участия в «воровской сделке между диктаторами», он заявил, что для Англии лучше начать войну теперь, чем позорно капитулировать перед фашизмом. Это заявление Ллойд Джорджа сильно отличается от его заявлений 1934 года. Но, как мне кажется, теперь он прав. Что может сделать Англия после того, как она позволила Муссолини господствовать в Средиземноморье, в Эфиопии и на половине территории Испании?

Пятница, 3 декабря. Ни слова от министерства иностранных дел относительно новой кандидатуры моего

преемника. Не могу объяснить причину задержки. Уилсон десять лет провел в Швейцарии, но это не может послужить причиной для немецких возражений. Тем не менее я не удивлюсь, если Гитлер на некоторое время откажется иметь у себя представителя Соединенных Штатов. Гитлер и Геринг самые самонадеянные люди из всех, кого мне когда-либо пришлось видеть; они обозлены и даже обеспокоены тем, как медленно изменяется позиция Соединенных Штатов. Сегодня официальный нацистский орган «Фелькишер беобахтер» под крупным заголовком поместил сообщение, будто Соединенные Штаты одобрили посылку Россией 300 военных самолетов бедному Китаю. Вчера нападкам подвергся наш государственный секретарь за его согласие с редакционной статьей «Нью-Йорк таймс», призывающей к англо-американскому сотрудничеству в международных делах и особенно к бойкоту Японии. Гитлер продает военные материалы и Китаю и Японии и даже посылает в Китай немецких офицеров. Его цель, однако, состоит в установлении господства Японии над Китаем, чтобы обе эти страны были готовы выступить против России, если возникнет война в Европе.

По сообщениям, поступившим сегодня из Варшавы, представитель Лиги наций в Данциге Буркхардт виделся с Гитлером в Берлине на пути из Женевы в Данциг. Гитлер сказал ему: «По первому желанию я могу захватить любую европейскую территорию, на которой проживают большие группы немцев». Европа так дрожит перед ним, думает он, что теперь ему удастся захватить Данциг, Австрию и Чехословакию, не встретив серьезного сопротивления. Я сомневаюсь в этом. Это может удастся только в том случае, если Гитлер будет прибирать их поодиночке с более или менее продолжительными интервалами. Как видно, мировая война ничему не научила европейские страны.

Четверг, 9 декабря. В понедельник, 6 декабря, у меня был продолжительный разговор с Шахтом. Он говорил свободно, утверждая, что тайная полиция не ведет записи нашей беседы. Я в этом не был так уверен. Я известил его о моей отставке примерно с 1 января. Он выразил надежду до моего отъезда видеть нас у себя.

Я показал ему копию моего интервью корреспонденту Ассошиэйтед Пресс в Норфолке 4 августа этого года и сказал о протесте посла Дикгофа Хэллу по этому поводу. Шахт прочитал весь текст моего заявления и заметил: «Для протеста не было никаких оснований, абсолютно никаких». Я высказал ему свое предположение, что это дело рук статс-секретаря министерства иностранных дел Макензена, а не Нейрата. Он промолчал. До сих пор мне всегда казалось, что он в согласии с Нейратом, а не с его зятем Макензеном.

Затем я сказал Шахту о своем конфиденциальном письме Хэллу, опубликованном в нью-йоркских газетах 4 сентября, которое было подано так, будто я выступил в Вильямстауне с речью против нюрнбергского съезда. Шахт не удивился, хотя, по-видимому, ничего не знал о позиции министерства иностранных дел по поводу как августовского, так и сентябрьского протестов. По его словам, я пользуюсь большой популярностью у немецкого народа, главным образом среди ученых и людей свободных профессий. Я видел много свидетельств этому, особенно в приглашениях немецких университетов прочитать лекции, но раньше Шахт не приводил мне подобных фактов, хотя наши мнения почти по всем вопросам международного характера всегда совпадали.

По словам Шахта, его положение сейчас довольно неопределенное; если ему придется уйти с поста президента банка, он переедет в Соединенные Штаты. Пока вопрос так остро еще не стоит, и он не решил, как поступит. «Как вам известно, я больше не министр экономики, — сказал он, — теперь это дело Геринга, а он мало смыслит в проблемах, которые перед ним стоят». Из сказанного Шахтом о наличии антинацистской оппозиции среди населения, особенно среди предпринимателей, я заключаю, что, по его мнению, нацистский режим будет свергнут.

Суббота, 11 декабря. Сегодня я разговаривал с Нейратом. Ничего нового не произошло, но мы обсудили существующее положение. Я спросил его мнение по вопросу о колониях, вокруг которого вот уже месяц идет столько споров. По его словам, Германия в состоянии производить не более 80 процентов необходимого ей про-

довольствия, а население страны ежегодно увеличивается на полмиллиона человек. Нейрат поднял вопрос о нехватке земли и при этом сказал:

— Мы не сможем вернуть своих колоний в течение нескольких лет, но мы должны вернуть их.

Я возразил:

— Вы знаете, что теперь народ не согласится эмигрировать. Почти все хотят жить в больших городах, хотя там-то и существует безработица. Люди попросту не уедут из больших городов. Городское население в Англии, Германии и Соединенных Штатах составляет примерно три четверти всего населения страны. Как же могут колонии разрешить ваши экономические проблемы?

Он продолжал настаивать на своем:

— Из колоний мы будем привозить сырье.

Я ответил:

— Да, но сырье, добытое в колониях, всегда дороже, чем на международном рынке.

В подтверждение я привел примеры.

Нейрат настаивал на требовании о получении колоний. Я признаю за Германией право получить некоторые колонии путем переговоров. По поводу торговых связей Нейрат снова заявил о своей поддержке позиции Хэлла в вопросе о международной торговле, отметив при этом, что «Германия не изменит своей политики», которая сводится к установлению исключительно высоких импортных пошлин.

На вопрос о возможности заключения четырехстороннего пакта (Англия, Германия, Франция и Италия) он, не задумываясь, ответил отрицательно. Он не назвал причины, но, как я полагаю, дело заключается в невозможности договориться о сокращении вооружений.

Я спросил, известно ли ему, что я не касался Германии ни в одном из своих выступлений в Соединенных Штатах.

— Да, — ответил он, — как известил меня наш посол в Вашингтоне Дикгоф, сообщения газет от 4 сентября основывались на вашем секретном письме Хэллу.

Я еще раз привел причины моего отказа присутствовать на нюрнбергских партийных торжествах. Он сказал, что понимает мою позицию. Довольно странно слышать это, учитывая протесты, заявленные в Вашингтоне.

Когда я собрался уходить, он просил меня и мою жену пообедать с ним. Я ответил, что вряд ли мне это удастся, учитывая близость рождества и неопределенность в отношении даты нашего отъезда.

Вторник, 14 декабря. Как наша современная цивилизация сползает к средневековью! Сегодня у меня был чехословацкий посланник; он страшно озабочен судьбой своей страны; демократические страны ничего не предпринимают и тем самым дают возможность Муссолини, Гитлеру и Японии распространять свое влияние на весь мир. По его словам, Россия, являющаяся союзником его страны и Франции, беспомощна.

Вчера меня посетил русский поверенный в делах; он утверждал, что Англия, Франция и Соединенные Штаты хотят, чтобы его страна спасла Китай без их участия. Россия этого не сделает, сказал он, но она будет сотрудничать с этими странами, если они придут на помощь Китаю.

Сегодня же утром, после ухода чехословацкого посланника, пришел посол Китая, чтобы снова поговорить об угрожающем положении его страны. Он подтвердил сообщения, полученные мною по радио из Вашингтона: японцы потопили американские и английские суда на китайских реках, убив при этом нескольких американцев, и президент потребовал от японского императора полностью возместить убытки и принести извинения. Посол хотел знать, намерены ли Соединенные Штаты действительно что-либо предпринять. Я не мог дать ему никаких заверений, хотя согласился с тем, что демократические страны должны спасти Китай, если они не хотят поставить себя перед серьезной опасностью. Наше прощание было грустным: он сказал, что его страна, возможно, будет покорена, а я признал, что современная цивилизация находится, по-видимому, на грани катастрофы.

В полдень я послал Рузвельту телеграмму, в которой подвел итоги сказанному и изложил свое мнение по данному вопросу: если Соединенные Штаты и Англия не остановят Японию, то через год или два наш народ обнаружит, что наши позиции серьезно ослаблены. Я предлагал бойкот. Если это не поможет, писал я, американский флот вместе с частью английского флота должен

войти в китайские воды. Итальянский и германский народы сейчас еще морально не подготовлены вступить в войну против Китая и даже против Англии. Надеюсь, мои советы не станут известны Гитлеру, как это имело место с некоторыми другими моими посланиями. Так или иначе, я считаю своим долгом послать такое предупреждение.

Воскресенье, 19 декабря. Последние несколько дней непрерывных официальных обедов и завтраков были почти невыносимыми для меня. К тому же я был очень занят делами в посольстве. Большую часть приглашений мы отклоняли.

Несколько высокопоставленных лиц, вроде Нейрата, на словах пожелали видеть нас своими гостями, но приглашений так и не прислали. Однако мы получили кучу приглашений от университетских работников и от предпринимателей. Сегодня мы были у Гибельсов, два дня назад — у Альбертсов, днем раньше — у одного видного директора банка. Каждый раз присутствовало человек двадцать гостей; все весьма откровенно выражали свое недовольство гитлеровским режимом, никто не отдавал гитлеровского приветствия и не носил партийных значков, даже те, кто были в форме.

В четверг, 16 декабря, я ездил в Лейпциг, в мой старый университет, чтобы прочитать лекцию о Джордже Вашингтоне. За время пребывания в Берлине меня об этом просили столько раз, что я наконец согласился, но попросил одного моего тамошнего друга проследить, чтобы не было нацистских демонстраций. Если в американской печати появятся сообщения о том, что чей-либо портрет в гитлеровской форме или нацистский флаг висели за моей спиной во время лекции или что в зале раздавались возгласы «Хайль Гитлер» — это поставило бы в неловкое положение и меня и университет, где я в 1900 году получил ученую степень доктора философии. Поэтому я еще за неделю в тактичной форме выдвинул свои требования.

Вначале профессор Вартбург устроил большой прием, на котором присутствовало около двадцати профессоров. Как и в Берлине, разговоры свелись к критике гитлеровского режима. Когда я вошел в знаменитый старый университетский лекционный зал, где известный философ

Вундт некогда читал лекции, я увидел много народу: студентов, профессоров и людей, с которыми встречался много лет назад. Напротив меня сидела фрау Арнольд Либиш, жена умершего книготорговца, с которым я был так хорошо знаком, когда учился в Лейпциге. Рядом с ней сидела несколько постаревшая мисс Грей, англичанка, которая выступала перед студентами. Она приехала взглянуть на древний Лейпциг и решила задержаться на несколько дней, чтобы послушать меня.

В приемной я заметил нескольких людей в форме; некоторые из них приветствовали друг друга по-нацистски, но меня никто подобным образом не приветствовал. Это была университетская публика, и разговор носил очень сердечный и либеральный характер. Университет просил меня прочитать лекцию по-английски, и, желая сделать каждую фразу понятной, я читал лекцию в течение часа. К моему удивлению, слушатели понимали лекцию достаточно хорошо: они аплодировали интересным высказываниям и смеялись над моими шутками. Из всех стран неанглийского языка, в которых я побывал, в Германии больше всего людей, говорящих и понимающих по-английски.

После лекции состоялся обед, на котором люди также говорили свободно как со мной, так и друг с другом. Лейпцигские профессора, мне кажется, в еще меньшей мере удовлетворены своим положением, чем их берлинские коллеги. Я был рад вновь увидеть старый университет, где впервые критически изучал историю. Старая часть города осталась примерно такой, какой она была в мое время.

Понедельник, 20 декабря. Сегодня в пять часов вечера мы приехали с визитом к французскому послу и его жене. Г-жа Франсуа-Понсэ сказала, что, по ее мнению, сторонники Гогенцоллернов и консерваторы вообще более беспокойны и ожесточены, чем когда-либо раньше; она слышала много разговоров на эту тему. Однако, заметила она, лидеры оппозиции настолько неосторожны, что нацисты полностью раскроют их планы, и может произойти новое кровопролитие, подобное тому, какое было 30 июня 1934 года.

Я слышал много разговоров об оппозиции и сообщал о них, но вряд ли восстание или попытка свергнуть Гит-

лера может произойти в ближайшем будущем. Все знают, с какой жестокостью будет действовать триумvirат Гитлер — Геринг — Геббельс, если возникнет еще одна оппозиция, поэтому ничего не будет предпринято, если только армия не сплотится для совершения переворота. Но пока что армия находится под таким контролем, что главы военной оппозиции не в состоянии что-либо сделать.

Несколько позже французский посол сказал:

— Вы уезжаете в хорошее время. По-моему, следующей весной будет война. Одна из главных причин заключается в тяжелом внутреннем положении Италии, в результате чего Муссолини ради своего спасения прибегнет к войне. Он добивается господства над Средиземноморьем и над всеми французскими и испанскими владениями в Северной Африке. Чтобы добиться этого, он призовет на помощь Германию и уступит ей Австрию и Чехословакию. Но все дунайские страны крайне встревожены и, как никогда раньше, тяготеют к Франции. Если Италия и Германия развяжут войну за эти области, мы будем вынуждены напасть на них, и Англия поддержит нас. Вот почему ни Англия, ни мы не можем послать флот для помощи Китаю.

На это я возразил:

— Если Франция и Англия поддержат Соединенные Штаты в блокаде Японии, война против Китая будет приостановлена в течение двух месяцев. Предпримите же что-нибудь в плане этого сотрудничества, пока еще не поздно.

Франсуа-Понсэ согласился, что хорошо организованный бойкот дал бы действенный результат, о котором я говорил, но, по его мнению, предприниматели в демократических странах путем проволок и препятствий сведут его на нет и, следовательно, будущей весной Муссолини и Гитлер начнут войну.

На мой вопрос, считает ли он, что немецкий народ поддержит войну, Франсуа-Понсэ ответил:

— Да, им ничего не останется делать, если будет приказано идти на войну, но после нескольких сражений они могут отказаться продолжать воевать.

Я придерживаюсь примерно того же мнения, хотя, мне кажется, Гитлер еще не вполне готов и поэтому удержит Муссолини еще на год.

Вторник, 21 декабря. Разговоры за завтраком, который дал по случаю нашего отъезда Шахт, носили необычный для Германии свободный и критический характер. Одна из причин, возможно, отстранение Шахта от руководства министерством экономики. Наименее сдержанными были глава компании «Интернэшнл дженерал электрик» в Германии и другие представители банков и промышленных предприятий. Их крайне страшит гитлеровский режим. Руководителя электрической компании тревожило, в частности, требование Гитлера передать ему большое административное здание, в которое компания вложила 10 миллионов марок. Компании же возместят всего лишь 6 миллионов марок. По его словам, он сказал официальному представителю Гитлера: «В этом случае я покину Германию и поселюсь в Восточной Франции». Неизвестно, как реагировал на это Гитлер, когда ему это передали, но совершенно ясно одно: если этот господин попытается покинуть Германию, его бросят в тюрьму.

Поражение Германии в 1918 году Шахт целиком относит за счет того, что Вудро Вильсон вверг Америку в мировую войну. Я заметил, что «Четырнадцать пунктов» Вильсона были единственной надеждой на установление всеобщего мира и сотрудничества, однако его идея потерпела крах по вине обеих враждовавших сторон.

— Согласитесь, — сказал я ему, — что лет через пятьдесят Вильсон будет признан одним из величайших президентов Соединенных Штатов за всю их историю.

Шахт уклонился от ответа и перешел к вопросу о японо-китайской войне; он осудил союз между Германией и Японией, проявив при этом истинно германский дух.

— Если Соединенные Штаты вынудят Японию прекратить войну в Китае и предоставят Германии свободу рук в Европе, — сказал он, — всеобщий мир будет обеспечен.

Я промолчал, другие также воздержались от замечаний. Шахт имел в виду аннексию и покорение соседних малых стран, особенно на севере и востоке. К этому же стремилась немецкая военщина в 1914 году, когда она вторглась в Бельгию и надеялась покорить Францию за шесть недель. Хотя Шахту и не нравится гитлеровская

диктатура, он, как и большинство высокопоставленных немцев, жаждет аннексий мирным путем или же посредством войны, но при условии, что Соединенные Штаты будут стоять в стороне. Хотя я и восхищаюсь Шахтом за некоторые его смелые действия, я теперь опасаюсь, что, если он эмигрирует в Соединенные Штаты, вряд ли из него получится хороший американец.

Четверг, 23 декабря. Вчера меня посетил один человек, занимавший очень ответственный пост при прежнем режиме и сохранивший его и теперь. Его положение дает ему возможность быть в курсе событий в гитлеровском стане. Ему стало известно от близких друзей, что Шахт может быть убит в любой момент, особенно будущей весной. Вчера до меня уже дошел такой слух. После этого он был подтвержден другим посетителем. Не следует ли мне перед отъездом послать Шахту конфиденциальную записку с предупреждением?

Сегодня пришел попрощаться швейцарский посланник. Он говорил об опасности, угрожающей его стране.

— Нацистская пропаганда в пользу присоединения Швейцарии к Германии, — сказал он, — ведется у нас все время, и мое правительство не смеет ничего предпринять, чтобы остановить ее. Немцы намерены аннексировать Австрию мирным путем, а если понадобится, даже силой, и я не вижу пути избежать новой мировой войны, если только Соединенные Штаты, Англия и Франция не приступят без промедления к согласованным действиям.

Я получил сегодня письмо от президента: ему понятно мое положение здесь и необходимость остаться в Берлине до 1 марта в свете того, что я ему рассказал во время нашей беседы в Гайд-парке, однако германское министерство иностранных дел вынудило его отозвать меня к 1 января. Это меня не очень удивляет, хотя и не вяжется с тем, что сказал мне недели две назад Нейрат, серьезный и умный человек, по существу отрицавший факт такого вмешательства. Возможно, я ошибаюсь, но, по-видимому, президент поддался влиянию заместителя государственного секретаря Уэллеса. Я написал об этом сегодня президенту. Триумvirат Гитлер — Геринг — Геббельс хочет избавиться от меня, но руководители министерства иностранных дел должны понимать, что, если они потребуют моего отъезда, это даст мне полную воз-

возможность рассказать американцам всю истину о здешнем режиме. Так или иначе, по приезде в Вашингтон я намерен выяснить правду об этих событиях. Мне передали, что с мая этого года Уэллес держит госдепартамент в состоянии непрерывного раздражения.

Сегодня днем приходили китайский посол и его жена. Он все еще надеется, что Соединенные Штаты и Англия заставят Японию прекратить истребление его народа, и умоляет об этом. Вечером он уезжает в Париж; причину он не назвал, но я полагаю, он заявит протест Франции за ее уступки Японии во французских зонах влияния в Китае. Я посоветовал ему повторить в Париже то, что он сказал мне.

Воскресенье, 26 декабря. Мне особенно хотелось по-видать Шахта, чья жизнь, как мне сказали, в опасности, и я отправился в Далем, где он живет. Но он и его жена были на своей загородной даче в пятидесяти милях от Берлина. Я оставил свою визитную карточку, написав несколько слов, в которых очень осторожно выразил желание встретиться и побеседовать. На следующее утро я не осмелился, боясь усугубить его положение. Когда мы выходили, мимо нас проехал Герберт Геринг, племянник генерала, заменившего Шахта на посту экономического диктатора. Он заметил нашу машину. Боюсь, что правительству станет известно о моем визите.

Днем мы устроили прием для всего дипломатического персонала посольства, работников консульской службы, персонала военного и военно-морского атташе и журналистов — всего около семидесяти человек. Мы замечательно провели время.

Возвращаясь от Шахта, мы с женой заехали в старое здание рейхстага посмотреть так называемые антикоммунистические картины, о которых так много слышали. Это — самое позорное зрелище, какое мне когда-либо приходилось видеть. Ни один здравомыслящий человек никогда не выставил бы картин, подобных тем, какие в количестве нескольких тысяч предстали перед нашим взором, тем более в знаменитом старом Законодательном зале. Картины изображали всевозможные козни коммунистов во всех странах мира: коммунисты, все без исключения евреи, совершали убийства, насилия, кражи, революции и путчи. Невозможно придумать та-

кого преступления, которое не приписывалось бы евреям и коммунистам. Присутствовали две или три тысячи человек. Мне непонятно, как мог разумный государственный деятель разрешить такую выставку? Она заканчивалась показом того, как Муссолини и Гитлер спасают все человечество.

Вторник, 20 сентября 1938 г. Я не вел записей после отъезда из Берлина и чувствую потребность вкратце изложить события, которые произошли с тех пор.

Мы покинули Берлин 29 декабря и направились в Гамбург, чтобы сесть на американский корабль «Манхаттан». Больше половины пассажиров второго класса, как мы обнаружили, прогуливаясь по палубе, — немцы, преимущественно евреи, рассчитывающие обосноваться в Соединенных Штатах. Но за нашим столом в столовой сидело несколько нацистов и нацистских приверженцев, одна женщина из Западной Виргинии. Жена югославского посланника в Лондоне, ехавшая вместе с нами, обрисовала обстановку в Лондоне, где среди аристократии теперь, очевидно, много фашистов и нацистов.

На борту было несколько интересных людей — корреспондентов, возвращавшихся из Испании. Они ехали в Соединенные Штаты, надеясь рассказать правду о деяниях Муссолини и Гитлера в этой древней стране. Это — непримиримые противники итало-германской интервенции в Испании. Я выразил сомнение в том, что им разрешат опубликовать в американской печати правду о событиях в этой стране.

В ночь под Новый 1938 год наш корабль отплыл из Саутгемптона в Нью-Йорк, куда мы прибыли 8 января, не встретив на своем пути сколько-нибудь значительного шторма. Еще до прибытия в порт более двадцати корреспондентов сумели пробраться на борт и стали засыпать меня вопросами. Пока я не приеду в Вашингтон и не побеседую с президентом и с Хэллом, я не могу сообщить им об обстоятельствах моей отставки или моего отъезда и даже сказать свое мнение о планах Гитлера.

При встрече с Рузвельтом я высказал ему свое отношение к Уэллесу и его методам, но президент хранил молчание. Хэлл в беседе со мной частично подтвердил мои догадки об истинных причинах моего отъезда во-

преки договоренности, что я уйду в отставку в марте 1938 года. После того как я вернулся в Берлин 1 ноября, для меня, как и для моей жены, потратившей больше тысячи долларов на обстановку, было немилостью получить 23 ноября требование уйти с поста в январе. В государственном департаменте были и есть еще люди, чувствующие ко мне неприязнь или отвергающие принципы, которые я пытался отстаивать.

Со всех концов страны меня приглашают выступить. Я дважды выступил в Балтиморе, несколько раз в Нью-Йорке и во многих других городах, получая щедрые гонорары за свои труды. Когда весной все мои обязательства по этой части были выполнены, мы с женой вернулись на нашу ферму вблизи Раунд-Хилла в штате Виргиния.

28 мая моя жена против обычая не вышла к утреннему завтраку, и я обнаружил, что она умерла от сердечного приступа ночью в своей комнате. Это самый страшный удар, какой когда-либо выпадал на мою долю. Никто и не подозревал, что она серьезно больна, хотя наш врач в Берлине советовал ей медленно взбираться по лестнице. Ее сердечная болезнь была нетяжелой, но, выполняя общественные функции, она перенапрягла свои силы больше, чем я. Ей было всего шестьдесят два года, а мне шестьдесят восемь. И вот она лежала холодная и неподвижная, и ничего уже нельзя было сделать: я был страшно поражен и удручен и не знал, что принять.

Четыре с половиной года провел я в Европе, надеясь послужить своей стране. Трудно сказать, можно ли было что-нибудь сделать. Мировая война ничему не научила современный мир. Вместо того чтобы соблюдать мирные договоры 1919—1923 годов, почти все страны нарушили их. На подготовку новой войны ежегодно тратится вдвое больше денег, чем в 1913 году, хотя почти все страны и так несут невиданное в истории бремя долгов. Неужели нам предстоит новая мировая война? И сможет ли какая-либо крупная промышленная страна пребывать в изоляции?

Одновременно с приготовлениями к войне и доведением торговых барьеров до невиданного в современной истории уровня в Риме, Берлине и Токио установлен новый метод правления. На огромной территории не суще-

ствует больше свободы религии, университеты потеряли свою самостоятельность. В одной лишь Германии уволено 1600 профессоров и преподавателей средних школ. В некоторых странах правители организуют травлю евреев, которых увольняют, изгоняют, бросают в тюрьмы и убивают. Несомненно, они временами наживались, но какая страна, какой класс свободен от подобных людей? Каждый, кому известны события 1914—1920 годов, должен помнить, что евреи храбро сражались по обе стороны фронта в этой ужасной войне, а некоторые выдающиеся представители этого народа пожертвовали миллионы долларов, чтобы спасти беспомощных и даже голодающих немцев в 1918—1920 годах.

Что может сделать какой-нибудь представитель Соединенных Штатов в огромной стране, где люди лишены свободы религии, где преследуется свобода мысли и творчества и непрестанно культивируется расовая ненависть. Демократические народы должны следовать своим идеалам, их представители должны стараться крепить международное сотрудничество и использовать каждую возможность, чтобы напомнить людям о важности сохранения всеобщего мира, лучших торговых связей и о значении демократической цивилизации, за которую народы боролись, начиная с шестнадцатого века. Исходя из этих идей, я чувствовал, что, приложив все свое умение, должен представлять свою страну среди немцев, которые по своей природе являются самым демократичным народом в Европе.

Можно ли было достигнуть успеха? Я выступал с речами при каждом удобном случае и говорил о наших трудностях в международных отношениях, никогда не критикуя правительство, при котором я аккредитован. Когда мне присылали приглашения на мероприятия партийного характера, я поступал в соответствии с традицией, которой моя страна придерживается со времен Джорджа Вашингтона. Разве входит в обязанности представителя демократической страны присутствовать на собраниях, где демократия подвергается осмеянию и нападкам? Не думаю, чтобы это было так.

Логический исход усиленной гонки вооружений — новая война, но что оставит она от современной цивилизации? Повсюду мы видим поразительное непонимание того, что происходит! Крупные торгово-финансовые и

промышленные группы не согласились с необходимостью международного сотрудничества после 1920 года. Некоторые их руководители неоднократно срывали мирные усилия в Женеве, считая торговлю оружием и военными материалами важнее всеобщего мира. Другие группы настаивали в 1923 и 1930 годах на повышении торговых барьеров, лишая, таким образом, страны возможности выплачивать долги. Как много влиятельных людей так и не поняли, что в результате изобретений, промышленной революции и экономических связей человечество достигло такого положения, когда международное сотрудничество и мир стали наиболее важным условием процветания народов во всех частях света.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

¹ Вудро Вильсон (1856—1924) — американский государственный деятель, президент США в 1913—1921 гг. При нем, когда это представлялось выгодным американскому монополистическому капиталу, США вступили на стороне Антанты в первую мировую войну (апрель 1917 г.). В январе 1918 г. выдвинул программу послевоенного устройства мира («Четырнадцать пунктов»), направленную на обеспечение империалистических порядков при усилении влияния США в мировых делах. Буржуазная американская историография превозносит Вильсона как «миротворца» и инициатора создания Лиги наций.

² Томас Джефферсон (1743—1826) — лидер прогрессивного крыла американской буржуазии во время борьбы за независимость в Северной Америке в 1775—1783 гг. Автор «Декларации независимости» Соединенных Штатов, провозглашением которой 4 июля 1776 г. началась война за независимость США от Англии — одна из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн...» (В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 44). Основатель партии, впоследствии получившей название демократической. Видный представитель политической и философской мысли Просвещения. В 1801—1809 гг. президент США, осуществил ряд мероприятий демократического характера.

³ Ялмар Шахт (род. 1887) — крупнейший германский финансист, ярый поборник экспансии германского империализма. В 1922—1930 гг. и позднее, при гитлеровском режиме (в 1933—1939 гг.), — президент рейхсбанка; в 1934—1937 гг. министр экономики нацистской Германии. Главный организатор финансирования перевооружения Германии после первой мировой войны, создания гитлеровской военной машины и подготовки агрессии. В качестве одного из главных военных преступников находился на скамье подсудимых Нюрнбергского процесса, но был оправдан, в первую очередь благодаря связям с американским монополистическим капиталом. В послевоенные годы развернул в Западной Германии широкую деятельность в интересах германского империализма.

⁴ Речь идет о долге Германии Соединенным Штатам, образовавшемся в результате предоставления ей международных займов и кредитов по «плану Дауэса» и «плану Юнга» (см. прим. 1 к главе IV). США являлись главным кредитором Германии, которая воспользовалась мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг. как предлогом для ослабления своей финансовой зависимости. Начиная с 1933 г. гитлеровское правительство провело ряд мероприятий, направленных на обесценение германских долговых обязательств (облигаций), находившихся в руках иностранных, и прежде всего американских, кредиторов.

⁵ Стремясь «оздоровить» экономику, подорванную кризисом 1929—1933 гг., влиятельные монополистические круги ряда западноевропейских стран и США выступали за политику «экономического национализма», суть которой сводилась к проведению мероприятий, призванных якобы способствовать развитию национальной экономики (централизация управления, поощрение концентрации капитала, введение покровительственных таможенных тарифов и т. п.). Будучи формой государственно-монополистического капитализма, «экономический национализм» в действительности способствовал усилению позиций крупнейших монополий. В гитлеровской Германии он вылился в хозяйственную автаркию (т. е. политику независимости страны от внешней торговли) и служил целям усиленной подготовки к агрессивной войне.

⁶ Полковник Эдуард Хауз (1858—1938) — американский политический деятель и дипломат, советник президента Вильсона.

⁷ Норман Дэвис (1878—1944) — американский банкир и дипломат, в 1933 г. возглавлял делегацию США на Женевской конференции по разоружению.

⁸ Закон Уокера и Пила, принятый в 1846 г. при президенте Полке по инициативе министра казначейства Роберта Уокера, — закон о снижении на 15—30% таможенных пошлин на ввозимые в США товары. Тариф, установленный этим законом, внешне отвечал идее «свободы торговли», провозглашавшейся капитализмом; в то же время он носил покровительственный характер, поскольку ввозные пошлины и после снижения оставались относительно высокими.

⁹ См. выше, прим. 4.

¹⁰ Закон о восстановлении промышленности (1933 г.) был одним из главных экономических мероприятий, осуществленных Рузвельтом в порядке проведения «нового курса». Официально провозглашенной целью закона было «оздоровление промышленного производства» путем восстановления «справедливого соревнования» в экономике, поддержки средних и мелких предприятий. На практике он служил интересам монополий, получивших благодаря ему разного рода льготы и субсидии за счет налогоплательщика. Когда ведущие группы монополистического капитала США сочли, что закон сослужил свою службу, они добились его отмены (декабрь 1935 г.).

¹¹ Американский дипломат, одно время посол США в Китае.

¹² Курт Шмитт (род. 1886 г.) — германский делец, нацистский политик. Министр экономики в 1933—1934 гг., доверенное лицо и

ставленник крупнейших германских монополий. Всю свою деятельность направлял на восстановление военно-промышленного потенциала Германии и на ее экономическую подготовку к агрессивной войне. Был членом наблюдательных советов концернов «Альгемейне электрицитетсгезельшафт», «Фридрих Флик АГ» и др.

¹³ Константин фон Нейрат (1873—1956) — нацистский политик, в 1932—1938 гг. германский министр иностранных дел; несет ответственность за целый ряд грубейших нарушений гитлеровской Германией международного права, за проводившуюся ею политику насилия и агрессии. В 1939—1943 гг., будучи «протектором Богемии и Моравии», активно содействовал установлению гитлеровского «нового порядка» в захваченной Чехии. Как один из главных нацистских военных преступников был осужден Нюрнбергским трибуналом на 15 лет тюремного заключения; в 1954 г. был выпущен из тюрьмы.

¹⁴ Пауль фон Гинденбург (1847—1934) — германский фельдмаршал во время первой мировой войны, ярый реакционер и милитарист. С 1925 по 1933 г. — рейхспрезидент (глава германского государства); оказал нацистам существенную помощь при захвате власти.

¹⁵ Э. Маурер, Г. Р. Никербокер, а также упоминаемые ниже Карл фон Виганд и Луис Лохнер — известные в 20—30-х годах журналисты, корреспонденты американских газет и телеграфных агентств в Германии.

¹⁶ Баварский, или «пивной», путч 8—9 ноября 1923 г. — первая попытка нацистов захватить власть, предпринятая в Мюнхене Гитлером, который демагогически хотел использовать недовольство населения сепаратистскими тенденциями некоторых баварских деятелей. Путч был легко подавлен правительственными войсками. В тот период германские промышленные магнаты, в общем поддерживая нацизм, еще не считали целесообразным ставить его у кормила правления, так как были заинтересованы в первую очередь в получении помощи от западных держав, которые ясно давали понять, что не желают установления в Германии диктаторского режима.

¹⁷ Финансовый фонд, составленный из средств, выделенных крупнейшим американским сталепромышленником, миллиардером Эндрю Карнеги (1835—1919) на поддержку просветительной, научной и т. п. деятельности в пользу «взаимопонимания между народами», а фактически на распространение идей, выгодных монополиям США.

¹⁸ Позиция Олдрича характерна для поддержки гитлеровской Германией определенными кругами финансового капитала США. В частности, эта политика проявилась в вопросе о германском долге (см. выше, прим. 4). Убытки из-за обесценения облигаций по германскому долгу целиком легли на рядовых держателей облигаций, тогда как крупные банки США в связи с операциями по займам получили значительную прибыль.

¹⁹ Ганс Генрих Дикгоф — нацистский дипломат; в рассматриваемый период — статс-секретарь германского министерства иностранных дел; в 1937—1938 гг. — посол Германии в США. Один из

наиболее реакционных деятелей германской дипломатической службы.

²⁰ Речь идет о случаях, когда США потребовали отзыва представителей Англии в Вашингтоне с их постов: Сэквил-Уэста, вмешавшегося во внутренние дела США во время избирательной кампании, и Э. Ф. Джексона, обвинившего американское правительство в том, что оно заключило соглашение с его предшественником, зная о превышении последним своих полномочий. Ссылаясь на эти инциденты, Додд хочет показать, что его присутствие на съезде нацистской партии до официального вручения верительных грамот было бы бестактным поступком.

²¹ Додд, очевидно, имеет в виду подготовку к подписанию советско-французского соглашения 1934 г. о взаимной заинтересованности обеих стран в заключении Восточного регионального пакта («Восточное Локарно»). Соглашение 1934 г. подписание которого стало возможным благодаря последовательной миролюбивой политике СССР, было направлено не на «поддержку Россией Франции против Германии», а на укрепление безопасности в Европе; в нем говорилось о заинтересованности Советского Союза и Франции в заключении пакта ряда восточноевропейских государств, участники которого взяли бы на себя обязательство в случае агрессии против одного из них немедленно прийти ему на помощь. Проект Восточного пакта не был осуществлен из-за противодействия нацистской Германии и политики попустительства фашистским агрессорам, проводившейся французским правительством.

²² В действительности, как нетрудно видеть, речь идет не о «странный истории», а об одной из злобных клеветнических выдумок врагов Советского Союза.

²³ В тот период начальник протокольного отдела германского министерства иностранных дел.

²⁴ Конкордат, заключенный между Ватиканом и нацистской Германией в 1933 г., несмотря на преследования католиков нацизмом, засвидетельствовал благожелательное отношение папы римского к фашистской агрессии.

²⁵ Андре Франсуа-Понсе (род. 1887) — французский политический деятель и дипломат; с 1931 по 1938 г. — посол Франции в Германии. В 1949—1954 гг. был верховным комиссаром Франции в оккупированной Западной Германии.

²⁶ Додд говорит о Лейпцигском процессе по делу о поджоге рейхстага — провокации нацистов, которые намеревались, взвалив вину за поджог на коммунистов, оправдать таким образом свой кровавый террористический поход против компартии и всех прогрессивных сил Германии. Г. Димитров, являвшийся главным обвиняемым на Лейпцигском процессе, бесстрашно разоблачил действительных поджигателей и показал перед всем миром звериную сущность фашизма.

²⁷ В данном случае автор находится во власти предвзятых представлений о Великой Октябрьской социалистической революции и обнаруживает слабое знакомство с ее историей.

¹ Филипп Меланхтон (1497—1560) — немецкий гуманист, сподвижник Лютера, систематизировавший его религиозное учение. Считается основоположником немецкой протестантской учености, за что его называют «учителем Германии».

² Ганс Томсен (род. 1891) — нацистский дипломат, в описываемый период референт по вопросам внешней политики в имперской канцелярии.

³ Имеется в виду поход против последних остатков демократических прав и свобод народа, развернутый Гитлером сразу после прихода к власти 30 января 1933 г.: поджог рейхстага, Лейпцигский процесс (см. прим. 26 к главе I), кровавая расправа с коммунистами; комедия выборов в рейхстаг в марте 1933 г. (несмотря на чудовищный террор, Коммунистическая партия Германии собрала на этих выборах 4700 тыс. голосов); ликвидация всех политических партий, кроме нацистской; фашистская «унификация» всей общественной и политической жизни.

⁴ Фриц Тиссен (1873—1951) — крупнейший германский промышленник, пользовавшийся решающим влиянием в тресте «Ферейнигте штальверке». Щедро субсидировал нацистский переворот, а затем — вооружение гитлеровской Германии. Поссорившись с Гитлером, в 1939 г. покинул страну и жил за границей, где издал книгу «Я оплачивал Гитлера». После второй мировой войны активно способствовал восстановлению западногерманского военно-промышленного потенциала.

⁵ Франц фон Папен (род. 1879) — реакционный германский политик, дипломат и шпион. С июня по декабрь 1932 г. был рейхсканцлером Германии; на этом посту содействовал созданию условий для захвата власти фашистами. В первый период гитлеровской диктатуры (по 1934 г.) являлся вице-канцлером, затем, будучи германским послом в Австрии, подготовил ее насильственное присоединение к Германии. В 1939—1944 гг. — посол в Турции, которую усиленно втягивал в орбиту германского империализма. В качестве одного из главных нацистских военных преступников фигурировал среди обвиняемых на Нюрнбергском процессе, но при содействии реакционных кругов США избежал осуждения. В послевоенные годы развил в Западной Германии активную закулисную деятельность в пользу империализма и военщины.

⁶ С демагогическими целями, а также стремясь ослабить позиции как католического, так и протестантского духовенства, Гитлер провел так называемую церковную реформу, причем пытался ввести «германскую христианскую религию». Затея окончилась провалом: «новая религия», представлявшая собой причудливую смесь христианства с культом древнегерманских богов, не распространилась. Эта попытка усилила оппозицию гитлеровскому режиму со стороны верующих.

⁷ Роберт Лей (1890—1945) — один из нацистских главарей, руководитель так называемого Германского трудового фронта — организации, которой Гитлер заменил разгромленные профсоюзы. Как

один из главных нацистских военных преступников находился в числе обвиняемых на Нюрнбергском процессе. Стремясь избежать ответственности и казни, покончил жизнь самоубийством.

⁸ Имеются в виду военные провокации японских империалистов на советско-китайской границе после захвата Японией Маньчжурии.

⁹ Генрих Брюнинг (род. 1885) — германский политический деятель, в 1930—1932 гг. рейхсканцлер. Своей антидемократической политикой способствовал подготовке гитлеровского переворота. В 1934 г. эмигрировал из Германии. В 1951 г. вернулся в ФРГ, где занялся научной и педагогической деятельностью. Временами выступал с критикой внешней политики западногерманского правительства, считая, что оно недостаточно искусно отстаивает интересы германского империализма.

¹⁰ Иоганн Генрих Бернсторф (1862—1939) — германский дипломат, в 1908—1917 гг. был послом в Вашингтоне. Додд имеет в виду покровительство, оказывавшееся Бернсторфом шпионской деятельности фон Папена (см. прим. 5 к этой главе), который до 1915 г. являлся военным атташе Германии в США и был отозван с этого поста по требованию американского правительства.

¹¹ Денежный фонд, созданный известным семейством миллиардеров официально для поддержки ученых, литераторов, художников и т. п. В действительности служит целям подчинения науки и культуры интересам американского империализма.

¹² Джон Фостер Даллес (1888—1959) — впоследствии государственный секретарь США.

¹³ Уильям Христиан Буллит (род. 1891) — американский политик, дипломат и публицист. В феврале—марте 1919 г. по поручению правительства США и Англии приезжал в Советскую Россию, чтобы выяснить, на каких условиях она готова начать переговоры о мире со странами Антанты. Был принят В. И. Лениным, которому передал англо-американские предложения, получив на них положительный ответ, содержавший, в частности, требование немедленного прекращения вооруженной интервенции и помощи белогвардейцам; однако Англия и США не пожелали предпринимать никаких дальнейших шагов. В 1933—1936 гг. — посол США в СССР. Этот пост использовал для антисоветских происков. Позднее — посол США во Франции. Махровый реакционер, ярый враг Советского Союза. После второй мировой войны занялся публицистической деятельностью; пропагандист антисоветской «политики силы» и «холодной войны».

¹⁴ Буллит безуспешно добивался выплаты Советским Союзом долгов царского правительства Соединенным Штатам.

¹⁵ Речь идет об одном из этапов дипломатической возни, которой империалистические державы прикрывали гонку вооружений. Предложения Гитлера были демагогической болтовней с целью обмана общественности в Германии и во всем мире. Со своей стороны западные державы, делая вид, что они ведут переговоры о разоружении, на деле попустительствовали милитаризации нацистской Германии и подготовке агрессии.

¹⁶ Джон Аллесбрук Саймон (род. 1873) — английский политический деятель, консерватор. В 1931—1935 гг. министр иностранных дел Англии; впоследствии занимал другие видные правительственные и парламентские посты. Активно участвовал в проведении политики «умиротворения» гитлеровской Германии, т. е. фактического покровительства ее вооружению, с тем чтобы натравить гитлеровцев на Советский Союз.

¹⁷ Говоря об «угрозе», Додд вновь обнаруживает, что он находился во власти предвзятых представлений о политике СССР. Советский Союз прилагал все усилия, добываясь действительного разоружения, а также организации коллективного отпора агрессору и ликвидации угрозы войны. Эти усилия наталкивались на упорное сопротивление империалистических держав.

¹⁸ Речь идет о Лейпцигском процессе (см. прим. 26 к главе I).

¹⁹ См. прим. 4 и 18 к главе I.

²⁰ Один из нацистских агентов, действовавших в США.

²¹ Энгельберт Дольфус (1892—1934) — реакционный австрийский политический деятель, в 1932—1934 гг. канцлер и министр иностранных дел. В феврале 1934 г. подавил восстание рабочих, возмущенных профашистским курсом правительства Дольфуса и наступлением на их жизненные права. При нем была провозглашена конституция фашистского образца, запрещены все рабочие организации. Ориентировался на Муссолини, чем вызвал недовольство гитлеровцев. Был убит гитлеровскими агентами.

²² См. прим. 6 к этой главе.

²³ Эрнст Рем (1887—1934) — один из нацистских главарей, с 1931 г. — начальник штаба штурмовых отрядов (СА). Возглавлял одну из клик внутри гитлеровской партии, ведших междоусобную борьбу в первый период пребывания Гитлера у власти. С целью ликвидации этих клик и утверждения своего «авторитета» Гитлер вместе со своими приверженцами устроил 30 июня 1934 г. кровавую резню, во время которой были убиты все подозревавшиеся в «оппозиционных настроениях», в том числе и Рем. Заодно во время «варфоломеевской ночи» 30 июня были уничтожены отдельные представители реакционных военных кругов, не во всем согласные с Гитлером.

²⁴ Финансовый фонд, основанный владельцами крупнейшего химического концерна «ИГ Фарбениндустри» якобы для поддержки культурно-просветительной деятельности, а в действительности для пропаганды германского империализма и подрывной деятельности в зарубежных странах.

²⁵ Альфред Розенберг (1893—1946) — один из нацистских главарей, ведущий «теоретик» и «идеолог» нацизма, усердно насаждавший расизм. Происходит из прибалтийских немцев, в годы Гражданской войны — белогвардеец. В 1941—1943 гг. был министром по делам оккупированных территорий Востока, повинен в массовом истреблении советских людей и жителей других восточноевропейских стран. Повешен по приговору Нюрнбергского трибунала.

²⁶ Люц фон Шверин-Крозигк (род. 1887) — один из видных нацистских деятелей, аристократ по происхождению. Был министром финансов на протяжении всего периода гитлеровской диктатуры. Военный преступник, повинен в организации ограбления захваченных Гитлером стран. После второй мировой войны благодаря своим связям с реакционными кругами западных держав избежал заслуженной кары.

²⁷ Сэмюэл Адамс (1722—1803) — американский политический деятель времен войны за независимость XVIII в., один из наиболее передовых идеологов американской буржуазии.

III

¹ Дело, разумеется, не в «менее агрессивных» настроениях японских империалистов, а в их боязни начать войну против СССР.

² Начальник экономического отдела германского министерства иностранных дел.

³ Коммунистическая партия Германии, как и другие политические партии, была официально запрещена в марте 1933 г. Террористический поход против компартии принял разнузданный характер сразу же после прихода к власти гитлеровцев.

⁴ Сэмнер Уэллес (род. 1892) — американский политический деятель и дипломат, при Рузвельте был заместителем государственного секретаря, помощником государственного секретаря, личным представителем президента. Проводя внешнюю политику Рузвельта, был в то же время сторонником «умиротворения» фашистских агрессоров. В 1943 г. из-за разногласий с государственным секретарем Хэллом вышел в отставку.

⁵ «Федеральная корпорация по реконструкции финансовой системы», или «Реконструктивная финансовая корпорация» — правительственная организация, официальной задачей которой было оздоровление американской финансовой системы, подорванной экономическим кризисом 1929—1933 гг. На деле являлась одним из каналов субсидирования монополий за счет налогоплательщика.

⁶ Города южных штатов, особенно отличающиеся разгулом американских расистов.

⁷ Юлиус Штрейхер (род. 1885) — один из видных нацистских главарей, близкий друг Гитлера. Организатор многочисленных еврейских погромов. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала, как один из главных нацистских военных преступников.

⁸ Встреча Гитлера и Муссолини в июне 1934 г. была организована с целью смягчить впечатление, произведенное на зарубежные страны германо-итальянскими разногласиями из-за Австрии. Она сыграла определенную роль в дальнейшем сближении между нацистской Германией и фашистской Италией и подготовке почвы для образования «оси Берлин—Рим», окончательно оформленной соглашением от 25 октября 1936 г.

⁹ Имеется в виду экономический кризис, разразившийся в США в октябре 1929 г. и очень скоро охвативший весь капиталистический мир.

¹⁰ Один из видных нацистских лидеров, «фюрер имперского сословия кормильцев», как на нацистском жаргоне именовались сельские хозяева, руководитель главного управления СС по вопросам расовой политики и переселения, министр продовольствия «третьей империи». Военный преступник.

¹¹ Имеется в виду проект пакта восточноевропейских стран о взаимопомощи в случае агрессии против одной или нескольких из них, выдвинутый СССР и Францией (см. прим. 21 к главе I).

¹² См. прим. 23 к главе II.

¹³ Густав Штресеман (1879—1929) — германский государственный деятель, в 1923—1929 гг. — министр иностранных дел, в 1923 г., кроме того, возглавлял правительство; один из наиболее рьяных поборников империалистической экспансии Германии, своей деятельностью во многом содействовал упрочению международных позиций германского империализма после первой мировой войны.

¹⁴ Рудольф Август Надольный (род. 1873) — германский дипломат, в 1932—1933 гг. возглавлял делегацию Германии на конференции по разоружению в Женеве. В 1933 г. был назначен послом в СССР, но в следующем году вышел в отставку и эмигрировал из Германии. С тех пор не играл активной роли. После второй мировой войны, находясь в Западной Германии, выступал в печати против действий западных держав, ведущих к расколу страны.

¹⁵ Рихард фон Кюльман (род. 1873) — германский дипломат кайзеровских времен, в 1917—1918 гг. был министром иностранных дел. Возглавлял германскую делегацию на мирных переговорах с Советской Россией в Брест-Литовске и в значительной мере несет ответственность за условия Брест-Литовского договора. С 1918 г. не у дел.

IV

¹ «План Дауэса» — план взимания репараций с Германии державами-победительницами в первой мировой войне, принятый в 1924 г. Назван по имени председателя комитета экспертов, разработавшего план, крупного американского банкира Дауэса. Основная цель «плана Дауэса» состояла в том, чтобы создать условия для возрождения германского военно-промышленного потенциала. Он послужил важной вехой на пути вооружения Германии и подготовки гитлеровской агрессии. В 1929 г. был заменен «планом Юнга», составленным комитетом под председательством главы американского треста «Дженерал электрик» Юнга. «План Юнга» служил тем же целям, что и «план Дауэса», но содержал еще больше поблажек германскому империализму, требования которого возрастали по мере укрепления его позиций. Ссылаясь на затруднения, связанные с мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг., Германия вскоре

отказалась от выплаты репараций. Этот шаг был согласован с американским правительством Гувера, объявившим в 1931 г. мораторий (отсрочку взносов в счет погашения долга) на один год. В следующем году «план Юнга» был формально отменен на Лозаннской конференции, что не помешало Германии в дальнейшем получать крупные займы на создание военной машины.

² Л. М. Хинчук — посол СССР в Германии в 1930—1933 гг.

³ Гарри Гопкинс (1890—1946) — американский политический деятель и дипломат, личный друг Рузвельта, один из его ближайших сотрудников. В рассматриваемый период был директором Федерального управления помощи безработным. С 1941 г. специальный помощник президента США. Являлся сторонником тесного сотрудничества между США и СССР, во время второй мировой войны выступал за оказание Советскому Союзу эффективной помощи. Вскоре после смерти Рузвельта вышел в отставку.

⁴ Американский банкир, один из руководителей «Нэшнл Сити бэнк».

⁵ Путч, во время которого Дольфус был убит, подняли нацисты, недовольные проитальянской ориентацией австрийского правительства. Гитлер рассчитывал уже тогда ввести в Австрию свои войска, но был вынужден воздержаться от этого вследствие отрицательной позиции Муссолини. После путча австрийским канцлером стал Шушнинг, приверженец идеи «великой Германии». Его политика подготавливала насильственное присоединение Австрии к Германии в марте 1938 г.

⁶ Ян де Витт (1625—1672) — голландский государственный деятель, выразитель интересов торговой буржуазии.

⁷ Додд в этом месте сильно идеализирует Гинденбурга, который был махровым реакционером, пособником гитлеровцев.

⁸ В сражении при Танненберге 28—30 августа 1914 г. германские войска под командованием Гинденбурга разбили русскую армию генерала Самсонова, наступавшую в Восточной Пруссии. Германская военщина всячески превозносит эту победу, усматривая в ней проявление «немецкого военного гения». В действительности она была одержана лишь вследствие бездарности и бездеятельности царских генералов Самсонова и Ренненкампа. На месте сражения германскими милитаристами был воздвигнут претенциозный монумент.

⁹ Эрих фон Людендорф (1865—1937) — германский генерал; во время первой мировой войны начальник штаба Гинденбурга (до 1916 г.), затем генерал-квартирмейстер (фактический главнокомандующий сухопутных сил); занимая этот пост, по существу, установил в Германии военную диктатуру. Рьяный сторонник нацистов, участвовал в «пивном путче» Гитлера в Мюнхене в 1923 г. (см. прим. 16 к главе I).

¹⁰ В древнегерманской мифологии — местопребывание душ воинов, павших в бою.

¹¹ Соединенные Штаты предоставили странам Антанты заем не для того, конечно, «чтобы помочь им спастись», а исходя из инте-

ресов американских банковских монополий, которые нажились на этом займе. Американские займы периода первой мировой войны, а затем периода между двумя войнами заложили основу положения США как всемирного кредитора, способствовали их превращению в центр финансовой эксплуатации мира.

¹² Главарь американских нацистов, во всем подражавший Гитлеру.

¹³ Макс Ильгнер (род. 1899) — один из крупнейших германских монополистов, руководитель военно-химического концерна «ИГ Фарбениндустри». Был членом президиума «Германо-американского экономического объединения», тесно связан с монополиями США. Нацистский преступник. При пособничестве монополистических кругов США избежал заслуженной кары и развил активную деятельность по возрождению концерна «ИГ Фарбениндустри» в Западной Германии.

¹⁴ Отто Штрассер (род. 1897) — первоначально один из главарей нацистского «движения», от которого откололся в 1930 г., организовав партию «Черный фронт», конкурировавшую с гитлеровской. В 1933 г. эмигрировал в Канаду. Вернувшись в 1955 г. в Западную Германию, предпринимал попытки объединить нацистские элементы.

¹⁵ Грегор Штрассер (1892—1934) — брат предыдущего, один из нацистских главарей, оспаривал у Гитлера титул «фюрера»; был убит во время событий 30 июня 1934 г. (см. прим. 23 к главе II).

V

¹ Имеется в виду официальная церемония принятия на себя Гитлером функций рейхспрезидента.

² Томас Маколей (1800—1859) — английский историк и политик либерального направления.

³ Вернер фон Бломберг (род. 1878) — германский фельдмаршал, отъявленный милитарист, поддерживал нацистов. В 1933—1938 гг. — министр рейхсвера; из-за разногласий с Гитлером, стремившимся диктаторски распоряжаться в министерстве рейхсвера, был отстранен от должности.

⁴ Командующий сухопутными вооруженными силами Германии генерал фон Фрич был смещен Гитлером одновременно с Бломбергом.

⁵ В действительности Шахт был одним из тех представителей финансового капитала Германии, которые активнее всего способствовали подготовке агрессии.

⁶ Комиссия, возглавлявшаяся сенатором Наем, производила обследование прибылей, полученных американскими военными промышленниками и банкирами во время первой мировой войны. Обследование было предпринято в связи с «новым курсом» Рузвельта. Материалы комиссии, содержавшие разоблачения связей между американскими и германскими промышленными магнатами, а также сведения о выполнении в США германских военных заказов вызвали в свое время сенсацию.

⁷ По Версальскому мирному договору Саарская область находилась под управлением Лиги наций. В результате плебисцита 13 (а не 11) января 1935 г., в ходе подготовки к которому нацисты прибегли к самым разнообразным средствам политического давления на население области, она была присоединена к Германии.

⁸ Пропагандистская кампания, развернутая гитлеровцами, которые надеялись облегчить проблему безработицы, побуждая городских жителей — выходцев из крестьянства «вернуться к земле». Эта затея потерпела неудачу. Проблема безработицы была «разрешена» в нацистской Германии в ходе создания миллионной армии и максимального расширения военного производства.

⁹ 9 октября 1934 г. во время встречи югославского короля Александра I в Марселе было совершено покушение на министра иностранных дел Франции Луи Барту. Оба были убиты. Барту активно выступал за обуздание нацистской агрессии и создание системы коллективной безопасности в Европе, был сторонником сотрудничества с СССР. По его инициативе Лига наций направила Советскому Союзу приглашение вступить в Лигу. Его деятельность вызвала ненависть фашистов. Барту и король Александр были убиты хорватскими террористами; организатором злодеяния являлся военный атташе Германии в Париже Ганс Шлейдель, впоследствии гитлеровский генерал и военный преступник, один из наиболее рьяных поборников возрождения германского милитаризма после второй мировой войны, ныне принадлежит к числу главных военных лидеров и идеологов Североатлантического блока. Преемником Барту на посту французского министра иностранных дел стал Пьер Лаваль, ставленник реакционных антисоветских и прогитлеровских кругов, проводивший политику попустительства нацистской агрессии.

¹⁰ Так называлась группа ближайших советников Рузвельта — политических деятелей, ученых, бизнесменов, занимавших различные посты в государственном аппарате. Возглавлял «мозговой трест» крупный финансист Джонсон. В него входили: Гарри Гопкинс (см. прим. 3 к главе IV), государственный секретарь Хэлл, в целом одобрявший политику Рузвельта, но считавший, что он «двигался слишком быстро и слишком далеко заходил со своими внутренними реформами», министр внутренних дел Гарольд Икес, видный историк, профессор Колумбийского университета Рексфорд Тагуелл, министр сельского хозяйства Генри Уоллес и др.

¹¹ Известный американский писатель Э. Синклер выдвинул в 1934 г. свою кандидатуру на выборах губернатора штата Калифорния, но не был избран.

¹² Генри Детердинг (1866—1939) — крупнейший английский промышленник, глава англо-голландской нефтяной компании «Ройял датч шелл», стоявшей до второй мировой войны на втором месте в капиталистическом мире среди нефтедобывающих предприятий. Щедро субсидировал Гитлера, покровительствовал фашистам в Англии.

¹³ В германских кругах, упоминаемых Доддом, имелось течение в пользу сближения с Советским Союзом; сторонники этого течения объявляли себя «продолжателями традиций Бисмарка», предостерегавшего от конфликта с Россией. Что касается Советского Союза,

то единственная цель, которой он от начала и до конца неизменно руководствовался в своих отношениях с любым государством, состояла в обеспечении и укреплении мира и расширении равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества.

¹⁴ Ганс Франк (1900—1946) — один из нацистских главарей. С 1939 г. — генерал-губернатор оккупированной Польши, несет ответственность за политику истребления польского народа и ограбления Польши. По приговору Нюрнбергского трибунала казнен как один из главных военных преступников.

¹⁵ Имеются в виду польско-германское соглашение об отказе от применения силы в отношениях между обеими странами, заключенное 26 января 1934 г. сроком на 10 лет, и подписанная тогда же декларация о «прочной дружбе» Германии и Польши. Оба документа представляли собой типичный пример гитлеровской дипломатии обмана и вероломства.

¹⁶ Герман Онкен (1869—1946) — известный немецкий буржуазный историк, издал 16-томный труд «Классики политики».

¹⁷ Вашингтонские договоры (о принципе «открытых дверей» в Китае, об ограничении морских вооружений и др.), заключенные в 1921—1922 гг. в результате конференции девяти держав (США, Англия, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Китай, Португалия и Голландия) по тихоокеанским и дальневосточным вопросам, лежали наряду с Версальским договором в основе системы, созданной после первой мировой войны империалистическими державами («Версальско-вашингтонская система»). В частности, Вашингтонские договоры усиливали позиции США на Дальнем Востоке и в области морских вооружений. Японские империалисты проявляли недовольство этими договорами, считая, что они ущемляют интересы Японии.

VI

¹ США не являлись членом Лиги наций и не участвовали в работе ее учреждений, хотя инициатором ее создания выступил президент Вудро Вильсон. Предложение о вступлении США в Лигу встретило сопротивление американских изоляционистов. Изоляционистские круги добились также отклонения упоминаемого Доддом предложения Рузвельта.

² Додд допускает в данном случае сопоставление, вновь свидетельствующее о том, что он находится во власти реакционной пропаганды, недостаточно знаком с историей СССР и не понимает сущности советской политики.

³ 16 марта 1935 г. был опубликован закон о введении в Германии всеобщей воинской повинности, отмененной согласно Версальскому договору. Гитлер отклонил протесты делегатов Антанты против этого нарушения договора. С тех пор всякая маскировка перевооружения Германии и создания миллионной армии агрессии была отброшена.

⁴ См. прим. 1 к главе I.

⁵ Фридрих Эберт (1871—1925) — германский политический деятель, один из лидеров правой социал-демократии. Первый рейсканцлер Германской республики после буржуазной революции 1918 г. Предал интересы рабочего класса монополистам и милитаристам и активно способствовал установлению в веймарской Германии реакционных порядков. В 1919—1925 гг. — рейспрезидент.

⁶ «Восточный пакт» («Восточное Локарно») — так назывался предполагавшийся договор восточноевропейских стран о коллективной безопасности, инициаторами которого выступили Франция и СССР. Договор не был заключен из-за сопротивления гитлеровской Германии и реакционных кругов других капиталистических стран. См. прим. 21 к главе I.

⁷ Конференция Англии, Франции и Италии в Стресе была посвящена вопросу о нарушении Германией Версальского мирного договора (см. прим. 3 к этой главе) и проходила 11—14 апреля 1935 г. Буржуазная печать подняла в тот период шумиху вокруг «фронта Стрезы», якобы созданного на конференции и противостоящего гитлеровской агрессии. На деле конференция не только не приняла никаких действенных мер, направленных на обуздание агрессора, но, наоборот, продемонстрировала готовность западных держав попустительствовать ему. На ней была, в частности, отклонена идея применения санкций к Германии в связи с нарушением Версальского договора. Стрезская конференция послужила немаловажным этапом в политике «умиротворения», поощрившей гитлеровскую Германию на развязывание второй мировой войны.

⁸ Ульрих Цвингли (1484—1531) — деятель религиозной реформации в Швейцарии.

⁹ См. прим. 15 к главе V.

¹⁰ Малая Антанта — политический союз Чехословакии, Югославии и Румынии (1920—1938 гг.), созданный для поддержания соотношения сил, сложившегося на Балканах и в Дунайском бассейне в итоге первой мировой войны. Деятельность ее была малоэффективной в результате политики великих империалистических держав и происков реакционных профашистских кругов во входивших в нее странах.

¹¹ Подписание 2 мая 1935 г. советско-французского договора о взаимопомощи вызвало беспокойство английских правящих кругов, которые подняли шум об «угрозе изоляции» Англии. Английские реакционеры выступали с требованием немедленного соглашения Англии с гитлеровской Германией. Письмо лорда Лотниана — одного из наиболее реакционных деятелей Англии 30-х годов, приверженца Гитлера, нужно рассматривать именно в этом свете.

VII

¹ Карл фон Осецкий (1889—1938) — немецкий писатель и публицист, издатель еженедельника «Вельтбюне», вокруг которого группировалась пацифистски настроенная интеллигенция. Был брошен нацистами в тюрьму; когда находился в заключении, ему была присуждена Нобелевская премия. Погиб в гитлеровском концлагере.

² Здесь Додд целиком во власти буржуазных представлений. «Сотрудничества» (а точнее: соперничества) США и Англии было отнюдь недостаточно для обеспечения мира. Мир можно было обеспечить лишь объединенными усилиями всех государств, посредством создания системы коллективной безопасности, за что неустанно боролся Советский Союз.

³ Лорд Астор — английский реакционный политик профашистского толка; его вилла в Клайвдене являлась центром прогерманской пропаганды. Требовал оказания максимальной поддержки нацистскому правительству в «спасении Европы от коммунистической угрозы».

⁴ Сын фельдмаршала Гинденбурга.

⁵ Джеймс Фарли — реакционный американский политик, сторонник Гитлера; после второй мировой войны вошел в состав безызвестного «Комитета борьбы за свободную Европу», целью которого является подрывная деятельность против социалистических стран.

⁶ Пронацистская организация, существовавшая в США.

⁷ Якоб Фуггер — немецкий банкир XV в. из Аугсбурга, один из первых представителей европейского капитализма.

⁸ Имеется в виду окончание войны за испанское наследство, неудачной для Голландии, которая должна была окончательно отказаться от соперничества с Англией за преобладание на море.

⁹ Здесь Додд снова обнаруживает, что находится во власти антикоммунистической идеологии.

¹⁰ Опять-таки в этом замечании проявляются ограниченные и предвзятые взгляды Додда.

VIII

¹ «Оппозиция» Шахта сильно преувеличена Доддом как здесь, так и в других местах книги. В действительности Шахт был ярым сторонником фашизма и одним из руководителей «третьего рейха». В своих критических замечаниях по адресу Гитлера он руководствовался лишь интересами укрепления фашистской империи. Характеризуя позицию Шахта, член Международного Военного трибунала от СССР И. Т. Никитченко заявил на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников: «Только в 1943 году Шахт, поняв ранее, чем многие другие немцы, неизбежность краха гитлеровского режима, установил связь с оппозиционными кругами, ничего, однако, не сделав для свержения этого режима. Не случайно поэтому Гитлер, узнав об этих связях, сохранил Шахту жизнь» («Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. 2, М., 1951, стр. 573).

² Один из законов, изданных Рузвельтом в порядке осуществления «нового курса». Принят в развитие «Закона о восстановлении национальной промышленности» (см. прим. 10 к главе I).

³ Имеются в виду сторонники политики Бисмарка, направленной на сохранение мирных и добрососедских отношений между Германией и Россией.

⁴ Альфред фон Тирпиц (1849—1930) — в 1897—1916 гг. морской министр Германии; фактически являлся главнокомандующим германским военно-морским флотом в годы первой мировой войны. Тирпиц был инициатором объявления странам Антанты «беспощадной подводной войны», которая ускорила вступление США в войну на стороне Антанты.

⁵ Соглашение Хора — Лавала было подписано 9 декабря 1935 г. в Женеве и формально предусматривало англо-французское «посредничество» в войне между Италией и Эфиопией. Фактически соглашение было направлено на то, чтобы оказать помощь итальянским агрессорам в превращении Эфиопии в колонию Италии. Эфиопское правительство категорически отклонило англо-французское «посредничество». Советский Союз оценил соглашение Хора — Лавала как попытку сговора между империалистами о колониальном порабощении Эфиопии.

⁶ «Клуб господ», или «Немецкий клуб», был создан в 1924 г. и объединял богатейших немецких монополистов и юнкеров (в 1934 г. он насчитывал 520 членов). Сыграл важную роль в подготовке прихода Гитлера к власти.

⁷ Имеется в виду англо-германская морская конференция, в итоге которой было заключено соглашение между Германией и Англией, установившее определенное соотношение между военными флотами обеих стран. Соглашение ознаменовало большие уступки Англии фашистской Германии и было проявлением реакционной политики «умиротворения» агрессора, кульминационным пунктом которой явился мюнхенский договор четырех стран — Англии, Франции, Германии и Италии.

⁸ Здесь Додд явно поддался выдумкам реакционной американской печати о «советской пропаганде» в США. Эти измышления, совершенно не соответствующие действительности, распространялись в явно клеветнических, антисоветских целях.

⁹ См. примечание 7 к этой главе.

IX

¹ Фашизм является открытой террористической диктатурой наиболее реакционных и агрессивных кругов империалистов, он крайне враждебен коммунизму и ничего общего с ним не имеет. Слова Тиссена отражали разногласия и борьбу за власть между отдельными группировками внутри нацистской партии.

² Советско-французский договор о взаимной помощи был подписан 2 мая 1935 г., но ратифицирован Францией лишь 27 февраля 1936 г. Договор обязывал обе стороны оказать немедленную помощь и поддержку той из них, которая явится объектом неспровоцированной агрессии со стороны третьей европейской державы. Договор был заключен сроком на 5 лет. Французские правящие круги фактически саботировали принятие каких-либо практических мер, которые соответствовали бы предназначению договора. Они, в частности, долго препятствовали переговорам советского и французского ге-

неральных штабов и после того, как в 1939 г. такие переговоры все же начались, поспешили вместе с английскими представителями сорвать их. С тех пор советско-французский договор потерял свое значение.

X

¹ Речь идет о фашистском мятеже генерала Франко, подготовленном Муссолини и Гитлером. Додд неправильно рисует позицию США в испанских событиях, пытаясь доказать, что американское правительство противодействовало этому. В действительности фактическая поддержка Франко американскими правящими кругами сыграла немаловажную роль в подавлении республики в Испании и захвате власти фашистским диктатором.

² Локарнские соглашения 1925 г., которые по замыслу их инициаторов были призваны обеспечить безопасность западных соседей Германии и «подталкивать» германскую агрессию в восточном направлении, были денонсированы Гитлером 7 марта 1936 г. После этого в Англии и Франции неоднократно выдвигались предложения о «новом Локарно». В июле 1936 г. английское и французское правительства предложили созвать совещание пяти стран-участниц (Англии, Франции, Италии, Германии и Бельгии) для выработки соответствующего нового соглашения. Однако гитлеровское правительство уклонялось от созыва новой локарнской конференции, не желая связывать себе руки какими-либо определенными обязательствами в отношении западноевропейских государств.

³ 25 октября 1936 г. было заключено германо-итальянское соглашение, оформившее «ось Берлин — Рим». Два фашистских государства установили «общность действий» для подготовки новых актов агрессии в Европе. Дипломатическая деятельность Италии и Германии в тот период была направлена на то, чтобы добиться от США, Англии и Франции формального признания захвата Эфиопии фашистской Италией, а также признания мятежного правительства Франко, т. е. фактической аннексии Испании германо-итальянскими войсками. Оказывая с этой целью дипломатический нажим на Вашингтон, Лондон и Париж, гитлеровские правители отклоняли предложения англо-французской дипломатии о созыве новой конференции европейских держав, наподобие локарнской.

⁴ Речь идет о так называемом «Антикоминтерновском пакте», подписанном Германией и Японией 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновский пакт, к которому впоследствии (6 ноября 1937 г.) присоединилась также Италия, оформил агрессивный союз фашистских государств, открыто взявших курс на подготовку новой войны, причем эта подготовка маскировалась измышлениями о «подрывной деятельности коммунистов».

⁵ Предложение, о котором говорит Дикгоф, носит чисто демагогический характер. С самого начала фашистского мятежа генерала Франко Италия и Германия осуществляли широкую интервенцию в Испании, посылая туда на помощь Франко регулярные войсковые соединения, включая авиачасти. В то же время они добивались запрещения присылки в Испанию добровольцев для поддержки рес-

публиканского правительства из других стран, в том числе и из Советского Союза. Советское правительство неоднократно разоблачало эту лицемерную игру германо-итальянской дипломатии, заявляя о поддержке Советским Союзом законного республиканского правительства Испании.

XI

¹ Слухи о тайных советско-германских переговорах систематически распространялись реакционной прессой в США, Англии и Франции с целью оправдать политику поощрения гитлеровской агрессии, которая проводилась правящими кругами этих стран. Видную роль в распространении подобных слухов играл корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» в Москве Дюранти. Советская печать неоднократно опровергала эти измышления и разоблачала их истинное предназначение.

² Подобное произвольное сопоставление фашистских режимов в Италии и Германии с политическим строем в СССР свидетельствует о полном непонимании автором сущности Советского государства.

³ Видные деятели так называемого изоляционизма в США, противники «нового курса», проводившегося Рузвельтом.

XII

¹ Речь идет о «деле» М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира и других видных военачальников Красной Армии, ныне полностью реабилитированных.

² Макензен грубо клеветает на Советский Союз. Как известно, СССР, решительно осуждая агрессию японского империализма и давая отпор его вооруженным антисоветским провокациям, не предпринимал никаких действий, которые можно было бы расценить как вмешательство в войну на Дальнем Востоке.

СОДЕРЖАНИЕ

Посол Уильям Додд и его «Дневник»	3
---	---

ДНЕВНИК ПОСЛА ДОДДА. 1933—1938

I. 8 июня 1933 г. — 11 октября 1933 г.	33
II. 12 октября 1933 г. — 4 марта 1934 г.	86
III. 5 марта 1934 г. — 8 июля 1934 г.	134
IV. 9 июля 1934 г. — 1 сентября 1934 г.	178
V. 5 сентября 1934 г. — 21 декабря 1934 г.	218
VI. 23 декабря 1934 г. — 21 мая 1935 г.	275
VII. 22 мая 1935 г. — 25 ноября 1935 г.	322
VIII. 26 ноября 1935 г. — 1 февраля 1936 г.	359
IX. 5 февраля 1936 г. — 29 июля 1936 г.	392
X. 7 августа 1936 г. — 25 декабря 1936 г.	427
XI. 29 декабря 1936 г. — 4 июня 1937 г.	468
XII. 5 июня 1937 г. — 28 сентября 1938 г.	513

Примечания	549
----------------------	-----

Додд, Уильям Эдвард

ДНЕВНИК ПОСЛА ДОДДА. 1933—1938.

Подготовлен к печати

Уильямом Э. Доддом-младшим и Мартой Додд.

Вступит. статья и комментарии

Д. Е. Мельникова и О. М. Накропина.

Пер. с англ. *В. Н. Мачавариани и В. А. Хинкиса.*

М., Соцэкгиз, 1961. 567 с.

9 (и) 7

Редактор *М. Ушомирский*

Младший редактор *Л. Процько*

Оформление художника *С. Данилова*

Художественный редактор *Н. Илларионова*

Технический редактор *Г. Смирнов*

Корректор *Г. Ефимова*

Сдано в набор 25 июня 1961 г. Подписано в печать
2 ноября 1961 г. Формат бумаги $84 \times 108 \frac{1}{32}$. Бумажных
листов 8,87. Печатных листов 29,11. Учетно-издатель-
ских листов 29,95. Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 30 к.
Заказ № 934.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3.